АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Археографический ежегодник

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

за 1989 год

Основан в 1957 г.
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

Ответственный редактор
доктор исторических наук,
профессор
С. О. ШМИДТ

МОСКВА «НАУКА»
1990

nslav

ББК 63.2
А87

8(п)
А-87
БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
854 37

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ, Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, М. П. ИРОШНИКОВ, С. М. КАШТАНОВ, А. А. КУРНОСОВ,
Б. Г. ЛИТВАК, Н. Н. ПОКРОВСКИЙ, А. С. ПРОКОПЕНКО, В. А. ЧЕРНЫХ

Рецензенты:
академик А. М. САМСОНОВ,
Ю. А. ТИХОНОВ

А87 Археографический ежегодник за 1989 год. М.: Наука, 1990.— 343 с.
ISBN 5-02-009529-X

Ежегодник включает статьи и сообщения по проблемам археографии, архивоведения и других специальных историко-филологических дисциплин, обзоры, описания и публикации документальных памятников отечественной истории. Публикуются новые материалы об отношении к реликвиям старины в первые годы Советской власти, о научных исследованиях Б. Н. Тихомирова, Н. Л. Рубинштейна, С. Н. Валка. Рассказ об архивах Е. А. Косминского и Н. В. Тимофеева-Ресовского ликвидирует еще одно «белое пятно» в исторической науке.
Для историков, архивистов, филологов.

А $\frac{0502000000-239}{042(02)-90}$ 51-90, II полугодие ББК 63.2

ISBN 5-02-009529-X

© Отделение истории, 1990
© Археографическая комиссия, 1990

inslav

I. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

И. Р. Гринина, С. С. Илизаров

40 ЛЕТ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ СЕРИИ «НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО»

В 1948 г. вышел в свет первый том академической серии «Научное наследство» [1]. Это издание является единственным в нашей стране сериалом, специально предназначенным для публикации источников по истории науки, и существует уже свыше четырех десятилетий. Однако до сих пор ни история этого археографического издания, ни методический опыт, накопленный в ходе его функционирования, практически не изучены. Хотя имеется несколько обзорных публикаций и рецензий [2], в том числе весьма интересных, их содержание практически не выходит за границы той информации, которая содержится, так сказать, на поверхности самого издания. Таким образом, главная задача видится в том, чтобы по возможности ввести историю и методику издания документов в этой серии и саму ее в целом в контекст развития отечественной археографии и источниковедения [3], изучения истории научных знаний и в конечном счете в историю нашего культурного строительства.

Конечно, любая дата условна. Любое временно́е явление, даже имеющее фиксированную точку отсчета, генетически связано с рядом предшествующих событий, явлений, процессов. Это общее положение справедливо и в отношении истории создания «Научного наследства». Сам факт публикации в 1948 г. первого тома сигнализировал как о принципиально новом археографическом явлении, так и о завершении определенного этапа развития научной мысли, начало которого приходится на 20—30-е годы.

Вопрос о генезисе историко-научного познания составляет особую страницу исторической науки. Здесь отметим лишь важнейшие моменты развития. Изучение истории научных знаний и накопление опыта анализа и публикации соответствующих источников происходило практически одновременно. В нашей стране с начала 20-х годов складывались благоприятные условия для профессионализации в этой области, стали возникать первые научно-исследовательские центры [4]. Крупнейшими были

[1] Первые четыре тома серии изданы в 1948—1961 гг. с периодичностью три — пять лет. Затем, с 1980 г., после почти 20-летнего вынужденного перерыва вышли тома с 5-го по 12-й.

[2] *Есаков В. Д.* Об издании документов по истории советской науки // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 281; *Александровская О. А.* Научное наследство // ВАН. 1981. № 5. С. 120—127; *Тамм И. Е.* Издание писем Н. И. Вавилова // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 318—321; и др. Что касается работ по истории археографии, то данное издание в них вообще не упомянуто.

[3] На важность подобной работы совершенно определенно указывал С. О. Шмидт еще более двадцати лет назад, когда писал: «Небесполезно было бы историкам-археографам учесть и опыт издания сочинений классиков естествознания (в этой области особенно велики заслуги академиков Н. И. и С. И. Вавиловых)... Здесь мы встречаем высокие образцы текстологии, а также источниковедческого анализа и научного комментирования. Тем самым возникает задача расширения привычного круга археографической проблематики» (*Шмидт С. О.* Советские историки и архивы // СА. 1968. № 6. С. 10—11). См. также: *Илизаров С. С.* Публикация источников по истории отечественного естествознания: (К постановке вопроса) // Актуальные вопросы теории, методики и истории публикации исторических документов. М., 1988. С. 24—37.

[4] Подробнее см.: *Баструкова М. С.* Из истории развития историко-научных исследо-

inslav

Комиссия по истории знаний (КИЗ) при Академии наук (Ленинград) и Секция естественных и точных наук при Комакадемии (Москва).

Комиссия по истории знаний возникла в 1921 г. по идее, инициативе и под руководством В. И. Вернадского, который, кроме всего прочего, был и одним из самых разносторонних и глубоких отечественных историков нашего столетия [5]. Характер и основные направления Комиссии в основном соответствовали традиционно академическим направлениям исследований (юбилейные научные заседания, тематические сборники и т. п.). Вместе с тем продолжалась и развивалась работа, начатая еще до революции, по изучению документального наследия и подготовке к публикации различных рукописных текстов М. В. Ломоносова, К. М. Бэра, К. Ф. Вольфа и др.

С самого начала несколько иначе строилась работа Комакадемии, где в 1924 г. по предложению О. Ю. Шмидта была создана Секция естественных и точных наук. Здесь весьма успешно формировался первый в мире центр марксистской историко-научной мысли. Определяя задачи Секции, ее председатель О. Ю. Шмидт акцентировал внимание на том, что «построение материалистической истории науки совершенно невозможно без тщательной предварительной работы. Каждую эпоху, каждый шаг вперед надо отдельно исследовать, надо накопить огромный фактический материал, а потом уже обобщать его. В этой работе необходимо участие историков-общественников, естественников, экономистов» [6]. Спустя несколько лет, в 1927 г., Секция была преобразована в Кабинет истории естествознания с задачей постепенного превращения его в исследовательский институт широкого историко-научного профиля. Институт по ряду причин так и не был создан, но именно в стенах Комакадемии формировался коллектив первых советских профессиональных историков науки (М. Я. Выгодский, Б. М. Гессен, Т. И. Райнов, С. Л. Соболь, О. А. Старосельская-Никитина, З. А. Цейтлин, С. А. Яновская и др.), внесших существенный вклад в историографию; многие из них уже в те годы начали плодотворную археографическую деятельность [7].

Важным событием для формирования источниковой базы истории науки явилась публикация с 1922 г. Госиздатом РСФСР первой советской серии «Классики науки». Весьма примечательно то, как понимали и определяли свои задачи издательство и редколлегия серии. В рекламной аннотации сообщалось: «В намеченную программу серии входит ряд отдельных книг и сборников, которые будут заключать в себе основные работы выдающихся ученых и *вместе составят связную историю науки*. В необходимых случаях оригинальные работы классиков будут снабжаться примечаниями компетентных специалистов» (курсив наш.— *Авт.*) [8]. Вопрос о том, в какой степени предельные, вершинные классические научные тексты, выстроенные во временной последовательности, способны составить связную историю науки, представляет отдельную методологически важную тему. Дело в том, что, определяя характер и круг источников, задается программа изучения прошлого. И наоборот, задавая программу, предсказывается вероятный источник ретроспективной информации, интересующей исследователя. Диалектика здесь тривиальная. Скажем, одно — положить в основу исторического исследования главный труд ученого, ставший классическим (образцовым, научительным), и совсем

ваний // ВИЕТ. 1978. Вып. 61/63. С. 34–47; *Илизаров С. С.* Материалы к историографии истории науки и техники: Хроника, 1917–1988 гг. М., 1989.

[5] *Микулинский С. Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988. С. 174–262; *Иванов Вяч. Вс.* В. И. Вернадский и история древности // ВДИ. 1988. № 4(187). С. 38–65.

[6] ВКА. 1925. № 12. С. 391. См. также: *Бастракова М. С.* Указ. соч. С. 41–42.

[7] Археографическая деятельность историков науки совершенно неизученная область. Как на редкое исключение можно указать на статью В. М. Суринова «Публикаторская деятельность Н. И. Вавилова» (АЕ за 1970 год. М., 1971. С. 219–231).

[8] *Ломоносов М. В.* Физико-химические работы (Сер.: Классики естествознания). М.; Пг., 1923. Кн. 8.

inslav

иное — подвергнуть анализу весь корпус его произведений, в ходе которого возможно и вероятно понимание и реконструкция самого процесса научного творчества, научного открытия.

Это небольшое отступление от последовательно-хронологического описания событий, приведших к созданию серии «Научное наследство», необходимо здесь для того, чтобы подчеркнуть следующее. Именно в преодолении понимания истории науки лишь только как перечня великих побед и «житий» великих творцов вне общенаучных, социально-экономических, социокультурных и прочих обстоятельств могла возникнуть и оформиться мысль о необходимости специального издания источников, тем более о специальной документальной серии.

В самом конце 20-х — начале 30-х годов, когда в АН СССР проходила коренная перестройка, работа Комиссии по истории знаний также получила мощный импульс и ускорение. В 1930 г. к руководству Комиссией пришел Н. И. Бухарин, незадолго до того избранный действительным членом АН СССР, и перед КИЗ основной задачей было поставлено изучение истории науки и техники всех времен и народов на базе марксистско-ленинской методологии[9]. Вскоре, в феврале 1932 г., на базе КИЗ был создан Институт истории науки и техники АН СССР (ИИНТ), в котором затем последовательно были интегрированы несколько исследовательских центров. Концентрация в одном месте специалистов, средств, научного аппарата, как известно, в определенной мере способствует решению больших и сложных задач.

Создание ИИНТ как единого академического исследовательского и координационного центра, в частности, способствовало росту внимания к проблемам накопления и изучения ретроспективной информации. С первых же шагов в ИИНТ начали энергично собирать и изучать вещественные источники[10]. Большое значение придавалось поиску и введению в научный оборот ранее неизвестных или забытых письменных источников. С 30-х годов началась продолжающаяся до сих пор работа по разбору и научному описанию Архива АН СССР за весь более чем двухвековой период его существования[11]. Описание важнейших собраний академического архива велось в тесном содружестве и архивистов, и историков науки, и естествоиспытателей. При непосредственном участии сотрудников ИИНТ Архив АН СССР подготовил и издал в конце 30-х годов ряд этапных для развития советской археографии документальных публикаций и описаний. Эти издания (например, «Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века» М.; Л., 1937) получили высокую оценку специалистов[12] и до сих пор являются важнейшими среди опубликованных источниками по истории отечественной и зарубежной науки.

Формирование источниковой базы истории науки проходило в рассматриваемый период различными путями. Продолжалось изучение рукописей М. В. Ломоносова, подготовка его полного собрания сочинений[13], исследовались и публиковались материалы других отечественных ученых, начинались такие большие предприятия, как комментированное издание сочинений И. Ньютона и Ч. Дарвина. Определенная лепта в образование корпуса источников вносилась и публикацией классических научных текстов, причем сразу в нескольких интересных сериях (отдельно по биоло-

---

[9] Архив истории науки и техники: Труды Института истории науки и техники/Под ред. Н. И. Бухарина и др. Л., 1933. Сер. 1. Вып. 1. С. 227.

[10] *Илизаров С. С.* Об опыте по сознанию Музея истории науки и техники // ВИЕТ. 1984. № 3. С. 137–146.

[11] Подробнее см.: *Блинова Л. И.* Работа Архива Академии наук СССР над материалами по истории науки // АЕ за 1974 год. М., 1975. С. 271–279.

[12] *Старосельская О. А.* История науки в работах Отделения истории и философии Академии наук СССР за 10 лет (1934–1944) // ИАН СССР. Сер. истории и философии. 1946. Т. III, № 2. С. 175.

[13] *Гринина И. Р.* Публикация произведений М. В. Ломоносова и развитие советской эдиционной археографии // Актуальные проблемы изучения и издания письменных исторических источников: Тезисы докладов научной сессии (Кутаиси, 18–20 окт. 1988). Тбилиси, 1988. С. 47–49.

inslav

гии и медицине, сельскому хозяйству, так называемым точным наукам и т. п.).

Нетрудно заметить, что все названные мероприятия больше носили общенаучный, общекультурный характер, нежели специальный, историко-научный. Кроме ряда смежных изданий (общеисторических, архивоведческих, археологических и т. п.), у историков науки был единственный специальный (непериодический) орган — «Архив истории науки и техники». Но, несмотря на его название в «Архиве» относительно мало публиковалось документов: основное содержание составляли тексты научно-исследовательских работ. Между тем необходимость специального археографического издания ощущалась отчетливо.

Пока нам не удалось обнаружить прямых доказательств, но все же, очевидно, мысль о специальном издании источников по истории науки и, возможно, сама идея серии «Научное наследство» зародились в стенах ИИНТ. Косвенным образом об этом свидетельствуют и первый состав редколлегии «Научного наследства», состав авторов, готовивших публикации, наконец, сами публикации, их содержание. Дело в том, что судьба ИИНТ (закрыт в феврале 1938 г.), его директора Н. И. Бухарина и ряда сотрудников не благоприятствовала тому, чтобы издание «Научного наследства» связывалось с деятельностью оплота «троцкистско-бухаринского вредительства на фронте истории науки и техники». Чрезмерная централизация, создание сначала единого, а затем и единственного научного центра в лице ИИНТ сыграли роковую роль в последующие десятилетия в судьбе истории науки как самостоятельной исследовательской области. Ровно через два года после закрытия Института, в феврале 1940 г., С. И. Вавилов писал: «Позволительно вообще отметить, что судьба и участь истории науки довольно плачевны» [14]. В ряду других попыток и усилий восполнить образовавшийся вакуум [15] и следует рассматривать решение РИСО АН СССР об издании сборников «Научное наследство», принятое в июле 1940 г.

До последнего времени история серии начиналась с 1948 г. Однако найденный в фонде выдающегося советского историка науки С. Л. Соболя небольшой комплекс документов позволяет внести существенные коррективы в предысторию этого археографического издания. Итак, 10 июля 1940 г. на заседании РИСО АН СССР состоялось решение об издании «Научного наследства» [16]. В состав редколлегии вошли: Г. Ф. Александров, А. А. Борисяк, С. И. Вавилов, В. И. Вернадский, В. М. Гальперин, Б. Д. Греков, А. М. Деборин, В. Л. Комаров (главный редактор), Б. Г. Кузнецов, М. Б. Митин, Т. И. Райнов, С. Л. Соболь, С. Г. Струмилин, А. Е. Ферсман, Е. А. Чудаков, О. Ю. Шмидт, П. Ф. Юдин.

В редколлегии были представлены как крупнейшие ученые, так и деятели науки того времени — 12 членов Академии наук, а также несколько ведущих специалистов в области истории науки. Характерно также то, что возглавил издание президент академии, который сам был знатоком истории науки и профессионально ею занимался [17]. Это придавало особый авторитет намечавшемуся изданию и указывало на значимость дела публикации источников по истории науки.

Уже в начале 1941 г. был подготовлен развернутый проект первого сборника с весьма внушительным объемом — свыше 100 п. л., не считая 250—300 иллюстраций [18]. В восьми разделах сборника намечалось 55 документальных публикаций, обзоров, статей.

---

[14] Ломоносов: Сб. статей и материалов/Под ред. А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского (Труды Комиссии по истории Академии наук). М.; Л., 1940. С. 4.

[15] Известно, что после уничтожения ИИНТ предпринималось несколько весьма интересных по идеям попыток воссоздать историко-научный центр. Очевидно, наиболее активная роль принадлежала создателю КИЗ. См.: *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 295—297, 348.

[16] НА ИИЕТ. Ф. С. Л. Соболя. Д. 37. Л. 25.

[17] *Комаров В. Л.* Избранные сочинения. М.; Л., 1948. [Т.] 11.

[18] НА ИИЕТ. Ф. С. Л. Соболя. Д. 37. Л. 27—33.

inslav

В первом разделе, озаглавленном «У истоков современной науки», предполагалось дать обзор неизданных византийских рукописей научного характера; в трех публикациях отводилось место арабской средневековой науке и трудам мусульманских ученых Средней Азии. Далее следовала бы первая на русском языке публикация трактата небезызвестного рыцаря Пьера де Марикура «Послание о магните» (август 1269 г.), который отражает раннюю историю магнетизма и зарождение в науке Западной Европы экспериментального метода. Завершался раздел также первой на русском языке и вообще первой иностранной публикацией теоретического трактата об экспериментальном методе английского ученого XVII в. Роберта Гука.

Характерен второй раздел «Борьба за гелиоцентрическое учение», в котором намечалась публикация важнейших произведений предшественников и основоположников гелиоцентрической системы мира — от Аристарха Самосского до Галилео Галилея и Иоганна Кеплера. Последний был представлен ранее не издававшимся эпистолярным наследием научного содержания из Архива АН СССР.

Публикации третьего раздела «Из истории эволюционного учения» в основном были связаны с именем Эразма Дарвина — автора известной дидактической поэмы «Храм Природы», деда Чарльза Дарвина.

Следующие — четвертый и пятый — разделы посвящались истории науки в России соответственно XVIII и XIX столетий. Здесь были представлены такие документы, как материалы Петра I о развитии культуры и науки, неизданные произведения М. В. Ломоносова, переписка В. Н. Татищева, статья И. П. Кулибина, часть «Каспийского дневника» К. Бэра, материалы П. Л. Чебышева, Б. С. Якоби, Д. И. Менделеева, И. И. Мечникова. Здесь же, в пятом разделе, фактически самостоятельным подразделом намечалось к опубликованию научное наследие М. Н. Погодина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, В. В. Бартольда.

Интересен шестой раздел «Ученые корреспонденты Маркса и Энгельса», материалы для которого были подготовлены сотрудниками ИМЭЛ. Здесь предполагалось издать письма ряда крупных ученых и философов, с которыми вели переписку К. Маркс и Ф. Энгельс. Среди корреспондентов Ч. Дарвин, К. Шорлеммер, Г. Роско, Л. Фейербах, И. Дицген, М. М. Ковалевский и др.

Седьмой раздел выделялся по видам публикуемых документов — неизданное эпистолярное наследие ряда русских и иностранных ученых конца XVII — начала XX в.: П. С. Лапласа, К. Ф. Гаусса, братьев В. О. и А. О. Ковалевских, С. В. Ковалевской, И. И. Мечникова, П. Н. Лебедева, В. О. Ключевского, А. А. Шахматова.

Первый сборник планировалось завершить обзорным разделом «Наука в рукописных собраниях СССР» по материалам архивов Москвы и Ленинграда. Причем описанию подвергались как большие архивные собрания (фонды Д. И. Менделеева, И. И. Мечникова, шведского ученого И. Я. Берцелиуса, хранящиеся в ГПБ), так и отдельные рукописи (московская рукопись произведений Д. Бруно).

Как видно из проекта, первый том «Научного наследства», подготовленный к началу 1941 г., представлял весьма солидное издание. Структура и содержание сборника в определенной мере отражали существовавшие основные направления исследований по истории науки, причем, и это важно выделить, в понятие «науки» вкладывался широкий смысл. Об этом свидетельствует включение в состав публикации неизданных произведений нескольких крупных историков, а также эпистолярного наследия В. О. Ключевского и А. А. Шахматова. Поэтому в числе исследователей-археографов, готовивших материалы сборника, оказались не только профессиональные историки естествознания (И. Н. Веселовский, В. П. Зубов, Б. Е. Райков, Т. И. Райнов, С. Л. Соболь, А. П. Юшкевич и др.) и ряд ученых-естественников, но и арабист И. Ю. Крачковский, историки А. И. Андреев, А. Д. Люблинская, М. В. Нечкина, В. И. Пичета, Н. Л. Рубинштейн и др. К сожалению,

inslav

намечавшееся тогда творческое сотрудничество специалистов в области общей истории и истории естествознания впоследствии оказалось нарушенным.

Говоря об основных тематических направлениях исследований по истории науки, нельзя не отметить тот факт, что в первом сборнике «Научного наследства» большинство их нашло отражение. Во-первых, развитие науки уже тогда рассматривалось в самом широком историческом и географическом аспектах — наука всех времен, с глубокой древности, и всех народов, внесших большой или малый вклад в накопление научных знаний. Характерной чертой отечественной историко-научной школы являлось то внимание, которое проявлялось к изучению науки на мусульманском средневековом Востоке. Советские историки были в числе первых в этом направлении. Все это в той или иной мере нашло отражение в первом разделе сборника, документы которого были посвящены зарождению и развитию истоков современной научной картины мира. Остальные разделы строились по важнейшим революционным вехам в развитии науки—гелеоцентрическое учение, эволюционное, марксизм. Из них два раздела отражали, в свою очередь, зарождение и развитие науки в нашей стране с начала XVIII столетия. И наконец, как уже отмечалось, несколько нарушая тематическую структуру сборника, седьмой раздел, сформированный по принципу одного вида публикуемых документов — писем русских и иностранных ученых.

Абсолютное большинство документов впервые тогда предполагалось ввести в научный оборот. Лишь восемь публикаций являлись переводом ранее изданных работ. Но следует подчеркнуть, что все они были практически недоступны для советских исследователей даже на языке оригинала. И лишь только одна публикация воспроизводила бы уже издававшийся на русском языке перевод «Храма Природы» Эразма Дарвина [19].

Кроме рассмотренного проекта первого сборника, в начале своей деятельности редколлегия «Научного наследства» запланировала еще два. Один из них — том, посвященный И. Ньютону,— намечался к изданию в 1942 — начале 1943 г. в связи с исполнявшимся 300-летием со дня рождения ученого. В содержании краткой аннотации ньютоновского тома мы находим документальное подтверждение высказанному выше соображению о том, что сама идея и отчасти первые материалы для сборников «Научного наследства» сформировались в ИИНТе. Как следует из этого документа, первый раздел тома, посвященного И. Ньютону, должны были составить материалы его научной переписки: «Большая часть писем И. Ньютона была переведена в Академии наук СССР несколько лет тому назад, но оставалась неизданной. Из них можно выбрать важнейшие, объемом до 25 авт. листов. Письма должны быть снабжены общей вводной статьей и каждое в отдельности — комментарием; предположительный объем около 15 листов» [20]. Эту цитату можно расшифровать следующим образом. В середине 30-х годов Государственное технико-теоретическое издательство готовило издание первого в мире Полного собрания сочинений И. Ньютона в семи томах под общей редакцией С. И. Вавилова. Подготовку первого (биографического) и седьмого (содержащего научную переписку ученого) томов взял на себя ИИНТ. Именно сотрудниками этого института и была проведена огромная работа по переводу и подготовке к изданию переписки Ньютона [21], причем предполагалось издать не только уже опубликованные в различных зарубежных сборниках письма, но также рукописи, специально выписанные из Кембриджа, где они хранились в так называемой Портсмутской коллекции. Поскольку

---

[19] Первое издание на русском языке поэмы «Храм Природы, или Происхождение общества», написанной в самом конце XVIII в., вышло в 1911 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» в непревзойденном переводе выдающегося зоолога и известного переводчика Н. А. Холодковского. В 1954 г. поэма была издана отдельной книгой.

[20] НА ИИЕТ. Ф. С. Л. Соболя. Д. 37. Л. 34.

[21] См.: Архив истории науки и техники. М.; Л., 1936. Вып. 9. С. 421–422.

inslav

задуманное семитомное собрание сочинений не было осуществлено, то редакция «Научного наследства» и могла воспользоваться практически готовой работой.

Второй раздел «ньютоновского» тома должны были составить также весьма интересные материалы о проникновении сочинений и идей Ньютона в русскую научную литературу.

Третий сборник «Научного наследства» планировался к изданию в 1942 г. в связи с намечавшимся 450-летним юбилеем открытия Америки. Задуманное издание представляло научный и практический интерес, так как там предполагалось документально показать вклад российских ученых, землепроходцев, предпринимателей и т. п. XVII—XX вв. в деле изучения и открытия отдельных частей Нового Света. Это издание потребовало бы большой предварительной работы с архивными материалами, поскольку лишь малая часть соответствующих документов была издана в разные годы.

По всей видимости, если бы не война, то первый том «Научного наследства» вышел бы не через семь лет — в 1948 г., а значительно раньше.

Когда в середине 40-х годов были созданы Институт истории естествознания (ИИЕ) АН СССР [22] и ряд других исследовательских центров [23], вновь возникли сравнительно благоприятные условия для возобновления идеи издания «Научного наследства». Этому же способствовала проходившая в 40-х годах переориентация историко-научных изысканий, когда чуть ли не главным их содержанием провозглашался поиск приоритетов, «чтобы дать отпор посягателям на право русского первородства в великих делах» [24]. Позитивным результатом этих процессов явился целенаправленный архивный поиск, и вопрос о публикации документов приобрел особую актуальность.

В деятельности ИИЕ подготовка к изданию первого тома «Научного наследства» явилась одной из первых больших исследовательско-организационных работ. Поскольку основной труд по формированию сборника был проведен еще до войны, то на первом этапе главной задачей являлись отбор и доработка ранее подготовленного материала. Это наглядно подтверждает следующее. Создание ИИЕ было утверждено на заседании Президиума АН СССР 9 февраля 1945 г. [25], а спустя всего чуть более полугода, в октябре первый том объемом более 60 а. л. был утвержден РИСО и сдан в издательство [26]. Находясь в производственном отделе академического издательства с апреля 1946 г., он был включен в план выпуска 1947 г. [27]

Сравнивая подготовленный до войны проект сборника и содержание первого опубликованного тома, видим, что основные отличия имели только структурный характер. Вместо семи разделов в первом варианте сборник теперь состоял из двух частей. Первая включала материалы по истории русской науки, вторая — по истории естествознания за рубежом.

---

[22] Весьма показательно, что созданию ИИЕ предшествовала встреча В. Л. Комарова с И. В. Сталиным. На следующий день после этой встречи и получения верховной санкции 22 ноября 1944 г. было принято соответствующее постановление. См.: *Кузнецов Б. Г.* Встречи. М., 1984. С. 33.

[23] См.: *Илизаров С. С., Лежнева О. А.* Институт истории естествознания и техники. Развитие и организация изучения истории науки и техники. М., 1989.

[24] *Данилевский В. В.* Русская техника. Л., 1948. С. 468.

[25] НА ИИЕТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 5. На ИИЕ возлагалась разработка истории мирового и особенно русского естествознания, хранения и публикации научного наследства классиков русской науки.

[26] И в самом тексте 1-го тома встречаются указания на то, что значительная часть материалов, подготовленных до войны, была полностью использована при издании. Например, И. Ю. Крачковский, предваряя текст своей работы, счел целесообразным указать, что она «была сдана в редакцию в конце 1940 г. и печатается без накопившихся дополнений или изменений» (Научное наследство. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 626).

[27] НА ИИЕТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 107. Причины задержки издания более чем на год (подписан к печати лишь в мае 1948 г.) остались не выяснены. Скорее всего, они носили чисто технический характер, учитывая сложность подготовки к публикации такого большого по объему материала.

inslav

Отправной точкой для первого тома был выбран XVIII век. Сборник открывался первой публикацией записки М. В. Ломоносова о своих ученых трудах (1764 г.). Далее следовала работа известного деятеля науки и техники XVIII в. И. П. Кулибина. XIX век в истории русской науки был представлен тематическими подборками документов таких выдающихся ее представителей, как К. М. Бэр, Д. И. Менделеев, В. О. и А. О. Ковалевские, И. И. Мечников, П. Н. Лебедев. Как видно, вся первая часть соответствовала одному из разделов проекта 1941 г.

Вторая, меньшая по объему часть содержала обзор (с частичной публикацией в тексте) средневековой арабской математической географии, подготовленный И. Ю. Крачковским. Затем шли публикации трактата Роберта Гука и писем ряда крупных ученых XIX в. (П. С. Лапласа, К. Ф. Гаусса, Ф. В. Бесселя и др.) к петербургскому академику астроному Ф. И. Шуберту [28].

В редакционном предисловии к первому тому, написанному, как мы считаем, его редактором Т. И. Райновым [29], в общем виде были изложены основные принципы и идеи, которые вкладывали составители и редакторы серии, издавая документы по истории науки.

С самого начала подчеркивалось, что серия возникла по инициативе В. Л. Комарова. Основная задача ее состоит в публикации неизданных научных произведений, дневников, воспоминаний и переписки выдающихся отечественных ученых, в публикации подобных же трудов иностранных ученых, преимущественно соприкасавшихся с нашей страной, наконец, в публикации в оригиналах и переводах малоизвестных или незаслуженно забытых научных произведений. «...Комментированное издание первоисточников,— подчеркивалось в предисловии,— крайне необходимо для планомерной разработки истории науки» [30].

Очень важно, что здесь обосновывалась необходимость систематического и планомерного извлечения из архивохранилищ документов первостепенного культурно-исторического значения. Это необходимо, говорилось в предисловии, для подлинно научной реконструкции картины развития отечественной науки, для широких кругов исследователей и всех интересующихся прошлым.

В рассматриваемом предисловии была намечена ближайшая и перспективная программа следующих сборников. Планировалось издание большого труда К. М. Бэра, посвященного исследованию вечной мерзлоты в Сибири, а также полное описание всего огромного архива этого ученого. Из материалов, подготовленных еще до войны, предполагалось издать документы Петра I, носящие научный характер. Значительную часть будущих томов должны были составить эпистолярные материалы Д. И. Менделеева, А. Г. Столетова, Н. А. Жуковского, Е. С. Федорова, И. И. Мечникова и др. Определенное место предполагалось уделять обзорам архивов ученых (А. А. Ухтомского, Берцелиуса) и другим собраниям (рукописи естественнонаучного содержания, хранящиеся в Матенадаране). Из задач, рассчитанных на более далекую перспективу, планировалась работа над документами, характеризующими зарождение и развитие научных знаний в Древней Руси, Закавказье и республиках Средней Азии.

Программа публикации документов в серии «Научное наследство» не полностью, но в значительной части была реализована в последующих томах. По архивным материалам нам удалось установить, что еще в 1945 г., т. е. при жизни В. Л. Комарова, редакция имела представление о составе и содержании второго тома серии и планировала сдачу его в

[28] Из архивного варианта оглавления первого тома следует, что в процессе редподготовки из издания были сняты две работы: обзор А. П. Юшкевича «Омар Хайям и его „Алгебра“» и трактат Пьера де Марикура, подготовленный к изданию Т. И. Райновым в переводе и с примечаниями В. П. Зубова (НА ИИЕТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 123).

[29] Об этом свидетельствует один из рукописных вариантов предисловия с автографом и правкой Т. И. Райнова (Там же. Оп. 1. Д. 27. Л. 112–118).

[30] Научное наследство. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 1.

inslav

производство в конце 1946 г.[31] Однако подготовка и публикация затянулись на несколько лет[32]. Материалы поступали до середины 1947 г. К тому времени относится составление окончательного проекта содержания второго тома, из которого видно, как постепенно сокращался материал, относящийся к истории зарубежной науки. В результате вышедший только в 1951 г. этот том оказался целиком состоящим из документов по истории отечественной науки.

Изданный со значительным опозданием второй том серии по своему типу (тематическая публикация) в принципе не отличался от предыдущего. Почти весь объем составили документы, относящиеся к XIX в.— времени активного развития естествознания в России. Это были довольно значительные комплексы документов (научные труды, доклады, переписка, дневники, автобиографии и т. п.) химиков А. М. Бутлерова, Д. И. Менделеева, кристаллографа Е. С. Федорова, физика Н. А. Умова, биологов и физиологов К. Ф. Рулье, И. М. Сеченова, И. П. Павлова, Н. Е. Введенского, основоположника геохимии В. И. Вернадского и почвоведения В. В. Докучаева.

Не очень понятны принципы расположения материала внутри сборника (порядок соответствует перечисленным именам). Комплексы документов, посвященных отдельным ученым, располагались не по хронологическому признаку: в середине тома были изданы материалы биологов XVIII в. А. М. Шумлянского и А. А. Каверзнева, а почти в самом конце — документы знаменитого А. Т. Болотова. Незаметно здесь и какой-либо попытки сгруппировать материал «по рангу» того или иного естествоиспытателя, что бывает иногда в документальных публикациях. Логичнее всего было бы объединить документы в группы по наукам. Это напрашивалось само собой, так как налицо комплексы документов по истории биологии, химии и т. п. Неправомерно также, на наш взгляд, структурное выделение в конце тома мизерного подраздела (23 с. из более 1100), названного «Отдельные публикации», в котором были помещены пять писем сподвижника Петра I Я. В. Брюса к петербургскому академику И.-Г. Лейтману и впервые переведенные на русский язык два небольших зоологических этюда Н. Н. Миклухо-Маклая.

Издание первых двух томов в определенном смысле подвело черту развития публикационной деятельности в области истории научных знаний. На первом этапе существования серии шло прямое заимствование идей и конкретных материалов, подготовленных в довоенные годы. Во многом эта преемственность определялась тем, что с самого начала на всех этапах издание возглавлял один человек — президент Академии наук В. Л. Комаров. Вокруг него группировался небольшой исследовательский коллектив, который и был основным инициатором всего начинания. По сравнению с довоенной редколлегией, состоявшей из 17 членов, в редколлегию первого опубликованного тома входили С. И. Вавилов, А. М. Деборин, В. Л. Комаров, Б. Г. Кузнецов и Т. И. Райнов. После смерти В. Л. Комарова в 1945 г. ответственным редактором серии стал член-корреспондент АН СССР Х. С. Коштоянц, который возглавил и ИИЕ. К 1951 г., т. е. ко времени издания второго тома, состав редколлегии пополнился специалистами—историками науки Л. Ш. Давиташвили, С. Л. Соболем, Н. А. Фигуровским, А. П. Юшкевичем.

Примечательный факт для истории археографии: сборники «Научное наследство», получившие с самого начала статус академической серии и выходившие как титульное издание ИИЕ, являлись как бы особой подсерией. На это указывал подзаголовок на контртитуле первого тома: «Научное наследство. Естественно-научная серия», а в предисловии это расшифровывалось следующим образом: «Кроме того, сдается в печать том

[31] НА ИИЕТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2.

[32] Во многом это оказалось связанным с происшедшим в начале 1946 г. резким сокращением штатов ИИЕ и ассигнований. Если в 1945 г. институт располагал 45 штатными единицами, то в начале 1946 г.— лишь 23 (Ф. 3. Оп. 1. Д. 22. Л. 9, 2, «Отчет о деятельности за 1946 год»).

inslav

1 другой серии, историографической, издаваемой Комиссией по истории исторических наук»[33].

Как уже отмечалось, под обложками первых двух томов оказались объединены самостоятельные группы документов разного времени и происхождения. На первом этапе существования серии, пожалуй, наиболее слабым местом были контрольно-справочные сведения. В легендах к документам, помещенных в этих томах, во многих случаях нет не только большинства важнейших элементов, но и вообще какие-либо контрольно-справочные сведения можно отыскать только путем немалых усилий в предисловии (в любом месте), в комментариях и т. п. Очевидно, в начале работы серии на это не обращалось особого внимания. Не были также упорядочены в систему примечания и комментарии. Во всех случаях не производилось разделения примечаний на текстуальные и по содержанию. Иногда комментарии подменялись кратким именным указателем.

Характер первых томов в принципе исключал наличие сводных указателей и приложений. Приложения вообще были крайне редки и в основном относились не к публикуемым документам, а к вводным статьям. Но при этом и те немногие приложения, что были, не указывались в оглавлении, и узнать об их существовании можно только в процессе изучения самой публикации. Впрочем, изначально редакция и не ставила задачи, чтобы примечания и комментарии давали исчерпывающий справочный материал. Еще в общем предисловии к первому тому Т. И. Райнов отмечал, что при подготовке к печати разнохарактерного материала, относящегося к разным эпохам и к представителям разных наук, пришлось столкнуться с целым рядом трудностей[34]. Это относилось к вопросам принципа расположения писем, передачи орфографических особенностей, характера примечаний и т. д. Выход из этого искали в дифференцированном подходе, в учете специфических особенностей каждого текста. Так, в одном случае письма располагались в хронологическом порядке, в другом — в тематическом. Только для документов XVIII в. декларировалось сохранение орфографии и пунктуации подлинников. Именно этот последовательно проведенный принцип позволил Л. Б. Модзалевскому подготовить одну из лучших публикаций произведений М. В. Ломоносова[35]. Первое издание важнейшей автобиографической работы «Роспись сочинениям и другим трудам советника Ломоносова» (1764) сопровождалось исключительно полными и глубокими комментариями; значение и особая ценность этого документа исчерпывающе пояснялись в предисловии. В собственно археографической части предисловия Л. Б. Модзалевский дал описание внешних особенностей рукописи и содержания сборника, в который она была включена, проведя скрупулезный анализ, датировал документ и показал его место во всей системе автобиографических произведений М. В. Ломоносова.

В целом в первом и втором томах серии «Научное наследство» археографическая практика соответствовала общему состоянию публикационной деятельности тех лет[36]. Здесь имелись и археографически слабые публикации, с невыраженной мотивировкой самой необходимости издания того или иного документа, и образцы высокой археографии, когда и сам факт публикации текста, и то, как исчерпывающе полно он был оснащен археографически, вполне выдерживают проверку с позиций самых строгих современных научных критериев. Последнее в большей сте-

[33] Научное наследство. Т. 1. С. 2. Комиссия по истории исторических наук была образована в 1946 г. (см.: ИАН СССР. Сер. истории и философии. 1947. № 3. С. 303–304). Однако специальная историографическая серия «Научное наследство» так и не увидела свет.

[34] Научное наследство. Т. 1. С. 6.

[35] Сравнивая публикацию Л. Б. Модзалевского с тем, как передан текст этого документа в 10-м т. Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова (С. 396–404), обнаружили свыше 200 (!) разночтений. Согласно выработанным в конце 40-х годов правилам, все документы М. В. Ломоносова в Полном собрании сочинений печатались по нормам современной пунктуации и орфографии, что неизбежно вело к эмендации текста.

[36] См.: *Валк С. Н.* Советская археография. М.; Л., 1948.

inslav

пени относится к публикациям, подготовленным В. П. Зубовым, С. Л. Соболем, Н. А. Фигуровским и некоторыми другими историками науки, профессионалами высокого качества.

Начиная с третьего тома, определенно легче анализировать археографические особенности серии, так как во всех последующих томах (за единственным исключением) публиковались документы, связанные с жизнью и деятельностью одного лица. Причем для издания могли подбираться источники одной разновидности (чаще всего письма) или же жестко организованные комплексы разнородных документов.

Содержание третьего тома серии, изданного лишь в 1956 г., составили неопубликованные работы, переписка и иные документы, связанные с жизнью и деятельностью И. М. Сеченова. Сборник имел два предисловия — малоинтересное историческое, в котором с аффектированным пафосом доказывалась значимость публикуемых документов, и редакционное, имевшее ярко выраженный археографический характер. В нем не только содержались правильно оформленные контрольно-справочные сведения, но и впервые в практике издания серии «Научное наследство» были ясно изложены правила передачи текста и археографического оформления. Отметим наиболее существенные моменты: «Каждый документ имеет порядковый номер и заголовок. При сохранении заголовка это отмечается в подстрочных примечаниях. Пропуски в тексте документов обозначаются отточиями, и в заголовках таких документов, кроме писем, делается оговорка: «из протокола», «из сообщения...» и т. д. Содержание опущенных частей текста в подстрочных примечаниях не излагается. Документы без точных дат датированы составителями. В примечаниях даются обоснования датировки. Пометки и резолюции на документах, имеющие канцелярский характер, не воспроизводятся. Дополнения сокращенных и недописанных слов в документах, внесенные при археографической обработке текста, заключены в прямые скобки. Подчеркнутые в автографах и подлинниках слова воспроизводятся разрядкой...» [37]

Раскрытые в редакционном предисловии принципы издания и археографического оформления были в основном реализованы в этом томе, что избавляет от необходимости подробного рассмотрения самой публикации. Кстати, здесь впервые в серии употреблен термин «легенда». Комментарии были фактически подменены минимальными подстрочными примечаниями с расшифровкой имен, встречавшихся в публикуемых текстах. К публикации прилагался глухой именной указатель и список сокращений.

Несравненно более удачным является следующий, четвертый том серии, вышедший в свет в 1961 г. Этот том составили 359 писем 53 русских химиков к основоположнику крупнейшей отечественной школы химиков XIX в. А. М. Бутлерову. Такая публикация, сравнительно редкая в практике археографии, когда отбирается для издания комплекс источников, так сказать, отраженного характера, мотивировалась тем, что все 40 сохранившихся писем самого А. М. Бутлерова были изданы раньше [38]. Огромная доля большого эпистолярного наследия Бутлерова оказалась утерянной, и публикация писем его многочисленных корреспондентов преследовала еще эвристические цели, так как могла бы способствовать выявлению его писем в архивах или частных собраниях. Разумеется, только этими попутными задачами не могла быть оправдана публикация.

Г. В. Быков, крупнейший советский историк химии и самый большой знаток творчества А. М. Бутлерова, так емко формулировал основные задачи своей публикации: «...с изданием настоящего сборника широким кругам исследователей делается доступным исключительный по своему богатству источник для изучения истории химии в России, истории русских университетов и вообще высшего образования в России, истории

---

[37] Научное наследство. М., 1956. Т. 3. С. 13.
[38] *Бутлеров А. М.* Научная и педагогическая деятельность. М., 1961.

inslav

Петербургской академии наук, русских и зарубежных химических лабораторий, биографии самого Бутлерова, жизнь и деятельность которого, как в зеркале, отражается в этих письмах[39]. Далее в предисловии к публикации конкретизировалось каждое из этих положений. Во второй, археографической части предисловия лаконично и четко излагались правила издания документов, точно указывались места их хранения.

Интересно, как подошел составитель сборника к систематизации материала. Все документы — письма химиков к Бутлерову — были сгруппированы по корреспондентам, внутри сборника располагались по фамилиям в алфавитном порядке, а уже письма одного лица — в хронологической последовательности. Каждая группа писем предварялась биографической справкой об их авторе, основных научных достижениях и направлениях исследований, а также указывался характер взаимоотношений с Бутлеровым. Текстуальных примечаний было немного; это главным образом переводы иностранных выражений и специальных научных терминов. К публикации прилагался хронологический указатель опубликованных в томе писем, а также глухой именной указатель и список иллюстраций. Это был первый случай, когда в приложении к томам серии «Научное наследство» помещался список иллюстраций.

Как можно было заметить, между вторым и третьим и соответственно третьим и четвертым томами «Научного наследства» временной промежуток составил пять лет, что определенно указывает на какие-то негативные тенденции в развитии серии, а возможно, и в самой историко-научной отрасли. Имелись и чисто внешние проявления этих процессов. В частности, при сравнении первых двух томов и последующих обнаруживается резкое сокращение объема с 50—60 до 30—20 л. и тиража соответственно с 4—5 тыс. экз. до 1,3 тыс. Весьма характерны и движения в составе редколлегии, и количественные, и качественные. Из прежнего состава в третьем томе остался Х. С. Коштоянц, который вдвоем с Н. А. Фигуровским представлял профессиональных историков науки среди пяти членов редколлегии. Еще более разительные перемены произошли далее. На титуле четвертого тома редколлегии не стало совсем, а вместо этого указаны редакторы тома.

На издании четвертого тома, собственно, и завершается первый период существования серии «Научное наследство». Однако нам удалось обнаружить среди неописанных материалов НА ИИЕТ следы подготовки еще двух несостоявшихся томов[40]. Работа над ними велась в период с 1958 по 1962 г. Один из сборников был посвящен документальному наследию (труды, переписка, служебные материалы) выдающегося русского физиолога Н. Е. Введенского (1852—1922 гг.). Другой том составляли аналогичные материалы прямого продолжателя И. М. Сеченова и Н. Е. Введенского академика А. А. Ухтомского. Подготовил эти публикации ленинградский исследователь П. Г. Терехов, который был составителем третьего, сеченовского тома. Весьма жаль, что эти два тома не увидели свет, так как после их публикации уже четверть века назад у нас имелся бы весьма полный корпус изданных источников по истории Петербургской (Ленинградской) школы физиологов.

Сейчас трудно в точности судить, почему успешно начавшаяся в 40-х годах работа над серией «Научное наследство» к концу 50-х годов постепенно стала сходить на нет. Отчасти это, видимо, было связано с какими-то внутренними процессами развития историографии науки, с вызревавшей тогда определенной переориентацией историко-научных исследований, с зарождением совершенно новых направлений изучения науки[41].

---

[39] Научное наследство. М., 1961. Т. 4. С. 5.

[40] Сохранились как рукописи самих сборников, так и отзывы на них, другие сопроводительные документы. Судя по ним, редколлегия серии подвергалась изменениям в 1958 и 1962 гг. Указанные здесь списки членов редколлегии, скорее всего, не утвержденный состав, а варианты его.

[41] *Илизаров С. С.* Материалы к историографии... С. 27—29.

inslav

В 1962 г. серия «Научное наследство» была закрыта, подпав под печально известное общее сокращение ряда научных изданий, в том числе и археографических.

За те годы, когда серия «Научное наследство» не издавалась (1962–1980), произошли большие изменения в деле изучения истории науки и в теории и практике археографии [42]. В этот период продолжалась большая работа по изданию источников по истории научных знаний. Были опубликованы десятки сборников не изданных ранее произведений К. М. Бэра, В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, В. Г. Шухова и многих других.

С конца 60-х годов стали появляться документальные публикации, открывшие особую страницу в археографии истории науки. Если раньше документы всех издававшихся сборников так или иначе группировались вокруг имени конкретного ученого, то теперь возникли новые по типу издания. Это прежде всего два сборника по истории организации науки в СССР, охватывающие период ее становления с 1917 по 1932 г., а также уникальное в своем роде издание — антология вступлений к классике естествознания с эпохи Возрождения до наших дней [43]. Наконец, в практике публикации источников по истории науки отразилось развитие нового направления исследований — историографического. Выходом в свет в 1981 г. произведений В. И. Вернадского по истории науки и было фактически открыто это направление [44].

Таким образом, и после приостановки в 1962 г. издания серии «Научное наследство» публикация источников по истории науки не только не прекратилась, но даже, наоборот, был достигнут зримый прогресс. Все издания, и особенно названные, получили высокую оценку среди специалистов. Однако такое значительное направление исторических исследований, как история науки, остро нуждалось в специальном органе для публикации архивных документов. Поэтому не случайно, что уже через несколько лет после закрытия серии «Научное наследство» стали раздаваться голоса о необходимости ее возобновления.

Среди заинтересованных в возрождении серии оказались не только историки естествознания, но и специалисты других направлений исторической науки. Так, в 1975 г. на страницах «Археографического ежегодника» была опубликована уже упоминавшаяся выше работа В. Д. Есакова, который поставил вопрос о необходимости систематического обновления и пополнения источниковой базы истории науки и в этих целях о необходимости возобновления издания «Научного наследства».

Серия «Научное наследство» была возобновлена в 1977 г. по инициативе члена-корреспондента АН СССР С. Р. Микулинского.

При возобновлении удалось сохранить, что существенно именно для сериала, внешние особенности издания: формат, оформление, цветовое решение, порядок нумерации томов и т. д. По сравнению с первыми четырьмя томами исчез потерявший смысл заголовок «Естественно-научная серия». Вместо этого появилась мемориальная надпись: «Серия основана С. И. Вавиловым». До 1987 г. серия выходила как титульное издание ИИЕТ.

С момента восстановления работу серии направляет стабильная редколлегия, в состав которой вошли ряд крупных ученых-естественников (академики А. А. Баев, М. С. Гиляров, В. И. Гольданский, Н. В. Мельников, Г. К. Скрябин, Б. С. Соколов) и историки науки (Г. В. Быков, А. В. Кольцов, Б. В. Левшин и др.). Среди последних только один А. П. Юшкевич состоял членом редколлегии в первый период существо-

[42] См.: *Добрушкин Е. М., Крылов В. В., Селезнев М. С., Чирков С. В.* Советская археография в период развитого социализма (1960–1980 гг.). М., 1986. Примечательно, что в этом учебном пособии, кажется впервые, публикации документов по истории науки оказались включенными в анализ развития советской археографии.

[43] Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Л., 1968; Организация советской науки в 1926–1932 гг. Л., 1974; Жизнь науки: Антология вступлений к классике естествознания. М., 1973.

[44] *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981.

inslav

вания серии. В 1987 г. состав редколлегии был пополнен историками Г. М. Бонгард-Левиным, И. Д. Ковальченко, Б. Б. Пиотровским и другими, а серия получила общеакадемический статус и гриф Архива АН СССР. Ответственный редактор издания С. Р. Микулинский.

К настоящему времени опубликовано 12 томов, т. е. после восстановления серии вышло восемь объемных (от 35 до 50 л.) книг в следующей последовательности.

Т.5. 1980. Из эпистолярного наследия Н. И. Вавилова. Здесь помещено 576 писем за период 1911—1928 гг. Подготовил издание (составление и комментирование) В. Д. Есаков, отв. редактор С. Р. Микулинский.

Т.6. 1983. Из истории физико-математических наук на средневековом Востоке: Трактаты ал-Хазини (XII в.), ал-Бируни (X—XI вв.), Ибн ал-Хусайна (X в.) и аш-Ширази (XIII в.). Подготовили М. М. Рожанская, Б. А. Розенфельд, Е. С. Левинова, отв. редактор Г. П. Матвиевская.

Т.7. 1984. Переписка С. В. Ковалевской (свыше 500 писем) за период 1880—1891 гг. Подготовили П. Я. Кочина и Е. П. Ожигова, отв. ред. А. П. Юшкевич.

Т.8. 1984. Публикация всех сохранившихся до наших дней 55 трактатов крупнейшего арабского математика IX в. Сабита ибн Корры. Подготовил Б. А. Розенфельд, отв. ред. А. П. Юшкевич.

Т.9. 1984. Дневники и материалы экспедиции К. М. Бэра и его сотрудников по Волге и Каспийскому морю, совершенной в 1853—1857 гг. Подготовила Т. А. Лукина, отв. ред. А. Н. Световидов.

Т.10. 1987. Вторая часть эпистолярного наследия Н. И. Вавилова, содержащая 774 документа за 1929—1940 гг. Подготовили В. Д. Есаков, Е. С. Левина, отв. ред. С. Р. Микулинский.

Т.11. 1986. Неизданные материалы ботаника, почвоведа и краеведа И. И. Сапрыгина о растительности Среднего Поволжья, подготовленные в основном в 20—30-е годы нашего столетия. Подготовила Л. И. Сапрыгина, отв. ред. А. Г. Воронов.

Т.12. 1988. Новые материалы (400 документов) к биографии Н. И. Лобачевского. Подготовил Б. В. Сидоренко, отв. ред. Б. Л. Лаптев.

Что касается ближайших перспектив, то, насколько известно, в разной стадии готовности находятся тома, содержащие обширный трактат армянского врача XV в. Амирдовлата Амасиаци «Ненужное для неучей» о лекарственной флоре Армении, научная переписка физика П. Н. Лебедева (1866—1912) с русскими и зарубежными учеными А. Г. Столетовым, П. П. Лазаревым, Г. А. Лоренцом, В. Вином. С. Аррениусом и другими, переписка математика, вице-президента АН СССР В. А. Стеклова (1864—1926) с академиками А. М. Ляпуновым, А. А. Марковым, Н. М. Крыловым и другими, а также неизданные произведения В. Н. Татищева, естественно-научное наследие декабристов и ряд других.

Таким образом, за вычетом временного перерыва серия существует немногим более 20 лет. За этот период в 12 томах общим объемом свыше 500 л. издано более 4 тыс. разнообразных документов (около 3 тыс. писем, порядка 100 научных произведений, сотни служебных документов, дневников, автобиографий и т. п.).

Хронологически отдельно изданные сборники или самостоятельные группы документов охватывают период от средневековья до середины XX столетия. Помещенные в серии материалы непосредственно отражают жизнь и деятельность свыше 100, главным образом отечественных, ученых; реально в этих документах содержатся многие сотни имен деятелей науки.

За годы существования серии накопился значительный археографический опыт, в результате чего у этого издания сложились свои узнаваемые черты. Это касается не только внешних признаков. При всей невозможности строгой унификации в серии выработался и продолжает совершенствоваться определенный тип документального издания.

Все сборники имеют два предисловия, одно из которых принадлежит редактору тома, как правило ведущему ученому в данной области есте-

inslav

ствознания. Такая форма введения в документальную публикацию представляется сравнительно удачной, поскольку не только дается историческая оценка памятникам науки, но и раскрывается их значение с позиции переднего края современной науки, что как бы удостоверяет высокое качество и значимость издаваемых документов. Другое предисловие — «от составителя» — содержит характеристику и историю использованных фондов, обоснование принципов отбора документов для издания и другие элементы археографического и источниковедческого анализа, а также необходимые элементы предисловия как особого жанра научной литературы. Разумеется, и предисловия, и все то, что отличает археографическое издание от иных публикаций (текстология, эдиционная техника, справочный аппарат и т. д.), прямо зависят от знаний, опыта и мастерства исследователя-археографа. Публикации документов в серии «Научное наследство» всегда предшествует большая и многолетняя исследовательская работа. Более того, во многих случаях издание в серии является не средством, а самой целью, результатом сложных и трудоемких научных изысканий. Почти все, кто выступал в серии в роли археографа, имели собственный богатый опыт историка и, как правило, в совершенстве владели основами публикационной деятельности. Так, например, работа над материалами С. В. Ковалевской из архива Г. Миттаг-Леффлера началась для П. Я. Кочиной по поручению С. И. Вавилова более 40 лет назад [45]. Фундаментальная публикация в 7-м т. «Научного наследства» — итог той многолетней деятельности, в процессе которой шли и другие документальные издания, предпринятые П. Я. Кочиной, и ее большая монография о С. В. Ковалевской [46]. П. Я. Кочиной в соавторстве с известным историком математики Е. П. Ожиговой при содействии ряда шведских и советских специалистов был подготовлен сборник с весьма многообразным справочным научным аппаратом. В нем, кроме примечаний, представлено 10 специальных приложений: хроника жизни и деятельности С. В. Ковалевской и отдельно ее корреспондента Г. Миттаг-Леффлера; список курсов, прочитанных Ковалевской в Стокгольме; библиография: а) научные работы Ковалевской, б) ее литературные произведения, в) избранные работы Миттаг-Леффлера; тексты отзывов Ш. Эрмита, К.-А. Бьеркнеса и Э. Бельтрами о работах Ковалевской; архивная справка об оригиналах переписки, хранящейся в архиве Миттаг-Леффлера в Стокгольме, и их копиях в Архиве АН СССР. Издание завершалось развернутым указателем имен и указателем публикуемых писем. Пожалуй, единственное, чего не хватало — это аннотированного списка иллюстраций. Помещенные здесь 40 иллюстраций, как ни в одном другом томе серии, были тщательно подобраны, продуманно размещены и в результате имели большую смысловую нагрузку.

Выраженными археографическими особенностями отличались 6-й и 8-й тома серии, посвященные истории физико-математических наук на средневековом Востоке. Структура этих сборников в принципе ничем не отличима от других томов. В них также имелись историческое, археографическое предисловия и не очень разнообразный на первый взгляд научно-справочный аппарат — библиография и именной указатель. Особенности этих изданий — в комментариях [47]. Так, в 6-м томе комментарии заняли более трети всего объема. Чем это объясняется? Во-первых, языковыми сложностями. Средневековый текст вообще, а древние восточные рукописи в частности требуют пространных толкований и пояснений. Во-вторых, необходимость подробных комментариев диктуется со-

[45] Научное наследство. М., 1984. Т. 7. С. 5.

[46] *Кочина П. Я.* Софья Васильевна Ковалевская. М., 1981.

[47] Неустойчивость существующей специальной терминологии в археографии отражается на нашем материале, например, в следующем. В 5-м т. были даны комментарии, хотя по сути — это примечания-пояснения. Наоборот, в 6-м и 8-м томах этот элемент научно-справочного аппарата назван «Примечания» также не точно, поскольку здесь присутствуют комментарии — толкование содержания текста.

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
АН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

8.54.37

inslav

держанием публикуемых текстов, в которых излагаются сложные даже для современной науки проблемы механики и математики.

Известно, чтобы опубликовать тот или иной текст, надо как минимум понимать язык, на котором он написан, и иметь представление о том явлении, информацию о котором содержит документ. Археограф, издающий источник по истории науки, должен владеть навыками историка, лингвиста и филолога и одновременно иметь определенную сумму естественно-научных знаний.

Переводчики и составители 6-го т. старались как можно ближе передать специфику арабского оригинала. Если термины имели точный эквивалент в современной русской научной терминологии, то переводились с помощью соответствующих русских терминов. «Мы старались,— отмечали они,— избежать чрезмерного буквализма и архаизма, что могло сделать перевод неудобным для понимания. Вместе с тем некоторые арабские термины, которые могут иметь различные значения, мы переводили буквально или в редких случаях оставили без перевода во избежание контаминации значений [48].

Публикация двух сборников, посвященных истории мусульманской средневековой науки, была воспринята научной общественностью как важное событие. В то же время в одной из рецензий делается справедливый упрек в адрес издателей, не давших факсимиле трактата ал-Хазини «Книга весов мудрости», рукопись которого, долгое время считавшаяся уникальной, хранится в ГПБ [49]. Нам представляется, при издании такого рода источников факсимиле и текст на языке оригинала желательны во всех случаях. В нашей серии только однажды было сделано исключение: для трактата аш-Ширази, рукопись которого утеряна, а единственная фотокопия оригинала хранится в Стамбульской библиотеке.

В принципе любой том, изданный в серии «Научное наследство», более удачный или менее, заслуживает специального рассмотрения, имеет свои особенности, несет на себе печать интеллектуального труда как автора текста, так и его издателя.

Скажем, один из лучших, на наш взгляд, в серии, 9-й том, содержащий материалы экспедиции К. М. Бэра, в определенном смысле вобрал в себя труд нескольких поколений исследователей творчества этого ученого. В то же время это, конечно, результат огромной работы составителя Т. А. Лукиной, которая начиная с 50-х годов вела многолетние поиски в архивах Ленинграда, Москвы, Тарту, других городов СССР, учитывая также материал из архивохранилищ ГДР и ФРГ. В процессе исследования Т. А. Лукиной были изданы четыре тома писем Бэра, и, что самое главное, ей удалось провести сложнейшую реконструкцию фонда Каспийской экспедиции. Глубокое проникновение в содержание и характер материала, скрупулезный анализ, знание и умелое применение практически всех достижений современной археографии позволили Т. А. Лукиной создать значительное археографическое и источниковедческое произведение.

В заключение нельзя не отметить, что при изучении истории такого специального археографического издания, как «Научное наследство», имеющего, как видно, собственную богатую и многообразную традицию, неизбежно возникает множество вопросов [50]. Но в любом случае нет никаких сомнений, что эта серия вносит существенный вклад в формирование корпуса опубликованных источников и, следовательно, в познание источниковой базы истории науки.

---

[48] Научное наследство. М., 1983. Т. 6. С. 13.

[49] ВИЕТ. 1985. № 4. С. 143–144.

[50] В частности, заслуживает внимания проблема соответствия «Научного наследства» тем жестким критериям понятия серийной документальной публикации, которые выдвигались в самое последнее время. См.: *Литвак Б. Г.* Серийные издания в советской публикаторской практике // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 20–31.

inslav

С. В. Чирков

АРХЕОГРАФИЯ И ШКОЛЫ В РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

В работах по истории исторической науки и специальных исторических дисциплин нередко заходит речь о научных школах. Они являются одной из важнейших форм научного коллектива. Происхождение их восходит к средневековым университетам и античным сообществам мыслителей. Современное науковедение полагает, что научные школы «представляют собой весьма древнее явление в истории науки» [1]. Изучая проблематику научных школ, науковеды столкнулись с тем фактом, что термин «школа» многозначен и выделить его инвариантное содержание нелегко [2]. Специалисты рассматривают такие ипостаси школы, как единое (коллективное) творческое сознание; коммуникативная система; научно-исследовательское объединение; определенный тип связей различных форм исследовательской деятельности; совокупность когнитивных и социальных аспектов развития знания; эстафета нарастающих знаний, искусства исследования, норм и ценностей научного сообщества и ряд других [3]. При всей неопределенности термина общепринято, что для школы характерны, во-первых, единство процесса исследования и обучения творчеству; во-вторых, позиция, которой придерживается одна группа ученых в отличие от остальных [4].

Традиционно выделяются научные школы различных типов. Наиболее поддающимися изучению и изученными оказались самые распространенные и «простые» по типу школы, образовавшиеся вокруг крупного ученого-лидера и называющиеся по его имени. Уже сама этимология термина указывает на то, что первоначальной функцией школы является педагогическая. С древнейших времен школа служила полем общения, «каналом коммуникации» учителя с учениками, приобщавшимися посредством этого «канала» к великой научной традиции. Дело в том, что в научной деятельности имеются неформализуемые элементы, которые усваиваются только в прямом контакте с тем, кто сам ведет научный поиск. Эти интуитивные (неформализуемые) компоненты не могут быть вычленены из процесса научного познания вербальным путем, так как они не осознаются не только другими, но и самим исследователем. Своеобразное обучение «личному знанию» как источнику творческих идей является важнейшей функцией научной школы [5]. Другая важнейшая ее функция — собственно исследовательская, лежащая в предметной плоскости науки. Обычно ученый-лидер включает своих последователей-учеников в разработку определенной программы, отображающей потребности логики развития науки. При этом ученики следуют за руководителем не потому, что он руководитель, а потому, что его устами глаголет логика развития науки [6]. Функция обучения, приобщения к традиции нераздельно соединена в научной школе с поиском новых решений и подходов, как концептуальных, так и методических.

---

[1] Основы науковедения. М., 1985. С. 117.

[2] *Ярошевский М. Г.* Логика развития науки и научная школа // Школы в науке. М., 1977. С. 73.

[3] Определения школы см. в статьях сборника «Школы в науке» (С. 98, 164, 225, 235, 237, 354).

[4] *Ярошевский М. Г.* Указ. соч. С. 86.

[5] *Ярошевский М. Г.* Трехаспектность науки и проблемы научной школы // Социально-психологические проблемы науки. М., 1973. С. 181.

[6] *Ярошевский М. Г.* Логика развития науки... С. 92.

inslav

Иногда под термином «школа» понимают научное направление, возникшее в определенной стране и отличающееся по своим подходам к проблемам, концепциям и методам от курса, которому следуют ученые в других странах. Поскольку несомненно, что научная истина лишена национальной окраски, расхождение школ определяется предметно-логическими факторами. Возникает вопрос, почему действие указанных факторов оказывается в различных национально-культурных средах столь неодинаковым, что ведет к выделению и развитию особого направления в условиях именно данной страны. Причины различий в уровне и темпах развития науки с позиций марксизма следует искать в общественно-исторических обстоятельствах [7]. Особенности развития национальных научных школ присущи, конечно, при гораздо более тонком различении деталей и территориальным школам внутри одной страны, если сами территории имеют отличия в социальном и культурном отношении.

Следует иметь в виду, что науковедческие исследования основываются в подавляющей части на материале точных и естественных наук. При изучении материала гуманитарных наук на первый план выступает такое явление, как относительная неточность, размытость в них категориального строя и понятийного аппарата, зачастую маскирующая проявление тех же тенденций, которые в наиболее явной форме выступают при исследовании дисциплин с более четкими логическими параметрами. С другой стороны, гуманитарные, «социальные» науки подвержены значительно более непосредственному влиянию со стороны социально-политических структур общества. Сочетание столь разнооообразных влияний способно породить настоящую путаницу в понятийном аппарате дисциплины, изучающей историю науки.

Сказанное относится и к состоянию категориального строя современной историографии. Вот что писал по этому поводу историк И. Л. Беленький: «В советской историографической литературе распространено довольно большое количество наименований различных направлений (течений) в отечественной науке: дворянское, буржуазное, мелкобуржуазное... „Школа“ — юридическая, государственная, скептическая, „родового быта“, петербургская, киевская, московская, Н. Н. Фирсова, А. С. Лаппо-Данилевского, М. Н. Покровского, А. Л. Сидорова, Н. В. Устюгова и т. п. Говорят также об университетских, академических, неакадемических „школах“. Часто встречается неопределенное выражение „историография“ (видимо, как синонимическое „школе“ — „направлению“ — „течению“) — народническая, либеральная, меньшевистская... Основания этих наименований, как видим, разнородны: политическая, социальная, общемировоззренческая платформы, объединяющие группы историков; философские и историософские взгляды; метод исследования; суть концепции; предметная область исследований; профессионализм; связь с университетами и другими формальными коллективами; география науки; персонологичность (в имени школы закрепляется имя ее основателя); объективированное (уже в виде историографического исследования) понимание исторической роли того или иного сообщества историков. Сложившаяся к настоящему времени в исторической науке мозаика имен, денотаты которой часто перекрещиваются, налагаются друг на друга, отражает, фиксирует различные по времени и по природе имена: а) самоназвание школы, направления, течения, т. е. названия „изнутри“ в текстах программных, конституирующих... фиксирующих определенный этап жизни сообщества, подытоживающих, „биографических“; б) синхронные и ретроспективные наименования „со стороны“ (в процессе полемики, историографического изучения и т. п.) [8–9]».

Большая часть перечисленных И. Л. Беленьким школ оказывается по своему типу знакомой науковедению. Это школы отдельных ученых, тер-

[7] Там же. С. 72–74.

[8–9] *Беленький И. Л.* К проблеме наименования школ, направлений, течений в отечественной исторической науке XIX–XX вв. // XXV съезд КПСС и задачи изучения истории исторической науки: Межвуз. темат. сб. Калинин, 1978. С. 64–65.

inslav

риториальные и выделенные по предметному принципу. Что касается путаницы между школами и течениями внутри науки, то здесь дело упирается в упоминавшуюся нечеткость понятийного аппарата, присущую гуманитарному знанию.

Что же понимается под термином «школа» в истории нашей исторической науки? Обычное представление кратко выразил один из крупнейших исследователей нашей историографии — М. Н. Тихомиров. «Я представляю себе так,— говорил он в 1954 г.,— что это те самые группы, которые объединяются для разработки определенной проблемы, которые имеют определенные методы разработки источников» [10]. Проблему при таком определении надо, конечно, понимать достаточно широко. Например, ученые школы самого М. Н. Тихомирова объединены разработкой различных аспектов истории России феодальной эпохи. Попытаемся рассмотреть роль источниковедения в научной исторической школе.

В 1918 г. в речи перед защитой докторской диссертации известный русский историк А. Е. Пресняков, как бы подводя итоги дореволюционного развития отечественной историографии, говорил о петроградской научной школе русских историков, определяя характерную черту ее как «научный реализм, сказывающийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции» [11–12]. Школа эта противопоставлялась им другой, с традицией «идеологической схематизирующей историографии», наиболее ярко выраженной в произведениях корифеев русской исторической науки С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, у которых «материал, почерпаемый из первоисточников, не играл подобающей ему существенной роли». В словах А. Е. Преснякова ярко проявилось осознание расхождения двух школ в русской исторической науке, однако причины этого явления ученый не выяснил. Да и суть расхождения осталась не вполне ясной: неверно было бы понимать его в смысле простого противоречия теории и эмпирии, так как и сам Пресняков, и многие его коллеги-петроградцы вовсе не были чужды интереса к историческим теориям, а Ключевский и другие историки-москвичи не могут быть обвинены в отсутствии внимания к историческим источникам.

Как показал С. Н. Валк, указанное расхождение двух школ восходило еще к первой половине XIX в., когда выдвинутое одним из первых профессоров-историков Петербургского университета — М. С. Куторгой и его учениками требование научного критического исследования обозначило их коренное несогласие в понимании общих задач изучения истории с учеными Московского университета, прежде всего с Т. Н. Грановским. Возникновение такого расхождения было, по мнению С. Н. Валка, в конечном счете связано с общественно-политическими условиями развития исторической науки в Петербурге в те десятилетия, когда столица была одновременно центром и революционного движения, и правительственной реакции [13]. Противопоставление старой и новой столиц России в XIX в. типично для нашей общественной мысли. А. И. Герцен писал в 1842 г.: «Говорить о настоящем России — значит говорить о Петербурге, об этом городе без истории в ту и другую сторону, о городе настоящего, о городе, который один живет и действует в уровень современным и своеземным потребностям на огромной части планеты, называемой Россией. Москва, напротив, имеет притязания на прошедший быт, на мнимую связь с ним; она хранит воспоминания какой-то прошедшей славы, всегда глядит назад, увлеченная петербургским движением, идет задом наперед и не видит европейских начал, оттого, что касается их затылком. Жизнь Петербурга только в настоящем; ему не о чем вспоминать, кроме

---

[10] *Чирков С. В.* Из рукописного наследия М. Н. Тихомирова: (По материалам Архива АН СССР) // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 230.

[11–12] *Пресняков А. Е.* Речь перед защитой диссертации под заглавием «Образование Великорусского государства». Пг., 1920. С. 6.

[13] *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция ист. наук. Л., 1948. С. 10–11.

inslav

о Петре I, его прошедшее сколочено в один век, у него нет истории, да нет и будущего; он всякую осень может ждать шквала, который его потопит. Петербург — ходячая монета, без которой обойтиться нельзя; Москва — редкая, положим замечательная для охотника нумизма, но не имеющая хода» [14–15].

Развитие самобытных научных тенденций в Петербургском университете шло от М. С. Куторги к В. Г. Васильевскому, находившемуся под его непосредственным влиянием, хотя и не бывшему его формальным учеником. Преподавательская деятельность В. Г. Васильевского («учителя науки», по характерному определению И. М. Гревса) имела важнейшим последствием воспитание целого поколения историков разных специальностей в университете. Учениками Васильевского, ставившего своих слушателей «преимущественно под руководство аналитико-критического, а не синтетико-догматического метода», признавали себя не только несколько поколений византинистов, но и «русские» историки С. Ф. Платонов и А. Е. Пресняков. Это тем более знаменательно, что кафедру русской истории в 70–80-х годах XIX в. занимал профессор К. Н. Бестужев-Рюмин, которому естественно было бы возглавлять школу «русских» историков. По своим научным воззрениям Бестужев-Рюмин близко подошел к положениям, развиваемым последователями Куторги, но, по заключению С. Н. Валка, «не был настоящим руководителем начинающих ученых» [16]. А. Е. Пресняков писал в статье памяти Бестужева-Рюмина, что тот имел много учеников, но не создал школы [17].

В 80-х годах XIX в. в Петербургском университете образовался «кружок русских историков», в состав которого вошли ученики К. Н. Бестужева-Рюмина и В. Г. Васильевского: С. Ф. Платонов, Н. Д. Чечулин, Е. Ф. Шмурло, С. М. Середонин, В. Г. Дружинин, А. С. Лаппо-Данилевский, М. А. Дьяконов и др. Участникам этого кружка, по характеристике С. Н. Валка, были свойственны интерес к общим закономерностям истории и в то же время скрупулезный источниковедческий анализ, с опытов которого они, как правило, начинали свои научные занятия. С 90-х годов главенствующую роль в преподавании отечественной истории в университете начинает играть С. Ф. Платонов, из аудитории которого выходит несколько поколений молодых ученых. Он является формальным лидером школы, так как в качестве профессора имеет право делать представления об оставлении при университете для подготовки к профессуре; однако можно полагать, что вокруг него создалось определенное неформальное объединение научной молодежи. Так, С. В. Рождественский, С. А. Адрианов и А. Е. Пресняков называли себя учениками Платонова, а Пресняков не раз по разным поводам писал о «школе Платонова». Ученики (особенно старшие) С. Ф. Платонова примыкали к «кружку русских историков». Для них, по замечанию С. Н. Валка, был характерен более синтетический, «художественный» подход к задачам и методам исторического познания, чем для А. С. Лаппо-Данилевского и его учеников, ставивших цель выработать строгий научный метод [18].

А. С. Лаппо-Данилевский рано отошел от «кружка русских историков». Первоначально близкие его отношения с С. Ф. Платоновым, свидетельством которых осталась ранняя переписка двух ученых [19], сменились отношениями весьма холодными. Причина этого охлаждения едва ли целиком личного свойства: при тех «крайних запросах научности», какие были отличительной чертой Лаппо-Данилевского, он мог неодобрительно смотреть на казавшиеся ему менее методически отделанными произведе-

---

[14–15] *Герцен А. И.* Москва и Петербург // Соч.: В 9 т. М., 1955. Т. 2. С. 390.
[16] *Валк С. Н.* Указ. соч. С. 44.
[17] *Пресняков А. Е.* К. Н. Бестужев-Рюмин: (К 25-летию со дня кончины) // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 172.
[18] *Валк С. Н.* Выступление на объединенном заседании Института истории и Общества историков-марксистов в феврале 1931 г. // Проблемы марксизма. 1931. № 3. С. 115.
[19] ОР ГПБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 1120.

inslav

ния платоновского кружка. По словам Преснякова, Лаппо-Данилевский, «одинокий и замкнутый в напряженной личной работе, не примыкал ни к какой „школе", не был чьим-либо учеником в подлинном смысле этого слова» [20]. Несмотря на это, именно в кружке его учеников (участников семинария по дипломатике) наиболее заостренно выразились те основные признаки петербургской школы исторической науки, о которых говорил Пресняков на своем докторском диспуте. Воспоминание о работе семинария А. С. Лаппо-Данилевского, принадлежащее С. Н. Валку, как нельзя лучше характеризует этот коллектив именно как научную школу, как «своего рода мастерскую авторитетного ученого, где ученики участвуют по мере сил своих в его планомерной работе» [21]. «Строгое научное воспитание и внутренне культурный закал» [22] получали и группировавшиеся вокруг Лаппо-Данилевского в факультетском научном кружке, позднее в Историческом кружке, молодые ученые силы. Среди переживших влияние А. С. Лаппо-Данилевского такие выдающиеся историки, как А. Е. Пресняков, М. Д. Приселков, Б. Д. Греков, С. Н. Валк, Б. А. Романов, А. И. Андреев, А. А. Шилов и др. С. Н. Валк писал об этической атмосфере кружка учеников, объединенных вокруг «творческой идеи подлинного учителя», которую слово «школа» характеризует слишком внешне [23].

В монографии об известном русском скандинависте Г. В. Форстене А. С. Кан пишет о школе, созданной этим ученым в конце XIX в. в Петербургском университете. Ученик В. В. Бауера и В. Г. Васильевского Форстен стал со временем одним из любимейших студентами профессоров исторического факультета. Вокруг него образовался кружок «форстенят», в который входили представители нескольких поколений студенчества, в их числе А. Е. Пресняков, М. А. Полиевктов, Г. К. Вебер, В. А. Головань, А. Я. Дзейвер, В. Э. Крусман, И. В. Пузино, А. Г. Ярошевский и др. Однако вопрос об отнесении этого объединения к разряду научных школ предстоит еще выяснить: сам А. С. Кан признает «отсутствие среди известных нам учеников Форстена историков-скандинавистов» [24]. Речь, видимо, должна здесь идти не о прямом участии учеников в осуществлении творческой программы учителя, а о более тонких формах влияния и организации сообщества, которое его членами осознавалось в качестве «школы».

Таким образом, в начале XX в. утвердилось представление о петербургской исторической школе, продолжающее существовать в историографической литературе. Однако школа эта оказывается организмом сложным и неоднородным. Самое содержание указанного представления претерпело определенную эволюцию. Объединяя вначале историков разных специальностей — учеников М. С. Куторги, школа в дальнейшем разделяется в соответствии с дисциплинарной дифференциацией исторической науки. Выделившаяся школа русских историков затем, в свою очередь, делится на «школу русских историков, воспитанную в аудитории С. Ф. Платонова» (выражение А. Е. Преснякова), и школу А. С. Лаппо-Данилевского (в основном в рамках его семинария по дипломатике). Последнее «раздвоение» школы объяснимо функциональным различием: можно полагать, что у Платонова была по преимуществу учебная школа, а Лаппо-Данилевский выступил как организатор классической научно-исследовательской школы, для которой характерна «координация интеллектуально-творческих усилий и мотивационных установок отдельных исследователей в непосредственном общении с целью реализации общей рабочей программы» [25]. Дистинкция таких типов школ нередко прово-

---

[20] *Пресняков А. Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 16.
[21] *Валк С. Н.* Воспоминание ученика // РИЖ. 1920. Кн. 6. С. 192.
[22] *Романов Б. А.* А. С. Лаппо-Данилевский в университете // Там же. С. 186.
[23] *Валк С. Н.* Воспоминание ученика. С. 192–193.
[24] *Кан А. С.* Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 81–90.
[25] *Ярошевский М. Г.* Трехаспектность науки... С. 184.

inslav

дится в науковедении[26]. Выше говорилось и о другом мотиве «раздвоения» — логико-методического характера. Однако при всех различиях между собой «малых» школ их объединяло общее противопоставление петербургской школы московской исторической школе. Здесь наглядно выступает наибольшая актуальность при формировании самосознания научной школы антиномии отчетливо социально-психологического порядка: «мы и они». Такое противопоставление Б. Ф. Поршнев считал основой самосознания этноса[27], но ведь научная школа тоже «культурная общность».

Важный вопрос — по какому признаку осуществляется это противопоставление, в чем основная черта, которая стала почвой для психологического обособления вначале петербургскими историками своей научной традиции от традиции московской школы, а затем для «самоопределения» школы Лаппо-Данилевского. По нашему мнению, главный признак обособления не следует искать непосредственно в социально-политической области (хотя он и может определяться явлениями из этой области в конечном счете): и в той и другой школе действовали в основном буржуазные ученые. Нет коренных отличий в философско-методологических позициях разных школ: «широкое течение позитивизма» к концу XIX в. в значительной мере нивелировало эти позиции различных представителей буржуазной исторической науки. В одной из последних своих статей Н. Е. Носов возражал против обозначения московской школы как «проблемной», а петербургской как «источниковедческой», якобы введенного С. Н. Валком[28]. Подобная трактовка, на наш взгляд, несколько огрубляет подход С. Н. Валка к этому вопросу. Но надо признать, что проблемы источниковедения не были чужды историкам московской школы. Долговременный глава ее В. О. Ключевский одним из первых прочел лекционные курсы по русскому источниковедению и терминологии русской истории в Московском университете[29]. С другой стороны, С. Ф. Платонов не противопоставлял собственно источниковедческое исследование проблемному изучению исторических событий. О школе Петербургского университета он писал: «Из нашего университета вместе с навыками научной критики я вынес стремление к отвлеченным историческим построениям и веру в то, что плодотворна только та историческая работа, которая идет от широкой исторической идеи и приводит к такой же идее»[30]. Именно такой «проблемно-источниковедческой методике» обучал он и своих учеников[31].

Итак, в отличие от уверенно выделяемых по бесспорным признакам направлений и течений в русской историографии, критерий, на котором основано различие школ в ней, остается неясным. Это приводит к такому, например, положению, что и вопрос о школе Ключевского, а стало быть, и о московской школе вообще продолжает оставаться предметом споров[32]. Если современники и участники процесса развития русской науки в конце XIX — начале XX в. смело оперировали такими дефинициями, если М. Н. Покровский писал о школе Ключевского как о чем-то само собой разумеющемся и даже относил к ней «с большими или меньшими отступлениями» не только П. Н. Милюкова, М. К. Любавского, В. А. Мякотина и А. А. Кизеветтера, но и С. Ф. Платонова[33],

---

[26] См., например: *Макареня А. А.* Научные школы химиков Петербургского университета // Школы в науке. С. 424–428.
[27] *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966.
[28] *Носов Н. Е.* Академик Б. Д. Греков — исследователь-источниковед // ВИД. Л., 1983. Т. 15. С. 4.
[29] *Ключевский В. О.* Сочинения: В 8 т. М., 1959. Т. 6.
[30] *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. XIV–XV.
[31] *Носов Н. Е.* Указ. соч. С. 24–25. Примеч. 3.
[32] *Цамутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986. С. 138.
[33] *Покровский М. Н.* Как и кем писалась русская история до марксистов // Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Вып. 1. С. 115.

inslav

то А. Л. Шапиро избегает термина «школа Ключевского» и пишет, что Ключевский «стал главой направления, пришедшего на смену соловьевско-чичеринскому и тесно связанного с этим последним» [34], а по мнению М. В. Нечкиной, «о школе Ключевского можно говорить лишь условно», так как школа «может создаваться лишь на отчетливой методологической основе» [35]. Как считал Л. В. Черепнин, «наверное, встанет еще вопрос о школе Ключевского, о ее соотношении с другими научными школами в дореволюционной историографии, о ее судьбах в эпоху развития и победы марксизма-ленинизма» [36].

Не претендуя в рамках данной статьи на решение сложных историографических вопросов, остающихся до сих пор предметом полемики, приведем некоторые данные, которые могут, на наш взгляд, содействовать выяснению тех критериев, на которых основывается выделение научных школ в историографии. Для этого целесообразно обратиться к истории не только источниковедения, но и близкой к нему дисциплины — археографии.

По словам Д. С. Лихачева, «наука — это многоэтажное здание. Как и всякое здание, она имеет фундамент — материал, который наука изучает; потом есть первый этаж — непосредственное изучение этого материала, а над ним возвышаются этажи «проблем» и «теорий», обобщений и гипотез. Иногда эти этажи поднимаются так высоко, что почву, землю с их высоты почти не видно, и материал приходится разглядывать в бинокль или телескоп. В эру космонавтики мы знаем, что такое «телескопическое зрение» тоже дает важнейшие результаты. Но вот что важно. Никакое здание не может быть построено без первого этажа. Здание может быть одноэтажным, без второго этажа, но здание не может начинаться со второго этажа. Первый этаж всегда должен быть. Поэтому люди рукописей и люди голых теорий не равноценны. Первые могут существовать без вторых, но «проблемщики» в чистом виде — это строители воздушных замков, стремящиеся воздвигнуть верхние этажи без первых, иногда это пустые «генераторы идей» [37]. Образ первого этажа здесь вполне совпадает с задачами археографии, имеющей дело непосредственно с письменными памятниками и с введением их в научный обиход как исторических источников. Так вот, если присмотреться к тому, кто занимался собиранием, описанием и изданием источников в конце XIX — начале XX в. в Москве и Петербурге, то получится весьма разнородная картина.

В Петербурге в стенах Академии наук и «наиболее авторитетного до революции археографического учреждения» — Археографической комиссии непосредственным изучением, описанием и изданием памятников занимались практически все крупные ученые, историки и филологи. Среди них и маститые ученые, возглавившие кафедры и научные школы: К. Н. Бестужев-Рюмин, Л. Н. Майков, А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Платонов, А. А. Шахматов, Н. П. Лихачев — и более молодые исследователи: С. А. Адрианов, В. Н. Бенешевич, И. А. Бычков, П. Г. Васенко, Б. Д. Греков, И. Я. Гурлянд, В. Г. Дружинин, Г. З. Кунцевич, М. Г. Курдюмов, И. И. Лаппо, В. В. Майков, Ф. И. Покровский, А. Е. Пресняков, С. Л. Пташицкий, Н. П. Павлов-Сильванский, С. П. Розанов, Б. А. Тураев, Ф. И. Успенский, Н. Д. Чечулин, Е. Ф. Шмурло и др. Многие из них принадлежали к петербургской исторической школе. Платонов, помимо археографического исследования памятников Смуты в магистерской диссертации и значительного количества источниковедческих работ издавал Никоновскую летопись, редактировал издания актов Холмогорской и Устюжской епархий, «Донских дел», приходно-расходных книг московских приказов,

---

[34] *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 13.

[35] *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 572.

[36] *Черепнин Л. В.* [Рецензия] // Черепнин Л. В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М., 1984. С. 325.– Рец. на кн.: Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский.

[37] *Лихачев Д. С.* Немного о Владимире Ивановиче Малышеве // Лихачев Д. С. Прошлое – будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 459.

inslav

«Архива П. М. Строева», сочинений князя Курбского; Лаппо-Данилевский, прославившийся классическим изданием Сборника грамот Коллегии экономии, редактировал также публикации актов и писцовых книг в «Русской исторической библиотеке», «Летописи занятий Археографической комиссии». Едва ли может быть сомнение в том, что сроднившиеся в живом общении с рукописным материалом исследователи по-иному воспринимали содержание источников, чем те ученые, которые имели дело только с изданиями этих источников.

По-иному обстояло дело в Москве. Там также регулярно выходили издания памятников, особенно в томах «Чтений в Обществе истории и древностей российских» при университете. Но подготовкой этих изданий занимались лишь редкие историки из маститых представителей московской школы. Конечно, их собственные работы основывались не только на источниках, но и нередко на археографических открытиях. Но это была археография «для себя». В качестве отдельной задачи публикация источников, как правило, не выступала. Как известно, глава школы начал научную карьеру с внимательного изучения около 5000 рукописей житий древнерусских святых. Почти все они до того не публиковались, многие были совершенной новинкой для науки своего времени. Через несколько лет Ключевский опубликовал две из этих рукописей (одну из них — из собственного собрания) в Обществе любителей древней письменности. Переписка Ключевского и Милюкова отразила драматическую историю документальной публикации, которую последний несколько лет готовил для «Чтений», но так и не довел до конца.

Археографической работой в Москве занимались архивисты. Имена С. А. Белокурова, С. К. Богоявленского, Н. Н. Ардашева, И. Ф. Колесникова, Н. Н. Оглоблина, С. А. Шумакова хорошо известны каждому, кто пользовался изданиями русских средневековых источников, но едва ли кто отнесет их к первому ряду ученых московской школы. В недрах московской школы созрело и теоретическое обоснование разделения функций издателей рукописей и исследователей источников. В 1913 г. в актовой речи в Московском археологическом институте И. Ф. Колесников резко противопоставил процесс подготовительной обработки материала письменных памятников процессу извлечения информации источников для нужд исторического построения. Для историка письменный памятник — «источник определенного исторического изыскания», задачи историка — критика событий, подбор и оценка фактов. «Для археографа письменный памятник есть вообще исторический источник, а не источник определенного исторического изыскания... Задача археографа — заложить прочный и надежный фундамент для всевозможных исторических построений» [38]. Однако престиж археографов, исполнявших «черновую» работу, был в Москве низким, на что жаловался сам Колесников.

Едва ли не единственным крупным ученым, работавшим в Москве и полностью посвятившим себя делу отыскания и публикации письменных источников, оказался С. Б. Веселовский. Но это явилось тем исключением, которое подтверждает правило. В предисловии к своей знаменитой монографии «Сошное письмо» Веселовский изложил целый манифест «источниковедческого монизма». Современники сравнивали это предисловие с речью П. М. Строева в Обществе истории и древностей о необходимости археографических экспедиций. В 1909 г. Веселовский писал Платонову: «Мне всегда казалось, что тщательно собранные и подобранные документы составляют для науки более прочное приобретение, чем само исследование, написанное по ним. Можно, пожалуй, назвать это роскошью, но в таком случае и вся наша наука есть роскошь» [39]. И впоследствии Веселовский считал самым плодотворным путем в науке «путь искания новых источников и выбора тем в зависимости от количества и

[38] *Колесников И. Ф.* Древние рукописи. От памятника старины до исторического источника: Отчет о состоянии имп. Московского археологического института в 1912–1913 ак. г. М., 1914. С. 4.
[39] ОР ГПБ. Ф. 585. Оп. 2. Д. 406. Л. 13.

inslav

содержания сохранившихся источников»[40]. Однако в дореволюционные годы ученый не просто оставался одиноким среди корифеев московской школы, увлеченных исследовательскими теоретическими построениями. Он постоянно жаловался, что его работы в области археографии не ценят, издания тормозят. Ему часто приходилось издавать собранные материалы не в Москве, а в Петербурге. Характерно, что при подготовке изданий актового материала Веселовский зачастую применял правила, выработанные Археографической комиссией.

Таким образом, уже в «нижнем этаже» изучения материала источников, на той археографической стадии, что является основой всякого научного построения, из которой вырастает и источниковедение как таковое, видим существенные различия подходов историков петербургской и московской школ. Основное различие заключается, видимо, в отношении историков к письменному памятнику и источнику, в тех корнях исследовательской методики, которую можно обозначить как культуру исследования. Традиционное различие «принятых» способов обработки материала источников, приведения системы доказательств ярко проявлялось и в тщательно документированном изложении трудов петербуржцев, где слово «не от источника» расценивалось как слово от лукавого, и в намеренном затушевывании Ключевским огромной предварительной работы над источником, в предпочтении результата художественно-исторического синтеза результату скрупулезного документального анализа. Представляется, что можно говорить о различных типах научной культуры той и другой школы.

Различие типов научной культуры начинало намечаться и в противопоставлении «лапповцев» и «платоновцев» внутри петербургской школы. Но здесь оно не имело наиболее глубокого, фундаментального основания в различном отношении к источнику. Все же это различие важно в том отношении, что показывает: в дуализме московской и петербургской школ проявлялось не только глобальное соперничество столиц, продолжавшееся два столетия. Если на этапе возникновения петербургской школы определяющим фактором выступал социально-политический, то к началу XX в. наиболее существенными оказались факторы логический и психологический. Если принять представление о двух указанных школах, развившихся в русской исторической науке к началу XX в., как о проявлении разных типов научной культуры, то выявится перспективное направление в исследовании научных школ — изучение типологии научной культуры. Рассматривая культуру как сумму ненаследственной информации (Ю. М. Лотман), останавливаемся перед одним из первых вопросов типологии культуры — вопросом о том, как эта информация вводится в человеческие коллективы. Можно полагать, что передача научной культуры, способов и навыков научного изучения и является одной из важнейших функций научной школы. Анализ истории научных школ в терминах научно-культурной типологии можно рассматривать как составную часть изучения отечественной историографии, в том числе истории источниковедения и археографии.

---

[40] *Веселовский С. Б.* Вступительная лекция к практическим занятиям по истории русского права, прочитанная в Московском университете // Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 295.

inslav

В. Ю. Афиани

СТАНОВЛЕНИЕ ЖУРНАЛЬНОЙ АРХЕОГРАФИИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Необходимость вовлечения документального наследия в современный культурный процесс, обусловленная широким кругом причин, была осознана в русском обществе еще во второй половине XVIII в. Об этом свидетельствовало и появление исторических документов на страницах периодических и повременных изданий, несущих функцию своего рода «летописи современной жизни» общества. К началу XIX в. публикации исторических источников утверждаются в структуре книжного репертуара, складывается довольно устойчивая традиция издания документов прошлого в периодике. Обозначаются тенденции специализации отдельных органов печати в области преимущественно научно-исторического подхода к документам или популяризации с их помощью исторических знаний среди широкой для того времени читательской аудитории. Но побудительные мотивы, которыми руководствовались публикаторы, издатели и редакторы, помещая источники в журналах, не сводились к этим двум подходам. Мотивы были значительно разнообразнее и определялись конкретными историко-культурными и общественно-политическими соображениями [1].

Однако под воздействием целого ряда факторов издание источников в периодической печати в XVIII в. не превратилось в непрерывный процесс. К числу таких факторов относятся и меры по ограничению книгопечатания в последние годы правления Екатерины II и в царствование Павла I, запрещение частных типографий, преследование издателей-просветителей и как следствие сокращение общего числа выходивших периодических изданий. Узким оставался и круг читателей, археографов, историков, чья поддержка была необходима и для обеспечения «портфеля» издания достаточным количеством исторических документов и для покрытия финансовых затрат [2]. Не случайно в XVIII в., да и позднее наиболее устойчивыми оказывались те издания, которые опирались на материальную помощь обществ и официальных учреждений.

В первые десятилетия XIX в. в русском обществе и в русской культуре происходят глубокие изменения. Переломной справедливо считается эпоха Отечественной войны 1812 г.[3] Но накопление новых элементов в духовной жизни, в национальном самосознании, легших в основу «новой жизни России», началось значительно раньше и обнаружилось и в начале XIX столетия. Освободительная война, всколыхнувшая всю Россию, стала могучим катализатором, ускорившим движение нации по пути, контуры которого и общее направление, обозначились до нее.

Журнальная археография в значительно большей степени, чем в XVIII в., обнаруживает теснейшую связь с современной жизнью общества и потому не может быть изучена как исключительно саморазвиваю-

---

[1] Подробнее см.: *Афиани В. Ю.* Начало журнальной археографии в России в XVIII в. // АЕ за 1987 г. М., 1988. С. 26–34.

[2] Тиражи даже образцовых для своего времени публикаций источников, подготовленных Н. И. Новиковым и Румянцевским кружком, расходились очень медленно. См.: *Гарелин Н. Ф.* Русское книжное издательство в начале XIX века // Книга в России. М., 1925. Т. 2. С. 27–98; *Формозов А. А.* Тиражи исторических изданий первой половины XIX в. в России // Вопр. истории. 1970. № 2. С. 192–196.

[3] См.: *Краснобаев Б. И.* Основные черты новой русской культуры // Вопр. истории. 1976. № 9. С. 93; *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980. С. 15–17.

inslav

щееся изолированное явление, без учета этих связей. Но, прежде чем перейти к анализу деталей картины развития журнальной археографии в первой трети XIX в., рассмотрим общие результаты журнальной археографической деятельности этого периода.

На этом хронологическом отрезке опубликовано свыше 1500 исторических документов (число публикаций, естественно, ниже — более 600, так как многие из них включали обширные подборки документов). Они появились на страницах 40 с лишним журналов и других периодических изданий. (Для сравнения — в XVIII в. опубликовано менее 100 документов в полуторадесятке изданий журнального типа, исключая сборники типа «Древней российской вивлиофики» и ее продолжения.) Несомненна прямая связь с общим ростом числа периодических изданий. Только за первое десятилетие XIX в. возникло 84 новых издания, из них 60 журналов, тогда как за весь XVIII век насчитывается около 140 периодических изданий [5].

Еще одним благоприятным обстоятельством для развития журнальной археографии было возрастание масштабов работы по выявлению, описанию и собиранию письменных источников. По современным оценкам, в конце XVIII — первой четверти XIX в. существовало не менее 150—160 коллекций и собраний такого профиля [6]. Соответственно расширился и круг лиц, участвовавших в издании источников в периодической печати. Выявлено более 120 имен лиц, в том или ином качестве связанных с публикаторской работой (включая переводчиков), подготовивших не менее 290 публикаций. Около 60 человек известны своими работами в области истории. Это историки, краеведы, археографы.

Существенно расширился и круг хранилищ, документы которых использовались в периодике. Активно вовлекались источники из фамильных и семейных архивов, частных коллекций. Зафиксированы данные о 90 хранилищах. Кроме того, использовались документы из 60 официальных хранилищ (архивы центральных и местных государственных учреждений, библиотеки церквей и монастырей). Это, конечно, не исчерпывающие сведения, так как имена публикаторов, сведения о месте хранения источников сообщались далеко не во всех случаях; но можно с уверенностью говорить о том, что ведущей была тенденция обращения к частным хранилищам. О росте числа публикаций из официальных архивов и библиотек можно говорить применительно ко второй половине 1820-х — середине 1830-х годов.

В первой трети XIX в., главным образом с начала 20-х годов, читатель регулярно встречал публикации исторических документов в нескольких одновременно выходивших журналах. Этот показатель «непрерывности» появления публикаций и соответственно их воздействия на читательскую аудиторию говорит об относительной устойчивости всей системы распространения в обществе ретроспективной информации (в форме статей, очерков, публикаций документов и т. п.), единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности составляющих ее элементов. В среднем ежегодно публиковалось более 40 документов, тогда как в наиболее активные периоды предшествующего столетия (1770—1790-е годы) — по 20—30, а в отдельные годы публикации вообще не появлялись, т. е. процесс носил прерывистый, дискретный характер. (Но в целом элементы устойчивости отмечаются и в XVIII в., если суммировать и публикации в сборниках «Древней российской вивлиофики», изданиях И. И. Голикова, Ф. О. Туманского.)

С первых лет XIX столетия общая общественно-политическая атмосфера в России благоприятствовала развитию журналистики. Правительство Александра I сняло существовавшие запреты в области книгоиздания, что привело к росту числа периодических изданий. Казалось бы

[5] *Березина В. Г.* Русская журналистика первой четверти XIX века. Л., 1965. С. 5.
[6] *Козлов В. П.* Направления и формы собирания письменных источников в России в конце XVIII — первой четверти XIX в. // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 61; *Он же.* Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988. С. 65.

inslav

должен был произойти и подъем журнальной археографической работы, но этого не случилось, так как на журнальную археографию оказывают влияние не отдельные факторы, а их комплекс. За первые пять лет появилось в печати меньше 20 документов. Причины этого явления следует, по нашему мнению, искать прежде всего в конкретной общественно-политической обстановке тех лет. На первом плане в фокусе интересов русского общества были политические и законодательные реформы, их обсуждение, споры вокруг различных проектов, а также внешнеполитические события, прежде всего во Франции. Актуальность истории на время снизилась, отступая на задний план перед злободневными проблемами современности.

Если обратиться к тематике публикации тех лет, то увидим, что содержание их (и их интерпретация в журналах) связано главным образом с «почти» настоящим — «екатерининской эпохой». В сознании людей начала XIX в. она, конечно, воспринималась как недавнее прошлое, еще не ставшее достоянием истории. Доля документов Екатерины II и адресованных ей среди опубликованных в журналах в первое пятилетие XIX в. достигает почти 80%. Примечательно, что и в книжной продукции тех лет переписка императрицы с Вольтером, Д'Аламбером, Циммерманом, П. Д. Еропкиным, П. А. Румянцевым и другими также занимала значительное место. По нашим подсчетам, в 1802—1808 гг. в Москве и Петербурге такие издания (и переиздания) выходили не менее десяти раз. И дело не только в том, что пример обращения к имени «бабки» подал сам Александр, обещавший в манифесте править по ее «заветам». Апелляция к правлению Екатерины II содержала в себе критику павловского деспотизма, стала своего рода обоснованием преобразовательных идей. Темные стороны ее царствования в тот момент «затушевывались». И потому Н. М. Карамзин выражал широкие настроения в обществе, замечая в предисловии к публикации писем императрицы в своем журнале: «Все, что напоминает русским Екатерину и время ее, для них важно и занимательно» [7]. Интерес к «блистательному» екатерининскому царствованию в журналистике сохранился и позднее. В общем массиве журнальных публикаций первой трети XIX в. документы этой эпохи составили около 40%. Менялись мотивы обращения к ним, а главное, значительно шире и разнообразнее стал круг событий и лиц, о которых рассказывалось в публикациях. В следующем пятилетии доля документов, связанных с именем Екатерины II, снижается до 2%. Они «вытесняются» документами А. В. Суворова, число которых среди источников XVIII в. например, в 1810—1811 гг. составляет 79% (по числу публикаций меньше — только 40%, но суворовские документы при издании особенно часто объединялись большими группами). Рост публикаций, посвященных Суворову, отмечается и за пределами журналистики [8]. В эти годы активно издаются документы по военной тематике — о русских полководцах Г. А. Потемкине, П. А. Румянцеве и др.

Это отвечало запросам времени. Внешнеполитические неудачи России, поражения русской армии возбудили рост патриотических настроений и недовольство политикой Александра I. Об этом свидетельствуют многие мемуаристы. Декабрист Штейнгель вспоминал, что перед Отечественной войной «приметно уже было неудовольствие правительством» [9], а другой

---

[7] Вестник Европы. 1803. Ч. 8, № 8. С. 305. (Далее: ВЕ). В более широком плане Карамзин высказывал свои идеи в историческом похвальном слове Екатерине II (1802). О роли образа императрицы в общественной борьбе тех лет см.: *Погодин М. П.* Н. М. Карамзин. М., 1886. Ч. I. С. 245; *Пыпин А. Н.* Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900. С. 207–208; *Предтеченский А. В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957. С. 70–73.

[8] *Кавтарадзе А. Г.* А. В. Суворов в отчественной историографии // Александр Васильевич Суворов. М., 1980. С. 16–17; *Лопатин В. С.* Суворов в своих письмах // А. В. Суворов. Письма. М., 1986. С. 418–423.

[9] Из писем и показаний декабристов: Критика современного состояния России и планы будущего переустройства. СПб., 1906. С. 57.

inslav

известный мемуарист писал: «...все, повинуясь, роптало с негодованием»[10]. К горечи поражений примешивалось убеждение в неизбежности нового военного столкновения с Францией. Эти настроения стали питательной средой для появления таких журналов, как «Русский вестник» (1808—1820) С. Н. Глинки и «Военный вестник» (1810—1811) П. А. Рахманова. Оба журнала отводили заметное место документам прошлого, но различия в их задачах, общественном направлении сказались и на тематике публикаций, и на методах издания документов.

Все материалы «Русского вестника» тех лет пронизаны остропублицистическим подходом, духом консервативной оппозиции правительственной политике. В них сплавлялись воедино идеализация «нравов и добродетелей праотцов», обличение иноземных «умствований» (философии Просвещения, идей Французской революции). Документы Суворова, других полководцев и дипломатов второй половины XVIII в. занимали в журнале почти 60% от общего числа опубликованных документов. Новым было то, что журнал обращался не только к «начертанию» новой, но и «древней» «славы русских», подвигам «знаменитых людей», исторических личностей Смутного времени — Пожарского, Минина, Ляпунова, Михаила Федоровича — и других эпох. Напоминая о подвигах русских людей, журнал опубликовал «Выписки и замечания из „Хитрости ратного дела“», «Отрывки о ратном деле» из указов, изданных при Шуйском и Михаиле Федоровиче[11]. Примерами из прошлого, документами Глинка стремился убедить читателя в незыблемости государственных и моральных устоев России, основанных на православии и единении народа с самодержавием. В этом духе комментировались публикуемые документы независимо от их реального содержания. Кормчая была для него «хранилищем божественных и нравственных преданий», и издатель защищал ее от «умствований XVIII века, введенных... иноземным воспитанием»[12]. Грамота 1682 г. должна была доказать, что «вера есть незыблемая подпора всех гражданских и нравственных добродетелей», обличить «иноземных летописателей» (прежде всего Вольтера)[13]. Историческим опытом прошлого Глинка обосновывал право обращения с советами к правительству, к Александру I (в более или менее завуалированной форме), в том числе в серии публикаций под красноречивыми заголовками: «Наставление русскому царю в вере и нравственности Симеона Полоцкого, учителя царя Федора Алексеевича», «Наставление царю Алексею Михайловичу» и т. п.[14]

Публицистическая заданность публикаций источников непосредственным образом сказывалась и на методике их издания. Хотя издатель нередко писал, что, например, публикует грамоту «в подлинке, не переменяя ни слова», «без всякой перемены слога», большинство документов печаталось в отрывках, выписках, соединявшихся текстом публикатора (отрывки-цитаты иногда выделялись более крупным шрифтом). Нередко объем текста публикатора значительно превышал текст документа. Наряду с такого рода публикациями-статьями встречаются публикации-контаминации, в которых смонтированы отрывки и выписки из нескольких документов с текстом публикатора. Заголовки таких статей обычно указывают на «археографический» характер публикации («Грамота из Тобольска в Нарым о единодушном избрании на царство Михаила Федоровича»). Подобного рода публикации встречаются и в других журналах первой трети XIX в.; можно говорить и о индивидуальном «почерке» Глинки, пристрастии к таким формам издания документов, сохранявшем-

---

[10] Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1892. С. 3.
[11] Русский вестник. 1811. Ч. 13, № 2, 5. (Далее: РВ).
[12] Краткие выписки из Кормчей книги и замечания на оные // РВ. 1808. Ч. 3, № 8. С. 189.
[13] Достопамятная грамота царя Алексея Михайловича // РВ. 1810. Ч. 12, № 11. С. 35, 38.
[14] РВ. 1813. Ч. 4, № 10; 1809. Ч. 8, № 11/12. См. также: РВ. 1810. Ч. 10, № 1, 4, 9.

inslav

ся на всем протяжении его публикаторской деятельности [15]. В Отечественную войну 1812 г. «Русский вестник» также не снижает количества публикуемых документов: о «присоединения Крыма», «свидетельств о извергах французских из предписаний Екатерины второй и Павла первого» и т. п.

Иной характер имело издание источников в «Военном журнале», объединявшем представителей передовых военных кругов России, стремившихся донести до читателя боевой опыт лучших русских полководцев [16]. Естественно, что почти все из опубликованных документов относятся к деятельности Суворова. Практическое значение публикаций тем не менее не отражалось на полноте передачи текста документов. Отсутствовали и публицистические предисловия, примечания и т. п.

Тематика публикаций в журналах до 1812 г. не сводилась, однако, к отмеченным выше. Ряд публикаций — письма и неизданные ранее сочинения писателей XVIII в.: А. Д. Кантемира, М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина — появился в контексте споров о языке отечественной литературы между «карамзинистами» и «шишковистами». В предисловиях, примечаниях обращалось внимание на «слог» документов. Письма В. де Геннина в «Санкт-Петербургском вестнике» (1812), хотя были помещены в отделе «Словесность», должны были напомнить читателю об истории «введения» в России горнозаводской промышленности, «важной отрасли государственного имущества» и роли в этом автора писем и Петра I [17]. Начали публиковаться документы и в качестве прямых откликов на современные события: например, выписки из Синодика и Октоиха XVII в.[18], появившиеся вслед за статьей «Краткое историческое описание о бывшей в Астрахани моровой язве», т. е. чуме в Астрахани в 1806—1809 гг.[19]

Рядом с этими публикациями помещались документы в рамках собственно научно-исторического изучения. В тексте статьи Х. А. Шлецера «Изъяснение двух совсем еще неизвестных и весьма достопамятных подлинников, на славянском языке писанных и относящихся до связи между Новогородскою республикою и Ганзою» опубликованы договоры, а в приложении — их воспроизведение [20]. Статья вызвала оживленную дискуссию между ее автором, К. Ф. Калайдовичем и Е. Болховитиновым о правильности прочтения текста, истолковании его содержания и т. п.[21] Подчеркнуто «ученый» характер носила публикация писем С. С. Башилова к А.-Л. Шлецеру об издании Судебника 1550 г. М. Т. Каченовский, помещая письма без перевода на латинском языке, отмечал в предисловии: «...письма по содержанию своему должны казаться особенно важными для людей, основательно учившихся, имеющих понятие об ученой критике, а следовательно, и латинский язык разумеющих» [22]. Эта публикация была, в свою очередь, откликом на рецензию в «Русском вестнике», в котором критическому исследованию летописей в книге А.-Л. Шлецера «Нестор», воспринятому как очередное «иноземное умствование», противопоставлялись принципы «нравственного» изучения источников [23].

Отечественная война не внесла принципиально новых моментов в журнальную археографию. Новый, наиболее популярный журнал тех лет «Сын Отечества» ставил себе задачу «помещать все, что может ободрить

---

[15] См. издаваемый С. Н. Глинкой в 1825—1829 гг. «Московский альманах для прекрасного пола» (название изменялось).

[16] *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России. М., 1957. С. 338—339; *Мещеряков Г. П.* Русская военная мысль в XIX в. М., 1973. С. 33 и др.

[17] С.-Петербургский вестник. 1812. Ч. 3, № 9. С. 219.

[18] Известие о бывшей в Астрахани моровой язве в 1682 и 1683 гг. // ВЕ. 1809. Ч. 47, № 19.

[19] Там же. Ч. 46, № 14.

[20] Там же. 1811. Ч. 59, № 23. С. 197—198; № 24. С. 270.

[21] Там же. 1812. Ч. 61, № 3; Ч. 62, № 8; Ч. 64, № 15.

[22] ВЕ. 1812. Ч. 61, № 4. С. 314.

[23] РВ. 1808. Ч. 2, № 4. С. 51—56.

inslav

дух народа и познакомить его с самим собою»[24]. А его издатель и редактор Н. И. Греч писал, что в журнале «не будет ни одной статьи, которая не соответствовала бы главной оного цели»[25]. И все публикации документов прошлого в «Сыне Отечества» также находятся в общем русле политического и публицистического направления журнала: грамота Козьме Минину, «Слово на празднование мира Пруссии с Россией», проповедника Д. Г. Пургольда 1763 г. И даже выписка из «Хроники» византийского историка Льва Диакона под заголовком «Облик или портрет великого князя Святослава Игоревича...», имея черты научной публикации, не выпадает из этого контекста[26]. Выписка содержит текст на греческом языке (по изданию французского историка К. Б. Гаазе), перевод на русский язык, «исторические и грамматические примечания». Но ее публикатор А. Н. Оленин выбрал только тот фрагмент, в котором содержалось описание воинственного облика древнерусского князя и не упоминалось о неудаче его похода.

В послевоенные годы публицистическое направление в издании исторических документов развивалось в «Духе журналов» (1815—1820) Г. М. Яценко. Общественные позиции этого издания истолковывались поразному. Современники называли его «якобинским»[27]. В советской литературе его зачисляли в разряд консервативных, стоявших на крепостнических позициях[28]. Но более правильной, учитывающей весь комплекс публиковавшихся в журнале материалов представляется оценка Н. Н. Болховитинова, называющего «Дух журналов» умеренно либеральным изданием, а его издателя — «последовательным сторонником конституционного правления, борцом за свободу книгопечатания» и «прогрессивные для своего времени буржуазно-либеральные реформы»[29]. Высказывалось вполне обоснованное мнение, что один из ведущих разделов журнала — «Дух Екатерины II», где главным образом и публиковались документы прошлого в начале издания журнала,— был заведен как «уловка», «чтобы было возможно наводить косвенную иносказательную критику на современные мероприятия правительства»[30]. В этом разделе помещено множество «мнений» императрицы по самым разнообразным вопросам: о мануфактурах, подушном окладе, «о народонаселении, земледелии и прочих ремеслах и искусствах» и др. (Изучение достоверности их происхождения, насколько известно, не проводилось.)

Издатель использовал разнообразные формы публикаций, в том числе и публикации-статьи, близкие публикациям в «Русском вестнике». Помимо «тенденциозного» подбора «мнений», в авторском тексте, в примечаниях они интерпретировались в нужном издателю направлении. Кроме того, встречаются курсивные выделения в тексте своего рода «ключевых слов», таких, как «невольничество», «рабство»[31].

В предисловии к публикации письма Екатерины II Я. А. Брюсу 1787 г., озаглавленной «О старании императрицы Екатерины II о деше-

---

[24] Письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому (октябрь 1812 г.) с сообщением о создающемся журнале. См.: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. I. С. 8.

[25] Сын Отечества. 1812. Ч. I, № 6. (Далее: СО).

[26] СО. 1814. Ч. II, № 2.

[27] Письмо Н. И. Греча к П. М. Строеву 1815 г. // Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 58—59.

[28] См.: *Блюмин И. Г.* Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М.; Л., 1940; История русской экономической мысли в России в первой половине XIX в. М.; Л., 1940; История русской экономической мысли. М., 1958. Ч. I; История русской журналистики XVIII—XIX вв. М., 1966; и др.

[29] *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения, 1815—1832 гг. М., 1975. С. 479. См. также близкие оценки: *Пятковский А. П.* Из истории нашего литературного и общественного развития. СПб., 1889. Т. II; *Богучарский В. Я.* Из прошлого русского общества. СПб., 1904; *Предтеченский А. В.* Указ. соч. и др.

[30] *Корнилов А. А.* Курс истории России XIX века. М., 1912. Ч. I. С. 232—233; См. также: *Куфаев М. Н.* История русской книги в XIX веке. Л., 1927. С. 67.

[31] Мнение Екатерины о подушном окладе // Дух журналов. 1816. Ч. 9, № 1. С. 37—40. (Далее: ДЖ).

inslav

визне жизненных потребностей», издатель, сравнивая с современным положением, дороговизной продуктов, заметил: «Тогда не то было» [32]. Эта реплика вызвала раздражение министра полиции С. К. Вязмитинова, писавшего министру просвещения А. К. Разумовскому: «Сие выражение одной только глупостью извиниться может, ибо в противном случае было преступление, и преступление самое тяжкое». Министр провел и своеобразный «археографический» анализ публикации. Отметив ошибку в отчестве Брюса, он обратил внимание на отсутствие сведений о месте хранения документа, усомнился в его подлинности: «Откуда взял издатель сии письма? Не сам ли он их вымыслил?» [32]. В предписании министра народного просвещения попечителю петербургского учебного округа С. С. Уварову говорилось о том, что публикация «наполнена рассуждениями», «непозволительными, дерзкими, могущими иметь влияние на мнение народное», так как содержат замечания «на счет нынешнего правления», возможные «только в сочинениях серьезного ученого содержания, а не в издании, доступном читателям с различной степенью образованности» [33]. Журнал был запрещен в 1820 г. Среди прочих прегрешений издателя упоминалось и то, что он «позволял себе» «восставать на распоряжения Министерства внутренних дел по части мануфактурной» [34]. Издателю удавалось несколько лет выпускать свой журнал благодаря поддержке влиятельных лиц и тому, что он сам был цензором.

Приемы и методы публикации источников менялись, по-видимому, в связи с конкретными соображениями издателя. После письма читателя «г-на А. Ш.», указывавшего, что нужно публиковать документы на языке подлинника [35], ряд документов Екатерины II был напечатан на французском языке и в переводе. Но лишь в отдельных случаях оговаривалась неполнота текста публикации. В предисловии к подборке писем Суворова к Д. И. Хвостову, присланных последним, говорилось, что они «не все могут быть изданы в свет, разве со временем» [36]. Тем не менее после исторического рубежа 1812 г. документы Суворова начинают в большей степени интересовать не только с точки зрения практической их значимости в деле военной подготовки армии или в патриотическо-публицистическом плане. Их восприятие можно назвать мемориально-биографическим, в котором присутствуют и элементы отстраненного, исторического взгляда. Об этом свидетельствуют такого рода характеристики публикуемых документов, как, например: «превосходно изображен и характер самого Суворова и портреты многих лиц» [37]. «Дух журналов» обращался и к более «историческим» документам. Переписка Геннина с Петром I и другими лицами [38], по словам издателя, важна «для истории внутреннего судоходства Российской империи» и горнозаводского дела на Урале.

За первые два неполных десятилетия XIX в. в публикации источников приняло участие не менее 15 журналов, опубликовавших более 300 источников до XIX в. (полностью и в отрывках). Это были общественно-политические и литературные издания, за исключением «Военного журнала». Но и он ориентировался на обширную аудиторию читателей-военных. В 1815 г. была предпринята попытка издания специализированного историко-археографического периодического издания ОИДР — «Русских достопамятностей». Но вышла только первая часть, следующая появилась в 1843 г. Тематика публикаций, видовой состав источников, методика их подготовки в этом сборнике существенно отличались от

[32] *Щебальский П. К.* Материалы для истории русской цензуры, 1803–1825 // Беседы в ОЛРС. М., 1871. Вып. III. С. 19; *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700–1863). СПб., 1892. С. 120–121.
[33] ЦГИА СССР. Ф. 777. Оп. 1. Д. 181. Л. 17; Исторические сведения о цензуре в России. СПб., 1862. С. 20–21.
[34] ЦГИА СССР. Ф. 777. Оп. 1. Д. 328. Л. 5–6об.; *Щебальский П. К.* Указ соч. С. 24; Рус. старина. 1900. № 12. С. 663–664.
[35] ДЖ. 1815. Ч. 8, № 48. С. 1146.
[36] ДЖ. 1816. Ч. 14. С. 313.
[37] Там же.
[38] Там же. 1817. Ч. 18. С. 525–527.

inslav

большинства журнальных публикаций тех лет. В «Русских достопамятностях» опубликованы Правда Русская по Синодальному списку Кормчей книги, устав новгородского князя Святослава, Поучение Луки Жидяты XI в., послания русских митрополитов, грамоты Ивана Грозного и т. п. Такого рода публикации в других журналах («Вестнике Европы») единичны. Ведущее место в них продолжали занимать письма, документы официальной переписки, военные. Кроме того, начали появляться отрывки из записок и донесений иностранцев о России. В статьях, заметках и рецензиях 1810-х годов активнее стали подниматься вопросы собирания документальных памятников, публикации отдельных видов и разновидностей источников: летописей, хронографов, родословных книг, документов Суворова. Эти факты свидетельствуют о нарастании общественного интереса к истории, в ближайшие годы существенным образом сказавшегося и на журналистике в целом и на журнальной археографии.

На рубеже 1820—1830-х годов одно за другим возникают новые периодические издания, заметно изменившие картину отечественной журналистики. В начале 1820-х годов одновременно выходило более десяти периодических изданий, в большей или меньшей степени уделявших внимание публикации исторических документов. Подъем в журнальном деле, несомненно, связан с активизацией политической жизни тех лет. Крупным общественным событием, отозвавшимся самым непосредственным образом в периодической печати, стал и выход в 1818 г. первых восьми томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Масштабы полемики вокруг нее оказались беспрецедентными [39]. Документальные приложения к «Истории», яростные споры об отдельных исторических эпизодах, описанных в этом труде, их трактовке, истолковании источников, использованных историографом, и даже их достоверности [40] стимулировали интерес широкого читателя к историческим документам. Для публикаторов «История» Карамзина стала своего рода ориентиром. На нее нередко ссылались в исторической части предисловий. Упоминание событий или документов в труде было своеобразным обоснованием необходимости публикации источника [41]. Ряд публикаций помещался как дополнение «Истории» или как ее продолжение [42]. Полемика по-своему отразилась в журнальных публикациях.

Среди новых журналов выделялись особым вниманием к исторической тематике «Сибирский вестник» (1818—1824) Г. И. Спасского, «Отечественные записки» П. П. Свиньина (1818—1819, 1820—1830), «Северный архив» Ф. В. Булгарина (1822—1828). На них на всех можно распространить определение, данное С. С. Дмитриевым журналу Свиньина, — «преимущественно исторический» [43]. Ими опубликовано 600 документов. На 1820-е годы приходится резкий подъем в публикации источников в периодической печати. За неполное десятилетие (1822—1828) в журналах изучаемого периода было напечатано две трети от общего числа документов.

Рост числа публикаций и в эти годы происходил главным образом за счет документов XVIII в. В общем массиве журнальных публикаций они составили около 80%. Продолжался процесс освоения этого столетия как области исторического изучения, что отразилось и в предисловиях, при-

---

[39] См.: *Козлов В. П.* «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.

[40] См., например: [*Арцыбашев Н. С.*] О степени доверия к Истории, сочиненной князем Курбским // ВЕ. 1821. № 12. С. 278—317.

[41] «Выписка из донесения 1583 года от бывшего в Англии посла, дворянина Федора Писемского...», упоминавшаяся Карамзиным, печаталась «вполне... как один из любопытнейших и занимательнейших памятников этого времени» (Северный архив. 1822. Ч. 1, № 4. С. 311).

[42] Дневник Самуила Маскевича, бывшего в России во время второго Самозванца, называемого Тушинским вором // Северный архив. 1825. Ч. 13, № 1. С. 4.

[43] *Дмитриев С. С.* Источниковедение русской исторической журналистики: (Постановка темы и проблематика) // Источниковедение отечественной истории, 1975. М., 1976. С. 284.

inslav

мечаниях к публикациям: «Историк найдет в сих письмах изображение ее [Екатерины II] характера»[44]. Во второй половине 1820-х годов документы предшествующего столетия начинают помещаться в специальных разделах «Исторические материалы» и т. п. Более того, цензоры начинают признавать «частию историческими», «заключающими исторические события прошедшего времени»[45] и документы начала XIX в. Цензура обычно настроена более консервативно в вопросе признания событий историческими, чем общество. Для политически острых фактов истории граница между историей и современностью отодвигалась еще глубже в прошлое, чем для «нейтральных». Поэтому в 1832 г. цензоры, например, отказались «принять» «за исторический акт, позволительный для обнародования» «Секретное наставление князю Александру Вяземскому» Екатерины II, считая его принадлежащим «ко времени, еще слишком близкому»[46]. Для признания всех фактов прошлого без исключения историческими оказывался недостаточным и столетний промежуток времени. И в 1830-е годы приходилось убеждать, что «все прошедшее, по крайней мере до кончины Петра Великого, принадлежит истории»[47].

Документы, связанные с деятельностью Петра I и его эпохой, попали в фокус общественно-исторических интересов 1820—1830-х годов. За это десятилетие опубликовано около 140 документов конца XVII — первой четверти XVIII в., т. е. более 80% от общего числа изданных источников в изучаемое время, относящихся к Петру I и его реформам. Известно, что, обсуждая политическое переустройство России, декабристы оживленно дебатировали вопрос о значении реформаторской деятельности Петра, роли самодержца в их осуществлении. Проблема осмысления «дела» Петра Великого волновала русское общество и после 1825 г. Одновременно и официальная историография искала своего «героя», декларировала преемственность между Петром I и Николаем I[48].

В общем корпусе журнальных публикаций источники до XVIII в. занимали скромное место — около 20%. Их появление более тесно связано с научно-историческим изучением, о чем свидетельствует и их издание под рубриками типа: «Материалы для отечественной истории» и т. п. Число их начинает увеличиваться к концу изучаемого периода, когда все чаще обосновывается значение «актов» для изучения истории законодательства, права, «статистики». Кроме того, в русле распространявшихся идей романтизма, проникших и в историографию, подчеркивалась роль этих источников в познании «духа народного в народном быту»[49]. Особую активность здесь проявил «Московский телеграф» Н. А. Полевого. В предисловии к публикации грамот в этом журнале И. П. Сахаров писал, что с началом издания «актов» «отечественная история начала приближаться к усовершенствованию», что в этом источнике «живо отражаются права народные, характер правления, отношения правителей к поданным» и «даже самый народный дух»[50].

Журнальные публикации документов прошлого в первой трети XIX в. отразили всю гамму общественных интересов к истории России. Журнальная археография развивалась в тесной связи с изменявшимися под воздействием общественно-политической обстановки в стране процессами, происходившими в отечественной культуре, потребностями в освещении и осмыслении конкретных исторических событий и явлений. В полной мере выявилась публицистическая функция журнальных публикаций истори-

---

[44] Северный архив. 1822. Ч. 1, № 1. С. 27.
[45] ЦГИА СССР. Ф. 772. Оп. 1. Д. 136. Л. 2; Ф. 777. Оп. 1. Д. 775. Л. 26.
[46] Там же. Ф. 772. Оп. 1. Д. 421. Л. 1–2.
[47] Телескоп. 1832. Ч. 16, № 13. С. 116. О критериях историчности в первые десятилетия XIX в. см.: *Томашевский Б. В.* Историзм Пушкина // Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. С. 168; *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. С. 88.
[48] Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 322.
[49] *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1941. С. 246.
[50] *Сахаров И. П.* Известия о нескольких древних и доныне бывших неизвестными грамот // Московский телеграф. 1831. Ч. 41, № 18. С. 247.

inslav

ческих документов. Она определяла преимущественное внимание к документам недавнего прошлого, к отдельным фактам истории и историческим деятелям, к видам и разновидностям источников повествовательного характера (или воспринимавшихся таковыми) — письмам, воспоминаниям, запискам иностранцев. Публицистичность журнальных публикаций связана не только с тем, что формирование отраслевой, исторической периодики в лице повременных изданий ОИДР, «Журнала Министерства народного просвещения» и т. п. еще только начиналось. Оперативное реагирование на запросы времени и читателя, связь публикаций исторических документов с современными проблемами выявлены и в деятельности более поздних известных историко-археографических журналов — «Русского архива», «Русской старины». Отчетливо проявляется она и в наши дни. В научно-исторических периодических изданиях, рассчитанных на более узкую аудиторию, эти особенности журнальной археографии также присутствуют, но в более опосредованном виде. В первой трети XIX в. исторические документы входят органическим элементом в отечественную журналистику, утверждаются формы, методы, основные черты, присущие и для последующего развития журнальной археографии.

inslav

Г. И. Королев

ИНОСТРАННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТАТУСА ТЕОРИИ И МЕТОДИКИ ИЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Представления, мысли в области издания исторических источников исследованы не во всех отношениях. В интересах развития теории публикации исторических источников нужно изучать отдельные аспекты и проблемы публикаторской мысли, в том числе в историографическом плане. Настоящая работа посвящена зарубежным толкованиям о месте эдиционной теории и методики (эдиционной науки) среди гуманитарных наук, прежде всего в смысле понимания границ и степени самостоятельности рассматриваемой отрасли. Речь идет главным образом о современных толкованиях [1], во-первых, потому, что я хотел бы остановиться на нынешнем состоянии идей, а во-вторых, потому, что в силу исторических условий развития теории публикации исторических источников высказывания о ее статусе приходятся преимущественно на названный период. Не очень многочисленные более ранние суждения дают возможность установить устойчивость или изменчивость трактовок по некоторым вопросам. В отечественной печати зарубежных толкований о статусе эдиционной теории и методики отчасти касался С. Н. Валк в связи с термином «археография» [2]. Все же Валк имел в виду не эдиционную науку, а значения, которые придавались термину «археография» на отечественной почве. Иностранных истолкований Валк касался для того, чтобы показать происхождение термина. Поэтому статусом эдиционной науки за рубежом Валк в общем не занимался. В печати имеется также несколько отдельных упоминаний по проблеме [3].

Коль скоро публикаторская теория формируется в тесной связи и во взаимном обмене с практикой, то уместно сначала взглянуть на объяснения места публикации источников в исторической науке и филологии. Такого рода объяснения особенно отчетливы в тех трудах по методологии исторического исследования, в которых описываются этапы работы исследователя. У Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса выделен этап «внешней, или подготовительной, критики», начинающийся «восстановительной критикой» (очищением и исправлением текстов) и завершающийся изданием текстов [4]. У Э. Бернгейма на этапе «критики» предпоследней является фаза «рецензия и издание» [5]. У всех трех авторов после фазы «издание» следует фаза «внутренняя критика». Похожим образом последовательность работы историка описана и в некоторых более поздних сообщениях, помещающих публикацию источников в стадию внешней критики, находящейся между эвристикой и внутренней критикой источников [6],

[1] С формально-хронологической точки зрения «современными» являются идеи, высказанные после второй мировой войны. Иногда эти идеи лишь повторяют сказанное раньше.

[2] *Валк С. Н.* Судьбы «археографии» // АЕ за 1961 год. М., 1962.

[3] *Королев Г. И.* Археографическая деятельность в ГДР, Венгрии и Болгарии (1945–1975 гг.): Учеб. пособие / Под ред. М. С. Селезнева. М., 1978. С. 54; *Он же.* Археографическая деятельность в Польше, Чехословакии, Румынии и Югославии (1945–1975 гг.): Учеб. пособие. М., 1980. С. 31, 62, 76, 96.

[4] *Ланглуа, Сеньобос.* Введение в изучение истории / Пер. с фр. А. Серебряковой. СПб., 1899.

[5] *Бернгейм.* Введение в историческую науку / Пер. с нем. под ред. С. Е. Сабинина. М., 1908.

[6] *Feder A.* Lehrbuch der geschichtlichen Methode. 3. ungearb. und verb. Aufl. Regensburg, 1924; *Handelsman M.* Historyka: Zasady metodologji i teorji poznania historycznego: Podręcznik dla szkól wyższych. Wyd. 2. popr. i uzup. Warszawa i dr., 1928; L'histoire et ses méthodes. P., 1961; и др.

inslav

или в стадию эвристики[7]. В цепочке операций филологической работы издание текстов помещается после критики и установления текста. Например, А. Стусси (Италия) в своем введении в филологию после эвристическо-источниковедческих глав «Рукописи и печатные издания», «Лингвистические предпосылки» и «Источники текста» говорит об издании памятников[8]. Следует сослаться и на мнения, что издание источников является завершающей стадией архивной работы[9]. В общем литература по методологии работы историка, филелога и архивиста рисует публикацию источников как звено в цепи трудов по подготовке источника и его текста к использованию.

Описание фаз внешней, или подготовительной, критики источников фактически является описанием применения вспомогательных дисциплин истории и филологии, источниковедения и, условно говоря, эдиционной науки. Практическим исследовательским действиям соответствуют области теории вспомогательных исторических и филологических дисциплин и выделяемого в некоторых странах источниковедения. Нет принципиальных препятствий для выделения еще одной дисциплины, а именно науки или дисциплины, занимающейся проблемами издания источников, тем более что сама публикаторская деятельность трактуется как научная.

Одним из показателей статуса всякой деятельности является существование или отсутствие у нее наименования. Остановлюсь сначала на термине «археография». Некоторый иностранный материал по истории термина привел С. Н. Валк. В XIX в. и ранее археографией называли описание памятников древности, преимущественно археологических. Например, на рубеже XVIII и XIX вв. О.-Л. Миллен (Франция), продолжая некоторую традицию, называл археографией «ученую археологию», т. е. часть археологии, объясняющую древние памятники истории и искусства с целью их систематического описания[10]. В том же смысле в середине XIX в. «Большой словарь» Ларусса называл археографию наукой, отмечая, что «ныне чаще говорят „археология“»[11]. Археографией называли также изображение посредством живописи и скульптуры сцен старины[12]. В зонах романских и англо-саксонских культур и языков с середины XIX в. термин «археография» в обоих приведенных значениях встречается лишь в словарях. Очень редко за пределами России слово «археография» связывалось с памятниками письменности, как, например, в книге Т. Озониоли (Франция) о древних письменностях, особенно о расшифровке Ж.-Ф. Шампольоном древнеегипетского письма[13], и в польской энциклопедии С. Оргельбранда («описание древностей, изучение памятников древности, особенно сохраняемых на письме»)[14]. В последнем случае, возможно, имело значение то, что энциклопедия выходила в Варшаве, т. е. в русской части Польши. В начале XX в. термин «археография» обнаружился еще в названии «Археографическая комиссия» при болгарском Министерстве народного просвещения — органа для издания серии средневековых памятников (с 1918 г.— Историческая комиссия).

После второй мировой войны употребление термина «археография» за рубежом расширилось и вышло за пределы словарных рубрик. В некото-

---

[7] *Erslev K.* Historisk teknik: Den historiske undersøgelse: Fremstillet i sine grundlinier. 2. udg., 2. optryk. København, 1954; *Borowsky P., Vogel B., Wunder H.* Einführung in die Geschichtswissenschaft. Opladen, 1975. 1. Bd. ets. У нас: *Саар Г. П.* Источники и методы исторического исследования. Баку, 1930.

[8] *Stussi A.* Avviamento agli studi di filologia italiana. Bologna, 1983.

[9] См.: *Королев Г. И.* Издание исторических источников как функция архивных учреждений: (Из опыта социалистических стран) // СА. 1986. № 2.

[10] Руководство к познанию древностей г. Ал. Миленя / Изд. с прибавлениями и замечаниями в пользу учащихся в имп. Московском университете Н. Кошанским. М., 1807. С. 2, 3, 73.

[11] *Larousse.* Grand dictionnaire. P., 1865. T. 1. P. 571.

[12] Ibid.; *Littré E.* Dictionnaire de la langue française. Supplément. P., 1882. P. 21.

[13] *Ausonioli Th.* Opuscules archéographiques. P., 1824. 1re livr.

[14] Encyklopedija powszechna S. Orgelbranda. Nowe stereotypowe odbicie. Warszawa, 1883. T. 1. S. 267.

inslav

рых социалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы этот термин, заимствованный из русской терминологии, стал связываться с изданием исторических источников, хотя обычным стал лишь в Болгарии. В Албании, Венгрии, Румынии [15], Чехословакии и Югославии [16] термин «археография» встречается у отдельных авторов, иногда наряду с другими названиями. Дополнительным показателем связи «археографии» с публикаторской работой служит употребление некоторыми авторами производных от этого термина («археографические пояснения» — о легенде, «археографическая часть введения», «археографические примечания» и др.). В «Словаре современной архивной терминологии социалистических стран» кубинские специалисты дали испанскую форму «археографии» [17], кажется впервые в испаноязычном употреблении этого слова связав его с публикаторским делом [18].

Вместе с тем термин «археография», хотя и значительно реже, стал использоваться и в других значениях. В задачи созданных в 1961 и 1974 гг. Археографического отделения Народной библиотеки Сербии и Болгарской археографической комиссии при Народной библиотеке в Софии входит прежде всего описание и комплексное изучение рукописей, а в издательском смысле — публикация отдельных памятников наряду с описаниями рукописей и исследований [19]. Отдельные авторы дают и такие толкования термина, как кодикология [20], обозрение источников и источниковедческих работ по истории права («археография права») [21], носящие скорее произвольный характер. Некоторые археологи возобновили термин «археография» в смысле, близком к его значениям в XIX в. Достаточно сравнить определение, например, во французском словаре Бешерелля (1869 г.), где наука об исторических памятниках именуется археологией, а археографией называется «лишь описание памятников без философских связей», т. е. техника описания, с объяснением археографии чешским археологом Я. Малиной, исходящим из трактовок в западногерманском археологическом журнале «Achäographie» как вспомогательной археологической дисциплины, занимающейся теорией и методикой описания археологических материалов с акцентом на применении ЭВМ [22]. Думаю, что сказанного достаточно для объяснения случаев употребления термина «археография» за рубежом. В XIX в. разница в его значении была невелика; во второй половине XX в. различий стало больше, хотя чаще всего слово используется в связи с проблематикой издания исторических источников.

Во французской филологии возник и ныне имеет известное распространение термин «эндотика», самое раннее употребление которого в форме

---

[15] В румынском словаре 1962 г. археография дана как синоним архивоведения, но в словаре 1972 г. она связана с публикацией «письменных источников» (Arhivistica // Dicţionar enciclopedic romîn. Bucureşti, 1962. Vol. 1. P. 189; Arheografie // Mic dicţionar enciclopedic. Bucureşti, 1972. P. 54).

[16] Об «археографии» в Югославии см.: *Синдик Н. Р.* О термину «археографија» код нас // Археографски прилози. 1984–1985. Књ. 6–7. Не учтен ряд случаев употребления термина, например, в: Rječnik arhivske terminologije Jugoslavije / Obr. i prir. M. Androić i dr. Zagreb, 1972.

[17] М., 1982. Вып. 1. С. 13.

[18] В испанских, а также португальских словарях и энциклопедиях «археография» определяется как в XIX в.

[19] Данные для понимания термина в деятельности этих учреждений см.: Народна библиотека СР Србије: Програм развоја. Београд, 1971; Археографски прилози (выходит с 1979 г.); *Христова У.* Развитие и организация деятельности в области библиографического разыскания булгарики в Народной Республике Болгарии // Известия на Народната библиотека «Кирил и Методий». София, 1980. Т. 15. С. 756 (изложение устава Комиссии).

[20] *Синдик Н. Р.* Указ. соч. С. 427.

[21] *Markoff M.* Zwei altbulgarischen archäographische Beweise für die frühmittelalterliche Entstehung des Selbstbestimmungsrechtsprinzips // Palaeobulgarica [...]. Sofia 1980. Br. 2.

[22] Dictionnaire national ou Dictionnaire universel de la langue française, [...] par M. Bescherelle aîné. 3me éd. P., 1869. P. 223; *Malina J.* System of Analytical Archaeography. Praha, 1977.

inslav

«экдотический метод» известно мне из работы С. Рейнака 1880 г.[23] Этим термином пользуются и современные итальянские филологи. В ряде работ, больше за пределами Италии и Франции, а именно у некоторых авторов из Югославии и Чехословакии, термин применен и для обозначения издания так называемых исторических источников[24]. Мнение о том, что термин уже общепринят в Западной Европе[25], не отвечает действительности.

Термин «экдотика» образован от греческого слова, означающего действие издания, и не вызывает расхождений во мнениях относительно его применения, хотя и требует определенной обусловленности, поскольку не содержит в себе обозначения направленности его на исторические источники.

В Польше стал обычным термин «эдиторство» («научное эдиторство») с определениями для конкретизации случаев его употребления («литературное эдиторство»). В работах на немецком языке встречаются еще не ставшие общепринятыми термины «эдициоведение», «эдиционная теория», «эдиционная наука» (соответственно «Editionskunde», «Editionslehre», «Editionswissenschaft). В Венгрии заметна тенденция к распространению термина «наука об издании источников» (Forrásközléstan). Иногда же авторы не решаются употребить термин и пишут о «теории и методике» публикации исторических источников, как делает, например, И. Штевичек (Чехословакия), отмечающий также, что «теория и методика» точнее, чем «археография», называют дисциплину[26].

Отмеченное разнообразие наименований говорит о поисках той определенности, которая отличает один предмет от другого. Иногда термины сосуществуют. Так, в Чехословакии и Югославии термины «археография» и «экдотика» встречаются одновременно, не получив значительного распространения. В принципе наличие терминов неоднозначно признанию самостоятельного статуса как науки (дисциплины) за областью проблем издания исторических источников. Например, французские, испанские и итальянские объяснения экдотики и польские толкования эдиторства выделяют практическую сторону дела: «искусство издавать тексты», «комплекс публикаторских методов» и т. д.[27]

Образование той или иной науки (дисциплины) обусловлено практикой в соответствующей области, интенсивностью теоретических изысканий, связями с другими науками и дисциплинами, традициями научной деятельности. В иностранной литературе мало рассуждений об условиях формирования дисциплины, занимающейся проблемами публикации исторических источников. Словацкий медиевист Р. Марсина условия для развития «археографии (экдотики)» как отдельной дисциплины видит в исследовании взаимосвязей источников, подлежащих изданию, и в отношении к самой публикационной работе не только как к технике. Важным условием, считает Марсина, является единство и разработанность принципов публикации[28]. Важна также трактовка публикационной деятельности как научной. Мнения в таком смысле достаточно многочисленны[29]. Г. Мартенс (ФРГ), Г. Целлер (Швейцария) и И. Штевичек сходным образом объясняют потребность в «специализированной дисциплине» тем, что теоретические и методические вопросы издания источни-

---

[23] *Reinach S.* Manuel de philologie classique d'après la *Triennium philologicum* de W. Freund et les derniers travaux de l'érudition. P., 1880. T. 1.

[24] L'histoire et ses méthodes. P., 1961; *Stipišić J.* Egdotika diplomatičkih izvora u prošlosti i danas // Arhivski vjesnik. Zagreb, 1972. Br. 15; *Filipović I.* Načela naučno-kritičkog objavljivnja arhivskih dekumenata 1526–1848 // Ibid.; *Marsina R.* Priprava vydávania historických prameňov // SA. 1979. Č. 2; Encyklopedia Slovenska. Bratislava, 1980. Zv. 4. S. 427.

[25] *Stipišić J.* Op. cit. S. 86.

[26] *Sťovíček I.* Předmet a metoda ediční teorie a metodiky // AČ. 1981. Č. 2.

[27] L'histoire et ses méthodes: *Szymański J.* Nauki pomocnicze historii od schylku IV do końca XVIII wieku. Wyd. 2. Warszawa, 1976; ets.

[28] *Marsina R.* Op. cit. S. 4.

[29] Некоторые мнения см.: *Королев Г. И.* Издание исторических источников...

inslav

ков могут решаться и развиваться комплексно именно в широких рамках эдиционной науки [30].

К началу XX в. европейская наука имела большой опыт в области филологической текстологии («критики текстов») и в методике публикации источников. В конце XIX в. возникла проблема единства методов издания. Успехи в методологии исторического исследования на рубеже XIX и XX вв., развитие концепции исторической науки как науки точной, линия на систематизацию и кодификацию публикаторской методики в виде правил, появление специальных работ создавали возможности для возникновения научной дисциплины, занимающейся проблемами издания исторических источников. Подобные условия существовали и в России, где формирование такой дисциплины началось раньше [31]. В 1920-х годах польский историк и архивист Ю. Семеньский высказался на развитие вспомогательной исторической дисциплины «методология публикаций», которая систематически разрабатывала бы теорию и обосновывала бы принципы издания источников, формулируемые, в частности, в виде правил. Пути развития такой дисциплины Семеньский видел в анализе и обобщении опыта публикаторов и в анализе внутренних закономерностей развития источников [32]. Все же идея Семеньского еще не характеризует тенденций, существовавших до середины XX в. Уже после второй мировой войны понимание теоретико-методической сферы публикации источников как отдельной научной отрасли расширилось, правда преимущественно в социалистических странах. В это время и возникло то разнообразие наименований, о коем говорилось выше. Научный статус особенно отчетливо выразили такие названия, как «наука об издании источников» и «эдиционная наука». По одним мнениям, такая наука уже возникла, по другим — она только формируется. Закономерно появление объяснений смысла и статуса пока еще новой дисциплины.

Предмет и задачи эдиционной науки обычно определяются кратко. Так, по Г. Целлеру, эта дисциплина разрабатывает «целесообразные определения понятий и правила действий» [33], т. е. теорию и методику; по Д. Эмберу (ВР), к «археографии» относятся теоретические и методические вопросы издания «любых видов источников» [34] и т. п. Отдельные авторы в предмете данной дисциплины выделяют также историю публикационной деятельности [35] и описание памятников [36]. Ш. Рудоградский (ЧСР) в центре предмета «археографии» поставил «целенаправленно систематизированный комплекс тех объективных свойств документов, которые обусловливают их способность быть опубликованными» согласно задаче издания, под свойствами понимая содержание и исторический контекст его, информационную и идейную направленность, актуальность и др.[37] Самостоятельность методов археографии тот же автор видит в их

---

[30] *Martens G., Zeller H.* Vorwort // Texte und Varianten: Probleme ihrer Edition und Interpretation / Hrsg. von G. Martens und H. Zeller. München, 1974. S. VII; *St'ovíček I.* Významnú príspêvek k rozvoji ediční teorie a praxe // AČ. 1979. Č. 3. S. 156.

[31] О развитии археографии в России на основе разграничения областей научной деятельности см.: *Чирков С. В.* О применении термина «археография» в начале XX в. // АЕ за 1981 год. М., 1982.

[32] Сведения приводятся по: *Kürbisówna B.* Osiągnięcia i postulaty w zakresie metodyki wydawania źródeł historycznych / Studia Źródłoznawcze. Warszawa, 1957. T. 1. S. 53.

[33] *Zeller H.* Befund und Deutung: Interpretation und Dokumentation als Ziel und Methode der Edition // Texte und Varianten... S. 56.

[34] *Эмбер Д.* Аппарат публикаций архивных источников // Etudes historiques hongroises 1975, publiées à l'occasion du XIVe Congrès International des Sciences Historiques par la Commission Nationale des Historiens Hongrois. Budapest, 1975. T. 1. P. 172.

[35] *Матеева М.* За предмета и задачите на археографията // Известия на държавните архиви. София, 1973. Т. 26, С. 24.

[36] См. сноску 19.

[37] *Rudohradský Š.* Sovietská archeografia o svojich súčasných problémoch // SA. 1980. Č. 1. S. 24–26.

inslav

ориентированности на основные свойства источников. Показательна эволюция наименования и объяснения предмета дисциплины у отдельных авторов. В первом издании книги П. Раабе (ФРГ) по источниковедению истории новой немецкой литературы среди вспомогательных дисциплин литературоведения названа «эдиционная техника», во втором издании замененная на «эдициоведение»[38]. Г. Георгиев (НРБ) от ограничения «археографии» методикой публикации перешел к более широкому толкованию — о научных принципах, методике, истории издания источников и неназванных других вопросах[39]. Из подобных примеров не следует делать широких обобщений, но вместе с другими фактами они говорят об усилении акцента на теоретической стороне публикаторской проблематики.

Степень самостоятельности теории и методики понимается по-разному. По одним толкованиям, это самостоятельная научная отрасль. Такой смысл содержится в определении «археографии» в «Словаре современной архивной терминологии социалистических стран» (с. 13): «Научная дисциплина, разрабатывающая теоретические и методические вопросы публикационной деятельности». В других случаях статус теории и методики объясняется по аналогии с вспомогательными историческими дисциплинами. Здесь следует пояснить: то, что у нас называется вспомогательными историческими дисциплинами, в других странах именуется вспомогательными историческими науками. Слово «дисциплина» имеет более узкое значение. Соответственно эдиционная теория и методика именуются вспомогательной исторической наукой (в Болгарии — дисциплиной)[40]. Для филологов это филологическая дисциплина[41], или, что точнее, литературоведческая. Любопытно толкование Ю. Шиманьского (ПНР), считающего, что «эдиторство» сближается с вспомогательными историческими науками и входит в их круг, не являясь, однако, такой наукой[42]. Однако Шиманьский не уточняет статус иным образом, нежели замечанием, что эдиторство составляет комплекс публикаторских методов. В «Словаре современной архивной терминологии...» эдиторство приведено в качестве синонима археографии, т. е. с тем же значением.

Остановлюсь на опыте выработки понятия о статусе эдиционной теории и методики И. Штевичеком[43]. Этот автор считает, что эдиционная теория и методика оперируют с узким кругом проблем, имея в виду, видимо, чисто специфические проблемы, и потому не являются ни самостоятельной наукой, ни традиционной вспомогательной исторической наукой, но выступают вспомогательной научной дисциплиной, имеющей два обличья: общественно-научное в широком смысле слова и вспомогательно-историческое — в узком. Приведенная интерпретация интересна тем, что дает возможность понимать дисциплину как универсальную, внеотраслевую, прилагаемую при надобности к отдельным сферам науки. Правда, из отдельных сфер приложения названа одна область истории. Мнение об узости проблематики неизбежно содержит изрядную долю субъективизма. Впрочем, анализ масштабов специфики дисциплины необходим для более полного понимания ее свойств.

В сумме высказываний о рассматриваемой дисциплине немало сопоставлений ее с вспомогательными историческими дисциплинами. Поэто-

---

[38] *Raabe P.* Quellenkunde zur neueren deutschen Literaturgeschichte. Stuttgart, 1962. S. 3; Ibid. 1966. S. 21.

[39] Ср.: *Георгиев К.* Въпроси на българската археография. София, 1970. С. 6; *Он же.* Историята и нейните извори. София, 1981. С. 134.

[40] См.: *Георгиев К.* Въпроси...; *Он же.* Историята...; *Матеева М.* Указ. соч.; *Santifaller L.* Gedanken und Anregungen über technische Probleme der historischen Grundwissenschaften // Relazioni del X Congresso Internazionale di scienza storiche: Metodologia, problemi generale, scienze ausiliarie della storia. Firenze, 1955. Vol. 1; Rječnik...; etc.

[41] *Scheibe S.* Zu einigen Grundprinzipien einer historisch-kritischen Ausgabe // Texte und Varianten... S. 13; etc.

[42] *Szymański J.* Op. cit.

[43] *Sťoviček I.* Předmet a metoda... S. 90.

inslav

му следует обратить внимание на понимание этого комплекса дисциплин. В мировой литературе вполне обычно мнение, что вспомогательные исторические дисциплины в своей основе являются техниками исследования главным образом отдельных видов источников, развившимися в научные дисциплины. Теория и методика прошли тот же путь развития, но, подобно генеалогии, хронологии и некоторым другим из вспомогательных исторических дисциплин, не связаны с отдельным видом источников. К эдиционной науке можно отнести многие общие характеристики вспомогательных дисциплин. В частности, нередко подчеркивается самостоятельность вспомогательных исторических дисциплин. Внешним признаком такого подчеркивания является возникновение названий «специальные исторические науки», «базисные исторические науки» и т. п., которыми некоторые авторы заменяют традиционное название. Акцент на самостоятельности эдиционной теории и методики тем более уместен. Равным образом к эдиционной теории и методике можно отнести предсказания развития вспомогательных исторических дисциплин вроде прогноза Е. Топольского (ПНР) о формировании из этих дисциплин «блока наук о методе» на базе усиления интеграционных процессов [44].

На интерпретацию статуса теории и методики издания источников влияет неодинаковое не только в разных странах, но нередко в одной и той же стране распределение между науками объектов исследования. Поэтому в литературе фигурируют весьма разные перечни вспомогательных дисциплин. Включение того или иного объекта в круг интересов какой-либо дисциплины в известной мере препятствует выделению дисциплины, занимающейся таким объектом. По этой причине, например, далеко не всюду выделяется источниковедение. Замечание о действии указанного фактора на статус теории и методики в Чехословакии [45] можно было отнести, наверное, и к другим странам. Чехословацкий же опыт показывает, что влияние традиции не мешает образованию новой дисциплины, если ведутся теоретические исследования по ее профилю. Выделение еще одной дисциплины в условиях глубокой дифференциации областей исследования вообще не представляется чем-то особенным.

В иностранной литературе имеется достаточно соображений о контактах между эдиционной теорией и методикой и другими науками, хотя чаще всего они сделаны кратко и попутно. Речь идет о разграничении, использовании методов и результатов и о совпадающих пунктах исследования.

Ш. Рудоградский провел границы между источниковедением, архивным делом и археографией по целям исследования [46]. Задачей источниковедения Рудоградский считает установление «информационной ценности исторического источника под углом зрения его достоверности как исторического факта», архивного дела — сохранение и обеспечение доступности «комплексных собраний историко-социальных сведений», а археографии — то, что касается действий по публикации источников. Цель, преследуемая какой-либо дисциплиной вообще, является исходным критерием выделения дисциплины, но в особенности это относится к группе дисциплин, занимающихся одной категорией (в широком смысле слова) объектов, или, как в нашем случае, категорией «исторические источники». Рудоградский отмечает и различие по объему охватываемого дисциплинами материала источников: архивоведение занимается хранящимися в архивах материалами, а археография — только частью материалов, сохранившихся и сохраняемых не только в архивах. Можно было бы добавить, что для определения той части совокупного фонда сохранившихся источников, которая может быть опубликована, нужен анализ

---

[44] *Topolski J.* Wprowadzenie do referatu pt. «Metodologiczne klasyfikacje źródeł historycznych» // Problemy dydaktyczne nauk pomocniczych historii. Katowice, 1973. T. 1. Aneks. S. 54.
[45] *Sťoviček I.* Předmet a metoda...
[46] *Rudohradský S.* Op. cit.

inslav

и более широкой совокупности источников. На первый же план все же выходит проблематика изучения подлежащей изданию части совокупности, чем и определяется преимущественное отличие эдиционной науки от других дисциплин.

В странах, где архивы публикуют исторические источники [47], эдиционная наука нередко рассматривается сквозь призму интересов архивоведения. Один из немногих, кто подробно занимается данным аспектом связей, Д. Эмбер, трактует архивоведение как «комплексную архивную науку», состоящую из собственно архивоведения (архивистики) и подчиненных ее целям других наук («содружественных дисциплин»), в том числе исторических, а среди них — вспомогательных исторических дисциплин, включая группу «источниковедение» с «наукой об издании источников (археографией)» [48]. Эмбер определенно пишет, что по отношению к архивоведению и архивному делу другие дисциплины выполняют свои задачи в той мере, в какой это касается архивных материалов. Из сказанного Эмбером следует, что он не сводит эдиционную науку к архивоведческому комплексу.

Характеристика эдиционной науки как вспомогательной по отношению к архивоведению (Д. Эмбер и др.) и даже входящей частично в его состав обнаруживает более общий принцип оценки связей и соотношений и разграничений между дисциплинами: принципы, методы и результаты той или иной дисциплины могут быть по отдельности или в комплексах использованы в другой дисциплине, а сама используемая отрасль, не утрачивая своей самостоятельности, может выступать вспомогательной по отношению к использующей дисциплине [49]. Отсюда, в частности, проводимое некоторыми авторами деление вспомогательных исторических дисциплин на дисциплины в широком и узком смысле слова. Не только эдиционная наука может выступать вспомогательной по отношению к другим наукам, но и другие науки по отношению к ней могут быть подчиненными. В литературе, правда, чаще говорится о значении для эдиционной науки других наук (палеографии, дипломатики, сфрагистики и др.), нежели об их вспомогательной роли [50]. Высказано и, пожалуй, крайнее суждение о том, что целью вспомогательных исторических дисциплин является способствование научному изданию источников [51].

Подобно тому как публикаторская теория и методика при надобности включается в другую дисциплину (см. выше пример с отнесением ее части к архивоведению), в эдиционную науку тоже могут быть включены другие дисциплины. Можно сослаться на объяснение дипломатического исследования как части работы по подготовке к изданию делопроизводственных документов [52]. На основании этого суждения дипломатику, возникшую, кстати сказать, в ходе публикаторских работ в XVII в., можно толковать в качестве вспомогательной для эдиционной науки и даже включенной в нее дисциплины, но из этого совершенно не следует, что дипломатика не самостоятельна.

Особое место в проблеме междисциплинарных связей принадлежит текстологии. Предшественницей текстологии является «критика текста», которой, помимо значения исследовательского процесса, нередко придается и дисциплинарный смысл. Например, Ж. Фроже (Франция) пишет: «Критика текста есть такая специальная дисциплина» [53]. Иногда

---

[47] *Королев Г. И.* Издание исторических источников...
[48] *Ember Gy.* Levéltártudomány // Századok. 1984. 1. sz.
[49] *Topolski J.* Metodologia historii. Wyd. 2, popr. i uzup. Warszawa, 1973. S. 44.
[50] Не имея в виду междисциплинарные отношения, о необходимости для публикатора знаний из многих наук писали еще Ленглуа и Сеньобос. Единственная специальная работа: *Sťovíček I.* Vydávání novodobých historických pramenů a pomocné vědy historické // AČ. 1979. Č. 2.
[51] *Sacerdoţeanu A.* Sarcinile ştiinţelor auxiliare ale istoriei // Revista arhivelor. 1966. Nr. 1. P. 18, 45.
[52] *Kušik M.* «Slovenská archivistika» a jej program // SA. 1966. Č. 1.
[53] *Froger J.* La critique des textes et son automatisation. P., 1968 P. 2.

inslav

же критику текста отождествляют с эндотикой [54] или эндотику включают в область критики текста [55].

Из русской терминологии перешел в научный обиход в социалистических странах Центральной и Юго-Восточной Европы и быстро там укоренился уже в 50-е годы термин «текстология». В дисциплинарном значении этот термин сначала употреблялся параллельно с «критикой текста» для обозначения работы с памятниками нового времени, а затем стал применяться и в отношении к более ранним текстам. Чаще всего текстология рассматривается как филологическая или вспомогательная филологическая (вариант — литературоведческая и лингвистическая) дисциплина [56] или отдел филологии [57]. Историки тоже относят текстологию к филологии. Только изредка текстологию называют историко-филологической дисциплиной [58]. За пределами социалистических стран термин «текстология» употребляется спорадически [59]. В западной литературе преобладает «критика текста» (в дисциплинарном значении). З. Шейбе (ГДР) описал статус текстологии двояко, исходя из отмеченного принципа определения в зависимости от выбираемой точки зрения на междисциплинарные отношения [60]. У Шейбе текстология выступает вспомогательной наукой в том смысле, что она разрабатывает материал для целей других научных исследований (литературоведения, философии, истории и др.), и самостоятельной, поскольку имеет собственные методы и собственный выход в другие области науки.

Исторически критика текста, или филологическая критика, была постоянно связана с задачами публикации текстов памятников, т. е. с публикацией памятников вообще. Филология возникла и развивалась, имея стержнем интересы публикации. Определения текстологии и критики текста не всегда связывают исследование текстов с их изданием. В других странах, как и в СССР, считается, что исследование текста необязательно ведет к его изданию, но что каждая публикация требует текстологического анализа [61]. Однако детализирующие объяснения текстологии и критики текста отчетливо выявляют связи между текстологией и публикацией текстов. Многие же определения сразу указывают на эти связи. В самих названиях некоторых работ упоминания текстологиии и публикаторского дела соединены («Публикатор и текст: Введение в практическую текстологию», «Текстология и эдиторство литературных произведений», «Введение в текстолэгию: Версификация, установление, издание текстов» и т. п.[62] Иногда текстология и критика текстов отождествляются с публикацией текстов, т. е. и с эдиционной наукой (эндотикой и др.). Отождествление показывают обороты вроде «критика текста, или эдиционная наука» [63], «публикаторское дело (текстология)» [64]. Немецкий термин «эдиционная филология», обозначающий изучение процесса создания источников текста литературного произведения и установление основного текста [65], практически не отличается по содержанию от того смысла, что придается текстологии. Об изучении генезиса и всей истории, авторства, подлинности и других качеств текста говорится во всех определениях текстологии, из которых выделю два акцента: реконструкция процесса создания текста и роль изучения творческого намерения автора [66].

Зарубежный материал показывает, что сложилась ситуация, когда признается, хотя и не единогласно, одновременное существование тесно связанных, сотрудничающих дисциплин, по-разному именуемых — эдиционной и текстологической. Коль скоро образовались две дисциплины, причастные к проблемам издания исторических источников (в широком смысле слова), то в принципе возникает вопрос о разграничении между ними. Можно лишь констатировать отсутствие специальных опытов та-

---

[54] В нескольких современных итальянских словарях эндотика объясняется через критику текста. А. Стусси прямо называет эндотику синонимом критики текста (Указ. соч. С. 105).

[55] *Quentin H.* Essais de critique textuelle (ecdotique). P., 1926. P. 9.

[56] Например: *Vš.* Textologie // Slovník literární teorie / Zpr. Ústav pro českou a světovou literaturu ČSAV. 2. vyd. Praha, 1984. S. 384.

inslav

кого разграничения. Хотя эдиционная наука (особенно когда говорится об археографии) иностранными авторами чаще относится к исторической науке, а текстология — к филологии, это недостаточное разграничение, тем более что и эдиционная наука без каких-либо оговорок рассматривается в филологическом контексте, и текстология, правда редко,— в контексте исторической науки. Отмечаются и связи между обеими дисциплинами, наличие у них общих интересов, прежде всего в деле установления текстов [67]. Из описаний дисциплин и исследовательских процедур в них следует скорее принципиальное, нежели фактическое, разграничение. Поскольку текстологическая работа рассматривается как стадия подготовки публикации [68], разграничение принимает облик различения между общим и частным, т. е. между суммой всех действий публикатора и суммой текстологических действий. По тому же принципу можно провести грань между дисциплинами, а при надобности включать текстологию в дисциплину эдиционной теории и методики, как и произвести обратное включение, хотя только отчасти.

Включение текстологии в эдиционную науку по принципу разграничения между стадиями исследования при подготовке публикации имеет параллель с некоторыми другими разграничениями, проводимыми зарубежными авторами. Различие стадиального характера отмечено в отношениях между текстологией и литературоведением: первая готовит текст в документационном плане, второе занимается анализом, интерпретацией, сравнением содержания издаваемого (изданного) текста [69]. Одновременно в интересах литературоведения текстология помещается в него в качестве его отдела. Термин «эдиционная филология» подчеркивает частный характер текстологии в рамках всей филологии. Аналогия со стадиями исторического исследования, описываемыми в традиции, начатой Ланглуа, Сеньобосом и Бернгеймом, представляется уместной.

Проблема связей и взаимозависимостей между рассматриваемой дисциплиной и другими науками и дисциплинами может быть изучена в плане интеграции наук и междисциплинарных проникновений. Интеграционные тенденции и дезинтеграционные моменты (рост числа и увеличение самостоятельности дисциплин) проявляются и в области работы над исто-

---

[57] Słownik języka polskiego. Warszawa, 1981. T. 3. S. 488; Ilustrovaný encyklopedický slovník. Praha, 1982. 3. díl. S. 576; Речник на чуждите думи в българския език. София, 1982. С. 843; и др.

[58] Словарь... С. 223; *Aleksić R.* Rečnik stranih reči i izraza. Beograd, 1978. S. 731.

[59] У некоторых авторов в журнале «Полата кънигописьная», у Г. Целлера, в кн.: *Laufer R.* Introduction à la textologie: Vérsification, établissement, édition des textes. P., 1972; etc.

[60] *Scheibe S.* Von dem Erfordernissen und der Zwecken der Textologie // Vom Umgang mit Editionen: Ein Einführung in Verfahrensweisen und Methoden der Textologie / Von S. Scheibe (Leitung), W. Hagen, Ch. Laufer, U. Motschmann. B., 1988. S. 22.

[61] *Witkowski G.* Textkritik und Editionstechnik neuerer Schriftwerke: Ein Methodologischer Versuch. Leipzig, 1924. S. 19; *Vš.* Op. cit. S. 384–385.

[62] Editor a text: Úvod do praktické textologie. Pr., 1971; Górski K. Textologia i edytorstwo dziet literackich. Warszawa, 1975; *Laufer R.* Op. cit.

[63] *Polheim K. K.* Ist die Textkritik noch kritisch? // Germanistik — Forschungsstand und Perspektiven: Vorträge des deutschen Germanistentages 1984 / Hrsg. von. G. Stätzel. Berlin; N. Y., 1986. 2. Teil. S. 324.

[64] *Hagen W.* Vom Anliegen dieses Buches // Vom Umgang mit Editionen... S. 8.

[65] *Kanzog K.* Wozzeck, Woyzeck und kein Ende: Zur Standortbestimmung der Editionsphilologie // Deutsche Vierteljahresschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte. Stuttgart, 1973. H. 3. S. 442; *Kraft H.* Die Aufgaben der Editionsphilologie // Zeitschrift für deutsche Philologie. Bonn, 1982. Bd. 101. Sonderheft. S. 4.

[66] Ограничиваюсь ссылками на словарные определения текстологии, содержащие указанные акценты, данные П. Вашаком (Чехословакия) и К. Гурским (Польша): *Vš.* Op. cit. S. 384; Wielka encyklopedia powszechna PWN. Warszawa, 1968. T. 11. S. 444.

[67] *Górski K.* Tekstologia...

[68] Встречается обозначение филологической даже работы над текстом делопроизводственного документа.

[69] *Scheibe S.* Von dem Erfordernissen... S. 22.

inslav

рическими источниками. Растущее признание отдельного дисциплинарного статуса за эдиционной теорией и методикой свидетельствует о дезинтеграционных тенденциях в исторической науке и филологии, а также во всей сфере общественных, гуманитарных дисциплин. Вместе с тем у самой эдиционной науки и за рубежом усматривают интегрирующую функцию. Правда, этот вопрос мало разработан и на сей счет имеются лишь краткие замечания [70]. Определеннее интегрирующее действие эдиционной науки описывается в связи с комплексом вспомогательных исторических дисциплин. Например, Р. Марсина характеризует эту науку как «комплексную дисциплину вспомогательных исторических наук», а А. Сачердоцяну (РНР) именует археографию, понимаемую им только как комплекс методов, «энциклопедией практического применения» этих дисциплин [71]. Положение эдиционной науки среди наук можно сопоставить со статусом некоторых дисциплин, также одновременно находящихся в разных научных сферах. Такими являются, например, историческая география и историческая демография, которые находятся одновременно в двух областях знаний и которые соединяют соответствующие области знаний. Кстати, между историческими географией и демографией имеются связи и некоторые общие объекты изучения.

На объяснении эдиционной науки часто сказывается специализация тех, кто высказывается. Экдотика выделяется и объясняется чаще филологами и сооответственно самой дисциплине (области интересов) придается больше филологический смысл. Подобное — с археографией, относимой чаще всего к сфере исторической науки. Иногда же эдиционная наука связывается с частью исторических источников — с рукописными [72] или архивными [73] материалами. Иностранные данные показывают тенденцию выхода эдиционной теории и методики за пределы письменных источников, а именно в области кинофотофонодокументов и научно-технических документов вообще, а изобразительных технических документов (чертежей и т. п.) в особенности. Эту новую тенденцию уже отражают некоторые нормативы [74]. Картина будет полнее, если привести высказывания о том, что эдиционная наука занимается «любыми видами источников», «историческими источниками всех типов» [75], является историко-филологической дисциплиной, что она комплексна по отношению к вспомогательным историческим дисциплинам. Междисциплинарность усматривается и у текстологии [76]. Текстология исторических памятников имеет много общего с проблематикой исследований о тексте вообще. Поэтому приведу мнение: вместо одной «науки о тексте» лучше говорить о междисциплинарном комплексе наук о тексте (с лингвистикой текста, литературоведением и теорией коммуникаций) [77]. По аналогии с этим в принципе можно толковать о междисциплинарном комплексе эдиционной науки и текстологии. К настоящему времени понятие об эдиционной науке как о метанауке, как о междисциплинарной науке представлено лишь

---

[70] *Kürbis B.* O założeniach i metodzie edycji historycznych i literackich // Rocznik Biblioteki Narodowej. Kraków, 1973. T. 9. S. 221–222.

[71] *Sacerdoţeanu A.* Op. cit. P., 44; *Marsina R.* Op. cit. S. 7; Dicţionar al ştiinţelor speciale ale istoriei:Arhivistică, cronologie, diplomatică, genealogie, heraldică, paleografie, sigilografie Bucuresti, 1982. P. 32.

[72] *Filipović I.* Op. cit.

[73] Rječnik...

[74] См. разделы «Публикация специальной документации» и «Аудиовизуальные источники» в Правилах за публикуване на архивни документи (Методически кодекс. София, 1982); Zur Edition zeitgeschichtlicher Quellen / Vorgelegt vom Arbeitskreis «Editionsprobleme des 20. Jahrhunders» (1974) // Jahrbuch der historischen Forschung in der Bundesrepublik Deutschland 1975. Stuttgart, 1976.

[75] *Эмбер Д.* Указ. соч. С. 172; Arheografie // Malá československá encyklopedie. Praha, 1984. 1. díl. S. 225.

[76] *Scheibe S.* Zum Verhältnis der Edition/Textologie zu den Gesellschaftswissenschaften. Mit einem Anhang: 25 Thesen zur Textologie // Weimarer Beiträge. Berlin 1987. H. 1. S. 164.

[77] Tekst // Lexicon van literaire termen. 2. herz. en vermeerd. druk. Leuven 1984. Blz. 304.

inslav

отдельными ростками. Похоже, однако, что начинают формироваться предпосылки для такого рода интерпретации данной дисциплины.

Различия в понимании статуса дисциплины, занимающейся проблемами публикации исторических источников, не только показывают известное разнообразие индивидуальных интерпретаций, но и отражают реальную сложность в определении границ, статуса, предмета и компетенции дисциплины, объема и способов использования методов и результатов других наук. Не меньшее значение имеет незавершенность процесса формирования дисциплины, начавшегося довольно поздно, возможно и существование некоторого множества дисциплин, занимающихся историческими источниками. Более широкое, чем ныне, признание самостоятельного статуса эдиционной теории и методики может быть реальным, если развивается теория публикации источников. Показателем такой реальности служит в общей сложности уже значительная библиотека трудов по теории, методике и истории публикации источников, вышедших в XIX—XX вв., которым предшествовали не столь многочисленные работы.

Симптоматично, что вновь возникающие названия дисциплины содержат упоминания об издательской или публикаторской работе. Традиция, заложенная «экдотикой», продолжена рядом приведенных названий, к которым можно прибавить монгольский и вьетнамский термины-новообразования, зафиксированные в «Словаре современной архивной трминологии...» в качестве синонимов к русской «археографии». Эти термины соответственно образованы из слов «публикация», «документ» и «-логия» (наука) и «публикация» и «-логия» (наука) [78]. В термине «археография» публикаторская функция не называется. Это само по себе уже является причиной расхождений, существующих в отечественной науке, предмета и других признаков археографии. Распространенный перевод первой части термина («археo-») словом «древний» создает неудобство при отнесении всего понятия «археография» к работе с источниками по новой и новейшей истории. Правда, Е. М. Добрушкин вслед за Н. Ф. Бельчиковым обратил внимание на одно из значений корня «археo-» — «устаревший», «бывший в употреблении» [79]. Перенос акцента с «древнего» на «устаревший» устраняет хронологическую трудность. Трудность из-за необозначения термином публикаторской функции С. Н. Валк, не проведший различия между именованием дисциплины и публикационной работы, предлагал преодолеть заменой «археография» на «издание документов» [80]. «Издание документов», как и «издание источников» у Л. Зантифаллера (см. сноску 40) и некоторых других иностранных авторов, не годится для называния научной дисциплины. Валк считал, что «на Западе не старались искать какого-либо термина, чтобы им заменить такое простое выражение, как «издание документов». Такому мнению противоречит существование «экдотики» и «методологии публикаций» Ю. Семеньского. Другое дело, что поиски не были особенно активными, так как практическая работа действительно в этом не очень нуждалась, а научной дисциплины еще не было. Не раз отмечавшаяся в отечественной литературе роль традиции в существовании термина «археография» велика, но все же не снимает вопроса о точности определения и названия дисциплины, что является одним из факторов, помогающих уточнить самый ее предмет. С точки зрения традиций русской терминологии, широко пользующейся греческими корнями, примечателен термин «экдотика», называющий публикаторскую задачу и нейтральный к хронологической принадлежности источников, но вместе с тем существующий лишь в области работ с историческими (в широком смысле слова) источниками.

---

[78] По тому же принципу из слов «древний», «письменный», «документ» и «-логия» образован термин для перевода «археографии» в пекинском «Большом русско-китайском словаре» (Бейцзин, 1985).

[79] *Добрушкин Е. М.* О некоторых вопросах изучения терминологии и истории археографии // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 98–99.

[80] *Валк С. Н.* Указ. соч. С. 464–465.

inslav

С. М. Каштанов

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ ИСТОЧНИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

(часть вторая)

В первой части настоящего обзора[1] мы уже начали рассмотрение типологии фальсификаций, предложенной итальянским историком и писателем Умберто Эко в докладе на международном конгрессе «Фальсификации в средние века», который был организован институтом Monumenta Germaniae Historica и проведен в Мюнхене 16—19 сентября 1986 г.[2] Доклад Эко состоит из пяти разделов[3]. Во втором разделе доклада автор указывает пять разновидностей «ложных идентификаций»: 1) неразличение тождества и взаимозаменяемости, 2) преднамеренно ложную идентификацию, 3) отождествление по незнанию, 4) переделку оригинала, 5) претензию на взаимозаменяемость.

От «ложных идентификаций» Эко отличает «псевдоидентификации», или «апокрифы» и «псевдоэпиграфы». Поскольку автор не дает определения разницы между «ложной идентификацией» и «псевдоидентификацией», мы предположили, что он видит ее в том, что при ложной идентификации имеется в наличии подлинный объект $O_а$, с которым хотят отождествить какой-то поддельный объект $O_б$, а при псевдоидентификации объект $O_а$ отсутствует в природе, но с ним пытаются отождествить какой-то объект $O_б$. В докладе упоминаются четыре разновидности псевдоидентификаций: 1) добросовестное создание «заменителей», 2) намеренная дипломатическая подделка и стилистический подлог, 3) добросовестная подделка грамот, 4) неверная идентификация по ошибке. По поводу первых трех разновидностей псевдоидентификаций нами были сделаны некоторые замечания в предыдущей части обзора. Остановимся теперь на четвертой разновидности — неверной идентификации по ошибке.

Такая идентификация имеет место в тех случаях, когда некто, не зная, что $O_а$ не существует, а потому и не отождествляется с $O_б$, заявляет, что эти объекты идентичны и, значит, $O_б$ подлинный. Суть дела у Эко сводится тут к вопросу об авторстве. Это явствует из примеров, которые он приводит. Так, некоторые считали «Corpus Dyonisianum» творением одного из учеников апостола Павла. Другие полагали, что трактат «De causis» составлен Аристотелем. Третьи верили в подлинность «Книги Еноха» (эта точка зрения бытует и сейчас). Отдельные деятели эпохи Возрождения приписывали «Corpus Hermeticum» не эллинистическим авторам, а мифическому Гермесу Трисмегисту, жившему якобы еще до Платона, в египетские времена, и предположительно отождествляемому с самим Моисеем. Подобные псевдоидентификации источников производились и в наше время. «Grammatica Speculativa» была прокомментирована Хайдеггером (Heidegger), который полагал, что ее создате-

---

[1] См.: *Каштанов С. М.* К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья // АЕ за 1987 год. М., 1988.

[2] Полные тексты докладов, сделанных на конгрессе, в сопровождении большого числа статей, представленных разными авторами позднее, были опубликованы в пяти томах в 1988 г.: Fälschungen im Mittelalter: Internationaler Kongreß der Monumenta Germaniae Historica. München, 16.–19. September, 1986. Hannover, 1988. Teil I–V (=Monumenta Germaniae Historica. Schriften. Bd. 33, I—V). В 1989 г. должна быть опубликована шестая часть этого издания, содержащая указатели.

[3] *Eco U.* Tipologia della falsificazione // Fälschungen... Teil 1. Kongreßdaten und Festvorträge. Literatur und Fälschung. S. 69–82.

inslav

лем являлся Дунс Скотт; однако вскоре после этого выяснилось, что данную грамматику написал Фома Эрфуртский.

Как вариант «псевдоидентификации по ошибке» рассматривает Эко атрибуцию какого-либо произведения псевдоавтору, что происходит, когда некто, располагая только текстом $O_б$, решается приписать его автору а, о котором имеются лишь неопределенные легенды. Примером такой идентификации может служить, по Эко, атрибуция Псевдо-Лонгину сочинения «De sublimi».

Надо сказать, что понятие апокрифа не всегда связано с представлением о псевдоидентификации и псевдоавторстве. Некоторые апокрифы остаются анонимными, и их трудно отнести к тому или иному типу псевдоидентификаций, намеченных Эко, т. е. это и не «заменители» какого-то предполагаемого оригинала, и не намеренные дипломатические или стилистические подделки, и не «добросовестные подделки грамот», и не атрибуции по ошибке. Это просто сочинения, не признанные священными, отвергнутые официальной церковью и не вошедшие в канон.

Автор ставит вопрос: какой точный смысл мы вкладываем в утверждение, что некто «знает» о неидентичности объектов $O_а$ и $O_б$? По мнению Эко, единственный случай очевидно ложной атрибуции может быть представлен, скажем, такой ситуацией, когда кто-то показывает нам воспроизведение портрета Моны Лизы, стоя перед его оригиналом в Лувре, и заявляет, что эти два объекта взаимозаменяемы и тождественны. Ситуация, конечно, неправдоподобная, замечает автор, но даже в этом случае элемент сомнения остается: нельзя ли допустить, что $O_б$ — подлинная картина, а $O_а$ — подделка, которую кто-то повесил на стену по незнанию или с целью обмана? Далее ставится такой вопрос: что значит «знать», что $O_а$ никогда не существовал? Абстрагируясь от случаев, когда бесспорно доказано, что $O_а$ существовал, но был уничтожен, утверждение «$O_а$ никогда не существовал» означает не более того, что у нас «нет доказательств существования $O_а$».

По словам Эко, «современная филология» развила технику сравнений, позволяющую установить, совпадает ли $O_б$ с $O_а$, но применение этих приемов предполагает, что исследователь знает свойства, которые $O_а$ имеет или должен был иметь. Метод определения свойств $O_а$ тот же самый, что употребляется для выяснения признаков $O_б$ и его тождества с $O_а$. Другими словами, чтобы сказать, что воспроизведение портрета Моны Лизы не является подлинным портретом, надо исследовать оригинал и подтвердить его подлинность теми же техническими приемами, которые используются для заключения об отличии воспроизведения от оригинала. «Современная филология» не удовлетворится устной легендой о том, что, предположим, портрет Моны Лизы был повешен в Лувре самим Леонардо да Винчи сразу после того, как он его закончил. Потребуется документальное подтверждение этого известия, причем встанет вопрос о подлинности документов. Такого рода сомнения смогут либо подкрепиться, либо рассеяться только исследованием подлинного портрета, рассматриваемого тоже в качестве «документа»: изучение его материала и структурных особенностей даст возможность заключить, могла ли эта живопись быть творением Леонардо.

Тут, как нам кажется, автор доклада не довел свое рассуждение до конца. Доказательство подлинности Джоконды еще не может служить доказательством достоверности того легендарного известия, которое, допустим, гласит, что Леонардо вывесил этот портрет в Лувре сразу после его написания. Для подкрепления легенды такого рода потребовалось бы сослаться, как пишет сам Эко, на документы, доказать их подлинность и, добавим, достоверность сообщаемых в них фактов.

Заметим также, что говорить по отношению к Джоконде о методах «филологии» (когда дело касается анализа самого портрета) можно лишь условно, поскольку здесь применяются методы не «филологии» в узком смысле слова, а искусствоведения. Впрочем, методы той и другой науки могут в данном случае восприниматься как формы источниковедческой

inslav

критики на разном материале и разными специфическими приемами. В современной советской документалистике утвердилось расширительное (по-видимому, навеянное художественной литературой и устной речью) понимание «документа» как всякого вообще источника, несущего преднамеренную информацию, и хотя мы считаем такое применение термина «документ» малоплодотворным с точки зрения классификации источников по типам, родам и видам, с этим словоупотреблением нельзя не считаться. Эко предлагает рассматривать картину как «документ» имея в виду, вероятно, что это источник, несущий преднамеренную информацию.

Согласно Эко, современная наука исходит из следующих посылок: 1. Легендарные известия должны подтверждаться документом, а не наоборот. 2. Подлинность (l'autenticità) — это историческая первичность (originarietà storica) объекта и его происхождение непосредственно от автора (originalità autoriale) (без этих критериев нельзя установить приоритет $O_а$ перед $O_б$), что выясняется при рассмотрении объекта как свидетельства о его собственном происхождении, для чего к нему применяются определенные технические приемы исследования подлинности. Существовали ли эти две посылки в средние века, ставит вопрос автор. Он полагает, что в средние века было «иное ви́дение» проблемы № 1 и лишь туманное представление о проблеме № 2.

Что касается первой проблемы, то в ней, на наш взгляд, заключены две проблемы — не только проблема приоритета письменного «документа» перед легендой, но и проблема достоверности как легенды, так и документа. Нельзя сказать, чтобы в средние века легендам и разным устным заявлениям всегда отдавалось предпочтение перед документами, на что намекает Эко. На средневековых судебных процессах свидетельства «старожильцев» могли быть опровергнуты предъявленными документами. Конечно, изучение степени достоверности подлинных документов в средние века находилось на гораздо более низкой ступени развития, чем в новое время. В деле же установления формальной подлинности документов средние века, напротив, накопили немалый опыт. Практика разоблачения разного рода документальных подлогов известна в Западной Европе по крайней мере с VI в.

Когда Эко говорит о непосредственном происхождении объекта от автора как решающем признаке подлинности, хочется добавить, что само понятие авторства достаточно сложно. В дипломатике различают «юридического» автора (авторов) и непосредственного исполнителя. Составление документа и оформление его в канцелярии обусловливают причастность к «авторству» нескольких лиц. Да и в творческих рукописях непосредственно дошедший текст может быть результатом труда не только «творца», но и его помощников-исполнителей: писца, переписчика, стенографистки, машинистки. Особенно сложно авторство литературных обработок чьих-либо воспоминаний, докладов, лекций. Даже в живописи и скульптуре, примеры из которых любит приводить Эко, к авторству мастера может примешиваться авторство подмастерья, ученика. Не вполне ясно, как прикладывается критерий подлинности к противням, отпускам, добросовестным копиям.

В принципе всякий объект является «подлинным» с точки зрения того определения, которое дает подлинности Эко: копия в своем роде первична (как данная копия) и происходит непосредственно от данного автора (копииста); так же по-своему первична и подделка, имеющая вполне определенного автора (фальсификатора). Поэтому нам кажется необходимым в определение подлинности внести указание на то, что подлинность предполагает действительное происхождение содержательной информации источника и его структуры (внутренней формы, композиции, формуляра) именно от того автора (юридического или физического лица), который называется или подразумевается в самом источнике.

Надо различать подлинность оригинала и подлинность копии. Для оригинала характерна функциональная зависимость не только содержания и внутренней формы, но и внешней формы от совокупности дейст-

inslav

вий первосоздателей источника. Подлинная копия имеет другую внешнюю форму (прежде всего другой материал), чем оригинал, и совпадает с ним только по содержанию и внутренней форме. Подделка является самостоятельным объектом (и в этом смысле она выступает как оригинал), лишь имитирующим содержание, внутреннюю, а иногда и внешнюю форму каких-то других объектов, авторство которых она хочет перенести на себя.

В третьем разделе доклада речь идет о понимании исторической правды, традиции и авторитета в средние века. По мнению Эко, средневековые люди не могли исходить из представления о том, что только документ способен подтвердить какую-либо легенду или традиционное утверждение. Для них сама эта легенда была единственным видом «документа», заслуживающего доверия. Средневековые люди умели доказывать, лишь опираясь на свидетельства о прошлом, причем это прошлое имело в их глазах неопределенные хронологические очертания. Средневековая опора на авторитет носила характер синекдохи (употребление частного вместо общего и наоборот): какой-то один автор или какой-то отдельно взятый текст вырывался из своего исторического окружения и представал как единственное воплощение всей традиции в целом.

Эко ссылается на мнение Ле Гофа о том, что средневековая мудрость имела фольклорную форму, находя выражение в пословицах. Феодальное право и практика были основаны на обычае. В феодальную эпоху доказательством истины служила ссылка на существование чего-то «из-века». Ле Гоф упоминает аргументы, которые приводились во время судебной тяжбы 1252 г. между сервами собора Парижской богоматери в Орли и канониками. Последние утверждали, что сервы должны платить им десятину, ибо их право на нее подкрепляет молва (fama). Спросили старейшего жителя района, и он ответил, что так было с незапамятных времен (a tempore a quo non extat memoria). Другой свидетель, архидьякон Жан, сказал, что он видел в соборе старые грамоты, которые подтверждали этот обычай, и что капитул считал указанные документы подлинными в силу древности их письма. Никто не счел необходимым удостовериться ни в наличии этих документов, ни в их характере. Достаточно было ссылки на то, что они существовали в течение столетий.

Пример, конечно, красноречивый, но мы знаем многие случаи из русской судебной практики XV в., когда прежние акты внимательно изучались, включались в дело и служили доказательством прав собственности. Это не означает, разумеется, что «память» старожильцев не играла роли существенного доказательства во время земельных тяжб в России XV—XVI вв.

Согласно точке зрения Эко, в средневековой историографии и герменевтике предание не было объектом реконструкции: оно существовало изначально, и речь шла лишь о том, чтобы его признать и правильно интерпретировать. Вне предания находился только один «документ», который был тем не менее признан: переводный текст Священного писания. В отношении других документов не делалось никакого различия между оригиналом и копией: документы либо входили в предание, либо как бы не существовали совсем. Если они существовали, то были истинными лишь постольку, поскольку согласовались или могли быть согласованы со Священным писанием. Эко приводит изречение Ансельма: «Я уверен, что говорю нечто ложное, если то, что я говорю, безусловно противоречит Священному писанию» (Certus enim sum, si quid dico quod Sacrae Scripturae sine dubio contradicat, quia falsum est).

Однако, продолжает автор, проблема не так проста, поскольку, чтобы установить правду Писания, надо было правильно истолковать его. С тех пор, как Ориген вывел принцип типологических связей между Ветхим и Новым заветами и обнаружил параллелизм между ними, создался некоторый толковый дуализм: с одной стороны, правильное толкование Библии служило делу узаконения церкви, но, с другой стороны, о правильности этого толкования судила экзегетическая традиция, которую долж-

inslav

на была, в свою очередь, узаконивать церковь как хранительница предания. Эта противоречивая ситуация была источником всех теорий герменевтического цикла.

Вот почему, считает Эко, в средние века возникла потребность в образовании свода мнений, на которые можно было бы опереться,— auctoritates. В ходе теологических и философских споров авторитетность проявлялась в цитатах, которые превращались в «достоверные», или «подлинные» (autentiche) мнения, а затем и сами становились auctoritates. Если эти высказывания были слишком темны и неясны, их дополняли объяснительными глоссами. Глоссу следовало заимствовать тоже у «достоверного» автора (da un autore «autentico»). Досхоластическая теологическая литература развивалась под знаком «воспроизведения» (авторитетных мнений) и использовала антологии типа «пчел» и «цепей» (florilegi e catenae). Со временем оригинальные рукописи отцов церкви терялись и погибали, а их мнения воспроизводились по «пчелам» и «цепям». Если учесть, что копирование проводилось небрежно и с вольной передачей текста, то станет ясным что принцип аутентичности в современном понимании здесь сильно нарушался.

Возникшая при таком положении дел анархия авторитетов могла быть преодолена только решением об использовании их без предрассудков, о чем было прямо заявлено в XII в. В сочинении «О католической вере» говорилось: «Авторитет имеет восковой нос, т. е. он может быть повернут в разные стороны» (Auctoritas cereum habet nasum, id est in diversum potest flecti sensum). Авторитеты дóлжно принимать, но, учитывая имеющиеся у них несовершенства и противоречия, их надо подвергать толкованию: exponere reverenter — почтительно объяснять. Бернар Шартрский представил моральные и исторические обоснования такого обращения с авторитетами, нарисовав образ карликов (интерпретаторов) на плечах великанов (отцов церкви). Роджер Бэкон говорил о «благочестивом толковании» (pia interpretatio), и это также означало возможность изменения мыслей интерпретируемого авторитета.

Конечно, фальсификация авторитетов была актом духовного раскрепощения посредством критики, утверждением превосходства разума над догматизмом. Однако это освобождение происходило за счет того, что мы теперь называем филологической точностью. Если карлик мог видеть больше, чем великан (сидя на его плечах), то он мог и должен был изменить идеи этого великана, показав вместе с тем, что новация не противоречит традиции: «Не новое, но по-новому» (Non nova sed nove). Аналогичные переосмысления (а значит, и фальсификация) патристики наблюдались и в русской духовной литературе XV—XVI вв.

При всех тонких и верных наблюдениях Эко о средневековом понимании подлинности и достоверности как авторитетности было бы неточно исчерпать только этим средневековое представление о подлинном документе. В области деловой письменности значительно бóльшую роль, чем Священное писание и Священное предание, играли многочисленные акты, регистры и другие документы, закреплявшие вполне реальные права, привилегии и обязанности. Систематическая борьба с поддельными актами, ведшаяся особенно активно с XII в., показывает внимание органов власти и частных лиц к письменным документам как таковым, независимо от того, входит их содержание в состав предания или нет.

В четвертом разделе своего доклада Эко исследует критерии доказательства подлинности. Чтобы ложная идентификация была разоблачена, пишет автор, культура должна располагать критериями, которые так или иначе признаются «объективными» и с помощью которых можно установить неотличимость или взаимозаменяемость объектов. Нужны критерии и для идентификации подлинников, т. е. для решения вопроса о том, что объект O_6 — подлинный[4].

---

[4] Продолжение статьи см.: АЕ за 1990 год.

inslav

Г. В. Семенченко

О ХРОНОЛОГИИ АКТОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XV в.[1]

Две из трех грамот Глушицкого монастыря, не упоминающие настоятеля (№ 260, 262; далее — нумерация третьего тома АСЭИ), относятся к числу актов, которые И. А. Голубцов считал «сомнительными». В грамотах № 258—262 оформлялись вклады князей Юрия Ивановича и Семена Юрьевича в Глушицкую обитель. В. А. Кучкин доказал подлинность этих актов и убедительно идентифицировал упомянутых в них князей с князьями ростовского дома — потомками Федора Васильевича[2]. Бохтюжские князья потеряли удел по крайней мере к 4 марта 1448 г., дате выдачи жалованной грамоты Василием Тёмным Глушицкому монастырю на бохтюжские земли[3]. В. А. Кучкин полагает, что эта жалованная Глушицкому монастырю была выдана после смерти бездетного Семена Юрьевича и что сохранившиеся грамоты последнего следует датировать временем ранее 4 марта 1448 г.[4] Но одна из грамот Семена Юрьевича (№ 261) определенно оформлялась позднее: упоминаемый в ней игумен Макарий[5] стал настоятелем Глушицкой обители после Амфилохия, который был главой корпорации в момент выдачи жалованной грамоты Василия Темного[6]. Оснований думать, будто Василий Темный завладел

---

[1] Начало этой статьи см.: АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 45–53.

[2] АСЭИ. М., 1964. Т. III. С. 278; *Кучкин В. А.* Бохтюжское княжество – реальность средневековой Руси // ВИ. 1983. № 8. С. 164–169; *Он же.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 280–282.

[3] АСЭИ. Т. III. № 253. С. 274–275.

[4] *Кучкин В. А.* Бохтюжское княжество... С. 168. Примеч. 35.

[5] Отметим, правда, что грамота № 261, упоминающая игумена Макария, адресует земельный вклад не в Покровский Глушицкий монастырь, а к «великому свят Ивану Предтече во доме на Сосновец». Но это не имеет принципиального значения, поскольку Иоанно-Предтеченский монастырь с самого начала создавался как филиал Покровского Глушицкого монастыря, который управлялся настоятелем последнего. Основатель Глушицкой обители (Покровского Глушицкого монастыря.– *Г. С.*) Дионисий, умирая, велел захоронить себя в созданной им церкви Иоанна Предтечи. Он завещал: «Повелеваю аз быти единому игумену – пречистые обители (Покровского Глушицкого монастыря.– *Г. С.*) и оноя пустыни, иде же тело мое положено (Иоанно-Предтеченского монастыря.— *Г. С.*) и потребная имеють от блъшиа лавры» (ГБЛ. Ф. 304. № 603. Л. 56 об.; ср.: *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI вв. М., 1966. С. 173, 174, 177). Протограф жития Дионисия, написанного в 1495 г., был создан вскоре после его смерти (1437—1454 гг.) и, по-видимому, довольно точно передавал основные факты жизни Дионисия (см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 193–195). Высокую степень правдоподобности версии жития Дионисия о единстве управления Покровским Глушицким и Иоанно-Предтеченским монастырями придает факт захоронения в последнем праха Дионисия. Этот факт вполне подтверждается источниками: так, в писцовом описании монастыря 1543/44 г. читаем: «А в другомъ монастыре (выше речь шла о Покровской Глушицкой обители.– *Г. С.*) пониже того на речке на Глушице у чюдотворцева гроба церковь Рожество Ивана Предтечи» (*Шумаков С. А.* Сотницы, грамоты и записи. М., 1902. Вып. I. С. 164. (Далее: Шумаков. Сотницы). Место нахождения главной святыни Покровского Глушицкого монастыря – гроба с телом основателя этой обители «чудотворца» Дионисия – едва ли могло не быть подведомственно настоятелю Покровского Глушицкого монастыря. Как часть Покровского монастыря монастырь у церкви Иоанна Предтечи, где захоронен Дионисий, фигурирует и в писцовом описании 1543/44 г. (Шумаков. Сотницы. С. 164–167).

[6] Жалованная грамота Василия Темного от 4 марта 1448 г., выданная на имя Амфилохия, позднее была подтверждена Иваном III; причем подтверждение оформлено на имя игумена Макария (АСЭИ, Т. III. № 253. С. 275). Отметим, что именно Амфилохия основатель Глушицкой обители Дионисий назначил своим преемником (ГБЛ. Ф. 304. № 603. Л. 57 об.).

inslav

Бохтюжским княжеством лишь после того, как пресекся род местных князей, нет. Напротив, князь Семен Юрьевич в момент выдачи им данных грамот Глушицкому монастырю, скорее всего, был уже не суверенным удельным правителем, а лицом, сохранившим кое-какие прежние владения на вотчинном праве. В пользу этой гипотезы говорит статья о наличии при одной из его данных грамот (№ 262) послухов. Это — характерный признак именно частного акта. В грамотах суверенных князей постановления о послухах не было: очевидно, считалось, что их акты имеют безусловную силу и без подтверждения свидетелями. Потеря суверенитета князьями Ростовскими-Бохтюжскими была постепенной. Думается, уже отец Семена, князь Юрий Иванович (вторая четверть XV в.) [7], терял суверенитет. В его грамоте Глушицкому монастырю читаются не только постановления, характерные для жалованных грамот удельных правителей (в грамоте упомянут княжой волостель), но и статья, которая обычно регулировала компетенцию наместников и волостелей московского великого князя: «А даст мне игумен со всех своих людей: на Рождество Христово полоть мяса, да десятеро хлебов; а на Петров день дадут мне десятеро хлебов да боран; а не люб боран, ин за боран взяти ми пять бел; или полть не люб, ин за полоть взяти ми пять жо бел» [8]. Ни один в полном смысле слова суверенный правитель не получал от подданных такого рода рождественский и петровский корма. Зато из источников середины XV — первой половины XVI в. явствует, что эти корма (причем примерно в том же натуральном и денежном исчислении) получали наместники и волостели князей московского дома [9]. Очевидно, князь Юрий Иванович был уже как-то зависим от Москвы, в момент выдачи грамот занимая положение, переходное между статусом суверенного удельного правителя (имел еще подчиненных волостелей) и статусом наместника московского великого князя [10] (статус наместника отличался от положения удельного князя прежде всего тем, что на наместника можно было жаловаться великому князю, тогда как удельный князь был в своих владениях полным хозяином).

Итак, сохранившиеся три данные грамоты князя Семена Юрьевича Глушицкому монастырю (№ 260—262) вполне могли быть выданы и после 4 марта 1448 г. Две из них — данная на р. Варжу с пожнями (№ 260) и на пустошь Пахталовскую (№ 262) — игумена не называют,

---

[7] В. А. Кучкин (Бохтюжское княжество... С. 168—169. Примеч. 47; Формирование... С. 281—282. Примеч. 109) считает, что князь Юрий Иванович, скорее всего, умер во время морового поветрия в 1427 г.

[8] АСЭИ. Т. III. № 259. С. 279. В. А. Кучкин (Бохтюжское княжество. С. 169) объясняет эту особенность архаичностью формуляра жалованной грамоты князя Юрия Ивановича. Но никаких данных, говорящих о взимании князьями петровского и рождественного кормов с подвластного населения до второй четверти XV в., у нас нет.

[9] Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. СПб., 1898. Ч. I. № 69, 75; Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства / Подгот. к печ. А. И. Яковлев. М., 1909 № 2. С. 3; № 4. С. 8—9; № 5. С. 10—11; № 7. С. 16—17; № 8. С. 20; № 9. С. 23; № 10. С. 26; № 12. С. 33; № 16. С. 45—46; АСЭИ. Т. 1. № 260, 261; Т. III. № 114.

[10] *Кобрин В. Б.* Землевладельческие права княжат в XV — первой трети XVI в. и процесс централизации Руси // История СССР. 1981. № 4. С. 33—50; *Он же.* Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 48—90. Автор показал сколь длительным, сложным и постепенным был процесс потери суверенитета бывшими княжатами Северо-Восточной Руси. При этом часто мы ничего не знаем о конкретных формах, в которых он протекал. История бохтюжских князей дает некоторые основания думать, что одной из таких форм был перевод независимых княжат на положение, близкое к тому, которое занимали княжеские наместники и волостели и которое давало Москве право контроля над княжатами. Окончательная ликвидация суверенных прав бохтюжских князей, возможно, была ускорена тем обстоятельством, что их владения располагались в районе, имевшем важное стратегическое значение: недалеко располагались владения Великого Новгорода; район Вологды был одним из эпицентров феодальной войны второй четверти XV в. См.: *Черепнин Л. В.* К вопросу о роли городов и горожан в процессе образования Русского централизованного государства // Города феодальной России. М., 1966, с. 114, 115, 118, 119.

inslav

одна — грамота на пустоши Шобыкино и Устьянцево (№ 261) — упоминает игумена Макария, ставшего настоятелем примерно в 50-х годах XV в., по крайней мере после 4 марта 1448 г. Все три грамоты Семена Юрьевича, по-видимому, написаны в близкое друг к другу время, так как все три вклада давались в монастырь по душе отца князя Юрия и матери княгини Елены. Не упоминающие настоятеля грамоты № 260 и 262, вероятнее всего, составлялись в период смены настоятелей в Глушицкой обители — между игуменствами Амфилохия и Макария (1450-е гг.), а грамота № 261 — в самом начале игуменства последнего [11].

По-видимому, периодом между игуменством Амфилохия и Макария (т. е. примерно 1450-ми годами) следует датировать еще один не упоминающий настоятеля акт из архива Глушицкого монастыря. Я имею в виду духовную Григория Симонова, по которой он отказывает «в дом Пречистой на Глушицу к святому Покрову» починок с пожней на р. Сухоне (№ 254) [12]. Среди послухов при этой грамоте мы видим духовного отца завещателя Макария. Он не назван игуменом, что следовало бы ожидать, будь Макарий в момент написания грамоты уже официально провозглашен настоятелем Глушицкой обители.

Завершим наш обзор рассмотрением актов митрополичьей канцелярии за XV — начало XVI в. Почти все они, за исключением некоторых грамот, не упоминают митрополита. Не упомянут он в жалованной грамоте Василия Темного на коломенское село Бисеровское «святые деля Богородици» (№ 112; далее — нумерация первого тома АФЗХ), относимой Л. В. Черепниным к 1425—1462 гг.[13] Неупоминание в этой грамоте митрополита, думается, позволяет отнести ее либо к периоду между 2 июля 1431 г. (день смерти митрополита Фотия) и апрелем 1437 г. (дата приезда в Москву нового митрополита Исидора) [14], либо ко времени между мартом 1441 г. (арест Исидора в Москве и изгнание его с митрополичьего стола) и 15 декабря 1448 г. (день официального провозглашения новым митрополитом рязанского епископа Ионы) [15]. Очевидно, так же следует датировать и грамоту № 95 — данную Игнатия Васильевича «святей Богородици соборной на Москве в дом и святому чюдотворцу Петру митрополиту всеа Руси» на звенигородское село Аксиньинское. Л. В. Черепнин относит ее ко времени «около 1448 г.», так как в данной упомянут «Иона епископ нареченный в святейшую митрополью Русскую» [16]. Но Иона стал выполнять обязанности главы церкви сразу же после смерти Фотия [17]. Поэтому и грамоту, упоминающую его как нареченного на митрополию, не обязательно приурочивать именно к 1448 г.

Имя митрополита не названо еще в грамоте Василия Темного, освобождающей юрьевские села митрополичьей кафедры от въезда на их пиры и братчины посторонних людей — «пожаловал есмь отца своего митрополичьих селчан» (№ 146). Л. В. Черепнин датирует рассматриваемую грамоту 1425—1462 гг. [18] В данном случае отсутствие упоминания о митрополите, скорее всего, есть следствие порчи (или правки) текста копиистом конца 1520-х — начала 1530-х годов (время оформления рукописи, в составе которой дошли акты митрополичьей кафедры) [19].

Отредактированность интересующей нас части текста рассматриваемой грамоты особенно заметна при сопоставлении ее с двумя другими ана-

---

[11] И. А. Голубцов (АСЭИ. Т. III. С. 279–280) датирует грамоты князя Семена Юрьевича временем «около 1460—70-х гг.»

[12] 1450-ми годами датирует духовную Григория Симонова и И. А. Голубцов (АСЭИ. Т. III. С. 275).

[13] АФЗХ. М., 1951. Ч. I. С. 104.

[14] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1900. Т. II, 1-я половина тома. С. 428.

[15] Там же. С. 481–483.

[16] АФЗХ. Ч. I. С. 92

[17] АИ. СПб., 1841. Т. 1. № 37; АСЭИ. М., 1952. Т. I. № 108. Ср.: *Голубинский Е. Е.* Указ. соч. Т. II, первая половина тома. С. 414–416.

[18] АФЗХ. Ч. I. С. 130.

[19] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 57–58.

inslav

логичными по содержанию великокняжескими жалованными грамотами — грамотами Василия Темного и Ивана III, оформленными соответственно на имя митрополитов Феодосия и Филиппа [20]:

146	147	148
Се яз князь великий Василий Васильевич пожаловал есмь отца своего митрополичих селчан Ильинского села, и Пьяницинского, и Афинеева, и Поелова, и Богоявленского, и Федоровского	Се яз князь великий Василей Васильевич отца своего для Феодосиа митрополита всеа Руси, пожаловал есмь селчан его Ильинского села, и Пьяницинского, и Афинеева, и Поелова, и Андреевского, и Богоявленского, и Федоровского	По отца своего грамоте великого князя Василья Васильевича, се яз князь великий Иван Васильевич отца своего дела Филипа митрополита всеа Руси, пожаловал есмь селчан его Ильинского, Пьяницинского, и Афинеева, и Поелова, и Андреевского, и Богоявленского, и Федоровского

В грамоте № 146 — характерное для двух близких ей по времени и содержанию грамот (и вообще типичное для формуляра великокняжеских жалованных грамот на земли митрополичьей кафедры) сочетание статей «отца своего для имя рек митрополита... пожаловал есмь селчан его...» подправлено таким образом, что исчезло имя духовного «отца» Василия Темного. Но можно догадаться, что в подлиннике читалось имя Ионы. Феодосию великий князь вряд ли бы выдал две грамоты почти одинакового содержания. Зато после смерти Ионы выдать новую грамоту на имя его преемника было вполне уместно. Итак, грамоту № 146 следует датировать 15 декабря 1448 г.—31 марта 1461 г.

По купчей грамоте № 127 поп Фома купил у махрицкого старца Андрея Афанасьева д. Васильевскую Голямова в Романовской волости Переяславского уезда «в дом пречистыи Богородици». Л. В. Черепнин датирует эту грамоту 1464—1473 гг. [21] В ней упоминается умерший к 5 июня 1478 г. Михаил Васильевич Конков [22]. Отсутствие имени митрополита в инскрипции грамоты наводит на мысль об оформлении ее в один из тех падающих на 1460—1470-е годы периодов, когда пустовал митрополичий стол, т. е. 31 марта — 3 мая 1461 г., 13 сентября — 11 ноября 1464 г., 5 апреля — 4 июня 1473 г. Написание грамоты в 1473 г. может быть наиболее вероятным. В 1461 и в 1464 гг. вопрос о новом главе русской церкви был решен заранее при старом митрополите [23]. Слуга митрополичьей кафедры поп Фома, думается, должен был знать об этом. Этот довод, впрочем, не имеет решающего значения, поскольку Фома мог и не решиться оформить грамоту на имя еще не утвержденного (хотя фактически и предрешенного) митрополита.

Особо следует сказать о домовных монастырях митрополичьей кафедры (данные о них в нашей таблице не учтены). По-видимому, они часто подчинялись непосредственно митрополитам (впрочем, в большинстве сохранившихся жалованных грамот митрополитов этим монастырям настоятель упоминается [24]). В княжеских жалованных грамотах домовным монастырям (Новинскому, Савину Звенигородскому, Переяславскому Борисоглебскому, Владимирскому Сновидскому, Константино-Еленинскому, Кузьмину Нижегородскому, Нижегородскому Благовещенскому, Воскре-

[20] АФЗХ. Ч. I. № 146—148.
[21] Там же. С. 114.
[22] АСЭИ. Т. I. № 456.
[23] *Голубинский Е. Е.* Указ. соч. Т. II., первая половина тома. С. 516—519, 523, 532, 548, 549. Ср.: АИ. Т. 1. № 69, 275; РИБ. Т. VI. № 99. Дмитровский князь Юрий Васильевич выдал в Москве жалованную грамоту, датированную 11 сентября 1464 г. (АФЗХ. Ч. I. № 86) на имя митрополита Филиппа. Следовательно, дмитровский князь уже за два дня до формального объявления об отставке Феодосия давал земельные вклады на имя Филиппа, которого формально утвердили в сане митрополита двумя месяцами позже.
[24] АФЗХ. Ч. I. № 136, 137, 139, 142—144, 158, 189—191. 201—203, 238, 239, 241 (упоминают настоятеля); № 138 (настоятель не упомянут).

inslav

сенскому Череповецкому и др.) митрополит обычно упоминается. Если наряду с ним называется еще и настоятель монастыря [25], то инскрипция соответствующей грамоты представлена следующими тремя формулами:

1. «Отца своего для имярек, митрополита всея Руси».
2. «Пожаловал есмь».
3. «Игумена (архимандрита) имярек монастыря имярек».

Однако нередко настоятель домовного монастыря в княжеских грамотах не называется [26] и их инскрипция в этом случае принимает следующий вид:

1. «Отца своего для имярек, митрополита всея Руси»;
2. «Пожаловал есмь»;
3. «Монастырь имярек (или старцев, христиан и т. д. монастыря)».

Частое отсутствие упоминания о настоятеле домовного монастыря в инскрипции выдаваемых им грамот, по-видимому, объясняется двумя причинами. Во-первых, настоятели в домовных монастырях были, повторим, не всегда. Во-вторых, они не имели права самостоятельно решать вопрос о купле, продаже или обмене земли без доклада митрополиту [27].

Из сказанного ясно, сколь велика вероятность составления в период отсутствия митрополита тех немногих княжеских грамот домовным монастырям, в которых глава русской церкви не упоминается. Таких грамот всего три (№ 124, 200, 279). Первая выдана Иваном III на имя игумена Переяславского Борисоглебского монастыря Василия, вторая — на имя настоятеля Константино-Еленинского и Нижегородского Благовещенского монастырей архимандрита Малахии, третья — на имя архимандрита Воскресенского Череповецкого монастыря Селиверста.

Грамота № 124 — жалованная Ивана III с разрешением властям Борисоглебского монастыря варить пиво с доклада переяславским наместникам — была составлена в период между 1462 и 1485 гг. [28] В этот период Борисоглебский монастырь, несомненно, был подведомствен митрополичьей кафедре [29]. Следовательно, неупоминание в рассматриваемой грамоте митрополита следует, скорее всего, объяснить отсутствием его в момент составления грамоты. Митрополичий стол некоторое время пустовал осенью 1464 г. (хотя вопрос о преемнике Феодосия был решен до его формального ухода, и Иван III, подобно своему брату Юрию Дмитровскому, в этот период, скорее всего, выдал бы грамоту на имя формально не утвержденного еще митрополита Филиппа) и весной 1473 г. (5 апреля — 4 июня 1473 г.). Иван Васильевич мог считать вакантным место митрополита и с ноября 1483 по ноябрь 1484 г., когда неудобный для него митрополит Геронтий съехал было с кафедры по причине будто бы своей болезни (хотя формально об уходе митрополита объявлено не было) [30].

Акты Нижегородского Благовещенского монастыря за XV в., скопированные в книге митрополичьих грамот, заслуживают специального рассмотрения. Некоторые из них — фальсификаты, сфабрикованные в конце 1580-х годов [31]. Анализ подлинных грамот этой обители показывает, что она далеко не всегда была домовным монастырем митрополичьей кафедры. Земельные вклады в Благовещенский монастырь, датирован-

---

[25] Там же. № 82, 86, 106, 193, 223, 235, 278, 285, 291, 294, 315.
[26] Там же. № 87, 123, 198, 199, 224, 252, 273–277, 280, 281, 283, 284, 290, 297, 311, 316.
[27] Там же. № 199, 202, 243, 288, 298, 307, 310.
[28] Л. В. Черепнин (АФЗХ. Ч. I. С. 155) датирует грамоту 1462–1505 гг. по упоминанию в ней Ивана III. Но отсутствие в титулатуре великого князя слов «всея Руси» позволяет думать, что эта грамота была составлена до 1485 г. (См.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV– первой половины XVI в. М., 1967. С. 123; ср.: *Кучкин В. А.* О датировке Буслаевской псалтыри // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972. Вып. 1. С. 223–224.
[29] АФЗХ. Ч. I. № 123. С. 114.
[30] *Голубинский Е. Е.* Указ. соч. Т. II, первая половина тома. С. 557–558.
[31] АФЗХ. Ч. I. № 245, 246; *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв. // ТМГИАИ. М., 1963. Т. 17. С. 400–404.

inslav

ные 8 декабря 1393 г., временем около 1418 г., 20 февраля 1423 г., 4 марта 1438 г., 8 мая 1442 г., 12 февраля 1446 г. были даны «святого ради Благовещениа» [32]. Типичной для митрополичьих домовных монастырей формулы о даче вклада еще и митрополичьей кафедре в этих грамотах нет [33]. Объяснить эту особенность рассматриваемых грамот выдачей их в период отсутствия на Руси митрополита мы не можем, так как и в 1393, и в 1418, и в 1423, и в 1438 г., митрополичий стол не был вакантным [34]. Очевидно, дело в ином — в том, что по крайней мере вплоть до конца 1430-х годов, а скорее всего, вплоть до февраля 1446 г. Благовещенский монастырь еще не был непосредственно подчинен митрополичьей кафедре [35]. Когда же он ей подчинился?

Есть основания думать, что это случилось, по крайней мере, к моменту выдачи жалованной грамоты, в которой великая княгиня Софья Витовтовна запретила своим пошлинникам в Нижнем Новгороде взимать пошлины с провоза рыбы и меда со старцев Константино-Еленинского и Нижегородского Благовещенского монастырей, которые в момент выдачи грамоты управлялись одним настоятелем — архимандритом Малахией [36]. Так как Константино-Еленинский монастырь в XV в., несомненно, был подведомственен митрополичьей кафедре [37], его настоятелем могло стать только лицо, подведомственное митрополичьей кафедре. Следовательно, возглавляемый Малахией наряду с Константино-Еленинским монастырем Благовещенский Нижегородский монастырь в момент оформления жалованной грамоты великой княгини также непосредственно подчинялся митрополичьей кафедре. Очевидно, грамота великой княгини, которую Л. В. Черепнин датировал довольно широкими хронологическими рамками (второй четвертью XV в.), оформлялась после датированной 12 февраля 1446 г. жалованной грамоты Дмитрия Шемяки Благовещенскому монастырю. Великая княгиня не могла выдавать жалованные грамоты в Нижнем Новгороде вплоть до февраля 1447 г., так как с февраля 1446 г. до февраля 1447 г. она находилась в заточении [38]. Неупоминание же в грамоте настоятелю двух домовных монастырей митрополичьей кафедры самого митрополита наводит на мысль о написании соответствующей грамоты до 15 декабря 1448 г., т. е. до поставления нового русского митрополита Ионы.

Сохранились жалованные грамоты Воскресенскому Череповецкому монастырю на р. Шексне, выданные Василием Темным (1454—1462 гг.[39]),

---

[32] АФЗХ. Ч. I. № 229–234. О датировке грамоты № 233 см.: АСЭИ. Т. III. № 294. С. 320—321; *Кучкин В. А, Флоря Б. Н.* О докончании Дмитрия Шемяки с нижегородско-суздальскими князьями // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 215. Примеч. 121.

[33] Для сравнения отметим, что жалованная грамота Благовещенскому монастырю, выданная в 1473–1489 гг., содержит типичную для домовных обителей митрополичьей кафедры статью: «Отца своего для имярек Геронтия, митрополита всея Руси, пожаловал есмь монастыря его святого Благовещениа в Новегороде в Нижнем архимандрита и его братью» (АФЗХ. Ч. I. № 235). Еще один (помимо Благовещенского) монастырь, который первоначально домовным не был, а позднее стал им — Звенигородский Савин Сторожевский ср.: АСЭИ. Т. III. № 53–61; АФЗХ. Ч. I. № 16, 106.

[34] *Голубинский Е. Е.* Указ. соч. Т. II, первая половина тома. С. 428–457.

[35] Ср.: *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947. Т. I. С. 343, 389, 439–442.

[36] И позднее — в конце XV в. — бывали периоды, когда управление Константино-Еленинским и Нижегородским Благовещенским монастырями сосредоточивалось в руках одного настоятеля (АФЗХ. Ч. I. № 203. С. 181).

[37] АФЗХ. Ч. I. № 198–201, 203–209, 241.

[38] ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 269; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 804.

[39] АФЗХ Ч. I. № 273–276, 290. Предлагаемую Л. В. Черепниным датировку грамот Василия II Череповецкому монастырю (1448–1461 гг.) следует уточнить. Василий Темный мог выдавать грамоты в районе р. Шексны лишь после ликвидации летом 1454 г. удела Ивана Можайского, имевшего на р. Шексне небольшие владения (Д и ДГ. № 61. С. 196). Большинство этих грамот, скорее всего, составлялось вскоре после ликвидации Можайского удела с целью подтвердить пожало-

inslav

Михаилом Верейским (ранее 9 апреля 1486 г.[40]), тверским великим князем Михаилом Борисовичем, Иваном III, Василием III, дмитровским удельным князем Юрием Ивановичем[41]. Упоминание митрополита — характерная черта этих грамот. Исключение лишь одно: жалованная грамота князя Михаила Андреевича с освобождением монастыря от постоев, кормов и подвод (№ 279). Тот период (март 1441 г.— 15 декабря 1448 г.), когда митрополичий стол в Москве был вакантным[42], является наиболее вероятным (хотя и не единственно возможным) временем написания грамоты № 279, относимой Л. В. Черепниным ко второй половине XV в.[43]: периоды, когда митрополичья кафедра пустовала в 1461, 1464 и 1473 гг., были короткими. К тому же в 1461 и 1464 гг. вопрос о будущем митрополите решался еще при его преемнике, а смена митрополита в 1483/84 г. была хотя и ожидавшимся, но не сбывшимся фактом (причем, если Ивана III Геронтий раздражал, и он, как мы отмечали, мог демонстративно подчеркивать это раздражение его неупоминанием в качестве митрополита, то с Михаилом Андреевичем у Геронтия в 1470-х — 1480-х годах, по-видимому, были хорошие отношения. Во всяком случае, в 1478/79 г. митрополит поддержал белозерского князя в конфликте с ростовским архиепископом Вассианом Рыло[44]).

Завершая рассмотрение не упоминающих настоятеля актов Северо-Восточной Руси за конец XIV — начало XVI в., укажем на необходимость учета соответствующих актов и при изучении актовых источников более позднего времени. Правда, эти акты обычно точно датированы, и для уточнения их хронологии данная особенность чаще всего значения иметь не будет. Но вот для изучения истории различных корпораций времени смены в них настоятелей, внутренней борьбы среди различных групп монастырской братии (как мы уже отмечали, она также могла послужить причиной неупоминания настоятеля[45]) учет актов XVI в. (да и более позднего времени), не упоминающих настоятеля, думается, существен.

Завершить настоящую статью нам представляется целесообразным следующей таблицей, в которой учитываются уточненные датировки различных актов[46]:

вания монастырю со стороны Ивана Андреевича. Две жалованные Василия Темного определенно датированы 11 февраля 1455 г.: причем одна из них прямо ссылается на ранее выданную можайским князем грамоту (АФЗХ. Ч. I. № 275, 290).

[40] АФЗХ. Ч. I. № 277–281, 283, 284, 291.

[41] Там же. № 282, 285, 286, 292–297, 311.

[42] В 1430-х годах Михаил, думается, был еще слишком мал и реально не мог управлять своим делом. См.: *Семенченко Г. В.* Завещания церковных иерархов XV в. как исторический источник // Источниковедение отечественной истории. М., 1986. С. 156, 160–161.

[43] АФЗХ. Ч. I. С. 244.

[44] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв., М., 1951. Ч. II. С. 191–194.

[45] *Семенченко Г. В.* О хронологии троицких актов конца XIV — первой половины XV в. // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 100–102; *Он же.* О хронологии троицких актов второй половины XV в. // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 53.

[46] Таблица составлена по материалам следующих статей: *Семенченко Г. В.* О хронологии некоторых грамот, упоминающих «великого князя» Ивана III Васильевича // АЕ за 1983 год. М., 1985. С. 53–58; *Он же.* О хронологии троицких актов конца XV — первой половины XVI в. // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 100–110; *Он же.* О хронологии троицких актов второй половины XV в. // АЕ за 1987 год. М., 1988. С. 45–54; *Он же.* Церковно-политическая борьба на Белоозере в начале 60-х годов XV в. // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1989. С. 122–128; *Он же.* О хронологии актов Северо-Восточной Руси XV в. // АЕ за 1988 год. М., 1989; а также настоящей статьи.

inslav

	Документ	Дата в последнем издании	Предлагаемая датировка	Примечание
1	СЭИ, т. 1, № 13	1392–1427 гг.	1399 или 1427/28 г.	
2	Там же, № 18	1410–1427 гг.	1427/28 г.	
3	» № 19	» »	»	
4	» № 36	1432–1445 гг.	1432 г.	
5	» № 39	1410–1430 гг.	1427/28 или 1432 г.	
6	» № 45	Около 1425 г.	1427/28 г.	
7	» № 53	Около 1427 г.	1427/28 или 1432 г.	Скорее всего 1427/28 г.
8	» № 70	1428–1432 гг.	1427/28 г.	
9	» № 71	» »	»	
10	» № 72	Около 1430 г.	»	
11	» № 73	1430–1445 гг.	1427/28 или 1432 г.	
12	» № 83	1432–1445 гг.	»	
13	» № 85	» »	»	
14	» № 107	1446–1448 гг.	»	
15	» № 108	1433 г.	1432 г.	
16	» № 111	1433–1447 гг.	1 сентября 1444 г.–26 мая 1446 г.	
17	» № 115	1434–1447 гг.	1 сентября 1444 г.–13 февраля 1446 г.	
18	» № 116	1434–1450 гг.	1454 г.	
19	» № 119	Около 1435–1440 гг.	1427/28 или 1432 г.	
20	» № 120	»	1432 г.	
21	» № 121	»	»	
22	» № 122	»	1427/28 или 1432 г.	
23	» № 123	»	»	
24	» № 124	»	»	
25	» № 126	»	1470-е годы	
26	» № 127	»	1444–1446 гг. 1447 или 1454 г.	
27	» № 129	Перед 1438 г.	1427/28 или 1432 г. 1 сентября 1444 г.–27 мая 1446 г.	
28	» № 143	1430–1440 гг.	1432 г.	
29	» № 144	» »	»	
30	» № 145	» »	1454 или 1463–1467 гг.	
31	» № 146	» »	1432 г.	
32	» № 147	» »	»	
33	» № 148	» »	»	
34	» № 149	» »	1427/28 или 1432 г.	
35	» № 150	» »	1444–1447 гг.	
36	» № 151	» »	»	
37	» № 152	» »	1427/28 или 1432 г.	
38	» № 154	» »	»	
39	» № 155	» »	1 сентября 1444 г.–27 мая 1446 г.	
40	» № 160	1430–1450 гг.	1393 или 1399 г.	
41	» № 168	1430–1440 гг.	1444–1447 гг.	
42	» № 175	Около 1444 г.	1427/28 или 1432 г.	Скорее всего 1432 г.
43	» № 177	Около 1445 г.	7 июля 1445 г. 27 мая 1446 г.	—
44	» № 178	1445–1449 гг.	1444–1447 гг.	
45	» № 187	1440–1447 гг.	» »	
46	» № 207	1447–1455 гг.	1454 г.	
47	» № 214	1447–1454 гг.	»	
48	» № 223	1448/49–1455 гг.	»	
49	» № 227	1446–1447 гг.	1444–1447 гг.	В тексте статьи (АЕ за 1984 год, с. 104) – опечатка: говорится, будто в т. 1 АСЭИ, гр. № 227 датирована 1446–1477 гг.
50	» № 229	Около 1440 г.	1454 г.	
51	» № 231	1440–1450 гг.	1447 или 1454 г.	
52	» № 235	1440–1470 гг.	1454 или 1463–1467 гг.	

inslav

	Документ	Дата в последнем издании	Предлагаемая датировка	Примечание
53	» № 238	Около 1450 г.	1444–1447 или 1454 г.	Скорее всего 1444–1447 гг.
54	» № 244	1454–1462 гг.	1454 г.	
55	» № 249	1453–1470 гг.	1454 или 1463–1467 гг. Прежде 17 августа	
56	» № 251	1454 г.	1454 г.	
57	» № 259	Конец 1450 – начало 1460-х годов	1454 г.	
58	» № 267	1455–1466 г.	»	
59	» № 268	» »	»	
60	» № 287	Около 1460–1466 гг.	»	
61	» № 311	1462–1466 гг.	1454 – середина 1456 г.	
62	» № 324	1462–1467 гг.	1463–1467 гг.	
63	» № 326	После 1462 г.	1454 – середина 1456 г.	
64	» № 343	1466–1467 гг.	1463–1467 гг.	
65	» № 344	» »	» »	
66	» № 390	» »	1454 г.	
67	» № 426	Около 1474–1475 гг.	Конец 1474 – начало 1475 г.	
68	» № 427	1474–1475 гг.	1454 или 1463–1467 гг.	
69	» № 450	Перед 12 янв. 1475 г.	Конец 1474 – начало 1475 г. (до 12 января)	
70–71	» № 499	Перед 22 авг. 1482 г.	1 сентября 1481 г.– 22 августа 1482 г.	
72	» № 501	1483 г.	Около 1483 г.	
73	» № 510	1484–1488 гг.	Конец 1483 – начало 1484 г. или 1488–1489 гг.	
74	АСЭИ, т. II, № 55	1428–1434 гг.	1434 г.	
	№ 124	1448–1470 гг.	5 марта 1468 г.– 6 декабря 1471 г.	
75	№ 153а	1450–1454 гг.	1447–1448 гг.	
76	№ 178	1465–1466 гг.	Весна 1461 г.– весна 1462 г.	
77	» № 179	» »	Весна 1461 г.– весна 1462 г.	
78	» № 224	1473–1486 гг.	Конец 1475 – начало 1476 г. или 1482–1485 гг.	
79	» № 226	Около 1475–1480 гг.	Конец 1475 – начало 1476 г.	
80	» № 227	Около 1474–1486 гг.	Одно из междуигуменств последней трети XV в.	
81	» № 231	1475–1485 гг.	Около 1485 г.	
82–83	» № 294	Около 1495–1505 гг.	Около 1506 г.	
84	» № 304	Около 1500–1510 гг.	Одно из междуигуменств первой половины XVI в.	
85	» № 438	Около 1426–1433 гг.	До 1433 г.	
86	» № 440	Около 1440 г.	До 1444 г.	
87	» № 446	1444–1448 гг.	1 октября 1445 г.– 12 февраля 1446 г.	
88	АСЭИ, т. III № 36	Начало 1450-х годов	1454–1455 гг.	
89		Начало 1460-х годов		
90	» № 37	Начало 1450-х годов Начало 1460-х годов	1454–1455 гг.	

inslav

Окончание

	Документ	Дата в последнем издании	Предлагаемая датировка	Примечание
91	» № 230	Около 1463–1464 гг.	Около 1454 г.	
92	» № 254	Около 1450-х годов	1450-е годы	
93	» № 260	Около 1460–1470 гг.	»	
94	» № 262	Около 1460–1470-х годов	»	
95	» № 483	1430–1440 гг.	1420–1430 годы	
96	» № 484	Около 1424 г.	Первая половина 1420-х годов	
97	» № 489	1430–1440 гг.	1420–1430-е годы	
98	» № 491	1444–1448 гг.	Вторая половина 1445 г.– начало 1446 г.	
99	» № 493	Около 1449–1450 гг.	1450 г.	
100	» № 495	1450 г., после 7 мая	»	
101	АФЗХ, ч. I, № 95	Около 1448 г.	Июль 1431 г.– апрель 1437 г. или март 1441 г. 15 декабря 1448 г.	
102	» № 112	1425–1462 гг.	Июль 1431 г.– апрель 1437 г. или март 1441 г.– 15 декабря 1448 г.	
103	» № 124	1462–1505 гг.	13 сентября – 11 ноября 1464., 5 апреля – 4 июня 1473 г., осень 1438 г.– ноябрь 1484 г.	
104	» № 127	1464–1473 гг.	31 марта – 3 мая 1461 г., 13 сентября – 11 ноября 1464 г., 5 апреля – 4 июня 1473 г.	
105	» № 200	Вторая четверть XV в.	Февраль 1447 г. – 15 декабря 1448 г.	
106	» № 279	Вторая половина XV в.	Март 1441 г. – 15 декабря 1448 г.	

inslav

В. С. Кусов

О СОСТАВЛЕНИИ КАТАЛОГА РУССКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ЧЕРТЕЖЕЙ XVI—XVII вв.

В феврале 1980 г. на одном из заседаний Археографической комиссии (совместно с сектором исторической географии Института истории СССР) состоялось обсуждение доклада о планах составления сводного каталога «Русский географический чертеж»[1]. К 1989 г. удалось выполнить эту работу, составив описания на 972 картографических памятника, из которых 6 оказались печатными, остальные — рукописные, они хранятся в 15 архивах СССР, США, Франции, Швеции. Местонахождение 21 чертежа из 972 описанных неизвестно, необходимые сведения о них получены по воспроизведениям XIX—XX вв.

Что следует понимать под термином «русский географический чертеж»? Это своеобразный графический документ отображения местности, составленный, как правило, до 1700 г., содержащий прежде всего сведения качественного характера, отображающий процесс топографического подразделения территории с топонимическим обозначением урочищ. В редких случаях присутствуют и геометрические сведения: масштаб, азимутальная ориентировка и другие атрибуты, которые станут неотъемлемыми параметрами отечественных карт в следующем, XVIII столетии.

Изучение русских географических чертежей, сочетающих в себе признаки памятников и письменности, и искусства, и науки, переживает начальную стадию. Обстоятельно исследованы только ранние из них, использованные западноевропейскими картографами[2]. Многочисленные работы, посвященные отдельным памятникам, никак не учитывают всю их совокупность. Некоторые сообщения о наличии русских чертежей в архивах[3] оказываются сомнительными. Сложилась парадоксальная ситуация: оживленная пропаганда средневековых западноевропейских картографических произведений, в том числе карт территории России, привела к некоторому забвению отечественного картографического наследия. Характерный штрих — великолепная серия «Дороги к прекрасному» издательства «Искусство». Многие обложки этих книг-путеводителей (в целом весьма удачных работ) снова пропагандируют лишь иностранные карты XVII в. на Тюмень, Смоленск, Торжок и др.[4] Или у нас нет национальных памятников?

Древнейший отечественный чертеж, дошедший до нас, принадлежит первой половине XVI в., он открыт сравнительно недавно[5]; остальные сохранившиеся датируются второй половиной XVII в. Характер появления чертежей внутри этого полувекового интервала достаточно прост: первые 40 лет — непрерывный рост, с 1692 г. — стремительный спад. В последние годы XVII в. начинают появляться и картографические произведения нового типа — исключительно метричные, с масштабом и сеткой координат. Некоторое промежуточное положение занимает наследие

---

[1] См.: *Турилов А. А.* Деятельность Археографической комиссии в 1980 г. // АЕ за 1980 год. М., 1981. С. 343–344.

[2] *Рыбаков Б. А.* Русские карты Московии XV— начала XVI века. М., 1974.

[3] *Сотникова С. И.* К вопросу совершенствования системы НСА к картографическим документам // СА. 1986. № 3. С. 22–29. Не подтверждены администрацией архивов сведения о наличии русских чертежей в архивах Вильнюса, Тарту и Тобольска.

[4] *Балдина О. Д.* От Валдая до Старицы. М., 1968; *Косточкин В. В.* Старым Смоленским трактом. М., 1972; *Заварихин С. П.* Ворота в Сибирь. М., 1981.

[5] *Каштанов С. М.* Чертеж земельного участка XVI в. // ТМГИАИ, 1963. Т. 17. С. 429–436.

inslav

«картографа, зодчего, художника, летописца», как сказано в памятной надписи на стене Тобольского кремля, С. У. Ремезова. 238 сибирских чертежей Ремезова, хотя и близки по манере графики московским чертежам, создавались несколько позже (до 1730 г.), на многих имеется шашечная рамка, напоминающая координатную, но без числовых данных. 237 чертежей Ремезова заключены в три чертежные книги — первые русские атласы. Две книги — «Чертежная книга Сибири» и «Хорографическая чертежная книга» — изданы факсимильно[6]; монографически исследованы многочисленные письменные документы, относящиеся к разносторонней деятельности Ремезова[7], однако серьезного анализа его картографического наследия пока не выполнено.

Неясно пока, почему именно 1692 год явился переломным в истории отечественной картографии. Лишь одно «картографическое» событие, на наш взгляд, косвенно связано с этой датой. В мае 1691 г. амстердамскому бургомистру Н. Витсену была послана царская грамота с «милостивым похвалением» «за изображение того чертежа новаго восприяв в потребный случай» — за подарок правительству Русского государства его известной карты Сибири 1687 г.[8] Один из первых исследователей истории русской картографии — Г. Ф. Миллер весьма положительно аннотирует это произведение Н. Витсена: «Сею картою начинается новый период в землеописании и истории ландкарт о России»[9]. Не послужил ли некоторым толчком к ускоренному переводу всех создаваемых картографических произведений в стране на строгие математические рельсы тот подарок Витсена? Лишь единственный раз впоследствии появится правительственное решение (боярский приговор в январе 1696 г.) об изготовлении нового чертежа Сибири[10] и лишь однажды за прошедшие 300 лет перо исследователя коснется замечательной карты Витсена[11].

Почти аналогичная картина наблюдается и по отношению к отечественным картографическим памятникам XVII в. Как первый шаг на пути их всестороннего изучения совершенно необходим их научный каталог со следующей структурой: введение, описания чертежей, указатель топонимов, указатель имен, указатель фондов хранилищ, библиографический указатель. Напомним, что только благодаря «старым каталогам» — сохранившимся от XVI—XVII вв. росписям чертежей — мы знаем о существовании этих памятников в то время. Таких росписей на сегодня выявлено шесть[12].

Ощутимая потребность в научных каталогах карт, а не только инвентарных росписях назрела в России к концу XIX в. Весьма благожелательно были приняты (отмечены Уваровской премией) три выпуска «Материалов по истории русской картографии»[13]. Автор этих выпусков, сотрудник библиотеки Киевского университета В. А. Кордт, подготовил солидный картобиблиографический труд, приведя описания 105 карт (одна отечественного и 104 иностранного производства). Почти одновре-

---

[6] *Ремезов С. У.* Чертежная книга Сибири 1701 г. СПб., 1882; *Remesov S. U.* The atlas of Siberia: Mouton Supplement 1 to Imago Mundi. Gravenhage, 1958.

[7] *Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов сибирский картограф и географ. М., 1965.

[8] *Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692—1695). М., 1967. С. 385.

[9] *Миллер Г. Ф.* Известие о ландкартах, касающихся до Российского государства // Сочинения и переводы. 1761. № 14. С. 415. См. также: № 11. С. 387—448; № 12. С. 483—527.

[10] О снятии чертежа Сибири // ПСЗ I. Т. 3. С. 217 (№ 1532).

[11] *Полевой Б. П.* О картах северной Азии Н. К. Витсена // ИАН СССР. Сер. геогр. 1973. № 2. С. 124—133.

[12] *Кусов В. С.* Найдена новая роспись русским чертежам // Изв. вузов. Геодезия и аэросъемка. 1976. № 3. С. 121—123; Чертежи старые и новые // Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 412—416 (подгот. к печати В. И. Гальцов).

[13] *Кордт В.* Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899; *Он же.* Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Киев. 1906; *Он же.* Карты всей России и западных ее областей до конца XVII века. Киев, 1910.

inslav

менно с выходом работ В. А. Кордта Г. Фордхам в 1914 г. ввел термин «картобиблиография», понимая под ним каталогизацию ранних печатных карт. Сегодня исследователи используют этот термин значительно шире, распространяя его к описаниям любых видов картографических произведений и считая его отраслью истории картографии [14].

Важнейшей частью каталога является его второй раздел — «Описания чертежей», его содержание и внутренняя структура. Кордт в основном применял 4 позиции в своих описаниях: заглавие, дата, автор, гравер. Иногда большую часть в описании он уделял занимательным примечаниям — где проживал автор, как звали его сыновей и т. п. Тем не менее заслуги В. А. Кордта несомненны, в 1931 г. он продолжил свой многолетний труд заключительным изданием на украинском языке [15].

Наметившийся было прогресс отечественной картобиблиографии, связанный с известными работами Л. С. Багрова, затем надолго затормозился. Для сравнения укажем, что первое отдельное библиографическое периодическое издание в нашей стране существует с 1907 г., а регулярная периодическая информация о картах издается с 1931 г. («Книжная летопись» и «Картографическая летопись»). Конечно же, передовые представители картографической общественности России понимали важность такой периодической информации значительно ранее. Отметим попытку А. А. Ильина-отца, который в 1868—1869 гг., будучи редактором-издателем журнала «Географическая летопись», к каждому номеру прилагал картографический указатель имеющихся русских и иностранных карт.

Существенное развитие нашей картобиблиографии, особенно старых и рукописных карт, началось сразу же после окончания Великой Отечественной войны. В 1946 г. выходит в свет описание рукописных карт, принадлежащих БАН [16]. Очевидно, успех этого каталога, в котором его автор Б. В. Александров привел описания 790 карт, послужил причиной принятия в 1948 г. вторым съездом Географического общества СССР решения о необходимости издания каталогов старых карт, в первую очередь рукописных [17]. На призыв съезда первым откликнулся известный московский книговед С. А. Клепиков, который в 1956 г. опубликовал весьма ценный каталог печатных карт Москвы [18]. Затем инициатива прочно и окончательно перешла к ленинградским исследователям [19]; исключением следует считать единственный каталог, опубликованный в Вильнюсе [20]. Нельзя сказать, что исследователи столицы — главного центра страны по хранению картографических материалов прошлых эпох — совсем ничего не сделали в этот период. С 1967 по 1975 г. руководитель отдела картографии ГИМ М. И. Наврот четырежды выступила со статьями о необходимости каталогизации картографических коллекций ГИМ [21], однако публикация самих каталогов так и осталась неосуществленной.

---

[14] *Blakemore M. J., Harley J. B.* Concepts in the History of Cartography. A Review and Perspective // Cartographica. 1980. Vol. 17. Monograph. 26. P. 37.

[15] *Кордт В.* Материалы по истории картографии Украины. Киев, 1931.

[16] *Александров Б. В.* Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе рукописной книги БАН // Гнучева В. Ф. Географический департамент Академии наук. М., 1946. С. 267–412.

[17] Решение секций Второго географического съезда // Труды Второго Всесоюз. геогр. съезда. М., 1948. Т. 1. С. 63–64.

[18] *Клепиков С. А.* Библиография печатных планов города Москвы XVI—XIX вв., М., 1956.

[19] *Колгушкин В. В.* Описание старинных атласов, карт и планов XVI–XIX вв., хранящихся в архиве ЦКП ВМФ. Л., 1958; Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела БАН. Ч. 2. Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I. М.; Л., 1961; *Лемус И. В.* Русские географические атласы XVIII в.: Сводный каталог. Л., 1961; Каталог иностранных карт России XV—XVII вв. Л., 1971; Архитектурная графика России, первая половина XVIII в.: Собрание Эрмитажа: Научный каталог. Л., 1981.

[20] Каталог атласов и карт Центральной библиотеки АН Литовской ССР/Сост. К. Чепиене. Вильнюс, 1969.

[21] *Наврот М. И.* Каталог рукописных исторических карт XVIII—XX в., хранящихся в фондах ГИМ // История географических знаний и исторической географии. М.,

inslav

Используя опыт упомянутых отечественных каталогов, а также некоторых иностранных[22], составим суммарную, максимальной емкости формулу описания картографического произведения (не настаивая на единственно возможной последовательности приводимых позиций): 1) заголовок, 2) заглавие, 3) дата, 4) автор, 5) шифр хранения, 6) размер, 7) масштаб, 8) место составления, 9) язык, 10) красочность, 11) перечень изображенных объектов, 12) бумага, 13) печатная форма, 14) записи (и оборот), 15) сохранность, 16) время, источник получения, 17) графические средства, 18) наличие дубликатов, 19) переплет, 20) литература, выставки, 21) факсимиле.

Как видим, возможное число позиций при составлении описания достаточно велико. В первом издании государственного стандарта библиографического описания карт и атласов[23] число этих позиций существенно сокращено. Согласно ГОСТу 7.18-79, это описание должно иметь следующую структуру: 1) заглавие и сведения об авторстве, 2) характеристика издания (исправленное, дополненное), 3) математическая основа (масштаб, проекция, координаты рамок), 4) выходные данные (место издания, издательство, год издания), 5) количественная и внешняя характеристика (размер, красочность), 6) примечания (серия, переплет, тираж, цена и т. п.).

Незначительно отличается от советского стандарта формула описания картографических произведений, рекомендуемая Международной федерацией библиотечных ассоциаций и учреждений. Два издания (1977 и 1983 гг.) международного стандарта ИФЛА[24] и солидное руководство по правилам англоязычной каталогизации[25] дают формулу: 1) заглавие и сведения об ответственности, 2) издание, 3) математические данные, 4) публикации и распространение, 5) физическое описание, 6) серия, 7) примечание, 8) стандартные обозначения библиотечной классификации.

Описания, составленные по ГОСТу 7.18-79 или по стандарту ИФЛА, достаточно удачно охарактеризуют современную картографическую продукцию, но их структура несколько не подходит для описания рукописного чертежа — памятника картографической культуры XVII в. Пока имеется на этот счет единственный методический документ — «Инструкция по описанию рукописных картографических произведений», выпущенная ГПБ в 1979 г. Ее авторы указывают, что описанию по данной «Инструкции», подлежат не только рукописные картографические произведения, но и «гравированные и печатные» (гравюра есть способ глубокой печати). Оставляя пока противопоставление понятий «гравированные» и «печатные», приведем формулу описания документа согласно «Инструкции» ГПБ: 1) заголовок, 2) заглавие, подзаголовочные данные, дата и место составления, 3) подробные количественная и внешняя характеристики, 4) примечания, 5) картографическая характеристика и сведения о дополнительных материалах, 6) аннотация.

Напомним, что международный стандарт ИФЛА, максимально «сжимающий» выходные данные издающихся картографических произведений, предусматривает составление описаний с формулой по восьми позициям.

1967. Вып. 2. С. 17–19; *Она же.* Каталог гравированных карт России XVI – XVIII вв. и репродукций с них, хранящихся в отделе исторической географии и картографии ГИМ // Там же. 1970. Вып. 4. С. 39–43; *Она же.* Каталог гравированных и рукописных карт Сибири XVI–XVIII вв. // Там же. 1971. Вып. 5. С. 34–38; *Она же.* Каталог карт севера Европейской России XVI—XVIII вв., хранящихся в секторе картографии ГИМ // Там же. 1975. Вып. 7. С. 39–44.

[22] *Moir D. G.* The Early Maps of Scotland. Edinburg, 1973; *Lang A.* Das Kartenbild der Renaissance // Ausstellung der Herzog August Bibliothek Wolfenbüttel. 1977. N 20.

[23] ГОСТ 7. 18–79. Библиографическое описание картографических произведений. М., 1979.

[24] International Standard Bibliographic Description for cartographic Materials. London, 1977.

[25] Cartographic Materials. A Manual of Interpretation for Anglo-American Cataloging Rules. Chicago; L., 1982.

inslav

Рукописные карты, являющиеся памятниками культуры, требуют более подробного описания. Несмотря на факт в целом положительный — выход «Инструкции», нельзя обойти молчанием целый ряд ее просчетов. Прежде всего удивляет то обстоятельство, что из 43 страниц ее текста чуть ли не половина (16 с.) посвящена способам перехода от оригинального заглавия карты к заголовку в описании. Этому, на наш взгляд, второстепенному пункту, а для большинства исследователей и вовсе не нужному, составители «Инструкции» уделили столько внимания, что упустили в формуле ряд важнейших позиций: автор, филигрань, сохранность, литература, факсимиле и др. Исключительно русской картографической культуре XVII—XVIII вв. принадлежит особенность приведения нескольких топонимов одного объекта через союз «тож» (типа «село Архангельское, Ивановское и Скорняково тож»). Авторы «Инструкции» преобразовывают эту национальную особенность в «несколько слившихся друг с другом сел и деревень», рекомендуя сохранять в описании только первую лексическую форму топонима (?!) [26].

Переходя к отработке формулы описания русских географических чертежей, отметим неудовлетворительное состояние решения этой проблемы в целом. Удивительная сложилась картина — в наших хранилищах уцелели описи, очевидно, навсегда утраченных чертежей и, наоборот, отсутствуют какие-либо описания-каталоги дошедших до нас уникальных изображений. Например, древнейший отечественный чертеж, хранящийся в ГБЛ (ОР. Ф. 303. № 518),— «Чертеж земель по реке Солонице», так мы предлагаем его назвать, вплетен в рукописный сборник Троице-Сергиевой лавры и ни в каких каталогах не числится. В неудовлетворительном состоянии находятся и рабочие инвентарные описи архивохранилищ, в некоторых учреждениях русские географические чертежи до самого последнего времени вообще не были описаны или заинвентаризированы (например, МОКМ, отдельные фонды ЦГАДА).

При составлении описаний чертежей необходимо было выявить и указать их отличительные особенности, присущие исключительно отечественным картографическим документам допетровской эпохи. Например наряду с отсутствием на большинстве чертежей строгих координатно-масштабных соотношений их значительное число содержит подписи свидетелей, заверяющих правильность топографического — качественного подразделения («квантования») территории. На наш взгляд, в формулу описания должен быть введен соответствующий пункт. Разумно будет и обозначить его в соответствии с оригиналом: «а на чертеже были...», далее следуют имена заверителей и владельцев угодий — важный источник сведений об экономике Русского государства XVII столетия.

Итак, учитывая предыдущий опыт, предлагается следующая формула описательной статьи для русского географического чертежа: 1) заголовок, 2) заглавие, 3) место хранения, шифр (для рукописных), 4) автор, 5) дата создания, 6) размер, 7) красочность, особенности графического исполнения, 8) филигрань, 9) примененные условные знаки, надписи топографических номенклатур, 10) сведения о наличии масштаба и ориентировании чертежа, 11) наличие и характер числовых сведений, 12) надписи имен, 13) топонимы, их общее число, 14) наличие заверительных надписей «а на чертеже были...», 15) сохранность, 16) источник и время поступления, старые шифры, 17) печатная форма, 18) литература, воспроизведения, 19) примечание. Рассмотрим предложенные позиции и примеры их реализации:

1. В связи с относительно небольшим количеством сохранившихся чертежей для составляемого каталога (972 ед.) позиция «Заголовок» может быть применена в ограниченном числе вариантов. Это пять подразделений территории Русского государства согласно принятой в XVII в. схеме административного «квантования» «по городам» (Москва

---

[26] Инструкция по описанию рукописных картографических произведений. Л., 1979. С. 24.

inslav

и Замосковный край, Новгородские города, Рязанские и Понизовые города, Украинские города, Урал и Сибирь), т. е. заголовок — раздел, глава сводного каталога.

2. Все отечественные картографические произведения, составленные до начала XVIII в., в своем заглавии прежде всего должны иметь термин «чертеж». Это однозначно следует как из дошедших шести росписей чертежей, так и из отдельных подписанных памятников. К сожалению, некоторые хранилища обозначают (называют) рассматриваемые документы термином «план». Например, документ, хранящийся в ЦГАДА (ф. 27, д. 484, ч. 4, № 33), назван архивом «План землям Троицкого монастыря», хотя на его обороте имеется надпись XVII в.: «Чертеж землям Троицкого монастыря». Такие «правки» не единичны. Предлагаемое заглавие чертежа должно быть стилистически созвучно эпохе. Оно должно начинаться с термина «чертеж», включать один-два топонима, которые позволяли бы осуществлять его географическую привязку, а наличие сведений в заглавии о принадлежности угодий оказалось бы уместным для отображения причины составления чертежа и служило бы дополнительным источником знаний об известных людях и событиях. Наиболее целесообразны заглавия, аналогичные применявшимся в XVII в., типа: «Чертеж земель по реке N у села M», «Чертеж пустошей стольника N в уезде M», «Чертеж сел и деревень монастыря L по рекам N и M» и т. п. В предлагаемых названиях нежелательны термины «бассейн, район, область» и др., не встречающиеся в документах XVI—XVII вв.

3. Место хранения дается в общепринятой аббревиатуре — ЦГАДА, ОР ГБЛ и т. п., далее — шифр данного хранилища.

4. В рукописи каталога приводятся имена и должности авторов чертежей, где это удалось установить. Например, «углецкой площадной подьячий Федот Ковригин». Приведение оригинального текста с чертежей выполняется в соответствии с «Правилами лингвистического издания памятников древнерусской письменности» (М., 1961) и «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1969).

5. Дата указывается в григорианской системе календаря. Если событие датировано только годом, то при пересчете вычиталось 5508 лет (результат при вычитании 5509 лет менее вероятен).

6. Размер приводится в сантиметрах, например 32×41. Первое число — сторона по вертикали. В единичных случаях, кроме размера «по бумаге», при наличии рамки приведен и ее размер в скобках, например 32×41 (28×37).

7. Чертежи выполнялись двумя графическими приемами: штриховые (перо, чернила, тушь) и раскрашенные (кисть, акварель). Небольшое число памятников исполнено комбинированным способом (перо и кисть). Ввиду наличия четко выраженных трех групп чертежей по качеству графического исполнения эти группы указывались в описаниях: каллиграфическое исполнение, аккуратное исполнение, абрис.

8. Сведения о филигранях, число которых относительно невелико (до 50 типов), указаны ссылками на два справочника — А. А. Гераклитова [27] или Т. В. Дионовой и Л. М. Костюхиной [28].

9. Информация о памятнике в отношении его картографической полноты существенно повышена приведением перечня примененных условных знаков (номера типов) и перечня надписей топографических номенклатур.

10. На нескольких сохранившихся чертежах нанесен линейный масштаб — первая форма появления сведений о метрике отечественных карт. Интересно отметить, что ряд списков «Большому чертежу Московского государства» сохранил копии линейных масштабов — «меры верстам» и «меры милям». Современные описания требуют сообщения о масштабе в

[27] *Гераклитов А. А.* Филиграни XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963.

[28] Водяные знаки рукописей России XVII в. / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. М., 1980.

inslav

численной форме. В описаниях приводится соответствующий результат вычислений с точностью в две значащие цифры, например, 1 : 780. В случае наличия надписей по рамкам или краям чертежа «восток, полудень, запад, полунощь» приводится соответствующее указание. При отсутствии «азимутальных» надписей в большинстве случаев ориентировка определяется путем сличения чертежа с метричной картой данной местности. В этом случае указывается общая ориентировка, например «восточная».

11. Приводятся сведения о наличии числовых характеристик физических величин и их единицах измерения, например длины в верстах и саженях, площади в четях, копнах и т. п.

12. В среднем каждый чертеж содержит два-три имени лиц, исключая перечень «бывших на чертеже» (в среднем около десяти человек). В описании имена приводятся в алфавитном порядке.

13. С описываемого чертежа снимаются все топонимы с их номенклатурами, например, р. Жиздра, рч. Песочна, дор. Брянская, м-рь Жиздренской, п. Давыдково а Пищалово тож (р.— река, рч.— речка, п. — пустошь, дор.— дорога, м-рь — монастырь и т. п.). Данные описаний по п. 12 и 13 служат исходным материалом для составления указателей — имен и топонимов.

14. Сведения о факте заверения чертежа приводятся по форме: имеется текст «а на чертеже были» (девять имен), на обороте — три подписи «к сему чертежу руку приложил».

15. Указываются факты частичной утраты изображения, ветхого состояния, выполненной реставрации.

16. Время и источник получения указываются по данным хранилища, здесь же приводятся и все старые шифры, если они нанесены.

17. Для печатных чертежей указывается способ печати.

18. Библиографическая информация о выполненных исследованиях описываемого документа и его воспроизведениях приводится согласно ГОСТу 7.1-76.

19. В примечании указываются дополнительные сведения, не предусмотренные предыдущими позициями описания, например аннотация о точности или полноте, ошибки архивной рабочей описи, информация об авторах, упоминаемых лицах и др.

Приведем пример описания по предлагаемой формуле одного из русских чертежей из коллекции Московского областного краеведческого музея: 1) рязанские города; 2) чертеж земель по р. Проне с Семионовским монастырем; 3) МОКМ, собр. чертежей, № 1; 4) автор неизвестен; 5) составлен около 1680 г.; 6) 40×66, 7) штриховой, акк.; 8) филигрань не просматривается; 9) усл. знаки: 1, 2, 8, 9, 11а, 14, 25, 26 (нумерация согласно таблице каталога), надписи: дуб, озерко, грани, дворы, столб, лица, яма; 10) примерный масштаб 1 : 11 тыс., общая ориентировка восточная; 11) числовых характеристик нет; 12) Чевкин Григорий Яковлевич; 13) нанесено восемь объектов с топонимами: р. Проня, Семионовский м-рь, погост Пятница, с. Незнаново, д. Тюряково, селище, что была д. Юрино монастырское, озерко Морино монастырское, озерко Костино монастырское, названы топонимы: Спасской м-рь, что в Переславле Рязанском; 14) заверительных надписей нет; 15) реставрирован, имеются значительные утраты по краям чертежа; 16) источник получения — архив Новоиерусалимского монастыря; 17) рукописный; 18) заглавие и дата составления предложены в работе В. С. Кусова «Собрание древнерусских чертежей земель» (Геодезия и картография. 1980. № 8. С. 59—61). Не воспроизводился.

Хотелось бы надеяться, что высказанные предложения получат поддержку широкого круга исследователей отечественной культуры и позволят решить положительно вопрос о публикации подготовленного к изданию сводного каталога русского географического чертежа.

inslav

В. Н. Середа

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ТОПОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ТВЕРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА В 70—80-х ГОДАХ XVIII в.

С начала 50-х годов внимание историков привлекли к себе топографические описания второй половины XVIII в., и в первую очередь вопросы архивной эвристики и источниковедения этих описаний; описания рассматривались преимущественно как источники социально-экономических и историко-географических сведений [1]. Исследования этого направления, особенно работы Н. Л. Рубинштейна, К. В. Сивкова, В. М. Кабузана, показали большой источниковедческий потенциал топографических описаний.

Несколько позднее и не столь интенсивно началось изучение описаний с другой стороны. Его предметом стали обстоятельства подготовки описаний, механизм сбора сведений для них, т. е. все то, что входит в понятие достоверности источника. Центр внимания исследователей при этом переместился с самих описаний на делопроизводство, отразившее особенности их возникновения [2]. Причем выяснилось, что эти документы сохранились в архивах крайне плохо. И наконец, программы описаний, их изменения во времени, эволюция анкет описаний стали еще одним направлением изучения [3]. Не был обойден вниманием и вопрос об исторических сведениях в составе топографических описаний, в частности об источниках этих сведений [4]. Была установлена связь между основными типами описаний — «официальным» и «авторским» — и подходом к их созданию, отмечен «разнобой в структуре и объеме сведений» в различных описаниях [5]. А это, в свою очередь, повысило требования к изучению обстоятельств возникновения топографических описаний в каждом конкретном случае.

Из всей совокупности вопросов, связанных с источниковедением этого типа описаний, здесь рассматриваются лишь два: во-первых, проводится обзор документов, отразивших как организационную, так и содержательную сторону кампании по описанию в самом нижнем ее звене, в системе уездных учреждений Тверского наместничества; во-вторых, анализируются обстоятельства подготовки исторической части поуездных описаний

---

[1] *Никитин Н. П.* Зарождение экономической географии в России // Вопросы географии. М., 1950. Сб. 17; *Цветков М. А.* Картографические материалы Генерального межевания // Там же. М., 1953. Сб. 31; *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII века — памятники географического и экономического изучения России // Там же; *Сивков К. В.* Источники по истории сельского хозяйства Европейской России во второй половине XVIII века // ПИ. М., 1959. Вып. VIII; *Кабузан В. М.* Некоторые материалы для изучения исторической географии России XVIII – начала XIX в. (по фондам центральных государственных архивов и библиотек Москвы и Ленинграда // Там же. М., 1963. Вып. XI; *Милов Л. В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию: (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965.

[2] *Эммаусский А. В.* Топографические и исторические описания Вятского наместничества в 80–90-х годах XVIII в. // ПИ. М., 1959. Вып. VII; *Пирко В. А.* Топографическое описание Харьковского наместничества 1785 г. // Проблемы исторической географии России. М., 1983. Вып. IV.

[3] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч.; *Эммаусский А. В.* Указ. соч.; *Севастьянова А. В.* К вопросу об истории анкет топографических описаний Российской империи второй половины XVIII в. // Проблемы исторической географии России. Вып. IV.

[4] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 43, 62, 65; *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 169–171; *Кабузан В. М.* Указ. соч. С. 168; *Пирко В. А.* Указ. соч. С. 159.

[5] Источниковедение истории СССР / Под ред. И. Д. Ковальченко. М., 1973. С. 244.

inslav

этого наместничества и в этой связи рассматривается вопрос об авторстве описаний.

Источниками работы послужили документы Государственного архива Калининской области (далее ГАКО.— *В. С.*), в которых отразились создание Тверского описания, опубликованный текст этого описания и современные описанию историко-краеведческие сочинения.

Тверское наместничество относится к числу тех, чье описание представлено одним «официальным» типом. Н. Л. Рубинштейн отметил, что «сохранился официальный рукописный текст этого описания за подписью губернатора Тимофея Тутолмина» [6]. Его копии — современная и конца 20-х годов XIX в.— находятся в ГАКО [7]. Описание было издано в Твери в 1873 г. под названием «Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783—1784 гг.». Текст этой публикации, по мнению Н. Л. Рубинштейна, полностью совпадает с официальным экземпляром. Но еще до завершения топографического описания по губернии в «Месяцослове на 1780 г.» было опубликовано без подписи «Историческое и топографическое описание г. Твери и его уезда», позднее переизданное [8].

Общепринятой датой завершения топографического описания Тверской губернии считается 1783—1784 гг., что нашло отражение и в подходе к нему: В. М. Кабузан и Н. Л. Рубинштейн отнесли его к числу описаний, составленных не только после реформы 1775—1785 гг.[9] (Тверское наместничество возникло в начале 1776 г.), но и после окончания четвертой ревизии в 1782 г. Между тем дела, обнаруженные в ГАКО, позволяют отнести начало этой работы ко времени непосредственно вслед за созданием наместничества. Первое из этих дел называется «Столп ведомостей, принадлежащих до географического описания». Велось оно в Старицком городовом магистрате с ноября 1777 по февраль 1778 г.[10]

Дело открывается указом наместнического правления Старицкому городовому магистрату, «каким образом сочинить должно о городах и уездах Тверской губернии с истории-географическим описанием ведомости». Из указа видно, что инициатором предлагаемой формы описания является сам «правитель сего наместничества» (Т. Тутолмин.— *В. С.*), что за основу были взяты «сочиненные по губернскому городу с уездом ведомости и описания», копии которых по одному экземпляру направили городничим. Указом предписывалось, чтобы городничие «обще с уездными казначеями, нижними земскими судами и городовыми магистратами сочинили против того экземпляра каждый о своем городе и уезде самовернейшие ведомости и описания... которые за общим своим подписанием и прислать в наместническое правление как скоро возможно».

Через месяц магистрат получил напоминание из наместнического правления, а вслед затем сообщение от своего городничего о порядке выполнения поручения. К нему был приложен вопросник из семи пунктов. Вначале спрашивалось, «город Старица при ком начался, в каком году кем поставлен, почему назван Старицею, как прежде назывался, какое было в нем сперва правление или княжество и как переменился». Три следующих вопроса требовали ответа о стихийных бедствиях в истории города — пожарах, голоде, моровой язве. И в трех последних речь шла о торгах в городе, их масштабах и перечне товаров там, о вывозе хлеба по Волге местным купечеством и мещанством и, наконец, о составе и численности городских ремесленников.

Направляя вопросник в магистрат, городничий просил прислать ответы уже на следующий день. Так ли быстро отозвался магистрат, неизвестно, но ответы получились сдержанными. «Об оном обо всем в Ста-

---

[6] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 84 (ЦГВИА, ВУА, № 19088, 19090).
[7] ГАКО. Ф. 1409. № 1121; Ф. 103. Оп. 1. № 1915, 1919.
[8] Собрание сочинений, выбранных из месяцословов. СПб., 1790. Ч IV. С. 193–226.
[9] *Кабузан В. М.* Указ. соч. С. 178; *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 51–62.
[10] ГАКО. Ф. 174. Оп. 2. Д. 21.

inslav

рицком магистрате известия не имеются» — это в ответ на первый вопрос. «По объявлению от старожилов» указаны пожары и голодные годы за примерно полстолетие. Несколько содержательнее оказались сведения о торгах, вывозе хлеба по Волге, количестве ремесленников.

Второе дело находится в фонде Весьегонского городнического правления и значится по описи как «Исторический очерк о г. Весьегонске» [11]. Название это уже современное и дано, очевидно, по заголовку первого листа в деле: «Истории-географическое описание о городе Веси Егонске и уезде». В целом это фрагменты дела, аналогичного старицкому. Сохранилась копия указа наместнического правления о создании описания от того же числа, что и старицкий экземпляр. Сохранилось сообщение городничего в уездное казначейство, в котором предлагалось переписать «свою» долю полученного в качестве образца описания Твери и уезда (л. 11). На том же листе отметки о препровождении описания-образца с аналогичной целью в городовой магистрат и нижний земский суд. А спустя десять дней, 8 декабря 1777 г., из последнего пришло сообщение о завершении работы с приложением своей доли «ведомости» и текстового пояснения.

Последними по времени написания являются в этом деле рапорт городничего в наместническое правление о выполнении работы, датированный январем 1778 г. (л. 17), и описание, давшее заголовок всему делу (л. 1—10), а также ведомость, полное название которой «Ведомость обретающимся в Весьегонске присутственным местам с показанием числа присутствующих и приказных служителей и с объяснением, сколько по Весьегонскому уезду каких зборов по каким указам в приход вступает и в расход употребляется, коликое число в городе купечества и мещанства, а в уезде дворян с их фамилиями и дворянских, экономических и дворцовых сел и деревень, в них мужеска полу, да в городе ж церквей, дворцов, улиц и переулков, монастырей и протчих публичных и казенных зданий» (л. 14).

Построение описания позволяет определить вопросы, которые интересовали наместническое правление. Это в первую очередь местоположение города и расстояние до других городов, количество культовых и казенных зданий, крестные ходы, богадельни, школы, торги, ярмарки, ассортимент товаров на них и особо содержание речных торговых перевозок мимо города. В целом структура описания не дает основания безоговорочно отнести его к какому-либо определенному уже типу. Хотя известная близость с анкетами более поздних описаний, опубликованными Рубинштейном и Эммаусским [12], очевидна.

Из всего комплекса описаний губерний и наместничеств России между 1775 и 1796 гг. Кабузан выделяет в немногочисленную самостоятельную группу созданные до начала проведения четвертой ревизии, т. е. за период с 1775 по 1782 г.[13] Тверского среди них нет, но обнаруженные дела указывают на реальность подобного намерения у местных властей, не реализованного по какой-то причине. Отсутствуют пока и следы какого-либо повторного сбора сведений после завершения четвертой ревизии, т. е. после 1782 г. Скорее всего, именно поуездные описания 1777—1778 гг. после радикальной переделки по результатам этой ревизии и легли в основу официального описания Тверского наместничества 1783—1784 гг.

Однако не это обращает на себя главное внимание, а то обстоятельство, что подготовка к проведению описания началась задолго до рассмотренных выше событий, в отрезок времени от возникновения наместничества в начале 1776 г. и до рассылки указа городничим о проведении описания в конце 1777 г. Ее центральным пунктом явилось создание описания и ведомости «по губернскому городу с уездом». По сущест-

[11] ГАКО. Ф. 455. Оп. 2. Д. 28. В деле отсутствует часть листов, имеющиеся же перепутаны.
[12] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 61; *Эммаусский А. В.* Указ. соч. С. 205, 207.
[13] *Кабузан В. М.* Указ. соч. С. 168.

inslav

ву, на местах требовалось в первую очередь пунктуальное следование полученному образцу да соблюдение сроков, что, судя по рассмотренным делам, наместническим правлением было достигнуто. Сам текст этого описания-образца в фондах ГАКО пока обнаружить не удалось, и тем не менее получить о нем представление можно, и вот почему: с одной стороны, сохранился полный текст «истории-географического описания о городе Веси Егонске и уезде», целиком основанный на тверском образце; с другой стороны, упомянутая выше публикация в «Месяцослове на 1780 г.» с описанием Твери и уезда.

Их сравнение показывает не только общность плана изложения обоих описаний, но текстуальные совпадения на всем их протяжении. Приведем несколько фрагментов из начальной части этих описаний:

Тверь, 1780 г. [14]	Весьегонск, 1777—1778 гг. [15]
с. 193. Город Тверь лежит под 57 градусов....	л. 1. Город Весьегонск лежит к северной стороне, а под каким градусом... показать неможно...
с. 193. Герб имеет табурет с подушкою...	л. 1. Герба еще не имеет
с. 193. Он воспринял начало свое с 1182 года...	л. 1. Сей город начало свое имеет 1776 года марта...
с. 208. Местоположение Твери ровное...	л. 2. Сей город имеет местоположение от реки Мологи ровное...
с. 208. До 1775 году был он провинциальным городом Новгородской губернии...	л. 2–2 об. Сей город был селом Новогородской губернии Устюжского Железопольского уезду...

Возможность подобных совпадений естественнее всего объясняется наличием общего источника, которым здесь могло быть только названное выше описание «г. Твери и уезда», послужившее образцом в 1777 г.[16]

«Историческому и топографическому описанию г. Твери и его уезда» в тверской краеведческой литературе принадлежит особое место: это первое и единственное в XVIII в. сочинение тверского происхождения, увидевшее свет, где систематически излагалась ранняя тверская история. Сама публикация в «Месяцослове» появилась без подписи; поэтому вопрос об авторстве здесь становится одним из важнейших, если учесть, что тогдашняя провинция не щедра была на людей с увлечениями такого рода. И если признать справедливость утверждения о вторичности опубликованного в 1780 г. описания (или его тождественности) по отношению к описанию-образцу, тогда и автора необходимо искать там же, а применительно к публикации говорить только об обработке текста. Здесь поиск возможного корреспондента Академии наук не приблизит к решению вопроса о подлинном авторе описания. Или авторах.

Во всяком случае, сегодня есть достаточно оснований считать причастными к созданию топографического описания Тверского наместничества 1783—1784 гг. на разных отрезках работы двух человек. Первый из них — Диомид Иванович Карманов, Купец по происхождению, служащий магистрата, а впоследствии тверской публичный нотариус по социальному положению и историк-краевед по увлечению своему [17]. К 1777 г. он был автором «Исторических известий Тверского княжества, почерпнутых из общих российских летописцев, с приобщением новейших онаго приключе-

[14] Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов. Ч. IV. С. 193–226.
[15] ГАКО. Ф. 455. Оп. 2. Д. 28.
[16] Следует отметить что опубликованный в «Месяцослове» текст дополнен был событиями городской жизни последних лет. См.: Историческое и географическое описание г. Твери и его уезда // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов. С. 211–212.
[17] О нем см.: РБС. СПб., 1897. Т. Ибак-Ключарев. С. 527.

inslav

ний», создание которых датируется обычно 1775 г.[18] Работа эта благодаря участию М. Н. Муравьева, в ту пору молодого поэта и переводчика, выпускника Московского университета, привлекла внимание Н. И. Новикова[19] и Г. Ф. Миллера[20]. Осенью 1777 г. Вольное российское собрание при Московском университете избрало Д. Карманова своим членом-корреспондентом[21].

Однако свет это сочинение Карманова увидело только в конце XIX в. Основой для публикации послужил рукописный сборник исторических сочинений Карманова, переписанный им собственноручно для семинарской библиотеки в начале 1780 г. В сборник вошли также «Исторические известия о принадлежащих к Тверскому наместничеству городах». Эту работу Карманов завершил следующим послесловием: «Сии исторические известия собраны мною по приказанию его превосходительства г-на генерал-майора правителя Тверского наместничества и кавалера Тимофея Ивановича Тутолмина в 778 году в начале. Они внесены в сочиняемое тогда историческое и географическое известие о городах сего наместничества, которое поднесено ее императорскому величеству»[22]. Это замечание Карманова обратило на себя внимание другого тверского краеведа — В. И. Колосова, автора-составителя собрания исторических трудов своего предшественника. В подстрочных примечаниях к послесловию Колосов написал: «Это показание Карманова дает основание с уверенностью предполагать, что Карманов принимал участие в составлении «Генерального соображения по Тверской губернии 1783—1784 гг.»

Между тем простое сопоставление времени написания Кармановым историко-краеведческих работ со сроками проведения топографического описания городов и уездов наместничества свидетельствует о более глубоком характере связей Карманова с официальным описанием, чем просто указание тверского наместника. Ответить на этот вопрос помогает обращение к текстам названных работ.

Сопоставление «известий о Тверском княжестве» Карманова с опубликованным в «Месяцослове на 1780 г.» «Описанием г. Твери и его уезда» (чье тождество с описанием-образцом выше установлено) приводит к выводу о том, что историческая часть последнего (около четверти всего текста.— *В. С.*) является сокращенным пересказом труда Карманова, а местами его буквальным воспроизведением[23]. «Известия о Тверском княжестве» послужили источником (притом единственным) исторических сведений при описании Твери и уже в этом качестве стали сначала образцом для экскурсов в историю при описании других уездных городов наместничества, а затем были опубликованы в 1780 г.

Документы по описанию Старицы и Весьегонска были направлены в Тверь в самом начале 1778 г., о чем позаботилось наместническое правление. Нет основания считать, что ответы из других уездов намного задержались. Следовательно, работа Карманова над «известиями о городах» протекала параллельно или с небольшим отставанием от описания этих городов. С мест было получено 11 (по числу уездов) описаний, а между тем Карманов составил только семь исторических очерков о городах, в числе которых и очерк о Старице. Весьегонское же описание оказалось в другой, меньшей группе.

«Сей город начало свое имеет 1776 года марта с 6 числа. А преж сего был селом в Вежецком Верси княгини Анны Михайловой жены Федоровой, которою от рождества христова в 1524-м году в состоящей в Москве

---

[18] *Карманов Д. И.* Собрание сочинений, относящихся к истории Тверского края. Тверь, 1893. С. 15.

[19] Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. С. Тихонравова. СПб., 1862. Т. IV. Отд. III. С. 70.

[20] Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 260.

[21] ГАКО. Ф. 175. Оп. 2. Д. 227. Л. 27 об. Автором обнаружена копия письма об этом, снятая Кармановым с подлинника, подписанного секретарем общества А. Барсовым.

[22] *Карманов Д. И.* Собр. соч... С. 154.

[23] Ср.: Там же. С. 49, 74, 94, 96.

inslav

Симонов монастырь отдано. И данною во оной монастырь от великого князя Иоанна Васильевича грамотою утверждено, почему тот монастырь владение оным и имел по 1765 год, а потом по состоянию духовных штатов имелось до открытия города в ведомстве Коллегии экономии. В котором же году, кем населено и от кого преж упоминаемой княгине Анне Михайловне досталось, неизвестно»[24]. Это был целиком взятый исторический фрагмент из описания Весьегонска. Ответ о прошлом Старицы оказался еще короче: «Об оном обо всем в Старицком магистрате известия не имеются»[25].

Очерк Диомида Карманова о Старице из его «известий о городах» начинается указанием на древнее происхождение этого города. Однако все изложение группируется вокруг двух событий в истории города: войны между Тверью и Москвой, в результате которой Старица окончательно закрепилась за Московским княжеством (это произошло в 1375 г.), и истории злоключений и гибели последних князей старицких в годы правления Елены Глинской и Ивана Грозного[26].

Напрашивается предположение, что Кармановым составлялись очерки по истории лишь тех городов наместничества, где, подобно Старице, ответы местной администрации не отличались полнотой. Однако из этого не следует, что исторические справки другой группы описаний, представленные здесь весьегонскими, удовлетворяли в полной мере организаторов и позднейших обработчиков текстов описаний. Если в окончательный официальный вариант 1783—1784 гг. очерк Карманова по истории Старицы вошел лишь с незначительными сокращениями, то из всего пассажа о прошлом Весьегонска сохранилась единственная фраза о том, что «Весьегонск прежде был село ведомства Коллегии экономии».

Та же картина наблюдается и при рассмотрении исторических фрагментов в описаниях других городов наместничества: очерки Диомида Карманова, по-разному сокращенные, в целом оказались много содержательнее, чем присланные с мест. Налицо пример привлечения к работе над топографическим описанием наместничества «профессионала»-краеведа для подготовки раздела описаний, требующего специальных знаний, каковым была местная история.

Не лишен интереса и такой факт: все очерки, написанные рукой Карманова, хронологически тяготеют ко времени существования самостоятельного Тверского княжества и практически не выходят за пределы событий польской интервенции начала XVII в. Скорее всего, дело здесь не столько в исследовательских симпатиях самого автора очерков, сколько в подборе источников в его распоряжении. Двумя годами ранее, во время работы над «Историческими известиями Тверского княжества», Карманов в разных местах работы их упоминал. Пользуясь этим, В. Колосов, готовивший собрание его сочинений, суммировал эти упоминания в предисловии: «История Татищева, родословец Ломоносова, Татарская история и Опыт Казанской истории, Ядро Российской истории Манкиева, известия о делах Новгородских... Житие св. бл. кн. Михаила... известные в то время печатные летописи, рукописные писцовые книги и Летопись о мятежах и раздорах»[27].

Один из деятелей культуры в Твери — В. А. Приклонский участвовал в подготовке топографического описания Тверской губернии на завершающей стадии. Этот выходец из дворян Кашинского уезда по окончании Московского университета и непродолжительной службы довольно долго жил в своем имении, занимаясь переводами с французского и агрономическими опытами, и лишь в конце 1778 г. перебрался в Тверь, где в следующем году принял должность директора только что открытого дворянского училища. Хлопоты по училищу захватили Приклонского. Позднее об этом периоде он писал: «В двухгодичное в Твери пребывание

[24] ГАКО. Ф. 455. Оп. 2. Д. 28. Л. 1.
[25] Там же. Ф. 174. Оп. 2. Д. 21. Л. 10.
[26] *Карманов Д. И.* Собр. соч... С. 149—152.
[27] Там же. С. 11.

inslav

не имел и времени книг читать». Затем Приклонский занимал ряд должностей в губернской администрации, в том числе должность советника наместнического правления, где и был привлечен к работе над описанием. «Я теперь в новых трудах упражняюсь, сочиняя историческое и топографическое описание всех городов Тверской губернии, для поднесения при Тверской карте государыне»,— писал он в письме в октябре 1782 г. «Речь идет, несомненно, об известном „Генеральном соображении по Тверской губернии". Эта энциклопедия Тверского края была, безусловно, главным трудом, созданным Приклонским». А фраза из письма в апреле 1784 г. «теперь начало сделано...» расценивается как свидетельство окончания этой работы.

Нет основания сомневаться в том, что найден наконец человек, перу которого принадлежит литературная и фактографическая обработка текста описания по Тверской губернии. Еще одно описание обрело своего автора-составителя. Неучастие Приклонского в этой работе на более ранних этапах также не вызывает сомнения. Между тем именно тогда, скорее всего в 1779 г., было подготовлено к печати и издано в «Месяцослове» «Историческое и топографическое описание г. Твери и его уезда» [28]. А ранняя редакция «Описания» стала образцом для описаний других городов, как было установлено выше. Именно об этом опубликованном описании Н. Л. Рубинштейн замечал, что оно «выделяется особенным многообразием экономического материала и, главное, исключительно тщательной и систематической его обработкой» [29].

Последним по хронологии событием жизни города, упомянутым в опубликованном тексте, было открытие дворянского училища в Твери в июне 1779 г., в котором «будут обучаться» (в будущем времени.— *В. С.*) 120 детей. Фрагмент этот локализует подготовку описания к публикации летними месяцами 1779 г. и тем самым практически исключает Приклонского из числа авторов.

Нет достаточных оснований и для отождествления неизвестного пока автора с Кармановым, хотя вероятность его привлечения к литературной обработке всего текста описания Твери и уезда в 1776—1777 гг. достаточно велика, тем более что в его «Исторических известиях Тверского княжества», привычно датируемых 1775 г., заключительные главы содержат сведения, близкие по содержанию к традиционному для тверских городских описаний 1777—1778 гг. набору объектов интереса. Анализ этой работы Карманова позволит придать бо́льшую определенность последнему предположению.

В той же известной статье Н. Л. Рубинштейн высказал предположение: «Под „подробным топографическим и камеральным по городам и уездам описанием" надо, очевидно, подразумевать тексты, поступившие из уездов и составлявшиеся уездными землемерами; в таком случае последние могли сохраниться только в самом Тверском архиве г. Калинина» [30].

Обнаруженные в ГАКО дела отчасти подтвердили последнее высказывание, но и опровергли в чем-то и, во всяком случае, дополнили существующие представления о процедуре проведения топографических описаний тверским материалом. Всестороннее источниковедческое изучение топографических описаний, в том числе и тверского, все еще впереди. Предпринятая здесь попытка рассмотреть обстоятельства проведения работы на местах, а также происхождение исторических сведений в «тверских» описаниях позволила отчасти объяснить причину привлечения известного в Твери историка-краеведа Д. И. Карманова. Однако его роль в работе над текстом описания в целом, а не только над исторической его частью все еще подлежит выяснению. В такой же мере это относится и к автору окончательной редакции описания В. А. Приклонскому. Известные на сегодняшний день факты об участии этих людей в под-

---

[28] См.: Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов. Ч. IV. С. 193–226.
[29] *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 85.
[30] Там же.

inslav

готовке описания как будто бы разводят их во времени, отводя одного к истокам, а другого к завершению этой работы.

Символической границей участия Карманова и Приклонского в создании этого труда и одновременно мостом, их связующим, стало «Историческое и топографическое описание г. Твери и его уезда», опубликованное в 1780 г. анонимно. Близкий к нему текст, как здесь выяснилось, был образцом для подготовки описаний по уездам и городам всей губернии в 1777 г., а историческая часть его является кратким заимствованием из более раннего труда Карманова по истории Тверского княжества. А несколько лет спустя текстуально близкое к нему описание («имеются текстуальные совпадения, в отдельных местах либо сокращения, либо чисто стилистические различия»[31]) стало официальным топографическим описанием губернии, которое в лице Приклонского обрело автора своей окончательной редакции.

[31] Там же.

inslav

И. И. Комарова

МОСКОВСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ МЕСТНЫХ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИИ

Предметом данной статьи является деятельность местных краеведческих организаций в пореформенной России под руководством Московского археологического общества (МАО). Исследование проводилось на основании протоколов МАО [1], Трудов археологических съездов [2] и археологической хроники [3].

Краеведческие общества [4], чье массовое возникновение приходится на 1890–1910-е годы, являлись одним из элементов системы научных обществ, сложившейся в России во второй половине XIX в.[5] Место каждого общества в ней определялось многими факторами, в том числе научным авторитетом и количеством членов, а следовательно, финансированием научных исследований. Из всего многообразия научных обществ можно выделить несколько обществ-гигантов, определяющих направление и характер научных исследований. Одним из них являлось Московское археологическое общество. Оно было связано с периферийными обществами, которые независимо от ориентации решали задачи изучения края, и через них вовлекало в исследовательскую деятельность учителей гимназий и училищ, приходских священников, представителей полицейских служб, губернских инженеров и архитекторов, а также помещиков. В городах (особенно в столицах), где существовало несколько обществ, сходных по профилю [6], одни и те же лица составляли их активное ядро.

К моменту возникновения МАО (1864), долгие годы определявшего политику в стране в области истории, археологии, археографии и охраны памятников, в России уже действовали Русское археологическое общество, Одесское общество истории и древностей и др. Однако МАО с

---

[1] Протоколы публиковались в «Древностях» (Трудах МАО. М., 1869–1916. Т. 1–25). Кроме того, имеется отдельное издание: Заседания МАО (М., 1866. Вып. 1–3).

[2] За период с 1896 по 1911 г. было 15 археологических съездов. Перечень их трудов см.: *Бржостовская Н. В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1896–1911 гг.) // АЕ за 1971 год. М., 1972.

[3] Археологическая хроника публиковалась в «Археологических известиях и заметках» (М., 1894–1900), «Известиях имп. Археологической комиссии» (СПб.–Пг., 1889–1917) и др.

[4] Общество по изучению Эзеля (1865), Аренсбург; Петровское общество исследователей Западной Сибири (1868), Томск; Общество изучения Амурского края (1884) Владивосток; Общество любителей изучения Кубанской области (1897), Екатеринбург; Общество любителей изучения истории, археологии и этнографии Чердынского края (1902), Чердынь; Литовское научное общество (1907), Вильно; Общество изучения Сибири и улучшения ее быта (1908), Петербург; Вологодское общество изучения Северного края (1909), Вологда; Общество изучения Черноморского побережья (1911); Общество краеведения в Лифляндии (1911), Рига; Ставропольское общество изучения Северного Кавказа (1911), Ставрополь; Астраханское общество по изучению местного края (1910-е годы), Астрахань; Общество изучения Поморского края и улучшения его быта (1910-е годы), Архангельск.

[5] Проблемы зарождения, развития и функционирования общественных организаций рассмотрены в работах А. Д. Степанского «История общественных организаций дореволюционной России» (М., 1979) и «Общественные организации в России на рубеже XIX–XX вв.» (М., 1982).

[6] Например, в Воронежской губернии: Воронежский ГСК, Воронежское церковно-археологическое общество (1890), Воронежская ГУАК (1900); в Симбирской губернии: Симбирский ГСК, Симбирский церковный археологический комитет (1913), Церковное археологическое общество в Симбирске (1914), Симбирская ГУАК (1895); в Псковской губернии: Псковский ГСК, ПАО (1880), Псковский церковно-археологический комитет (1908), Псковская ГУАК (1916).

inslav

первого дня создания было ориентировано на вовлечение в занятие археологией большего числа людей [7]. Это и определило специфику новой организации. МАО осознанно и целенаправленно занималось подготовкой местных кадров. Привычные формы работы общества (заседания и т. д.) явно не могли обеспечить выполнение этой задачи. Даже тот факт, что заседания МАО были сделаны публичными, открытыми для каждого желающего, а не только для членов общества, не влиял на привлечение иногородних лиц. Информацию о деятельности МАО последние черпали из «Древностей» и «Археологических известий и заметок» [8].

Несмотря на то что протоколы и наиболее примечательные доклады публиковались довольно быстро по современным понятиям, выполнить предназначенную им функцию организатора научных сил эти издания не могли [9]. И в России самым распространенным способом приобретения знаний, необходимых для исследований, оставались «наглядка и наслышка» [10].

В этой ситуации требовались принципиально иные формы деятельности. Археологические съезды, организованные МАО, не только сыграли роль в объединении провинциальных сил, но выдвинули общество в число самых авторитетных организаций России.

С помощью съездов предполагалось решить следующие организационные задачи: «а) уничтожить равнодушие к русским древностям; б) возбудить общее живое участие к русской археологии; в) распространить археологические сведения в различных центрах нашего обширного отечества; г) сблизить между собой деятелей на поприще археологии и возбудить их к общей дружной работе по разработке русских древностей; д) подвинуть вопрос о необходимости устройства музеев и ученых центров в разных городах России» [11].

Таким образом, съезды должны были сыграть роль организатора и координатора научных исследований в области историко-археологической науки на местах.

Действительно, без этого нельзя было решить задачи, поставленные самим развитием науки перед обществом: «1) сохранение и приведение в известность памятников как языческой, так и христианской древности; 2) точнейшее определение метода и приема в исследовании памятников; 3) составление подробной и ясной инструкции археологических разысканий; 4) составление росписи существующих памятников старины, как вещественных, так и письменных» [12]. Выполнение этих задач требовало коллективной деятельности. Организацию всех мероприятий съезда строили исходя из необходимости вовлечения в эту работу широких слоев провинциальной интеллигенции; подготовкой съезда ведал предварительный комитет, состоящий из наиболее авторитетных членов научных обществ как в столицах, так и в провинции.

Комитет собирался в местности, где должен был проходить съезд. В дальнейшем с вовлечением в научные исследования все большего числа местных кадров предварительный комитет съезда начал делиться на Московский и местные отделы. Первый работал в Москве и осуществлял отсюда всю подготовительно-организационную работу. (Из 15 съездов

---

[7] Речь А. С. Уварова при открытии общества // Древности: Труды МАО. М., 1869. Т. 1, вып. 1. С. 1–3.

[8] Древности: Труды МАО. Продолжающееся издание. Наряду с ним выходили «Древности», выпускаемые комиссиями: Восточной, Славянской и др. Издания носили характер научных. «Археологический вестник» (М., 1867–1868. Т. 1–6) и «Археологические известия и заметки» (М., 1893–1900. Т. 1–7) издавались с целью информации и координации научных сил в археологии.

[9] Археологические известия и заметки. М., 1893. Т. 1, вып. 1. С. 3.

[10] *Срезневский И. И.* Несколько примечаний о современном состоянии русской археологии // Труды II археологического съезда в Петербурге, 1871. СПб., 1876. Т. 2. С. 6.

[11] *Уварова П. С.* Обзор деятельности 12-ти первых археологических съездов // Труды XII археологического съезда в Харькове, 1903. М., 1905. Т. 3. С. 409.

[12] Труды IX археологического съезда в Вильне, 1893. М., 1897. Т. 2. С. 22.

inslav

МАО организовывало 14[13]. Члены МАО входили во все предварительные комитеты съездов.) Местный отдел, состоящий из членов научных обществ и исследователей той местности, в которой должен был проходить съезд, под руководством московского отделения осуществлял научные исследования и работы по проведению раскопок, обследованию архивов, описанию памятников и публикации полученных материалов и т. д. В дальнейшем количество отделений Комитета росло, и последние четыре съезда готовились шестью-семью Отделениями предварительных комитетов. Таким образом, между отделениями существовало четкое распределение функций: Московский отдел ведал организационно-координационной работой, тогда как местные отделы вели научные исследования.

Порядок проведения подготовительных мероприятий съезда, как отмечалось, способствовал активизации работы на местах. Первоначально рассылались запросы о том, какие проблемы необходимо затронуть на съезде. Ответы отрабатывались, и на их основе составлялись программа съезда и запросы по обследованию местности[14]. Все это публиковалось в губернских ведомостях и центральных изданиях, рассылалось научным обществам. К обследованию привлекались члены губернских и областных статистических комитетов или научных обществ. Так, к содействию Комитету Виленского съезда были приглашены «все местные губернаторы, предводители дворянства, местные епископы, как православные, так и католические, при их содействии все духовенство края и местные помещики»[15].

П. С. Уваровой при содействии К. М. Быковского, П. Н. Милюкова, И. А. Линниченко, М. А. Янчука, В. И. Сизова и других составлены подробные записки для руководства подготовительными исследованиями и раскопками в Западном крае, для изучения и обследования архитектурных памятников края; собраны сведения о местных ученых и знатоках древности, с которыми общество было связано; разосланы губернаторам, статистикам, помещикам, учителям, епископам, священникам до 7000 экз. вопросных пунктов по собиранию сведений о церквах, церковных древностях, памятниках каменного и бронзового века, могильниках, городищах, валах и пр.

Эти запросы не оставались без ответа. Так, в своем отчете IV археологическому съезду член-корреспондент МАО, секретарь Нижегородского ГСК отмечал, что по заданию съезда он составил 1) библиографический указатель литературы о Нижегородской губернии; 2) справку о местных преданиях; 3) материал о праздниках; 4) карты городищ-курганов; 5) отчеты о раскопках, проведенных в губернии; 6) ответы на программу Д. П. Европеуса[16]. Многие материалы, готовившиеся к съезду, издавались. Так, к Киевскому съезду были изданы В. Б. Антоновичем и В. В. Тарновским «Сборник материалов по исторической топографии Киева и его окрестностей»; к Казанскому съезду опубликованы С. М. Шпилевским «Древние города и другие болгарско-татарские памятники Казанской губернии», П. Г. Заринским «Очерки древней Казани», К. И. Не-

---

[13] Съезды проходили: I – в Москве (1869), II – в Петербурге (1871) (проводился Русским имп. археологическим обществом); III – в Киеве (1874); IV – в Казани (1877); V – в Тифлисе (1881); VI – в Одессе (1884); VII – в Ярославле (1887); VIII – в Москве (1890); IX – в Вильне (1893); X – в Риге (1896); XI – в Киеве (1899); XII – в Харькове (1902); XIII – в Екатеринославле (1905); XIV – в Чернигове, (1908); XV – в Новгороде (1911).

[14] Было создано свыше десяти крупных анкет: Инструкция для описания городищ курганов и пещер (1875), Инструкция о снятии копий с древних надписей и воспроизведения их из гипса (1875), Заметка для собирания русских древностей (1886), Программа для собирания сведений об архивах (1898), Программа для собирания материалов по народной бытовой технике (сост. Ф. К. Волков, 1900), Программа для собирания этнографических предметов (1905), Программа для материалов для изучения крепостного помещичьего хозяйства в России (1905).

[15] Труды IX археологического съезда в Вильно. Т. 2. С. 25.

[16] *Гацисский А. С.* О задачах корреспондентов, избираемых предварительными комитетами археологических съездов // Труды IV археологического съезда в Казани, 1877. М., 1891. Т. 2.

inslav

воструевым «Список с писцовых книг по г. Казани с уездами» и др. К съезду в Тифлисе изданы «Армянские апокрифы» Эмина, «Ани» Абиха, «Эчмиадзинская библиотека» А. С. Уварова, «Пещеры и древние могилы Дагестана» А. В. Комарова. В результате подготовки съезда в Одессе вышли: Кондаков Н. П. «Византийские церкви и памятники Константинополя», Дестунис Г. С. «Историко-топографический очерк сухопутных стен Константинополя», Люикс А. Г. «Мечеть Фехтиедпсали в Константинополе», Латышев В. В. «Сборник надписей древнегреческих колоний Черного моря», Воеводский Л. Ф. «Карта древних поселений на юге России», Матвеев А. А. «К вопросу об археологических исследованиях в Южной России».

К Ярославскому съезду были подготовлены и изданы «Ростовская и Ярославская старина» и «Троицкий Желтоводский монастырь» А. А. Титовым; «Каталог ризницы Преображенского монастыря в Ярославле» П. С. Уваровой; «Путевые заметки о памятниках древнерусского церковного зодчества» И. А. Шляковым.

К Виленскому съезду были изданы: Тверской губернской ученой архивной комиссией «О литовских пограничных городах», Археологической комиссией «Исследования надбужских, витебских древностей» в «Материалах по археологии России». Могилевский губернатор подготовил дневник курганных раскопок, М. В. Довнар-Запольский — «Очерк истории Кривенской и Дреговичской земель до конца XII ст.», Г. Х. Татур — «Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии»; Н. Н. Теодорович — «Историко-статистическое описание церквей и приходов Волынской епархии», Ф. Гербачевский — «Русские древности Холмско-Подляшской Руси» и др.

К Киевскому съезду подготовлены: В. А. Кордтом «Материалы по истории Русской картографии», Н. И. Теодоровичем «Историко-статистическое описание церквей и приходов Староконстантиновского уезда Волынской епархии» и др.

Список изданий, вышедших к съезду, позволяет оценить то значение, которое имели съезды для активизации научной провинциальной жизни. Большая часть этих публикаций, многие из которых являются классическими, созданы «местными собирателями и знатоками края, работы и познания которых, может быть, без съездов остались бы втуне, а собранные и обработанные к известному времени при помощи и руководстве предварительного Комитета, вносят немалую лепту в общую сокровищницу изучения родной старины» [17].

Все издания являлись ответом на один из пунктов Программы, предложенной съездом. Вопросы Программы делились на две группы: «к первой должны были относиться все общие вопросы по археологии и древней истории, касающиеся главным образом содержания и метода их, ко второй — все вопросы частные, касающиеся отдельных предметов или памятников древности» [18].

Проанализировав соотношение общих вопросов и вопросов, касающихся местной проблематики, можно говорить о том, что съезды, организованные МАО, были ориентированы главным образом на региональные проблемы. Так, на Московских съездах обсуждалась владимиро-суздальская архитектура XII в., финское племя «меря», древнейшие поселения Москвы. На Киевском съезде доклады были посвящены киевской архитектуре X—XII вв. Казанский съезд знакомил с памятниками древности Казанской, Пермской и Вятской губерний. На Виленском обсуждался вопрос о храмах Витебска и Полоцка и т. д.

Наиболее показательно в этом отношении сравнение I и II археологических съездов. На первом, организованном МАО, едва ли 1/5 часть докладов посвящалась общим вопросам, таким, как судьба археологии в России (М. П. Погодин). Основная же часть докладов касалась регио-

---

[17] *Уварова П. С.* Обзор деятельности 12-ти первых археологических съездов. С. 410.
[18] Труды II археологического съезда в Петербурге. Т. 2. С. VII.

inslav

нальных проблем[19]. Программа II съезда, проводимого РАО, ориентирована на общие вопросы славянской и классической археографии[20].

После подготовительных мероприятий, в результате которых собирались заявки от будущих участников съезда и взносы (4 руб.), утверждалась дата и порядок проведения съезда.

Состав участников съезда показывает, что лишь на II съезде иногородних участников было всего 38 из 127. На всех же остальных съездах большинство присутствующих составляли нестоличные жители. Так, из 204 делегатов III Киевского съезда 160 представляли провинцию.

Работа МАО по выявлению кадров проводилась постоянно, а начиная с VII съезда Общество ввело анкетирование местных специалистов, рассылало запросы, собирая сведения обо всех лицах, занимающихся историко-археологическими, этнографическими и прочими изысканиями в крае. Эта мера, судя по протоколам, принесла весьма ощутимые результаты, так как после VII съезда резко увеличился список новых участников съездов[21], а также расширился диапазон местных тем не только в отношении исторического краеведения, но и касательно других его разделов. «Надо только заметить, что при каждом новом съезде, в трудах его проявляется все более и более этот особый местный характер, который, как мне кажется, есть верный залог успеха наших съездов»[22],— отмечал еще в 1874 г. А. С. Уваров.

Не останавливаясь на порядке проведения съездов[23], отметим, что устраиваемые, начиная с III Киевского съезда, экскурсии и показательные раскопки под руководством крупнейших специалистов также способствовали подготовке местных кадров. В Киеве и его окрестностях были изучены церкви и монастыри. Совершена поездка по Днепру, произведены раскопки в Трехтымирском монастыре и вскрыто несколько курганов у с. Гатное. Во время Казанского съезда были совершены поездки в г. Свияжск и в с. Камские-Болгары и т. д.

Кроме того, при каждом съезде устраивались выставки «или с целью изучения местных древностей, или с целью ознакомления съезда с тем, что сделано в промежуток времени от одного съезда до другого, или для пояснения предполагаемых на съезде рефератов, или для сравнительного изучения той или другой народности»[24].

Подводя итоги деятельности съездов, можно утверждать, что основная часть организационных и научных задач, поставленных перед ними, была выполнена. Съезды завоевали авторитет не только в ученых кругах. Проведение их в данной местности было престижно для губернского и областного начальства, также входившего в Предварительный комитет. И, как правило, заинтересованность последнего поощряла изыскания. Доклады, прочитанные на съездах, публиковались в «Трудах» съездов. Благодаря съездам многие энтузиасты в провинции приобщились к археологической науке и получили известность. Среди них Л. В. Даль, К. Н. Тихонравов, А. А. Спицын. Проведение съездов способствовало активизации научной жизни края, возникновению новых обществ. Среди

---

[19] *Я. Ф. Головацкий.* «Об археологических трудах и исследованиях в Северо-Западном крае» и «Об исследовании памятников русской старины, сохранившихся в Галичине и Буковине»; Д. Г. Гедеонов. «О древностях в Веневском и ближайших к нему уездах»; Р. Г. Игнатьев. «Курганы и городища Оренбургского края»; П. И. Мельников. «Мары или курганы в губерниях: Симбирской, Нижегородской и Казанской». А. Минх. «Сторожевые курганы Аткарского уезда»; Х. И. Попов. «Сведения о древних памятниках в земле Войска Донского»; П. С. Ефименко. «О древностях Архангельской губернии»; А. Уваров, П. Лашкарев, Д. Мансветов, Л. Даль, И. Васильев, Н. Артлебен. «О Суздальской архитектуре XII в.» и др.

[20] Из докладов, посвященных местной проблематике, можно выделить сообщения о жальниках и курганах Новгородской области.

[21] На IX (Виленском) съезде присутствовало уже 395 делегатов, на X (Рижском) — 622.

[22] Труды III археологического съезда в Киеве, 1874. М., 1878. Т. 1. С. XV.

[23] Отчасти это сделано в указанной статье Н. В. Бржостовской.

[24] Труды X археологического съезда в Риге, 1896. М., 1900. Т. 3. С. 30.

inslav

них известные всей России Общество Нестора летописца в Киеве, Казанское общество археологии, этнографии и антропологии [25].

На VII съезде было принято решение о создании Ярославского общества археологии и этнографии. Секретарь общества писал: «МАО старалось войти в более тесное общение со статистическими комитетами и с теми отдельными рабочими силами, которые встречаются в наших губернских и даже уездных городах; движение, которое дано за последнее время археологами тому интересу к родной старине, который, возрастая с каждым годом, проявляется в открытии провинциальных музеев, церковных древлехранилищ и губернских архивных комиссий. Этот новый толчок, данный провинции, этот наплыв новых сил на съездах представляет весьма утешительное явление, но вместе с тем может принести огромный вред, если не будут приняты некоторые меры к направлению этого нового течения. Провинция проснулась, заговорила, сильно работает, в публике возбужден интерес к научным сведениям, и это, вероятно, следствие тех же археологических съездов; но нельзя не сознаться, что провинция выставляет нам пока весьма мало личностей с серьезной научной подготовкой,— все это любители (разумеется, за некоторым исключением), не имеющие основания в своих научных сведениях, понимающие науку археологии только под видом расхищения курганов и смешивающие научные сведения с кучею легендарных и сказочных преданий, в которых иногда весьма трудно разобраться. Господа эти, начиная заниматься и не имея под руками изданий и руководств, которыми пользуются более счастливые их собратья в университетских городах, не могут разобраться в своих занятиях, не могут проверить их, не могут дать им научного основания, не знают, наконец, как работать и что сделано до них у себя и за границею» [26].

На основе приобретенного опыта был предложен ряд мер для повышения научного уровня местных исследований, рекомендовалось в частности: «п. 4. Вменить в обязанность Предварительному комитету съездов входить в более тесное общение с референтами из провинции, направлять их работы, поддерживая их нравственно, стараться помогать им если не денежными средствами, то высылкой книг, руководств и указаний» [27].

Авторитет, приобретенный МАО, способствовал отчасти тому, что в общество обращались за разрешением на раскопки. Руководство раскопками, таким образом, стало еще одной формой работы, в результате которой общество влияло на подготовку местных исследований. Право руководства раскопками было закреплено за обществом юридически. В 70-е годы XIX в. выпущены циркуляры МВД и св. Синода о необходимости по всем вопросам, относящимся к археологии, обращаться в археологические общества, МАО, как одно из самых авторитетных, получало запросы от всей России, а не только из Московской губернии, как определялось циркулярами [28].

Рост интереса к археологии привел к увеличению числа запросов с мест на разрешение раскопок. Поэтому МАО издало несколько руководств по производству раскопок. Начиная с 1880-х годов и вплоть до 1917 г. МАО организовало работы по составлению Археологической карты России. С этой целью было разработано и опубликовано в местной печати руководство «Заметки о легенде для археологической карты России». Эти заметки, изданные для желающих производить подобные изыскания на местах, распространялись в губерниях. Право выдачи открытых листов сохранялось за обществом вплоть до 1889 г., когда вышло постановление о деятельности имп. Археологической комиссии [29]. Этим

[25] *Корсаков Д. А.* Об основании в Казани ученого общества для исследования археологии, истории и этнографии Казанского края // Труды IV археологического съезда, Казань, 1877. М., 1884. Т. 1. С. 3–14.
[26] Древности: Труды МАО. М., 1888. Т. XI. С. 156.
[27] Там же.
[28] Материалы по вопросам о сохранении древних памятников. М., 1911. С. 34–35.
[29] Сборник законов, относящихся до Министерства имп. Двора. СПб., 1895. С. 746.

inslav

постановлением все археологические раскопки, реставрация памятников сосредоточивались в Археологической комиссии, которая не обладала ни необходимыми штатами, ни навыками подобных работ, приобретенными МАО к этому времени. Ранее консультации и право на раскопки давало научное общество, курирующее данный регион. Но работы эти сосредоточивались в МАО как в самом авторитетном научном центре.

Этим положением, резко сократившим возможности МАО и передавшим их в руки государственного учреждения, открывается второй период существования общества. После выхода постановления МАО начало формализовать свою деятельность. Это сразу же отразилось на работе с местными кадрами.

Финансирование обществом исследований, проводимых как по заданиям съезда, так и по собственной инициативе периферийными обществами, ставило последние в прямую зависимость от МАО. Определяя интересующие его направления, общество финансировало только их. Естественно, что лишенные финансирования темы закрывались. Таким образом, общество влияло на формирование научной проблематики, хотя эта зависимость была гораздо слабее, чем нынешнее подчинение научно-исследовательских институтов финансирующим инстанциям. Исследователи, получавшие средства из казны МАО, представляли отчеты о работе, а также все найденные при раскопках предметы. Последние иногда возвращались в местные общества и оседали в местных музеях.

Как явствует из протокола МАО, им осуществлялась помощь местным обществам в формировании этих музеев, библиотек и древлехранилищ. При Публичной библиотеке г. Вятки МАО образовало значительный отдел книг археологического и вообще научного содержания, «который не может не быть полезным местным деятелям при дальнейших их занятиях и трудах» [30].

Формирование библиотек местных обществ МАО осуществляло разными путями. Крайне редко оно занималось созданием специальных библиотек, как в Вятке или Якутске. Но многочисленные договоры об обмене изданиями, заключенные МАО, способствовали концентрации в библиотеке самого общества почти всех местных изданий, превращая его в центр археологической информации. Изданиями МАО, таким образом, располагало большинство периферийных обществ, которые другим путем приобрести их не имели ни финансовой, ни организационной возможности.

Активно создавались музеи преимущественно широкого профиля, в которых оседали археологические, этнографические и естественно-научные коллекции. Уже в 1880-е годы их развитие представляло серьезную проблему. Председательница МАО П. С. Уварова на VII археологическом съезде выступила с «Проектом положения для губернских и областных музеев» [31], в котором предполагалось руководство музеями осуществлять археологическим съездом [32].

В активизации деятельности местных обществ сыграли определенную роль организованные экспедиции МАО: «Кавказ, потревоженный в своей вековой апатии запросами МАО и в особенности экспедициями прошлых лет, как будто также проснулся, но в его отношениях к ученым требованиям Общества чувствуется сильный недостаток в людях и какое-то грубое неведение самых основных начал истории и археологии. Хотелось бы окончательно разбудить Тифлисское археологическое общество и через его посредство влиять на развитие археологической науки в крае, но дело это пока подвигается вяло и довольно неуспешно» [33]. В связи с интересом, который вызывал у ученых этот регион, МАО открыло здесь свой филиал, работа которого субсидировалась из средств императора.

---

[30] Древности: Труды МАО. Т. XI. С. 156.
[31] Труды VII археологического съезда в Ярославле, 1887. М., 1891. Т. 2. С. 259–328.
[32] Там же. С. 336.
[33] Протокол № 276 // Древности: Труды МАО. Т. XI. С. 138.

inslav

Помимо создания филиалов, МАО формировало центры на местах, привлекая к своим исследованиям специалистов отдельных регионов. География таких центров менялась в зависимости от наличия специалистов и от ориентации МАО. Так, в 1860—1870 гг. к работе МАО были привлечены Е. Д. Фелицын (Екатеринодар), А. Сементовский-Курилло (Витебск), А. К. Жизневский (Тверь), Н. А. Артлебен, К. Н. Тихонравов, И. А. Голышев (Владимир), К. П. Тышкевич, А. К. Киркор (Вильна), Р. Г. Игнатьев (Уфа), П. С. Ефименко (Архангельск), Н. Н. Мурзакевич, Е. Е. Люценко (Одесса), А. А. Потебня, Н. Д. Борисяк, Н. Я. Аристов (Харьков), А. И. Селиванов, А. А. Хованский (Воронеж) и др. В 1870—1880 гг. — Радищевский музей (Саратов), Комитет Ростовского музея, И. Ф. Барщевский, В. Д. Левшин (Ростов Великий), Археологическая комиссия Псковского ГСК, затем ПАО, Г. К. Евлентьев (Псков). В 1880—1890 гг.— Н. И. Троицкий (Тула), С. Бочароников (Зарайск), В. Д. Беляев (Кострома), Н. А. Спасский, А. А. Спицын, Г. Первухин (Вятка), А. С. Великанов, Ф. А. Теплоухов, В. Н. Шишонко (Пермь) и др. В 1890—1900 гг.— А. И. Стоянов (Кутаиси), В. А. Тимофеев (Владикавказ), С. Спицын, Н. Г. Первухин (Вятка), Ф. А. Теплоухов (Пермь), Е. Р. Романов (Витебск), В. Н. Ястребов (Херсонская губерния), В. Ф. Миллер (Московская губерния), Т. Комаров (Калужская губерния). В 1910-е годы МАО много внимания уделяло обследованию Дагестана и Московской губернии.

Менялась не только география пунктов, менялись также общества, с которыми охотнее всего сотрудничало МАО. На первом этапе существования МАО (1864—1880-е годы) основные контакты поддерживались с членами ГСК. Значительная часть запросов проходила через губернские статистические комитеты [34]. «Как учреждения, очень близко стоящие к народной жизни, комитеты старались наблюдать и изучать все стороны этой жизни, и потому-то в прежних изданиях комитетов... мы находим так много весьма ценного этнографического и исторического материала» [35].

В 1880—1890 гг. основная работа велась в контакте с археологическими обществами на местах. В 1890—1910-е годы местные краеведческие организации стали опорными пунктами деятельности МАО. Естественно, что в тех местах, где не существовало других обществ, МАО продолжало сотрудничать с ГСК.

Деятельность МАО способствовала росту интереса широких слоев населения к своему краю, привлекала к археологии местные силы, нацеливая их на собирание материалов, изучение древностей. Для этих исследований были созданы условия — такие, как консультации крупных ученых, финансирование, обеспечение информацией по теме и др. Создание на периферии кадров, заинтересованных в изучении края, приводило к открытию местных ученых центров, устройству местных музеев и вовлечению в круг исследований еще более широкого круга лиц.

---

[34] *Комарова И. И.* Научно-историческая деятельность статистических комитетов // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 85—95.

[35] Древности: Труды МАО. Т. XI. С. 83.

inslav

К. А. Мазин

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АРХИВОВЕДЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

(Проект архивной реформы И. Е. Андреевского)

История архивоведческой мысли второй половины XIX в. представляет особый интерес для историков архивного дела. Именно в этот период происходило становление отечественного архивоведения как научной дисциплины. Довольно большое значение имели проекты архивных реформ, разработанные учеными, трудившимися на поприще архивов, реформ, которые являлись своеобразными вехами в развитии архивоведения. К этому времени относятся проекты архивных реформ Н. В. Калачова, Д. Я. Самоквасова и И. Е. Андреевского, пытавшихся претворить в жизнь буржуазную централизацию архивного дела. Но если первые два проекта отражены в советской исторической литературе, то проект архивной реформы Андреевского составляет исключение — о нем нет упоминания ни в общих трудах по истории архивного дела И. Л. Маяковского, А. В. Чернова и В. Н. Самошенко, ни в каких-либо отдельных работах советских историков-архивистов.

Целью данного сообщения является освещение деятельности и незаслуженно забытой попытки реорганизации архивов видного представителя архивоведения своего времени Ивана Ефимовича Андреевского.

Путь в «науку об архивах» ученого был не прост и во многом объясняется стечением целого ряда обстоятельств, а не научными интересами самого автора проекта. Родился Иван Ефимович в 1831 г. в семье известного петербургского врача [1]. Блестяще окончив гимназию, он поступает в 1848 г. на юридический факультет Петербургского университета. Здесь определяется содержание будущей научной деятельности Андреевского — история права. После окончания в 1852 г. университета по сложившейся традиции «для пополнения практических знаний» он поступает в камеру петербургского губернского прокурора и одновременно работает над магистерской диссертацией «О правах инородцев в России до вступления Иоанна III на престол великого княжества Московского», которую успешно защищает в 1854 г. Эта работа не выходит за рамки общепринятой в то время официальной трактовки ранних периодов нашей истории. Н. Г. Чернышевский в рецензии на нее писал: «За исключением очень немногих трудов, все доселе изданные сочинения по русской истории, изучению русской народности и т. д. имеют только одно достоинство — зато очень важное достоинство сборников материалов» [2]. Выдающийся революционер-демократ особо подчеркивал, что «Андреевский старательно собрал главнейшие факты и постановления, могущие доставить материалы для решения вопроса о гражданском положении иноземцев, селившихся на Руси до половины XV в. С этой стороны труд его заслуживает полного одобрения» [3]. «Старательный», «добросовестный», «трудолюбивый» — эти эпитеты, сопровождавшие всю жизнь Андреевского, дают достаточно верную характеристику положения ученого в научном мире.

В 1855 г. начинается преподавательская деятельность Андреевского в Петербургском университете. Здесь ученый проработал более 30 лет, за-

[1] Биографические данные об Андреевском мы почерпнули из формулярного списка ученого (ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 480).
[2] *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1949. Т. 2. С. 677.
[3] Там же. С. 673.

inslav

нимал пост ректора. В 1864 г. Андреевский становится доктором государственного права, защитив диссертацию «О наместниках, воеводах и губернаторах»[4], которая являлась попыткой изложить историю местных учреждений России. Именно эта работа послужила поводом для сближения Андреевского и одного из самых выдающихся дореволюционных историков-архивистов — Н. В. Калачова, так как последний посвятил ей целую книгу, содержавшую анализ диссертации Андреевского и собственное исследование в этой области с приложением архивных документов[5].

Но главным трудом Андреевского, по общему признанию его современников, явился двухтомный курс «Полицейского права»[6]. «Историю Полицейского права и земских учреждений в России» ученый преподавал и в Петербургском археологическом институте, созданном в 1878 г. по инициативе Калачова. А в 1885 г. после смерти последнего Андреевский унаследовал кафедру архивоведения и пост директора этого учебного заведения[7].

Сменив Калачова, выдающегося энтузиаста и знатока архивного дела, Андреевский совершил довольно смелый шаг, так как ему предстояло стать во главе тех положительных тенденций в отечественном архивоведении, страстным проводником которых являлся его предшественник. И надо отдать должное Андреевскому, сумевшему достойно продолжить дело Калачова. Во многом этому способствовали личные качества. Прекрасный оратор, умевший не только дать полноценный материал, но и заинтересовать слушателей, Андреевский по отзывам современников блестяще читал лекции[8]. При новом директоре стали регулярно проводиться вечерние занятия по четвергам, на которых Андреевский знакомил своих питомцев с новой библиографией по истории и археологии, устраивал диспуты о путях улучшения состояния архивного дела в России.

Но главной заботой ученого было продолжение курса по архивоведению. И тут еще раз сказались те «трудолюбие» и «старательность», которые в свое время сделали заметными работы Андреевского по истории права. Уже в первый год преподавания архивоведения он сумел дать слушателям необходимые сведения по истории западноевропейского и русского архивного дела, а также основополагающие принципы работы архивов[9]. «Наука об архивах» Андреевского показывает знакомство автора со многими зарубежными архивоведческими исследованиями и творческое осмысление основных идей Калачова. Здесь же мы впервые встречаем мысль Андреевского о необходимости централизации архивов[10], оригинальность которой по сравнению с аналогичными предложениями других авторов проектов архивных реформ не вызывает сомнения.

В 1887 г. прерывается университетская деятельность Андреевского. Биографы ученого связывали это событие с попыткой народовольцев убить Александра III в марте 1887 г., после которой в стране поднялась волна репрессий[11]. Тем более что одним из руководителей группы рево-

---

[4] *Андреевский И. Е.* О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864.

[5] *Калачов Н. В.* Разбор сочинения г. Андреевского «О наместниках, воеводах и губернаторах», составленный по поручению Императорской Академии наук с приложением дополнительного исследования автора и обозрения проектов и бумаг комитета 6 декабря 1826 г., относящихся к губернским учреждениям. СПб., 1867. В книге отмечается недостаток в полноте освещения проблемы, но в то же время Калачов приходит к выводу о возможности присуждения Андреевскому хотя бы половинной Демидовской премии, присуждаемой Академией наук за лучшее юридическое исследование.

[6] *Андреевский И. Е.* Полицейское право. СПб., 1874–1876. Т. 1, 2.

[7] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 121. Д. 948. Л. 4.

[8] *Половцов А. В.* Иван Ефимович Андреевский как преподаватель и директор Археологического института // АИ. 1892. Вып. 9. С. 50.

[9] *Андреевский И. Е.* Наука об архивах: Лекции, читанные в СПб. археологическом институте в 1885/6–1886/7 гг. СПб., Б. г.

[10] Там же. С. 123–124.

[11] *Глинский Б. Б.* Семидесятилетие Петербургского университета // ИВ. 1894. № 2. С. 513.

inslav

люционеров, покушавшихся на царя, был воспитанник Петербургского университета А. И. Ульянов, которого Андреевский, вручая награду за лучшую студенческую работу, назвал гордостью университета [12]. Убежденный либерал, горячо приветствовавший буржуазные реформы 60-х годов, ученый в некоторых своих работах высказывал осторожные предложения по ослаблению жесткой регламентации общественной жизни России, не выходившие за рамки мелких преобразований и не грозившие устоям самодержавия. Но даже такой умеренный реформизм Андреевского, известного к тому же демократичным отношением к студентам и преподавателям, вероятно, более не устраивал чиновников Министерства народного просвещения [13].

Покинув университет, ученый все свои силы отдает деятельности на посту директора Петербургского археологического института. Во время его руководства в основном сложился коллектив преподавателей и состав читаемых дисциплин. Ежегодные отчеты о работе губернских ученых архивных комиссий (ГУАК), представляемые в Академию наук, составлялись Андреевским не только по материалам, присылаемым самими ГУАК, но и после тщательного изучения публикаций этих организаций [14], которым ученый старался помочь как методическими советами, так и материально.

Будущий автор проекта реорганизации архивного дела планировал подготовку кадров для архивов древних актов в Киеве и Вильно, остро нуждавшихся в квалифицированных архивистах [15]. Им написаны статьи, касающиеся архивоведения, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (ученый был первым редактором этого издания), в которых Андреевский в краткой форме определял наиболеее прогрессивные пути развития отечественного архивоведения [16]. Он принимал участие в работе синодальной архивной комиссии, являясь одним из ближайших помощников ее председателя академика А. Ф. Бычкова [17]. Стараясь во всем следовать своему предшественнику, Андреевский пытался приостановить вновь усилившееся после смерти Калачова уничтожение архивных документов [18]. Столь многообразная и активная архивоведческая деятельность, близкое знакомство с положением архивов постепенно привели Андреевского, так же как в свое время Калачова, а впоследствии Самоквасова, к мысли о необходимости реорганизации архивного дела, неупорядоченное состояние которого было совершенно очевидно и вызывало тревогу за судьбу документальных сокровищ прошлого.

Достаточно четко идея о централизации архивного дела была сформулирована Андреевским, как упоминалось выше, в лекциях 1886 г. Но, видимо, окончательный вариант проекта был создан ученым в конце 1887 — начале 1888 г., когда он покинул университет и полностью переключился на деятельность в должности директора Петербургского археологического института.

Суть проекта Андреевского сводится к следующим положениям. Ученый настаивал на четком разделении всех архивов на текущие и исторические. Причем текущие архивы полностью исключались из проектируемой системы архивной централизации. «Было бы излишним стягивать архивы эти в центральное управление,— писал Андреевский,— самое устройство и способы улучшения должны находиться в руках ве-

---

[12] История Ленинградского университета: Очерки. Л., 1969. С. 86.

[13] К этому следует добавить, что по новому уставу университетов 1884 г. ректор более не выбирался Советом университета, а назначался министром народного просвещения.

[14] *Рудаков В. Е.* Два археологических юбилея (по поводу 35-летия имп. арх. ин-та) // ИВ. 1913. Март. С. 974–975.

[15] *Андреевский И. Е.* 10-летие археологического института // АИ. 1892. Вып. 8. С. 28.

[16] *Рудаков В. Е.* Хронологический указатель важнейших трудов проф. И. Е. Андреевского. СПб., 1892. С. 22.

[17] РС. 1891. № 11. С. 430.

[18] ЦГИА г. Ленинграда. Ф. 119. Оп. 1. Д. 3. Л. 224–224об.

inslav

домства»[19]. Эту мысль мы находим еще в лекциях 1886 г., где ученый дает в целом положительную характеристику проекту Калачова, но ставит под сомнение возможность и необходимость центрального управления всеми архивами[20]. Данное положение проекта Андреевского составляет, пожалуй, главное отличие от аналогичных предложений Калачова и Самоквасова, которые планировали создание центрального органа для всей совокупности архивов тогдашней России если не в организационном, то хотя бы в методическом плане.

Из числа исторических архивов, подчиненных центральному управлению, заранее исключались Государственный и Московский архивы Министерства иностранных дел, Московский архив Министерства юстиции (МАМЮ), Военно-ученый архив, архивы Морского министерства и Министерства имп. двора, Государственного совета и Синода[21], т. е. фактически все важнейшие столичные архивы. Это еще более ограничивало сферу применения архивной реформы Андреевского.

В подчинение проектируемого центрального управления переходили Киевский, Виленский, Витебский архивы древних актовых книг и постепенно складывающийся архив при Харьковском университете[22]. Для концентрации архивных документов примерно 50-летней давности центральных (кроме перечисленных) и местных столичных учреждений предполагалось создать архив в Петербурге. Аналогичные архивы планировались в Москве, Варшаве, Оренбурге и Одессе. Во всех губернских городах также создавались исторические архивы. Выполнение последнего мероприятия Андреевский возлагал на губернские ученые архивные комиссии[23]. Ввиду «затруднительного поначалу множества финансовых издержек», по выражению самого автора проекта, функции центрального управления архивами должен был выполнять Петербургский археологический институт, которому наряду с организационно-методическим руководством вменялось в обязанность «озаботиться» постройкой архивных зданий[24].

Как видно из содержания проекта Андреевского, он отличался от проектов Калачова и Самоквасова не только степенью охвата разных категорий архивов, но и тем способом, который выбрал ученый для осуществления своего плана. Силой, приводящей в действие механизм централизации архивного дела, по мнению Андреевского, должны были стать ГУАК и Петербургский археологический институт. Это произошло, на наш взгляд, по нескольким причинам.

Во-первых, нельзя не учитывать больших надежд, возлагавшихся Андреевским да и большинством представителей исторической интеллигенции на губернские ученые архивные комиссии, которые только что были созданы и еще не успели разочаровать своей малоэффективной деятельностью в плане упорядочения местных архивов. В 1886 г., когда обеспокоенное медленными темпами описания материалов архивов древних актов западных губерний Министерство народного просвещения запросило ведущие архивные учреждения о мерах по преодолению сложившегося положения, Андреевский предложил весьма оригинальный способ — преобразование Киевской и Виленской археологических комиссий в местные ученые архивные комиссии[25]. Справедливости ради следует отметить, что ученый был одним из первых, кто подверг ГУАК критике за чрезмерное увлечение «научной» деятельностью и забвение основной своей задачи — создание губернского исторического архива[26].

---

[19] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1081. Л. 81 об.
[20] *Андреевский И. Е.* Наука об архивах: Лекции... С. 124.
[21] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1081. Л. 82.
[22] Там же. Л. 83.
[23] Там же. Л. 82 об.
[24] Там же. Л. 84–84 об.
[25] ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 24. Л. 6–7.
[26] *Андреевский И. Е.* Губернские Ученые архивные комиссии в 1888 и 1889 гг. // АИ. 1892. Вып. 9. С. 43.

inslav

Во-вторых, с нашей точки зрения, Андреевский пытался предложить максимально реальный проект. Отсюда, видимо, вытекают и уступки ведомственному принципу хранения архивных материалов, чтобы заранее избежать сопротивления царской бюрократии, и предпочтение, отдаваемое ученым ГУАК и Петербургскому археологическому институту как учреждениям, на деятельность которых уже получено разрешение правительства.

Немаловажным, по нашему мнению, явилось и то обстоятельство, что Андреевский в силу своего пребывания на посту директора Археологического института невольно ставил во главе отечественного архивного дела возглавляемое им учебное заведение. Это происходило практически со всеми авторами проектов архивных реформ. Калачов и Самоквасов в своих планах реорганизации архивов выдвигали на первый план руководимый ими МАМЮ, придавая этому архиву ведущую роль в концентрации важнейших исторических документов. Н. В. Покровский (один из директоров Петербургского археологического института) и представители ГУАК также высказывали претензии на особую роль именно своих организаций в будущем преобразовании архивного дела.

В целом проект архивной реформы Андреевского преследовал цель буржуазной централизации архивного дела в России того времени, так как в противовес существовавшей в стране полной разобщенности архивных учреждений и зависимости использования архивных материалов от прихотей представителей бюрократического аппарата самодержавия в проекте подчеркивался публичный характер проектируемых исторических архивов, сведенных в единую систему. Но, не охватывая многих важнейших архивохранилищ, он является, пожалуй, проектом самой ограниченной централизации из всех известных планов преобразования архивов.

Как ни различны проекты архивных реформ по научной и практической значимости, они сходны в одном — в той участи, которую им уготовили царские чиновники, сопротивляющиеся любой попытке нарушения их монопольного права на обладание архивными документами. И судьба проекта Андреевского не представляет исключения.

Первое его обсуждение состоялось 28 апреля 1888 г. на заседании совета Петербургского археологического института, где проект был полностью одобрен [27]. Затем Андреевский составляет записку «О некоторых реформах Археологического института в связи с его заботами о приведении в порядок русских архивов», которую в январе 1889 г. отсылает на рассмотрение «покровителя» возглавляемого им учебного заведения вел. кн. Сергея Александровича [28]. Ученый надеялся на поддержку этого влиятельнейшего вельможи еще и потому, что в свое время преподавал ему государственное право [29]. Но «августейший ученик» не пожелал оказать содействие дальнейшему продвижению проекта.

На этом борьба Андреевского за реализацию проекта не закончилась. В октябре 1890 г., заручившись поддержкой председателя Московского археологического общества П. С. Уваровой, он подает свой план реорганизации архивов на рассмотрение в Министерство народного просвещения [30]. Но здесь начинается обычная в таких случаях министерская волокита, вследствие которой проект Андреевского пролежал в министерстве без всякого движения полтора года [31]. За это время в мае 1891 г. умирает автор проекта, а его место на посту директора Петербургского археологического института занимает А. Н. Труворов, при котором данное учебное заведение в значительной степени утратило передовые позиции в архивном деле, занимаемые им в годы руководства Калачова и Андреевского. Поэтому не случаен отрицательный отзыв о проекте архивной

[27] ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.
[28] Там же. Л. 2.
[29] *Половцов А. В.* Указ. соч. С. 55.
[30] ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.
[31] ЦГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28. Л. 3.

inslav

реформы последнего, посланный в декабре 1892 г. Труворовым в ответ на запрос Министерства народного просвещения[32]. Это было на руку чиновникам, не желавшим заниматься проблемами архивного дела, и привело к тому, что проект Андреевского, по образному выражению директора синодального архива А. Н. Львова, был окончательно «погребен» в министерских канцеляриях[33].

Подводя итог, следует отметить: проект Андреевского примечателен прежде всего тем, что заполняет собой период, когда вместе со смертью Калачова закончилось и «калачовское архивное время», а деятельность Самоквасова, также боровшегося за осуществление архивной реформы, еще не началась. Изучение данного сюжета приводит к выводу о том, что вся история дореволюционного архивного дела, начиная с 1869 г., когда Калачов на I археологическом съезде поставил вопрос о необходимости упорядочения хранения и использования архивных материалов, предоставляет собой непрерывную цепь попыток реорганизации архивного дела, недостающим звеном которой является проект архивной реформы Андреевского.

---

[32] ЦГИА СССР. Ф. 733. Оп. 142. Д. 1081. Л. 90–90 об.
[33] ЦГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28. Л. 3 об.

inslav

М. В. Москалев

О ПРОЕКТЕ СОЗДАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ПО ОХРАНЕ ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СОКРОВИЩ (1917—1918 гг.)

Государственный архивный фонд СССР располагает большим комплексом источников по истории охраны памятников и музейному делу за первые годы Советской власти. В первую очередь это документы Народного комиссариата просвещения РСФСР. Плохая сохранность документов, хаотичность их образования из-за отсутствия в то время четкой системы делопроизводства во многом затрудняют работу исследователям. Но главная трудность — разбросанность материалов по разным хранилищам [1]. Слабая источниковая разработка данной проблемы привела к тому, что в работах, опубликованных в 60—70-е годы, возникли серьезные фактические ошибки. Так, образование Коллегии по делам музеев и охраны памятников датировалось ноябрем 1917 г., а на самом деле она была создана весной 1918 г. Уточнить многие факты помогла статья Ю. Н. Жукова [2], где использован широкий круг источников. В ней впервые была воспроизведена структура государственных органов по управлению музейным делом и охраной памятников первых месяцев Советской власти.

Но если сложившаяся структура стала объектом исследований историков, то изучение альтернативных вариантов, неосуществленных проектов не проводилось. Подобные органы в России создавались впервые, да и мировая практика была небогата опытом, и, естественно, возникали различные решения, проекты. Не изучая их, невозможно разобраться в принципах, которыми пыталась руководствоваться новая власть при организации государственного аппарата культуры, и в причинах возникновения именно такой системы, а не другой.

В ряде работ советских историков [3] в связи с попыткой А. В. Луначарского привлечь в первые месяцы после революции к сотрудничеству творческую интеллигенцию упоминается Государственный совет по охране памятников старины и художественных сокровищ [4]. При этом исследователи опираются на документы Союза деятелей искусств, на заседаниях которого обсуждались предложения наркома. Но характеристику и оценку данному проекту они не дают — в их распоряжении не было самого документа. Он не отложился ни в фонде Союза деятелей искусств, ни в фондах самого НКП РСФСР. Проект декрета нами был найден в Архиве Государственного Эрмитажа (АГЭ).

В ноябре 1917 г. Луначарский дважды обращался к Союзу деятелей искусств с просьбой принять участие в создании Государственного сове-

---

[1] Документы НКП РСФСР за первые годы Советской власти хранятся в ЦГА РСФСР (Ф. 2306, 2307), ОПИ ГИМ (Ф. 59). ЦГАЛИ СССР (Ф. 665). Документы Петроградского отделения НКП РСФСР хранятся в ЛГАЛИ (Ф. 36), ЛОИА. Ф. 67.

[2] *Жуков Ю. Н.* Первые мероприятия Советской власти по охране историко-культурного наследия (Петроград, 1917—1918 гг.) // История СССР. 1983. № 5.

[3] *Ильина Г. И.* Культурное строительство в Петрограде. Октябрь 1917—1920 гг. // Л., 1982. С. 28—30; *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М., 1983. С. 235—238; *Шлеев В.* Революция и изобразительное искусство. М., 1987. С. 220; и др.

[4] Встречаются и другие наименования данного органа: Государственный совет по заведованию дворцами и музеями республики, Государственный совет по охране дворцов и музеев республики, Совет по управлению дворцами и музеями Российской республики.

inslav

та по охране памятников старины и художественных сокровищ. Во втором обращении, которое Союз обсуждал 17(30) ноября 1917 г., Луначарский писал: «Дело охраны дворцов и музеев, окончательно перешедших к народу, не терпит отлагательств. Вот почему я постарался немедленно провести через ЦИК Советов прилагаемый проект декрета о создании Государственного совета по заведованию дворцами и музеями республики» [5]. Но Союз не принял предложение о сотрудничестве. Несмотря на первые неудачи, Луначарский не отказался от своего замысла. Тем более что наиболее прогрессивно настроенная интеллигенция поддержала этот проект. Так, А. Н. Бенуа, выступая на совместном заседании художественно-исторических комиссий [6] 17(30) ноября и поддержав идею создания Соединенной художественно-исторической комиссии, оговорил что данный орган должен ведать дворцами и музеями «впредь до проектируемого ныне учреждения особого Государственного совета по заведованию дворцами и музеями» [7].

14(27) января 1918 г. секретарь наркома Л. М. Рейснер разослала приглашения Луначарского «вечером пожаловать в Зимний». В нем говорилось: «Механическая охрана всего этого несметного достояния (памятники старины и т. д.— *М. М.*) вообще невозможна, и надежду на сохранение полностью доставшихся народу сокровищ можно питать только в том случае, если нам удастся превратить их в подлинно народное достояние, сделав их широко доступными и в то же время подготовив народные массы, по крайней мере передние ряды, к правильной оценке великого наследия.

Видя перед собой столь трудную задачу, Комиссариат по просвещению счел необходимым создать Государственный совет по охране дворцов и музеев республики... Совет этот будет утвержден на днях как орган государственной власти Советом Народных Комиссаров.

Но хотя устав его был строго продуман и в свое время прошел критику весьма компетентных кругов, все же Комиссариат считает необходимым до утверждения устава созвать в порядке частного совещания приблизительный состав Совета для предварительного обмена мыслей» [8].

К разосланному приглашению был приложен проект Декрета. Он состоял из пяти пунктов. В первом определялось место Совета в системе государственных органов: «Все художественно-исторические дворцы, музеи, церкви и парки, находящиеся в ведении бывшего Министерства и главных управлений... находятся в ведении Центрального исполнительного комитета С[овета] р[абочих] и к[рестьянских] деп[утатов] управляются через посредство Народного комиссариата по просвещению и Народного комиссариата имуществ республики особым советом с наименованием его Советом по управлению дворцами и музеями республики» [9]. Таким образом, Совет должен был определять всю политику в этой области культуры. Пункт четыре уточнял функции наркоматов, решения Совета по вопросам, касающимся искусства, НКП РСФСР, а по хозяйственным вопросам — НКГИ РСФСР.

Какие же принципы легли в основу организации Совета? Состав Совета можно разделить на две группы: в первую входили представители органов диктатуры пролетариата, во вторую — представители интеллигенции от художественно-исторических учреждений и обществ, «представители компетентных кругов» (так их назвал Луначарский в приглашении, выдержки из которого цитировались).

---

[5] Цит. по: *Лапшин В. П.* Указ. соч. С. 236.

[6] Временным правительством были созданы художественные комиссии для приемки имущества императорской фамилии в Зимнем, Гатчине, Царском Селе, Петергофе. Позднее они стали называться художественно-историческими комиссиями. При соблюдении их автономии они согласились сотрудничать с Советской властью. Для координации деятельности регулярно с 1918 г. собирались совещания их председателей, на одном из которых и было решено создать Соединенную художественно-историческую комиссию. См.: *Жуков Ю. Н.* Указ. соч.

[7] ЛГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Л. 64.

[8] АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Ч. 2. Д. 25. Л. 1.

[9] Там же. Л. 2.

inslav

В свою очередь, первую группу можно разделить на две части: представители высших и центральных органов власти (от ЦИК — четыре человека; от НКП — нарком, его помощник по заведованию дворцами и музеями, секретарь по народному образованию, зав. отделом искусств, зав. библиотечным отделом; от НКГИ — нарком, правительственные комиссары при отдельных дворцах и музеях) и представители профсоюзов (от ЦК Союза низших служащих— четыре человека, сюда же можно отнести трех представителей от военно-культурно-просветительных организаций).

В работах историков и юристов отмечалось, что в первые годы Советской власти при формировании государственных учреждений практиковалось привлечение представителей общественных организаций [10]. Чаще всего роль шла о привлечении представителей профсоюзов, которые в центральных органах государства обеспечивали контроль и участие трудящихся в управлении.

Включение же представителей организаций интеллигенции преследовало совершенно иные цели. В состав руководящего органа намечались представители слоев, которые вырабатывали понятия, определяли критерии ценности в этой области культуры. Предоставляя им право решающего голоса при выработке политики по сохранению и использованию национального достояния, Советская власть обеспечивала скорейшее воплощение в жизнь самых передовых идей и была застрахована от серьезных ошибок. Кроме того, будучи делегатами от своих организаций, они в первую очередь отчитывались перед ними и, следовательно, были независимы от чиновно-бюрократического аппарата, что давало возможность твердо отстаивать свои позиции. И наконец, представительство делегатов от организаций интеллигенции было гарантией активного участия самих организаций и их членов в культурном строительстве.

Принять участие в работе Совета предлагалось Академии художеств, Академии наук, Русскому историческому обществу, Петроградскому и Московскому историческим обществам, Эрмитажу, Русскому музею, художественно-историческим комиссиям, Обществу защиты памятников старины, Обществу архитекторов и художников, Петроградскому и Московскому обществам архитекторов, Союзу членов Петроградского археологического института, Институту истории искусств, художественно-историческим куриям Союза деятелей искусств. Все организации делегировали по одному члену. Совету предоставлялось право кооптировать «выдающихся художников, экспертов и в случае обсуждения местных вопросов представителей тех демократических учреждений, коих эти вопросы непосредственно касаются» [11].

Третьим пунктом утверждался порядок работы. Совет должен был избирать «из своей среды» президиум и исполнительный комитет. Пятым кратко определялся круг вопросов, которыми должен был заниматься Совет: «Объявление дворцов, имеющих художественно-историческое значение, национальными музеями, создание новых музеев и охрана существующих памятников старины и художественных сокровищ» [12].

Как на этом, так и на повторном заседании 9(19) февраля 1918 г. прийти к единому мнению не удалось [13]. От идеи создания Совета в феврале 1918 г. еще не отказались. Так, П. П. Вейнер в своем проекте о расширении Соединенной художественно-исторической комиссии оговаривается, что данный проект он разработал в связи с задержкой создания Совета [14]. Но после переезда правительства в Москву Совет в документах уже не упоминается.

---

[10] *Коржихина Т. П.* К вопросу о взаимоотношениях государства и общественных организаций СССР в условиях государства диктатуры пролетариата // Государственные учреждения и общественные организации СССР: История и современность. М., 1985.

[11] АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Ч. 2. Д. 25. Л. 2–3.

[12] Там же. Л. 3.

[13] ЛГАЛИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1. Л. 164.

[14] Там же. Л. 169.

inslav

В. Ю. Коровайников

ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ ИСТПАРТУ ЦК ВКП(б)

О группах содействия, существовавших при истпартах во второй половине 20-х годов, в исторической литературе имеются лишь самые общие сведения [1]. А между тем эти общественные образования внесли значительный вклад в разработку истории трех российских революций и гражданской войны. Цель настоящей статьи — на основе документов ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС и опубликованных источников кратко осветить историю создания и деятельности групп содействия Истпарту ЦК ВКП(б).

Возникновение при центральном Истпарте названных групп связано с подготовкой празднования 20-летия революции 1905—1907 гг. и 10-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Первой была образована группа сибиряков и дальневосточников по изучению периода 1914—1921 гг. Идея ее создания возникла среди участников торжественного собрания, состоявшегося 15 ноября 1924 г. в Москве по поводу пятилетия освобождения Омска от белогвардейцев. Работа группы была направлена на подготовку сборника документов по истории революции в Сибири [2].

7 февраля 1925 г. в Москве состоялось организационное собрание группы сибиряков-подпольщиков периода 1905—1914 гг. Группа ставила задачу «коллективной обработки» личных воспоминаний и разработки имевшихся в распоряжении Истпарта документов [3]. Позднее в рамках этой группы была создана подгруппа по изучению периода 1914—1920 гг., объединившаяся в марте 1927 г. с группой сибиряков и дальневосточников (оп. 3, д. 1, л. 76).

Возникновение в Москве общественных объединений по изучению истории местных партийных организаций связано с тем, что многие члены партии, принимавшие непосредственное участие в борьбе за Советскую власть на местах, в 20-е годы жили и работали в столице.

В течение 1925 г. при центральном Истпарте были образованы крымская, северокавказская, киевская, одесская, рижская, уральская группы содействия, из которых лишь первые две специализировались по периоду 1917—1918 гг., остальные — по истории первой российской революции. С ноября 1925 по июнь 1926 г. число групп возросло с 9 до 23, причем все вновь созданные группы занимались изучением истории Октябрьской революции и гражданской войны [4]. При местных истпартах также существовали группы содействия. Так например, в 1927 г. Истпарт ЦК КП(б)У имел 18 групп, Саратовский истпарт — 16 и т. д. (оп. 3, д. 15, л. 47 об.).

В 1926 г. центральный Истпарт принял «Положение о группах содействия Истпарту ЦК ВКП(б)», согласно которому формирование групп происходило из коммунистов по региональному принципу для

---

[1] См.: *Кулаков А. А.* Из истории деятельности Истпарта в 1924—1928 годах // Проблемы историографии и источниковедения истории КПСС. Вып. 2. [Л.], 1973. С. 108—109; *Корнеев В. Е.* Архивы ВКП(б) (1926—1941 гг.): Учеб. пособие. М., 1981. С. 26; *Пересветов В. А.* Деятельность Истпарта по собиранию воспоминаний об Октябрьской революции и гражданской войне // ВИ. 1981. № 5. С. 118—120.

[2] *Эссен М.* Истпартовская общественность // Историк-марксист. 1927. № 5. С. 278.

[3] ЦПА ИМЛ. Ф. 70 (Истпарт ЦК ВКП(б)). Оп. 3. Д. 70. Л. 3 (далее архивный шифр дается в тексте в скобках).

[4] Работа групп содействия Истпарту ЦК ВКП(б) за ноябрь 1925 — июнь 1926 г. // ПР. 1926. № 7. С. 270—271.

inslav

«разработки истории партии в период Октябрьской революции, гражданской войны и советского строительства». Перед ними ставились следующие задачи: сбор и передача в Истпарт документов из личных архивов, организация вечеров воспоминаний, подготовка собранных документов к изданию. Непосредственное руководство работой и связь с центральным и местными истпартами возлагались на бюро, избиравшиеся на общих собраниях групп. Координировал деятельность групп содействия иногородний подотдел Истпарта ЦК ВКП(б) [5].

Большинство групп содействия занималось организацией вечеров воспоминаний, проводившихся в рамках общих собраний. Тематика докладов разрабатывалась бюро групп и утверждалась Истпартом. Сведения о теме доклада, месте и времени проведения собрания публиковались в «Правде». В течение вечера заслушивалось один или несколько докладов, основанных как на личных воспоминаниях, так и на доступных докладчику документах. После чего присутствующие уточняли, дополняли либо опровергали то или иное положение доклада, а также делились собственными воспоминаниями. Как правило, все выступления стенографировались, а стенограммы передавались в центральный и местные истпарты.

Другой путь избрала архангельская группа. Ее председатель М. С. Кедров написал объемную работу, посвященную начальному периоду гражданской войны на Севере [6]. Отдельные главы рукописи зачитывались и обсуждались на заседаниях бюро, куда приглашались все заинтересованные лица. Аналогичным образом происходило обсуждение работы, написанной командиром 6-й армии А. А. Самойло (оп. 3, д. 1, л. 82—83).

Группа работников Западного фронта по заданию Истпарта ЦК КП(б) Белоруссии занималась сбором документов о партийной работе в 1917—1918 гг. на Западном фронте. На базе собранного материала планировалось подготовить книгу, к работе над которой был привлечен историк А. Д. Киржниц (оп. 3, д. 1, л. 27; д. 15, л. 47 об.). Однако, судя по переписке последнего с представителями центрального и Белорусского истпартов, эта работа не была завершена (оп. 2, д. 434, л. 24, 26).

На 5 сентяря 1927 г. Истпарт ЦК партии получил от групп содействия 142 стенограммы вечеров воспоминаний (оп. 3, д. 15, л. 48 об.). Бóльшая их часть отложилась в фонде центрального Истпарта (оп. 3, д. 4, 10, 12, 16—18, 31, 32, 41—45, 49, 56—63, 66—69, 74, 77). Некоторые записи еще в 1927 г. были переданы местным истпартам. Так, например, Крымскому истпарту были направлены 32 стенограммы (оп. 3, д. 15, л. 36).

В октябре 1927 г. при Истпарте ЦК ВКП(б) существовали 33 группы содействия, объединявшие 728 участников революционного движения [7]. В конце 1927 г. их работа постепенно сворачивается. В ноябре их количество сократилось до 21 (за счет роспуска «нетрудоспособных» групп и групп, целиком выполнивших намечавшуюся программу) [8]. А 28 января 1928 г. коллегия центрального Истпарта приняла резолюцию о ликвидации групп содействия как выполнивших поставленную перед ними задачу (оп. 3, д. 2, л. 28). В мае 1928 г. они прекратили существование [9].

Непродолжительная по времени деятельность групп содействия была весьма плодотворной. Подключение к истпартовской работе широких кругов партийной общественности способствовало как пополнению источниковой базы центрального и местных истпартов, так и разработке истории большевистских парторганизаций, главным образом периода 1905—1907 и 1917—1918 гг. Опыт работы групп содействия использовался впоследствии при создании различных историко-литературных объединений.

---

[5] ПР. 1926. № 4. С. 268.

[6] *Кедров М. С.* За советский Север: Личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны 1918 г. Л., 1927.

[7] *Корнеев В. Е.* Указ. соч. С. 26.

[8] *Эссен М.* Указ. соч. С. 279.

[9] Отчет отдела местных истпартов Института Ленина и обзор истпартработы на местах за 1927/28 г. // ПР. 1928. № 11—12. С. 358.

inslav

С. В. Кожин

КОМПЛЕКТОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФОНДА ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР МАТЕРИАЛАМИ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Значение сохранения и изучения памятников боевой славы нашего народа (в том числе письменных) хорошо понимал В. В. Маяковский. В статье «Собирайте историю», опубликованной в «Бюллетене Прессбюро» Агитпропа ЦК РКП(б) 3 марта 1923 г., сожалея о плохой сохранности плакатного архива РОСТА, он писал: «...день за днем можно было в стишках и карикатурах проследить всю историю революции... То, что дошло от этой работы, даже корявое и безграмотное (какие-нибудь солдатские частушки), во много раз интереснее любой напыщенной беллетристики литературных белоручек, пишущих о революции в своих не подлежащих уплотнению кабинетах» [1]. Сказанное в определенной мере можно отнести и к памятникам других эпох, в том числе периода Великой Отечественной войны.

В нашей стране многие организации занимаются сбором и хранением письменных источников по истории войны. Одним из хранилищ является документальный фонд Центрального музея Вооруженных Сил СССР (ЦМВС), в котором около 30 тыс. дел такого рода документов. Чтобы показать особенности и значение фонда, необходимо проследить его комплектование. Данные об этом содержатся в книгах поступлений сектора государственного учета музея, сохранившихся полностью с января 1942 г. Они дают сведения о принятии всех музейных памятников с указанием, кто, когда и где их собрал. Однако бессистемность большого количества фактов затрудняет изучение основных направлений собирательской работы. Поэтому автор привлек документы музейного архива. Правда, дел, относящихся к периоду войны, немного, но зато сохранились наиболее важные — планы и отчеты о работе музея. Они содержат сведения о направлениях собирательской работы, а также итоговые данные о сборе тех или иных видов документов. Для изучения путей формирования фонда привлечены также годовые отчеты главных хранителей за послевоенный период.

В крупные архивохранилища типа ЦАМО или ЦГАОР передаются комплексы документов централизованно и систематически. В ЦМВС сбор документов не имел подобной системы и организации, а, напротив, зачастую был случаен и подчинен в первую очередь требованиям экспозиции. В годы войны комплектование фонда шло следующими путями: а) специальные командировки на фронт, а также в освобожденные от фашистов районы, б) передача материалов отделами и управлениями Главного политического управления Красной Армии (ГлавПУ), в) получение документов в центральных партийных и военных учреждениях, г) помощь фронтам в организации выставок о боевом пути войск фронта с последующим получением экспонатов выставок в фонды музея, д) передача реликвий представителями частей, а также отдельными участниками войны или членами их семей [2].

Первые поступления письменных источников зафиксированы в музее в апреле 1942 г., хотя собирательская работа велась с начала этого года.

---

[1] *Маяковский В. В.* Полн. собр. соч. В 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 36–37.
[2] Архив ЦМВС. Отчет о работе ЦМКА за 1944–1945 гг. Л. 30–31.

inslav

В первый период войны сбор проводился в основном в центральных партийных и военных организациях: ГлавПУ, МГК и МК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, штабе Московского военного округа, наградном отделе Наркомата обороны, в редакциях газет. Передавали также документы представители воинских частей, поскольку фронт располагался вблизи столицы.

В первый период войны собирали в основном вещественные памятники. Судя по плану работ, сбор материала в это время был зачастую подчинен задачам текущего дня — созданию и пополнению выставки «Разгром немецко-фашистских захватчиков под Москвой» [3]. Большая часть выставки состояла из трофеев — свидетельств поражений фашистов и мощи ударов Красной Армии. Собранные документы также в значительной степени представляли собой трофейный материал (военно-оперативные карты и схемы). Одной из основных задач музея в этот период было воспитание у советских людей ненависти к врагу. Поэтому собиралось и экспонировалось большое количество объявлений и приказов фашистской администрации для населения оккупированных районов, а также актов о злодеяниях противника. Акты составлялись в районах, освобожденных от фашистов к весне 1942 г., и получались сотрудниками музея в различных центральных учреждениях. Преобладали листовки, боевые листки, письма-обращения воинов и тружеников тыла.

Основной формой сбора материалов в годы войны стали выезды в войска, прифронтовые районы или на территории, освобожденные от противника. Они начали практиковаться с зимы 1942 г. сначала лишь в войсках Западного фронта. Географический диапазон экспедиций расширился после Сталинградской битвы. Особенно увеличилось число выездов к лету 1944 г. В командировках участвовали офицеры и реже научные сотрудники. Зимой 1943 г. музейная группа выезжала в район Сталинграда сразу после ликвидации окруженной группировки, в сентябре 1943 г.— в войска, принимавшие участие в боях на Курской дуге. В 1943—1945 гг. были выезды на Брянский фронт, 2-й Белорусский, Воронежский, Ленинградский, 1-й Украинский, 1-й Прибалтийский, 3-й Украинский, 1-й Белорусский. Наряду с вещественными памятниками теперь привозили и большое количество документов; при этом предпочтение отдавалось материалу, в той или иной степени соответствующему требованиям музейной экспозиции, что наложило отпечаток на весь документальный фонд. В годы войны почти не отложились дневники, поступило сравнительно немного писем и воспоминаний. Во время выездов в войска собирались военно-оперативные документы (схемы, карты, боевые донесения и приказы, отчеты, материалы об обороне противника и т. д.), а также документы политорганов (листовки, боевые листки, заявления о приеме в партию и комсомол, комсомольские билеты со справками, клятвы воинов, боевые характеристики и т. д.). Было привезено и большое количество научно-исторических документов (справок о боевом пути частей, отчетов о их участии в операциях и сражениях и т. п.).

Периодически проводились специальные командировки за материалами партизанского движения и подполья, из всех собранных памятников большинство составляли документы. С конца 1943 г. в связи с освобождением от фашистов значительной части захваченных территорий комплектование фонда партизанского движения резко активизировалось. В 1943—1944 гг. состоялись командировки в Калининский штаб партизанского движения, Крымский, Гомельский, в штаб Западного сектора. Были получены военно-оперативные документы (приказы, донесения, карты), листовки, политдонесения, боевые характеристики на партизан, справки о боевой деятельности тех или иных отрядов или бригад, стихотворения, дневники.

Важным источником поступления документов были отделы и управления ГлавПУ. В течение всей войны периодически передавали в музей

[3] Там же. Отчет о работе ЦМКА за 1942 г. Л. 1—22.

inslav

крупные партии материалов политорганов, особенно листовок. С 1944 г. в музей передавались из действующей армии экспонаты выставок, отражающих боевой путь того или иного фронта. Из этих материалов в документальном фонде отложилась коллекция комсомольских билетов с сопроводительными справками. В конце войны в музей стали поступать документы от участников боев или членов их семей, что в 1942—1944 гг. было редким явлением. В основном это реликвии, связанные с именами известных героев: З. А. Космодемьянской, Н. Ф. Ватутина и др.

Книги поступлений показывают, что после войны примерно по 1947 г. система сбора материалов в принципе изменилась мало, так же как и номенклатура поступающих документов. Продолжались командировки в войска на территории Германии, Австрии, Венгрии по сбору материалов периода войны. Осенью 1945 г., а также в 1946—1947 гг. проведены три командировки в войска, принимавшие участие в разгроме милитаристской Японии. Однако постепенно увеличивалось количество выездов в различные области СССР, во время которых основными источниками поступлений были архивы обкомов партии и комсомола, а также историко-краеведческие и военно-исторические музеи. Например, во втором полугодии 1945 г. проведено 24 экспедиции, из них 11 в войска и 13 в различные районы, связанные с историей войны: Орел, Курс, Ленинград, Волоколамск, и т. д.[4] В мае 1945 г. в Казахстане и Киргизии собраны документы о Панфиловской дивизии (газеты, листовки, воспоминания). Летом 1946 г. в Сталинграде получены справки и стенограммы воспоминаний — интервью бойцов МПВО, а также милиции города периода битвы на Волге. В марте 1947 г. в Музее обороны Одессы получены стенограммы воспоминаний — интервью защитников города.

Продолжал комплектоваться и фонд партизанского движения, но теперь основными источниками поступлений стали архивы обкомов ВКП(б) и различные музеи. Документы были получены в Крымском, Ленинградском, Калининском, Брянском, Тульском, Калужском обкомах, а также в Петрозаводском, Киевском, Орловском, Минском историко-краеведческих и военно-исторических музеях.

Одна командировка была специально посвящена подвигу героев тыла (сентябрь 1947 г., Свердловск — Нижний Тагил). Из документальных материалов привезены в основном приветственные письма фронтовиков труженикам тыла, а также заводские газеты.

Постепенно стала увеличиваться доля материалов, полученных от отдельных граждан, хотя по-прежнему в основном от семей известных героев войны — Д. М. Карбышева, Н. Э. Берзарина. Как правило, передавались грамоты, дипломы, мандаты и т. п. В 1946 г. И. Г. Эренбург передал музею свыше 100 экз. газет и журналов, выпускавшихся фашистами во время оккупации Одессы, в мае 1949 г.— три тома писем воинов Красной Армии, присланных ему в связи с опубликованием статей «Ответ леди Гибб» и «Говорят судьи» в газете «Красная звезда» от 15 октября и 3 ноября 1944 г.

С 1948 г. наблюдаются заметные изменения в системе сбора. Доля документов, полученных в войсках, архивах обкомов партии, музеях, значительно уменьшилась, и увеличилось количество документов, полученных от участников войны или их семей. В связи с этим изменилась и структура принимаемых на хранение комплексов. Если в ходе войны преобладали материалы политорганов, военно-оперативные и научно-исторические документы, то теперь — материалы личного происхождения: письма, дневники, воспоминания, а в основном различные удостоверения, грамоты, дипломы, поздравительные послания. Их количество возросло многократно. Например, в 1949 г. от вдовы маршала бронетанковых войск Н. Я. Федоренко получено свыше 50 мандатов, пригласительных билетов, пропусков и т. д.; от матери Героя Советского Союза

---

[4] Архив ЦМВС. Планы работ и отчеты ЦМКА за 1945 г. Л. 2.

inslav

Л. М. Павличенко — 48 дипломов, справок, поздравительных посланий трудящихся СССР и иностранных граждан.

Одним из основных фондообразователей оставался ГлавПУ. Оттуда периодически сдавались в музей отложившиеся в период войны или полученные из войск после нее документы: листовки, боевые листки, заявления в комсомол. В 1947 г. из ГлавПУ были направлены в музей крупные комплексы документов Управления спецпропаганды: листовки по разложению войск противника и формуляры-характеристики морально-психологического состояния войск противника.

В течение первого послевоенного десятилетия комплектование фонда, хотя и в меньшей степени, происходило и за счет архивов комитетов партии и музеев. В этот период получена значительная часть из имеющихся в ЦМВС стенограмм воспоминаний — интервью участников войны (копии документов Комиссии истории Великой Отечественной войны). Примерно с середины 50-х годов сбор материала принял в значительной степени случайный характер. И если в первое послевоенное десятилетие документы по истории войны продолжали доминировать в общем сборе, то затем на первое место по количеству вышли материалы о современной армии.

В настоящее время происходит дальнейшее сокращение числа поступающих в музей документов по истории войны, на что неоднократно указывалось в отчетах о работе фонда. Причем подавляющее большинство приобретается у ветеранов в Москве или в ходе командировок. Поэтому среди принятых на хранение документов преобладают различные удостоверения, благодарности верховного Главнокомандующего, а также грамоты, полученные ветеранами уже после войны [5].

Итак, в истории комплектования документального фонда материалами по Великой Отечественной войне можно выделить три периода. Первый — 1942—1947 гг. Собирались документы исключительно по истории войны, в основном в штабах войск, в центральных партийных и военных учреждениях. Это определило и видовой состав основной массы материала: документы политорганов, военно-оперативные и научно-исторические. Именно в это время была заложена основа собрания документов по истории войны. Во второй период (1948—1955 гг.) фонд комплектовался, как и прежде, за счет воинских частей и различных государственных учреждений, но на первое место постепенно стали выходить материалы, полученные у ветеранов. В связи с этим изменился и состав материалов — резко возросло количество грамот, дипломов, удостоверений, а также писем, дневников и воспоминаний. В количественном отношении материалы по истории войны еще продолжали преобладать, хотя возросла доля документов по истории современных Вооруженных Сил. В ходе третьего периода (с середины 50-х годов до настоящего времени) участники войны и их семьи являлись основным источником поступления документов по истории войны, количество которых в общем сборе значительно уменьшилось по сравнению с документами о современной армии.

Всего в разделе Великой Отечественной войны документального фонда ЦМВС в настоящее время хранится около 30 000 документов, в том числе свыше 18 000 листовок (7895 — к войскам противника), 1218 боевых листков, свыше 4000 различных удостоверений и благодарственных посланий, около 2000 писем, свыше 500 военно-оперативных документов, 177 воспоминаний, около 250 научно-исторических документов и т. д. Характер отложившихся в документальном фонде материалов определен профилем ЦМВС. ЦМВС относится к группе военно-исторических музеев и является головным среди военных музеев СССР. На протяжении всего послевоенного периода основной задачей сбора материалов было отражение хода войны в целом, показ исторического значения каждого сражения, массового героизма в тылу и на фронте, работы партийно-политического

[5] ЦМВС, сектор государственного учета. Сведения об изменении собирания документального фонда за 1980 г. Л. 2; То же за 1983 г. Л. 2.

inslav

аппарата. В этом роль музея совпадала с задачами Государственного Исторического музея[6]. Отличием, повлиявшим на характер собирания документов, на наш взгляд, была ведомственная принадлежность музея. ЦМВС до 1944 г. входил на правах отдела в состав Центрального Дома Красной Армии, а затем стал непосредственно подчиняться Главному политическому управлению Красной Армии. Все руководящие должности занимали и занимают офицеры-политработники. В своей практической деятельности музей руководствуется решениями ГлавПУ. Все это во многом определило тот факт, что сбор материалов и особенно документов в значительной степени ориентирован на отражение партийно-политической работы в войсках, авангардной роли коммунистов и комсомольцев, героизма воинов. В этом направленность сбора совпадала с принципами комплектования Музея революции[7]. Разница заключалась в роли ЦМВС как центрального военного музея.

Комплектование документального фонда ЦМВС, так же как и большинства других музеев, велось прежде всего в интересах экспозиции; отсюда определенная ограниченность использования его в научных исследованиях. Однако ЦМВС стал хранилищем, в которое периодически передавались из ГлавПУ как отдельные материалы, так и крупные, цельные комплексы документов, особенно материалы спецпропаганды, и в этом заключается важнейшая особенность его документального фонда.

Среди документов спецпропаганды выделяется комплекс формуляров-характеристик морально-психологического состояния войск противника. Они заводились в годы войны седьмыми отделами политорганов Красной Армии на каждую противостоящую вражескую дивизию. При исследовании опыта политической борьбы, которую В. И. Ленин вел против врагов революции, обнаруживаем очень важную черту ленинской полемики: она велась со знанием и широким использованием документов, отражающих взгляды противника. Вождь пролетариата писал: «Ничто не помогает в такой степени уяснению политической сущности явлений, как оценка их противником (конечно, если эти противники не безнадежно глупые люди)»[8]. Не раз В. И. Ленин отмечал, что вынужденные признания врага могут порой оказать важную услугу борющемуся пролетариату[9]. Во время вспышки мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России В. И. Ленин говорил на Всероссийском съезде транспортных рабочих: «Вы в последние дни, конечно, обратили внимание на обилие в газетах цитат, выписок из белогвардейской прессы с разъяснениями событий в Кронштадте ... Почему наши газеты уделили этому так много внимания? Правильно ли это? Правильно. Потому, что надо ясно знать своего врага»[10].

В советской историографии пока еще незначительно исследовались источники, характеризующие состояние войск противника в годы Великой Отечественной войны, а между тем изучение истории войны невозможно без детального рассмотрения документов, в которых отображено состояние не только Советских Вооруженных Сил, но и сил противника.

История создания формуляров такова. В 1940 г. в составе Главного управления политической пропаганды РККА, позднее Главного политического управления РККА, был создан седьмой отдел по работе среди войск противника. Одновременно седьмые отделы создавались в политуправлениях пограничных округов, а в штатах политотделов армий вводились седьмые отделения, в политотделах стрелковых дивизий — старшие инструкторы по работе среди войск противника. В августе 1944 г. седь-

---

[6] *Закс А. Б.* Опыт собирания материалов по истории Великой Отечественной войны Государственным Историческим музеем в 1941–1944 гг. // АЕ за 1975 год. М., 1976.

[7] *Кучеренко М.* Формирование музейного собрания: Из опыта работы Центрального музея революции СССР // Советский музей. 1985. № 3. *Лупало И. Г.* По следам войны: (Собирание материалов) // АЕ за 1975 год.

[8] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 117.

[9] Там же. Т. 24. С. 355.

[10] Там же. Т. 43. С. 139.

inslav

мой отдел ГлавПУ был преобразован в управление спецпропаганды; седьмые отделы и отделения стали называться отделами и отделениями спецпропаганды, а их сотрудники — спецпропагандистами. В ходе войны эти органы осуществляли мероприятия по разложению войск фашистской Германии и ее союзников. Важнейшей составной частью этой работы и стало ведение формуляров морально-психологического состояния войск противника. Необходимость создания формуляров была вызвана тем, что в сложной военно-политической обстановке 1941 г. советские органы пропаганды далеко не всегда находили убедительные и доходчивые аргументы, которые заставили бы немецких солдат разобраться в фашистском обмане. И одна из главных причин такого положения — недостаточное знание врага, переоценка его слабых и недооценка сильных сторон. Генерал-майор М. И. Бурцев, возглавлявший в годы войны седьмой отдел ГлавПУ, писал: «Мы острее начали понимать, как важно знать буквально все: историю Германии, ее экономику, культуру, идеологию господствующего класса, обычаи, нравы и традиции народа, его психологический склад, особенности развития армии. Важно было знать не только армию вообще, но и те ее войска, которые действуют на том или ином направлении, то есть конкретные противостоящие части, чем эти части дышат. Для этого надо было полнее изучать трофейные документы... материалы допросов военнопленных (с применением анкетирования) и многое, многое другое» [11].

Специфика источника заключается в том, что в нем зафиксирован образ мыслей, настроения фашистских солдат непосредственно в годы войны, причем на разных ее этапах и разных участках фронта. Правда, показания давались в плену, что не могло не отразиться на степени их объективности. Но, с другой стороны, в плену солдаты и офицеры имели возможность сказать то, что они никогда не сказали бы на родине, не зафиксировали бы в своих письмах и дневниках. Судя по содержанию протоколов, основная масса пленных отвечала на вопросы подробно и откровенно. На этот факт указывает и член-корреспондент АН СССР Е. И. Дружинина, служившая в 1941—1942 гг. переводчицей особого отдела 4-й армии. Она пишет в своих воспоминаниях, что «ее поражало, как пленные услужливо вели себя на допросах, не отказываясь отвечать, а выкладывали все, что знали, в том числе и военные сведения» [12]. В книге бывшего политработника 1-й Ударной армии В. А. Ковалевского, написанной на основе его дневника военных лет, также отмечается, что «подавляющее большинство пленных без всякого давления сразу же начинает говорить. Упорствуют — да и то только сначала — одни летчики, которых Гитлер поставил в привилегированное положение» [13]. (Речь идет о событиях начала 1942 г. — *С. К.*)

В ряде формуляров целиком подшиты тексты допросов пленных. Характер вопросов и ответов, примечания переводчиков показывают, что если в начале войны были отдельные случаи психологического давления со стороны спецпропагандистов, то очень быстро политработники научились создавать на допросах спокойную обстановку, располагавшую к откровенным ответам. Иначе терялся смысл большой кропотливой работы.

Формуляр представляет собой папку или типовой альбом, поделенный на разделы, в заголовках которых перечислены вопросы, требующие освещения. Многие формуляры подробно заполнены, включают до 100 с. машинописного текста, через интервал, некоторые же состоят всего из 3—4 с.

Прослеживаются два способа ведения формуляров. Основную массу составляет «тематический» тип. Протокол допроса разрезали и показания заносили (вклеивали, вписывали) в соответствующие разделы фор-

[11] *Бурцев М. И.* Прозрение. М., 1981. С. 55.
[12] *Дружинина Е. И.* Воспоминания военной переводчицы // В годы войны: (Статьи и очерки). М., 1985. С. 125.
[13] *Ковалевский В. А.* Тетради из полевой сумки. М., 1968. С. 11.

inslav

муляра. Анализ спецпропагандиста, как правило, отсутствует, но в ряде случаев система вклеек заменена анализом с включением некоторого количества цитат. Тематические формуляры удобны при изучении каких-то определенных вопросов. В фонде ЦМВС хранятся подобные формуляры на 102 дивизии.

Второй тип можно определить как «протокольный». Представляет из себя подшивку протоколов допросов. Разделов не имеет; по мере захвата пленных в альбом подшивались протоколы допросов. Такой способ ведения затрудняет изучение какой-то определенной темы, но зато дает цельное представление о взглядах того или иного пленного. В фонде хранятся формуляры этого типа на 31 дивизию.

Формуляры четырех дивизий можно определить как смешанный тип: к тематическому формуляру подшито большое количество протоколов.

Кроме того, формуляры 78 дивизий представляют из себя одну-две «справки-характеристики морально-психологического состояния дивизии» (назывались также «справка-формуляр»). Составлялись по запросам командования или вышестоящих политорганов перед проведением крупных операций. Справки включают основные разделы тематического формуляра, но содержат сведения на конкретный период войны.

Иногда в один альбом сведено три—шесть справок, составленных на дивизию через некоторые промежутки времени на одном или нескольких фронтах. При этом сохранялась определенная преемственность сведений, особенно о боевом пути и командном составе. Остальные разделы заполнялись на основе показаний пленных, взятых за срок, прошедший со времени написания предыдущей справки. Подобные альбомы, по существу, не отличаются от тематических формуляров и при подсчете учитывались автором вместе с ними. В то же время некоторые тематические формуляры велись очень небольшой промежуток времени, содержат мало данных, являются, по существу, справками и при подсчете учитывались автором работы как справки.

Первые формуляры были заведены в апреле 1942 г. Однако некоторые из них содержат сведения еще с начала войны. Это либо подшитые протоколы допросов, проведенных в 1941 — начале 1942 г., либо выдержки из протоколов, либо данные разведывательных органов. Если не считать историю боевого пути соединения, которая представлена в большинстве формуляров с начала войны, то данные с июня по сентябрь 1941 г. имеются лишь в трех формулярах. Подробно освещен в формулярах период войны с октября 1941 г. по июнь 1944 г. Сведения июля—августа 1944 г. содержат формуляры девяти дивизий, сентября—ноября 1944 г.— трех. Период декабря 1944 — мая 1945 г. отражен лишь в формуляре, который вели политработники 1-й гвардейской армии (подшивка 520 протоколов сентября 1944 — мая 1945 г. без группировки по дивизиям).

Судя по формулярам, хранящимся в документальном фонде, с июля 1944 г. их значение резко упало, а в сентябре работа практически больше не велась. Объяснить это можно рядом причин. В 1944 г. время фронтовой жизни вражеских дивизий значительно сократилось. Десятки соединений были полностью разгромлены. Приближался крах фашистской Германии. Возросла роль Национального комитета «Свободная Германия», а задачи и объем работы седьмых отделов приобрели иные масштабы — к антифашистской работе были привлечены тысячи военнопленных. Кроме того, близился час освобождения стран Восточной и Юго-Восточной Европы, что требовало увеличения усилий по ведению пропаганды среди их населения и армии [14].

При работе с формулярами следует учитывать, что даты, проставленные на обложке, часто не соответствуют времени ведения формуляра, так как в него заносились показания, полученные ранее. Кроме того.

---

[14] *Бурцев М. И.* Указ. соч. С. 250–251.

inslav

подшивались справки или новые формуляры, а на обложке это не фиксировалось.

Из хранящихся в фонде на Калининском фронте (с октября 1943 г.— 1-м Прибалтийском) велись формуляры 45 дивизий, Южном и Закавказском — 31, Волховском — 29; Юго-Западном (3-м Украинском) — 25, Северо-Кавказском — 20, Центральном (1-м Белорусском) — 19, Западном — 19, Северо-Западном — 10, Брянском — 8, Ленинградском — 5, Воронежском — 4. На двух фронтах велись последовательно формуляры 37 дивизий, на трех — 4. Передавались формуляры, как правило, с соседних фронтов.

Система делопроизводства при ведении формуляров была довольно сложная. Атрибуция документов — штампы, входящие цифры, подписи, содержание сопроводительных записок, а также воспоминания военных переводчиков — позволяет проследить систему формирования данного комплекса. Основой для ведения формуляров служили протоколы допросов пленных, данные разведывательных органов (разведсводки), переводы трофейных документов (служебных и личных). Пленных захватывали разведорганы или обычные части и вначале допрашивали в разведотделе [15]. Затем к допросу приступали спецпропагандисты. После этого представлявших наибольший интерес пленных передавали в высшестоящий разведотдел, где их могли допросить и офицеры соответствующего, седьмого отдела. Но часто спецпропагандисты передавали лишь протоколы допросов. Это могло быть вызвано тем, что в отличие от разведорганов, где по мере продвижения пленных вверх вопросы приобретали более масштабный характер, спецпропагандисты всех уровней вели допрос по стандартному вопроснику. Из разведотделов поступали также и документы: разведсводки, трофейные письма, дневники, служебные материалы.

Формуляры велись в седьмых отделах политуправлений фронтов и реже в седьмых отделениях политотделов армий. Некоторые тематические формуляры периодически через ГлавПУ передавали с фронта на фронт. Перед сдачей в ГлавПУ их обычно перепечатывали в нескольких экземплярах. На новом фронте формуляры иногда не продолжали, а заводили новые. Справки составляли в политорганах различных уровней, копии пересылали в выше- и нижестоящие инстанции (армия — фронт — ГлавПУ, фронт — армия и т. д.). В ходе войны или сразу после нее собрало ГлавПУ и передало в ЦМВС справки и формуляры. Документы при этом не были приведены в стройную систему. В ряде случаев документы одной дивизии не сведены в единый альбом и хранятся в разных папках под разными номерами. В музее хранятся 215 альбомов на 171 соединение, причем многие альбомы содержат по нескольку формуляров и справок — свыше 400. Многие из этих 400 формуляров последовательно составлялись в политорганах одного или различных фронтов на одну и ту же дивизию. Подсчет показал, что комплекс включает формуляры на 159 соединений немецко-фашистской армии и 12 соединений армий союзниц Германии — всего 171 соединение.

Все ли формуляры были переданы в ЦМВС? Это можно выяснить, зная, какой процент соединений немецко-фашистской армии охвачен формулярами, представленными в фонде, учитывая только те дивизии, которые воевали против СССР с января 1942 по август 1944 г., когда велось подавляющее большинство формуляров. Подсчет показывает, что за указанный период на советско-германском фронте воевали 233 соединения немецко-фашистской армии, в том числе: пехотных 154, танковых 24, мотопехотных 10, горнопехотных 7, легкопехотных (егерских) 7, парашютных 1, авиаполевых 15, инонациональных 1, СС 14 [16]. В итоговую цифру не вошли 22 воевавшие на советско-германском фронте народно-

---

[15] *Левин И. И.* Записки военного переводчика. 2-е изд., доп. М., 1986. С. 127.

[16] Подсчитано по: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 1976. Т. 3. С. 362–410.

inslav

гренадерские дивизии, так как они стали формироваться лишь в июле 1944 г., а в основном с августа 1944 г., т. е. когда формуляры уже практически не пополняли и не заводили. К тому же 10 дивизий из 22 были сформированы на базе разгромленных пехотных и получили их номера. В список не вошли крепостные дивизии, стационарные, учебно-полевые, запасные, резервные, так как они в 1941—1944 гг. не принимали участия в боевых действиях против СССР, а также 14 охранных дивизий, так как они не сражались на фронте. Кроме того, необходимо иметь в виду, что фактическое количество дивизий было несколько большим, так как вместо разгромленных формировались новые под теми же номерами (правда, это имело место лишь с дивизиями, уничтоженными в Сталинграде, причем на советско-германском фронте впоследствии воевали лишь девять из них). Не следует также отождествлять количество дивизий, воевавших на советско-германском фронте (233), с количеством разгромленных дивизий (607), так как многие дивизии по нескольку раз подвергались разгрому и меняли свой состав. Кроме того, автор не учитывал дивизии, воевавшие только в 1941 г. и после августа 1944 г., а также соединения союзников Германии.

Итак, взяв за основу цифру 233, мы можем установить, что в фонде хранятся формуляры на 68% соединений немецко-фашистской армии, воевавших на советско-германском фронте с января 1942 по август 1944 г. По родам войск соотношение следующее: пехотных — 120 из 154 (78%), танковых — 16 из 24 (67%), мотопехотных — 4 из 10, горнопехотных — 4 из 7, легкопехотных (егерских) — 3 из 7, авиаполевых — 6 из 15, парашютных — 1 (1), инонациональных — 1 (1), СС — 4 из 14. Таким образом, хранящийся в фонде комплекс формуляров охватывает большинство дивизий немецко-фашистской армии, воевавших на советско-германском фронте с начала 1942 г. по август 1944 г. Это позволяет сделать вывод о том, что в ЦМВС переданы если не все, то подавляющее большинство формуляров-характеристик морально-психологического состояния войск противника. Что касается формуляров на дивизии войск союзников Германии, то объем доступной информации не позволяет сделать каких-либо выводов.

М. И. Бурцев отмечает, что к концу войны формуляры были заведены на 406 вражеских дивизий [17]. Однако в связи с изложенным выше эта цифра представляется завышенной. Возможно, речь идет о количестве формуляров, а не дивизий. Кстати, общее количество формуляров, хранящихся в документальном фонде, и соответствует этой цифре.

Допрос военнопленных велся по вопроснику, разработанному в ГлавПУ. Изданные и разосланные ГлавПУ по фронтам альбомы для ведения формуляров включали в себя этот вопросник. Формуляры состояли из 12 разделов.

1. «Общие сведения: строевой состав соединения, номера и род оружия полков. Место и время формирования. Путь следования и участие в боях». Раздел относится к числу наиболее подробно заполненных. Особенно детальны сведения о численном составе, вооружении частей и подразделений. Участие в боях описывается обычно с момента нахождения дивизии на фронте. Часто содержатся данные разведотделов.

2. «Командный состав дивизии». На содержание раздела накладывает отпечаток тот факт, что большинство пленных составляли солдаты и унтер-офицеры. О командирах дивизии и полков солдаты имели весьма приблизительное представление. Зато командирам среднего и младшего уровня давалась подробная оценка в отношении боевых и личных качеств. Спецпропагандисты особенно старались фиксировать внимание на непопулярных среди солдат офицерах.

3. «Национальный состав дивизий, полков, рот в процентном отношении». Обычно раздел заполнен весьма лаконично, дается приблизительный процент солдат-ненемцев.

---

[17] *Бурцев М. И.* Указ. соч. С. 88.

inslav

4. «Потери и пополнения. Численный состав дивизии, полков, батальонов, рот. Краткие сведения об обеспечении оружием и боеприпасами». Данные приводятся обычно на уровне: рота — батальон. В целом по дивизии — в общих чертах («много» — «мало»). Подробно излагается обеспечение оружием и боеприпасами. Наибольший интерес представляет оценка военнопленными качеств тех или иных образцов оружия. Поскольку формуляры включают в основном протоколы допросов солдат и офицеров пехотных частей, то содержание формуляров позволяет выяснить лишь оценку стрелкового оружия. Показаниям о стрелковом оружии свойственна общая тенденция: отмечается нехватка пистолетов-пулеметов как в начале войны, так и в конце. Как правило, один пистолет-пулемет приходился на отделение или танк, что отрицательно сказывалось на боеспособности. Высокую оценку дают пленные эффективности пулемета МГ-42. В ряде формуляров есть данные разведсводок о количестве в соединениях артиллерии и танков, но сведения эти носят отрывочный характер. О качестве боевой техники суждений очень мало, они позволяют лишь сделать вывод о взглядах некоторых офицеров вермахта на эффективность оружия вермахта по сравнению с советской боевой техникой. Характеристика авиационной техники дана лишь в одном формуляре.

5. «Фронтовой быт: питание, обмундирование, санитарные условия, болезни. Бытовые преимущества офицеров». Раздел заполнялся весьма подробно. Показания пленных об обеспечении продовольствием соединений немецко-фашистской армии, как правило, отличаются лишь в некоторых деталях. В основном говорится о нормах снабжения. Много фактов о тяготах фронтовой жизни. Но на бытовых преимуществах офицеров солдаты внимания не акцентировали: по-видимому, принимали как должное.

6. «Формы и содержание идеологической обработки солдат». До середины 1943 г. отмечается лишь периодическая деятельность рот пропаганды — иногда старые газеты и кино. Со второй половины говорится о значительном усилении идеологической обработки.

7. «Политические настроения солдат и офицеров: скрытые и явные». Раздел заполнен очень подробно практически во всех формулярах. В годы войны этот материал представлял большую ценность для изучения политических настроений вражеских военнослужащих и более тонкого пропагандистского воздействия на них. Дает картину эволюции политических настроений немецко-фашистской армии на протяжении всей войны. Следует отметить высокую степень откровенности высказываний. В показаниях можно выделить три основных направления: отношение к фашистскому режиму, взгляды на перспективы в войне, оценка дисциплины в отдельных соединениях вермахта.

8. «Отношение к Советскому Союзу, оценка боевой мощи Красной Армии. Мнение о партизанах». Содержится весьма ценный материал с подробной характеристикой тактики и вооружения Красной Армии. Приводится много конкретных примеров. Особенно высоко оценивается моральное состояние и боевой дух советских войск, их стойкость в обороне, физическое здоровье и выносливость солдат. Подчеркивается большая личная храбрость советских офицеров. Вопросы о боевой технике, а также о тактике советских войск доминируют в общей массе суждений о советской боевой мощи. Зафиксированы не только положительные отзывы, но и негативные для выявления и устранения недостатков. С конца 1942 г. отмечается превосходство советского оружия и военной техники как в качественном, так и в количественном отношении. Пленные отмечают большую насыщенность советской пехоты пистолетами-пулеметами, указывают на их простоту в эксплуатации и безотказность в самых сложных климатических условиях. Это, по их мнению, давало советским солдатам большие преимущества в бою. Приводится много фактов о могуществе артиллерии Красной Армии, ее превосходстве над фашистской. Особо отмечается эффективность гвардейских минометов и

inslav

дивизионных пушек ЗИС-3. Суждений о вооружении танковых войск и авиации намного меньше. Как наиболее эффективные системы оружия выделяются танк Т-34 и штурмовик Ил-2.

В начальный период войны отмечается недостаточная тактическая выучка советских войск (пехоты, танковых частей, артиллерии), особенно слабое взаимодействие войск. На заключительном этапе пленные говорят о возросшем тактическом мастерстве Красной Армии.

Некоторые формуляры содержат характеристику партизанского движения. Военнопленные дают высокую оценку действиям советских партизан, хотя лишь немногие опрошенные понимают причины и цели партизанского движения. Пленные отмечают, что партизаны держат их армию в постоянном напряжении, что фашисты боятся партизан, репрессируют, но уважают как героев.

9. «Состояние дисциплины». Почти во всех формулярах в 1941—1942 гг. говорится о драках, азартных играх, пьянстве, мародерстве во вражеской армии. С 1943 г. отмечается ослабление дисциплины, выражавшееся в засыпании на посту, пререканиях с младшими командирами. В то же время вплоть до осени 1944 г. утверждается, что дисциплина хотя и снизилась, но по-прежнему позволяет поддерживать боеспособность соединений. Приводятся факты открытых (но редких) антивоенных выступлений отдельных солдат.

10. «Отношение к советскому населению и военнопленным». Формуляры содержат большое количество фактов преступлений фашистов по отношению к мирному населению и военнопленным. За редчайшим исключением никто не отрицает массовых грабежей и поджогов. Некоторые пленные признают, что лично участвовали в убийствах мирных граждан.

11. «Советская пропаганда и ее влияние на солдат противника. Отзывы солдат о листовках, о звукопередачах и плакатах». Раздел пользовался наибольшим вниманием спецпропагандистов, практически во всех формулярах заполнен весьма подробно. Материал дает возможность для глубокого анализа эффективности советской пропаганды среди войск противника в годы войны. Во многих формулярах подшиты образцы листовок, выпущенных для данной дивизии.

12. «Слабые места дивизии и актуальные вопросы пропаганды среди солдат (сжато сформулировать основные направления работы на ближайший месяц)». Обычно указывались лишь один-два вопроса, требующие усиленного внимания. Если в дивизии имелась значительная прослойка солдат-ненемцев, отмечалась необходимость усиленной пропаганды именно для них.

К формуляру предписывалось прилагать список пленных с указанием звания, имени и фамилии, должности, даты пленения, названия части, обстоятельств пленения, полевой почты. Следовало также периодически составлять итоговые таблицы с указанием общего количества пленных по званиям, национальности, возрасту, партийной принадлежности, социальному статусу. Списки есть в большинстве формуляров. В справках эти данные не указывались.

Необходимо было также подшивать переводы писем, дневников, служебных документов, что часто и делалось. Предписывалось записывать также антифашистские анекдоты, крылатые выражения (это делалось редко).

Формуляры заложили основы эффективной пропагандистской работы. Они служили исходной базой для написания листовок, информационных бюллетеней (для советских войск), справок для советского командования и политорганов.

В годы войны формуляры помогали выяснить истинные взгляды и психологию противника, что было необходимо для эффективной постановки пропагандистской работы и правильного планирования боевых операций. Комплекс формуляров, хранящийся в документальном фонде, представляет историческую ценность и заслуживает внимания ученых.

inslav

А. Н. Артизов

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ТИХОМИРОВ (1898—1939). МАТЕРИАЛЫ О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Имя младшего брата выдающегося советского историка академика М. Н. Тихомирова Бориса Николаевича Тихомирова малоизвестно в советской историографии. В литературе встречаются лишь отдельные упоминания о его работах [1]. Между тем Б. Н. Тихомиров был одним из первых историков-марксистов, проложивших дорогу марксистскому пониманию истории феодальной России.

«Думается, что настало время собрать воедино и переиздать работы этого ученого-коммуниста»,— справедливо пишет Е. В. Чистякова [2]. Актуальной представляется и задача осветить основные вехи жизненного пути и научного творчества историка.

Трагическая судьба Б. Н. Тихомирова во многом определила скудость сохранившихся источников. Самостоятельного комплекса архивных документов, достаточно полно отражающих жизнь и творчество ученого, не имеется. Сведения о нем по крупицам приходится искать в различных фондах организаций, учреждений и научных обществ тех городов, где довелось работать Б. Н. Тихомирову. Тем большую ценность представляют те его документы, которые сохранились в составе личного фонда академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР [3]. Среди них рукописи семинарских докладов в ИКП и подготовительные материалы к ним, неопубликованная статья и рецензия, письма, различные документы о служебной деятельности, рисунки маслом и акварелью, свидетельствующие о художественном даровании историка. Несмотря на свою малочисленность (16 ед. хр., включенных в отдельную, пятую опись, а также два дела в составе четвертой описи), эти архивные документы существенно дополняют опубликованные источники — рассыпанные по страницам журналов и газет научные работы Б. Н. Тихомирова — и в целом позволяют более обстоятельно раскрыть творческую биографию ученого.

О ранних годах жизни Б. Н. Тихомирова сведения бедны. Известно только, что Борис родился в 1898 г. в Москве [4]. Он был последним, пятым сыном в семье конторского служащего филиала Морозовской мануфактуры Николая Константиновича Тихомирова. Четвертым сыном с разницей в пять лет был Михаил, с которым у Бориса установились наиболее близкие отношения. Эту близость с детских лет братья сохранили на всю жизнь. Оба выбрали одну профессию, став учеными-историками; научные интересы обоих были посвящены главным образом средневековой Руси. Отнюдь не случайно имя Бориса чаще, чем многие другие имена, встречается на страницах неопубликованных воспоминаний академика М. Н. Тихомирова [5].

Окончив одну из московских гимназий, Борис по примеру брата поступил на историко-филологический факультет Московского университета. На третьем курсе, однако, Борис был вынужден оставить учебу, так

---

[1] См., например: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 273, 276, 285, 287, 297, 299.

[2] *Чистякова Е. В.* Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987. С. 127.

[3] См.: Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание/Сост. И. П. Староверова. М., 1974. С. 73–74, 150.

[4] ГА Калужской области. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 582. Л. 1. Дату и месяц рождения установить не удалось.

[5] См.: ААН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 37. Л. 126, 128, 133, 196–198, 306–320; Д. 40. Л. 10–13, 322–334 и др.

inslav

как из-за голода зимой 1919 г. семья старшего брата Николая, с которой проживали Борис и отец, выехала в сельскую местность. Тихомировы переселились на родину жены Николая в Мосальск — маленький уездный городок Калужской губернии. В Мосальске бывший офицер старой армии, выпускник юридического факультета Московского университета Николай Тихомиров стал членом РКП(б), одним из руководителей местной партийной организации. Как подчеркивалось в партийной характеристике, он был «хорошим лектором и выдающимся агитатором, хорошо знакомым с основами марксизма, ценным работником в области народного образования» [6].

«Человек не только добрый, но и выдающийся по своим качествам», по воспоминаниям академика М. Н. Тихомирова, Николай сыграл заметную роль в судьбе младшего брата. Во многом под его влиянием Борис активно включился в агитационно-пропагандистскую деятельность мосальской партийной организации, а в июне 1922 г. подал заявление о принятии кандидатом в члены РКП(б). Осенью 1921 г. в Мосальске в целях подготовки кадров для близлежащих уездов была открыта совпартшкола. Ее вскоре возглавил Н. Н. Тихомиров, который привлек к работе в школе брата. Борис первоначально преподавал историю и философию, а затем стал заведующим учебной частью школы. Совместная работа, однако, продолжалась недолго. Во время эпидемии тифа Николай тяжело заболел и 28 февраля 1923 г. умер. На долгое время слег и Борис. Лишь спустя три месяца он смог приступить к работе уже в качестве нового заведующего совпартшколой.

Длительная болезнь резко подорвала здоровье Б. Н. Тихомирова, и в июле 1923 г. он отказался от заманчивого предложения о переводе в Калугу на должность завуча губернской совпартшколы. На его заявлении в губком партии с просьбой хотя бы временно до окончательного выздоровления оставить его в Мосальске секретарь укома партии оставил красноречивую запись: «Принимая во внимание, что т. Б. Н. Тихомиров в апреле перенес в тяжелой форме болезнь... и, не вполне оправившись, начал усиленную работу в качестве заведующего совпартшколой и лектора по политической переподготовке учительства, уком РКП(б) ходатайствует... о предоставлении т. Тихомирову отпуска, крайне необходимого для поправления его расстроенного здоровья, ибо в противном случае т. Тихомиров выйдет из строя активных работников большой ценности и квалификации» [7]. Просьба была удовлетворена, и весь следующий учебный год Б. Н. Тихомиров оставался на прежней работе.

Деятельность Б. Н. Тихомирова в Мосальской совпартшколе заслуживает внимания. И не только потому, что осенью 1923 г. школа была признана лучшей в губернии. Двадцатипятилетний заведующий сумел проявить качества талантливого педагога, стремящегося усвоить последние к тому времени достижения общественной науки, донести их до слушателей. По инициативе Б. Н. Тихомирова в школе развернулась работа по сбору краеведческих материалов, в том числе об установлении Советской власти в уезде. Была создана довольно богатая библиотека краеведческой литературы, насчитывавшая свыше 2 тыс. экз. книг и журналов. Весной 1924 г. Б. Н. Тихомиров организовал для курсантов школы, а также местных партийных работников кружок по изучению жизни и деятельности В. И. Ленина [8]. Программу занятий кружка молодой педагог подготовил самостоятельно.

На этой программе следует остановиться более подробно, так как она,

---

[6] Партийный архив Калужского обкома КПСС (ПАКО). Ф. 1. Оп. 13. Д. 1998. Л. 1–4 об.; Оп. 6. Д. 231. Л. 132–132 об. Н. Н. Тихомиров стал членом РКП(б) в октябре 1919 г., а не в 1918 г., как ошибочно указано в воспоминаниях М. Н. Тихомирова и повторено в книге Е. В. Чистяковой (Указ. соч. С. 16).

[7] ПАКО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 286. Л. 229–232.

[8] Еще ранее, 22 января 1924 г., Б. Н. Тихомиров сделал доклад о жизни и деятельности В. И. Ленина на траурном собрании трудящихся города и уезда. См.: *Зайцев А., Богачев П.* Мосальск. Тула, 1976. С. 77.

inslav

по существу, являлась первой творческой работой начинающего исследователя, свидетельствовавшей как о его большой научной смелости, так и о серьезном изучении им теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма, работ Г. В. Плеханова, М. Н. Покровского и других историков-марксистов [9]. Программа была обширна и включала 12 следующих тем: биография вождя; борьба Ленина с либеральным народничеством, легальным марксизмом и эсерами; борьба Ленина с экономизмом и меньшевизмом; Ленин и революция 1905 г.; Ленин в годы реакции; роль Ленина в Октябрьской революции; борьба Ленина против империалистической войны и организация III Коммунистического Интернационала; учение Ленина и национальный вопрос; учение Ленина о государстве; Ленин как экономист; Ленин как философ-материалист; роль Ленина как личности в революции и мировой истории. В список рекомендованной к изучению литературы наряду со многими выдающимися произведениями В. И. Ленина, новейшими публикациями воспоминаний о нем видных большевиков Б. Н. Тихомиров включил ряд историографических работ историков-марксистов, в частности известные статьи В. В. Адоратского «Марксистская диалектика в произведениях В. И. Ленина» (опубликована в 1922 г.) и М. П. Павловича «Ленин как разрушитель народничества» (1923).

Лето 1924 г. принесло важные изменения. Б. Н. Тихомиров был принят в партию и переведен на работу в губернский центр. Калуга, как вспоминал позднее М. Н. Тихомиров, неоднократно гостивший в те годы у брата, «была небольшим живописным городом, обойти который было не трудно и который представлял собою довольно приятное зрелище». «Развлечений особых здесь не было...», и едва ли не единственной достопримечательностью, врезавшейся в память будущего академика, стали «поездки на велосипеде одного старика. Старик приезжал... почти каждый день в летнее время» [10]. Это был К. Э. Циолковский.

Тихая провинциальная Калуга заняла в жизни Б. Н. Тихомирова особое место. В Калуге он начал систематически работать над архивными документами, опубликовал свои первые научные статьи, стал членом научно-исторического общества. Именно здесь Б. Н. Тихомиров окончательно определил свою дальнейшую судьбу, решив посвятить себя науке.

Сначала, однако, назовем некоторые вехи служебной биографии ученого. Июль 1924 г.— Б. Н. Тихомиров утвержден заведующим политсекцией Калужского губархива. С сентября ему поручена по совместительству должность заведующего местным отделением Истпарта. Но уже спустя месяц Б. Н. Тихомирова переводят на работу в аппарат губкома, где он в течение двух лет последовательно возглавляет подотделы пропаганды и печати. Наконец, с июля 1926 г. до отъезда из Калуги на учебу в ИКП Б. Н. Тихомиров работает заведующим учебной частью губсовпартшколы [11]. Будучи одним из руководителей губернской партийной организации, Б. Н. Тихомиров активно сотрудничает в местной печати, на страницах которой анализирует деятельность партийных органов, выступает с материалами о последних политических событиях в стране и мире, публикует методические рекомендации в помощь лекторам и пропагандистам и т. д.[12]

Большая загруженность текущей партийной работой, конечно, не способствовала научным изысканиям Б. Н. Тихомирова. Тем удивительнее настойчивость и энергия, с которой молодой исследователь включился в разработку истории Калужского края. За короткий трехлетний период пребывания в Калуге он подготовил целую серию краеведческих статей,

---

[9] См.: ПАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 181. Л. 16–17 об.

[10] ААН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 37. Л. 308–309.

[11] ГА Калужской области. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 582. Л. 1; ПАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–3; Ф. 1. Оп. 8. Д. 288, Л. 3, 21, 29, 35, 40, 42; Оп. 9. Д. 245. Л. 1–53.

[12] См. в приложении к настоящей статье составленный нами список трудов Б. Н. Тихомирова – статьи № 2, 6, 7, а также публикации в газете «Коммуна». В дальнейшем отсылки к номерам списка даются в тексте.

inslav

ряд из которых не потеряли научного значения до сего дня (№ 1, 3—5, 8).

Важная особенность этих статей — стремление автора рассмотреть неизученные вопросы, привлекая для исследования свежий архивный материал. Таковой, например, является статья о предпосылках революции 1905—1907 гг., где предпринята первая попытка систематического изложения рабочего движения в Калужской губернии в XIX — начале XX в. Используя документы архива канцелярии калужского губернатора и фактические данные из трудов буржуазных ученых М. И. Туган-Барановского, А. А. Корнилова и др., опираясь на методологические подходы, содержащиеся в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», Б. Н. Тихомиров обстоятельно раскрыл социально-экономическое положение рабочих, показал его особенности, главной из которых не без основания считал тесную связь с землей. Эти особенности, по мнению историка, определили характер первых классовых выступлений калужских рабочих, их относительную слабость. «Обезземеливание калужских фабрично-заводских рабочих,— писал Б. Н. Тихомиров,— оказалось для них более побудительной причиной к волнению, чем различного рода способы эксплуатации их труда. Почти все волнения, известные нам до середины 1890-х гг., связаны именно с этим земельным вопросом» (№ 4, с. 39). Лишь с конца XIX в., справедливо отмечает историк, рабочие губернии начинают выдвигать собственно пролетарские требования. Эта работа Б. Н. Тихомирова получила высокую оценку местных краеведов[13].

В другой своей работе, «Основные вопросы истории местного края», Б. Н. Тихомиров, пожалуй также впервые в местной историографии, с марксистских позиций проанализировал значительный комплекс краеведческой литературы и на основе этого анализа выдвинул на повестку дня изучение ряда и сегодня насущных вопросов истории Калужского края, таких, как роль географической среды в истории края, происхождение и этнический состав населения, рост местных посадов и развитие ремесла в XVII в., экономическое развитие региона в XVIII—XIX вв. и причины превращения губернии из промышленной в типично сельскохозяйственную. Важным объектом изучения историк считал период XVI—XVII вв., который он под влиянием работ М. Н. Покровского характеризовал как «эпоху развития торгового капитала». Вполне естественно, взгляды молодого исследователя отражали тогдашний уровень марксистской историографии со всеми его достоинствами и недостатками. В духе исторической концепции М. Н. Покровского Б. Н. Тихомиров давал периодизацию местной истории, объяснял многие явления прошлого.

Важнейшей задачей исторических исследований Б. Н. Тихомиров считал пропаганду марксистского подхода к освещению истории, ее изучение с классовых позиций. «Самое главное для истории нашего края — это изучение ее в духе марксизма»,— подчеркивал ученый (№ 3, с. 59). Активный сторонник консолидации немногочисленных в губернии марксистских исследовательских сил, Б. Н. Тихомиров на одном из совместных заседаний агитпропотдела и истпартотдела губкома РКП(б), представителей калужских Истпрофа и Истмола в 1925 г. предложил «организовать при Истпарте научное объединение или Общество марксистов, основной задачей которого должно быть изучение местного революционного движения и классовой борьбы в свете ленинизма»[14]. Предложение Б. Н. Тихомирова, к сожалению, не было осуществлено.

Марксистский подход к изучению прошлого Б. Н. Тихомиров отстаивал на заседаниях Калужского общества истории и древностей (КОИД). Членом этого авторитетного в среде местной интеллигенции общества Б. Н. Тихомиров стал 14 сентября 1924 г. Необходимую для вступления рекомендацию ему дал известнейший калужский краевед Д. И. Мали-

---

[13] См.: *Дмитриев Н.* [Рецензия] // Партийная мысль. 1926. № 2. С. 27.— Рец. на кн.: Калужская губерния в 1905 г. Сборник статей и воспоминаний. Калуга, 1925.
[14] ПАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 1—1об.

inslav

нин. На заседаниях КОИД Б. Н. Тихомиров сделал три доклада: «Развитие торгового капитализма в Калужском крае в XVI—XVII вв.» (30 ноября 1924 г.), «Вопрос о первоначальном населении Калужского края» (3 октября 1926 г.) и «Крепостное хозяйство Калужской губернии в первой половине XIX в.» (6 февраля 1927 г.). Наибольший интерес для нас представляет последний доклад, где автор, опираясь на документы из архива Ивано-Дубровской конторы помещиков Синявиных, попытался показать эволюцию форм феодальной ренты в дореформенной калужской деревне. Все доклады Б. Н. Тихомирова вызвали оживленные прения. Несмотря на сухую лаконичность протокольных записей заседаний, в них можно найти следующие оценки докладов: автора «благодарить за интересный труд», признать доклад «ценным научным трудом» и др.

Последней «калужской» работой Б. Н. Тихомирова была его статья «Книжные сокровища Калуги» [15]. Она интересна не только потому, что демонстрирует богатую научную эрудицию и разнообразные культурные запросы автора. Знакомя с сосредоточенными в Калужской центральной научной библиотеке в результате реквизиции дворянских и духовных библиотек книжными реликвиями, статья напоминает о необходимости их тщательного сохранения. «Культурность любого города может быть прекрасно иллюстрирована тем отношением к редким книжным богатствам, которые в нем иногда сосредотачиваются»,— замечает Б. Н. Тихомиров. Он выделяет среди редких рукописных книг синодик Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря 1654 г. с записями вкладов боярина Б. М. Хитрово. Из рукописных памятников XVIII и XIX вв. ученым отмечены безымянная рукопись о состоянии Вологодской губернии в конце XVIII в., «записи лекций германского профессора Кирхгофа, сделанные его слушателем В. Лугниным, известным впоследствии общественным деятелем и пионером сельскохозяйственных артелей». Интересны также записки «Моя жизнь» Аммазова, «величиною в целый том», которые «дают массу прекрасного материала для быта духовенства и жизни вообще Смоленской губернии». Центральное место в собрании книг, по мнению Б. Н. Тихомирова, занимают иностранные издания XVI—XVII вв., выпущенные главным образом в типографиях Лейпцига, Виттенберга, Франкфурта-на-Майне, Амстердама и Базеля. Русская книга представлена беднее. Здесь внимание Б. Н. Тихомирова останавливается лишь на отдельных изданиях Н. И. Новикова и частных типографий Окорокова и Пономарева.

Решив посвятить себя науке, весной 1927 г. Б. Н. Тихомиров поставил перед губкомом партии вопрос о направлении его на учебу в Институт красной профессуры. После некоторых проволочек, связанных с тем, что будущему «красному профессору» не хватало пятилетнего партийного стажа, необходимого для поступления в ИКП, он был допущен к вступительным экзаменам. Успешно выдержав их, в сентябре 1927 г. Б. Н. Тихомиров был зачислен на историческое отделение (сектор истории народов СССР) ИКП [16].

За годы обучения в ИКП окончательно определились научные интересы Б. Н. Тихомирова, сосредоточившиеся главным образом на феодальном периоде русской истории до XVIII в. Об этом свидетельствуют темы докладов, которые подготовил молодой ученый. 1-й курс, семинар А. Е. Преснякова — «Возникновение крепостного права». 2-й и 3-й курсы, семинар М. Н. Покровского — соответственно «Крестьянская революция третьей четверти XVII столетия (Разиновщина)» и «Происхождение ремесла и образование классов в Московском государстве XVI—XVII вв.»

Тексты этих трех докладов сохранились в составе личного фонда академика М. Н. Тихомирова, хотя не в равной степени. Текст доклада на 1-м курсе, написанный рукой автора и его жены Марии Александров-

---

[15] Коммуна. 1927. 3 мая.
[16] ААН. Ф. 693. Оп. 5. Д. 11. Л. 1–3.

inslav

ны на 30 листах, имеется полностью. Следует отметить, что в описи и на заголовке дела ошибочно указано, что доклад подготовлен в семинаре профессора А. Е. Гуленкова (?) [17]. Текст доклада на 2-м курсе (автограф на 52 листах) сохранился не полностью. Отсутствуют листы, посвященные заключительному этапу крестьянской войны, проблемам организации «революционной власти, программы и тактики движения», «роли национальных движений в Разиновщине» [18]. В отдельном деле находятся черновые материалы к докладу (более 150 листов) [19]. От доклада на 3-м курсе уцелели лишь отдельные фрагменты (автограф на 46 листах), в том числе развернутый план доклада и список источников и литературы [20]. Но в фонде М. Н. Покровского имеется полный текст первой части доклада (машинопись с правкой автора) [21].

Подготовка доклада в ИКП была настоящей исследовательской работой как в силу выбора темы, которая обычно носила проблемный характер и отличалась новизной, так и по требованиям к содержанию и объему привлеченных источников и литературы. Не случайно бывшая выпускница ИКП Э. Б. Генкина впоследствии говорила, что «некоторые семинарские работы икапистов и по нынешним требованиям представляли собой вполне полноценные кандидатские диссертации» [22]. При подготовке доклада на 2-м курсе Б. Н. Тихомиров использовал около 60 опубликованных источников и исследовательских работ, т. е. почти весь известный к тому времени комплекс литературы о крестьянской войне под предводительством С. Разина. Докладчиком были изучены также «разинские дела Древлехранилища Центрархива... столбцы Разрядного приказа, главным образом Белгородского стола; приказные дела старых лет; документы Посольского приказа (донские, малороссийские, шведские, крымские, персидские, калмыцкие, армянские, грузинские и бухарские дела)» [23]. Благодаря содействию М. Н. Покровского Б. Н. Тихомиров получил возможность ознакомиться с теми ценными документами по истории разинского движения, которые вскоре были опубликованы в специальном сборнике под редакцией С. Г. Томсинского [24]. Неудивительно поэтому, что доклад открывался обстоятельным обзором историографии и источников. Готовясь к докладу о развитии ремесла, Б. Н. Тихомиров изучил уже более 150 публикаций источников, монографий, научных статей и сообщений. К исследованию была привлечена западноевропейская литература по теме, с которой Б. Н. Тихомиров знакомился в оригинале благодаря знанию немецкого и французского.

Впечатляет и круг рассматриваемых в докладах вопросов. Вот, например, как он сформулирован автором в докладе на 3-м курсе: «1) постановка вопроса (проблема общественного разделения труда), 2) выделение ремесла из натуральной домашней промышленности и образование класса деревенских ремесленников в конце XV — начале XVII в., 3) класс городских ремесленников в XVI—XVII вв., 4) формы ремесла... 5) вопрос о цеховой организации ремесла... 6) дворцовые ремесленники в XVII в., 7) ремесленники Москвы... 8) ремесло и торговый капитал во второй половине XVII в., 9) исторические пути развития русской промышленности и процесс формирования предпролетариата» [25]. Нетрудно заметить, что подобные вопросы рассматривались в марксистской историографии впервые.

Конечно, темы докладов и выбор исследуемых вопросов определялись не без совета руководителей семинаров, особенно М. Н. Покровского,

---

[17] Там же. Д. 7.
[18] Там же. Д. 6.
[19] ААН. Ф. 693. Оп. 5. Д. 5.
[20] Там же. Д. 9, 10.
[21] Там же. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 22. Л. 72–118.
[22] *Генкина Э. Б.* Воспоминания об ИКП // История и историки, 1981. М., 1985. С. 262.
[23] ААН. Ф. 693. Оп. 5. Д. 6. Л. 7.
[24] См.: Крестьянство и националы в революционном движении 1666–1671 гг. Разинщина. М., 1931.
[25] ААН. Ф. 693. Оп. 5. Д. 10. Л. 1.

inslav

влияние взглядов которого заметно во всех оценках и выводах Б. Н. Тихомирова. Тем примечательнее, что сложнейшую проблему происхождения крепостного права на Руси молодой ученый трактовал не только в духе концепции М. Н. Покровского. Причины происхождения крепостного права он стремился объяснить более комплексно, усматривая их и в смене форм докапиталистической ренты, и в целенаправленной политике государства по поддержке поместной формы землевладения.

М. Н. Покровский ценил своего способного ученика. С его согласия и по рекомендации И. И. Минца Б. Н. Тихомиров как специалист, работавший в архивах и знакомый с организацией архивного дела в стране, представлял ИКП в качестве делегата с решающим голосом на II съезде архивных работников РСФСР в мае 1929 г.[26] Доклад Б. Н. Тихомирова о крестьянской войне под руководством С. Разина, который обсуждался 16 марта 1929 г., М. Н. Покровский выделил как лучший среди других докладов, подготовленных участниками его семинара по истории России 1928/29 учебного года, и рекомендовал к публикации[27]. Первоначально текст доклада планировалось поместить в № 12 журнала «Историк-марксист» за 1929 г., но затем после небольшой доработки доклад был издан отдельной брошюрой (№ 9)[28].

Эта брошюра Б. Н. Тихомирова стала заметным явлением в тогдашней марксистской историографии крестьянских войн. И не только потому, что почти не имела предшественников (другая специальная марксистская работа по теме — статья С. Г. Томсинского «Разинщина (1666—1671 гг.») — появилась в 1930 г.[29]). Б. Н. Тихомиров с большой для своего времени глубиной сумел осветить многие принципиальные вопросы истории крестьянской войны. Развивая отдельные положения М. Н. Покровского об объективном содержании крестьянских выступлений, Б. Н. Тихомиров подчеркивал, что в войне отразилось стремление русского крестьянства быть самостоятельным производителем, что если бы крестьянству удалось сбросить «крепостнические путы», то оно пошло бы «по пути свободного развития мелкого производителя в товаропроизводителя» (№ 9, с. 16). Отсюда следовал вывод об общей антикрепостнической направленности, прогрессивности и революционности борьбы восставших, о классовом крестьянском содержании разинского движения. Несомненный научный интерес представляла попытка автора раскрыть социальный состав восставших, показать место и роль в движении отдельных слоев крестьянского населения, казачества, посадских и служилых людей. При этом в вопросе о движущих силах Б. Н. Тихомиров обоснованно подчеркивал ведущую роль крестьянства как класса. Сильными сторонами работы были также критика буржуазной литературы в историографическом обзоре по теме, опыт классификации источников о войне, исходя из их классового происхождения, постановка вопросов об идеологии крестьянства, о роли национальных движений. Стремясь опереться на произведения классиков марксизма-ленинизма, Б. Н. Тихомиров широко использовал их теоретические положения, причем не в духе абстрактного социологизирования, как было распространено в те годы, а в конкретно-историческом плане.

На достоинства работы Б. Н. Тихомирова уже тогда указывали ее рецензенты, высоко ее оценившие[30]. С. А. Пионтковский даже считал, что исследование Б. Н. Тихомирова «почти изжило недостатки предшест-

---

[26] ААН. Ф. 693. Оп. 5. Д. 14. Л. 1–4.

[27] Там же. Ф. 1759. Оп. 2. Д. 22. Л. 120–122. Среди участников семинара М. Н. Покровского были М. Поташ, С. Симонов и др.

[28] См. также: ААН. Ф. 693. Оп. 5. Д. 13. Л. 1.

[29] Проблемы марксизма. 1930. № 2.

[30] *Королев А.* [Рецензия] // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 122–124.– Рец. на кн.: Тихомиров Б. Разинщина. М., 1930; *Пионтковский С. А.* Историография крестьянских войн в России // Историк-марксист. 1933. № 5. С. 80–119. Оценку работы Б. Н. Тихомирова в современной историографии см.: *Степанов И. В.* Крестьянская война в России в 1670–1671 гг. Восстание Степана Разина. Л., 1966. Т. 1. С. 196.

inslav

вующей марксистской литературы». Вместе с тем рецензенты справедливо отмечали, что содержание работы не свободно от «модернизации феодальной эпохи в стиле капиталистической», что в зависимости от теории торгового капитала автор объясняет ряд важных вопросов, особенно проблему социально-экономических предпосылок крестьянской войны. Печать своего времени и ошибочных взглядов М. Н. Покровского лежала также на общей трактовке Б. Н. Тихомировым восстания С. Разина как крестьянской революции, прямо направленной на ликвидацию феодального строя. Отвергая бытовавшую в тогдашней литературе характеристику восстания как ранней буржуазной революции, Б. Н. Тихомиров, по сути, однако, сам недалеко отстоял от подобных взглядов. Из общей трактовки крестьянской войны как революции вытекала и та явно преувеличенная оценка сознательности и организованности разинского движения, которую дал Б. Н. Тихомиров.

Выход первой крупной работы молодого исследователя совпал с окончанием ИКП. Получив направление прибыть в распоряжение ЦК Компартии Азербайджана, в сентябре 1930 г. Б. Н. Тихомиров с семьей приехал в Баку. Ранее сюда уже прибыла группа московских ученых (В. Ф. Раевский, Н. Н. Пчелин, В. В. Покшишевский, В. Н. Рахметов и др.), в большинстве также выпускников ИКП, направленных в Азербайджан, чтобы помочь республике в подготовке научных кадров и развитии марксистских исторических исследований [31].

Период пребывания в Баку — это годы активной педагогической, научно-организационной, исследовательской работы Б. Н. Тихомирова. Его преподавательская деятельность была тесно связана сначала с Институтом подготовки кадров красной профессуры, а с 1934 г.— одновременно с Азербайджанским государственным университетом. Научно-организационную работу Б. Н. Тихомиров вел, находясь на ответственных постах заведующего историко-этнографическим отделением Азербайджанского государственного научно-исследовательского института (1931 — первая половина 1932 г.), председателя Азербайджанского общества историков-марксистов (1931—1932 гг.), заместителя заведующего культурно-пропагандистским отделом ЦК АКП(б) (август 1932 — март 1933 г.), декана исторического факультета Азербайджанского государственного университета (с сентября 1934 г.) и по совместительству исполняющего обязанности директора Института истории партии им. С. Шаумяна при ЦК и Бакинском комитете АКП(б) (февраль—октябрь 1936 г.). Статьи Б. Н. Тихомирова по различным вопросам деятельности этих учреждений, об исторических датах и политических событиях появлялись на страницах республиканской печати [32].

В октябре 1931 г. по инициативе А. М. Горького ЦК ВКП(б) принял решение о создании редакции и издательства «История фабрик и заводов», призванных обеспечить выпуск серии исследований по истории крупнейших предприятий страны. В число первоочередных объектов изучения была внесена история бакинских нефтяных промыслов. Редколлегию предполагавшегося издания возглавил секретарь ЦИК СССР А. С. Енукидзе, являвшийся в дореволюционные годы одним из руководителей бакинской большевистской организации.

Однако практическая работа по подготовке «Истории бакинских нефтяных промыслов» затянулась [33]. Прибывший летом 1932 г. с инспекционной поездкой по заданию Главной редакции «Истории фабрик и заводов» в Баку Б. И. Горев констатировал неблагополучное положение с изданием и предложил укрепить авторский коллектив квалифицированными учеными-историками, способными ускорить подготовку книги и

---

[31] См.: *Сумбатзаде А. С.* Русская, советская историография и историческая наука в Азербайджане // История СССР. 1975. № 1. С. 89.

[32] Сведения о работе Б. Н. Тихомирова в Баку приводятся на основании ответа на тематический запрос об ученом, подготовленного Институтом истории партии при ЦК Компартии Азербайджана 14 июня 1988 г.

[33] См.: История заводов. М., 1932. Вып. 2. С. 111—113.

inslav

обеспечить ее более высокий научный уровень. Вскоре бюро Бакинского комитета АКП(б) приняло специальное постановление по этому вопросу. Организационную группу по созданию «Истории бакинских нефтяных промыслов» поручили возглавить Б. Н. Тихомирову, который сумел наладить работу. Уже в феврале 1933 г. Б. Н. Тихомиров выслал А. С. Енукидзе составленные авторским коллективом «Материалы к плану истории Бакинских нефтяных промыслов» с просьбой высказать свои замечания и дополнения [34].

Согласно этим «Материалам...», издание предполагалось в 3 томах. Первый том должен был охватывать период с конца XIX в. до Февральской буржуазно-демократической революции, второй том — 1917—1920 гг., а третий том — историю бакинского пролетариата в 1920 — начале 30-х годов. Сам Б. Н. Тихомиров взял на себя основной объем работы по написанию первого и второго томов.

Первоначальные варианты обоих томов были подготовлены, вероятно, к 1935 г., так как присланные на отзыв в Главную редакцию «Истории фабрик и заводов», они успели пройти рецензирование до появления доклада Л. П. Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье». В дальнейшем судьба издания, редактором которого был А. С. Енукидзе, оказалась печальной. В условиях открытой фальсификации истории пролетариата и рабочего движения в Закавказье подготовленные с иных позиций тома не могли уже увидеть свет и осели в архиве.

Среди сохранившихся до наших дней в ЦГАОР СССР в фонде «Государственное издательство „История фабрик и заводов“» (№ 7952) отдельных вариантов томов — и тексты глав, написанных Б. Н. Тихомировым. Две главы «Бакинский пролетариат в годы реакции и подъема» и «Борьба бакинских нефтяников в годы империалистической войны» (машинопись с правкой автора на 164 листах) были написаны для 1-го т.[35] Во 2-й т. предполагалось включение пяти следующих глав (также машинопись с правкой автора на 118 листах): «Рабочий класс Баку во время диктатуры Центрокаспия и расстрел 26-ти [бакинских комиссаров]», «Установление власти „Мусавата“ в Баку», «Борьба бакинских рабочих с января до мая 1919 г.», «Майская забастовка 1919 г.» и «От майской стачки до августовской демонстрации» [36].

Созданные в жанре популярного очерка, эти главы Б. Н. Тихомирова лишены научно-справочного аппарата. Однако их содержание свидетельствует о широком привлечении автором документов из местных архивов, периодики, воспоминаний старых большевиков, а также имевшейся в распоряжении историка научной и краеведческой литературы. Рассмотрено социально-экономическое положение бакинского пролетариата в дореволюционный период и в первые послеоктябрьские годы, особо выделена такая его характерная черта, как многонациональность. На страницах глав отразились низкий уровень заработной платы, большая продолжительность рабочего дня, безработица, текучесть кадров, высокий травматизм на производстве, антисанитария жилья и другие особенности труда и быта бакинских рабочих. К достоинствам следует отнести подробный рассказ о событиях 1909 г., в том числе об известной первомайской забастовке бакинских пролетариев, очерк проведения реформы земского самоуправления в Азербайджане и борьбы вокруг нее различных общественных сил. Заслуживает внимания стремление автора на протяжении всего исследуемого периода 1908—1919 гг. раскрыть политику мелкобуржуазных и буржуазных националистических партий и борьбу с ними

---

[34] ЦГАОР СССР. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 970. Л. 3—28, 149. Автор выражает признательность С. В. Журавлеву, любезно сообщившему о местонахождении материалов, отражающих деятельность Б. Н. Тихомирова по написанию «Истории бакинских нефтяных промыслов».

[35] ЦГАОР СССР. Ф. 7952. Оп. 8. Д. 43. Идентичные экземпляры этих глав см.: Там же. Д. 44, 64.

[36] Там же. Д. 42.

inslav

большевиков за влияние на массы. Характеризуя деятельность большевистских вождей, Б. Н. Тихомиров не ограничивается личностью И. В. Сталина, отмечая заслуги С. Г. Шаумяна, С. С. Спандаряна П. А. Джапаридзе, Г. К. Орджоникидзе, А. С. Енукидзе и др. Не случайно рецензенты 1-го т. Горев, Гольдич и другие отмечали, что среди представленных глав «статьи т. Тихомирова производят впечатление наиболее продуманных, исторически обоснованных», «наиболее отработанных и литературных» по стилю изложения [37].

Активно занимаясь исследованием истории Азербайджана, Б. Н. Тихомиров, однако, сохранил приверженность своим научным интересам. Его основные работы, созданные в последний период жизни, посвящены истории феодальной России.

По-прежнему волновала Б. Н. Тихомирова тема крестьянских войн. Не случайно он был одним из основных участников известного совещания по истории крестьянских войн, которое проводилось в Ленинграде в декабре 1933 г. по инициативе Историко-археографического института АН СССР и Института истории Ленинградского отделения Комакадемии. На совещании было заслушано три доклада: С. Г. Томсинского «Основные проблемы истории крестьянских движений феодально-крепостной России», Б. Н. Тихомирова «Крестьянская война в начале XVII в.» и С. Симонова «Пугачевщина» [38]. Доклад Б. Н. Тихомирова, подготовленный на малоизученную в марксистской историографии тему, развивал те положения об объективном содержании крестьянских войн и их историческом значении, которые имелись в ранней работе ученого «Разинщина». Вместе с тем в докладе содержались спорные моменты и ошибочные утверждения, характерные для тогдашней марксистской литературы. Так, вслед за С. Г. Томсинским, работы которого историк внимательно изучал и высоко ценил [39], Б. Н. Тихомиров связывал причины начала крестьянской войны под руководством И. Болотникова с концепцией «вторичного закрепощения» русского крестьянства. Преувеличивал он степень внедрения элементов капиталистических отношений в социально-экономический строй России накануне войны.

Результаты своих источниковедческих наблюдений над документами о крестьянской войне под руководством С. Разина Б. Н. Тихомиров изложил в специальном обзоре опубликованных источников. Этот обзор по сравнению с предшествующей работой «Разинщина» значительно углублял и расширял характеристику основных групп источников: официальных правительственных актов, ведомственной переписки правительственных учреждений, хронографов и других летописных сказаний, известий иностранцев, фольклора. В соответствии с классовым подходом к источникам Б. Н. Тихомиров выделял «в качестве самостоятельной группы прокламации разинской революционной армии... имеющие исключительно важное значение для определения классового состава, размаха, программы и тактики движения» (№ 15, с. 50—51).

Развитие взглядов ученого на историю крестьянской войны 1670—1671 гг. отразила статья «Разинское движение на Слободской Украине». Подробно рассмотрев ход движения в конкретном районе, Б. Н. Тихомиров отказался от преувеличенных оценок уровня сознательности и организованности восставших, подчеркнув, что «разинское движение на Слободской Украине, как и в других районах восстания, носило характер стихийного возмущения угнетенных классов: крестьянства, казачества, городской бедноты, работных людей против крепостничества» (№ 16, с. 115).

Другая важная проблема, над которой еще со времени обучения в ИКП продолжал работать Б. Н. Тихомиров,— проблема генезиса фео-

---

[37] Там же. Д. 48. Л. 5, 71.

[38] Отчет о совещании см.: Исторический сборник. Л., 1934. Т. 1. С. 285—291.

[39] См. неопубликованную рецензию Б. Н. Тихомирова на книгу С. Г. Томсинского «Очерки истории феодально-крепостной России. Ч. 1. Крестьянские войны в эпоху образования империи» (М.; Л., 1934) (ААН. Ф. 693. Оп. 5. Д. 10 а, Л. 1—10).

inslav

дальных отношений и происхождения крепостного права. Статьи и рецензии Б. Н. Тихомирова по этим актуальным вопросам отражали сложный процесс утверждения марксистского понимания сущности социально-экономического строя Древней Руси. Они свидетельствовали об эволюции взглядов самого историка в ходе острых дискуссий начала 1930-х годов.

Первоначально Б. Н. Тихомиров поддерживал точку зрения И. И. Смирнова о последовательной смене первобытнообщинного строя на Руси рабовладельческой, а затем уже феодальной формацией. В 1932 г. ученый писал: «Переход от Киевской Руси к феодализму XIII—XVI вв. есть вместе с тем в основном переход от рабской организации труда к крепостной организации труда» (№ 11, с. 134). При этом подход Б. Н. Тихомирова к проблеме генезиса феодализма имел свои особенности, связанные с тезисом о «вторичном закрепощении» русского крестьянства во второй половине XVI в. Механически перенося известные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о процессе «вторичного закрепощения» крестьян в восточной Германии на русскую почву, Б. Н. Тихомиров пытался доказать, что эволюция форм феодальной ренты вызвала в XV в. временное смягчение крепостнических отношений, которое выразилось в распространении вместо барщины натурального оброка.

Вскоре, однако, Б. Н. Тихомиров принял основные положения концепции генезиса феодализма в России, минуя рабовладельческую стадию, концепции, которая была наиболее обстоятельно изложена в работах Б. Д. Грекова. В рецензии на сборник «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», открывавшийся статьей Б. Д. Грекова «Главнейшие этапы истории русской феодальной вотчины», Б. Н. Тихомиров прямо признал взгляд на Киевскую Русь как раннефеодальное общество и государство «совершенно правильным» (№ 14, с. 145).

С позиций этой утвердившейся в середине 1930-х годов марксистской концепции древнерусской истории, опираясь на марксову теорию феодальной земельной ренты, Б. Н. Тихомиров рассмотрел крайне запутанный в историографии вопрос о генезисе и характере иммунитета в феодальной России. Здесь историк пошел значительно дальше своих предшественников и, пожалуй, первым отчетливо сформулировал марксистское понимание феодального иммунитета как явления, не ограничивающегося правовой сферой и «неразрывно связанного со всем социально-экономическим строем феодальной вотчины». «Расширение юрисдикции, писал Б. Н. Тихомиров,— не есть простое перенесение личных отношений господина и рабов на отношение землевладельцев и мелких непосредственных производителей, а есть рост феодальных отношений подчинения и господства, рост „внеэкономического принуждения“». «Иммунитет,— продолжал ученый,— это не только освобождение данного земельного владения от суда и дани и от въезда агентов государственной власти, но это есть вместе с тем и особая система классовых отношений внутри данной вотчины, при которых крестьяне становятся одновременно и зависимыми производителями и подданными своего вотчинника» (№ 17, с. 18) [40].

Б. Н. Тихомирову принадлежала также первая попытка обобщения с марксистских позиций богатого фактического материала по истории русского ремесла XVI—XVII вв., который он начал собирать еще в период обучения в ИКП (№ 13). В отличие от доклада в семинаре М. Н. Покровского с его чрезмерно широкой постановкой вопросов, Б. Н. Тихомиров сосредоточил теперь внимание, по сути, на одной проблеме — выделение из домашней промышленности деревенского ремесла. Автор довольно обстоятельно освещал центры деревенского ремесла (крупные боярские вотчины, монастырские села и слободы и др.), выявлял формы производства (на заказ и рынок), говорил о преобладании

---

[40] См. также: *Каштанов С. М.* Ранняя советская историография феодального иммунитета в России // История и историки, 1974. М., 1976. С. 148–188.

inslav

в деревне социального типа вотчинных ремесленников, вербовавшихся преимущественно из холопов.

Характеризовал деревню как «источник роста ремесленной рабочей силы» Б. Н. Тихомиров в рецензии на книгу А. Н. Сперанского «Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства» (№ 10). Эта рецензия, опубликованная в период, когда в стране нагнеталась атмосфера недоверия к старым специалистам и их ученикам, выгодно отличалась от многих других рецензий историков-марксистов своим сдержанным тоном, отсутствием ярлыков и признанием достоинств рецензируемой работы.

Проблеме формирования предпролетариата России была посвящена рецензия Б. Н. Тихомирова на сборники документов «Крепостная мануфактура в России». Главным источником кадров предпролетариата, по мнению Б. Н. Тихомирова, были «крестьяне, приписанные целыми волостями к предприятиям. Из них постепенно складывался слой потомственных квалифицированных рабочих.... Кроме того, источником рабочей силы являлся и вольнонаемный люд... но это был источник, несомненно, довольно ограниченный» (№ 12, с. 187).

В середине 1930-х годов Б. Н. Тихомиров находился в расцвете своих творческих сил. Для готовившегося к изданию первого выпуска «Лекций по русской истории» А. Е. Преснякова тридцативосьмилетний исследователь написал специальное предисловие. Текст его (машинопись с правкой автора на 43 листах, первый лист утерян) сохранился в личном фонде Н. Л. Рубинштейна, который также был привлечен к подготовке издания [41].

Предисловие к лекциям своего бывшего семинарского руководителя в ИКП написано неудачно. Сказалась целевая установка, откровенно сформулированная Б. Н. Тихомировым (или поставленная перед ним?) в самом начале предисловия: «оговорить и осветить наши (т. е. марксистов.— *А. А.*) расхождения с А. Е. Пресняковым в трактовке основных проблем истории Киевской Руси». Такая постановка задачи заранее предопределяла критику А. Е. Преснякова с позиций достижений марксистской историографии 1930-х годов, что исключало подлинный историзм оценок.

Но предисловие Б. Н. Тихомирова представляет, однако, несомненный историографический интерес. В его рамках автор попытался сжато изложить собственную концепцию генезиса феодальных отношений в Древней Руси. Три основных периода, по мнению Б. Н. Тихомирова, прошел этот процесс. Первый, «дофеодальный» (до середины IX в.) — это время, когда «восточные славяне живут в условиях разлагающихся родовых отношений. Причем степень разложения их у отдельных племен различна в зависимости от степени развития земледелия... от близости к торговым путям». Ведущую роль в экономике занимает земледелие, а не торговля, как у В. О. Ключевского и М. Н. Покровского, или охота и рыболовство, как у Н. А. Рожкова. Рабство является фактором классообразования и способствует разложению родовой общины. Мелкие производители еще свободны. Племенные вожди имеют дружины, но их власть ограничена волей народного собрания — веча. «...Уже в этом периоде,— заключает Б. Н. Тихомиров,— закладываются начала феодализационного процесса и появляются зачатки будущей феодальной государственности». На этой ступени развития славян застает норманнское завоевание, которое «явилось мощным ускорителем процесса феодализации». Начинается второй, «готический», как его по аналогии с западноевропейской историей называет Б. Н. Тихомиров, период складывания феодальных отношений. Он обнимает вторую половину IX и X в. В рамках этого периода сохраняются родовые пережитки. Основная масса крестьян еще свободна. Но с развитием феодального землевладения как на дрожжах

[41] ОР ГБЛ. Ф. 521. Карт. 30. Д. 3. Л. 1–43. В описи фонда автором предисловия ошибочно указан М. Н. Тихомиров.

inslav

растут различные формы феодальной зависимости. Власть имущих идеологически укрепляет христианизация Руси.

Последний, собственно «феодальный» период падает на XI—XIII вв., когда «феодализационный процесс принимает открытую форму закрепощения мелких производителей и превращения их в различные разряды феодально зависимого и крепостного крестьянства». При этом, указывает Б. Н. Тихомиров, сохраняются остатки свободного крестьянства, остается и рабство, «частично переходящее в крепостное право». Над крестьянской общиной тяготеет вотчинная юрисдикция князей и бояр. Вследствие развития феодальных отношений обостряется классовая борьба (события 1024, 1071 гг. и др.).

Как видим, схема Б. Н. Тихомирова была достаточно оригинальна, хотя ее основные идеи (о генезисе феодализма на Руси, минуя рабовладельческую стадию, о стержне феодализационного процесса — росте феодального землевладения и различных форм феодальной зависимости, признание ведущей роли в древнерусской экономике за сельским хозяйством и др.) вполне укладывались в русло утвердившихся в марксистской историографии взглядов. Подробное обоснование своей концепции историк предполагал дать в специальной работе «Образование феодальных отношений в древней Руси», рукопись которой, как сообщал сам Б. Н. Тихомиров, готовилась к печати в издательстве Академии наук СССР [42].

В ближайших планах ученого значилась также подготовка монографии о формировании кадров предпролетариата России. Но творческим замыслам не суждено было сбыться. Осталась не написанной книга о предпролетариате. Подготовленная работа о генезисе феодализма не увидела свет. Предисловие к книге А. Е. Преснякова осело в архиве.

В исторической науке все отчетливее сказывалось гнетущее влияние культа личности, деформировавшего и выхолащивавшего самый смысл научных исследований. После появления письма И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция» на страницах республиканской печати под флагом борьбы с «троцкистской контрабандой» разгрому был подвергнут ряд работ по истории Азербайджана В. Ф. Раевского, С. С. Иткина, Н. Н. Пчелина, Я. Ратгаузера и др. В июле 1935 г. на собрании тифлисского партактива Л. П. Берия выступил с печально известным докладом «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», в котором грубо фальсифицировалась подлинная история революционного движения в Закавказье, но который был официально канонизирован и рекомендован к обязательному изучению во всех партийных организациях закавказских республик. Возглавлять в этих условиях ведущие научные учреждения Азербайджана, ответственные за подготовку исторических и историко-партийных трудов, Б. Н. Тихомирову было крайне нелегко. Приходилось печатать такие отражавшие официальную точку зрения статьи, как «Сталинский набат. Из истории большевистской печати в Баку» [43]. Сложившимися канонами проникнута и спешно подготовленная в 1936 г. последняя статья Б. Н. Тихомирова «Революционное движение в Баку и в Азербайджане в конце XIX и начале XX столетия». Она предоставляла недостающие сведения по истории Азербайджана участникам конкурса по написанию исторического учебника для начальной школы [43а].

За внешней, фасадной стороной деятельности Б. Н. Тихомирова скрывались, однако, иные мысли и чувства, нарастала неудовлетворенность сложившейся обстановкой. В письме к брату Михаилу от 16 марта 1936 г. Б. Н. Тихомиров писал: «Я делал доклад по истории на общем собрании историков и теоретических работников, но прения не развернулись, о чем я особенно не жалею». И далее с горькой иронией над соб-

---

[42] Там же. С. 31.
[43] Бакинский рабочий. 1936. 5 мая.
[43а] ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 371. Л. 163—202.

inslav

ственным положением: «Не думаешь ли писать учебник? Я бы консультировал по „установкам“»[44].

Последняя записка брату датирована 16 сентября 1936 г. Спустя месяц Б. Н. Тихомиров был снят с работы и необоснованно арестован в числе группы бывших выпускников ИКП, работавших в Азербайджане. 13 октября 1937 г. ученый был осужден и погиб.

Тяжелые годы пережила семья Бориса Николаевича. В этот период руку помощи семье брата протянул М. Н. Тихомиров, который помогал материально детям погибшего Александру и Марии, а после выхода из заключения его жены Марии Александровны и ей. Академику М. Н. Тихомирову мы обязаны сохранением части личного архива брата.

В середине 1950-х годов, когда в соответствии с решениями XX съезда КПСС проводилась большая работа по реабилитации необоснованно осужденных советских граждан, семья Б. Н. Тихомирова получила две справки. В первой говорилось о пересмотре Военной коллегией Верховного суда СССР 11 августа 1956 г. дела Б. Н. Тихомирова и отмене приговора «по вновь открывшимся обстоятельствам... за отсутствием состава преступления»[45]. Вторая сообщала, что Б. Н. Тихомиров погиб 5 мая 1939 г. Причина смерти в справке не указывалась[46].

СПИСОК ТРУДОВ Б. Н. ТИХОМИРОВА

1. Нам нужна история партии (к задачам Калужского истпарта) // Бюл. Калужского губкома РКП(б). 1924. № 2. С. 13–14.
2. Пропаганда ленинизма // Там же. 1925. № 1, С. 39–41.
3. Основные вопросы истории местного края. // Там же. № 2. С. 53–59.
4. Экономические предпосылки развития массового революционного движения до революции 1905 г. в Калужской губернии // Калужская губерния в 1905 г.: Сб. ст. и воспоминаний / Под ред. С. В. Херсонского и Б. Н. Тихомирова. Калуга, 1925. С. 3–55.
5. Отход и расслоение калужского крестьянства // Партийная мысль: Журн. Калуж. губкома РКП(б). 1926. № 2. С. 4–8.
6. О работе местной организации союза безбожников // Там же. С. 19–20.
7. Ленин // Там же. № 3. С. 4–5.
8. Экономика Калужской губернии перед революцией 1917 г. // Партийная мысль: (юбилейный выпуск). 1927. С. 29–33.
9. Разинщина. М.; Л., 1930. 144 с.
10. Рец. на кн.: Сперанский А. Н. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930 // Историк-марксист. 1931. № 2. С. 178–181.
11. Проблема «вторичного» закрепощения крестьянства и крестьянский выход // Там же. 1932. № 3. С. 118–134.
12. Рец. на кн.: Крепостная мануфактура в России. Л., 1930–1931. Ч. 1, 2 // Там же. С. 186–189.
13. Ремесло в Московском государстве в XVI в. // Изв. АН СССР. Сер. 7. Отдние обществ. наук. 1933. № 2. С. 97–122.
14. Рец. на кн.: Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.: Материалы по истории феодально-крепостнического хозяйства. Л., 1933. Вып. 1. // Историк-марксист. 1933. № 6. С. 143–145.
15. Источники по истории разинщины // Проблемы источниковедения. Л., 1933. Сб. 1. С. 50–69.
16. Разинское движение на Слободской Украине // Исторический сборник. Л., 1934. Вып. 2. С. 97–115.
17. К вопросу о генезисе и характере иммунитета в феодальной Руси // Историк-марксист. 1936. № 3. С. 3–25.

Статьи в газетах

Коммуна: Орган Калуж. губкома РКП(б) и губисполкома. 1925. 27 янв., 5 февр., 11 апр.; 1926. 9 марта, 10, 11, 13, 14, 16, 20 нояб., 29, 30 дек.; 1927. 8, 21 янв., 17, 19 апр., 3 мая, 26, 27, 28 окт.: Теория и практика ленинизма; Ленин и колониальные народы; Происхождение пасхи; Шире распространять губернские газеты (к месячнику печати); О стабилизации капитализма; Рационализация капиталистического производства; Развитие международного движения. О Китайской революции; Расслоение деревни; Развитие промышленности; Итоги VII Пленума ИККИ, Тихий океан грозит стать бурным (из итогов VII Пленума ИККИ); 21 января; Февральская революция и письма В. И. Ленина; Книжные сокровища Калуги; Экономика Калужской губернии перед революцией 1917 г.; Бакинский рабочий: Орган ЦК АКП(б) и ЦИК АзССР). 1932. 14 апр.; 1933. 4 нояб.; 1936. 5 мая: М. П. Покровский (в соавторстве); Создание истории бакинских нефтяных промыслов – боевое задание партии; Сталинский набат; Из истории большевистской печати в Баку.

[44] ААН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 598. Л. 2.
[45] Там же. Оп. 5. Д. 16. Л. 1.
[46] Там же. Оп. 4. Д. 610. Л. 29.

inslav

А. Б. Закс

Н. Л. РУБИНШТЕЙН — ВО ГЛАВЕ НАУЧНОЙ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1943—1949 гг.)

(По материалам НВА ГИМ и личным воспоминаниям)

С осени 1941 г., после эвакуации заместителя директора по научной части ГИМ Б. Я. Закса, музей не имел научного руководителя. Все силы коллектива концентрировались на охране фондов, на массовой пропагандистской работе. Подготовка выставок на военно-исторические темы и сбор материалов по следам войны были возложены на заведующего экспозиционным отделом. С весны 1943 г. ситуация изменилась. Директор музея А. С. Карпова сообщила научному коллективу, что ее пригласили в ЦК ВКП(б) и предложили, не прекращая работы, связанной с Великой Отечественной войной, продолжить прерванную войной научную деятельность, причем основное внимание направить на реконструкцию старой экспозиции (с древнейших времен до середины XVIII в.) и на создание новых залов по второй половине XVIII в., XIX — началу XX в. Это потребовало оживления, расширения музейно-источниковедческой работы — форсирования изучения фондов, в первую очередь необходимых для экспозиции, пополнения собраний путем организации ряда историко-бытовых экспедиций, целенаправленного систематического сбора экспонатов по отраслям материальной культуры и, конечно, глубокого марксистско-ленинского понимания исторического процесса, знания истории СССР во всем ее объеме.

Для осуществления этой работы необходим был руководитель, который мог бы ее возглавить и дать ей единое направление. Встал вопрос о кандидатуре профессора Н. Л. Рубинштейна, историка, доктора наук. К 1943 г. Рубинштейн имел большой опыт научно-исследовательской и педагогической работы. Даже простой перечень его печатных трудов с 1925 по 1942 г.— свыше 30 [1] — свидетельствует о широте научных интересов ученого. Выдающимся итогом его многолетних исследований явилась книга «Русская историография» (М., 1941) — первое советское учебное пособие по этой сложной проблеме. С середины 20-х годов он преподавал в высших учебных заведениях, отдавая предпочтение семинарской работе, руководству аспирантами, особое внимание уделяя изучению и критике источников. Он имел и опыт организационной работы — заведовал кафедрой истории СССР Московского областного педагогического института, был одним из авторов учебника по истории СССР, активно участвовал в энциклопедических изданиях. Словом, эрудиция и компетентность кандидата не вызывали сомнений.

Вместе с тем он интересовался музеями. Его привлекали не только письменные, но и вещественные источники. Включившись в историко-краеведческое движение, он не мог обойти вниманием музеи. Посещение музеев было неотъемлемой частью его педагогической работы [2]. Важно было и то, что Н. Л. Рубинштейн имел давние связи с ГИМ. Он консультировал авторов экспозиции по истории Украины и Белоруссии; будучи редактором Соцэкгиза, содействовал помещению в «Исторических

[1] *Дмитриев С. С.* К истории советской исторической науки: Историк Н. Л. Рубинштейн (1897–1963) // Учен. зап. Горьк. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. ист.-филол. Горький, 1964. Вып. 72. С. 472–474.

[2] Там же. С. 456.

inslav

записках» ряда статей научных сотрудников музея. К нему обращались за внешними характеристиками, необходимыми для утверждения в званиях старших научных сотрудников и т. п. У него были дружеские контакты с учеными-историками Ю. В. Готье, П. Г. Любомировым, работавшими много лет в ГИМ. А. С. Карпова знала его по совместной работе в Институте философии, литературы, истории (директором которого она была до конца 1939 г.). Таким образом, для коллектива ГИМ Рубинштейн не явился случайным пришельцем.

Н. Л. Рубинштейн начал работу в ГИМ 1 марта 1943 г. в качестве исполняющего должность директора (на время отпуска А. С. Карповой), а с 5 июля стал заместителем директора по научной части. Работа в Историческом музее открывала для него широкое поле деятельности. Именно в это время ГИМ был определен Наркомпросом как «Центральный национальный музей Советского Союза... являющийся учреждением научно-исследовательского профиля» [3]. Новый научный руководитель поставил цель развивать научно-исследовательскую работу, органически связывающую все отделы музея и являющуюся залогом его нормальной и плодотворной жизни. В частности, следовало безотлагательно установить и значительно расширить прерванные войной контакты с учеными. Научные исследования музея должны были войти в «большую» науку, сохранив свою специфику. В связи с этим особого внимания требовало расширение музейного издательства, которое должно было сделать научные достижения музея достоянием общественности. Все эти задачи связывались в единую систему.

Новый заместитель за короткий срок приобрел всеобщеее уважение. «Производит очень приятное впечатление. Думаю, с ним интересно будет работать»,— записала 10 марта 1943 г. в своем «Дневнике войны» научный сотрудник музея М. М. Денисова [4].

Что же привлекало в Н. Л. Рубинштейне как научном руководителе? На любой вопрос по любому историческому периоду он мог дать квалифицированный, подкрепленный источником ответ. Искренне уважал чужое мнение и внимательно прислушивался к возражениям. Был подлинным демократом не только в научных спорах, но и в быту. Не признавал никаких привилегий для себя. Очень ярко это проявилось в «огородной кампании» в годы войны. От предложенных льгот отказался. Как и все, участок получил по жребию, сам его обрабатывал, хотя сердце уже тогда давало себя знать.

Выдающийся ученый-теоретик, он отнюдь не был «сухарем». Следил за новейшей литературой, неизменно посещал вернисажи, имел великолепную коллекцию гравюр и эстампов. Из искусств наиболее близка была ему музыка. Он постоянно имел абонемент в консерваторию, слушал музыку и дома — набор пластинок был у него первоклассный.

Мне пришлось ближе познакомиться с Николаем Леонидовичем в 1947 г. в Юрмале, где мы случайно оказались в одном пансионате. С ним был неразлучен его молодой друг и ученик А. М. Разгон, к которому он относился как к сыну. В небольшой компании мы не только исходили все побережье Юрмалы, но и посещали уютные латвийские городки. И всегда не только в беседах, но и в прогулках Николай Леонидович оказывался «лидером». У него все получалось ненавязчиво и естественно.

Не имея семьи и детей, он помогал многим семьям и нередко приглашал к себе детей сотрудников ГИМ вместе с родителями, старался их вкусно угостить, доставить максимум радостных развлечений.

Научная деятельность музея раскрывается в стенограммах, протоколах Ученого совета и научных конференций, хранящихся в Научно-ведомственном архиве музея (НВА ГИМ). Ее интенсивность показывает даже количество научных заседаний. Они возобновились в конце 1942 г.

[3] Очерки истории музейного дела в России. М., 1961. Вып. III. С. 13.

[4] Государственный Исторический музей в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Сб. воспоминаний сотрудников музея. М., 1988. С. 84.

inslav

В 1943—1944 гг. состоялось свыше 60 научных заседаний, в последующие годы — по 15—20 (сказалась занятость большинства сотрудников реэвакуацией и переучетом фондов). В тематике этих заседаний отразились все стороны научной деятельности музея[5]. О связях с научной общественностью говорит состав их участников. Среди них, кроме сотрудников музея, ученые из Института истории АН СССР, Института истории материальной культуры АН СССР, МГУ, МГИАИ, ИМЛИ, Института музейной и краеведческой работы.

Первым срочным делом Н. Л. Рубинштейна стала организация в августе 1943 г. юбилейной сессии Ученого совета в связи с 60-летием музея. Было намечено основное направление докладов — органическая связь музея с исторической наукой (включая археологию). Этой проблеме был посвящен доклад Н. Л. Рубинштейна «Русская историческая наука во второй половине XIX в. и организация Исторического музея». Главное внимание он уделил И. Е. Забелину, его роли в создании музея. Характеризуя Забелина как представителя русской исторической науки в период ее кризиса, автор подчеркивал его антидворянскую направленность, попытки преодолеть идеалистические традиции. Эти попытки практически воплощаются в обращении к вещественному материалу, к материальному памятнику, не только археологическому, но и историко-бытовому. Являясь непосредственным создателем историко-бытового направления в исторической науке, Забелин определил основные методы и пути изучения памятников материальной культуры, не потерявшие значения и до настоящего времени. «Направление исторических работ Забелина,— отметил Рубинштейн,— нашло свое выражение в деятельности его как создателя и руководителя Исторического музея. С его именем связан, по существу, переход от археологического к историческому музею. Его руководство способствовало последовательной эволюции Исторического музея в этом направлении. Завершение этой эволюции на основе подлинного исторического синтеза было возможно, однако, лишь в системе марксистской исторической науки и определяет развитие Исторического музея в советское время» (Д. 745. Л. 4).

Другие доклады на сессии раскрывали вклад музея в историческую науку. Г. А. Новицкий и С. К. Просвиркина сообщили о новой тематике научных исследований ГИМ, а именно об изучении и комплектовании фондов по истории пролетариата и крестьянства; А. Б. Закс поделилась новым для музея опытом собирания материала в годы войны «по горячим следам событий». Археологи (Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов, М. Е. Фосс) подвели итоги многолетнего изучения неолитических культур на севере европейской части СССР, древней истории славян. Д. П. Сухов осветил особую грань работы музея — охрана и изучение архитектурных памятников — на примере филиала музея — Покровского собора (Д. 745. Л. 1—4).

Не менее успешными были и другие организованные Рубинштейном мероприятия, связанные с юбилейными датами. В 1944 г. началась подготовка к празднованию 800-летия Москвы (Д. 761. Л. 2). Н. Л. Рубинштейн возглавил юбилейную комиссию музея. В ее задачу входила разработка конкретного плана проведения юбилея и руководство его осуществлением. Намечалось изучение отдельных объектов, связанных с историей Москвы, дальнейшее комплектование коллекций на эту тему, научные публикации на основе фондов ГИМ, издание альбома. Была подготовлена выставка по истории Москвы.

Осенью 1947 г. состоялась сессия Ученого совета музея, связанная с этой датой. М. Н. Тихомиров посвятил свой доклад «Сказанию о начале Москвы». Н. Л. Рубинштейн, продолжая начатое ранее историографическое исследование трудов И. Е. Забелина, охарактеризовал его как историка Москвы. В докладе отмечались бесспорные заслуги Забелина,

---

[5] НВА ГИМ. Оп. 1. Д. 744. Л. 1; Д. 767. Л. 23; Д. 744, 766, 819, 841, 853, 881 и др. Далее в тексте приводятся только номера дел и листов.

inslav

впервые попытавшегося дать определенную концепцию истории Москвы как части истории государства, выявить ее роль в становлении национального самосознания, поставить новую для того времени проблему изучения жизни и быта народа. Вместе с тем докладчик подчеркнул зависимость Забелина от состояния исторической науки, его классовую ограниченность, не позволившую разрешить поставленную проблему (Д. 854. Л. 10) [6].

Научные конференции в ГИМ были организованы Рубинштейном также в связи с 200-летием со дня рождения М. И. Кутузова (1945 г.), 40-летием Московского вооруженного восстания 1905 г. (1945 г.), 125-летием со дня рождения И. Е. Забелина (1945 г.), с основным докладом Н. Л. Рубинштейна. Специальное заседание Ученого совета в феврале 1944 г. посвящалось историку Ю. В. Готье (1873—1943) [7].

Организация научных конференций была выражением итогов каждодневной работы. Н. Л. Рубинштейн считал необходимым освещать на них результаты научной деятельности музея самого разного масштаба. Ряд докладов был посвящен работам источниковедческого характера — изучению отдельных предметов и коллекций, научно обоснованному комплектованию фондов (экспедиции и др.). Затрагивались и вопросы реставрационных работ. Обсуждались итоги изучения отдельных исторических проблем, экспозиционные планы, научные разработки исторических карт, интерьеров, диорам и макетов, темы, связанные с учебной и пропагандистской работой (Д. 744, 766, 819, 841, 853, 882 и др.).

Развернулось и издательское дело. Под редакцией Н. Л. Рубинштейна вышли несколько выпусков «Трудов» музея, а также путеводитель [8].

Успехи этих разносторонних трудов базировались на высоком научном потенциале коллектива сотрудников. ГИМ был известен в научном мире. Его археологический отдел, возглавляемый А. Я. Брюсовым, А. П. Смирновым, Б. А. Рыбаковым, имевший в своем составе А. В. Арциховского, С. В. Киселева, Е. И. Крупнова, М. Е. Фосс и других молодых талантливых ученых, пользовался авторитетом среди археологов. Интенсивно развивалась экспедиционная работа, изучались отдельные археологические объекты, готовились крупные монографии (кандидатские и докторские диссертации). Н. Л. Рубинштейн принимал активное участие в планировании работ, во всех научных конференциях археологов (председательствовал обычно А. П. Смирнов), однако основное внимание его было направлено на другие отделы музея.

В ГИМ работали крупные знатоки разных отраслей материальной культуры (их до сих пор называют в музее «великими стариками»). Для последних предвоенных лет характерно большое количество исследований конкретного музейного материала. Придя в ГИМ, Н. Л. Рубинштейн поставил цель согласовать тематику, основанную на «склонностях и знаниях» научных сотрудников, с «общим направлением работы музея» (Д. 820. Л. 35). В итоге уже в 1947 г. под руководством Н. Л. Рубинштейна был подготовлен указанный выше сборник по истории материальной культуры и начата работа над серией небольших книжек — альбомов, посвященных отдельным ее отраслям или памятникам.

Именно в эти годы в значительной мере на базе фондов ГИМ и была заложена основа научных определителей по разным отраслям материальной культуры. Для популяризации в целом малоизвестных и недооцениваемых фондов ГИМ Н. Л. Рубинштейн считал необходимым создание систематических экспозиций по всем отраслям материальной культуры.

---

[6] К протоколу приложены тезисы доклада.

[7] *Рубинштейн Н. Л.* Научные конференции в Государственном Историческом музее // ВИ. 1946. № 7; *Он же.* Иван Егорович Забелин: Исторические воззрения и научная деятельность (1820—1908) / Предисл. С. С. Дмитриева // История СССР. 1965. № 1.

[8] Статьи по истории материальной культуры XVIII—XIX вв./Под ред. Н. Р. Левинсона; науч. рук. Н. Л. Рубинштейн // ТГИМ. 1947. Вып. 18; Военно-исторический сборник // ТГИМ. 1948. Вып. 20; Археологический сборник // ТГИМ. 1948. Вып. 17; Государственный Исторический музей: Путеводитель по залам музея. М., 1947.

inslav

Однако отсутствие помещений мешало реализации этих планов (лишь сейчас начато создание подобных экспозиций в новых филиалах ГИМ). Все же некоторые шаги в этом направлении были сделаны. В 1947 г. началось переоборудование фондовых помещений с целью создания так называемого «открытого хранения фондов», которые могли посещать не только специальные, но и обычные группы экскурсантов.

В богатейших фондах музея имелись существенные пробелы. Например, материалы, относящиеся ко второй половине XIX — началу XX в., были фрагментарны, почти не отражали истории пролетариата и крестьянства, да и многие другие элементы исторического процесса. Для составления планов комплектования фондов была создана комиссия под руководством Н. Л. Рубинштейна. Наметились два направления, две формы этой работы. Во-первых, научные командировки для систематического сбора недостающих звеньев в коллекциях памятников материальной культуры (в 1946—1950 гг.— в центры изготовления оружия, керамики, металла и др.). Во-вторых, тематические историко-бытовые экспедиции по истории пролетариата и крестьянства XIX — начала XX в., в первую очередь в старые промышленные районы развития текстильной промышленности (Иваново, Ярославль), в центры металлургической промышленности (Урал); по истории народов СССР (Закавказье, Средняя Азия). Начатая под руководством Рубинштейна, эта работа получила развитие в 50—60-е годы. В процессе собирания памятников проводилось их описание и изучение (Д. 820. Л. 139—140) [9]. Если прибавить к этому организацию полного переучета фондов после реэвакуации, можно сказать, что основные направления научно-фондовой работы развивались успешно.

В экспозиционных исторических отделах (XVI—XVIII вв., XIX в.) трудились квалифицированные историки. Большинство сотрудников вели исследовательскую работу по отдельным историческим проблемам, но основной задачей было создание новой, постоянной экспозиции по истории СССР. В этом деле Н. Л. Рубинштейн проявил себя как идеальный научный руководитель [10]. Будучи по широте и уровню исторических знаний значительно выше специалистов-экспозиционеров, он никогда не показывал своего превосходства, беседовал, так сказать, на равных. Очень внимательно и тактично относился ко всем экспозиционным идеям, не навязывал своего мнения, оставлял за авторами право на эксперимент, даже идущий путем «проб и ошибок». Незыблемой была только одна «установка» — отражать историю через подлинные исторические источники. В те годы я никак не могла отойти от дидактичности, в частности от значительного оснащения экспозиции ведущими текстами. Николай Леонидович стоял за чистоту «музейности», за исключительное право музейного предмета находиться в экспозиции. Помню, как, закончив спор, он снимает какие-то особо выпуклые очки, смотрит своими добрыми очень близорукими глазами и говорит примирительно: «Ну, не будем сейчас решать. Подумайте, решите сами». Если же я сразу сдавала свои позиции, удивленно поднимал брови и произносил: «Где же Ваши возражения?» Умея буквально молниеносно определить ценность и дефекты данной ему на просмотр рукописи, в том числе и экспозиционного плана, он с необычайной скрупулезностью читал и редактировал каждую этикетку, поскольку именно она должна была помочь посетителю понять экспозицию. Словом, работать с ним было интересно и приятно. Не была забыта и пропагандистская сторона работы. «За образцовую постановку культурно-просветительной работы» директору С. А. Карповой и Н. Л. Рубинштейну 30 апреля 1945 г. была вынесена благодарность [11].

Несмотря на высокий профессиональный уровень сотрудников, Н. Л. Рубинштейна беспокоил вопрос о кадрах. Он привлек новых, мо-

[9] Ряд запланированных экспедиций был проведен в 1949 г. См.: Историко-бытовые экспедиции, 1949—1950 // ТГИМ. 1953. Вып. XXIII.
[10] Могу судить об этом по собственным воспоминаниям.
[11] Очерки истории музейного дела в России. Вып. III. С. 14.

inslav

лодых историков. Нужно было подготовить смену старым специалистам, особенно в области материальной культуры, знание которой необходимо не только хранителям, но и экспозиционерам и пропагандистам. Вопрос о кадрах остро стоял и в других музеях исторического профиля.

По инициативе Рубинштейна в ГИМ в 1946 г. была воссоздана аспирантура [12]. Разработанный им план для аспирантов (Д. 820. Л. 26—31) в некоторой мере может быть поучительным и при современной подготовке музееведов. Аспирантура ГИМ имела три отделения: истории СССР — для экспозиционеров; истории материальной культуры — для фондовиков-хранителей; археологии, в котором совмещались обе музейные специальности. Кроме обязательных для любой аспирантуры общефилософских и других предметов, каждый аспирант изучал подробный курс истории СССР, истории материальной культуры. Далее шла специализация в зависимости от отдела и диссертационной темы. Опуская подробности, укажем, что в план включалось в обязательном порядке участие в практической работе музея (экспозиция, экспедиция, научное описание предмета или коллекции, проведение экскурсий). Первыми аспирантами стали молодые сотрудники ГИМ.

Отмеченные в литературе недостатки аспирантуры [13] связаны с объективными условиями ее работы. Музееведение как наука только формировалось: ни история, ни теория музейного дела не были разработаны. Не было пособий по истории и изучению материальной культуры. ВАК не имел специальности «музееведение», что влияло на характер диссертационных тем. И все же аспирантура ГИМ дала положительные результаты. Многие аспиранты, особенно первых выпусков, успешно защитили диссертации и стали в дальнейшем ведущими сотрудниками музея или других родственных учреждений. Не менее активно Н. Л. Рубинштейн содействовал подготовке и защите диссертаций «старыми» сотрудниками ГИМ (консультации, предоставления академических дней и отпусков).

Как указывалось, из всей разносторонней деятельности музея наибольшего внимания требовала экспозиционная работа, осуществлявшая связь его с широкими слоями общества. Экспозиция должна была учить и воспитывать. Здесь не было проторенных путей.

Созданные под общим руководством Н. Л. Рубинштейна экспозиции ГИМ привлекали внимание научной общественности и находились под строгим наблюдением Управления музеями [14]. Протоколы и стенограммы обсуждений экспозиций, до сих пор почти не затронутые исследователями, особенно интересны для поставленной нами темы, так как отражают музееведческие взгляды Н. Л. Рубинштейна, получившие полную поддержку ученых-историков, а также общественно-политическую ситуацию конца 40-х годов, приведшую к его уходу из музея.

Уже в 1945 г. были полностью реэкспонированы залы XVI — начала XVII в. Эта экспозиция, созданием которой фактически руководил Н. Л. Рубинштейн, резко отличалась от прежней, открытой в 1937 г. и имевшей в значительной мере учебно-иллюстративный характер. Новая экспозиция была построена на подлинниках, причем в соответствии с характером фондов значительно преобладали письменные источники. Именно в них раскрывался сложный и неоднозначный характер политики Ивана Грозного и последующие бурные события так называемого Смутного времени.

Новая экспозиция привлекла внимание ведущих историков, большинство которых было членами Ученого совета ГИМ. Выступавшие на заседании 2 января 1945 г. ученые единодушно одобрили экспозицию, сочли ее крупным шагом вперед в работе музея (Д. 793. Л. 1), сделали лишь отдельные замечания. Положительно оценил ее и заместитель на-

[12] Аспирантура при ГИМ была организована в 1932 г., но существовала недолго.
[13] Очерки истории музейного дела в России. Вып. III. С. 31, 32.
[14] До ноября 1945 г.— Музейный отдел Наркомпроса, затем — Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совнаркоме РСФСР.

inslav

чальника Управления музеями Г. Н. Серебренников. Спор шел лишь о большем или меньшем количестве текстов и вспомогательных материалов, о более тщательном отборе трудновоспринимаемых письменных источников, что сделало бы экспозицию более доступной для массового зрителя. Резким диссонансом прозвучало выступление начальника Управления музеями А. Д. Маневского. «В экспозиции,— сказал он,— большое количество подлинных вещей. Но это — пройденный этап... Если нет подлинных материалов, надо их создать. Если нет хорошего портрета Грозного, надо его создать. Можно использовать существующие поздние изображения (например, Иван Грозный Соколова-Скаля). Наши посетители не могут сами разобраться в экспозиции... Мы не можем допустить, чтобы студент или школьник, выйдя из ГИМа, не сказали бы, что... Иван Грозный был славным деятелем русской истории. Нельзя ограничивать работу музея узкой задачей показа своего материала. Я считаю, что от показа экспозиции посетителю следует пока воздержаться. Сегодня вечером я буду у Наркома и поставлю вопрос о запрещении экспозии по Ивану Грозному» (Д. 793. Л. 2).

Мне пришлось быть на этом заседании. Выступление Маневского произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Все как-бы остолбенели. Воцарилось тягостное молчание. Первым взял слово С. В. Бахрушин. «Неясной становится задача сегодняшнего заседания,— сказал он.— Если вопрос решает одно лицо, то к чему все прочие высказывания? Я не люблю говорить для себя. Большой ошибкой было бы создать трафарет для всех музеев... ГИМ должен поднять посетителя до уровня научной трактовки вопросов, а не идти по пути упрощения методов просветительной работы. То, о чем говорил здесь представитель Наркомпроса,— это давно пройденный этап. Возврат к нему был бы попыткой воскресить давно отброшенную социологическую методологию Покровского... не нужно бояться подлинников в экспозиции, надо уметь заставить говорить этот материал. Я убежден, что эта экспозиция вызовет одобрение в кругах широкой научной общественности». Затем выступил М. Н. Тихомиров: «Перед Государственным историческим музеем стоит задача — вести просветительную работу путем показа хранящихся в музее памятников русской культуры. Музей посещают не только школьники, не только учащиеся. В музее бывают и иностранцы, и они должны знать, какую великую культуру создал наш народ и как мы умеем беречь эту культуру. Не на картах и схемах, а на подлинных вещах должна быть представлена в Музее история нашей Родины. Введение ряда дополнительных материалов может быть с успехом применено в специальных школьных музеях (Москва имеет право на такой музей), но не в музее такого большого научного значения, как ГИМ. При построении нашей экспозиции надо базироваться на законном чувстве большого интереса наших посетителей к подлинным вещам. С этой точки зрения экспозиция XVI в. своевременна и значительна. Ее отдельные недочеты могут быть восполнены и исправлены. Можно подумать о том, чтобы добавить материал по опричнине и ввести его в экспозицию вторым планом (в вертушке). Можно еще дополнить материал по публицистике. Всякая экспозиция может и должна дополняться и улучшаться, но в основном представленная экспозиция — большое достижение, и это мнение встретит поддержку всей научной общественности. Снять эту экспозицию — значит сделать большой шаг назад» (Д. 793. Л. 2). Примерно того же содержания были выступления Г. Л. Малицкого, Е. И. Дракохруст, Н. М. Узуновой.

Заключительное слово было предоставлено Н. Л. Рубинштейну. Он указал, что основной вопрос — это определение принципов и методов экспозиционной работы музея: «В ГИМе — центральном национальном хранилище памятников русской культуры — основная задача — показать прошлое в его памятниках, через подлинный материал, а не превращать музей в плохое повторение школьного учебника. Мы должны воспитывать нашего посетителя, и прежде всего воспитывать в нем любовь к Родине и уважение к ее прошлому. Но этого мы можем достигнуть толь-

inslav

ко одним путем— показать значение и высоту созданной нашим народом в разные периоды его жизни культуры, научить понимать и любить памятники этой культуры. Подсовывая ему вместо этого Васнецова и Соколова-Скаля, смешивая подлинный памятник и всякую бумажную продукцию нашего творчества, мы стираем у посетителя чувство уважения к историческому памятнику. Наш посетитель в своей основной массе значительно культурнее и требовательнее, чем это здесь изобразили. А в тех, кто этого еще не осознал, мы должны воспитать это чувство. Здесь говорили, что мало выявлено значение государственной деятельности Ивана IV. Можно обсуждать ряд конкретных предложений. Но я хочу сказать прежде всего, что самый показ высокой культуры, созданной во времена Ивана Грозного, уже говорит о значении достижений этой знаменательной эпохи в жизни нашей страны... Я убежден, что то, о чем говорил представитель Музейного отдела, действительно пройденный этап в музейном деле» (Там же. Л. 2). Далее Н. Л. Рубинштейн привел конкретные примеры удачных и неудачных экспозиционных решений и сообщил, что работа над залом продолжается, проверяется восприятие его посетителями и что в процессе дальнейшей работы будет учтен ряд высказанных замечаний.

Можно предположить, что нарком В. П. Потемкин, ознакомившись с протоколом, не согласился с Маневским, так как после очень незначительных поправок (некоторое сокращение письменных документов, расширение этикетажа) экспозиция была разрешена к открытию.

Работа над экспозициями продолжалась. К 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова (1945) была открыта юбилейная выставка вместе с залом, посвященным социально-экономическому развитию России первой половины XIX в.; в 1946 г.— залы второй четверти XIX в. В конце 1946 г. эта экспозиция обсуждалась на Ученом совете (Д. 820. Л. 82—85). В целом она высоко оценена и признана шагом вперед в музейном деле. Однако были сделаны существенные замечания. В заключительном слове Н. Л. Рубинштейн согласился с необходимостью ряда поправок. В целом он считал экспозицию соответствующей требованиям исторической науки.

Чтобы понять дальнейшую судьбу этих залов, ответственность за которые как заместитель директора по научной части нес Н. Л. Рубинштейн, следует вспомнить, что конец 40-х годов, последние годы «сталинской эпохи» были особенно омрачены так называемой борьбой с космополитизмом. Эта полоса в истории СССР пока еще не получила должного освещения в исторической литературе. Мы коснемся лишь конкретного ее проявления, связанного с делами Исторического музея, с судьбой его научного руководителя.

В эти годы Н. Л. Рубинштейн был признан одним из ведущих исследователей истории России. Столь строгий ценитель, как Н. М. Дружинин, считал его выдающимся историком-теоретиком. Как отмечено, в 1941 г. вышел подготовленный им первый в СССР учебник «Русская историография». В 1947 г. по предложению директора Государственного института «Советская энциклопедия» Ф. Н. Петрова он принял активное участие в подготовке юбилейного (к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции) тома БСЭ, посвященного истории СССР. Им был написан очерк по истории России с древнейших времен до конца XVIII в. и др. Он обучал истории России студентов и аспирантов в МГУ. Наконец, руководил научной работой центрального национального Исторического музея.

Воспользовавшись вполне уместным и необходимым обсуждением его труда «Русская историография»[15], «борцы с космополитизмом» сделали все, чтобы превратить научные дискуссии в «проработку» с наклеиванием ярлыков «безродного космополита», «буржуазного объективиста» и т. п. Его обвиняли в недооценках одного, переоценках другого, в мнимых

[15] *Вотинов А.* Обсуждение книги Н. Л. Рубинштейна «Русская историография» // ВИ. 1948. № 6.

inslav

злостных ошибках и извращениях. В тягостной обстановке последних лет культа личности не замедлили и оргвыводы [16].

Эта кампания не могла не отразиться на работе ГИМ. В 1948 г. была создана комиссия по обследованию его новых экспозиций (залы XIX в.). Один из ее членов сказал мне удивленно и доверительно: «Мы получили указание „разгромить" экспозицию, но, конечно, мы будем объективны». Рубинштейн и авторы экспозиции вполне самокритично сами назвали имеющиеся недостатки и рассказали о планах дальнейших работ. На основании этих бесед и выводов комиссии 31 декабря 1948 г. был издан приказ Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР (Д. 905. Л. 40) [17]. В нем отмечались положительные стороны новой экспозиции (тщательное изучение эпохи, широкое использование подлинников, выразительность художественного оформления и др.), но основное внимание уделялось недостаткам, а именно: в экспозиции нет политической заостренности, она страдает объективизмом, излишним академизмом. В ряде разделов не отражены новейшие достижения исторической науки. Нет показа истории народов СССР. Недостаточно выявлена история трудящихся масс, главное внимание сосредоточено на показе господствующих классов и сановной бюрократии. Не отражена история второй половины XIX — начала XX в. Далее указывалось, что недостатки в значительной мере вызваны научной специализацией сотрудников, слабой работой по собиранию фондов, связанной с историей СССР последнего столетия.

11 февраля 1949 г. состоялось заседание Ученого совета музея с докладом Н. Л. Рубинштейна «О развертывании экспозиционной работы ГИМа». В докладе и заключительном слове ученый, отнюдь не отрицая недостатков экспозиции, твердо отстаивал свою принципиальную позицию: Исторический музей — одно из крупнейших научно-исследовательских учреждений. «Надо усилить научно-исследовательскую работу,— сказал он.— Наша передовая марксистско-ленинская теория требует правильного понимания исторического процесса» (Д. 905. Л. 31). Далее он отметил, что музей призван не только развивать теорию, хранить и собирать исторические памятники, но и правильно и доходчиво показывать их для приобщения народных масс к пониманию исторического процесса, для коммунистического воспитания. Он указал на те трудности, преодолеть которые пока еще не удалось. Осталась неполнота показа истории дореволюционной России — экспозиция завершается первой половиной XIX в. Фонды музея по второй половине XIX в. не могут обеспечить экспозицию. Впечатление об отсутствии политической заостренности в значительной мере зависит от разной степени выразительности материалов, отражающих разные стороны исторического процесса (например, отражение в экспозиции классовой борьбы). В некоторых случаях хорошие идеи не реализуются из-за отсутствия места (например, помещение курной избы). Наиболее сложен и пока не решен вопрос о показе истории народов СССР. В экспозиции сделана попытка дать этот материал в связи с общей историей России. Пути наибольшей действенности экспозиции следует искать отнюдь не в создании новых изобразительных материалов или макетов, а в правильном отборе, «соотношении и сопоставлении» выставляемых материалов (Д. 905. Л. 32). При этом форма экспозиции должна быть подчинена ее содержанию.

Выступавшие члены комиссии, по существу, повторили основные положения приказа. Очень резкую речь произнес сотрудник Музея революции СССР В. Н. Шульгин. Он сказал, что в ГИМ царит вещизм, плохо показано революционное движение, мало текстов, показаны вещи, не способствующие пониманию исторического процесса (например, диван-«говорильня» из дома 40-х годов). В целом Шульгин выступил против принципиальной позиции докладчика. В частности, он требовал перерас-

---

[16] *Дмитриев С. С.* Указ. соч. С. 468.
[17] Очерки истории музейного дела в России. Вып. III. С. 33–35.

inslav

пределения фондов ГИМ и Музея революции СССР. Общее возмущение вызвало выступление директора Бородинского музея С. И. Кожухова, который, критикуя зал Отечественной войны 1812 г., обвинил музей в антипатриотичности, недооценке полководческого искусства Кутузова (нет макетов, отражающих его деятельность, надо дать картины советских художников на темы войны 1812 г. и т. д.). Все же в целом ожидаемого разгрома не произошло, была деловая дискуссия. Музей приступил к частичной реэкспозиции.

Еще в середине 1948 г. после указанного обсуждения «Русской историографии» директору ГИМ А. С. Карповой было предложено дать характеристику Рубинштейну как научному руководителю музея. Нужно отдать должное гражданскому мужеству старой большевички Карповой, которая, понимая, что от нее требовалось, тем не менее подчеркнула заслуги своего заместителя. В характеристике указывалось, что у Н. Л. Рубинштейна свыше 50 научных трудов, в том числе первое советское исследование по русской историографии, утвержденное Министерством высшего образования в качестве учебного пособия, а также ряд крупных исторических исследований. Десять лет руководит он университетской аспирантурой. Его ученики работают на кафедрах вузов. За пять лет работы в ГИМ он руководил перестройкой экспозиции (11 залов и ряд выставок). Руководил научным коллективом (свыше 100 человек). За последние пять лет защищено свыше 20 кандидатских диссертаций. С 1946 г. при ГИМ восстановлена аспирантура. С 1947 г. возобновлен выпуск «Трудов» ГИМ, редактором которых он является (Д. 64. Л. 74).

Однако судьба ученого-коммуниста была уже предрешена. В марте 1949 г. он был уволен из МГУ. Понимая, что, оставаясь на работе в ГИМ, он может поставить в сложное положение А. С. Карпову, Н. Л. Рубинштейн подал заявление об уходе. 19 марта 1949 г. приказом Комитета по делам культурно-просветительных учреждений он был освобожден от занимаемой должности согласно собственному заявлению (Там же. Л. 75). Научный коллектив ГИМ лишился высоко ценимого руководителя.

После некоторого перерыва Н. Л. Рубинштейн возобновил педагогическую деятельность (в Московском библиотечном институте) и продолжал исследовательскую работу в области исторической науки и историографии, хотя и не в прежнем масштабе (по состоянию здоровья) [18]. По-прежнему интересуясь музееведческими проблемами, Н. Л. Рубинштейн дал «путевку в жизнь» циклу работ по истории музейного дела, своего рода музейной историографии [19]. Не прерывались его связи с Историческим музеем. Многие члены научного коллектива продолжали обращаться к нему за консультациями, сохранили дружеские отношения до конца его жизни.

---

[18] *Дмитриев С. С.* Указ. соч. С. 458, 468.

[19] *Рубинштейн Н. Л.* Ценное начинание: [Рецензия] // История СССР. 1961. № 4.— Рец. на кн.: Труды Научно-исследовательского института музееведения. История музейного дела в СССР. М., 1957. Вып. 1.

inslav

Е. М. Добрушкин

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ С. Н. ВАЛКА В ПРЕПОДАВАНИИ АРХЕОГРАФИИ

Вопрос о влиянии научного наследия С. Н. Валка как археографа на преподавание археографии чрезвычайно широк, и охватить его полностью в одной, к тому же, кажется, впервые ставящей подобную задачу работе не представляется возможным. Понимая эту ограниченность, я попытаюсь сосредоточить внимание только на самых существенных, наиболее общих и одновременно главных сторонах вопроса о возможности и необходимости продуктивного использования творческого наследия нашего виднейшего ученого в области теории и практики издания исторических источников в учебном процессе в высшей школе. Определенная сложность в разработке названной темы проистекает еще из того, что до настоящего времени сама по себе тема «Валк-археограф» ждет углубленного исследования.

Сразу следует сказать, что в целом влияние научного наследия С. Н. Валка на археографию как учебную дисциплину огромно (хотя зачастую и не осознано полностью теми, кто использует в процессе преподавания накопленный ученым большой теоретический, методический и практический опыт работы по изданию исторических источников). Характер и степень этого влияния определяются тем значительным вкладом, который С. Н. Валк не только внес в зарождение советской археографии, но и постоянно вносил в ее последующее развитие на протяжении почти 60 лет. Действительно, трудно представить себе, что при чтении лекционного курса как по теории, так и по истории археографии можно обойтись без валковских теоретических трудов, его методических разработок, а также научных изданий исторических источников, непосредственно им осуществленных либо готовившихся под его руководством и при его участии. И сейчас среди обязательной для изучения литературы по курсу археографии дается и монография С. Н. Валка «Советская археография» (М.; Л., 1948), и основные работы 20—30-х и 60—70-х годов. Труды ученого, посвященные общим проблемам археографии, являются фактически основой при проведении семинарских занятий со студентами.

Однако представляется, что научное наследие С. Н. Валка — археографа может быть использовано в учебном процессе более эффективно, чем это пока делается, поскольку именно его высокий потенциал может поднять преподавание археографии на необходимо высокий научный уровень. А для этого требуется не эпизодическое обращение к тем или иным конкретным выводам и положениям Валка — археографа, к тому или иному его труду, научному изданию документов, а целенаправленное изучение и использование всего богатейшего научного наследия нашего выдающегося ученого (как, впрочем, и других видных отечественных археографов). В моем понимании научный потенциал наследия Валка в целом значительно глубже и богаче, нежели простая сумма выдвинутых им общих положений и практических решений в области издания исторических источников.

Преподавание археографии самым непосредственным образом связано и с состоянием этой научной дисциплины в целом. Как самостоятельная область знания научная дисциплина археография, как известно, еще достаточно молода [1]. Видимо, этой молодостью в основном можно объяс-

[1] Именно эту молодость отечественной археографии как научной дисциплины и имел в виду С. Н. Валк, когда писал о том, что выход в свет «Сборника грамот

inslav

нить существующее по сей день отсутствие необходимой глубокой разработки вопросов собственной ее теории, что уже неоднократно отмечалось в литературе и очень наглядно было продемонстрировано в ходе известной дискуссии второй половины 70-х годов о предмете и задачах археографии, прошедшей на страницах журнала «Советские архивы» [2]. Отставание в этой области связано, на мой взгляд, в первую очередь с наличием двух крайних точек зрения на вопросы теории публикации исторических источников, существовавших и существующих сейчас в нашей литературе. С одной стороны, декларирование необходимости разработки археографической теории на деле сопровождается лишь общими рассуждениями о «методологических основах», на которых вообще строятся общественные науки, что дает основание рассматривать такой подход как оторванное от реальных нужд издания документов «голое теоретизирование». С другой стороны, хотя и признается существование археографии не только в качестве «археографической практики», но и как области научного знания (научной дисциплины), саму эту дисциплину подчас практически сводят исключительно к методике и даже технике издания документов. При этом высшим взлетом теоретической мысли в области публикации источников чуть ли не оказываются правила издания.

Эта общая недооценка археографией собственного теоретического знания постепенно привела к известному несоответствию, когда разработка методики издания документов оказывается впереди теоретического осмысления ключевых проблем археографии, что, безусловно, не только мешает дальнейшему развитию научной дисциплины, но в конечном счете отрицательно сказывается и на состоянии археографической практики [3]. Разработка вопросов методики и техники издания, конечно, не только не отменяет, но даже не заменяет исследования общих проблем археографии как специфической отрасли научного знания. Совершенно очевидно, что и сами правила и инструкции в области издания документов являются уже результатом не только простого обобщения публикационной практики, но и теоретического осмысления вопросов издания исторических источников. Уяснение общих, теоретических основ публикации документов в целом и любой из составляющих эту публикацию операций действий необходимо в качестве надежного основания, на котором должно строиться сознательное, а не формально подчиненное отношение к требованиям нормативно-методических документов. Именно в пренебрежении к вопросам теории археографии видится одна из причин косного, догматичного следования правилам, инструкциям, и как другая крайность — полное пренебрежение элементарными нормами и научными требованиями при публикации — до сих пор, к сожалению, чрезвычайно распространенных явлений в деле издания исторических источников.

Тем более слабая разработка общих и специальных вопросов теории археографии отрицательно сказывается на преподавании этой дисциплины, когда порой «учебные курсы археографии представляли собой все те же несколько препарированные правила» [4]. Дело в том, что без понимания смысла научной работы археографа в целом, обусловленности каждой операции публикатора, каждого его действия практически невоз-

---

Коллегии экономии» и правил его издания «знаменует переход от кустарного допаучного периода к научной археографии» (*Валк С. Н.* Сборник грамот Коллегии экономии: (Историографические заметки) // Борьба классов. Л., 1924. № 1/2. С. 228. Ср.: *Черепнин Л. В.* Публикации русских актов XIV–XVI вв., осуществленные в советское время // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 37.

[2] Современные проблемы советской археографии: (К итогам дискуссии в журнале «Советские архивы») // СА. 1979. № 6.

[3] *Литвак Б. Г., Козлов О. Ф.* Проблемы развития современной археографии // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в условиях развитого социалистического общества». М., 1985. Вып. 2. С. 81–82.

[4] *Чирков С. В.* Разработка правил издания исторических источников Археографической комиссией в XIX – начале XX в. // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 111.

inslav

можно добиться усвоения студентами основ археографии, привить им необходимое творческое, научное отношение к работе по изданию документов, понимание огромной значимости и одновременно ответственности этой работы (что в конечном счете сказывается на дальнейшей судьбе археографии и как области деятельности и научного знания). Без убедительного объяснения того, *зачем и почему* необходим тот или иной атрибут научной публикации, та или иная ее составляющая часть, объяснения, базирующегося на раскрытии смысла работы публикатора, трудно, как показывает практика, оказывается добиться понимания, усвоения и выполнения на практике даже методических требований, просто привить технические навыки, т. е. научить тому, *как* надо поступать в том или ином конкретном случае. Кроме того, отставание в области теории лишает археографию как научную дисциплину ее специфического, т. е. присущего только ей, предмета исследования, размывает ее границы, низводит, по существу, к набору приемов и методов издания, неизбежно ведет к самоизоляции, к отрыву ее от генетически связанных с ней других научных дисциплин. В свою очередь, это ведет к господствованию и сегодня в области теории археографии, если воспользоваться метким выражением С. Н. Валка, «своего рода провинциализма, которым слишком часто отмечены работы, посвященные вспомогательным историческим дисциплинам вообще и археографии в частности» [5].

Признание одной из главных проблем и задач совершенствования современного преподавания археографии, значительное углубление ее теоретических основ и ведет нас логически к необходимости серьезного обращения к творческому наследию Валка-археографа, внесшего, как уже отмечалось, большой вклад в развитие археографии как самостоятельной сферы научного знания. Большую ценность представляет уже сам по себе подход Валка к вопросу о теоретическом знании (или вопросам общего характера, как он чаще выражался, когда касался теоретических проблем) в области археографии. Обладая колоссальным и разносторонним опытом издания исторических источников, Валк умело избегал односторонности в отношении к археографической теории. Неодобрительно отзываясь о «голом теоретизировании» [6], он одновременно подчеркивал, что «залогом дальнейшего плодотворного обсуждения всех этих вопросов (издания документов.— *Е. Д.*) в советской археографической литературе с целью наилучшего их разрешения» является «не только практическая, но и теоретическая работа над возникающими вопросами археографии» [7]. Здесь же отметим кстати, что С. Н. Валк, сам приложивший немало усилий для составления разного рода правил издания документов, всячески подчеркивал их чрезвычайно ограниченное значение «по догматичности своего изложения, а также потому», что они затрагивают «лишь вопросы техники издания документов» [8].

С. Н. Валк не только призывал к разработке общих вопросов публикации исторических источников, но и сам, как уже отмечалось, внес существенный вклад в развитие археографической мысли. При этом характерно то, что долгие годы (практически до начала 60-х годов) он не писал или по крайней мере не публиковал работ, которые были бы задуманы им специально как теоретические [9]. Однако отличительной чертой Валка-археографа и было именно то, что он не мыслил себе решения любых вопросов археографии, включая и все вопросы издательской практики, без их обязательного теоретического «оснащения». Результатом такого подхода к археографическим вопросам, который обязательно

---

[5] *Валк С. Н.* Советская археография. С. 61.
[6] *Валк С. Н.* Судьбы археографии // АЕ за 1961 год. М., 1962. С. 463.
[7] *Валк С. Н.* Советская археография. С. 119.
[8] *Валк С. Н.* [Рецензия] // АД. 1940. № 3 (55). С. 85.– Рец. на кн.: Шилов А. А. Руководство по публикации документов XIX и начала XX в. М., 1939.
[9] См. об этом в заключительном слове С. О. Шмидта на совместном заседании Археографической комиссии АН СССР и ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, посвященном памяти С. Н. Валка (АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 288).

inslav

должен быть положен в основу преподавания дисциплины, является то, что практически в каждой статье Валка легко обнаруживаются целые разделы, имеющие самое непосредственное отношение к теории археографии, значительно развивающие и углубляющие важнейшие теоретические установки.

Так, начиная статью, посвященную, как можно было бы судить по ее названию, лишь практической работе по изданию одной «категории» документов (историко-революционных), С. Н. Валк предупреждал читателя о том, что рассматриваемые в ней вопросы «не носят характера теоретически систематизированных групп, а ориентированы чисто практически, путем длительных испытаний наилучшего приспособления издаваемого документа к целям последующей научной работы» [10]. Уже в этой вводной фразе содержится важнейшая археографическая установка общего характера — о целях публикации документов. Далее, приступая к изложению вопросов о «должной передаче» текстов публикуемых документов, буквально через страницу Валк переходит к более общему вопросу о типах издания (сейчас это принято называть скорее способами воспроизведения текстов публикуемых источников) применительно к любым документам, а не только к «историко-революционным». Здесь ученый разбирает фундаментальную установку археографической теории об «общем» «нормальном типе научного издания», о возможностях «частных случаев» в зависимости от самого публикуемого материала [11]. Решение этого принципиального вопроса, в свою очередь, оказалось необходимым поставить в зависимость от уже определенно теоретической проблемы характера самой «историко-вспомогательной» «археографической редакционной работы» вообще [12] (проблемы, кстати сказать, так до конца не разработанной и по сей день). Не случайно сам Валк впоследствии с полным правом оценивал эту свою статью как «первую в советской литературе попытку систематически наметить» «ряд общих вопросов» издания документов и «посильно их разрешить» [13].

Взяв любую специальную статью С. Н. Валка, посвященную общим вопросам археографии, мы обнаруживаем в ней, я бы сказал, классический образец научной мысли нашего крупнейшего ученого-археографа. Анализ любой проблемы Валк всегда начинал с истории возникновения того или иного приема издания документов, того или иного элемента научной публикации источника, рассматривая его существо, отрешась от того, возведен ли тот или иной прием издания в принцип или «охраняется» какими-либо правилами. После исчерпывающей историографии вопроса Валк давал собственный его анализ, который всегда вытекал из общетеоретических установок исторической науки в целом, археографии в частности и практического здравого смысла, основанного на реальных нуждах научного издания источника без оглядки на всякого рода правила и инструкции по изданию [14]. Такой подход ученого к решению всех без исключения вопросов издания документов, который можно охарактеризовать как «антидогматический», очень ценен и должен быть максимально использован при преподавании археографии, ибо ей, как, впрочем, и любой другой дисциплине, очень вредит косность мышления [15].

---

[10] *Валк С. Н.* О приемах издания историко-революционных документов // АД. 1925. Вып. III/IV. С. 60.

[11] *Валк С. Н.* О приемах издания. С. 63. См. также: *Ирошников М. П.* Выдающийся источниковед, археограф, архивист // СА. 1988. № 3. С. 38.

[12] *Валк С. Н.* О приемах издания. С. 64.

[13] *Валк С. Н.* Указ. рец. С. 85.

[14] В этой связи обратим внимание на характеристику «историко-философского подхода» «к археографическо-источниковедческому исследованию» С. Н. Валка, данную С. М. Каштановым на заседании, посвященном памяти Валка, упомянутом мною выше: «Работы Валка построены как бы по следующей схеме: философия истории – источниковедение – археография – сравнительно-исторический метод» (АЕ за 1976 год. С. 287).

[15] Очень характерно, что всегда аккуратный в выражениях С. Н. Валк все-таки не удержался от упрека А. А. Шилову именно в «формалистическом догматизме»

inslav

К сожалению, сам С. Н. Валк так и не оставил целостного большого теоретического труда, посвященного специально вопросам издания документов. Однако рассмотрение его работ в совокупности, начиная от названных статей 1924 г. (о «Сборнике грамот Коллегии экономии») и 1925 г. (в основе которой лежал прочитанный на I Съезде архивных деятелей РСФСР доклад) и кончая тремя известными работами, помещенными в «Археографическом ежегоднике» за 1961, 1968 и 1971 годы, показывает, что Валк затронул фактически важнейшие, ключевые вопросы археографической теории, разрабатывать которые настоятельно необходимо и сейчас, в наши дни. Речь идет о вынесенных в последнее время самим ходом развития археографии как практической деятельности, так и области знания на передний план комплекса взаимосвязанных вопросов, представляющих собой существеннейшие и одновременно специфические теоретические установки археографии. Это в первую очередь вопросы, непосредственно связанные с проблемами объекта, предмета и задач археографии. Изучение развития отечественной археографической мысли и сегодняшнего состояния дисциплины показывает, что решение любых вопросов издания исторических источников успешно только при взаимосвязи их с решением вопросов более общего характера, а именно: что такое публикация исторического источника (и как действие, и как результат этого действия)? Каковы цели и задачи издания исторических источников? Каково место этой работы в общем процессе исторического исследования и каковы место и роль самого публикатора в этом процессе?

Очевидно, что изучение названных вопросов немыслимо в условиях самоизоляции археографии от исторической науки в целом и от таких важнейших исторических дисциплин, как историография, источниковедение и архивоведение в частности. Ценность наследия С. Н. Валка для преподавания археографии (в особенности, конечно, в МГИАИ) заключается и в том, что все проблемы научного издания источников рассматривались им в неразрывной связи работы архивиста — археографа — историка-исследователя. Для самого Валка такой подход был вполне естественным, поскольку, как известно, он являл собой яркий пример благотворного сочетания в одном лице архивиста, источниковеда, археографа и историка-исследователя. Так, говоря о «задачах, методике и технике» составления архивных обзоров, ученый исходил из того, что именно эта работа является одной из «архивных работ, что лучше других сблизила бы историческое исследование с питающим его материалом» [16]. А много позже, распутывая сложный вопрос о значении и месте такого вида сокращенной передачи содержания документов, как регесты, Валк опять-таки абстрактным рассуждениям своих оппонентов противопоставлял свою точку зрения, основанную на том «значении, которое имели регесты в развитии основ исторического исследования, именно: в деле приближения историка к иначе недоступным массам исторических источников» [17]. Также в чрезвычайно интересной полемике относительно состава и места расположения в издании так называемой археографической легенды (которую Валк начал задолго до опубликования специальной статьи на эту тему) «обязанности археографа дать отчет о своей работе» ученый связывал не только с «практической совестью виднейших советских археографов», но и с «требованиями научной исторической критики» [18], поскольку «итог ученых розысков археографа» он считал чрезвычайно важным «звеном в последующих суждениях исследователя-историка» [19]. Отсюда делался и общий вывод об «обязанностях» и «научном значении» легенды в публикации: «Разъясняемое именно легендой реше-

---

при решении последним ряда вопросов издания документов (*Валк С. Н.* Указ. рец. С. 93).

[16] *Валк С. Н.* Архивные обзоры // АД. 1923. Вып. 1. С. 62.

[17] *Валк С. Н.* Регесты в их прошлом и настоящем // АЕ за 1968 год. М., 1970. С. 46.

[18] *Валк С. Н.* Археографическая «легенда» // АЕ за 1971 год. С. 13.

[19] Там же. С. 12.

inslav

ние вопросов» «так называемой внешней исторической критики» «служит для исследователя показателем того, что изданный археографом документ является вполне пригодным в качестве прочной опоры для последующих самых успешных исследовательских изучений» [20].

Блестящим примером творчества Валка-археографа, учитывающего всю совокупность специальных исторических дисциплин, названных выше, при решении археографических проблем, является его знаменитая статья, посвященная текстам декретов Советской власти. Здесь при решении, казалось бы частного, традиционного в археографии вопроса о выборе текста документа при его издании Валк исходит из доказательства общетеоретически важной установки о понимании «научного издания» декретов как должного дать «критически установленный правильный текст декретов» одновременно с «историей текста каждого из декретов» на основе учета всей совокупности источников текста документа. Для этого Валк, прежде всего, тщательно анализирует «вопрос об особенностях декрета как особой формы революционного законодательства». Затем детально разбирает вопрос об источниках текста декретов и их взаимоотношениях, т. е. текстов в «Собрании Узаконений», газетных изданий и рукописных источников [21].

Среди важнейших, кардинальных вопросов археографической теории, которых касался С. Н. Валк (в том числе в ранних статьях), укажем еще проблему направленности, характера и глубины критики источника при его публикации, обсуждение которой, на мой взгляд, совершенно необходимо при работе со студентами. К сожалению, и эта проблема, самым тесным образом связанная с фундаментальными представлениями археографической теории (об объекте и предмете, целях и задачах археографии в целом и публикации документов в частности), долгие годы не разрабатывалась в нашей науке, что мешало плодотворному развитию теории археографии вообще [22]. А именно Валк был одним из первых советских ученых-археографов, кто со всей определенностью высказал свое отношение к этой непростой проблеме. Касаясь вопроса «археографической эмендации» текстов, Валк предлагал четко различать так называемые неисправности чтений текста и «неточность показаний» документа: «...в одном случае неисправность может простираться на грамматико-синтаксическое строение текста и на его логическую согласованность с контекстом... во втором случае ряд замечаемых неисправностей при полной исправности чтений текста будет находиться в фактическом противоречии с совокупностью наших знаний о данном факте или ряде фактов». Первое, считал ученый, есть «дело археографической критики текста, второе — дело исторической критики его показаний» [23]. Впоследствии С. Н. Валк неоднократно отмечал, что противоположная трактовка «объема вопросов эмендации» текста приписывает археографии не свойственные ей функции исторического исследования [24]. А смешение вопросов критики текста и критики содержания (показаний) самого документа может вести на практике даже к оправданию контаминации текстов [25].

---

[20] Там же. С. 16.

[21] *Валк С. Н.* О тексте декретов Октябрьской социалистической революции и о необходимости научного их издания // АД. 1939. № 3 (51). См. также: *Ахапкин Ю. А., Покровский А. С.* Научное издание законодательных актов Советской власти // АЕ за 1972 год. М., 1974. С. 24–35; *Ирошников М. П.* Документальная летопись героической эпохи // Коммунист. 1986. № 15. С. 121–126.

[22] Наиболее серьезно эта проблема была затронута в 50-х годах в дискуссионных работах А. А. Зимина и Д. С. Лихачева. Об этом см.: *Добрушкин Е. М.* История отечественной археографии: Современные проблемы и задачи изучения. М., 1989. С. 65–70. См. также: *Добрушкин Е. М.* Источниковедческая критика и проблемы археографии // Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины: Теория и методика. М., 1990.

[23] *Валк С. Н.* О приемах издания. С. 71–72.

[24] *Валк С. Н.* Указ. рец. С. 86–87.

[25] *Валк С. Н.* Советская археография. С. 92–93.

inslav

Но очевидно, что вопрос об источниковедческой критике в археографии зависит от другой важной проблемы — от понимания соотношения работы историка-публикатора (археографа) и историка-исследователя. В этом вопросе Валк принадлежал к сторонникам той точки зрения, по которой издание исторического источника является очень важным этапом в общем процессе исторического познания, но не совпадает полностью с самим историческим исследованием; видел четкую грань между публикацией исторического источника и использованием его в историческом исследовании. По Валку, издание документов есть хотя и важная, но все же «вспомогательно-историческая» работа — предоставлять тексты документов «историку-исследователю в виде, вполне пригодном для их использования в качестве источника» [26]. Выступая за «редакционно обработанное» издание, Валк имел в виду такую публикацию, которая бы давала возможность историку непосредственно «приступить к задачам собственно исторического изучения», минуя стадию «предварительной историко-вспомогательного характера археографической работы» [27]. Отсюда вытекало, что «нормальным типом научного издания» документов, которое служит историку-исследователю для его научных построений, Валк предлагал считать такое, в котором бы «различение окончательного текста документа и оставленных его чтений стало бы основным принципом издания» [28]. Поэтому такие виды работы издателя, как установление характера текста (т. е. степени его подлинности), места, даты, автора публикуемого документа, С. Н. Валк понимал как «самую сложную часть работы археографа, обусловливаемую общими требованиями исследователя, стремящегося получить издание в виде, пригодном для того, чтобы непосредственно приступить к исследованию» [29].

Даже этот не претендующий на полноту обзор высказанных Валком в разных работах (разного времени) суждений по кардинальным проблемам публикации документов выявляет наличие у ученого определенной системы взглядов на назначение, роль и место научного издания исторических источников. Эта система взглядов может быть положена в основу концепции «археографического исследования», которая, в свою очередь, может лечь в основу обучения студентов археографии. Смысл этой концепции заключается в том, что вся научно-исследовательская работа, необходимо проводимая археографом *для* публикации исторических источников, должна рассматриваться непременно в совокупности как археографическое освоение источниковой базы, являющееся одновременно важным этапом в общем процессе исторического познания, средством и частью развития самой исторической науки [30]. Продуктивность этой концепции в деле совершенствования преподавания археографии заключается в том, что с ее помощью можно реально отойти от малоэффективного метода внушения «нормативной обязательности» действий публикатора (т. е. обязательных постольку, поскольку они требуются правилами издания). Опираясь на эту концепцию, можно помочь формированию у студентов четкого представления научной предопределенности, функциональной необходимости проведения тех или иных научных работ при издании исторических источников, пониманию этих работ как совокупности действий, направленных на создание совершенно определенного нового научного «продукта» — научного издания исторического источника. Одновременно это поможет внедрять в сознание убежденность в невозможности и недопустимости отступления от выработанных строго научных требований, вытекающих из самой сути этого особого рода научной деятельности — археографического исследования. Полезное действие такого подхода к препо-

---

[26] *Валк С. Н.* О приемах издания. С. 65. См. также: *Валк С. Н.* Археографическая «легенда». С. 15–16.
[27] *Валк С. Н.* О приемах издания. С. 64; *Он же.* Археографическая «легенда». С. 12.
[28] *Валк С. Н.* О приемах издания. С. 64.
[29] *Валк С. Н.* Археографическая «легенда». С. 12.
[30] См.: *Литвак Б. Г.* Серийные издания в советской публикаторской практике // АЕ за 1985 год. С. 20; и др.

inslav

даванию, на мой взгляд, заключается еще и в том, что он дает возможность выявить и продемонстрировать истинное место археографии в кругу других специальных исторических дисциплин, помочь увидеть не надуманные, а естественные связи ее со всем комплексом дисциплин, преподающихся в вузе.

Следует специально остановиться еще на одном аспекте возможного (и необходимого) влияния научного наследия С. Н. Валка на преподавание археографии — на вопросе о терминологии. Несовершенство археографической терминологии и необходимость ее упорядочения в целях развития научной дисциплины уже давно осознаны и отмечены в научной литературе [31]. Однако намного острее неточность, запутанность и противоречивость понятий и терминов ощущается при преподавании археографии, хотя учебная литература как раз как бы избегает обсуждения проблем понятийного аппарата и терминологии в этой специальной дисциплине [32]. И здесь Валк оставил в науке прекрасный образец терминологического анализа, причем характерно, что он сосредоточил свое внимание на основополагающих терминах «археография» и «археограф» [33].

Общеизвестно, что С. Н. Валк внес большой вклад и в изучение истории отечественной археографии — как дореволюционной, так и советской. Однако и в этой сфере научный потенциал наследия ученого остается до сих пор мало использованным как в специальной научной литературе, так и в учебном процессе.

Недавно Б. Г. Литвак, высоко оценивая монографию С. Н. Валка «Советская археография», справедливо отметил, что в отличие от этой книги, «в которой впервые в советской исторической литературе обзор изданий документов приобрел действительно историографическое звучание», «учебные курсы и пособия по археографии, вышедшие после этой книги, ограничиваются только обозрением публикаций, описанием методики их издания, не вдаваясь в характеристику роли этих публикаций в историографии и источниковедении» [34]. Но дело, по-моему, не только в этом (хотя, одновременно замечу, уровень «описания методики» также нуждается в значительном повышении). Наряду с прекрасными обзорами публикаций и достаточно подробным рассмотрением организации археографической работы в СССР за 30 лет в монографии Валка имеются еще две главы, которые он скромно назвал «Литература советской археографии» и «Вопросы советской археографической практики». За этими не совсем точными, на мой взгляд, названиями кроется «обзор усилий советских историков в деле выработки новых приемов издания исторических документов», как писал С. Н. Валк в предисловии к книге. Фактически перед нами очень содержательный анализ «вопросов методологического и методического порядка», содержащихся в «советской исторической литературе» [35], во многих случаях подводящий итог обсуждению той или иной теоретической или методической проблемы, одновременно отражающий и точку зрения самого автора книги (значительно углублявшую и расширявшую трактовку существеннейших проблем издания источников). Небезынтересно отметить, что эти две главы, которые сам автор фактически назвал неосновными (поскольку «основной задачей» его было дать «обзор изданий документов» [36]), занимают треть всей книги (около 80 с.)!

Обзор «наиболее крупных и ценных в археографическом отношении публикаций» оказался основой и первого учебного пособия по истории

---

[31] См., например: *Литвак Б. Г., Козлов О. Ф.* Указ. соч. С. 90; *Добрушкин Е. М.* О некоторых вопросах изучения терминологии и истории археографии // АЕ за 1987 год. М., 1988; и др.

[32] Эти вопросы не нашли отражения и в позднейшей программе курса МГИАИ, утвержденной в 1985 г. (Программа курса «Археография». М., 1986).

[33] *Валк С. Н.* Судьбы «археографии». С. 453–465.

[34] *Литвак Б. Г.* Указ. соч. С. 20.

[35] *Валк С. Н.* Советская археография. С. 3–4.

[36] Там же. С. 4.

inslav

отечественной археографии советского периода (в шести выпусках) [37], хотя построен этот обзор не по принципу принадлежности опубликованных источников к тем или иным историческим эпохам (как у Валка), а по так называемому учрежденческому принципу (принадлежности публикации к учреждению-издателю). Однако в этой обобщающей работе, авторы которой стремились подвести итог развитию советской археографии практически за 50 лет, только в четырех выпусках (каждый выпуск посвящен определенному периоду «в соответствии с основными этапами, которые прошла в своем развитии советская археография» [38]) нашлось место для разделов, касающихся «анализа литературы» по вопросам теории и методики археографии. Не говоря уже о том, что в совокупности эти разделы по объему занимают 0,08 учебного пособия (34 с.), их содержание не соответствует похожим по названию разделам монографии Валка, поскольку здесь (в пособии) действительно дается лишь беглый библиографический обзор «археографической литературы» [39]. В последовавших за названным пособием трех выпусках, обзор публикаций в которых доводится уже до середины 80-х годов, «учрежденческий принцип» в совокупности с резким сокращением объема учебных изданий фактически совершенно исключил саму возможность освещения развития археографической мысли в этот чрезвычайно плодотворный для нашей археографии как научной дисциплины период (как раз тогда и были опубликованы, например, три упоминавшиеся классические статьи С. Н. Валка!) [40].

На этом примере стоило остановиться потому, что аналогичная картина наблюдается не только в учебной, но и в специальной исследовательской литературе по истории археографии обобщающего характера. Причину такого положения можно видеть именно в «археографическом провинциализме», о котором писал С. Н. Валк. Ограничивая свое поле зрения исключительно так называемой публикаторской практикой, рассматривая ее в отрыве от исторической науки в целом, развития источниковедения и других дисциплин, исследователи очень много внимания уделяют обзорам состоявшихся публикаций, истории учреждений и организаций, эти публикации осуществлявших, и т. п. Не отрицая необходимости и значения изучения этих сторон истории отечественной археографии, тем не менее следует отметить, что практически за рамками исследования оказывается не менее, а скорее даже более важная сторона истории археографии — это зарождение, становление и развитие самой археографической мысли в нашей стране. Получается очевидное несоответствие: много внимания уделяется тому, *что* было опубликовано и *кем* было опубликовано, но крайне мало делается для того, чтобы узнать *на каких* теоретических основах осуществлялись эти публикации. До сих пор мало что известно о движении археографических идей, остаются неизученными не только истоки, но и пути формирования основных археографических идей, принципов, понятий, определений и терминов. Отсутствие соответствующих разработок теоретико-историографического характера не дает возможности до сих пор нарисовать достаточно полную картину развития отечественной археографии. Без понимания исходных археографических представлений, путей их формирования невозможно, по-моему, и глубокое освоение и дальнейшая разработка теоретических основ современной археографии в целом и, в частности, их преподавание [41].

---

[37] История советской археографии: Учеб. пособие. М., 1966–1967. Вып. I–VI.

[38] История советской археографии. С. 4.

[39] Названия разделов разные: то это «Отражение вопросов методики публикации документов в литературе» (вып. I), то «Правила и литература» (вып. III), то «Литература по теории и методике археографии» (вып. IV).

[40] См.: *Шмидт С. О.* О подготовке историков-архивистов в МГИАИ: (Размышления в связи с реформой высшей школы) // СА. 1987. № 4. С. 61.

[41] Подробнее см.: *Добрушкин Е. М.* Об изучении археографической мысли в России XVIII века: (Постановка вопроса) // М. В. Ломоносов и русская культура: Тез.

inslav

Понимание С. Н. Валком чрезвычайно большого значения исследования развития самой археографической мысли основывалось на его убеждении в том, что не только практические требования и нужды издания источников (как иногда принято считать) диктовали условия развития отечественной археографии в целом. Вот, например, характерное высказывание Валка из оставшейся незавершенной его работы об А. С. Лаппо-Данилевском: высоко оценивая предисловие, сделанное Лаппо-Данилевским к изданию Нижегородских писцовых и переписных книг, Валк отмечал, что «предисловие в таком составе и в таком исполнении являлось в тогдашней археографии образцом *теоретически* продуманного, разностороннего его построения» [42]. В значительно более ранней статье, но также связанной с археографической деятельностью А. С. Лаппо-Данилевского, Валк писал: «Можно установить, что издание тех или других групп исторических источников являлось результатом господства то одних, то других исторических теорий» [43]. Наконец, в другом месте Валк подчеркивал, что «всякая работа по изданию исторических документов, где бы и когда бы она ни велась, была обусловлена определенными как общеметодологическими, так и историографическими предпосылками» [44]. Отсюда понятно, что без специального анализа этих предпосылок, лежащих в основе представлений и работы археографов прошлого, невозможно уяснение развития самой археографии. Потому-то сам Валк фактически отвергал любое искусственное построение в области истории археографии, как, скажем, деление историков прошлого на сторонников «критического» и «буквального» методов публикации источников поскольку не вытекало из необходимого анализа реальных теоретических посылок и историографических воззрений отечественных историков, имевших в той или иной степени отношение к изданию исторических источников в XVIII—XIX вв.

Изучение научного наследия Валка в этой области показывает, что для успешного продвижения исследования и преподавания истории отечественной археографии настоятельно необходимо наконец разобраться в целом комплексе вопросов, в первую очередь, наверное, в вопросах о сути «критического издания», «критического метода», «критического способа» передачи текста источников в археографии и т. п., к чему призывал уже однажды С. Н. Валк [45]. При этом следовало бы обратить внимание не только на необходимость уяснения понимания этих терминов в разное время. Одновременно должен быть поставлен вопрос (и, конечно, найден на него ответ): почему в то или иное время, тем или иным ученым было свойственно то или иное понимание, на чем оно было основано и с чем связано? Причем последовательность такого необходимого анализа должна быть, на мой взгляд, обратной той, которая пока превалирует в учебных пособиях и исследованиях, имеющих отношение к историко-археографической тематике общего характера. Следует не исходить из априорного представления о наличии в истории отечественной археографии того или иного «метода» публикации источников, а попытаться разобраться в каждом из этих «методов» с точки зрения отношения публикаторов, археографов к общим проблемам целей и задач издания источников. (Слово «метод» я беру в кавычки потому, что само понятие метода публикации документов в исторической ретроспективе нуждается в специальном исследовании.) Конечно, решение названных и целого ряда не менее важных проблем может быть осуществлено, как уже отмечалось, лишь в самой непосредственной связи с изучением

докл. Тарту, 1986. См. также: *Литвак Б. Г., Козлов О. Ф.* Указ. соч. С. 90; *Шмидт С. О.* О подготовке историков-архивистов. С. 61.

[42] Цит. по: *Копанев А. И.* Археографическая деятельность А. С. Лаппо-Данилевского в освещении С. Н. Валка // ВИД. Л., 1978. Т. IX. С. 84 (курсив мой.– *Е. Д.*).

[43] *Валк С. Н.* Сборник грамот Коллегии экономии. С. 228.

[44] *Валк С. Н.* Судьбы «археографии». С. 462.

[45] *Валк С. Н.* Советская археография. С. 60.

inslav

всего хода развития отечественной исторической науки в целом и источниковедения в частности.

С. Н. Валку как исследователю был присущ исключительно творческий подход к проблемам истории археографии, касался ли он ее начального периода, связанного с именами В. Н. Татищева, И. Н. Болтина и т. д., или анализировал тот этап ее развития, непосредственным участником которого он был сам. Собственная археографическая мысль Валка получала необходимый импульс не от умозрительно построенных схем, распределявших археографов прошлого по «лагерям» и «направлениям». Он строил свои выводы на прочном фундаменте непосредственного источниковедческого анализа наследия археографов минувших веков. Поучительно и то, что Валк не только старался фиксировать и описывать «археографическое явление» прошлого, дать ему оценку, но пытался проникнуть в самую суть этого явления, в ход мысли ученого-публикатора, учитывая уровень исторической науки в целом и источниковедческих представлений того времени. Примером может служить целая серия его статей об изданиях и изучении Русской Правды в нашей историографии [46]. Так, Валк отмечал, что для понимания особенностей отношения первого русского историка В. Н. Татищева к подготовляемому им к изданию тексту «надо отрешиться от рассмотрения их с точки зрения критериев критики текста, принятых какой-либо группой архивистов в середине XX в.» [47]. Последовательное применение принципа историзма в сочетании с собственным тщательным исследованием объектов археографической истории давали С. Н. Валку возможность легко и убедительно опровергать упрочившиеся и переходящие, к примеру, из одного учебного пособия по истории археографии в другие ни на чем не основанные схемы и положения [48]. Именно эти особенности, присущие трудам нашего виднейшего археографа, должны быть использованы в необходимой большой работе по созданию действительно научной истории развития археографии в нашей стране, на основании которой только и возможно полноценное преподавание дисциплины.

Приведенными примерами, конечно же, не ограничивается «сфера влияния» научного наследия С. Н. Валка — археографа. Например, здесь фактически не затрагивался вопрос о характере использования самих научных изданий исторических источников, подготовленных Валком или под его руководством, многие из которых справедливо расцениваются нашей исторической наукой как образцовые. Отмечу только в заключение, что все творческое наследие Валка должно быть максимально использовано для того, чтобы оказать влияние на построение учебного курса по археографии, и для того, чтобы получить отражение в будущем учебнике по этой дисциплине.

---

[46] *Валк С. Н.* Татищевские списки «Русской Правды» // Материалы по истории СССР. М., 1957. Вып. V; *Он же.* И. Н. Болтин и его работа над Русской Правдой // ТОДРЛ. Л., 1958. Вып. XIV; *Он же.* Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII – начала XIX века // АЕ за 1958 год. М., 1960; *Он же.* Русская Правда в изданиях и изучениях 20–40 годов XIX в. // АЕ за 1959 год. М., 1960.

[47] *Валк С. Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII – начала XIX века. С. 128.

[48] Там же. С. 128–129; *Валк С. Н.* «История Российская» В. Н. Татищева в советской историографии // Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. VII. С. 15–16 и др. См. также: *Добрушкин Е. М.* О судьбе «Истории Российской» В. Н. Татищева в истории археографии // ВИД. Л., 1987. Т. XIX. С. 146 и др.

inslav

Г. Г. Аласания

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Т. П. ЕНУКИДЗЕ

В расцвете творческих сил, полная новых начинаний ушла из жизни на 66-м году Тинатин Парменовна Енукидзе (1922—1988), старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР. Глубокий знаток и неутомимый исследователь древнегрузинских письменных памятников, она оставила ценные научные труды и публикации. В настоящей статье ставится цель воздать должное светлой памяти ученого, а также еще раз обратить внимание на воспитывавшие профессионалов традиции, к сожалению во многом ныне утраченные.

Т. П. Енукидзе принадлежала к числу ученых, которые, не обладая громкими титулами, своей кропотливой подвижнической деятельностью составляют костяк и основную движущую силу науки. Формирование Т. П. Енукидзе как ученого происходило под руководством выдающихся грузинских историков и филологов Н. А. Бердзенишвили, И. А. Абуладзе, В. Д. Дондуа, тесные творческие контакты с которыми сохранились до конца их жизни. Общение с ними предопределило не только научные интересы прошедшего хорошую филологическую и историческую подготовку специалиста, но в немалой степени и моральные качества ученого. Обычно скромная и непритязательная, Т. П. Енукидзе проявляла редкую принципиальность и неуступчивость в интересах науки. Человек доброжелательный, она щедро делилась своим опытом с коллегами. Особенно полезными ее советы были для молодых, начинающих ученых; обладая верным чутьем и научной интуицией, некоторым из них она помогла найти свое место в науке.

Вся творческая биография Т. П. Енукидзе связана с грузинскими рукописями. В специальной области — археографии — сфера интересов Т. П. Енукидзе была безгранична. Ее интересовали надписи, документальные и повествовательные памятники феодальной эпохи, многие из которых ею же были выявлены, изучены и изданы, атрибутированы или датированы. Удачно сочетая в себе опытного палеографа, текстолога и археографа, обладая глубокими познаниями в таких специальных исторических дисциплинах, как эпиграфика, кодикология, Т. П. Енукидзе всегда проводила исследования в тесной связи с историей Грузии; много времени и сил отдавала изучению истории права, чиновничества, книжного дела, уточнению исторической и источниковедческой терминологии. Ею исследованы жизнь и деятельность известного типографа и переписчика Симона Табидзе (XIX в.), установлен хронологический перечень книжников-переписчиков восточной Грузии, выявлены их обязанности и денежный доход и т. д.

Но в основном с именем Т. П. Енукидзе связаны успехи в области эдиционной археографии. Благодаря ей, сотруднику отдела рукописей Государственного музея Грузии, преобразованного в 1958 г. в Институт рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР, а затем сотруднику отдела источниковедения Института истории, археологии и этнографии им. И. А. Джавахишвили АН ГССР, были введены в научный оборот и стали доступными важные повествовательные и документальные источники по истории Грузии [1].

---

[1] Краткую оценку научной деятельности Т. П. Енукидзе см.: *Тухашвили Л. В.* Хранительница тайн древних рукописей // Сакартвелос кали-Женщина Грузии. 1983. № 5. На груз. яз.

inslav

Выбор ученым текстов для издания никогда не носил случайного характера. Публикация каждого из них предварялась его тщательным, всесторонним текстологическим и археографическим изучением, анализом содержания. Это именно тот идеальный случай, когда, согласно требованию текстологии и археографии, текст сначала изучался, а потом уже издавался, а не наоборот.

Проследим в хронологической последовательности осуществленные Т. П. Енукидзе основные издания.

Развитие законодательных традиций в Грузии увенчалось созданием в начале XVIII в. сборника законов царя Вахтанга VI — книги, вобравшей в себя ранние грузинские, а также еврейский, греческий, армянский правовые памятники. Завершает сборник оригинальный аутентичный грузинский кодекс, составленный Вахтангом VI. До нас дошло множество списков этого памятника, что ставит исследователя перед необходимостью выбора «лучшего списка», проведения сравнительно-сопоставительного текстологического анализа, установления генетических взаимоотношений между ними. В результате этой работы Т. П. Енукидзе удалось группировать списки по типам и редакциям. В издании [2] изучены палеографические особенности списков, установлены в ряде случаев личности переписчиков. Глубокий, содержательный анализ источника дал возможность определить дату составления книги законов Вахтанга VI — 1705—1708 гг., высказать предположение о личности автора вступления (по мнению Т. П. Енукидзе, Гиви Туманишвили). Здесь же освещается история издания, изучения и переводов памятника.

Позднее Т. П. Енукидзе еще не раз приходилось возвращаться к сборнику законов Вахтанга VI. В числе многих вопросов ею изучен, в частности, вновь обнаруженный список (ИРАН ГССР, Q-575), определено его место в общей системе списков [3]. В научной дискуссии с новым издателем памятника изучение книги законов дополнилось новыми ценными текстологическими наблюдениями, рассуждениями о списках, в том числе и о выявленных после издания 1955 г., об архитектонике и заглавии изданного текста. Затрагивались также нравственные проблемы (о научной этике, о бережном и уважительном отношении к трудам предшественников и многое другое) [4].

Теймураз Багратиони, сын последнего царя Грузии Георгия XII, воспитанием которого руководил видный деятель грузинской культуры Давид Алексишвили, почетный член Петербургской Академии наук, ученый, автор многих произведений, историк, известный своим многолетним творческим содружеством с французом-грузиноведом М. Броссе, описал жизнь своего брата Давида. Единственное издание последнего труда принадлежало М. Броссе (1833 г.). Несмотря на то что стержнем повествования являлась жизнь Д. Багратиони, автор нередко отклонялся от основной темы, подробно освещая исторические события восточной Грузии конца XVIII в. Высокая ценность труда как исторического источника побудила И. П. Енукидзе заново опубликовать текст по литографскому изданию М. Броссе (ввиду отсутствия рукописи), сопроводив его соответствующим исследованием и необходимыми пояснениями [5]. Здесь установлены источники произведения, изучен его состав, дан глубокий, всесторонний анализ содержания.

Синодики, с давних времен составлявшиеся в различных монастырях, представляют собой ценные источники с точки зрения исторической географии, ономастики, а также для восстановления картины социально-эко-

---

[2] Вахтанг VI. Книга законов/Подгот. текста, исслед. и указ. Т. П. Енукидзе. Тбилиси, 1955. На груз. яз.

[3] *Енукидзе Т. П.* Материалы о распространении книги законов Вахтанга VI // Изв. ИР АН ГССР. Тбилиси, 1959. Т. 1. На груз. яз.

[4] *Енукидзе Т. П.* По поводу издания «Памятников грузинского права» // Сабчота самартали-Советское право. Тбилиси, 1975. № 1. На груз. яз.; *Она же.* Еще раз по поводу издания «Памятников грузинского права» // Там же. № 3. На груз. яз.

[5] *Багратиони Теймураз.* История Давида Багратиони/Подгот. текста, исслед. и указ. Т. П. Енукидзе. Тбилиси, 1979. На груз. яз.

inslav

номического положения того или иного края. Большой хронологической и территориальной протяженностью выделяется синодик, пополнявшийся с XII по XVII в. и хранившийся в Тбетском соборе до 1874 г. Поминальные записи памятника являются важным источником для истории отдельных фамилий, а также для общей картины ономастических особенностей юго-восточной Грузии. Ценность памятника возрастает от того, что некоторые из известных в тексте географических пунктов в настоящее время находятся вне пределов Грузии, иные переименованы или вовсе перестали существовать.

Подробное описание Тбетского кафедрального собора (в настоящее время находится на территории Турции), основанного в 918 г. Ашотом Куропалатом, дан Г. Н. Казбеком[6], который ценил его больше, чем Мцхетский, Зарзмийский и Сапарский храмы. Им же обнаружена и передана Д. З. Бакрадзе рукопись синодика. Позднее этот собор и его надписи были изучены Н. Я. Марром[7]. Помимо Д. З. Бакрадзе, к рукописи синодика обращались П. И. Ингороква, С. С. Какабадзе. Хранящаяся в настоящее время в ЛО ИВАН рукопись, написанная строчным церковным письмом «нусхахуцури», не озаглавлена. Т. П. Енукидзе озаглавила текст по месту составления и первоначального хранения как «Тбетский синодик»[8]. Она же разбила текст на хронологические таблицы, а внутри их — по почеркам. При этом восстановила нарушенную со временем хронологическую последовательность текста, датируя составление основной части не позже XII—XIII вв. Выявила различия между фамилиями мужчин и женщин, а также провела исследование по идентификации топонимов. Издание снабжено фотокопиями памятника.

Почти нет области культуры и науки, которой не коснулась бы деятельность просвещенного царя Вахтанга VI. Большого расцвета достигла при нем оригинальная и переводная письменность. Его интересы простирались не только на гуманитарные науки, но и на естественные. О последнем наглядно свидетельствует и созданная им в 1712—1736 гг. «Книга о приготовлении растворов и химических превращениях», изданная Т. П. Енукидзе совместно с доктором химических наук В. И. Кокочашвили[9] по единственному полному списку рукописи (ИРАН ГССР. S-3721), датируемому Р. Г. Патаридзе 1742—1744 гг., а также неполному автографу 1712 г. (ЛО ИВАН Е-121). При этом § 94—102 текста публикуются по автографу, а недостающая часть — по списку. Книга в своей основной части оригинальная, содержит богатый материал по прикладной химии, создавая ясное представление об уровне развития данной науки и о научном мышлении в Грузии в соответствующую эпоху.

Подготовители публикации обратили внимание на место составления памятника, на его терминологические особенности, на методы работы автора над устными и письменными источниками. В качестве источников названы толковый словарь С. С. Орбелиани XVIII в., труд иранского алхимика Ар-Рази (865—925 гг.) «Книга тайны тайн», записи одного из братьев царя, а также русские материалы. Текст изобилует словами, а нередко и целыми предложениями восточного происхождения, в уточнении которых издателям оказал содействие известный специалист персидского языка Дж. Ш. Гиунашвили. При его непосредственном участии

---

[6] *Казбек Г. Н.* Три месяца в Турецкой Грузии/Зап. Кавк. отд. имп. Рус. геогр. о-ва. Тифлис, 1876. Кн. X, вып. 1. С. 52—55.

[7] *Мерчул Георгий.* Житие св. Григория Хандзтийского/Груз. текст, введение, изд. и перев. Н. Марра с дневником поездки в Шавшию и Кларджию. СПб., 1911. С. 10—27.

[8] Тбетский синодик/Текст подгот. к изд., исслед. и указ. снабдила Т. П. Енукидзе. Тбилиси, 1977. На груз. яз. Рез. на рус. и англ. яз. Рец. см.: *Кахидзе Н. А.* Из исторического прошлого юго-западной Грузии // Чорохи. Тбилиси, 1978. № 4. На груз. яз.

[9] Вахтанг VI (Багратиони). Книга о приготовлении растворов и химических превращениях/Подгот. к изд. Т. П. Енукидзе и В. И. Кокочашвили. Тбилиси, 1981. На груз. яз.

inslav

составлен также толковый словарь к тексту, имеющий самостоятельное значение.

Среди многочисленных трудов просветителя, энциклопедиста, писателя и ученого Иоанна Багратиони (другого сына Георгия XII) особое место занимает четырехязычный русско-латинско-грузинско-турецкий словарь, включающий свыше 3000 зоологических, ботанических и геологических терминов. Труд содержит богатый материал по народной медицине, который используется в современной фармакологии, дает представление о развитии биологической и геологической наук в соответствующую эпоху. Словарь (в составлении которого принимал участие также переводчик и переписчик В. М. Чиладзе), подготовленный в 1814 г., впервые увидел свет лишь в 1986 г.[10] В основу издания положена рукопись (ИРАН ГССР, S-3986). Публикаторы Т. П. Енукидзе и биолог Н. Р. Кикнадзе уточнили текст, сопроводив его исследованием истории изучения памятника, выявлением его источников. Не обойдена вниманием заслуга Т. Т. Джангидзе в установлении турецких терминов. Интересны рассуждения о терминологических неточностях.

В 1986 г. издано также «Описание Картли-Кахети» И. Багратиони, подготовленное исследовательницей в сотрудничестве с языковедом Г. В. Бедошвили[11]. Название труда несколько условное, так как описание фактически охватывает не только восточную, но и западную Грузию. Сочинение, в частности, помимо Картли и Кахети, включает Имерети, Рача-Лечхуми, Сванети. Кроме этого, сообщаются ценные сведения о соседних районах, Дагестане и Чечено-Ингушетии. Работа была написана в 1794—1799 гг. по поручению царей Ираклия II и Георгия XII. Труд интересен с точки зрения ономастики, топонимики. В нем представлено около 23 000 топонимов. Последним сопутствуют исторические комментарии, сведения о прежних формах географических названий, благодаря чему нередко удается уточнить их этимологию. Несмотря на то что сочинение было издано ранее Н. И. Котиновой[12], Т. П. Енукидзе и Г. В. Бедошвили убедительно обосновывают необходимость повторной публикации ценного текста. Показаны случаи нарушения последовательности описания, неправильного прочтения текста. Подобные рассуждения еще раз подчеркивают незаметную на первый взгляд сложность работы текстолога при исследовании древних рукописей, требующей высокой специализации.

Новое издание осуществлено по автографу (ИРАН ГССР. S-3729), содержащему 159 листов. Публикаторы обращают внимание на историю изучения памятника и его рукописи, выявляют письменные и устные источники памятника, проводят сравнительно-сопоставительный анализ с сочинением Вахушти Багратиони, в определенной части использованным Иоанном. Опираясь на рассуждения о языковых, фонетических и лексических особенностях сочинения, они прослеживают процесс развития грузинского языка, характер заимствований из русского и турецкого языков. Здесь же приводятся сведения о русском переводе произведения, выполненном неизвестным лицом в первой четверти XIX в.

В рассмотренных работах, представляющих лучшие образцы научно-критического издания текста, восстановлены и выправлены многие искаженные места, выявлен богатый языковый и исторический материал. Благодаря этим публикациям удалось в некоторой степени восполнить пробел в изучении грузинского письменного наследия феодального перио-

---

[10] *Багратиони Иоанн.* Естествоведческий толковый словарь/Текст к изд. подгот., исслед. и указ. снабдили Т. П. Енукидзе и Н. Р. Кикнадзе. Тбилиси, 1986. На груз. яз.

[11] *Багратиони Иоанн.* Описание Картли и Кахети/Текст к изд. подгот., исслед. и указ. снабдили Т. П. Енукидзе и Г. В. Бедошвили. Тбилиси, 1986. (Источники по истории Грузии; Вып. 41). На груз. яз. Рез. на рус. яз.

[12] Топонимика II. Сборник лаборатории топонимики при кафедре нового грузинского языка Тбилисского государственного университета. Тбилиси, 1980. С. 337–424. На груз. яз.

inslav

да и сделать тексты, не всегда доступные даже для узкого круга специалистов, достоянием всех заинтересованных лиц.

Т. П. Енукидзе была бессменным активным исполнителем и инициатором всех важных начинаний в области систематизации грузинского рукописного наследия. Велик ее вклад в описание рукописей и составление каталога исторических документов, хранящихся в Институте рукописей АН ГССР. Ею же описаны древние рукописи личного архива В. Д. Дондуа. Выполненные ею описания являются образцовыми.

Имя Т. П. Енукидзе связано с изданием корпуса грузинских документов, первый том которого вышел в 1984 г.[13] Из 46 документов сборника 43 подготовлены Т. П. Енукидзе совместно с Н. Ф. Шошиашвили. Енукидзе принадлежит и научный аппарат тома. Большая работа проведена ею при подготовке II и III томов корпуса (документы XIV—XV вв.), находящихся в производстве, а также ономастического материала по грузинским документам, который увидит свет в ближайшее время. Немало статей Т. П. Енукидзе посвящено специальному изучению, атрибуции и датировке документов. В результате тщательного анализа обширного документального материала исследователю не раз удавалось обнаружить новые, не известные ранее в научной литературе факты истории Грузии. Интересны ее выводы относительно налоговой системы XIII—XIV вв. в Грузии.

Последние годы жизни ученого отличались особой продуктивностью. Среди изданных ею в это время трудов особо следует выделить исследования, посвященные установлению личности переписчика ратифицированного текста Георгиевского трактата 1783 г., даты восполнения Теймуразовского списка «Картлис цховреба», а также материалы о денежном доходе писца Картлийского царства 80-х годов XVIII в.

До последних дней Т. П. Енукидзе работала над подготовкой к изданию Теймуразовского списка древнегрузинского исторического свода «Картлис цховреба», который хранится в ЛО ИВАН. Была проделана большая часть работы. К сожалению, исследовательница не успела осуществить этот и много других творческих замыслов. Ученый, сумевший через все годы пронести любовь к избранной профессии и ни разу не поступиться принципами, совершает своего рода подвиг. Именно такой путь прошла Т. П. Енукидзе, жизнь которой всегда останется примером беззаветного служения науке, а ее творческое наследие — образцом высокого профессионализма.

---

[13] Грузинские исторические документы IX—XIII вв./Сост. и подгот. к печати Т. П. Енукидзе, В. И. Силогава, Н. Ф. Шошиашвили. Факс. Тбилиси, 1980. (Корпус грузинских исторических документов; Т. 1). На груз. яз.

inslav

Л. К. Бажанова, Н. Ф. Демидова

К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ НИКОЛАЕВНЫ КУШЕВОЙ *

В 1989 г. исполняется 90 лет Екатерине Николаевне Кушевой, видному советскому историку, источниковеду и археографу, сочетающему в своей научной деятельности строгую тщательность исследования с широтой исторических обобщений. Вся долгая и плодотворная жизнь ученого была тесно связана со становлением и развитием советской исторической науки. Список трудов Е. Н. Кушевой опубликован в «Археографическом ежегоднике за 1979 год» (М., 1981) [1].

Е. Н. Кушева родилась 6 мая 1899 г. в уездном Петровске Саратовской губернии. Отцом ее был замечательный земский врач-общественник, многие годы отдавший делу организации здравоохранения в русской дореволюционной деревне, с 1918 г. профессор Саратовского университета, в советское время удостоенный звания Героя труда.

В 1922 г. Екатерина Николаевна окончила факультет общественных наук Саратовского университета, который в эти годы являлся одним из крупнейших научных центров страны. Именно в студенческие годы определился ее интерес к феодальному периоду русской истории, в чем немалую роль сыграли ее учителя, выдающиеся русские историки В. И. Веретенников, А. А. Гераклитов, П. Г. Любомиров и С. Н. Чернов, в семинарах которых она активно участвовала и благодарную память о которых она сохраняет на протяжении всей жизни. Еще на последних курсах она была принята в члены Саратовского общества краеведения, сочетала учебу с работой в археологическом отделе Саратовского краеведческого музея и принимала участие в археологических экспедициях, организовывавшихся университетом и музеем. По окончании университета была зачислена сотрудницей кафедры истории педагогического факультета. Первая исследовательская работа Е. Н. Кушевой, посвященная публицистике Смутного времени начала XVII в., появилась в 1926 г. в «Ученых записках» университета [2].

В 1929 г. Екатерина Николаевна была уволена из университета по «сокращению штатов». Истинной причиной увольнения было ее нежелание отказаться от своих учителей, подвергавшихся в то время гонениям. Она оставляет Саратов и переезжает в Москву. С 1929 по 1935 г. работает сотрудником издательства Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, участвует в создании III и IV томов «Словаря деятелей революционного движения в России» и коллективного труда «Русская подпольная и зарубежная печать». Одновременно ею был подготовлен и издан ряд статей и журнальных публикаций по этой тематике.

После ликвидации в 1935 г. Общества политкаторжан Кушева работает в московской группе Историко-археографического института АН СССР, вошедшей в 1936 г. в состав Института истории АН СССР

---

* 19 февраля 1990 г. Екатерина Николаевна Кушева скончалась в Москве. Хроника заседания, посвященного ее памяти, будет опубликована в АЕ за 1990 год.

[1] После его опубликования был напечатан ряд работ. Кроме упоминаемых, следует назвать статью «О местах первоначального расселения гребенских казаков» (Историческая география России XVIII в. М., 1981. Ч. 2. С. 28–43). В издательстве находится раздел о крестьянстве Северного Кавказа XVI – первой половине XVII в. 2-го т. серии «История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции».

[2] *Кушева Е. Н.* Из истории публицистики Смутного времени XVII в. // Учен. зап. СГУ. Т. 5. Вып. 2. С. 21–97.

inslav

(позднее реформированного в Институт истории СССР). Работает в нем до 1970 г. и до сих пор продолжает принимать участие в научной и общественной жизни института.

С переходом в Институт Екатерина Николаевна вернулась к своей первоначальной тематике по истории феодального периода нашей родины. Уже в первое десятилетие ее работы здесь сложились два основных направления ее научно-исследовательских интересов: изучение социально-экономических отношений феодальной России, с одной стороны, и истории народов СССР (Северного Кавказа, Поволжья, Калмыкии и др.) XVI—XVIII вв.— с другой. Последнее было связано с нацеленностью на эту тематику всей работы коллектива историков института в 30—40-е годы.

Оба эти направления исследовательской работы Кушевой получили отражение в участии ее как автора и редактора в многочисленных коллективных трудах 50-х годов (многотомных «Очерках по истории СССР», «Всемирной истории», «Истории Москвы»), в ряде монографий и публикаций документов.

Е. Н. Кушеву неизменно привлекали проблемы социально-экономической истории и социальных структур русского феодального общества. Неоднократно в своих работах она возвращалась к различным формам кабальной зависимости XVI—XVIII вв., особым группам зависимого населения. Особенно много сделано ею по разработке истории народов Северного Кавказа. Уже в 1943 г. была напечатана ее первая работа в этой области, явившаяся результатом упорных архивных поисков и представлявшая собой обзор материалов русских архивов о международных связях народов Северного Кавказа в XVI—XVII вв.[3] Е. Н. Кушевой написаны многие разделы для «Истории Кабардино-Балкарской АССР», «Очерков истории Чечено-Ингушетии», «Очерков истории Дагестана», «Истории Кабарды с древнейших времен до наших дней». В 1963 г. увидело свет фундаментальное обобщающее исследование Е. Н. Кушевой «Народы Северного Кавказа и их связь с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII в.)». Развитие взаимоотношений России с северокавказскими народами рассматривается в книге как одна из сторон длительного процесса образования Российского многонационального государства. Для того чтобы выяснить истинное значение этих связей, Кушева широко и всесторонне рассматривает не только внешнеполитическую обстановку, в которой они происходили, но и тщательно анализирует социально-экономические отношения в среде пестрого по этническому составу и политической организации населения Северного Кавказа. По словам рецензента этого труда И. И. Смирнова, «именно характеристика социально-экономического строя северокавказских народов... составляющая первую часть книги, является тем моментом, который определяет лицо книги в целом»[4]. Многолетняя работа с архивными и другими источниками позволила автору очень углубленно исследовать поставленные перед ним проблемы. По насыщенности новыми выводами и конкретными материалами, а также по ювелирности источниковедческого анализа монография Кушевой является ценнейшим вкладом в изучение прошлого Северо-Кавказского региона и надолго остается образцом для исследований подобного рода.

Большое место в деятельности Екатерины Николаевны занимает постоянная помощь научным учреждениям Северного Кавказа. В течение долгих лет она являлась консультантом ряда местных гуманитарных институтов, в том числе дагестанского, чечено-ингушского, кабардино-балкарского, северо-осетинского, карачаево-черкесского, адыгейского. Одновременно она поддерживала и продолжает поддерживать связи и с дру-

---

[3] *Кушева Е. Н.* Северный Кавказ и международные отношения // Ист. журн. Кн. I (113). М., 1943.

[4] *Смирнов И. И.* Северный Кавказ XVI—XVII вв. в новом освещении // История СССР. 1966. Т. 1. С. 184.

inslav

гими учреждениями, которые ведут работу в области кавказоведения, с сектором народов Кавказа Института этнографии АН СССР, с отделом Кавказа Этнографического музея в Ленинграде, деятельно участвовала в научных сессиях институтов археологии и этнографии, в Международном конгрессе антропологов и этнографов.

На протяжении всей своей научной деятельности Е. Н. Кушева постоянно занималась вопросами, связанными с публикацией исторических источников. Отчасти она играла в этом деле роль организатора, первоначально в 1936—1937 гг. в качестве ученого секретаря археографического сектора Института истории АН СССР. С 1947 по 1951 г. она являлась ученым секретарем Археографического совета института, деятельность которого оставила заметный след в развитии теории и практики археографических работ в стране. Значение Археографического совета не исчерпывалось работой по координации археографической деятельности секторов института, в эти годы очень плодотворной. На заседаниях расширенного бюро совета ставились вопросы методологии и методики публикаторской работы, вырабатывались, нередко в горячих спорах, основные принципы и правила издания документов [5]. Дискуссии по многим из поднимавшихся советом вопросов продолжаются и в настоящее время. Понятно, что роль ученого секретаря в постановке этой работы была чрезвычайно велика и авторитет Кушевой при решении археографических проблем не только в стенах института, но и в других учреждениях, занимающихся публикацией документов, был необычайно высок.

Однако не менее важной представляется непосредственная работа Екатерины Николаевны в качестве составителя и редактора по подготовке к изданию тематических сборников документов. Среди публикаций, в которых она принимала участие, следует назвать документальные сборники по истории народов Северного Кавказа — «Русско-кабардинские отношения в XVII—XVIII вв.», т. 1 (сост. и ред.); «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.» (ред.). К сожалению, сборник по истории Чечено-Ингушетии до сих пор еще не увидел свет. Отличительной чертой Кушевой-публикатора являются бережный подход к тексту издаваемых документов, строго научные приемы отбора и комментирования.

Особо следует выделить работу Е. Н. Кушевой, связанную с подготовкой кадров историков в трудные годы Великой Отечественной войны, когда Президиум АН СССР поставил перед Институтом истории неотложную задачу пополнения рядов историков новыми силами. В 1943—1944 гг. Екатерина Николаевна заведовала аспирантурой и докторантурой института, только что вернувшегося в Москву из эвакуации. При ее деятельном участии проводилась установка на равномерное распределение тем между молодыми учеными с таким расчетом, чтобы они могли изучать «мировой исторический процесс в широких хронологических рамках — от древности до современности» [6], вводилась новая методика сдачи кандидатского минимума для аспирантов, нацеленная на подготовку их к самостоятельной исследовательской работе (в чем она, кстати, выгодно отличалась от современной).

Неоценимы также заслуги Кушевой в подготовке квалифицированных кадров исследователей-кавказоведов, которой она занималась и как научный руководитель прикрепленных к ней аспирантов и как постоянный и щедрый консультант для всех обращавшихся к ней за помощью молодых историков. Ею выращено большое число ученых, составляющих в настоящее время добротное ядро местных научных работников.

Для Екатерины Николаевны характерно бережное отношение к научному наследию своих учителей и товарищей. Так, в 30—40-х годах при ее участии были посмертно изданы некоторые труды П. Г. Любомирова

[5] *Кушева Е. Н.* Археографический совет и публикаторская работа Института истории АН СССР (1948–51) // АЕ за 1984 год. М., 1986.

[6] *Кушева Е. Н.* О подготовке научных кадров в Институте истории АН СССР в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1986. № 3. С. 120.

inslav

и С. Н. Чернова[7]. Много усилий было также приложено ею к приведению в порядок и передаче на хранение в архивы рукописных фондов ряда ее умерших товарищей.

В этом плане особенно хочется остановиться на воспоминаниях Е. Н. Кушевой, которыми она охотно делится на страницах печати и на разного рода заседаниях и конференциях. Огромный жизненный опыт, прекрасная память, близкое знакомство с крупнейшими представителями советской исторической науки и культуры делают эти воспоминания бесценными для молодого поколения историков, приближая и во многом объясняя нередко драматические события прошлого науки. Уже изданы ее воспоминания о В. И. Шункове как публикаторе, о С. Н. Валке[8], о деятельности Археографического совета Института истории в 1948—1951 гг., о подготовке научных кадров в годы Великой Отечественной войны[9]. Подготовлены и переданы для публикации воспоминания о П. Г. Любомирове и Е. П. Подъяпольской (в Историографическом сборнике Саратовского университета), о художнике В. А. Фаворском (в сборнике в честь столетия художника); о Б. П. Кузьмине написаны воспоминания для прочтения на заседании, посвященном его памяти. Не менее ценны и красочны устные повествования Екатерины Николаевны — о С. Н. Валке на посвященном ему заседании Археографической комиссии совместно с ИМЭЛ, о развитии исторической науки в 20—30-е годы и т. д.

Е. Н. Кушевой как человеку и ученой присущи неоценимые качества, проявляемые ею и в научных исследованиях и в общественной деятельности,— высокая принципиальность, смелость и бескомпромиссность в отстаивании своих научных и гражданских позиций, постоянная готовность оказать действенную помощь и поддержку своим товарищам.

---

[7] *Любомиров П. Г.* Статьи по истории России XVII–XVIII в. М., 1941. О судьбе этого сборника см.: *Подъяпольская Е. П.* О судьбе одной книги П. Г. Любомирова // АЕ за 1975. М., 1976. С. 309–311; *Любомиров П. Г.* Очерки по истории русской промышленности XVII, XVIII и начала XIX вв. М.; Л., 1947; *Чернов С. Н.* У истоков освободительного движения. Саратов, 1960.

[8] АЕ за 1988 год. М., 1989.

[9] Археографический совет и публикаторская работа Института истории Академии наук СССР (1948–1951) // АЕ за 1984 год.

inslav

А. В. Санцевич

Ф. П. ШЕВЧЕНКО — АРХЕОГРАФ И АРХИВИСТ

(К 75-летию со дня рождения)

24 августа 1988 г. исполнилось 75 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента Академии наук УССР Федора Павловича Шевченко, видного советского историка, архивиста, археографа, крупнейшего специалиста по истории Украины периодов феодализма и Великой Отечественной войны, истории зарубежных социалистических стран, историографии, вспомогательным историческим дисциплинам. Творческие свершения ученого чрезвычайно велики. Его перу принадлежит около 700 работ. Он подготовил 45 кандидатов и 7 докторов наук. О его научной деятельности можно было бы много писать.

Остановимся только на разрабатываемой им проблематике, близкой к профилю данного ежегодника.

Рано пробудился у Федора Павловича интерес к историческому документу. Когда в 1930 г. в родном селе Дунаевцы закрыли церковь и вывезли важнейшие документы в архив, 16-летний подросток унес оставшиеся бумаги к себе домой. Эти материалы проливали некоторый свет на прошлое села. После окончания в том же году школы-семилетки работал колхозником в Дунаевцах (на Подолии), подсобным рабочим на обувной фабрике в Киеве, по вечерам учился на рабфаке. Первое знакомство с историческими источниками, видимо, крепко запало в душу юноши. В 1933 г. он поступил в Московский государственный историко-архивный институт, который закончил в 1937 г., получив диплом с отличием.

После окончания в 1940 г. аспирантуры при том же институте историк-архивист получил назначение директором Черновицкого областного государственного архива. На древней украинской земле, освобожденной от иностранного господства, открывался широкий простор для научных исследований. Особое внимание Шевченко привлекало революционное движение на Буковине в XIX в., героический образ народного предводителя Лукьяна Кобылицы.

Однако Великая Отечественная война поломала все планы. В июле 1941 г. Шевченко пришлось эвакуироваться из Черновцев, удалось вывезти на восток наиболее ценные материалы архива. Во второй половине 1941 г. он директор Краснодарского краевого государственного архива, который в конце года эвакуирован в г. Челкар КазССР. Архивные документы законсервированы, учреждение не работало.

В связи с этим в начале 1942 г. Шевченко работает заведующим архивом Совета Народных Комиссаров УзССР в Ташкенте. С марта по ноябрь 1943 г. он начальник научно-издательского отдела Архивного управления УзССР. В мае 1943 г. защищает в Институте истории АН СССР кандидатскую диссертацию на тему «Русские воеводы на Украине (Очерки взаимоотношений Украины с Россией во второй половине XVII в.)», подготовленную еще в 1940 г. Он широко использует еще не введенные до него в научный оборот ахривные материалы, делает глубокие обобщения по важной проблеме русско-украинских связей в исследованный период.

В ноябре 1943 г. Ф. П. Шевченко по вызову выезжает на Украину и с декабря того же года работает начальником научно-издательского отдела Архивного управления УССР. Многолетняя научно-организаторская

inslav

работа в архивных органах дала историку большой полезный опыт для последующей археографической деятельности. Соответствующие навыки весьма пригодились и на посту заместителя председателя Комиссии по истории Отечественной войны АН УССР, который он занимал с сентября 1945 по апрель 1949 г. Сотрудники комиссии собирали и систематизировали документальные материалы о Великой Отечественной войне, о борьбе трудящихся Украины и всего Советского Союза против немецко-фашистских захватчиков. Было накоплено большое количество различных документов и материалов. Шла активная подготовка к составлению хроники событий войны и хронологических справочников на местах. Шевченко опубликовал методические рекомендации по составлению хронологического справочника о временной оккупации немецко-фашистскими захватчиками населенных пунктов Украины и освобождении их Красной Армией [1]. Он был автором предисловия и редактором сборника волнующих драматических документов «Письма с фашистской каторги» — подлинных свидетельств советских граждан, выгнанных на каторжные работы в фашистскую Германию [2].

Шевченко был редактором дневника о Карпатском рейде С. В. Руднева, легендарного комиссара партизанского соединения, руководимого С. А. Ковпаком [3]. Таким образом, ученый принимал активное участие в подготовке к печати требовавшей большого внимания и профессиональных навыков литературы мемуарного характера о Великой Отечественной войне.

Историк выступил редактором и автором предисловия к документальному сборнику о немецко-фашистском оккупационном режиме на Украине в 1941—1945 гг.[4]

В 1949 г. увидел свет документальный сборник, материалы для которого историк собирал еще до войны, о крестьянском движении на Буковине в 40-х годах XIX в.[5] Шевченко написал для этого сборника предисловие и комментарии, сам же был и его составителем. Отобранные исторические документы отразили выступления крестьян под руководством Л. Кобылицы против помещичьего угнетения, преследований австрийских властей.

Шевченко не видел самоцель в подготовке этого сборника. Он умело использовал его материалы (преимущественно архивные документы) для написания содержательной монографии о Л. Кобылице [6]. В книге немало места отведено положению Буковины еще со времени вхождения ее в Молдавское княжество, истории буковинских крестьян с конца XVIII в. Эта предыстория вопроса помогает читателю четко уяснить причины размаха крестьянского движения под руководством Л. Кобылицы в 40-х годах XIX в., особенно в период революции 1848 г. Революционная деятельность Л. Кобылицы раскрывается на широком фоне крестьянской борьбы против помещичьего угнетения.

С сентября 1944 до июля 1950 г. Шевченко по совместительству заведующий кафедрой архивоведения и доцент Киевского университета, передает свои знания и опыт студентам, выступает в печати.

С апреля 1949 г. он долгие годы работает в Институте истории АН УССР: до 1960 г. заведующим отделом истории стран народной демократии, с 1960 по 1963 г. возглавляет отдел вспомогательных исторических дисциплин. В 1963 г. отдел был преобразован в отдел историографии и источниковедения, который Федор Павлович возглавлял до 1968 г. В последующие годы (до сентября 1972 г.) Шевченко — директор

[1] Вісті Академії наук УРСР. 1946. № 4. С. 18—23.

[2] Листи з фашистської каторги: Зб. листів радянських громадян, які були вигнані на каторжні роботи до фашистської Німеччини. Київ, 1947. 157 с.

[3] *Руднев С. В.* Щоденник про Карпатський рейд. Київ, 1948.

[4] Німецько-фашистський окупаційний режим на Україні 1941—1944: Зб. документів і матеріалів. Київ, 1951.

[5] Селянський рух на Буковині в 40-х роках XIX ст.: Зб. документів. Київ, 1949.

[6] *Шевченко Ф. П.* Лук"ян Кобилиця: З історії антифеодальної боротьби селянства Буковини в першій половині XIX ст. Київ, 1958.

inslav

Института археологии АН УССР[7]. Его заслуги отмечены избранием в 1969 г. членом-корреспондентом АН УССР.

В сентябре 1972 г. Шевченко возвращается в Институт истории АН УССР. Сначала работает старшим научным сотрудником, а с 1982 г. возглавляет сектор исторической географии и картографии отдела источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, с 23 ноября 1987 г. он главный научный сотрудник института.

Ученый постоянно призывает к рациональному разрешению экологических вопросов. Но особенно большое внимание он уделяет сохранению памятников истории и культуры, являясь членом Правления Общества охраны памятников истории и культуры УССР. Большой вклад он вносит в разработку программы и подготовку к изданию «Атласа истории Украинской ССР».

Широк круг научных интересов Федора Павловича. Но, как каждый исследователь, он имеет любимую проблематику. Для него это XVII в. в истории Украины. Именно к этому периоду относятся такие важные исторические события, как освободительная война 1648—1654 гг., воссоединение Украины с Россией. Шевченко внес весомый вклад не только в конкретную разработку этой проблемы, но и в упрочение ее источниковой базы.

В 1953 г. вышел в свет фундаментальный трехтомник документов и материалов «Воссоединение Украины с Россией», в котором привлечено огромное количество новых исторических источников по важной теме. Вместе с другими ведущими историками страны Шевченко как представитель Института истории АН УССР осуществлял научно-археографическое руководство составлением этих томов.

Он был также ответственным редактором сборника документов о Богдане Хмельницком, существенно дополняющих названную трехтомную публикацию, получившую высокую оценку в научной печати.

Шевченко подготовил и издал обстоятельную монографию о политических и экономических связях Украины с Россией в середине XVII в.[8], на основе которой он в 1963 г. защитил докторскую диссертацию.

Шевченко был одним из первых в советской историографии исследователей многовековой дружбы русского и украинского народов. В 1951—1954 гг., к 300-летию воссоединения Украины с Россией, он несколькими изданиями выпустил на русском и украинском языках монографию «Историческое значение вековечной дружбы украинского и русского народов» (Киев, 1954. 175 с.).

Федор Павлович неоднократно выступал с теоретическими статьями по вопросам архивоведения и археографии, в которых раскрывал их специфику, прослеживал связи с другими историческими дисциплинами[9]. Он рассматривал архивные источники и документальные публикации в тесной связи с соответствующей исторической обстановкой, на основе принципов историзма и партийности.

Он был одним из организаторов и членов редколлегии тематических сборников «Исторические источники и их использование», издававшихся совместно Институтом истории АН УССР и Архивным управлением при Совете Министров УССР[10]. В сборниках выделялся специальный отдел, посвященный архивоведению. Он часто публиковал в сборнике свои

---

[7] *Ф. П.* Нові відкриття українських археологів // Укр. іст. журн. 1971. № 10. С. 159; *Шевченко Ф. П.* Нові відкриття українських археологів // Нова думка. 1972. Ч. 2. С. 103—105; *Шевченко Ф. П.* З глибини віків (інтерв"ю) // Культура і житиа. 1971. 28 вересня; и др.

[8] *Шевченко Ф. П.* Політичні та економічні зв"язки України з Росією в середині XVII ст. Київ, 1959.

[9] См.: *Шевченко Ф. П.* Місце та роль архівознавства серединших спеціальних історичних дисциплін // Друга республіканська наукова конференція з архівознавства... Київ, 1965. С. 5—22; *Он же.* Археографія // Рад. енциклопедія історії України. Київ, 1969. Т. 1; и др.

[10] Історичні джерела та їх використання. Київ, 1964—1972. Вип. 1—7.

inslav

статьи: так, например, дал развернутую характеристику Реестру Войска Запорожского 1649 г. как важному историческому источнику, содержащему более 40 тыс. фамилий казаков [11]. Вышедшее издание реестра содержит существенные погрешности. Поэтому в своей статье Федор Павлович выдвинул предложение издать реестр по архивному экземпляру. В настоящее время он работает над подготовкой текста для переиздания.

Федор Павлович активно занимается и важными практическими вопросами архивоведения и археографии. Он является членом научного совета Главархива УССР, членом бюро Археографической комиссии УССР, активно развернувшей свою работу с октября 1987 г.

Ф. П. Шевченко встречает свой юбилей бодро. Он выдвигает интересные реалистические творческие планы, постоянно находится в русле научной жизни коллектива, пользуется уважением и любовью товарищей, постоянно оказывает большую помощь молодым сотрудникам. Пожелаем ему доброго здоровья и новых творческих успехов.

---

[11] *Шевченко Ф. П.* Реєстр війська запорізького 1649 р.– джерело історії козацтва на Україні // Історичні джерела та їх використання. Київ, 1966. Вип. 2. С. 23–34.

inslav

С. М. Фалькович

АРХЕОГРАФИЯ И АРХИВНОЕ ДЕЛО В ТВОРЧЕСТВЕ В. А. ДЬЯКОВА

(К 70-летию со дня рождения)

Владимир Анатольевич Дьяков хорошо известен в научном мире как разносторонний исследователь широкого круга проблем, касающихся истории и культуры народов СССР, Польши и всего региона Центральной и Юго-Восточной Европы. Его перу принадлежат более 250 опубликованных работ, среди них два десятка монографий, написанных индивидуально или в соавторстве, сотни статей, публикаций, рецензий, обзоров. Еще более обширно число научных трудов, вышедших под редакцией Дьякова. Знают Дьякова и как воспитателя большого отряда молодых ученых, и как энергичного и делового организатора науки, генерирующего не только научную мысль, но и конкретные идеи перестройки научного дела, в частности касающиеся вопросов научной информации.

Значительное место в деятельности Владимира Анатольевича занимают проблемы историографии и источниковедения, археографии и архивного дела. Эта сторона научного творчества Дьякова заслуживает более пристального рассмотрения, потому что, как представляется, она органично связана с его человеческими особенностями, с самим характером его личности.

Владимира Анатольевича всегда влекли к себе литература и литературное творчество. В молодости он писал стихи, да и в зрелом возрасте упражнял свой слог в поэзии и прозе. Видимо, это увлечение сказалось и на выборе им профессии: в 1938 г. он поступил в Историко-архивный институт, потому что чувствовал драматизм исторического факта, поэзию документа.

Великая Отечественная война прервала учебу и позвала Дьякова на фронт. Но участие в этом тяжелом испытании обострило у него восприятие чувства истории, расширило круг его интересов, дало им новое направление. После окончания МГИАИ он поступает в аспирантуру Московского областного педагогического института. В 1960 г. защищает кандидатскую диссертацию «Русская военная историография в последней четверти XIX в.» С армейской темой связана и докторская диссертация («Революционное движение в русской армии и его взаимосвязи с польским освободительным движением (1856—1865)»), которую он защитил в 1966 г. Неизменным оставалось его пристрастие к документальным источникам. Документы военной истории были объектом его изучения в Архиве Министерства обороны СССР еще в период военной службы и позже в ЦГВИА. Фондами ЦГВИА, как и других исторических архивов, он постоянно пользовался в своей последующей научной деятельности. С архивами оказалась связанной и служба Владимира Анатольевича на протяжении значительного периода его жизни. В 1957—1958 гг. он был сотрудником ЦГВИА, затем до 1960 г. работал в ГАУ СССР, непосредственно участвуя в архивном строительстве и руководстве архивным делом. Верность этому делу, археографические симпатии Дьяков сохранил и на посту заведующего сектором историографии и научной информации Института славяноведения и балканистики АН СССР. В течение ряда лет он является членом Бюро Археографической комиссии АН СССР редколлегии «Археографического ежегодника», неоднократно выступал перед его коллективом.

inslav

Конец 50-х — начало 60-х годов явились переломным моментом в судьбе Дьякова. Он встретился с видным ученым-славистом И. С. Миллером, который привлек его к работе над советско-польской серийной публикацией «Восстание 1863 г. Материалы и документы». С этого времени Владимир Анатольевич стал сотрудником Института славяноведения и начал активно осваивать новую для себя проблематику польского освободительного движения и российско-польских революционных связей. Прекрасное знание архивных фондов, интерес к историческому документу, умение работать с ним вывели Дьякова в число ведущих участников публикации. За 30 лет с 1957 по 1987 г. для серии было выявлено в архивохранилищах страны огромное количество документов и около 6000 документов после соответствующей археографической обработки опубликовано с подробным научным комментарием. Эту работу, воплотившуюся в 25 томов, каждый объемом в несколько десятков печатных листов, высоко оценили советская и польская научная общественность, а также правительство ПНР. В. А. Дьяков, после смерти И. С. Миллера возглавивший с советской стороны работу над публикацией, был награжден Золотым знаком Ордена Заслуги ПНР.

Издание 25-томной серии имело громадное значение не только в плане развития археографии — выявления, описания и обнародования большого документального богатства. Оно создало прочную документальную базу для исследования истории освободительного движения в России и Польше и российско-польских революционных связей 50—60-х годов XIX в., во многом обусловило успехи советских полонистов в этой области. Оно явилось беспрецедентным актом сотрудничества советских и польских историков, определило само дальнейшее его развитие, формы и методы научного сотрудничества, его направленность.

В частности, были запланированы новые совместные издания СССР и ПНР, включавшие публикацию как документов, так и основанных на них исследований советских и польских ученых. Дьяков играл руководящую роль в советской части редколлегии одной из таких публикаций — «Польское общественное движение и литературная жизнь 30—50-х годов XIX в. Исследования и материалы». Во всех томах этой так называемой зеленой серии[1] он выступал в триедином качестве — публикатора архивных документов, автора исследовательских статей и редактора. Столь же активное творческое участие Владимира Анатольевича предусмотрено и в новой совместной советско-польской многотомной публикации «Польское общественное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX в.» (продолжение «зеленой серии»), которую в организационном отношении Дьяков курирует с советской стороны. В работе уже несколько томов, в том числе и входящий в серию биобиблиографический словарь «Общественно-политическое движение в Королевстве Польском в 30—50-е годы XIX в.» (авторы-составители В. А. Дьяков и В. М. Зайцев).

Характерно, что Владимир Анатольевич, руководя коллективной работой по публикации, стремится и к активному научному творчеству. Он с большой заинтересованностью работает в публикациях, осуществляемых различными, в том числе периферийными, научными организациями (например, в многотомной продолжающейся публикации «Нерчинская каторга»), предпринимает масштабные по объему и значимости публикации документов собственными силами, в рамках индивидуальных трудов. Так, в одиночку он поднял огромный пласт архивных материалов ЦГВИА об одном из интереснейших революционных мыслителей Польши — ксендзе Петре Сцегенном, исследовал созданную последним в 40-х годах XIX в. тайную организацию. Здесь наиболее полно раскрылось мастерство Дьякова как архивиста, археографа. Автор дает классифика-

[1] Содружество польского народа в Королевстве Польском: Густав Эренберг и «свентокшижцы». Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1978; Революционное подполье в Королевстве Польском в 1840–1845 гг.: Эдвард Дембовский. 1981; Польское общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 г. 1984.

inslav

цию, детальное описание и характеристику публикуемых и исследуемых документов, подробно изучает обстоятельства их возникновения, прослеживает их судьбу. На основании археографического анализа он смог полнее и убедительнее раскрыть и смысл документов и, значит, глубже понять особенности мировоззрения Сцегенного, его революционную программу. Большие монографии о Сцегенном вышли в 1972 г. в русском и польском изданиях[2]. В оба издания были включены документы, причем в польском они занимают почти две трети объема. В Польше публикация вызвала особый интерес, так как все документы польских архивов, связанные со Сцегенным и его организацией, утрачены во время войны. Впрочем, это печальное обстоятельство касается не только материалов о Сцегенном, потому польские историки с таким вниманием относятся ко всем архивным публикациям, предпринимаемым нашими учеными в рамках двустороннего сотрудничества и вне его. Естественно, что пристальный взгляд обращен на В. А. Дьякова, который, являясь инициатором и участником ряда коллективных и индивидуальных трудов по публикации, много сделал для того, чтобы богатые материалы архивов СССР стали достоянием широкой научной общественности.

Внимание к трудам Владимира Анатольевича в нашей стране и в Польше объясняется не только этой стороной его научной деятельности. Начиная с первых шагов в науке, Дьяков никогда не ограничивался публикацией документов без попытки предпринять на их базе исследование более или менее широкого круга проблем. С другой стороны, все его исследовательские работы основаны на документальном, преимущественно архивном, материале, который он открыл, выявил, ввел в научный оборот. Можно, таким образом, говорить о своеобразном дьяковском «натуральном хозяйстве», но при этом нужно принять во внимание, что «хозяйство» это охватывает архивохранилища в средней России и в Сибири, в Казахстане и на Украине, в Белоруссии и Литве. Так же широк географический, хронологический, жанровый, проблемный охват научного творчества Дьякова. В центре его внимания и 50—60-е, и 30—40-е годы XIX в. Он исследует русское освободительное движение и национально-освободительные движения польского и других народов России. Анализу подвергаются военная проблематика, вопросы политической борьбы, проблемы общественной мысли и социально-экономические аспекты. Его работы — это история организаций и судьбы отдельных лиц, мелкие эпизоды истории и масштабные полотна, частные выводы и широкие обобщения.

Говоря об обобщениях, хотелось бы выделить такой своеобразный жанр, как биобиблиографические словари. Этот труднейший и трудоемкий жанр, предполагающий выявление огромного количества разнородных источников, их критическую оценку и сопоставление, а затем на основе аналитической работы синтез всего документального материала и концентрацию его в емких строчках справочного текста, под силу лишь немногим.

У Дьякова есть силы для такой работы. Вкус к ней возник еще в конце 50-х годов, когда он только приступал к освоению польской проблематики. Уже тогда его внимание привлекали документы такого рода, как составленные царскими чиновниками биографические «списки», «алфавиты» деятелей российского и польского освободительного движения. Публикуя их, Дьяков давал к каждой позиции «алфавита» свой, собранный из множества других архивных документов комментарий, тем самым дополняя, обогащая, а зачастую корректируя или опровергая официальные сведения о том или ином лице.

---

[2] *Дьяков В. А.* Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801—1890 гг.). М., 1972; *Djakow W.* Piotr Ściegienny i jego spuścizna. Warszawa, 1972. См. также: *Djakow W.* Piotr Ściegienny. Ksiądz-rewolucjonista. Warszawa, 1974.

inslav

Опыт, который был накоплен при подготовке этих исследований, вошедших в первые сборники статей по истории восстания 1863 г. и русско-польских революционных связей (1960 и 1962 гг.), Владимир Анатольевич использовал в работе над большим трудом, обобщившим данные широкого круга архивных и опубликованных источников — документальных, мемуарных, литературных. Опубликованный биобиблиографический словарь «Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856—1865 гг.» (М., 1967) одновременно подводил итог многолетней разработке Дьяковым проблемы армейских революционных организаций, еще раз напоминая о его «пристрастии» к военной теме. Для исследователей истории российского и польского революционного движения он служит не только необходимым справочным пособием, но и важным источником, сконцентрировавшим ценнейшую информацию как фактического, так и библиографического плана о периоде 50—60-х годов XIX в.

Еще более обширные задачи были поставлены Дьяковым и его соавтором в связи с подготовкой биобиблиографического словаря, который включен в уже упоминавшуюся выше советско-польскую серию «Польское общественное движение и российско-польские общественно-культурные связи в XIX в.» Это издание призвано осветить различные стороны общественно-политической жизни Королевства Польского в 30—50-е годы прошлого века.

Особое место в ряду биобиблиографических словарей занимает вышедший в 1979 г. словарь «Славяноведение в дореволюционной России». Это коллективный труд многих людей, но руководил его подготовкой В. А. Дьяков — ответственный редактор, один из авторов большого вступительного раздела, автор нескольких биобиблиографических статей. Издание выгодно отличается тем, что к каждой словарной статье наряду с опубликованными источниками и даже впереди них перечислены архивные фонды, содержащие сведения о том или ином лице. Эти ссылки не только подтверждают приведенную в статьях информацию, нередко расходящуюся с прежней или ее уточняющую, не только облегчают поиск новых данных, но и оповещают о больших документальных комплексах, ожидающих разработки, в том числе о богатых личных фондах наших архивов. В известной мере эти данные использует и обобщающий историографический труд, в котором В. А. Дьяков является одним из основных авторов [3].

Традиция создания биобиблиографических словарей в области славяноведения получила продолжение в издании «Историки-слависты СССР» (М., 1981). Эту работу также возглавил Дьяков, который выступил как ответственный редактор и соавтор раздела книги, анализирующего вклад советской науки в изучение истории зарубежных славян. Поскольку словарь содержит сведения по состоянию на 1978 г., под руководством Владимира Анатольевича закончена подготовка нового, более полного и обобщающего издания.

Выход Дьякова к широким обобщениям на основе глубокого фундаментального освоения источников находит выражение и в обращении к вопросам периодизации освободительного движения в России и Польше, осмыслению закономерностей его развития на базе марксистско-ленинской науки, к сопоставительному изучению истории этих стран в новое время. Большое внимание уделяет ученый и разработке проблем типологии и методологии исторического исследования. В этом плане большой интерес представляет монография Дьякова «Методология истории в прошлом и настоящем» (М., 1974). В книге трактуются, в частности, вопросы о понятии «исторический факт» и значимости исторического документа, о возможности познания явлений истории через посредство исторического

---

[3] Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988.

inslav

источника, о процессе такого познания, его специфике. Автор рассматривает соотношение между историей и вспомогательными историческими дисциплинами, между общей и частной методологией истории, т. е. методикой и техникой исторических исследований. Он подробно анализирует основные теоретические и методические проблемы источниковедения как главной из вспомогательных исторических дисциплин — вопросы дефиниции теоретического и конкретного источниковедения, природы исторического источника, принципов классификации источников, их выявления, критического анализа и научной интерпретации.

Написанная в популярной, доходчивой манере, монография Дьякова привлекла внимание не только специалистов-историков, в том числе археографов и архивистов, но и любителей истории. Недаром она была переведена на словацкий язык и издана в ЧССР. Переводы ряда монографий и статей Владимира Анатольевича выходили в Польше, в частности «Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г.» (1964), «Тарас Шевченко и его польские друзья» (1964), уже упомянутая монография о Сцегенном. Некоторые его работы увидели свет именно за рубежом, в Польше[4]. Это обстоятельство наряду с появлением в советской и иностранной периодике многочисленных рецензий на исследования Дьякова свидетельствует о широком признании его трудов. Подтверждает это и присуждение ему в 1981 г. Польским отделением Общества европейской культуры (SEC) ежегодной премии за заслуги перед польской культурой за границами страны.

Высокую оценку научной общественности заслужил творческий вклад Дьякова в целом. За 40 лет жизни в науке им сделано очень много, его продуктивность и работоспособность поразительны. Труды Дьякова — труды в прямом, непосредственном смысле этого слова, результат неустанной, ежедневной целенаправленной деятельности, неутолимой жажды к познанию, страстного интереса к истории. Для этой его страсти нет преград, ей не помеха и годы, складывающиеся в круглую юбилейную дату.

---

[4] См., например: *Djakow W., Nagajew A.* Partyzantka Zaliwskiego i jej pogłosy (1832–1835). Warszawa, 1979; *Bolszakow L., Djakow W.* Sprawa Migurskich. Kraków, 1984.

inslav

И. Д. Ковальченко, В. Ф. Кутьев

Б. Г. ЛИТВАК — АРХИВИСТ, АРХЕОГРАФ, ИСТОЧНИКОВЕД

(К 70-летию со дня рождения)

Видному советскому историку, археографу и источниковеду, доктору исторических наук, профессору Борису Григорьевичу Литваку исполнилось 70 лет. Постоянно наблюдая его неуемность и одержимость в работе, заряженность на новые идеи и начинания, в это трудно поверить.

Б. Г. Литвак родился 6 апреля 1919 г. в с. Ширяево Одесской обл. в семье счетовода. По окончании школы-семилетки в 1933 г. родители послали его в Одессу в педагогический техникум больше не на предмет учебы, а чтобы получить студенческую хлебную карточку, так как на Украине в это время в результате коллективизации свирепствовал голод. В 1935 г. в связи с острой нехваткой учителей он как отличник был переведен в Одесский педагогический институт им. Ушинского. Окончив его, работал учителем украинского и русского языков и литературы. С первых дней Великой Отечественной войны Б. Г. Литвак на фронте, участвовал в боях на Украине, под Москвой, на Орловщине, в Прибалтике, Польше и Германии, был ранен и контужен. Награжден двумя орденами и несколькими медалями. При расформировании 61-й армии в 1945 г. еще в Германии он по заданию командования участвовал в подготовке материалов для написания «Исторической справки о 61-й армии» (это делалось во всех соединениях армии). Одновременно готовил документальные материалы штаба армии для пересылки в архив в г. Бугуруслан. Это было первое приобщение будущего студента МГИАИ к архивному делу. В 1946—1951 гг. учился в Московском государственном историко-архивном институте. Он принадлежал к поколению студентов — бывших фронтовиков, которые в трудных материальных условиях послевоенного периода жадно впитывали знания и были катализаторами общественной жизни. Литвак быстро завоевал авторитет не только у студентов, но и у профессорско-преподавательского состава. Его избирали старостой курса, секретарем партбюро института, заместителем председателя Научного студенческого общества профессора В. В. Максакова (от студентов). В то время в Институте читали лекции и вели семинары такие известные ученые, как А. И. Андреев, П. П. Смирнов, Н. В. Устюгов, А. А. Новосельский, Л. В. Черепнин, С. С. Дмитриев, В. К. Яцунский, В. В. Максаков и другие, воспитавшие целую плеяду талантливых ученых-исследователей.

Научной работой Борис Григорьевич начал заниматься еще в студенческие годы. Дипломная работа «Уставные грамоты Волоколамского уезда как исторический источник», родившаяся на семинаре В. К. Яцунского, заложила базу для одного из главных направлений его дальнейших научных изысканий. Но в аспирантуру один из талантливых студентов МГИАИ не попал. Уже работая, он подготовил и в 1956 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию «Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации „Положений“ 19 февраля 1861 г.».

Недюжинные способности Литвака — архивиста и археографа, а также организатора публикационной работы — реализовались во время его работы в журнале «Исторический архив» в 1954—1962 гг. Это был единственный в то время исторический публикаторский журнал, возродивший лучшие традиции довоенных изданий «Красный архив» и «Архивное дело».

inslav

Литвак прошел все ступени от младшего редактора до заместителя главного редактора журнала, участвовал в выявлении и публикации документов по актуальным вопросам: о реабилитированных по решениям XX съезда КПСС деятелях партии, военачальниках; о деятелях науки, культуры, искусства, о советских военнопленных. Многие из тем «археографически» были начаты впервые, о чем он рассказал в своих воспоминаниях, напечатанных в АЕ за 1985 год. В «Историческом архиве» им были опубликованы первые статьи по источниковедению и археографии массовой документации XIX — начала XX в., в частности о разработке методики публикации в виде регестров и таблиц. И в том, что журнал завоевал большой авторитет у специалистов и любителей истории, есть немалая заслуга и Бориса Григорьевича. О восстановлении такого рода журнала ставят вопрос историки сегодня.

Вопросы архивоведения, археографии и источниковедения занимают Литвака на протяжении всей научной деятельности не только теоретически, но и практически, а также как педагога. Он член бюро Археографической комиссии АН СССР, заместитель ответственного редактора «Археографического ежегодника», член Научного совета ВНИИДАД и Центральной экспертно-проверочной комиссии Главархива СССР, профессор кафедры археографии МГИАИ. Литвак — автор целого ряда статей по актуальным вопросам полевой, эдиционной и камеральной археографии (об археографической культуре издания научного наследия К. Маркса — Ф. Энгельса (АЕ за 1983 год), о серийных изданиях как одной из форм советских публикаций (АЕ за 1985 год), о советских журнальных публикациях (ИА, 1960, № 2; АЕ за 1985 год), об итогах и задачах собирания и научного описания памятников кириллической письменности и книжности (совм. с С. О. Шмидтом и В. А. Черных. АЕ за 1987 год)) и др. Им написана глава «Публикации документальных памятников в советское время» в учебном пособии «Документальные памятники: выявление, учет, использование» (М., 1988). Своими публикациями и исследованиями он ввел в научный оборот много новых источников. Б. Г. Литвак участвует в рецензировании и обсуждении важнейших методических документов и разработок ВНИИДАД и Главархива СССР, является научным редактором новой редакции «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1989). На организуемых Главархивом СССР научных заседаниях он постоянно выступает с докладами по актуальным вопросам археографии и архивоведения.

С 1957 г. Литвак работает в Институте истории АН СССР (ныне Институт истории СССР), сейчас — ведущим научным сотрудником сектора источниковедения истории СССР (дооктябрьского периода). За это время появилось в печати свыше 150 его научных работ, в том числе четыре монографии. Отдельные статьи вышли на итальянском, немецком и венгерском языках. При всей широте научных интересов и разнообразии тематики опубликованных работ его научное творчество имеет ясно выраженную и настойчиво проводимую устремленность к наиболее актуальным проблемам отечественной истории. Эта устремленность, помноженная на исследовательский талант, необыкновенную работоспособность и тщательность, привела к важным научным результатам, которые являются непреходящим вкладом в развитие советской исторической науки. Следует подчеркнуть научную принципиальность Литвака, его преданность науке, демократизм и доброжелательность в общении с коллегами.

Одним из основных направлений исследований Б. Г. Литвака является изучение крестьянской реформы 1861 г.— поворотного события в истории нашей страны. Этой проблеме посвящены его дипломная, кандидатская и докторская работы. Изыскания сосредоточены на раскрытии наиболее существенного и наименее исследованного аспекта реформы — процесса ее осуществления. Фундаментальное решение этой задачи (а именно такой была направленность работы) требовало, во-первых, широкого привлечения массовых источников — уставных грамот и выкупных актов; во-вторых, наряду с их критическим источниковедческим

inslav

анализом создания методов их обработки и анализа. Изучив около 20 тыс. уставных грамот и примерно столько же выкупных актов по Московской и шести губерниям Черноземного центра (т. е. почти столько, сколько их было изучено до него всеми другими историками), а также использовав другие источники, ученый всесторонне раскрыл сложный и противоречивый процесс проведения реформы в жизнь, превращения феодально-крепостнической деревни в капиталистическую. В 1969 г. Б. Г. Литвак защитил докторскую диссертацию по теме «Проведение крестьянской реформы в русском Черноземном центре (1861—1895 гг.)». Завершающим итогом исследования темы явилась монография «Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр, 1861—1895 гг.» (М., 1972).

В тесной связи с проблемой реформы 1861 г. находится разработка Литваком истории крестьянского движения в России XIX в. И здесь его интересовали не только размах и характер борьбы крестьянства, но и поиск путей и выработка единой методики обобщения и приведения к статистической форме различных описательных сведений о крестьянских выступлениях. Итоги этой работы изложены в монографии «Опыт статистического изучения крестьянского движения в России XIX в.» (М., 1967). Эта книга стала исходной методологической и методической основой для всех последующих работ по истории крестьянского движения в XIX — начале XX в. В издательстве «Наука» в 1989 г. вышла его книга «Крестьянское движение в России в 1775—1904 гг. История и методика изучения источников», первая часть которой посвящена археографическому освоению документов по истории крестьянского движения.

Постоянный интерес Литвака к массовой исторической документации составляет еще один аспект его исследовательских поисков. Длительная и глубокая работа в этом направлении обобщена в его монографии «Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в.» (М., 1979). В условиях, когда обращение к массовой исторической документации все более широко распространяется в трудах по отечественной истории, значение указанной монографии трудно переоценить. В ней впервые в нашей литературе обобщен и развит исследовательский опыт источниковедческой разработки вотчинной документации (распорядительной переписки, инструкции, подворных описей, штрафных и иных книг и т. п.), губернских отчетов, сделок и договоров, жалоб и прошений крестьян, уставных грамот и выкупных актов. Эти наиболее часто привлекаемые массовые источники содержат в совокупности обширные основополагающие данные, позволяющие изучать кардинальные проблемы социально-экономической, политической и культурной истории России XIX в. Выявление наиболее сложных вопросов их источниковедческой критики, анализа и синтеза, осуществленное в данной работе, а также обоснованные предложения автора по совершенствованию методики их использования имеют существенное значение для дальнейшего развития источниковедения в целом.

Занимаясь более четырех десятилетий социальной историей России XVIII — начала XX в., Литвак рассматривает ее проблемы в комплексе и взаимосвязи. Изучение социально-экономического развития русского крестьянства вызывает у него потребность в осмыслении социальной политики царского правительства, специфики крестьянского общественного сознания, что приводит к вовлечению все новых и новых категорий источников. А это, в свою очередь, заставляет разрабатывать все более тонкую методику их изучения, предполагающую постановку и серьезнейших теоретико-познавательных вопросов, в том числе и в исследовании творческой лаборатории К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Борис Григорьевич — постоянный участник научных конференций и симпозиумов по аграрной истории, по историографии и источниковедению.

Как видим, даже самый сжатый перечень основных исследовательских результатов, достигнутых Литваком, весьма внушителен и свидетельствует о важном вкладе в развитие исторической науки. Б. Г. Литвак полон творческих замыслов и энергии.

inslav

В. Д. Чернышов

М. А. ИЛЬИН — АРХИВИСТ И КРАЕВЕД

(К 70-летию со дня рождения)

Историческая наука и ее вспомогательные дисциплины, кажется, становятся делом не только штатных работников специализированных центральных институтов, учреждений и крупных университетов, но и тысяч провинциальных историков и краеведов — бескорыстных тружеников и просветителей, стремящихся раскрыть историческую сторону жизни, глубокую «почвенность» сегодняшних дней, разделить свою любовь к родной земле и приобретенные о ней знания с другими. К их числу принадлежит и Марк Александрович Ильин, семидесятилетие которого недавно отметила общественность г. Калинина, воздав ему должное за подвижническую работу по организации хранения и публикации исторических документов и созданию научных и популярных трудов по истории родного края — Тверской земли России.

Учеба М. А. Ильина на историческом факультете МГУ и в МГИАИ, глубокое влияние и советы крупнейших педагогов и ученых-историков М. В. Нечкиной, П. П. Смирнова, М. Н. Тихомирова и других заложили основы исторического видения, пробудили серьезный интерес к историческим источникам, помогли приобрести важные навыки работы с ними.

С 1946 г. Ильин работает в родном ему Калинине, сначала начальником областного государственного архива, а с 1949 г. по настоящее время (40 лет!) — заведующим архивным отделом облисполкома. За этот период им написано и опубликовано более 150 книг, статей и работ по истории Верхневолжья и организации архивного дела. Под руководством и при участии Ильина проведена значительная археографическая работа по изданию сборников документов, характеризующих процесс возникновения Тверской большевистской организации РСДРП, тесные связи В. И. Ленина с коммунистами и трудящимися губернии, развитие текстильной промышленности и формирование пролетариата, победу Великого Октября и революционные преобразования в Верхневолжье [1].

Интересен вклад Ильина в тверскую Пушкиниану. В книгах и областной печати опубликованы результаты его поисков неизвестных ранее документов, позволяющих ярче и многограннее показать отношение великого поэта к тверским друзьям и знакомым, отражение этих связей и посещений поэтом тверской земли в его произведениях.

Важное значение для сохранности, популяризации и исследования богатейшего собрания документальных материалов государственных архивов Калининской области имеют выполненные самим Ильиным или под его руководством такие издания, как обзор ценного собрания рукописей областного архива, путеводитель и справочники по материалам, хранящимся в областном и районных архивах [2]. Эти и другие издания позволили интенсивнее вводить в научный оборот многие новые документальные материалы архивов — основной источниковой базы для изучения прошлого края.

---

[1] См.: Марк Александрович Ильин/Библиографический указатель. Калинин, 1981.

[2] Коллекция рукописей госархива Калининской области. Калинин, 1960. 70 с.; Государственный архив Калининской области: Путеводитель. Калинин, 1960. 352 с.; Перечень фондов районных и государственных архивов Калининской области и материалов районных учреждений, хранящихся в Калининском облархиве (1709—1967). Калинин, 1970. 190 с.

inslav

Ильин один из старейших и признанных тверских краеведов. Его работам в этой области присущи новизна, актуальность, публицистичность. Как правило, он пишет о том, что его интересует, волнует, пишет увлеченно, ярко; его статьи всегда отличаются хорошим литературным языком, у него есть свой читатель-друг. Не обходится, конечно, и без критики в его адрес.

Широк диапазон краеведческих интересов Ильина. Им написаны книги и статьи о древней Твери и тверской литературе XV в. о путешествии из Твери в Индию Афанасия Никитина, об участии тверяков в Отечественной войне 1812 г., очерки об участниках борьбы за утверждение Советской власти в Верхневолжье. Здесь хочется подчеркнуть, что даже в те времена, когда занятия краеведением не находили широкой поддержки у местного и более высокого начальства, в Калинине благодаря прежде всего инициативе и организаторской деятельности Ильина была осуществлена попытка издания систематического краеведческого сборника «Из истории Калининской области». В четырех вышедших выпусках этого сборника опубликованы интересные документальные материалы, статьи, очерки, воспоминания, библиографические заметки ученых, краеведов и архивистов по истории родного края. Большого труда и внимания Ильина потребовало издание оригинальной книги «Города и районы Калининской области», в которой впервые в кратких очерках собран материал по истории крупнейших населенных пунктов и районов области. Интерес к этой книге был таков, что 10-тысячный ее тираж разошелся в кратчайший срок.

Опираясь на приобретенный опыт издания этой книги, коллектив архивистов областного центра стал инициатором создания нового типа издания, подобного которому, насколько нам известно, еще не выходило в свет в областях и краях РСФСР. Свыше 10 лет большая группа ученых, краеведов, журналистов, советских и хозяйственных работников работала над созданием «Энциклопедии Калининской области», рукопись которой готовится к сдаче в издательство. Эта книга станет важным этапом в культурной жизни области.

Заслуженный работник культуры РСФСР Ильин несколько лет возглавлял областной совет ВООПИК, принимал активное участие в восстановлении и популяризации памятных мест «Тверского Пушкинского кольца», он активный сторонник движения за возвращение областному центру первоначального имени — Тверь. Несмотря на солидный возраст Ильин интенсивно работает, полон творческих задумок и энергии.

inslav

Г. А. Федоров-Давыдов

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ В. Л. ЯНИНА

Наша эпоха предъявляет людям повышенные счета. Особенно велики ее требования к ученым — носителям технического и научного прогресса. Современный крупный ученый должен быть и отличным специалистом в своей области знаний и эрудитом — энциклопедистом, свободно ориентирующимся в массе новой информации. Он должен обладать огромной работоспособностью и опытом, должен быть общественным человеком, гражданином, обладать качествами руководителя, чтобы стоять во главе научного коллектива, потому что сейчас в современной науке нельзя достичь ощутимых результатов в одиночку. Современный ученый должен быть личностью всесторонне и гармонически развитой.

Не часто можно встретить такое счастливое сочетание этих черт и качеств ученого новой формации, какое мы находим в Валентине Лаврентьевиче Янине. Член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской, Государственной и Ломоносовской премий, профессор В. Л. Янин встречает юбилей в расцвете своих незаурядных творческих сил.

В. Л. Янин никогда не разбрасывался. Средневековая Русь — вот его основная специальность. Но как широко исследует он свои сюжеты из этой области исторической науки! В его трудах оживает и первобытная старина славян, и арабский халифат с его монетами, и византийские печати, скандинавские древности, и даже Рим, чьи монеты на территории Восточной Европы изучал В. Л. Янин в своих нумизматико-метрологических изысканиях. Но все это подчинено теме средневековой истории Руси и органически в нее входит.

Начало научной деятельности Янина восходит к кафедре археологии 50-х годов, когда ею заведовал А. В. Арциховский, руководитель первых научных шагов тогда еще молодого исследователя. Дипломная работа, а затем и кандидатская диссертация Янина были посвящены реконструкции денежно-весовых систем домонгольской Руси — традиционной научной теме, которой посвятили свои труды виднейшие русские нумизматы. Определить вес древнейшей русской гривны, куны, ногаты, резаны, изучить эволюцию этих весовых норм, увязать их с арабскими дирхемами и западноевропейскими денариями — таковы цели, которые стояли перед молодым ученым и которые он с успехом разрешил. В опубликованной книге «Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период» (1956) было прослежено образование древнейшей денежно-весовой системы Руси, ее трансформация и распад на две локальные системы в эпоху нарастания феодальной раздробленности.

Занятия древнерусской нумизматикой привели В. Л. Янина к смежной теме — древнерусской сфрагистике. Огромный и ценнейший для истории материал печатей Древней Руси был когда-то объектом исследований Н. П. Лихачева — одного из корифеев русского источниковедения. Но потом об этой теме забыли, и историки почти не занимались старинными печатями. И вот появляется серия блестящих работ Янина, содержащих столь убедительные атрибуции, широкие построения и веские научные выводы, что они сразу привлекают всеобщее внимание.

Сфрагистические изыскания совмещались в деятельности ученого с его пристрастием к Новгороду. Ведь именно в Новгороде находят печати особенно часто. Активный сотрудник Новгородской археологической экспедиции, он сочетает свои нумизматическо-сфрагистические исследования с пристальным изучением новгородских археологических и письменных материалов. Печати князей, епископов, посадников, тысяцких требовали

inslav

нового подхода, мобилизации большой массы источников: летописей, актов, писцовых книг и др. В результате анализа письменных и сфрагистических материалов возникла докторская диссертация В. Л. Янина «Новгородские посадники», опубликованная в 1962 г. В этой работе ученый показал, как институт посадничества в Новгороде формируется на основе принципа представительства бояр от концов города, как он развивался, какую роль в управлении Новгородом играл. Вскрываются важные особенности политического строя Новгорода, его динамика. Политическая история Новгорода освещается новым светом. Янин открывает длительный период своей творческой биографии — период пересмотра и нового осмысления огромных исторических материалов, связанных с этим знаменитым городом.

Он начинает читать на историческом факультете МГУ курсы по источниковедению Новгорода, которые привлекают много слушателей. Наглядно показывает возможности взаимообогащения исторических источников разного рода: письменных, археологических, нумизматических, сфрагистических, иконографических и др. Демонстрирует разные методики работы с ними и излагает результаты своих исследований в этой области в учебном пособии «Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород» (1977).

Идея синтеза разного рода источников, мысли о комплексном источниковедении, об интеграции археологических и письменных источников пропагандируются историком на различных конференциях и симпозиумах, в отдельных статьях.

Весомый вклад внес Янин в конкретное источниковедение и археографию истории СССР средневекового периода. В «Археографическом ежегоднике» и других изданиях публиковалась серия ценных работ ученого, посвященных истолкованию ряда важных источников по средневековой истории Руси. Назовем некоторые из них: «К вопросу о датировке экземпляров Д и К „Смоленской правды“» (АЕ за 1968 год); «Грамота Святослава Ольговича 1137» (сб. «Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе», 1972); «Подлинные и мнимые вопросы методологии изучения русских летописей» (ВИ. 1973. № 8; совм. с Д. С. Лихачевым и Я. С. Лурье); «К хронологии „Торгового устава“ князя Всеволода» (АЕ за 1976 год); «О дате Новгородской синодальной кормчей» («Древняя Русь и славяне», 1978); «Грамота Всеволода Мстиславича на погост Ляховичи» (сб. «Восточная Европа в древности и средневековье», 1978); «Ценный источник по истории Великого Новгорода» (АЕ за 1979 год); «Новгородский скрипторий рубежа XI—XII вв. Лазарев монастырь (АЕ за 1980 год, АЕ за 1981 год); «К вопросу о роли Синодального списка Новгородской I летописи в русском летописании XV в.» (сб. «Летописи и хроники» за 1980 г.).

Большое значение для изучения средневекового Новгорода имеет опубликованная в 1984 г. В. Л. Яниным совместно с М. Е. Бычковой «Опись Новгорода 1617 года» с приложением ряда документов начала XVII в. К этой образцово выполненной публикации, снабженной вводной главой и указателями, неоднократно будут обращаться и историки, и археологи, и нумизматы.

Новый тип источников — берестяные грамоты. В. Л. Янин продолжает публикацию их и освещает ряд проблем, связанных с берестяными грамотами. В популярной книге «Я послал тебе бересту...» (1965), которая была переиздана на русском языке в 1975 г. и на венгерском языке в 1980 г., и в научной повести для школьников «Берестяная почта столетий» (1979) Янин рассказывает о частном быте новгородцев, о важнейших исторических моментах жизни Новгорода, о его социальном, политическом и экономическом развитии. Событием в изучении берестяных грамот стала новая совместная с А. А. Зализняком публикация «Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.)» (1986).

inslav

Серия статей Янина посвящена древнейшему этапу в истории Новгорода — проблеме возникновения, происхождения его концов. На базе изучения берестяных грамот и топографии их находок ученый ставит вопросы об организации боярского землевладения. Изучаются планы Новгорода, описания его в позднейших источниках. Сопоставляются с этими данными материалы писцовых книг, акты, летописи, реконструируются боярские семьи и их родословные. И как итог этой работы выходит фундаментальный труд ученого «Новгородская феодальная вотчина» (1981) — широкомасштабное научное произведение, в котором по-новому решается вопрос общественного строя Новгорода и его боярского землевладения. Автор показывает генезис феодального землевладения в Новгороде, его развитие, роль государственных раздач земель частным лицам и представителям духовного сословия. В этой книге делаются убедительные основополагающие выводы о формировании вотчинного землевладения и становлении феодальной собственности на землю.

Одновременно продолжаются сфрагистические исследования ученого. Эта работа приводит автора к широким научным обобщениям. Итогом огромной работы по русской сфрагистике стал капитальный двухтомный труд «Актовые печати Древней Руси X—XV вв.» (1970). В нем исследование каждой печати совмещено с общеисторическим осмыслением сфрагистического материала в целом. Он определил новое направление в изучении источников по истории Древней Руси.

Не забывает ученый и своего давнего увлечения — русскую нумизматику. Он исследует генезис новгородской денежно-весовой системы XV в., разрабатывает некоторые проблемы русской нумизматики XVI и XVII столетий. Денежная реформа Елены Глинской и реформа Алексея Михайловича, организация новгородского денежного двора и даже константиновский рубль — вот объекты его нумизматических занятий, темы статей разных лет.

Янин сделал очень много для того, чтобы так называемые вспомогательные исторические дисциплины — сфрагистика и нумизматика — превратились в самостоятельные исторические науки со своей проблематикой, своим предметом и объектом исследования.

Ряд статей ученого посвящен публикации разнообразных археологических находок; в этих статьях, как и в других работах, проявляется творческий метод исследователя: тонкий анализ материала, основанный на знании всех имеющихся источников, увлекательные гипотезы, подтверждающиеся новыми находками. Особенно ярко это проявилось при интерпретации одного из самых замечательных открытий, сделанных в Новгороде в последние годы,— мастерской художника XII в. Анализ всего археологического комплекса, включая берестяные грамоты, логическая цепь разнообразных фактов позволили Янину выдвинуть смелые гипотезы об авторстве некоторых новгородских фресок. Результаты этой работы были опубликованы в монографии «Усадьба новгородского художника XII в.» (совместно с Б. А. Колчиным и А. С. Хорошевым), вышедшей в 1981 г.

Янин даже свои увлечения — например, собирание старых пластинок — превратил в серьезное научное занятие, имеющее значительное источниковедческое значение.

Работа в высшей школе обогащает исследователя. В общении со студентами, на лекциях и семинарах рождаются часто новые мысли, концепции и гипотезы. Валентин Леонтьевич свои большие способности отдает преподаванию и подтверждает этим, что педагогическая работа неотделима от творческого поиска. Нет и следа какого-либо формального или авторитарного подхода к учебно-воспитательной работе, которую он ведет. Его увлекательные лекции и семинары часто превращаются в живой, доверительный разговор с аудиторией. Он показывает слушателям радость научного открытия.

Руководя кафедрой археологии исторического факультета МГУ, Валентин Леонтьевич бережно поддерживает и развивает научные тради-

inslav

ции кафедры. Он всемерно помогает преподавательскому и научному коллективу кафедры и делает ее одним из важнейших подразделений МГУ.

Научные занятия Янин совмещает с интенсивной научно-организационной деятельностью, и прежде всего по руководству Новгородской археологической экспедицией. Одна из крупнейших археологических экспедиций в СССР, прославленная блестящими открытиями, эта экспедиция ежегодно приносит все новые ценнейшие археологические материалы. Но, чтобы добыть их, зафиксировать и надлежащим образом обработать и обобщить, нужна слаженная работа большого коллектива ученых самых разных степеней и профилей. И начальник этой экспедиции В. Л. Янин прекрасно выполняет эту задачу, будучи не только руководителем, но и учителем и наставником большой группы археологов. Важную роль в нашей научной жизни играет руководимый им семинар по истории и археологии Новгорода, в котором делают доклады и студенты, и зрелые ученые, иногда с крупным научным именем. Нельзя не упомянуть в этой связи активной деятельности ученого по популяризации новгородских открытий. Кроме упомянутых книг о берестяных грамотах, назовем серию статей «Таинственные века» в журнале «Знание — сила», многочисленные публичные лекции, выступления по радио и телевидению.

Являясь членом бюро Археографической комиссии АН СССР, Янин много сил отдает работе в ней, регулярно печатается в «Археографическом ежегоднике» — органе этой комиссии, всемерно способствует археографической работе в МГУ.

В течение ряда лет Валентин Леонтьевич возглавлял коллектив исследователей по разработке комплексной проблемы «Русский город», включавшей в себя как древнюю историю русских городов, так и историю их недавнего прошлого. Он собрал, отредактировал и добился опубликования серии сборников «Русский город».

Велика общественная деятельность ученого. Его участие в редколлегиях исторических и научно-популярных журналов и изданий: «Вестник Московского университета», «Памятники Отечества», «Вспомогательные исторические дисциплины», «Знание — сила», работа в научных и ученых советах, активная деятельность в области охраны памятников истории и археологии, организация и участие в многочисленных симпозиумах, конференциях, конгрессах как в нашей стране, так и за рубежом — все это снискало ему всеобщее признание и уважение, сделало имя В. Л. Янина одним из самых весомых в исторической науке.

inslav

Тихомировские чтения 1989 г.

Хроника заседания

9 июня 1989 г. в Археографической комиссии АН СССР состоялись очередные Тихомировские чтения. На этот раз они были посвящены теме «Отечественная история, археография и архивоведение в условиях перестройки». Во вступительном слове председатель Археографической комиссии *С. О. Шмидт* напомнил о давней традиции неразрывной связи между этими отраслями научного знания. Сотрудники дореволюционных архивов были деятельными членами научных обществ, губернских архивных комиссий; во главе архивов стояли такие крупные ученые, как Н. В. Калачов, а Союз архивных деятелей возглавлял академик А. С. Лаппо-Данилевский. Связь архивов с наукой продолжала развиваться и в первое десятилетие Советской власти. Декрет об архивах, подписанный В. И. Лениным, готовился и обсуждался при активном участии историков и правительственных деятелей Б. Н. Чичерина, М. Н. Покровского, В. И. Невского. На рубеже 20-х — 30-х годов эта связь существенно затруднена. Этим во многом объясняется и то, что архивоведение и археография не заняли подобающего места в истории исторической науки, а история архивного дела сведена преимущественно к организации архивной работы. В связи с этим встает задача создания новых учебников по этим дисциплинам. Насущной потребностью становится предоставление большей самостоятельности архивам, возможности самим публиковать архивные документы, оснащение их новой техникой.

С докладом «Актуальные вопросы археографии в свете нового мышления» выступил *Б. Г. Литвак* (Институт истории СССР АН СССР) [1]. О некоторых перспективах развития архивоведческих исследований рассказал в своем докладе *В. Н. Автократов* (ВНИИДАД). Он отметил, что на структуру деятельности ВНИИДАД и на характер мышления многих его сотрудников оказала несомненное воздействие определенная прагматическая презумпция. Смысл ее в том, чтобы определить главное назначение института как обеспечение архивных учреждений нормативными разработками (правилами, ГОСТами, указаниями, рекомендациями, перечнями документов и др.). Значение теоретических и исторических аспектов его деятельности явно недооценивалось, ограничиваясь целями прикладной науки. В последние годы вопросы перестройки работы ВНИИДАД выдвинулись на первый план и неоднократно рассматривались в Главархиве и в самом институте. Результаты этих обсуждений отразились в «Концепции развития архивного дела в СССР до 2010 года» (М., ВНИИДАД, 1988). Концепция отметила необходимость рационального распределения научных задач между институтом и отраслевыми научно-методическими центрами — центральными государственными архивами союзного значения. Основной задачей ВНИИДАД становится исследование перспективных теоретических проблем, а разработка методики и обобщение опыта архивных учреждений возлагаются на ЦГА. В. Н. Автократов рассмотрел в докладе конкретные пути и формы нового направления работы института. Его главной общей задачей должно стать способствование возможно быстрому подъему историко-архивной культуры работников отрасли, повышению их профессионального научного мышления, расширению их интеллектуального кругозора. Для этого следует приступить к созданию научных трудов, способствующих разви-

[1] См. наст. изд.

inslav

тию интереса архивистов к теоретическим, историческим и культуроведческим аспектам архивного дела, стимулирующих их творческую активность. Это особенно важно для периферийных архивов, где мало специалистов, имеющих архивоведческое образование. Среди таких работ может быть обзорно-аналитическая монография, рисующая многообразие архивов, фондов, видов документов или исследующая государственные архивы как историко-культурные учреждения. Работой теоретического типа может стать исследование исторической ценности архивных документов. Одним из важных направлений деятельности института должна быть разработка истории архивного дела, археографии и археографической деятельности архивных и других учреждений. Часть научных исследований должна быть направлена на углубление теоретических и методических основ таких вопросов, как анализ научных критериев отбора документов на постоянное хранение, а также изучение ценности машиночитаемых документов. Одной из насущных задач является развитие исследований по научной разработке архивных фондов, результатом которого должно стать возрождение понятия «научное описание фонда», от которого отказались в 30-х годах, отнеся его к буржуазному архивоведению. В. Н. Автократов остановился также на таких формах работы, как создание справочника о составе и содержании документов, хранящихся в отделах рукописей музеев и библиотек Министерств культуры и академических архивов, создание руководства по архивному делу для работников музеев и библиотек.

С докладом «Состав и содержание публикуемых источников как археографическая проблема» выступил *А. Д. Степанский* (МГИАИ). Он отметил, что в литературе не существует единой точки зрения на предмет археографии. В то же время нередко археография понимается слишком односторонне, как научная дисциплина, разрабатывающая проблемы публикации исторических источников. Обычно сюда включается лишь история и методика публикации, а также история археографических учреждений. Предпринятая С. Н. Валком в его книге «Советская археография» (1948) попытка включить в предмет ее изучения критическое обозрение корпуса опубликованных источников не получила развития. Поэтому вопросы: как издавать и кто издает, явно преобладают над вопросами: что издано и что надо издать?. Существует точка зрения, что последними вопросами должно заниматься источниковедение, поскольку археографическая база исторической науки — это всего лишь часть ее источниковой базы. Однако на практике ни в одном из учебников по источниковедению эти вопросы не рассматриваются. Как подчеркнул докладчик, говоря о соотношении источниковедения и археографии, необходимо учитывать, что публикация источника не тождественна самому источнику. Научная публикация предполагает не просто воспроизведение оригинала, но и обогащение его археографическим описанием и научно-справочным аппаратом. Поэтому источниковедение и археография, по существу, располагают различными объектами изучения. Кроме того, если источниковая база исторической науки складывается независимо от воли историка, то археографическая база является продуктом целенаправленной деятельности, ориентированной на удовлетворение потребностей исторического познания. Поэтому необходима выработка «археографической политики», построенной на точном знании того, что уже издано и что предстоит издать.

Справедливость требует признать, что длительное невнимание археографической мысли к вопросу выбора источников для публикации исторически объяснимо. В течение нескольких десятилетий этот вопрос решался отнюдь не на научной основе и ответ на него мало зависел от воли историка, архивиста, археографа. В настоящее время важнейшей задачей археографии становится создание именно научных основ археографической политики. Решение этой задачи предполагает как определение круга документов, заслуживающих обязательной или факультативной публикации, так и установление наиболее целесообразных способов публикации, включая применение современных технических средств. В последнее

inslav

время, прервав плотину запретов, на страницы научных и популярных изданий хлынул поток мемуаров и других документальных материалов. Их многочисленные отрывочные публикации часто хаотичны. Тем еще более повышается актуальность разработки археографами теории принципов отбора документов для публикации.

После докладов развернулось их обсуждение. *В. А. Черных* (АК) отметил новизну постановки проблем и высокую информативность всех прозвучавших на заседании докладов. Он поддержал выдвинутую в докладе Б. Г. Литвака идею создания национальной программы публикации исторических источников и предложил в качестве одного из ее направлений издание протоколов и стенографических отчетов съездов всех политических партий, Советов, организаций с начала XX в. вплоть до тех лет, когда свободное выражение мыслей было прекращено.

Н. Н. Митрофанов (Главархив СССР) подчеркнул, что в выступлении С. О. Шмидта, Б. Г. Литвака, В. Н. Автократова, А. Д. Степанского убедительно обозначена необходимость новых подходов к анализу ряда важных проблем археографии, исследованию ее «белых пятен», формированию современных представлений о ее роли в системе специальных исторических дисциплин. Широкий спектр выдвинутых аргументов, острая постановка вопросов свидетельствуют: утверждение позиций нового мышления в сфере общественных наук, образования и культуры есть реальная основа для плодотворного развития исследовательской деятельности и сотрудничества историков и архивистов. Остановившись на вопросе содержания понятия «воспитание историей», Н. Н. Митрофанов отметил, что в современных общественных условиях осуществление данной функции исторической наукой заметно снижено. Значительный массив конкретно-исторических сведений и оценочных критериев пришел в последние годы к читателям через произведения литературы и искусства, художественную публицистику, воспоминания. Сейчас чрезвычайно сложно определить истинные объемы и характер исторических знаний, воздействующих на разные категории, слои и группы людей, оценить национальные, региональные, возрастные и другие возможности воссоздания объективной картины семидесятилетнего исторического процесса в нашей стране. Пересмотр прежних представлений, отказ от стереотипов исторического мышления протекают порой весьма болезненно. Медленно идет избавление от «глухоты» к опыту прошлого, нередки случаи нового поклонения старым мифам, попыток дезавуировать разоблачения тоталитаризма, преступных действий административно-бюрократической системы. Вызывает известное недоумение то, что исторические факты за довольно редкими исключениями черпаются не из архивных документов, а из старых изданий. За последнее время печать вводит в оборот мало неизвестных документов. Вряд ли можно говорить о новом качестве воспитания историей, оставаясь в стороне от нужд обновления исторических знаний, не стремясь к непрерывному пополнению их за счет богатств архивохранилищ — государственных, академических, ведомственных и иных, в том числе зарубежных. Н. Н. Митрофанов не согласился с Б. Г. Литваком, выразившим сомнение в целесообразности сохранения в термине «научно-популярная литература» первого слова. Высокая познавательная духовная ценность популярной исторической книги не может быть обеспечена без проведения изысканий в архивах, введения в повествование результатов собственной исследовательской деятельности. Поэтому основной задачей укрепления этого столь нужного жанра остается повышение научного и литературного уровня книг по истории, утверждение научного подхода к научно-популярной литературе. С точки зрения расширения источниковой базы исторической науки интерес представляют предложения по выработке планов централизованного издания документов. По мнению Н. Н. Митрофанова, надо взвешенно оценивать возможности осуществления таких замыслов, напоминающих о «суперпроектах» недавнего прошлого. Думается, ученые историки и архивисты вполне в состоянии преодолеть как честолюбивые искушения прошлых лет, так и излиш-

inslav

ний скептицизм, подойти с должной мерой ответственности и взыскательности к организации и методическому обеспечению современной публикационной работы, закладывая в ее фундамент новые выводы и рекомендации науки. *С. И. Сотникова* (ВНИИДАД) остановилась на актуальных проблемах картографического источниковедения. Полную поддержку программе издания исторических источников выразила *О. М. Медушевская* (МГИАИ). Она отметила, что для ее осуществления необходимы привлечение широкого общественного внимания к проблемам археографов и межведомственный подход в их решении. О первостепенном значении в настоящий момент публикации документов в научно-популярных целях говорила *Ю. В. Андрюшайтите* (АК). Задача археографов, подчеркнула она, оказывать научное влияние на массу непрофессиональных публикаторов. *И. В. Поздеева* (МГУ) остановилась на необходимости выработки принципов эдиционной археографии. Без широкой публикации литургических, уставных источников, долгое время почти не публиковавшихся, нельзя изучать русское средневековье. Она также выразила мнение, что в условиях небывалой тяги общества к истории программа публикации источников будет иметь колоссальное значение. Ряд сомнений по поводу ее осуществления высказал *Е. М. Добрушкин* (МГИАИ). По его мнению, современное состояние теории археографии столь невысоко, что не дает возможности теоретически обосновать Национальную программу публикаций, поскольку существует большой разнобой в понятиях, нет единства по принципиальным вопросам. Не следует торопиться с практическим осуществлением этой программы, пока не будут продуманы и обсуждены все ее теоретические предпосылки. Он также возразил против идеи программы как государственной, создающейся на единой основе. Определение предмета эдиционной археографии предложил *А. А. Курносов* (АК). Прежде всего, эдиционная археография — это целостная система деятельности. Она включает полное и комментированное издание тех наиболее актуальных документов, без которых нельзя понять прошлое, научно-популярные публикации, рассчитанные на всех интересующихся данной проблемой, и академические издания, как пофондовые, так и видовые. В заключение *С. О. Шмидт* отметил, что эти Тихомировские чтения явились оригинальным и весьма значительным заседанием, и высказал пожелание, чтобы их материалы были напечатаны отдельным изданием.

М. П. Мироненко

inslav

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

Н. П. Воробьева

ОБ ЭПИСТОЛЯРНЫХ КОЛЛЕКЦИЯХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Основанная в 1802 г., Научная библиотека Тартуского (бывш. Дерптского) университета хранит сегодня в своих фондах около 4,5 млн книг.

Первый директор библиотеки Карл Моргенштерн (1770—1852), профессор классической филологии, эстетики и красноречия, почетный член Петербургской академии наук, знающий и многосторонний коллекционер, заложил основы комплектования библиотеки: собирались и хранились книги, рукописные материалы, художественные произведения. В настоящее время собрание рукописей насчитывает более 20 тыс. ед. хр. В основном это материалы, связанные с университетом,— лекции, конспекты, дневники, путевые заметки, письма профессоров и преподавателей. Немалую долю рукописного собрания составляют эпистолярные коллекции, включающие письма известных деятелей мировой науки и культуры XVI—XX вв. Письма сосредоточены в основном в трех коллекциях — К. Моргенштерна, архивариуса Петербургской академии наук и хранителя нумизматических коллекций Эрмитажа Ф. Л. Шардиуса (1795—1855) и рижского священника И. Ю. Эссена (1719—1780); часть писем находится в личных фондах ученых. Обладая столь значительным научным достоянием, библиотека всегда стремилась сделать его доступным широкому кругу ученых, популяризировать путем тематических каталогов, публикации отдельных писем, обзоров, устных докладов и т. п. Первые публикации появились уже в прошлом веке [1]. Однако провинциальное местоположение Дерптского университета и его немецкая ориентация невольно послужили тому, что коллекции университетской библиотеки были более известны за рубежом, нежели у себя на родине. Такое положение сохранялось и в первой половине XX в. Так, в 1-й т. «Ученой корреспонденции АН XVIII в.» [2] не вошли письма членов академии из коллекций НБ ТГУ за соответствующий период. Этот пробел удалось восполнить во 2-м т. «Ученой корреспонденции» [3], где они включены в приложение. Начиная с 1953 г. во всесоюзных изданиях появляется ряд обзорных сообщений, в которых дается общая характеристика эпистолярных коллекций библиотеки, а также отдельных ее частей по темам [4]. В крупных журналах или книгах были опубликованы пись-

---

[1] См.: Briefe von Göthe, Schiller, Wieland, Kant, Böttiger, Dyk und Falk an Karl Morgenstern/Hrsg. Fr. Sintenis. Dorpat, 1875; Dörptische Beyträge für Freunde der Philosophie, Litteratur und Kunst. Dorpat; Leipzig, 1813.

[2] Ученая корреспонденция АН XVIII века: Научное описание, 1766—1782 // Труды ААН СССР. 1937. Вып. 2.

[3] Ученая корреспонденция АН XVIII века: Научное описание, 1783—1800 // Труды ААН СССР. 1987. Вып. 29. Кроме того, академическая переписка отражена в каталоге «Письма членов Академии наук СССР» (Тарту, 1979. Сост. М. Ранд и Х. Танклер), включающем письма 415 авторов.

[4] *Грановский Б.* Неизвестные автографы классиков // Сов. музыка. 1953. № 8, 9; *Мелещенко З. Н.* О письмах немецких просветителей XVIII и начала XIX в. К. Моргенштерну, профессору Дерптского (ныне Тартуского) университета // Вопр. философии. 1956. № 4. С. 148—150; *Ноодла К.* Материалы по истории естествознания в Тартуском университете // ВИЕТ. М., 1970. Вып. 3(32). С. 81—82; *Во-*

inslav

ма М. В. Ломоносова, Л. Эйлера, Н. Ж. Делиля, Р. А. Ф. Реомюра, М. Ю. Лермонтова, Ж. де Сталь. Основная же часть материалов публиковалась и публикуется в республиканских изданиях «Keel ja Kirjandus» («Язык и литература») (письма Г. Х. Андерсена, О. де Бальзака, Ф. Купера, В. Скотта, И. В. Гете, Ф. Шиллера), «Eesti Loodus» («Природа Эстонии», письмо Ж. Кювье) либо в «Ученых записках ТГУ» (письма А. С. Грибоедова, В. Гюго, П. Мериме, П. Ж. Беранже). С 1973 г. отдел рукописей и редких книг НБ ТГУ публикует письма из своих коллекций в серии «Publicationes Bibliothecae Universitatis litterarum Tartuensis». В первый выпуск[5] вошли 18 писем ученых XVIII в. на немецком и латинском языках. Второй выпуск[6] включает письма немецкого художника К. Кюгельгена (1772—1832) К. Моргенштерну. Третий выпуск[7] представляет собой альбом портретов и автографов профессоров Тартуского университета — членов Академии наук СССР. Готовится к публикации очередной выпуск, в который войдет переписка первого ректора Тартуского университета Г. Ф. Паррота с К. Моргенштерном за 1802—1803 гг. В 1970 г. в серии «Studia litterarum occidentalium», издаваемой Тартуским университетом, был опубликован аннотированный каталог английских писем из коллекции Шардиуса, включающий 122 аннотации (сост. Х. Танклер). Сейчас ведется обработка французских писем для предполагаемого аннотированного каталога (сост. Н. Воробьева). Тартуская астрофизическая обсерватория в своих выпусках «Rara Astronomica in Estonia» поместила 11 писем английских и 8 писем французских астрономов. Все это дает возможность утверждать, что эпистолярные коллекции НБ ТГУ активно используются и популяризуются. Поскольку в рукописных фондах НБ ТГУ насчитывается около 15 тыс. писем, нет возможности и необходимости перечислять всех их авторов[8]. Хотелось бы все же назвать ряд имен, заслуживающих более пристального внимания: ученые К. Линней, И. Кеплер (его автограф представляет собой рисунок гороскопа), П. С. Паллас, И. Я. Берцелиус, Ж. Л. Гей-Люссак, Ж. Ж. Лаланд, А. Цельсий, Ж. Ш. Л. С. Сисмонди, общественные деятели и просветители Ч. Беккариа, Б. Франклин, И. Лелевель, писатели, драматурги, поэты К. Гольдони, К. Ф. Геллерт, Г. Лонгфелло, педагог И. Г. Песталоцци. Хотя русские автографы немногочисленны и часто незначительного содержания[9], но для историков могут быть интересны письма фельдмаршала М. М. Голицына, президента адмиралтейской коллегии Н. Ф. Головина, канцлера А. А. Безбородко; для историков литературы — один из вариантов «Сна Обломова», написанный рукой И. А. Гончарова, или стихотворение И. П. Мятлева («Вам хочется, сомненья нет...») за подписью «Пульхерия Кордякова». Целый

робьева Н. П. Письма бельгийских авторов в коллекции НБ ТГУ // Памятники культуры: Новые открытия. М., 1980. Т. 7. С. 63—70; *Блюм В. Р., Танклер Х. Л.* Автографы философов в НБ ТГУ // Вопр. философии. 1982. № 8. С. 76—79.

[5] Briefe von Gelehrten aus dem ersten Viertel des 18. Jahrhunderts (Verf. M. Rand, H. Tankler). Tartu, 1973.

[6] Karl v. Kügelgen an Karl Morgenstern (Verf. H. Tankler). Tartu, 1976.

[7] Tartu Ülikooli professorite, NSV Liidu Teaduste Akadeemia liikmete portreid ja autograafe (Koost. H. Käsper, H. Tankler). Tartu, 1977.

[8] О составе коллекций К. Моргенштерна и Ф. Л. Шардиуса подробно сообщалось на научных конференциях библиотеки. См.: *Ранд М.* Собрание рукописей К. Моргенштерна // Труды Научной библиотеки. Тарту, 1970. III; *Танклер Х.* Коллекция автографов Ф. Л. Шардиуса // VII науч. конф. НБ ТГУ: Тез. докл. Тарту, 1977.

[9] В коллекции Ф. Л. Шардиуса, согласно рукописному каталогу, составленному владельцем, насчитывалось свыше 400 автографов знаменитых русских деятелей. В 1920 г., в период реэвакуации библиотеки Тартуского университета из Воронежа, 304 автографа были проданы вместе с другими русскими материалами Воронежскому университету за 15 165 зол. руб. (НБ ТГУ. F. 4. Nim. I. S.-ü. 993. Lk. 47—48; Eesti Vabariigi Tartu Ülikool 1919—1929. Tartu, 1929. Lk. 307). Известно, что в Воронеж они не поступили. Характерные внешние признаки этих автографов: каждый помещен в картонный конверт-обложку с порядковым номером, написанным синими чернилами, и именем автора сверху; на автографе в левом верхнем углу — тот же порядковый номер. Библиотека Тартуского университета была бы признательна за сообщение об местонахождении этих автографов.

inslav

комплекс писем связан с созданием журнала «Дерптский летописец литературы, статистики и искусства» (на немецком языке) в 1833 г. Письма с приветствием журналу и согласием сотрудничать в нем прислали писатели и публицисты М. Н. Загоскин, Н. И. Надеждин, М. Н. Погодин, члены Петербургской академии наук писатель и переводчик Д. И. Языков, филологи А. Х. Востоков и В. М. Перевощиков и др.

Несколько обесценивает эпистолярные коллекции НБ ТГУ и затрудняет работу с ними то, что большинство авторов представлено единичным письмом[10]; однако и здесь есть ряд любопытных исключений. Наиболее обширна корреспонденция немецкого нумизмата, директора Готской библиотеки Ю. К. Шлегера (Schlaeger, 1706—1786). Из 74 его писем 69 адресованы теологу Я. В. Фейерлайну. Нельзя не упомянуть 22 письма немецкого философа и ученого Г. В. Лейбница (1646—1716) за период с 1674 по 1716 г. Большинство их адресовано ученому-хронологу А. де Виньолю (1649—1744) и касается издания средневековых рукописей Вольфенбюттельской библиотеки. Заслуживают внимания семь писем филолога и историка, профессора древностей Петербургской Академии наук Х. Г. Крузиуса (1715—1767) разным корреспондентам, 17 писем немецкого писателя и критика И. К. Готшеда (1700—1766), 11 писем немецкого баснописца М. Г. Лихтвера (1719—1783) Готшеду и др. Не все письма достойны отдельной публикации, но было бы упущением не учитывать их при издании полной переписки того или иного деятеля.

Эпистолярное собрание НБ ТГУ отражено в рукописных каталогах и печатных списках отдельных фондов и полностью доступно для исследователей. Тщательная работа со справочными изданиями, внимательное отношение к наследию прошлого помогают избежать «случайных находок» и «найденных» рукописей.

---

[10] Это не касается переписки К. Моргенштерна с его друзьями.

Н. В. Кирющенко

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XVIII в. В АРХИВЕ ВОРОНЦОВЫХ

В связи с отмечаемой годовщиной — 200-летием Великой французской революции — еще в большей степени возрастает интерес к этому величайшему событию нового времени. Показателен рост интереса советских исследователей не только к проблемам французской революции, но и к проблеме отражения революционных событий в России (в частности, реакция правительства и правительственных кругов на французские события, отношение к ним русской общественности). Не случайно поэтому особо актуальной становится работа по выявлению тех источников по истории французской революции, которые хранятся в архивах СССР, и показу их практического значения для исторических исследований. Из всех архивных фондов России, дающих что-либо ценное по истории французской революции, особое место занимает архив Воронцовых. Сложившийся в результате деятельности нескольких представителей рода Воронцовых, игравших во второй половине XVIII и первой половине XIX в. видную роль в правительственных кругах, архив является одним из богатейших частных собраний, по преимуществу XVIII в. Нас же ин-

inslav

тересует в первую очередь архив братьев А. Р. и С. Р. Воронцовых[1]. Своими богатейшими коллекциями архив Воронцовых определил и довольно устойчивый интерес к собранию его документов, который проявляли исследователи в дореволюционное и советское время.

Исследовательская литература, посвященная архиву Воронцовых, не богата большим количеством работ — в основном это статьи, появлявшиеся по мере выхода в свет документов архива.

Публикация отдельных документов Воронцовского собрания начинается еще в XVIII в. и продолжается, возрастая, в XIX в. В основном это издание материалов по истории России, русской дипломатии XVII в., истории некоторых европейских государств. Но все эти издания носили фрагментарный характер. Основной же публикацией материалов фонда является «Архив князя Воронцова» в 40 томах[2], издававшийся на протяжении 25 лет (с 1870 по 1895 г.) по инициативе С. М. Воронцова и П. И. Бартенева. В нее вошло более 1000 документов, главным образом дипломатические документы и переписка, записки разных лиц по внешнеполитическим вопросам и т. п.

В конце XIX — начале XX в. часть документов (например, дипломатическая переписка) была опубликована в других изданиях и в основном по другим спискам[3]. Отдельные документы Воронцовского фонда издаются и в советское время. Из западноевропейских материалов это письма Вольтера к графу д'Аржанталю[4].

Как уже отмечалось, публикации документов Воронцовского архива (в первую очередь Бартеневское издание), вызвав живой интерес у исследователей к собранию его документов, сопровождались появлением ряда статей, в которых предпринимались попытки показать ценность Воронцовского собрания для исторических исследований.

Так, в биографических очерках и исследованиях, посвященных жизни и деятельности Воронцовых[5] и их эпистолярному наследию[6], подчеркивалась ценность Воронцовского собрания как «имеющего высокий исторический интерес и, конечно, со временем послужащего богатым материалом для историков»[7].

Публикация Воронцовского наследия П. И. Бартеневым вызвала интерес к этому собранию и у иностранных исследователей[8].

В советское время интерес к Воронцовскому собранию сохраняется. Материалы переписки Воронцовых (дипломатической и личной), собрание книг и брошюр их библиотеки используются для исследования проблем истории Великой французской революции и международных отношений конца XVIII в. Так, появляются монографии О. Л. Вайнштейна

---

[1] А. Р. Воронцов был поверенным в делах в Вене в 1761 г., полномочным министром в Лондоне в 1762–1764 гг., затем в Голландии в 1764–1768 гг. В 1773–1794 гг.– президент Коммерц-коллегии и член комиссии о коммерции. В 1802–1804 гг.– канцлер. Его брат С. Р. Воронцов – полномочный министр в Венеции в 1782–1784 гг., затем в Лондоне в 1784–1800, 1801–1806 гг.

[2] Архив князя Воронцова. М., 1870–1895. Т. I–XXXX. (Далее: АкВ).

[3] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). М., 1894–1902. Т. 4; Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1876. Т. 18, 22; *Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в. Варшава, 1897. Т. 2: Материалы; РА. 1879. Кн. 1. С. 83–111, 145–167, 197–214, 345–354.

[4] *Люблинский В. С.* Наследие Вольтера в СССР; *Он же.* Собрание писем из архива Воронцовых (письма Вольтера к Держанталю) // Лит. наследство. М., 1937. Кн. 29/30. С. 46–151.

[5] *Огарков В. В.* Воронцовы, их жизнь и общественная деятельность: Биогр. очерк. СПб., 1892; *Рябинин Д. Д.* Биография графа Семена Романовича Воронцова // РА. 1879. Кн. 1. С. 58–82, 168–196, 305–345, 444–502.

[6] *Брикнер А. Г.* Вторая половина XVIII в. в письмах братьев С. и А. Воронцовых // Вестник Европы. 1888. Кн. 8. С. 519–547; *Он же.* Письма графа С. Р. Воронцова к сыну, графу М. С. Воронцову. 1798–1830 // Там же. Кн. 3. С. 233–245; *Он же.* Семейная хроника Воронцовых // Там же. 1887. Кн. 8–9. С. 637–672, 109–145.

[7] *Огарков В. В.* Указ. соч. С. 56.

[8] *Rambaud A.* Un Homme d'état russe pendant la Révolution française. Semen Voronzov, ambassadeur de Russie à Londres, d'après sa correspondance // La Revue politique et litteraire. 1879. Janv. P. 669–677.

inslav

и К. П. Добролюбского[9] по истории французской эмиграции, написанные по материалам библиотеки Воронцовых. Одновременно появляются исследовательские статьи, в которых дается характеристика Воронцовскому собранию в целом и определенным его частям[10].

В послевоенное время основное внимание исследователей сосредоточивается на изучении отдельных частей (не по тематическому характеру, а по месту хранения) Воронцовского собрания, находящихся в различных хранилищах СССР[11]. Следует отметить также, что интерес к Воронцовскому собранию сохраняется и у иностранных исследователей[12].

Широко использовались Воронцовские архивные материалы в послевоенное время и в исторической литературе по истории русско-французских отношений конца XVIII в.[13]

Данная статья не претендует на всеохватывающую полноту обзора. Наша задача показать наиболее характерные типы (виды) исторических источников по истории Великой французской революции и международных отношений последнего десятилетия XVIII в., встречающиеся в архиве Воронцовых, и охарактеризовать самые интересные из них.

Итак, все документы Воронцовского собрания, относящиеся к исследуемой теме, можно разделить на два типа: рукописные и печатные источники. Печатные источники — в данном случае речь идет о собрании памфлетов и брошюр эпохи Великой французской революции, отложившихся в архиве Воронцовых,— представляют собой богатое по количеству и весьма ценное по научному значению собрание исторических документов.

В настоящее время основными местами хранения Воронцовской коллекции печатных изданий являются библиотека ЛОИИ, научная библиотека ОГУ, частично БАН.

Коллекция ЛОИИ состоит почти исключительно, а коллекция БАН частично из бывшего петербургского собрания Воронцовых, сложившегося из книг, присланных С. Р. Воронцовым своему брату А. Р. Воронцову. В 1897 г. это собрание было продано букинисту В. И. Клочкову, который, в свою очередь, продал его известным библиофилам Н. П. Лихачеву и А. Я. Пассоверу.

В 1910 г. после смерти Пассовера его сестры пожертвовали библиотеку БАН. Также в ведение Академии наук поступила и коллекция Лихачева, которая была передана ее владельцем в 1925 г. в составе фондов принадлежавшего ему Музея палеографии, переименованного в 1930 г. в Музей книги, документа и письма, а в 1933 г. преобразованного в Институт книги, документа и письма, который в 1936 г. вошел в состав ЛОИИ.

---

[9] *Вайнштейн О. Л.* Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789–1796): (По материалам Воронцовской библиотеки). Киев, 1924; *Добролюбский К. П.* Термидор: Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794–1795 гг. Одесса, 1949.

[10] *Берков П. Н., Малеин А. И., Тонкова Р. М.* Издания времен Великой французской революции в собраниях Одесской научной библиотеки // ИАН. Сер. VII. 1935. № 6. С. 599–613; *Малеин А. И.* Литература времени Великой французской революции в собраниях АН СССР // ИАН. Сер. VII. 1934. № 2, 4. С. 119–130, 269–280; *Он же.* Publications de l'époque de la Révolution française dans la collection de l'Academie des sciences de l'URSS // La Révolution française. 1934. T. XXXVII, N 4. P. 334–344; *Platonova N.* La collection Vorontzow // Ann. his. Rév. franç. 1928. N 6. P. 541–550; *Троицкий И.* Архив Воронцовых // Лит. наследство. 1933. № 9. С. 397–420.

[11] *Петров В. А.* Обзор собрания Воронцовых, хранящегося в архиве ЛОИИ АН СССР // ПИ. 1956. Т. V. С. 102–145; *Джинчарадзе В. З.* Обзор фонда Воронцовых, хранящегося в ЦГАДА // ИЗ. 1950. Т. 32. С. 242–265; *Бондаренко П., Фельдман В.* Библиотека Воронцовых в Одесском университете // Альманах библиофила. М., 1981. Вып. X. С. 98–109.

[12] *Bouloiseau M.* Les archives Voronzov // Rev. his. 1963. Fasc. 467, juill.-sept. P. 121–130.

[13] *Штранге М. М.* Русское общество и французская революция 1789–1794 гг. М., 1959; *Джеджула К. Е.* Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII века. Киев, 1972.

inslav

В основе Воронцовского фонда библиотеки ОГУ лежит коллекция С. Р. Воронцова, которая после его смерти в 1832 г. за небольшим исключением была доставлена из Лондона в Одессу к его сыну М. С. Воронцову, бывшему тогда новороссийским генерал-губернатором. В 1898 г. одесское Воронцовское собрание было передано в дар библиотеке Новороссийского университета (ныне ОГУ).

Коллекции А. Р. и С. Р. Воронцовых не сливались и существовали самостоятельно. Они значительно разнятся по объему и не дублируют одна другую (имеется всего семь дублетов названий [14]), причем коллекция А. Р. Воронцова по объему во много раз превосходит коллекцию брата и является второй по значению после коллекции брошюр ИМЛ в СССР.

Основная масса брошюр обоих Воронцовских собраний приходится на 1789—1792 гг. Резкое снижение количественных поступлений французской печатной продукции в последущие годы объясняется нарушением каналов доставки вследствие ухудшения отношений между Англией и Францией. В коллекции преобладает контрреволюционная тематика, по-видимому как результат большей доступности этих изданий (можно было легче найти и дешевле купить, а изданные за счет королевского «цивильного листа» распространялись даже бесплатно).

Говоря о важности памфлетной литературы как исторического источника необходимо подчеркнуть ее специфичность. Она предполагает значительную свободу высказываний, отражает сиюминутную реакцию представителей определенных социальных слоев на конкретные события. В этой связи памфлетная литература тем более интересна как своеобразный слепок теоретических основ социально-политического мышления той среды, откуда она вышла. Мы не будем подробно останавливаться на характеристике воронцовских коллекций — они были в свое время довольно подробно описаны [15].

Рукописные источники по истории Великой французской революции и международных отношений последнего десятилетия XVIII в., входящие в состав архива Воронцовых, независимо от того, являются они копиями или подлинниками, подразделяются на следующие виды: 1) коллекционные рукописные материалы; 2) делопроизводственная документация; 3) записки об определенных событиях, связанных с французской революцией; 4) дипломатическая и личная переписка Воронцовых.

Присутствие подлинных коллекционных рукописных материалов в Воронцовском собрании имеет случайный характер. Возможно, что они попали в фонд тем же путем, что и памфлетная литература. В составе Воронцовского фонда АЛОИИ представлены двумя единицами хранения. «Автографы деятелей французской революции» объединяют документы, относящиеся к военной истории французской республики: 1) письмо генерала Дезе к генералу Кюстину от 8 февраля 1793 г.; 2) постановление Комитета Общественного Спасения от 4 января 1794 г. из шести статей о положении Рейнской и Мозельской армий после победы у Ландау и о предстоящих военных действиях (черновик, с исправлениями, подписанный Робеспьером, Колло д'Эрбуа, Карно, Барером, Вареном); 3) письмо Колло д'Эрбуа и Карно к военному министру А. Бертье от 26 января 1794 г.[16]

Среди рукописных материалов, входящих в состав Воронцовского собрания, привлекает внимание трактат «Полиция Парижа» Ж.-Ш.-П. Ленуара, бывшего в течение продолжительного времени начальником парижской полиции [17]. Трактат, хранящийся в АЛОИИ, представлен тремя

[14] *Берков П. Н., Малеин А. И., Тонкова Р. М.* Указ. соч. С. 612.

[15] Там же; *Малеин А. И.* Литература времен Великой французской революции... А. И. Малеин указывал примерно на 900 названий, не указанных во французской библиографии. Р. М. Тонкова в процессе подготовки каталога печатных изданий эпохи революции снизила эту цифру до 500, включив сюда и издания из других коллекций на территории СССР. В связи с более чем 50-летней давностью приводимые данные, безусловно, нуждаются в уточнении.

[16] АЛОИИ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 152.

[17] О биографии Ленуара см.: *Sars M.* Le Noir, lieutenant de police. Paris, 1948.

inslav

рукописными томами [18], из которых первые два являются ленуаровским трактатом, а третий представляет собой рукописный список с записки о полиции Лемера [19], которым руководствовался Ленуар при написании своего сочинения. Отсюда их тематическая и структурная близость.

Трактат интересен, во-первых, тем фактическим материалом, который приводится Ленуаром, хорошо осведомленным по долгу своей службы о самых разнообразных сторонах столичной жизни 70—80-х годов XVIII в. в соответствии со сферами компетенции парижской полиции; во-вторых, его собственными взглядами на «старый» и «новый» порядок [20], французскую революцию.

Кроме того, трактат позволяет взглянуть на состояние французского общества под несколько иным углом зрения — в частности, через деятельность парижской полиции представить «созидательную деятельность» французского абсолютизма, его роль в осуществлении задач общесоциологического свойства, по крайней мере так, как представлялось сознанию старорежимного чиновника. Конкретно речь идет о религии, нравах, здравоохранении, продовольственном снабжении столицы, торговле и т. д.

В настоящее время имеется два списка трактата; второй находится в Орлеанской муниципальной библиотеке, активно используется зарубежными исследователями [21].

Основные тексты двух списков имеют определенные текстологические и структурные различия; в плане бо́льшего объема поставляемой информации предпочтение необходимо отдать орлеанскому списку.

Интересен сам по себе вопрос о том, как трактат Ленуара попал в Россию и отложился в архиве Воронцовых. Эмиграционный этап жизни (1789—1802 гг.) Ленуара включает в себя пребывание сначала в Швейцарии, а затем в Австрии, куда он вынужден был бежать после вторжения французских войск в Швейцарию. И именно «Во время его жительства в Австрии император России Павел I предложил ему поселиться в своих владениях, чтобы он помог ему своими советами» [22].

Остается только догадываться, каким образом была установлена связь между бывшим шефом парижской полиции и Павлом I. По-видимому, о его жизни в эмиграции русский император узнал от хорошо осведомленного об эмиграции Дюмурье, приезжавшего в 1800 г. в Россию, а контакты и сами переговоры между ними были установлены и велись через русского посла в Вене князя А. К. Разумовского, возможно ставшего посредником в приобретении А. Р. Воронцовым ленуаровского сочинения [23]. Возможно также, что этим посредником мог стать Леон Сожи, довольно близкий знакомый А. Р. Воронцова, который встречался с Ленуаром в Швейцарии и информировал об этой встрече русского графа [24].

---

[18] АЛОИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 305—307.

[19] Лемер написал свой «Мемуар» по приказу Г. де Сартина для Иосифа II и Марии-Терезии в 1776 г. Он подробно описал организацию и деятельность парижской полиции. Его труд предназначался как руководство для австрийских властей при организации их собственной полицейской системы. Опубликован в 1879 г.: *Lemaire J.-B.-Ch.* La police de Paris en 1770 // Mémoires de la société de l'Histoire de Paris et de l'Ilede-France. Paris, 1879. T. V (1878). P. 1—131.

[20] Можно сказать, что все повествование Ленуара зиждится на противопоставлении «старого порядка» революции. «Злой гений революции» уничтожает все, что имело смысл в период его руководства полицией, что казалось совершенным и незыблемым.

[21] Подробно библиографию работ, посвященных трактату Ленуара, см.: *Кирющенко Н. В.* Трактат Ленуара «Полиция Парижа» // ВИД. Л., 1989. Вып. XX. С. 294. Воронцовский список был использован В. С. Люблинским в монографии: *Ljublinski V. S.* La guerre des Farines: contribution à l'histoire de la lutte des classes en France à la veille de la Révolution. Grenoble, 1979.

[22] Biographie universelle, ancienne et moderne. Paris, 1819. T. 24. P. 98. См. также: *Sars M.* Op. cit. P. 275.

[23] Выдвинутая В. С. Люблинским гипотеза о возможном пребывании Ленуара в Петербурге не представляется убедительной.

[24] См.: Письмо Л. Сожи к А. Р. Воронцову из Женевы от 11—13 января 1791 г. // АкВ. Т. XXVII. С. 202.

inslav

Среди сведений, сообщаемых Ленуаром, наибольший интерес вызывают сведения об узниках Бастилии и других крепостей, а также сам механизм заключения в парижские тюрьмы. В большинстве случаев речь идет об авторах «гнусных памфлетов», авантюристах, известных публицистах, в том числе и о графе О. Г. Мирабо. Небезынтересны и рассуждения Ленуара о причинах начала Великой революции [25].

Делопроизводственная документация. Эта часть Воронцовского архива при первом же знакомстве поражает обилием. Как для всей коллекции, так и для этой группы документов характерно отсутствие какой-либо системности в группировке материалов, что затрудняет работу исследователей. Трудности возрастают из-за встречающегося разрозненного характера хранения различных листов одного дела, из-за отсутствия в большинстве случаев строгой хронологической последовательности при объединении и комплектовании документов в одну единицу хранения.

По происхождению делопроизводственная документация подразделяется на две группы: 1) документы, появившиеся в результате непосредственной служебной деятельности Воронцовых и представленные подлинными черновыми копиями, списками с депеш, донесений, реляций, нот, дипломатической переписки; 2) документы, к происхождению которых Воронцовы не имеют прямого отношения, но копии, списки, извлечения, выдержки с которых были сделаны для них по служебной надобности либо осведомителями, либо авторами самих документов.

Большая часть документов посвящена Великобритании, ее внутренней и внешней политике. С точки зрения изучения финансовой деятельности английского правительства интересны «Росписи субсидий, выделяемых службами...» [26] на соответствующий год, всего за девять лет с 1787 по 1795 г. по статьям, принятым на заседаниях палаты общин с «примечаниями» на каждую статью, «примечаниями», в которых дается общая характеристика внешнеполитического курса (обычно в «примечании» к первой статье), приводится объяснение принятым суммам (рост или уменьшение по сравнению с прошлым годом и в связи с чем).

В статьях указаны выделяемые суммы на различные нужды, в том числе на содержание королевского флота, сухопутных войск, кавалерии, артиллерии, а в «Росписях субсидий...» за 1794, 1795 гг.— «на содержание иностранных войск», «на ассигнование духовенства и других французов-эмигрантов» [27].

Большинство же документов делопроизводственной части Воронцовского архива относится к дипломатической деятельности европейских правительств (Англии, Австрии, Пруссии, самой России), принимавших особенно активную роль в борьбе с французской революцией. В основном это копии, переводы, выписки, черновые дипломатических документов, депеш, союзнических договоров, переводы статей из английских газет. Напротив, копии дипломатических документов, исходящих из Франции, более редки. Наибольшее их количество относится к периодам Директории и Консулата.

Несколько подборок документов относится к служебной деятельности некоторых видных чиновников России. В частности, копии реляций, дипломатической переписки вице-канцлера Н. П. Панина за 1799—1801 гг., представленные тремя томами, были переданы самим Паниным С. Р. Воронцову [28]; объединенные в одном томе письма и донесения А. В. Суворова к князю Г. А. Потемкину за период с 1773 по 1790 г.[29]; рескрипты Екатерины II С. Р. Воронцову по вопросам англо-русских отношений в связи с французскими событиями [30]; копии документов, относящихся к

---

[25] См. подробнее: *Кирющенко Н. В.* Указ. соч. С. 296–302.
[26] АЛОИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 157.
[27] Там же. Л. 3–4, 18.
[28] Там же. Д. 128–130.
[29] Там же. Д. 1309.
[30] ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1647, 1673, 1681, 1703.

inslav

военным действиям на Европейском континенте в период революции, сделанные по горячим следам и гораздо позже [31].

Ряд документов относится к истории оформления первой антифранцузской коалиции, деятельности контрреволюционной эмиграции [32].

Широко представлены в Воронцовском архиве *записки об определенных событиях, связанных с французской революцией*. Большинство записок имеет служебный характер — само их появление обусловливалось особенностями служебной деятельности Воронцовых. Почти все записки вышли из оппозиционного революции лагеря, поэтому преобладает контрреволюционная тематика.

Независимо от того, представляют ли записки оригинальный текст (черновой, чистовой), копии с подлинника или рукописный список (выписки), перевод с опубликованного текста, их можно разделить на две группы: 1) «информативные» записки — собственно, это был один из способов информирования русского посла в Лондоне графа С. Р. Воронцова его многочисленными информаторами по тем или иным вопросам, связанным с французской революцией; 2) «докладные записки», предоставленные собственно авторским размышлениям и оценкам происходящего.

Среди «информативных» записок выделяются записка о подробностях бегства короля и королевы в Монмеди и их ареста в Варенне [33], записка о прибытии в Лондон некоего агента французских принцев и переговорах с английским правительством относительно возможности организации вербовки контрреволюционных сил на территории Великобритании [34], «Записка о событиях в Вандее» [35], посвященная Киберонской экспедиции (в период «третьего восстания»: 15 мая 1795 г.— 29 марта 1796 г.). Тематически к этой группе документов примыкают также «Извлечения из сообщения трех эмигрантов о Вандее» [36] о событиях, посвященных первому этапу Вандейских войн («Великая война»), копии писем А. В. Суворова к генералам Шаретту и д'Арнонкуру [37].

Итальянскому (апрель—август 1799 г.) и Швейцарскому (август—октябрь 1799 г.) походам Суворова посвящены записки с описанием маршрута союзных и французских войск и боевых действий между ними [38]. Возможно, что эти записки были составлены по распоряжению А. М. Римского-Корсакова, а затем присланы им С. Р. Воронцову, в служебной переписке с которым он состоял еще с 1793 г. и советоваться с которым приказывал ему Павел I в период военных действий 1799 г.

«Докладные записки» появлялись под впечатлением как самой революции, так и определенных ее событий. Наглядным примером записок, отражающих настроения и мысли кругов высшего света России к «сей безразсудной, а при том и опасной французской революции», является «Записка графа А. Р. Воронцова к графу А. А. Безбородко по поводу Французской революции» [39], поданная летом 1791 г. Большая группа

---

[31] Там же. Д. 1693; АЛОИИ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 102.
[32] ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1670, 1659, 1691.
[33] АЛОИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 276.
[34] ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1798, 1799, 1307. Авторство предположительно принадлежит секретарю С. Р. Воронцова Ф. Жоли. Фрагмент этой записки обнаружен нами среди бумаг Жоли Воронцовского архива (АЛОИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1269. Л. 120–121 об.).
[35] АЛОИИ. Ф. 36. Оп. 2. Д. 105. Это одна из копий донесения барона Нансья, французского эмигранта, агента роялистских сил в Лондоне, активного организатора Киберонской экспедиции. Публикация была произведена с копии, найденной среди бумаг леди Форстер, герцогини Девонширской. См.: Revue de la Révolution. 1887. T. IX/X. P. 1–52.
[36] ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2934.
[37] Там же. Д. 1892. К сожалению, местонахождение подлинников не известно. Панегирический характер письма к Шаретту дает представление о личном отношении Суворова к военной кампании Шаретта. См.: *Суворов А. В.* Письма. М., 1987. С. 296–297.
[38] ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1889, 1935.
[39] АкВ. Т. IX. С. 501–503.

inslav

записок посвящена дипломатическим вопросам. Часть записок написана С. Р. Воронцовым, другие — неизвестными авторами [40].

Наконец, среди документов этого рода имеется также несколько записок, являющихся рукописными списками или выписками с опубликованных текстов, по-видимому не доступных Воронцовым (так называемые транскрипты) [41].

Переписка, представленная в архиве Воронцовых, в соответствии с общепринятой типологией исторических источников подразделяется на: 1) официальную (дипломатическую) и 2) личную корреспонденции. Обе представлены широким спектром видов: а) подлинные — чистовые (собственноручные либо рукой секретаря с собственноручной подписью автора письма), черновые, списки с подлинных; б) копии — чистовые, черновые (иногда без указания даты, адресата или с более поздним указанием); в) переводы с писем (чистовые, черновые с подлинных либо с копий циферных писем) на французском, английском и русском языках; г) экстракты (выдержки) из писем, главным образом дипломатических; д) проекты писем и копии проектов.

В фонде Воронцовых АЛОИИ бóльшая часть писем входит в «книги»: «Бумаги С. Р. Воронцова» и «Бумаги А. Р. Воронцова» [42]; остальные составляют отдельные тома: «папки в картонах» или в «россыпи» в АЛОИИ и в ЦГАДА [43].

Комплектация писем в «книги» в АЛОИИ более позднего времени, осуществленная, очевидно, без наблюдения Воронцовых. Фолианты с золотым тиснением княжеского герба на внешних сторонах нижней и верхней крышках (т. е. группировка осуществлена после получения княжеского титула М. С. Воронцовым в 1845 г., точнее, по-видимому, в процессе подготовки документов архива к публикации в «Архиве князя Воронцова» в 60—70-е годы XIX в.).

Для коллекции характерно отсутствие определенного критерия систематизации. Письма сгруппированы иногда в тематическом, иногда в хронологическом порядке, который, в свою очередь, строго не выдерживается.

Часть писем с приложениями: копиями рескриптов, нот, реляций, писем к другим лицам.

Некоторые письма составили «самостоятельные» единицы хранения, не войдя в «свой» том как по небрежности составителя, так, вероятно, и вследствие особого интереса к той информации, которую они в себе содержали и из-за которой нередко пересылались другим корреспондентам для прочтения. Возможно, что таким приемом пользовались не только Воронцовы, но и их корреспонденты — так появились в архиве Воронцовых письма (часто неизвестных), адресованные явно не им, но достойные, по-мнению пересылающего, их внимания. Они-то, по-видимому, и составили группу писем, разработанных по многим томам: письма неизвестных к Воронцовым, письма неизвестных к неизвестным (например, письмо неизвестной к графу из Брюсселя от 26 октября 1792 г. о кампании герцога Брауншвейгского [44], письмо некой Полины к ее матери Жозефине об обстоятельствах их ареста и освобождения во времена Великой французской революции [45]).

В отмеченном нами делении переписки на дипломатическую и личную присутствует определенный элемент условности, так как большинство писем, вышедших из-под пера Воронцовых или адресованных им, занимает как бы промежуточное положение в этом делении вследствие совме-

---

[40] Там же. Т. XV. С. 455–480; ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 1800, 2808, 1733, 1804, 1121.
[41] ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2791, 2932, 2937.
[42] АЛОИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1149–1276.
[43] Там же. Оп. 2. Д. 195–896; ЦГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 466, 563, 755, 1294, 1295, 1316, 1393, 1445, 1640, 1647, 1669, 1674, 1679, 1688, 1697, 1706, 1714, 1726, 1735, 1805, 1817; см. также оп. 3 (переписка Воронцовых).
[44] ЦГАДА. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1237. Л. 213–214 об.
[45] Там же. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 3138.

inslav

щения в одном человеке особы, облеченной властью, и лица, связанного дружескими узами с Воронцовыми. Такова переписка с князьями А. К. Разумовским, В. П. Кочубеем, графами П. В. Завадовским, А. А. Безбородко и др.

Письма дипломатической и личной переписки различаются между собой как внешними особенностями (обращением, авторским исполнением или рукой секретаря), так и внутренними (характерной тематикой, стилем изложения).

Тексты писем официальной переписки часто дублируются копиями их текстов, есть черновик. Черновиков, копий личных писем почти не сохранилось (наверняка их в основном и не было); по-видимому, писались сразу набело и без помощи секретаря, а значит, существовали в единственном экземпляре, который затем откладывался в личном архиве получателя. Правда, не всегда мы сможем найти этот единственный экземпляр в других частных архивах, так как он часто уничтожался получателем как документ, содержащий «крамольные мысли». Безбородко вынужден был даже специально обратиться к С. Р. Воронцову с просьбой: «Я прошу вас впредь дружескую вашу со мною переписку разделить на две части: одну такую, которую я мог бы в отнятие сомнения показать; другую, которая, содержа вообще откровенность по делам, между нами единственно оставалася, дабы я письма сего последнего рода мог тотчас, как и обыкновенно делаю, предать огню» [46].

Некоторые личные письма несут на себе оттенок официальности. Они предназначались изначально автором (в данном случае С. Р. Воронцовым) для показа Екатерине II. В них есть прямое указание (иногда отсутствующее) на то, что́ необходимо сообщить или показать для прочтения императрице [47]. Такие письма отличает манера изложения, важность сообщаемого в них материала.

Необходимо также отметить различие корреспонденции, которую вели С. Р. и А. Р. Воронцовы, в силу различного характера их служебной деятельности и обстоятельств судьбы каждого из них. Если первый на протяжении всего периода революции был, можно сказать, в центре событий (здесь имеется в виду не только близость к «источнику смуты» в географическом плане, но и проявленная им активность в формировании антифранцузской коалиции, сопровождавшаяся широкими дипломатическими контактами с влиятельными особами и деятелями французской эмиграции), то Александр Романович, уединившись в Андреевском, будучи в отставке с 1793 г., становится лишь «потребителем» информации, иногда даже на уровне слухов, от некоторых своих корреспондентов. Например, А. И. Ган в своих письмах к А. Р. Воронцову информирует последнего о событиях, связанных с борьбой против французской революции, почерпнутых из русских газет [48], либо пересылает ему газеты, полученные «иностранными почтами» [49].

Основная масса наиболее интересных писем, относящихся к событиям последнего десятилетия XVIII в., была опубликована в «Архиве князя Воронцова». Из неопубликованных следует отметить переписку С. Р. Воронцова со своим секретарем Ф. Жоли [50], который, находясь в Португалии и Швейцарии, стал одним из частных источников информации графа.

Представляют интерес для исследователей и неопубликованные письма русского посла в Вене князя А. К. Разумовского к С. Р. Воронцову [51], письма лорда Гренвиля к нему же [52].

---

[46] АкВ. Т. XIII. С. 175.
[47] Там же. Т. XXXIV. С. 472.
[48] АЛОИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1147. Л. 91.
[49] Там же. Л. 173.
[50] Там же. Д. 1269.
[51] Там же. Д. 1274.
[52] Там же. Д. 1242. Л. 258–729 об.

inslav

Таким образом, можно говорить о большом научном значении собрания документов Воронцовского архива для исследования проблем Франции и европейской истории конца XVIII в.

Л. Ф. Писарькова

ГУБЕРНСКИЕ УЧЕНЫЕ АРХИВНЫЕ КОМИССИИ: ОРГАНИЗАЦИЯ, ЧИСЛЕННОСТЬ И УСЛОВИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Губернские ученые архивные комиссии — общественные учреждения дореволюционной России, в задачи которых входили комплексное изучение и охрана историко-культурного наследия прошлого; учреждения, распространявшие «свою деятельность на все роды и виды памятников: письменных и вещественных, первобытных и исторических, церковных и гражданских» [1]. Создание архивов, музеев и библиотек, изучение и описание документов, проведение археологических раскопок, обследование и охрана недвижимых памятников, контроль за их реставрацией, сбор этнографического материала и произведений устного народного творчества, подготовка к изданию многочисленных выпусков «Трудов», организация областных археологических съездов — вот далеко не полный перечень вопросов, которые обсуждались в заседаниях ученых комиссий и решались в процессе их деятельности.

Более чем 30-летний период существования этих учреждений (1884—1918) недостаточно освещен в исторической литературе. Ряд исследований, опубликованных до 1917 г., отражают различные аспекты деятельности отдельных комиссий и приурочены к юбилейным датам [2]. Работы И. Е. Андреевского, А. Н. Труворова и Н. В. Покровского — директоров Петербургского археологического института, которому были подотчетны эти учреждения, носят скорее источниковедческий, чем исследовательский характер [3].

Особое место в дореволюционной историографии занимает книга Д. Я. Самоквасова «Архивное дело в России». Автор книги обосновывает необходимость проведения архивной реформы и как способ ее осуществления предлагает создание центрального архивного управления и 90 центральных губернских правительственных архивов. Ученые комиссии, которые рассматривались противниками этого дорогостоящего проекта как его альтернатива, Самоквасов подверг резкой критике и рекомендовал упразднить как самостоятельные учреждения [4]. Это предложение вызвало многочисленные протесты со стороны общественности и членов архивных комиссий, обвинявших Самоквасова в полном незнании истинного положения дел и умышленном искажении фактов [5]. «Деятельность

---

[1] *Покровский Н. В.* Губернские ученые архивные комиссии (Речь директора Института Покровского в торжественном собрании Института 9 мая 1908 г.). СПб., 1908. С. 11.

[2] *Соколов В. П., Хованский Н. Ф.* 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии, 1886—1911. Саратов, 1911; Юбилей 25-летия Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1911; *Норцов А. Н.* Краткий исторический очерк возникновения и деятельности Тамбовской губернской ученой архивной комиссии, 1884—1904. Тамбов, 1905.

[3] *Андреевский И. Е.* Губернские ученые архивные комиссии, 1886—1889 гг. // ВАИ. СПб., 1892. Вып. 8. С. 33—70; СПб., 1892. Вып. 9. С. 1—44; *Труворов А. Н.* Обзор деятельности губернских ученых архивных комиссий... за 1890—1893 гг. СПб., 1891—1895. Т. 1—3.

[4] *Самоквасов Д. Я.* Архивное дело в России. М., 1902. Т. 1. С. 21—49; Т. 2. С. 83, 90, 100.

[5] Отзыв Рязанской ученой архивной комиссии о книге проф. Д. Я. Самоквасова «Архивное дело в России». Рязань, 1903; Отзыв Оренбургской ученой архивной комиссии о книге проф. Самоквасова «Архивное дело в России». Оренбург, 1902;

inslav

губернских архивных комиссий стала предметом спора, который продолжается и до наших дней»,— отмечал в 1918 г. историк и архивист И. Л. Маяковский, высоко оценивавший тогда эти учреждения [6].

Рассматривая работы советских историков, с полным основанием можно заключить, что этот спор, целью которого являлось стремление доказать несостоятельность архивных комиссий, продолжался и в 30—50-е годы [7]. Основные выводы работ этого периода (о вреде, нанесенном учеными комиссиями архивному делу, покровительственном отношении к ним правительства, о заведомой неспособности этих учреждений упорядочить архивное дело) повторялись в новых изданиях и работах, опубликованных в 60—70-е годы [8]. Однако негативное отношение к архивным комиссиям не подкреплено серьезными аргументами.

Назрела необходимость глубокого и полного изучения всех сторон деятельности этих учреждений, их состава, бюджета, отношения к ним правительства и общества. Такое исследование позволит в полной мере оценить тот вклад, который внесли ученые архивные комиссии в дело сохранения историко-культурного наследия, формирования национального самосознания народа, развития культурной жизни в провинции и отечественного краеведения.

Подготовительным этапом для всесторонней разработки этой темы является скрупулезная работа О. И. Шведовой, составившей указатель всех изданий и публикаций архивных комиссий [9], а также многочисленные исследования о деятельности отдельных комиссий, написанные в основном в 80-е годы [10]. В настоящей статье рассматриваются цели создания ученых архивных комиссий, их задачи, численность и отношение к ним правительства.

Губернские ученые архивные комиссии были созданы Положением Комитета министров «Об учреждении ученых архивных комиссий и исторических архивов», утвержденным 13 апреля 1884 г.[11] Положение предусматривало открытие ученых комиссий «в виде опыта» в Тверской, Тамбовской, Рязанской и Орловской губерниях. В дальнейшем «в случае необходимости и имеющихся средств» с разрешения министра внутренних дел эти учреждения могли открываться и в других губерниях.

Савелов Л. М. В защиту ученых архивных комиссий: По поводу книги проф. Самоквасова «Архивное дело в России». М., 1904.

[6] *Маяковский И. Л.* Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920. С. 166.

[7] *Чернов А. В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1940. С. 78–82; *Назин И. С.* Из истории архивного дела в дореволюционной России // АД. 1936. № 39. С. 26–37; *Маяковский И. Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1941; *Бржостовская Н. В.* Деятельность губернских ученых архивных комиссий в области архивного дела, 1884–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1951; *Она же.* Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов // ТМГИАИ. М., 1954. Вып. 5. С. 79–116.

[8] *Маяковский И. Л.* Очерки.../Испр. и доп. Н. В. Бржостовской, Г. А. Дреминой, Ю. Ф. Кононовым. М., 1960. С. 267–301; *Бржостовская Н. В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России, 1869–1911 гг. // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 98; Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней/ Авт.-сост. Н. В. Бржостовская // ТВНИИДАД. М., 1979. Т. 8. Ч. II. С. 201–211.

[9] *Шведова О. И.* Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 377–433.

[10] *Митрофанов Н. Н.* В. Г. Короленко и Нижегородская архивная комиссия // ТМГИАИ. М., 1961. Вып. 16. С. 281–300; *Булах В. Н.* К вопросу о деятельности Пермской ученой архивной комиссии, 1888–1916 гг. // ВИД. Свердловск, 1974. Сб. 1. С. 92–95; *Аббасов А. М.* Вклад Полтавской ученой архивной комиссии в развитие исторического краеведения // История и историки, 1980. М., 1984. С. 275–286; *Он же.* Воронежская ученая архивная комиссия и ее исследования по истории города Воронежа, 1900–1918 гг. // Из истории города Воронежа. Воронеж, 1984. С. 99–114; *Филимонов С. Б.* Документальные материалы Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии, 1920–1931 гг. // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 203–208; *Шипилов А. Д.* Историко-краеведческая деятельность в Костромской губернии в конце XVIII – начале XX в.; Дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; *Дубов И. В., Седых В. Н.* В. А. Городцов и Ярославская губернская ученая архивная комиссия // Вестн. ЛГУ. Ист.-фил. сер. Л., 1984. Вып. 4. С. 16–21.

[11] ПСЗ III. Т. 4. № 2149.

inslav

Основной причиной создания архивных комиссий было бесконтрольное уничтожение старых дел в архивах губернских и уездных учреждений. Уничтожение ненужных для текущего делопроизводства бумаг без соответствующей экспертизы приводило к гибели документов, имеющих научное значение. В 1860—70-е годы, в эпоху «великих реформ», когда многие из существовавших ранее учреждений были упразднены, а их материалы переполнили ведомственные архивы, это явление приобрело массовый характер. В течение 1863—1871 гг. только в Нижегородской губернии было уничтожено более 160 тыс. архивных дел [12].

Академик Н. В. Калачов, которому принадлежала идея создания архивных комиссий, писал о назначении проектируемых учреждений: «...ученые комиссии нужны для того, чтобы положить по возможности предел вандализму чиновников, призванных к архивному делу... столбцы и книги назначаются к уничтожению чиновниками, не умеющими читать старинные рукописи и, однако, крайне заинтересованными в скорейшем получении вознаграждения за свои „неусыпные труды“» [13].

Разработанное Калачовым Положение в качестве основного направления деятельности ученых комиссий предусматривало архивное дело: разбор старых дел губернских и уездных учреждений, выявление ценных в историческом отношении документов, их систематизация и хранение в специально созданных архивах [14].

Следует отметить, что вопрос о необходимости создания местных архивов возник задолго до открытия ученых комиссий и неоднократно обсуждался как на Археологических съездах [15], так и на заседаниях комиссии по устройству архивов, созданной в 1873 г. при Министерстве народного просвещения под председательством Калачова [16].

В 1874 г. на проходившем в Киеве III Археологическом съезде Калачовым впервые была высказана мысль об организации научных обществ при областных центральных архивах «для разработки архивных материалов» [17]. На IV Археологическом съезде (1877) Калачов вновь говорил о местных обществах [18]. Но в этот раз он значительно расширил их задачи: помимо архивного дела, общества должны были изучать все памятники материальной культуры края и способствовать распространению исторических знаний среди населения. «Соедините его (воспитание стариной.— *Л. П.*) с грамотностью и обучением в тесном смысле этого слова и вы освободите наш народ от тех увлечений нетрезвой жизнью, которым он предается по незнанию лучшего отдохновения от своих тяжелых ежедневных трудов» [19]. Однако идея создания исторических архивов и обществ тогда не получила поддержки правительства.

Исследуя историю подготовки Положения 13 апреля 1884 г., Ю. И. Гессен отмечал, что Калачову удалось добиться успеха в решении данного вопроса во многом благодаря его личному влиянию и авторитету. Принятию Положения способствовал и расплывчатый характер этого документа. По мнению Гессена, Калачов, убедившись, что широкие планы не встречают сочувствия правительства, и стремясь предотвратить ожидаемые препятствия, умышленно не конкретизировал свои обширные замыслы, а набросал лишь неясные их контуры [20].

Действительно, Положение не дает четкого представления ни о структуре, ни о задачах ученых комиссий и создаваемых при них архивах.

---

[12] *Маяковский И. Л.* Очерки... С. 252.
[13] Цит. по ст.: *Гессен Ю. И.* Из жизни архивных комиссий // Сборник материалов и статей: Редакция журнала «Исторический архив». М., 1921. Вып. I. С. 20.
[14] Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1880—1884 годы. СПб., 1886. С. 457—458.
[15] *Бржостовская Н. В.* Вопросы архивного дела... С. 82—105.
[16] *Иконников В. С.* Губернские ученые архивные комиссии, 1884—1890. Киев, 1892. С. 1—2; *Маяковский И. Л.* Очерки... С. 262—270.
[17] Труды III АС. Киев, 1878. Т. I. С. XXXVIII—XXXIX.
[18] Труды IV АС. Казань, 1884. Т. I. С. 22—28.
[19] Там же. С. 24.
[20] *Гессен Ю. И.* Указ. соч. С. 18—19.

inslav

Четыре из десяти пунктов этого документа ориентируют новые учреждения на архивное дело; эта направленность в работе комиссий отражена и в их названии: «архивные». Вместе с тем ученым комиссиям предоставлялось широкое поле для их деятельности: в соответствии с § 7 Положения они могли «включать в круг своих занятий розыскание, описание и объяснение всяких других памятников старины» [21].

Пояснительная записка, представленная Калачовым в Комитет министров вместе с проектом Положения, позволяет заключить, какие большие надежды возлагал на § 7 составитель этого документа. «Нет сомнений,— писал Калачов,— что как скоро откроются местные архивы и *музеи*, то к обогащению их как документами, так и вещественными памятниками окажут свое содействие местные жители и что они не откажут и в материальном пособии этим учреждениям, как скоро убедятся в той пользе, *какую они приносят губернии развитием в ней любви к отечеству и его древностям, а также в местном населении вкуса к произведениям науки и искусства*» [22].

По-видимому, содержание записки было несколько неожиданным для членов Комитета министров: выделенный нами текст подчеркнут, а против слов «музеи» и «любви к отечеству» поставлены вопросительные знаки.

Положение по замыслу его составителя должно было создать в России не архивные, а общеисторические общества просветительного характера. В силу обстоятельств эта идея, сформулированная Калачовым еще в 1877 г., была выражена в неопределенной и расплывчатой форме. Именно по этой причине Калачов присутствовал на открытии всех архивных комиссий, созданных при его жизни [23], и в своих выступлениях говорил о тех больших задачах, которые стояли перед новыми учреждениями. Как отмечал один из старейших членов Рязанской архивной комиссии — И. И. Проходцев, значение речи Калачова для будущей деятельности комиссии было огромно: «15 июня 1884 г. 15 лиц из рязанской интеллигенции, собравшиеся на открытие архивной комиссии, не ожидали ничего доброго от учреждения архивной комиссии. Ну что такое может дать общество под названием „архивная комиссия"! Но, прослушав речь Н. В. Калачова, из нее все узнали, к чему они призываются, для чего собрались... уверовали в дело, к которому он призывал» [24]. Эта речь стала своеобразной программой деятельности Рязанской комиссии: «Калачов вдохновенно прозревал будущее Комиссии и, выясняя основную задачу ея, увлекся и широкой кистью уже не архивиста, а родинолюбца нарисовал картину, как дитя Комиссия разовьется в целое просветительное общество» [25].

Необходимым условием существования любого учреждения является наличие материальных средств. В соответствии с § 8 Положения «расходы, необходимые на содержание и занятия ученых губернских архивных комиссий, покрываются из средств, имеющихся в распоряжении директора Археологического института, и из местных пожертвований на пользу науки» [26]. В Объяснительной записке к проекту Положения Калачов указал именно на эти источники существования комиссий [27]. В заседа-

---

[21] Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел... С. 458.
[22] ЦГИА СССР. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 22. Л. 8–8 об.
[23] Калачов успел открыть комиссии в Твери, Рязани, Тамбове, Орле (1884 г.) и Костроме (1885 г.). Умер в октябре 1885 г. в своем Сердобском имении по пути из Москвы в Саратов, куда ехал открывать архивную комиссию. См.: *Андреевский И. Е.* Губернские архивные комиссии в 1887 г. // ВАИ. Вып. 8. С. 49; *Лященко А. И.* Наши губернские ученые архивные комиссии // ИВ. 1891. № 2. С. 601.
[24] *Проходцев И. И.* Высочайше утвержденная Рязанская ученая архивная комиссия: Обозрение 15-летней деятельности комиссии. Рязань, 1899. С. 14–15.
[25] *Яхонтов С. Д.* Речь председателя Комиссии С. Д. Яхонтова в юбилейном заседании 29 декабря 1909 г. // Юбилей 25-летия Рязанской ученой архивной комиссии. Рязань, 1911. С. 9.
[26] Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел. С. 458.
[27] ЦГИА СССР. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 22. Л. 8.

inslav

нии Комитета министров 3 апреля 1884 г., где обсуждался проект Положения об учреждении архивных комиссий и архивов, Калачов выразил полную уверенность в том, что этот проект может быть осуществлен без всякого как в настоящем, так и в будущем пособия со стороны казначейства [28].

Между тем «В Петербурге, по крайней мере,— писал М. М. Семевский,— хорошо было известно, что материальное положение самого Археологического института далеко не было настолько удовлетворительно, чтобы... оказывать существенную *материальную* помощь... общество губернских городов хорошо известно: это собрание чиновников с губернатором во главе... люди, занятые утром в канцеляриях, вечером — картами. В виду этого, трудно надеяться на успех» [29].

Калачов как директор Археологического института не мог не знать, что если и существовала возможность оказывать небольшую помощь архивным комиссиям, то только на первых порах, когда их число было невелико. Вряд ли Калачов был уверен, что пожертвований местных жителей будет достаточно для выполнения тех больших задач, которые он возлагал на архивные комиссии. Еще в 1877 г. на IV Археологическом съезде он отмечал, что эти общества не смогут обойтись без содействия и субсидий правительства [30]. Скорее всего, Калачов надеялся, что со временем удастся добиться ассигнований из казны. При обсуждении проекта материальная необеспеченность комиссий могла оказаться серьезным основанием для его отклонения. Чтобы устранить это препятствие, Калачов указывает на Археологический институт и местную общественность как на источники существования ученых комиссий.

Действительно, возможность осуществить представленный проект без помощи казначейства «как в настоящем, так и в будущем» была одной из причин принятия этого документа Комитетом министров. Благосклонному отношению к проекту Положения способствовало и то, что архивным комиссиям передавались только документы, предназначенные к уничтожению. Кроме того, открытие архивных комиссий в других губерниях зависело от разрешения министра внутренних дел. Не исключая, что с введением в действие этого документа возможно его дополнение, Комитет министров утвердил его в качестве временного [31]. 13 апреля 1884 г. Положение было утверждено Александром III.

6 мая 1884 г. циркуляр Министерства внутренних дел об учреждении губернских ученых архивных комиссий и исторических архивов был разослан во все губернии и области Российской империи [32]. В 1884 г. с ходатайством об открытии архивных комиссий в Министерство внутренних дел обратились начальники Бессарабской, Нижегородской, Таврической губерний и одесский градоначальник. В 1885 г. такие просьбы поступили из Костромской и Саратовской, в 1886 г.— Архангельской и Эстляндской, в 1887 г.— Ярославской и в 1888 г. из Тульской губерний [33]. В течение 1880-х годов из десяти названных губерний разрешение на открытие архивных комиссий получили только пять: Костромская, Саратовская, Таврическая, Нижегородская и Ярославская. По свидетельству В. С. Иконникова, Калачов получал заявления о желании содействовать открытию архивных комиссий не только из внутренних губерний России, но и из Сибири [34].

---

[28] Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. I. С. 665.
[29] *Семевский М. М.* Рязанская ученая архивная комиссия, 1884–1887 гг. // РС. СПб., 1887. Т. LIV. Апрель. С. 186.
[30] Труды IV АС. Т. I. С. 26–27.
[31] Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т. I. С. 665.
[32] Там же. С. 601–602.
[33] ЦГИА СССР. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 22. Л. 39–39 об., 44, 48, 53, 60–61, 67, 140, 151, 175, 246.
[34] *Иконников В. С.* Указ. соч. С. 2.

inslav

Основным препятствием для создания комиссий было отсутствие материальных средств, необходимых для их содержания [35]. Губернаторы обращались в Археологический институт с просьбами «о вспомоществовании из тех средств, какие имеются» [36]. Но институт не имел средств для оказания такой помощи. Так, на открытии Рязанской комиссии Калачов обещал выделить 400 руб. на устройство архива, но было отправлено только 200 руб. и те в ущерб бюджету института [37].

Преемник Калачова на посту директора Археологического института И. Е. Андреевский в письме к министру внутренних дел от 16 апреля 1887 г. описывает бедственное положение института, денежные дела которого «так плохи, что при самой строгой экономии и разумной бережливости едва возможно вести учебную и хозяйственную части». Не имея средств на открытие архивных комиссий в Архангельске и Ревеле, где они были особенно необходимы, Андреевский просит министерство отпустить для этой цели хотя бы временные субсидии [38].

В ответе, полученном из Министерства внутренних дел, директору института сообщалось, что в Министерстве нет источника для оказания помощи архивным комиссиям. Ходатайствовать же о выделении им правительственного пособия представляется невозможным, так как осуществление этого законопроекта предусматривалось без каких-либо ассигнований из казначейства [39]. Таким образом, выяснилось, что в материальном отношении архивные комиссии были предоставлены сами себе.

С первых дней существования этих учреждений материальная необеспеченность была главным и постоянным тормозом в их работе. В отчете Тамбовской архивной комиссии за 1884 г. отмечалось, что не было средств «не только на поездки с научной целью, на раскопки, на перевозку предметов древности, но даже на снимки и... на изготовление описей» [40]. Аналогичным было положение и Рязанской комиссии: полное отсутствие денежных средств, за исключением членских взносов, вынуждало ее членов даже черновую работу выполнять самим [41].

Выжить в таких условиях архивные комиссии смогли только благодаря материальной поддержке земств и городов, которые выделяли из своего бюджета небольшие суммы на их содержание. Размер этих пособий определялся материальным положением самих органов общественного управления и во многих губерниях не превышал 100—200 руб. в год. В отдельных случаях эти пособия были довольно значительны. Так, Нижегородская архивная комиссия в течение 1887—1897 гг. получила от земств и городских управлений 12 400 руб., что составило 2/3 ее 10-летнего бюджета (17 242 руб.) [42].

Помещенные ниже сведения о бюджете отдельных комиссий дают представление об основных источниках существования этих учреждений на рубеже веков.

---

[35] ЦГИА СССР. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 22. Л. 41—42, 52, 55 об.
[36] Там же. Л. 164 об.
[37] *Изергин В.* Отчет об открытии Рязанской ученой архивной комиссии // ВАИ. СПб., 1885. Вып. 2. С. 70; *Халиппа И. Н.* Идея губернских ученых архивных комиссий по Н. В. Калачову, И. Е. Андреевскому и А. Н. Труворову... // Труды Бессарабской ГУАК. Кишинев, 1900. Вып. I. С. 6.
[38] ЦГИА СССР. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 22. Л. 190—190 об.
[39] Там же. Л. 191—191 об.
[40] *Ильинский Н.* Отчет об открытии и занятиях Тамбовской ученой архивной комиссии в 1884 г. // ВАИ. СПб., 1885. Вып. I. С. 107.
[41] *Изергин В.* Указ. соч. С. 82.
[42] Отчет о деятельности Нижегородской ГУАК за истекшее 10-летие и за 10-й год ее существования // Журналы заседаний Нижегородской ГУАК: XLIII, XLIV, XLV. Н. Новгород, 1898. С. 21.

inslav

Источники бюджета архивных комиссий в 1898—1902 гг.[43]

Губернские ученые архивные комиссии	Год	Членские взносы	Пособие земств и городов	Продажа изданий	Частные пожертвования	Остаток от предыдущего года	Министерство юстиции	Всего в год
Бессарабская	1901	762	425	1014	–	–	–	2201
Воронежская	1902	119	100	1	–	340	–	560
Калужская	1899	84	250	–	5	87	100	526
Орловская	1902	48	–	–	–	19	–	67
Рязанская	1898	255	575	7	2000	1959	–	4796
Саратовская	1898	108	600	–	100	–	–	808
Тамбовская	1902	37	465	–	–	537	–	1039
Черниговская	1898	120	397	–	–	568	–	1085

Как свидетельствует таблица, в материальном отношении наиболее благополучным было положение Рязанской комиссии. Этим она была обязана прежде всего своему председателю А. Д. Повалишину, который в течение 1896—1899 гг. (до своей смерти) передавал комиссии по 2 тыс руб. в год — жалованье члена губернского по земским делам присутствия[44–45]. В 1901 г. самой значительной статьей дохода Бессарабской комиссии были поступления от продажи изданий. В этом году был опубликован 1-й выпуск «Трудов» комиссии. Солидный по объему и интересный по содержанию сборник, составленный из статей правителя дел И. Н. Халиппы, имел необыкновенный для подобных изданий успех. Министерство народного просвещения рекомендовало эту книгу для фундаментальных библиотек всех средних учебных заведений и бесплатных читален[46]. Синод также одобрил 1-й, а затем и 2-й выпуски «Трудов» Бессарабской архивной комиссии для библиотек духовных семинарий[47].

В общем доходы от продажи «Трудов» были незначительны и не покрывали затрат на их издания. Как правило, выпуски рассылались в библиотеки научных обществ и архивных комиссий в обмен на их издания, что являлось основным источником пополнения библиотек.

Членские взносы были установлены во всех комиссиях в размере от 1 руб. (Орловская комиссия) до 5 руб. (Рязанская). При незначительности бюджета этих учреждений взносы являлись важной статьей доходов, хотя и поступали очень медленно и нерегулярно.

Главным источником, определявшим материальное положение комиссий, были пособия от земств и городов. Размеры этих пособий были мизерными по сравнению с реальными потребностями. «Калужская ученая архивная комиссия,— отмечалось в отчете этой комиссии за 1899 г.,— существует скорее не материальными средствами, а нравственными силами»[48]. Ходатайства комиссий к различным учреждениям губерний и в Министерство внутренних дел о выделении «во имя науки» хотя бы единовременных пособий, не встречали поддержки[49]. Саратовская и

---

[43] Таблица составлена на основе отчетов, опубликованных в изданиях: Труды Бессарабской ГУАК. Кишинев, 1902. Вып. 2. С. 454–455; Труды Воронежской УАК. Воронеж, 1904. Вып. 2. С. XXXIX; Известия Калужской УАК. Калуга, 1900. Вып. 1900 г. С. 12; Труды Орловской УАК. Орел, 1903. Вып. 1901–1902 гг. Паг. 4. С. 48; Отчет о деятельности Рязанской УАК за 1898 г. Рязань, 1899. С. 27–28; Труды Саратовской УАК. Аткарск, 1902. Вып. 22. С. 189; Известия Тамбовской ГУАК. Тамбов, 1903. Вып. 48. С. 7–8; Труды Черниговской ГУАК. Чернигов, 1902. Вып. 4. Паг. 1. С. 6–8.

[44–45] Отчет о деятельности Рязанской УАК за 1896 г. Рязань, 1897. С. 34; То же за 1897 г. Рязань, 1898. С. 38; То же за 1898 г. Рязань, 1899. С. 27; То же за 1899 г. Рязань, 1900. С. 26–27.

[46] Труды Бессарабской ГУАК. Кишинев, 1902. Вып. 2. С. 450.

[47] Там же. Кишинев, 1908. Вып. 3. С. 528.

[48] Известия Калужской УАК. Калуга, 1900. Вып. 1900 г. С. 12.

[49] Там же. С. 12–13; Труды Воронежской УАК. Воронеж, 1904. Вып. 2. Разд. III. С. XXIII.

inslav

Рязанская комиссии, получая от земств 500—600 руб. в год, находились в лучших условиях, чем Калужская, Воронежская и тем более Орловская комиссии (последняя практически ничего не получала от местных учреждений).

Постоянный недостаток средств, острота которого лишь изредка снималась неожиданными пожертвованиями, усугублялся тем обстоятельством, что в ведении каждой комиссии находилась не одна, а четыре-пять, а иногда и больше губерний. Так, район деятельности Тверской архивной комиссии включал Тверскую, Эстляндскую, Лифляндскую, Псковскую и Московскую губернии [50]; в ведении Оренбургской комиссии находились Оренбургская, Уфимская, Самарская губернии, Тургайская область, весь Туркестанский край и Западно-Сибирское генерал-губернаторство [51]; в Орловскую комиссию «поступали дела и описи с пространства до Подольской и Курляндской губерний включительно» [52]. Архивные комиссии не имели права бесплатной пересылки корреспонденции; поэтому были вынуждены из своих скудных средств оплачивать пересылку дел и описей, получаемых на обработку из других губерний.

Орловская архивная комиссия при ее минимальном бюджете особенно остро ощущала неудобства тех условий, в которые были поставлены эти учреждения. В отчете за 1903 г. комиссия так характеризует свое положение: «...*Частное ученое общество*, поставленное в обязательство оказывать правительственным учреждениям содействие в разборе архивных дел едва ли не с четверти всей Европейской России, не только *бесплатно*, без финансовой помощи со стороны этих учреждений (кроме 3 рублей, посланных Киевской казенной палатой), но еще с настойчивыми их требованиями самой скорой работы и высылки им обратно целых *груд* дел и описей на счет все той же комиссии. Вследствие этого приходилось членам Комиссии брать на себя далеко не малый, большей частью вовсе не интересный труд разбора старых дел и описей, весьма редко имеющих историческое значение, портить себе глаза чтением выцветших бумаг, проглатывать массу архивной пыли и миазмов, и за все это нести еще сверх членского взноса различные денежные расходы» [53].

Отмечая необходимость изменения условий существования ученых архивных комиссий, Орловская комиссия предлагала: 1) ограничить район действия каждой комиссии своей губернией и одной-двумя соседними; 2) обязать учреждения оплачивать пересылку дел и описей, а также труд членов комиссий по обработке архивных материалов; 3) оплачивать расходы членов комиссий в случае их вызова в другой город; 4) открыть уездные отделения архивных комиссий, что сократит расходы на поездки; 5) дать комиссиям право бесплатной пересылки корреспонденции; 6) выделить правительственные субсидии.

Если выполнение этих условий окажется невозможным, то «*Комиссия должна быть освобождена* от обязательства содействовать правительственным учреждениям в разборе их архивных дел» [54].

Проблемы, указанные Орловской комиссией, были характерны для всех архивных комиссий: они неоднократно обсуждались на археологических съездах, как всероссийских, так и областных [55]. С начала XX в. на эти проблемы обратило внимание правительство.

---

[50] *Колосов В. И.* К вопросу о преобразовании архивных комиссий // Труды Второго областного Тверского археологического съезда. Тверь, 1906. Разд. VI—VII. С. XI.

[51] Труды Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий... СПб., 1914. С. 54.

[52] Отчет Орловской УАК за 1903 год // Труды Орловской УАК. Орел, 1904. Вып. 1903 г. (2). С. 58.

[53] Там же. С. 58—59.

[54] Там же. С. 59—60.

[55] Труды VIII Археологического съезда. М., 1896. Т. III. С. 274; Труды X Археологического съезда. М., 1900. Т. III. Разд. 2. С. 126; Труды XI Археологического съезда. М., 1902. Т. II. С. 99; Труды Второго областного Тверского археологического съезда. Тверь, 1906. Разд. VI—VII. С. 9—12.

inslav

Вопрос об архивной реформе в России был поднят в 1899 г. на XI Археологическом съезде после обсуждения проекта такой реформы, предложенного профессором Д. Я. Самоквасовым. Одновременно возник вопрос о роли архивных комиссий в предстоявшей организации архивного дела. Съезд одобрил проект Самоквасова и принял решение ходатайствовать перед правительством о выделении архивным комиссиям ежегодного пособия в размере 1500 руб.[56]

Проект архивной реформы был представлен на рассмотрение правительства и поступил в Министерство внутренних дел. Отношение министра внутренних дел В. К. Плеве от 28 июня 1903 г., направленное в Министерство народного просвещения, содержит положительную оценку проекта Самоквасова. Осуществление этого проекта, по мнению Плеве, явилось бы «наиболее полным и желательным способом разрешения вопроса о переустройстве архивного дела в России». Однако реализация проекта ввиду его сложности и миллионных затрат затянулась бы на десятилетия, «в продолжение которых в большинстве губерний продолжалось бы прежнее архивное настроение» [57].

Эти обстоятельства заставили Министерство внутренних дел предпочесть проекту Самоквасова более скромную программу преобразования архивного дела при помощи губернских ученых комиссий. В пользу такого решения высказались директор Археологического института Н. В. Покровский и все начальники губерний, в которых действовали архивные комиссии. Чтобы приспособить деятельность ученых комиссий к задачам архивоведения, министр внутренних дел считал необходимым внести соответствующие дополнения в Положение 1884 г., а также ходатайствовать о выделении ежегодного пособия из средств казначейства «в сумме 2 тысячи рублей на каждую архивную комиссию» [58].

Убийство Плеве в июне 1904 г., война с Японией и революция 1905–1907 гг. отодвинули решение этого вопроса. Только в апреле 1908 г. Археологическим институтом и представителями архивных комиссий был разработан проект нового Положения о губернских ученых архивно-археологических комиссиях [59]. Этот документ, предусматривавший расширение полномочий комиссий и выделение им пособия в размере 1500 руб., не получил одобрения правительства [60].

В октябре 1908 г. в Государственную думу министром внутренних дел П. А. Столыпиным был внесен законопроект об отпуске из казны денежных средств на выдачу пособия архивным комиссиям. В Представлении Столыпина вместо предполагаемых в 1903 г. 2000 руб. был указан очень скромный размер пособия — 200 руб. Эти деньги должны были компенсировать расходы архивных комиссий на обратную пересылку в правительственные архивы дел и описей [61].

Рассматривая этот законопроект, Комиссия по направлению законодательных предположений Государственной думы признала 200 руб. суммой явно недостаточной. В докладе Комиссии отмечалось, что выход из того затруднительного положения, в котором находятся архивные комиссии, может дать только ассигнование не менее 2000 руб. в год. Признавая охрану памятников делом государственного значения, Комиссия предложила следующий вариант этого законопроекта: отпустить из средств казначейства на выдачу существовавшим тогда 26 архивным комиссиям в 1909 г. 5200 руб. (по 200 руб. каждой), а начиная с 1910 г.— 15 тыс руб. в год [62]. Однако это предложение не получило под-

---

[56] Труды XI Археологического съезда. Т. II. Разд. 3. С. 84–85.
[57] Сборник материалов, относящихся до архивной части. Т. I. С. 678.
[58] Там же. С. 679.
[59] Сборник материалов, относящихся до архивной части... Пг., 1917. Т. II. С. 452–456.
[60] *Маяковский И. Л.* Исторический очерк архивного дела в России. С. 168–169.
[61] Сборник материалов, относящихся до архивной части... Т. I. С. 667.
[62] Там же. С. 672–674.

inslav

держки Государственной думы. Утвержденный в 1909 г. закон предусматривал ассигнование 200 руб. в год на каждую комиссию [63].

25-летние усилия общественности, казалось бы, увенчались успехом: правительство признало деятельность архивных комиссий полезной и заслуживающей материальной поддержки. Однако выделенные суммы были настолько незначительны по сравнению с реальными потребностями, что не могли существенным образом изменить материальное положение этих учреждений. Архивные комиссии вновь обращаются к правительству с ходатайствами об увеличении ассигнований или ограничении сферы их деятельности [64].

В 1911 г. разработка вопроса об упорядочении архивного дела в стране была поручена Русскому историческому обществу [65]. В составе РИО была избрана Особая комиссия для обсуждения мер, касающихся порядка сохранения местных архивных материалов. Чтобы выяснить положение местных правительственных архивов, Особая комиссия обратилась к 27 архивным комиссиям и 12 историческим обществам. Ответы, поступившие с мест, свидетельствовали о печальном состоянии архивов губернских и уездных учреждений: только 900 из 2500 архивов занимали помещения, пригодные для хранения документов.

За наиболее полные сведения о состоянии архивов РИО назначило единовременное пособие в 2 тыс. руб. В 1912—1913 гг. это пособие получили 15 архивных комиссий и одно археологическое общество [66]. Предусматривалось, что эти деньги будут способствовать развитию архивного дела в губерниях [67].

Комиссии, получившие пособие, должны были не только выяснить общее состояние местных архивов, но сделать первоначальное описание архивных дел, а в случае необходимости перевести в хранилища архивных комиссий наиболее древние и важные документы. В докладе председателя Саратовской архивной комиссии отмечалось по этому поводу: «...исчерпывающе выполнить все эти задачи на дарованные Историческим обществом средства в 2 тыс. руб., очевидно, представляется невозможным... в Саратовской губернии до 100 архивов казенных и общественных учреждений. В это число не входит около 300 архивов волостных правлений, частных и находящихся при губернских учреждениях. Чтобы только ознакомиться со всеми этими архивами, необходима масса труда и много средств» [68].

Вопрос о необходимости всестороннего обследования архивов всех ведомств был включен в повестку дня Первого съезда представителей губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений, проходившего в мае 1914 г. в Петербурге. На съезде, созванном по инициативе Особой комиссии РИО, присутствовали представители 28 архивных комиссий и трех исторических обществ [69]. Не было делегатов только от Бессарабской, Холмской и Якутской комиссий [70]. В работе съезда не могли принять участие Херсонская архивная комиссия, кото-

---

[63] ЦГИА СССР. Ф. 565. Оп. 5. Д. 19580. Л. 14.

[64] Труды Иркутской УАК. Иркутск, 1913. Вып. I. С. XXII; Труды Черниговской ГУАК. Чернигов, 1915. Вып. II. С. 193—194.

[65] Сборник материалов, относящихся до архивной части. Т. I. С. 680.

[66] Саратовская, Ставропольская, Смоленская, Вятская, Пензенская, Курская, Воронежская, Иркутская, Калужская, Нижегородская, Оренбургская, Полтавская, Таврическая, Тверская, Черниговская комиссии и Псковское археологическое общество.

[67] Сборник материалов, относящихся до архивной части. Т. I. С. 687—689.

[68] Труды Саратовской УАК. Саратов, 1914. Вып. XXXI. С. 219—220.

[69] Витебской, Владимирской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Иркутской, Калужской, Костромской, Курской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Полтавской, Рязанской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Ставропольской, Таврической, Тамбовской, Тверской, Тульской; Черниговской и Ярославской архивных комиссий, а также Псковского археологического общества, Общества истории и древностей Остзейского края (Рига) и Археологического общества в Пернове (Лифляндия).

[70] Труды Первого съезда представителей... С. 98—103.

inslav

рая закрылась в 1910 г., и Астраханская, существовавшая только на бумаге [71].

Съезд обсудил условия хранения документов в архивах местных учреждений и наметил ряд конкретных мер по охране письменных источников. Особое значение имело решение о создании при каждой архивной комиссии центрального для губернии исторического архива. Большое внимание съезд уделил положению самих архивных комиссий. Были приняты решения о расширении полномочий этих учреждений, создании комиссий в каждой губернии, выделении им пособия в размере не менее 3 тыс. руб. в год, объединении их деятельности под руководством РИО в качестве местных сотрудников по архивной части [72].

Съезд положил начало новому этапу жизни архивных комиссий. В 1884 г. в России были созданы общества, основанные на добровольном и безвозмездном труде любителей старины. Эти общества не имели определенных обязанностей, но не имели и каких-либо прав. Призванные к жизни исключительно для разбора бумаг, подлежащих уничтожению, они не имели доступа к документам, которые поступали на вечное хранение в ведомственные архивы. Контроль за тем широким бумажным потоком, который из учреждений направлялся на бумажные фабрики, для выявления ценных в научном отношении документов — вот основная задача архивных комиссий. Условия российской действительности, «где дела много, а деятелей мало», заставили архивные комиссии расширить сферу своей деятельности и взять на себя заботу о сохранении всех памятников истории и культуры региона.

Съезд 1914 г. возложил на них более сложную и ответственную задачу: упорядочение архивного дела на местах. Для успешного выполнения этой задачи комиссиям предоставлялось право обследовать и ревизовать все архивы губернии, им выделялись значительные денежные средства, их как местных сотрудников РИО взял под свое покровительство Николай II. Архивным комиссиям не удалось использовать новые возможности и практическим путем решить спор о том, могли ли они упорядочить архивное дело в стране или «заранее были обречены на неудачу» [73].

Начавшаяся летом 1914 г. первая мировая война помешала осуществлению многих решений съезда. Деятельность архивных комиссий была приостановлена, а в западных губерниях, оказавшихся в районе военных действий, полностью прекращена. Так, Бессарабская комиссия не смогла прислать в РИО отчет за 1914 г. по той причине, что с первых дней войны силы всех ее членов были «обращены исключительно на дело оказания помощи больным и раненым воинам» [74].

В заключение рассмотрим вопрос о численности архивных комиссий. В 1914 г. Особая комиссия РИО приступила к реализации решения съезда о создании архивных комиссий в каждой губернии и области Российской империи. Уже в 1914 г. были открыты Самарская и Ковенская архивные комиссии.

22 апреля 1915 г. Особой комиссией были отправлены письма к начальникам 21 губернии и области с просьбой оказать содействие в организации архивных комиссий на подведомственных им территориях. Предполагалось открыть эти учреждения в следующих губерниях и областях: Архангельской, Астраханской, Вологодской, Волынской (г. Житомир), Области Войска Донского (г. Новочеркасск), Казанской, Киевской, Минской, Могилевской, Московской, Олонецкой (г. Петрозаводск), Подольской, Уфимской, Харьковской, Херсонской, Тобольской, Томской, Ураль-

---

[71] ЦГИА СССР. Ф. 741. Оп. 1. Д. 116. Л. 6.
[72] Труды Первого съезда представителей... С. 98–103.
[73] *Бржостовская Н. В.* Вопросы архивного дела на археологических съездах в России, 1869–1911 гг. // АЕ за 1971 год. С. 99.
[74] ЦГИА СССР. Ф. 746. Оп. 1. Д. 117. Л. 7–7 об.

inslav

ской, Степном крае (г. Омск), Приамурской (г. Хабаровск) и Туркестанском крае (г. Ташкент) [75].

В ответ на предложение РИО были открыты архивные комиссии в Киевской, Харьковской, Казанской и Уфимской губерниях. Всего в течение 1914—1916 гг. было создано восемь новых комиссий [76], что увеличило их общее число с 31 до 39.

В 1916 г. Особой комиссией был составлен Список губерний и областей, в которых учреждены губернские ученые архивные комиссии и в которых предполагалось таковые учредить [77]. В Списке, включающем все губернии и области России, около тех губерний, где уже существовали архивные комиссии, указана дата их открытия, а там, где предполагалось их открыть,— дата отправления письма, в котором «писано об учреждении комиссии». При реализации этой программы число архивных комиссий увеличилось бы до 56.

Предложение РИО о создании архивных комиссий не получило поддержки в тех губерниях, где уже действовали общества, близкие к ним по задачам и характеру деятельности. Так, правление Вологодского общества по изучению Северного края решило отрицательно вопрос об открытии в Вологде самостоятельной архивной комиссии в связи с тем, что «отдельная ученая архивная комиссия может оказаться без интеллигентных научных сил и что, во всяком случае, раздробление сил неизбежно и несомненно». Правление приняло решение о преобразовании историко-архивной комиссии, входившей в состав Общества, в архивную комиссию с предоставлением ей соответствующих прав и обязанностей [78]. Против создания архивной комиссии высказалось и Петровское общество исследователей Астраханского края. Ссылаясь на то, что в 1893 г. Астраханская архивная комиссия уже была разрешена министром внутренних дел, но «следов ее деятельности не имеется», Общество решило принять на себя права губернской ученой архивной комиссии, «если таковые будут ему предоставлены» [79]. Сведения об обществах, изъявивших желание выполнять функции архивных комиссий, не нашли отражение в Списке РИО. Исключение составляют Псковское археологическое общество и Общество истории и древностей Остзейского края, которые получили права архивных комиссий па съезде 1914 г.[80] Таким образом, кроме 39 комиссий, действовавших в 1916 г., обязанности этих учреждений выполняли или могли выполнять четыре исторических общества. Возможно, что это число не окончательное и в последующие годы учреждались новые комиссии, а открытая в 1921 г. Приморская областная ученая архивная комиссия [81] была последней по времени, но не единственной.

---

[75] Там же. Д. 200. Л. 1–4.
[76] *Маяковский И. Л.* Очерки... С. 300.
[77] ЦГИА СССР. Ф. 746. Оп. 1. Д. 200. Л. 1–4.
[78] ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Д. 7. Л. 175–175 об.
[79] ЦГИА СССР. Ф. 746. Оп. 1. Д. 116. Л. 6–6 об.
[80] Труды Первого съезда представителей... С. 72.
[81] *Шведова О. И.* Указ. соч. С. 404.

inslav

Л. И. Шохин

О ПОДГОТОВКЕ СЕРИЙНОГО ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ИЗДАНИЯ «СБОРНИК МОСКОВСКОГО АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ»

В 1911 г. были утверждены новые штаты МАМЮ, несколько расширившие научно-издательские возможности архива, чем постарался воспользоваться управляющий Д. В. Цветаев, сменивший покойного Д. Я. Самоквасова, руководившего архивом на протяжении предшествующих 20 лет. Цветаев живо интересовался публикацией документов и пытался привлечь к этому сотрудников, использовать накопленный ими научный потенциал [1]. Задуманный им «Сборник МАМЮ» принадлежит к числу незавершенных изданий, которых не так уж мало в отечественной археографии, но среди них он выделяется масштабностью замысла и затраченных усилий. Подготовка его была прервана в самом разгаре в силу объективных причин, связанных с трудным периодом в истории страны на рубеже дореволюционной и советской эпох. Тем не менее его справедливо считают одним из наиболее значительных явлений в практике публикации архивных документов в России. Сравнивая постановку научно-издательского дела в МАМЮ и других учреждений, Д. М. Эпштейн заключает, что «хорошие образцы документальных изданий архив мог дать благодаря выработке прочных археографических традиций и квалифицированному составу научных сотрудников» [2]. Анализ публикаторской работы МАМЮ во второй половине XIX — начале XX в. показывает предысторию фундаментального труда, с которым архивисты пришли ко времени становления советской исторической науки [3]. Их уникальный опыт заслуживает изучения как немаловажная часть истории архивоведения, археографии, источниковедения, до сих пор получившая лишь фрагментарное освещение в нашей историографии. Новые возможности для исследования открываются в результате широкого введения в научный оборот отложившейся в канцелярии МАМЮ делопроизводственной документации (рабочих дневников, отчетов, докладных записок), частично сохранившихся подготовительных научных материалов, дополненных документами некоторых других фондов, также отражающими деятельность МАМЮ.

После смерти Самоквасова сотрудники архива высказывали Цветаеву предложения не ограничиваться изданием описей, а развернуть публикацию документов, особенно писцовых книг. П. Н. Зенбицкий указывал на преимущества издания «сырого материала»: «Приготовление такого материала к печати займет сравнительно мало времени и позволит на очень долгое время поставить правильно издательскую деятельность архива». С. И. Порфирьев говорил о писцовой книге по Казани Н. В. Борисова и Д. А. Кикина 1566—1568 гг., на которую обратили внимание в начале XX в. казанские историки Д. А. Корсаков и И. М. Покровский. М. А. Савич, принимавший участие в подготовке к изданию «Архивного материала» Самоквасова (М., 1905—1909. Т. 1—2), предлагал продолжить разработку писцовых книг Вотчинной конторы по Новгороду и Пскову. По XVIII в. Зенбицкий считал возможным издание вслед за А. Н. Филипповым журналов и протоколов Сената 1719—1748 гг., заключающихся в 402 книгах (№ 1882—2283), где имеются доклады и приговоры по самым разным вопросам [4].

---

[1] *Цветаев Д. В.* Новые издания МАМЮ // РИЖ. 1917. Кн. 1/2. С. 151—161.

[2] *Эпштейн Д. М.* История археографии дореволюционной России. Период капитализма: Учебное пособие. М., 1979. С. 23—24; см. также: *Самошенко В. Н.* История архивного дела в дореволюционной России: Учебное пособие. М., 1989. С. 178.

[3] *Шохин Л. И.* К истории публикации документов МАМЮ во второй половине XIX — начале XX в. // АЕ за 1988 год. М., 1989.

[4] ЦГАДА. Ф. 337 (Канцелярия МАМЮ). Оп. 1. Д. 9684. Л. 18—20 (докладные запис-

inslav

И. М. Катаев при описании столбцов Разрядного приказа всегда брал на заметку отдельные документы, заслуживающие полного издания (например, выборное делопроизводство земского собора 1653 г. в составе целого столбца Севского стола, куда оно попало, вероятно, случайно). От изданных В. Н. Латкиным документов собора 1651 г. они отличаются наличием приговоров о выборе; воеводские отписки полнее изображают процедуру выборов; виднее и непосредственнее участие в выборах самих избирателей. Катаев сначала предоставил найденные им материалы Московскому археологическому институту за плату — 100 руб., по ввиду безгонорарного характера изданий института ему возвратили их. Он обратился в Археографическую комиссию, предложив для особого тома РИБ эти и другие документы о земских соборах. Катаев указывал на возможность привлечения аналогичных материалов из МГАМИД и Московского Дворцового архива, в чем ему удалось заручиться содействием С. Б. Веселовского, Е. Д. Сташевского, А. К. Кабанова и М. А. Островской [5]. В докладной записке Цветаеву Катаев писал, что «найти издателя не всегда легко для таких документов. Была бы желательна помощь архива в этом деле, что отвечало бы интересам науки». Кроме соборного делопроизводства, переданного Археографической комиссии, он выявил источники о местничестве городов 1643 г. (столбец 126 Севского стола), о подьячих Разряда (стб. 351), документы о восстании С. Разина из разных столбцов, дополняющие издание «Материалов» А. Н. Попова (СПб., 1857), розыски 1700 г. про «государево слово», проливающие свет на оппозицию Петру I (стб. 2565 Приказного стола) [6].

Редактор описей и изданий архива В. В. Шереметевский высказал сомнение в целесообразности публикации отдельных документов разнообразного содержания, примером чего является разработка первых 400 столбцов Московского стола Разряда для АМГ: «...найдется материал еще на много томов подобного издания. Но для этого требуется систематизация всего материала, заключающегося в разрядных столбцах». В противном случае повторится ошибка, допущенная при выявлении для АМГ документов в последовательном порядке столбцов, когда оставлялись без внимания аналогичные материалы из других столов или даже в столбцах того же Московского стола под следующими номерами. По мнению Шереметевского, это не затрагивает авторитета инициатора издания Н. В. Калачова, так как он искал только приговоры Боярской думы и приказов и в его время имелись весьма приблизительные представления о составе и структуре архива Разрядного приказа. После составления «Описания Разряда» могли быть сразу напечатаны, как считал Шереметевский, подобранные в хронологическом порядке росписи служилых людей «у дел» и «в городах», посылавшиеся ежегодно из разных приказов и заключающие в себе данные об их территориальной компетенции. Он выделял многочисленные и интересные документы столбцов, касающиеся монастырей и церквей (особенно украинных). По другим архивным отделам Шереметевский допускал продолжение приостановленных ранее работ над «Докладами и приговорами Сената», остановившихся на июле 1716 г., используя давно скопированные документы за последующий период. По XVIII в. он предлагал также напечатать (хотя бы в извлечении) «офицерские описи» Коллегии экономии [7].

Начальник Поместно-вотчинного отделения МАМЮ Н. Н. Ардашев высказал предложение о том, что материалом для издания в первую оче-

---

ки 28–29 декабря 1911 г.); Журналы Правительствующего Сената за 1737 г./Под ред. А. Н. Филиппова. М., 1910–1911. Ч. 1, 2.

[5] ЦГИА г. Москвы. Ф. 376 (Московский археологический институт). Оп. 3. Д. 14. Л. 86–86 об. (протокол Ученого Совета 19 мая 1910 г.): ЛО ААН. Ф. 113 (А. С. Лаппо-Данилевский). Оп. 3. Д. 182. Л. 1–1 об., 5–7 (письма Катаева Лаппо-Данилевскому 1910–1911 гг.).

[6] ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9684. Л. 24–25 об.

[7] Там же. Л. 32–33 (докладная записка Шереметевского 29 декабря 1911 г.); Оп. 2. Д. 1005. Л. 4 («План работ по составлению обозрения документов Разряда»).

inslav

редь могли бы служить «указные книги» Поместного приказа и сменивших его учреждений (55 книг за 1626—1727 гг.), продолжавшие публикацию В. Н. Сторожевым древнейшей из книг за 1626—1649 гг. Извлечения из указов, помещенные в 1-м издании ПСЗ, Ардашев считал недостаточными «ввиду редакционных особенностей его, не всегда дающего полные и точные тексты подлинника». Изучая неописанные столбцы «вотчинной записки» и составляя по ним указатель городов, Ардашев одновременно искал документы, на которые даются ссылки в древнейшей указной книге Поместного приказа, выяснял хронологическую последовательность указов во всех 55 книгах [8].

Ранее, обращаясь к Самоквасову вскоре после его назначения управляющим архивом, Ардашев представил другой план, в котором намечалось продолжать сделанные при Калачове выписки из столбцов Вотчинной конторы, подготовленные для «Докладов и приговоров Боярской думы» в числе 155 дел XVI в.: это «единственный цельный материал, не тронутый притом в литературе и потому могущий иметь свою самостоятельную ценность (из всего, что скопировано для Калачовского издания.— *Л. Ш.*). Крайне незначительные и случайные выборки решений из столбцов Поместного приказа только по 2 городам — Москве и Рязани — не представляют из себя ничего цельного и потому не могут служить ни для какой определенной цели, хотя бы и оказались в них какие-нибудь любопытные частности»,— продолжал Ардашев, указывая направление поиска основного массива поместно-вотчинных столбцов XVI в. («которые не сохранились в самом Поместном приказе за разорением Смутного времени и за пожаром 1626 г.») в отделе Вотчинной конторы по Новгороду, где начинал искать Калачов, а также в столбцах по Новгородской губернии и Пскову [9].

В рукописи Ардашева «О начальных людях и дьяках Поместного приказа» говорится о еще одной категории приказных материалов: «Допожарные документы хранятся также в отделе „отказных книг", присланных в Поместный приказ из съезжих изб разных городов. Такие книги есть по 27 городам из 50, по названиям которых расположены дела Поместного приказа. В этих книгах встречаются ценные для нас ссылки на грамоты из разных приказов» [10]. В то же время И. С. Беляев сообщал графу С. Д. Шереметеву, что после смерти архивариуса В. И. Холмогорова в 1902 г. (предшественника Ардашева) в его отделении нашлось до 40 книг конца XVI — начала XVII в., относящихся к Новгороду и к отделу «книг Вотчинной конторы», которые он никому не показывал. Это книги платежные, отказные, переписные, касающиеся земельных отношений. По мнению Беляева, они после издаваемых Археографической комиссией новгородских писцовых книг «могли бы служить хорошим звеном в истории Новгородского края до начала XVII в.» [11].

Самоквасов доложил в Министерство юстиции о новооткрытых им документах Новгородской и Псковской съезжих изб XVI—XVII вв., на которые до 1894 г. не обращали внимания, так как на них были глухие ярлыки «Документы Вотчинной конторы». Сообщая о вкладе сотрудников МАМЮ в подготовку издания его «Архивного материала», Самоквасов говорил главным образом о трудах по переписке. План издания, по-видимому, был расширен по сравнению с первоначальными наметками, и Самоквасов с гордостью объявлял, что открываются для использования

---

[8] Там же. Оп. 1. Д. 9684. Л. 14—15 (докладная записка Ардашева 28 декабря 1911 г.); Д. 802. Л. 3—3 об. (отчет архива за 1912 г.); Д. 4672. Л. 1, 2, 32 (рабочий дневник Ардашева).

[9] Там же. Д. 9737. Л. 12—12 об. (докладная записка 1893 г.).

[10] Там же. Д. 743. Л. 62 (отчет архива за 1904 г.); Д. 6276. Л. 12—13 (рукопись незаконченной работы Ардашева).

[11] Там же. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 114. Л. 127.

inslav

книги и столбцы многих архивных отделов: Поместных столов Псковской и Новгородской съезжих изб, Новгородской дворцовой избы, книг Поместного приказа по записям вотчин и поместных дач, столбцов Поместного приказа по Пскову и т. д.[12]

Ардашев вслед за «Архивным материалом» Самоквасова разработал перекликавшийся с ним план издания «Расходных книг Поместного приказа», являвшихся вполне доступными; но книгами никто не пользовался, кроме А. Н. Зерцалова, извлекшего отсюда материал для рецензии на книгу В. Н. Латкина о земских соборах. Ардашев отмечал, что по началу издания «Расходные книги и столпы Поместного приказа 1626—1659 гг.» (М., 1910. Кн. 1) видно, как эти книги «широко и ярко рисуют приказное „сидение" с окружающей обстановкой»[13]. Таким образом, Ардашев в разработке поместно-вотчинной документации продолжал искать пути, позволяющие избежать необходимости фронтального просмотра столбцов Поместного приказа, хранившихся «по городам», о чем он думал с самого начала работы в архиве, занимаясь обозрением «записных приговорам книг»: «По этим хронологически подобранным пометам можно изучить детально применение, действие различных указов и составить полную картину развития его,— писал Ардашев в 1890 г.— Стоит представить только, что подобную записку мы имели бы до 1649 г., или что мы не имели бы никакой записки, и нам пришлось бы произвести громадную работу выборки всех помет из десятков тысяч столбцов». Записка показывает также, что в приказе существовало строгое распределение дел между судьями и дела решались «в разные руки», чего в столбцах усмотреть нельзя; к тому же они сохранились не все, да и у сохранившихся не всегда целы пометы, значение которых уже давно понято: по плану Калачова при издании документов приказов приговоры их должны были стоять на первом месте[14].

С. Б. Веселовский, также имевший доступ к неописанным отделам МАМЮ, в результате изучения Поместного приказа пришел к выводу, что даже документы первой половины XVII в. составляют ничтожную часть из сохранившихся, а до 1626 г.— «большая редкость и попадаются только в столпах. Искать их при современном состоянии этого архива бесполезно. Конечно, Вам прекрасно известны условия работы в наших архивах,— писал он М. А. Дьяконову.— Мы не гарантированы от больших сюрпризов. Ведь „нашел" же Самоквасов в своем архиве целые архивы старинных учреждений». Приветствуя работу С. В. Бахрушина по отысканию актов после Смутного времени, содержащих указания на результаты и последствия Смуты, Веселовский с удовлетворением отмечал, что все это вместе с издаваемыми им приходо-расходными книгами приказов даст много нового науке. Он предложил издать в ЧОИДР к 300-летию нижегородского ополчения платежницы по Нижнему Новгороду 1608 г. и 1612 г., знакомящие с хозяйством посада и уезда. Ардашев выразил готовность выявить документы Смутного времени по Поместному приказу, Г. Н. Шмелев — по Разрядному, но для этих документов в ЧОИДР не нашлось места[15]. Перспективы издания документов архивом Дьяконов оценивал скептически: «Я уверен, что Вы сумеете отплатить архиву такой услугой, за которую Вас не поблагодарят в виде издания какой-либо серии актов,— делился он своими сомнениями с

---

[12] Там же. Ф. 337. Оп. 1. Д. 747. Л. 1–1 об.; Д. 749. Л. 67–68, 76.

[13] Там же. Д. 776. Л. 87; Д. 783. Л. 67–69 (отчеты архива за 1909–1910 гг.); ЦГАОР СССР. Ф. Р-5325 (Главархив). Оп. 9. Д. 179. Л. 19–20 (записка Ардашева 1918 г. о плане описания документов Поместного приказа); *Зерцалов А. Н.* Новые документы о земском соборе 1648–1649 гг. // ЧОИДР. 1897. Кн. 3.

[14] ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 599. Л. 39–40 (докладная записка).

[15] Время активного сотрудничества с МОИДР приходится на период секретарства в Обществе архивиста МАМЮ И. Д. Беляева (1848–1857 гг.), публиковавшего во «Временнике» разрядные книги и другие документы. Затем такие издания стали более редкими.

inslav

Веселовским,— хотя бы из числа книг Вотчинной конторы, которые Вы нашли»[16].

Цветаев принял во внимание высказанные сотрудниками соображения, но подвел под них более масштабное основание. Задуманное им многотомное издание «Сборник МАМЮ» должно было стоять в одном ряду с публикациями МОИДР: «Смутное время Московского государства» (в основном на материалах МГАМИД и Московского Дворцового архива), Археографической комиссии — издание книг Литовской метрики, Академии наук — «Сборник грамот Коллегии экономии» (далее: ГКЭ); от совместного выпуска сборника ГКЭ Цветаев отказался в начале 1912 г. В отличие от двух последних изданий «Сборник МАМЮ» носил не фондовый, а тематический характер. Выбор предметов определялся актуальностью тех или иных вопросов, научной ценностью имеющихся в архиве документов, сложившимися интересами сотрудников. Тематическое выявление и «сравнительная оценка каждого документа и нередко его отрывков» требуют много времени, однако в результате не только вводится в научный оборот комплекс исторических источников, но и даются указания исследователям, в каких отделах архива и каким образом производить поиски документов аналогичного содержания. Цветаев докладывал министру юстиции И. Г. Щегловитову, что в МАМЮ чаще всего поступали запросы по землевладению церковно-монастырскому, частному и городскому, «чиновники справочных отделений очень навыкли в приискании подобных документов и в практическом знании громадного и громоздкого достояния нашего архива. Этим я постарался воспользоваться для извлечения надобных к изданию актов. Тут мной ставятся задачи возможно сложные, какие не в состоянии сделать никакое стороннее лицо или учреждение, и потому уже наиболее полезные в историко-юридической науке»[17].

Цветаев собирался издать сборники документов о Рязанском Ольгове монастыре, по истории Пскова, о землевладении бояр Романовых. За каждым сборником закрепили группу сотрудников. В отчете МАМЮ за 1912 г. отмечалось, что «дело систематического научного коллективного издания в архиве новое, нуждающееся в приучении к нему архивной корпорации». Составители выявляли и готовили к печати документы по определенному отделу. Редактирование «Ольгова» сборника первоначально поручили Ардашеву, «Романовского» — Савичу (затем тоже Ардашеву), «Псковского» — Н. П. Чулкову. В целях скорейшего издания древнейших и наиболее ценных источников до выхода из печати больших комплексов документов предпринималось образцовое издание жалованной грамоты князя Олега Рязанского Ольгову монастырю 1382 г. и платежной книги по Пскову 1677—1679 гг. № 355[18].

Издание грамоты Олега Рязанского с обширными комментариями и приложениями составило 1-ю часть 1-го сборника (М., 1913), а 2-ю часть — документы по истории Ольгова монастыря. Центральное место среди них занимали писцовый материал и связанные с ним спорные дела о вотчинных угодьях. Сборник представлял первый пример систематического подбора писцовых книг различного наименования («подлинные» и по городам), касающихся одних и тех же владений за

[16] ААН. Ф. 620 (С. Б. Веселовский). Оп. 2. Д. 27. Л. 18, 50 об. (письма Веселовского 1908 и 1910 гг.); Д. 48. Л. 23 об. (письмо Дьяконова 10 февраля 1912 г.); ОР ГБЛ. Ф. 203 (МОИДР). Кн. 39. Л. 326 об.; см. также протоколы заседаний МОИДР 1907 и 1910 гг. (ЧОИДР. 1908. Кн. 1. С. 19; 1910. Кн. 4. С. 19).

[17] ЦГАДА. Ф. 364 (Д. В. Цветаев). Оп. 1. Д. 800. Л. 64—64 об. (черновик письма Щегловитову); Ф. 337. Оп. 1. Д. 807. Л. 5, 6 об. (переписка МАМЮ с Академией наук об издании ГКЭ).

[18] Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ (далее: ОДиБ). М., 1912. Т. 17. С. I—IV (предисловие Цветаева 18 октября 1912 г.); Сборник МАМЮ. Т. 1, ч. 1. С. V—VI (предисловие Цветаева 18 октября 1913 г.); ЦГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 81. Л. 1—3 об., 10, 21 об. (доклад Цветаева о новых изданиях, март 1917 г.); Ф. 337. Оп. 1. Д. 802. Л. 4—5, 10, 24, 47 (отчет МАМЮ за 1912 г.); Д. 630. Л. 43—43 об. (приказы по архиву); ЦГАОР СССР. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 41. Л. 26—27 (отчет архива за 1918 г.).

inslav

несколько веков, благодаря чему наглядно выступали разные виды земельных описаний и переписей населения, освещалось развитие писцового дела. Сохранилось предисловие с перечнем документов МАМЮ, взятых по теме этого неизданного сборника возможно исчерпывающе. Дополнительно привлечены материалы из Межевого архива, МГАМИД, из рязанских архивохранилищ (казенной палаты, духовной консистории и семинарии, Ольгова монастыря)[19], из Археографической комиссии (собрание П. М. Строева), архива Синода (взято по опубликованному «Описанию», содержащему выдержки из документов). Столбцы Поместного приказа и «вотчинной записки», сказки Генерального двора давали представление о размежеваниях и об отношении к правительственным писцам и межевщикам, вводили в местный быт и обрисовывали положение там центральной власти. Удалось найти выписки из неизвестных ранее писцовых книг XVI в., доклады, именные указы и боярские приговоры XVII в. Частные акты представлены челобитными монастырских крестьян об упорядочении вотчинных границ, заручными челобитными рязанцев с протестами против приписки в середине XVII в. Ольгова и некоторых других рязанских монастырей к Звенигородскому Саввино-Сторожевскому монастырю. Сборник включал также обширную правительственную ведомость, составленную в Коллегии экономии накануне секуляризации. Из других отделов архива большое количество документов дали ГКЭ, ландратские книги и ревизские сказки (1-й ревизии), затем дела Монастырского и Разрядного приказов (Московского и Приказного столов), Сената.

Содержание сборника подтверждало, что не может быть достаточно полного издания, например КГЭ, без сопоставления с приказным делопроизводством и писцовыми книгами. Документы Межевого архива, рязанских и петербургских архивохранилищ пополняли сведения по истории монастыря главным образом с середины XVIII до начала XX в., хронологически продолжая материалы МАМЮ. Обращалось пристальное внимание на малоизвестное ученым богатство Межевого архива, имевшего давние связи с МАМЮ. В гранках «Ольгова» сборника к публикуемой надписи на плане с. Льгова составлено примечание о том, что из себя представляют «полевые записки» землемеров, хранившиеся в Межевом архиве, и прилагавшиеся к ним сказки, образцы которых печатались, дается даже перечень неопубликованных сказок по Ольгову монастырю. Упоминается и о материалах, из которых ничего не отобрано для данной публикации: донесения землемеров, межевавших земли принадлежавших ранее Ольгову монастырю селений, документы из канцелярии отдельного землемера (приказы и распоряжения, верящие письма приказчиков и крестьян, их поверенных и т. д., например сказка землемера о сопротивлении в 1775 г. крестьян сел Льгово и Глебово межеванию Мамонтовской луки поручиком Волковым и о посылке туда военной команды).

Для удобства пользования материалы систематизировались по хронологии с 1498 по 1912 г. Списки одного документа сравнивали между собой и с вариантами разночтений в подстрочных примечаниях, решалась задача исправления ошибочных мест в подлинных грамотах, выданных частным лицам на основании приказных книг. Непонятные на первый взгляд отдельные выражения в документах XVI в., не возбуждающие, однако, подозрений в порче текста, также объяснялись с помощью сравнения писцовых и межевых книг XVI—XVII вв., карт и чертежей. Бо́льшая часть заголовков и примечаний к «Ольгову» сборнику принадлежала Ардашеву, остальные — В. П. Алексееву. Введение, археографическое оформление, указатели составляли Беляев, Савич и молодые архивисты В. К. Клейн, В. Н. Горяев, А. В. Глаголев. Они же держали корректуру.

---

[19] С. Д. Яхонтов писал Цветаеву из Рязани 21 июля 1913 г., что архив Ольгова монастыря «раскололся» на части после того, как он ранее смотрел архив в монастыре: «Там было достаточно документов XVII в. Есть ли они теперь – не знаю (приходо-расходные книги, описи и т. д.). В период развала монастыря все порастащили» (ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9700. Л. 1 -1 об.).

inslav

Прилагаются статья Ардашева «Писцовые книги сборника» и предисловие по истории Ольгова монастыря, написанное Цветаевым. В гранках 2-й части сборника встречается штамп типографии за апрель—май 1913 г.; следовательно, 2-я часть была сдана в печать. Но в изданной в это время 1-й части говорилось, что выявление источников в различных хранилищах еще продолжается. Так, грамоты рязанского Солотчинского монастыря скопированы в 1915 г.; Ардашев искал дополнительные документы в МГАМИД, Цветаев — в Публичной библиотеке («описная книга» Ольгова монастыря в Древлехранилище М. П. Погодина); продолжалось выявление и в неоклеенных столбцах Поместного приказа по Рязани. Некоторые из найденных актов считывались сотрудниками в июне 1918 г. Передача текста, как правило, проводилась квалифицированно, при сверке лишь изредка добавляли пометы [20].

Особой главой в истории подготовки «Ольгова» сборника является разбор архива Саввино-Сторожевского монастыря. Ардашев нашел в МГАМИД описание этого архива с указанием на наличие в нем документов Ольгова монастыря, составленное дьяком Ф. Тютчевым (в том числе о делах судебного и хозяйственного характера, относящихся к крестьянам Ольгова монастыря). Направленный в Звенигород в командировку Клейн обнаружил почти 200 столбцов, книг и планов XVII в., которые затем были высланы в МАМЮ для изучения и издания. Клейн вспоминал, что увидел в монастыре два застекленных старых шкафа без полок, «где в самом хаотичном состоянии были свалены документы, покрытые на редкость толстым слоем пыли... большинство склеек рассыпались на отдельные „ставы" и при неумелом пользовании были спутаны настолько, что на восстановление первоначального порядка нужны многие месяцы» [21]. Из них старались выбрать древнейшие документы XVI — начала XVII в., подлежащие публикации в первую очередь. При сопоставлении найденных там грамот, купчих, писцовых и межевых книг с собранными ранее документами Ольгова монастыря новыми и неизвестными оказались девять документов. Один из них (1596 г.) содержит упоминание о споре с бортниками дворцового с. Муромино из-за луговых владений за Окой, о которых раньше не было никаких сведений, появились основания искать их по писцовым книгам. Другой документ оказался давно разыскиваемой «отписной книгой» Ольгова монастыря Прокофья Елизарова 1651 г. Установив, что монастырские книги крепостей, выданных помещикам Кобяковым, были сняты со списков Поместного приказа, сохранившихся среди ГКЭ, стали искать оригинал монастырских списков. Точно так же упоминание в «беспошлинных» книгах Печатной конторы о разбойном деле, по которому привлекался монах Ольгова монастыря (и, судя по содержанию, требовалась отписка в Посольский приказ), направило дальнейшие поиски в МГАМИД.

Ардашев, проводя экскурсию по выставке документов МАМЮ для судейских чиновников, слушателей пединститута и Московского археологического института при посещении архива великим князем Игорем Константиновичем и министром юстиции А. А. Хвостовым, наглядно показал критику текста в изданиях писцовых книг Археографической комиссией и Рязанской губернской ученой архивной комиссией: непрочтенные и пропущенные места, вставленные издателями и пропущенные в тексте

---

[20] Сборник МАМЮ. Т. 1, ч. 1. С. IX–XI; ЦГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 81. Л. 3 об.; Ф. 337. Оп. 1. Д. 838. Л. 52–54 (отчет архива за 1915 г.); Д. 9933. Л. 10–11 (черновик отчета за 1915 г.); Д. 4787. Л. 1 (дневник Ардашева); Д. 8320. Л. 70; Д. 9090. Л. 35; Д. 9092. Л. 8–8 об., 24–33 (подготовительные материалы «Ольгова» сборника); о работе вместе с Ардашевым архивных переписчиц Л. Д. Ефимовой, М. В. Кухаревской, С. М. Борисовой см.: ЦГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 7. Д. 6039. Л. 1–2; Д. 6045. Л. 3–6.

[21] ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 4787. Л. 2 об., 4; см. копии документов для «Ольгова» сборника: Д. 9089, 8451, 8667–8671, 8713, 8715, 8760, 8974, 8975, 9952; ОР ГБЛ. Ф. 434 (А. И. Успенский). К. 8. Д. 14. Л. 1, 3 (доклад Клейна «Саввин-Сторожевский монастырь в городе Звенигороде», прочитанный в МАО в 1922 г.).

inslav

слова, искажения имен, названий и важных терминов [22]. О своих приемах внешней и внутренней критики текста писцовых книг на примере «Ольгова» сборника он рассказывал и на заседании Московского археологического общества. По прочтении его доклада «Научные требования к изданию документов» Д. И. Иловайский высказал замечание: «При таких требованиях немного издать!» [23].

Вторая серия «Сборника МАМЮ» посвящена истории Пскова и его области. Выбор темы определялся проведением в Пскове археологического съезда, намеченного на август 1914 г., и наличием в МАМЮ обширных и разнообразных источников, позволяющих впервые систематизировать сведения о Пскове XVI—XVII вв. по актовым и писцовым материалам столь же полно, как древнейшая история Пскова изучена по летописям. В 1-м т. «Псковского» сборника (М., 1913) издана известная ученым прежде не опубликованная целиком платежная книга № 355, дающая подробную картину землевладения вне города. Во 2-м т. (М., 1914) в основном подобраны документы Разрядного приказа, ставшие доступными благодаря ОДиБ, но еще недостаточно использовавшиеся исследователями. Из них отобрали типичные источники по истории Пскова: росписные списки, отписки воевод, извлечения годовых сметных книг из состава десятен (предполагалось и отдельное издание десятен по всем городам XVII в., подобно тому как издавались древнейшие десятни Сторожевым). Дела Разрядного приказа дополнялись однородными по содержанию документами из писцовых книг и дел Сената. Некоторые документы Чулкову пришлось приводить в порядок, прежде чем отдавать переписчицам (например, перебитый росписной список по Пскову 1683 г. из «разрядной вязки» № 11).

Начал печататься и 3-й т. Задача та же: выбор наиболее интересного и показательного из разных отделов, начиная с Вотчинного архива (особенно столбцов Поместного приказа по Пскову), ГКЭ по Пскову, дел Монастырского приказа: жалованные грамоты XVI—XVII вв., отчеты о состоянии монастырского хозяйства в XVIII в. (из дел Коллегии экономии), «офицерские описи» («Алфавит монастырям, пустыням и архиерейским вотчинам» № 184), списки XVIII в. писцовой книги 1586/7 г. № 830 Г. Морозова и И. Вравкина и писцовой книги 1585 г. № 827 по Гдову и другим пригородам И. В. Вравкина. По составу этот сборник называли «церковным». Он касался строительной, землевладельческой и бытовой сторон в жизни Пскова XVI—XVIII вв. Предполагалось приложить к изданию описи дел Коллегии экономии № 182—183, составленные Чулковым по образцу «Описания документов и дел, хранящихся в архиве Синода». Выписки из писцовых книг и «офицерских описей» содержали описания строений, сведения о членах притча и размерах церковной руги. Почти не использованные ранее столбцы Поместного приказа по Пскову (которым Ардашев составил краткую опись) дали дела о спорных церковных землях, нередко снабженные планами и рисунками (наиболее характерные из них воспроизводились в сборнике), дела о выдаче новых документов на старые поместья, о «переходе» земель по купчим крепостям, челобитные, копии грамот и указов.

К завершению издания 3-го т. собирались приступить после археологического съезда. К тому времени должны были описать важнейшие монастырские и церковные архивы Пскова, из которых следовало извлечь документы для сборника. К съезду сотрудники МАМЮ готовили доклады и рефераты о предварительном составе 3-го т. Несмотря на то что съезд

[22] См. перечень документов «Ольгова» сборника, ранее неправильно опубликованных Н. П. Лихачевым, Археографической комиссией и Рязанской ГУАК (ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9933. Л. 9 об.– 10).

[23] ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 4787. Л. 6, 10–11, 14 об.; Д. 9722. Л. 49 об. 29 мая 1912 г. Ардашев выступил с докладом «Об основных положениях транскрипции текста XVI–XVII вв.», рассчитывая на очередном археологическом съезде прийти к компромиссу между сторонниками буквальной и критической передачи текста и выработать общие правила. См.: Протоколы заседаний Предварительного комитета XVI археологического съезда в Пскове. М., 1912. С. 7–8.

inslav

не состоялся, назначенный редактором тома архивист В. В. Нечаев ездил в 1915 г. в Петербург и в архивы псковских монастырей, подготовив к изданию летопись Печерского монастыря, написанную протодьяконом Питиримом в 1692 г., монастырскую кормовую или вкладную книгу 1568—1582 гг., список с выписи псковских переписных книг Окиса Плещеева и подьячего Алексея Бабакина 1540 г., копию грамоты 1561 г. на земли, отведенные монастырю Ф. Челищевым, копии более поздних жалованных грамот на вотчины в Псковском и Изборском уездах, две церковные рукописные книги из Публичной библиотеки. В данном «Сборнике МАМЮ» документы из других хранилищ заняли сравнительно много места.

4-й том остался на стадии определения плана издания и выявления материалов. В него вошли документы по истории землевладения и крепостного права: крестьянские и бобыльские порядные записи из дел Вотчинной конторы с 1618 г. по конец XVII в., служилые кабалы Псковской съезжей избы и крепостные книги XVIII в. Псковских палат уголовного и гражданского суда, обширные выписки из дел городового управления и суда, поступившие в МАМЮ после упразднения в 1864 г. многих прежних местных учреждений. По мнению составителей, записные книги XVII в. вместе с крепостными книгами XVIII в. создавали систематический подбор однородного материала, весьма ценного для детальной разработки сословно-экономических вопросов. В крепостных книгах, кроме того, встречались отдельные уникальные документы вроде духовных (завещаний), рядных записей (с описанием приданого) и т. п. акты, относящиеся к видным дворянским родам, например Ганнибалам, предкам А. С. Пушкина [24].

Ардашев доложил Цветаеву о документах Поместно-вотчинного отделения по теме «Псковского» сборника, и, по мысли управляющего, следовало использовать крепостные книги палаты гражданского суда, являвшиеся прямым продолжением порядных записей и кабальных книг Псковской приказной избы XVII в. В вязках с древнейшими документами Псковской палаты находились 673 крепостные книги 1701—1800 гг. (после 1800 г. такие же книги остались на местах). Из них «крестьянские», «дворовые», «заемные», «порядные» — прямое продолжение «порядных» и «кабальных» XVII в. и заслуживают внимания наряду с последними. Видимо, такая постановка вопроса связана с принятым Археографической комиссией планом А. И. Яковлева об издании новгородских кабальных книг конца XVI — начала XVII в. из МАМЮ [25].

Первоначально в 1-ю ч. «Псковского» сборника намеревались включить все основные писцовые книги XVI—XVII вв. по Пскову (под редакцией Веселовского, принятого в МАМЮ сверхштатным чиновником), во 2-ю часть — кабальные и порядные книги XVII в. (под редакцией Ардашева). План обработки порядных записей за 1627—1629 гг. из книги Вотчинной конторы № 17763, имевший целью охватить затем все порядные за XVII в., обсуждался на совещании в архиве в августе 1912 г. Древнейшие документы нашли более целесообразным издать целиком, а относительно остальных — дать перечень с указанием предме-

[24] Сборник МАМЮ. М., 1913. Т. 5. С. II—VI (предисловие Цветаева 24 декабря 1913 г.); Сборник МАМЮ. М., 1914. Т. 6. С. I—II (предисл. Чулкова); *И. С. Б.* [Рецензия] на Сборник МАМЮ. Т. 5, 6 // ИВ. 1915. № 3. С. 976—978; *Цветаев Д. В.* Новые издания МАМЮ по псковским древностям. Псков, 1917. С. 5; ЦГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 81. Л. 5 об.— 7; Ф. 337. Оп. 1. Д. 838. Л. 52—54; Д. 6208. Л. 9 об.; Д. 6878. Л. 10 об. (дневник Чулкова); Д. 6304. Л. 1—1 об. (машинописное предисловие к 3-му т.); 18—30, 47—52 («Описание документов и дел Коллегии экономии по Пскову, хранящихся в МАМЮ»); Д. 9933. Л. 12 об. (черновик отчета архива 1915 г.); ЦГАОР СССР. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 69. Л. 6 (пояснительная записка Цветаева «К изданию документов по псковским древностям» в Главное управление архивным делом — далее ГУАД); копии документов для «Псковского» сб. см.: ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8664, 8676, 8679, 8680, 8707, 8715, 8925.

[25] ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 4672. Л. 14 (дневник Ардашева); ЦГИА СССР. Ф. 889 (Ардашевы). Оп. 1. Д. 17. Л. 1—1 об. (записка о порядных и кабальных записях по Пскову); ЛЗАК за 1914 г. СПб., 1915. Вып. 27. С. 4 (о плане Яковлева).

inslav

тов, к которым они относятся. Кабальные книги как легче поддающиеся обработке признали возможным издать в сокращенном виде, используя формулы и варианты [26]. Примерная таблица кабальной книге № 17763, состоящая из 311 статей, выполнена по следующей схеме: 1) № п/п, 2) дата, 3) состав приказной избы («перед стольником и...»), 4) заимщики, их состояние и место жительства, 5) заимодавцы, их состояние, 6) сумма займа, 7) приметы заимщиков, 8) срок займа, 9) условия займа, 10) «послухи» по закладчика, 11) кто писал кабалу, 12) размеры пошлин с кабалы [27].

Просмотрев составленный С. А. Шумаковым «Обзор и тексты псковских и торопецких ГКЭ», Ардашев сообщил, что по Поместному приказу и Вотчинной коллегии тоже много документов по Торопцу, но Цветаев не захотел включить их в состав сборника, ограничившись пригородами Пскова. Ардашев установил, что книга № 355 есть в списке XVIII в. под № 831, и составил для Веселовского указатель книг и столбцов Вотчинной конторы по Пскову с обозначением их групп и номеров. Он же ознакомился с выписками из архивных документов, предназначенными для 3-го т. «Архивного материала», хранившимися у Т. В. Самоквасовой, вдовы бывшего управляющего архивом. Но писцовых книг он не обнаружил — только выписки из крепостных книг № 17763—17767 и некоторые — из ревизских книг [28].

Для т. 3—4 «Псковского» сборника привлекалось немало неописанных и неразвернутых документов, в том числе 10 п. л. выделили под материалы Псковского совестного суда. Архивист Н. С. Коновалов представил докладную записку о разборе этих материалов, в которой обращалось внимание на документы наместника, журналы и протоколы, челобитные, дела о колдовстве, об убийстве помещиков крепостными (дела двух последних категорий он предлагал издавать целиком); в качестве предисловия можно было бы составить по судебным журналам краткий исторический очерк совестного суда [29].

«Романовский» сборник задуман Цветаевым как первое систематическое собрание документов по крупному частному землевладению. Наиболее широко представлены в нем материалы XVII в.: извлечения из писцовых, переписных, межевых, отказных, отдельных и т. п. книг и актов поместно-вотчинного делопроизводства, из «пошлинных» и «беспошлинных» книг Печатной конторы и столбцов Разрядного приказа; XV—XVI вв.: жалованные, несудимые, духовные грамоты прародителей Романовых — Кошкиных, Захарьиных и Юрьевых, их ближайших родственников Гостяевых и Лятских. За период до воцарения Романовых (1436—1612 гг.) должны были опубликовать 18 документов. Ради полноты сборника включались ранее опубликованные документы разных архивов, а также неопубликованные из МГАМИД, Московского Дворцового и Межевого архивов, Патриаршей библиотеки. Привлечены архивные справки XVIII в., составленные по документам XVII в.; найдены сведения о позднейшей судьбе старинных романовских вотчин. Для трех томов «Романовского» сборника скопировано к 1917 г. до 5 тыс. листов архивных документов, начато печатание одного из томов, подготовлено к печати 10 п. л. О содержании всего готовившегося сборника можно в общих чертах судить по монографии Цветаева «Избрание Михаила Федоровича Романова на царство» (М., 1913) и по статье Алексеева «Земельная политика первых Романовых», написанной в апреле 1920 г. для журнала «Исторический архив» (отложившейся в фонде этого издания после выхода в свет 1-го номера в 1919 г., оказавшегося единственным) [30].

---

[26] ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 4672. Л. 10 об., 12, 15 об., 21 об.
[27] Там же. Д. 6326. Л. 1—69.
[28] Там же. Д. 4672. Л. 1 об., 3—3 об., 7, 8 об.
[29] Там же. Д. 8391. Л. 1—1 об. (докл. записка 1912 г.).
[30] ЦГАОР СССР. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 304. Л. 80—120 (машинопись статьи, правленная Алексеевым). В делопроизводстве МАМЮ отложилась сравнительно небольшая часть копий документов для «Романовского» сборника, но имеется перечень или

inslav

Акцентировалось внимание на истории рода Романовых до воцарения и в первое время по воцарении. Документы создавали картину землевладения Романовых с точки зрения его распределения по территории государства, общей площади и размеров отдельных владений, происхождения (родовые, жалованные, приобретенные земли); обрисовывалась хозяйственная деятельность таких энергичных представителей рода, как старица Марфа и патриарх Филарет, бояре Иван Никитич и его сын Никита Иванович (колонизация южных окраин). Возник вопрос, включать ли в сборник документы о земельных владениях Филарета или считать их просто патриаршими. Решили, что, не будь он отцом царя, многие земли не перешли бы в разряд патриарших. Таким образом, раскрываются социально-экономические и политические последствия Смуты — разорение страны, мобилизация земельной собственности; показаны деловые качества и политическое значение видных людей из царского окружения [31].

Ардашев, составитель сборника, просмотрел по существовавшим алфавитам (отделяя однофамильцев Романовых) записные книги Поместного приказа и Вотчинной коллегии, откладывая для последующего сличения более сложные дела, которые нельзя было сразу отдать в переписку. Затем обратился к таким же записным и к писцовым книгам, не имеющим алфавитов, а иногда и реестров. По списку, составленному им, полистный просмотр книг (особенно до 1613 г.) осуществляли М. А. Савич, П. Н. Зенбицкий, В. К. Клейн, А. В. Глаголев, В. Л. Снегирев, С. Н. Столица, С. М. Кезельман. Зенбицкий и Горяев просматривали по описям дела Бежецкого уездного суда с Бежецкой приказной избой и разными учреждениями по Белоозеру и Кашину, обращая пристальное внимание на ревизские сказки и ландратские книги. Порфирьев просмотрел опись ГКЭ по 22 уездам (где уже были известны владения Романовых), Столица — «пошлинные» и «беспошлинные» книги Печатной конторы, Беляев — книги и столбцы Разряда. А. М. Гневушев выявлял документы по разным отделам, относившимся к Москве: столбцам Поместного приказа, отказным книгам, делам «старых» и «молодых» лет. Ему удалось найти сведения, касающиеся передачи дел о бывших романовских владениях в ведение Приказа Тайных дел и Большого Дворца, а также открыть неизвестные ранее писцовые книги. Кезельман просматривал отказные книги, дела «старых» и «молодых» лет по Галичу. Ардашев по алфавиту XVIII в. наткнулся на дело боярина Н. И. Романова 1649 г., но указанный там столбец вотчинной записки № 6201/6 пропал в 1812 г. По описи XVII в. он обнаружил и отдал копировать другое дело Н. И. Романова (1652 г., в столбце № 18233/3). В конце 1913 г. начали просмотр поместных и вотчинных дел Нарышкиных в отделе «приказных дел»: книги 6025/1—6035/11 (без алфавитов и описей) по имеющимся указаниям об упоминании в них Романовых. Коновалов просмотрел «неполные дела» по разным городам, «сказки о дворах», пергаменные книги, Зенбицкий — «явочные крепостям» на имения, Г. Г. Лукьянов — «челобитенные книги», Столица — «крепостные книги на крестьян», Савич — «книги записные приговорам» и приходные книги Поместного приказа (по алфавитам). Предпринимался просмотр алфавитов и реестров столбцам Поместного приказа по 50 городам, причем Цветаев распорядился не следовать алфавитному порядку, а обращать внимание прежде всего на Кострому, Калугу и Москву. От дальнейшего просмотра документов XVII—XVIII вв., поступивших из местных судебных учреждений, решили отказаться, так как, по мнению Ардашева, в них не должно быть значительных дел о вотчинах Романовых. Беляев пригото-

---

оглавление по тому́ то́му, который начал печататься (ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8666. Л. 93–159); см. также дневник Ардашева 1912–1913 гг. (ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9682. Л. 31 об.– 38) и доклад Цветаева 1917 г. (ЦГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 81. Л. 4 об.– 5).

[31] ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9721. Л. 27–29 (докладные записки Чулкова и Алексеева 1916 г.).

inslav

вил транскрипцию к фотокопии отрывка из боярского списка 1606/7 г., где М. Ф. Романов назван в числе стольников, и о владении его вотчиной в 1612 г. (фотокопии предполагалось поместить в приложении) [32].

Все выписки просматривал Снегирев, давая им краткие заголовки и составляя перечень, выросший до нескольких тысяч листов. Тогда по предложению Ардашева ко всем скопированным документам составили карточки, на которые выносились даты, упомянутые имена, названия сел, пустошей или урочищ, статус земельного владения. Если имелись сведения, на карточках писали имена всех владельцев (бывших, настоящих, последующих), указывали документы, по которым переходили имения; картотеку систематизировали по 40 городам, а внутри — по годам. Затем решили составить еще и географический указатель, выписав 3 тыс. названий на 400 карточках. Вспомогательный аппарат дал возможность продолжить поиск документов по каждому населенному пункту в отдельности, показывая, чего не достает, позволял проследить историю селения, еще не вошедшего в состав вотчин Романовых или уже не принадлежавшего им. Беляев написал целый доклад о с. Хорошеве, вотчине Марфы Ивановны. Савич искал сведения о селах Черкасове и Покровском и пустоши Дмитриевой по Ярославским и Угличским писцовым книгам № 569—570, исходя из предположения, не были ли они раньше во владении Романовых. Он продолжал искать их по ГКЭ; заодно разыскивая упоминания о вотчинах, пожалованных Романовыми Спасскому и Знаменскому монастырям. Сверкой скопированных документов с подлинниками занимались сотрудники архива, особенно В. В. Соколов, при участии самых опытных переписчиц Л. Д. Ефимовой и М. В. Кухаревской. Алексеев вел археографическое оформление: выправлял орфографию и пунктуацию, расставлял абзацы, составлял примечания и легенды.

С середины 1912 г. начали формирование корпуса сборника с писцовых книг XVI в. В октябре 1912 г. Снегирев занимался «добавлениями» к документам (свыше 1 тыс. л.), а в ноябре проставлял пагинацию в тексте сборника. К маю 1913 г. скопировали еще почти 1 тыс. листов. Наряду с довыявлением в МАМЮ проводилась работа и в других архивах: Московском Дворцовом (Клейн), МГАМИД (Клейн, Веселовский, Глаголев), архивах Министерства земледелия и государственных имуществ, Московского удельного округа, в Патриаршей библиотеке и Знаменском монастыре (Клейн); Савич просматривал дела, доставленные из Межевого архива; Цветаев ездил в Госархив и архив Петербургского удельного округа [33].

На совещаниях в архиве 8 и 22 января 1913 г. поднимался вопрос о системе издания собранного материала. Беляев предложил распределение документов по городам как основное. Ардашев возразил, что на первый план выдвигается дата, а потом уж город, к которому относится документ, затем — авторство и вид документа. Цветаев поддержал его в том, что в основу издания «по необходимости полагается хронология. Дальнейшее развитие плана зависит от особенностей материала. Возможно, например, выделение какой-либо части материала в приложения». Решили, что место (город) имеет второстепенное значение; к тому же будут составлены указатели, в том числе географический [34].

После 1913 г. большинство участников подготовки всех томов «Сборника МАМЮ» вернулись к своим основным служебным обязанностям по выдаче справок и т. д., лишь изредка отвлекаясь на доработку публика-

---

[32] Там же. Д. 802. Л. 64—66 об.; Д. 4672. Л. 25, 26 об., 27—27 об., 28, 30, 34—36; Д. 2867. Л. 11 об. (дневник Беляева); Д. 9682. Л. 35 об.; Д. 6328—6331 (копии правых грамот); Д. 6332 (фотокопии документов, снятые Беляевым).

[33] Там же. Д. 802. Л. 67—69, 72—73, 76; Д. 2867. Л. 13; Д. 2910. Л. 4—5 (дневник Савича); Д. 2862. Л. 11—13 (дневник Снегирева); Д. 812 (ведомости об оплате за переписку); см. также о занятиях Л. Д. Ефимовой в Московском Дворцовом архиве в 1912 г. (ЦГАДА. Ф. 1239. Оп. 35. Д. 180. Л. 6 об.); копии документов для «Романовского» сборника (ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 8643, 8675, 8859).

[34] ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 9682. Л. 13 об., 30, 32 об.— 33.

inslav

ций. Активно продолжал работать Ардашев, обследуя в МГАМИД новгородские писцовые книги XV—XVI вв., а Глаголев по его поручению просматривал ГКЭ по Новгороду в отношении их к писцовым книгам. В 1916—1917 гг. Ардашев уточнял состав и комментарии «Романовского» сборника. Он же отредактировал для «Ольгова» сборника 58 л. критических примечаний к издаваемой писцовой книге Траханиотова 1567 г. (написанных Ардашевым в 1915 г.) [35]. Чулков встретил в недавно изданной книге М. И. Смирнова «Соль Переславская» (Владимир, 1915) опубликованную грамоту князя Василия Васильевича (в сборнике она под № 2) по списку, в котором сохранились начало и подписи, отсутствующие в подлиннике; в набранный для печати текст сборника внесли дополнения. В 17-м столбце Приказного стола неожиданно оказалось упоминание о принадлежавшем Марфе Ивановне с. Серебряном Мещовского уезда, о котором не говорилось ни в литературе, ни в составленном в МАМЮ перечне романовских вотчин. В переписной книге № 162 это село значилось уже дворцовым, но в Московском Дворцовом архиве среди выписей из писцовых книг дворцовых земель упоминаний о нем Чулков не нашел. Зато в сборник включили две грамоты Марфы Ивановны из Румянцевского музея (собрание И. Д. Беляева) [36].

Кроме тематических «Сборников МАМЮ», в архиве стояло на повестке дня издание фондовых сборников ГКЭ. Веселовский предлагал Цветаеву, чтобы избежать конфликта с Академией наук, на первых порах ограничиться опубликованием ГКЭ Смутного времени (начиная с Бориса Годунова) и царствования Михаила Федоровича, назвав это издание юбилейным. Взяв его на себя, Веселовский готов был уступить Шумакову ГКЭ XIV—XV вв. [37]

Однако основную разработку ГКЭ Цветаев решил проводить не в виде публикации, а в форме историко-юридического обзора, порученного тому же Шумакову. В ходе работы над обзором (ввиду задержки академического издания) Шумаков предложил опубликовать некоторые виды ГКЭ, собранные воедино по всем уездам, в соответствии с которыми составлена их опись. Он выделил сравнительно редко встречающиеся акты, содержание и форма которых не поддавались обобщенному описанию в его «Обзорах ГКЭ» (М., 1899—1917. Ч. 1—4). «Глубоко индивидуальны и очень ценны в научном отношении „духовные“,— писал Шумаков Цветаеву в конце 1914 г.,— среди ГКЭ их не более 200; изданием всех их в одном сборнике архив окажет большую услугу науке». Лишь немногие из них издавались: в «Актах» Н. П. Лихачева — около 15, в АЮ и АЮБ — по 10—15. Подобные издания стали библиографической редкостью, а провинциальные — еще менее доступны и неудовлетворительны по качеству. «Даже у такого авторитета, как Лихачев, при издании „духовных“ масса пропусков и грубейшие ошибки,— замечал Шумаков,— надо „по па[мя]ти“, а он издает „попятиться“; надо „у приказу“, а у Лихачева — „у присяги“! Лучшее оправдание для переиздания текстов». Как видим, Шумаков мечтал возродить издание типа «Историко-юридические материалы МАМЮ» (М., 1889. Вып. 1) или «Документы МАМЮ» (М., 1897. Т. 1). Для 2-го вып. после «духовных» он наметил «правые» грамоты, «также индивидуальные и драгоценные», но более многочисленные; потому их издание надлежало бы ограничить 1613 г. На будущее оставались выписки в ГКЭ из писцовых книг XVI в.— «сотницы», а вместе с ними — «деловые» и «рядные» XV—XVII вв. Работая не только в архиве, но и до-

[35] Там же. Д. 9091 (примечания Ардашева к писцовым книгам Рязанского уезда).

[36] Там же. Д. 4787. Л. 1 об., 8, 12 об.– 14; Д. 6208. Л. 2 об., 22, 24, 26 об., 27, 31; Д. 6232. Л. 18, 31 (дневники Ардашева, Клейна и Чулкова); Д. 9722. Л. 7 (отчет 1916 г.).

[37] Там же. Д. 6298. Л. 46, 47 об. (письмо Веселовского от 16 января 1912 г.). Впрочем, к 200-летнему юбилею Петра I даже Калачову не удалось опубликовать сборник «Царствование императора Петра Великого по документам МАМЮ». Вместо него Московский Дворцовый архив издал «Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом» (М., 1872. Т. 1, 2), составленный из довольно однородных документов центральных учреждений Петровской эпохи.

inslav

ма, Шумаков в 1915—1917 гг. почти закончил подготовку «духовных» к изданию, разместив их в хронологическом порядке, снабдив заголовками и комментариями [38].

В первые годы Советской власти Ардашеву поручили довести до конца 2-й т. «Ольгова» сборника. Заодно Цветаев обратил внимание Московского областного управления архивным делом на сохранение собрания документов Саввино-Сторожевского монастыря. Был поставлен вопрос об издании совсем готового 3-го т. «Псковского» сборника. В отчете инспекции ГУАД говорилось, что в МАМЮ готов также «Сборник ГКЭ» (из «духовных», которые А. С. Орлов, продолжая дело Шумакова, сверил с подлинниками). Ардашев с помощью слушателей архивных курсов при Московском археологическом институте начал готовить к печати писцовую книгу И. Чеботова 1622 г. бортным ухожьям «великой инокини» Марфы Ивановны. Собирались использовать и более ранние неоконченные публикации. В одном из отчетов архива упоминается, что 3-й т. «Архивного материала» Самоквасова ожидает напечатания [39]. По инициативе М. М. Богословского Научно-издательская комиссия ГУАД в 1919 г. включила в список документов, намеченных к изданию, «Доклады и приговоры Сената» и АМГ. Шереметевский, собиравшийся завершить при помощи слушателей архивных курсов «Описание Разряда» составлением обозрения, считал целесообразным использовать как приложения готовые к печати материалы 5-го т. АМГ [40].

В условиях гражданской войны и сразу после нее архивистам и археографам, естественно, невозможно было рассчитывать на скорое воплощение их грандиозных замыслов. Однако на первом заседании Ученого совета, созданного в бывшем МАМЮ, Цветаев говорил, что архив в отличие от многих других научных учреждений не прекратил подготовку публикаций документов. «Новые и нынешние власти спрашивали, чем мы заняты, и им предоставлялись нами издаваемые архивом наши работы, как прежние, так и текущие», вызывая уважение к архиву и заботу о его сохранности. Пример самоотверженности показывал Шумаков. Истощенный от болезней и недоедания, он старался сделать «возможно более и совершеннее, точно опасается, что при своей жизни не успеет завершить всего». Цветаев признал неизбежным отложить «Романовский» сборник, но считал своей личной задачей исподволь продолжать его подготовку к печати: «Вовсе не считаться с обстоятельствами времени мы не можем,— сказал Цветаев,— но, по существу, мы всегда служили и до конца жизни будем служить делу науки» [41].

Налицо непрерывность и преемственность археографического опыта в архиве на протяжении всего его существования, активное участие в подготовке публикаций очень многих сотрудников. Используя в своих изданиях документы других архивов, столичных и местных, МАМЮ выступал как научно-методический центр публикации источников XVI—

---

[38] ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 6298. Л. 74, 76 (отчеты Шумакова 1915 и 1917 гг.); Д. 9336. Л. 8—10 (отчет архива за 1915 г.); Д. 8924 (копии «духовных», главным образом XVI в.); Ф. 364. Оп. 1. Д. 252. Л. 19—24 об. (письма Шумакова 1915—1916 гг.). 25 июля 1915 г. Цветаев потребовал от Академии наук вернуть в архив ГКЭ, необходимые для издания Шумакова, тем более что подготовка академического «Сборника ГКЭ» все равно остановилась (ЦГАДА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 83. Л. 1).

[39] Еще в 1912—1913 гг. Т. В. Самоквасовой выдавали во временное пользование писцовую книгу № 372 и книги записи о беглых № 8, 13, 25, отказные книги и столбцы Поместного приказа по Арзамасу, ГКЭ (ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 7100. Л. 83—84; Д. 7101. Л. 34 об.). Можно предположить, что 3-й т. готовили к изданию. В письме Т. В. Самоквасовой П. С. Уваровой от 16 января 1912 г. читаем: «...издание АМЮ начнется нескоро: надо пересмотреть все оставшиеся списки с документов и сверить их с подлинниками, на что потребуется немало времени (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 568. Л. 108 д об.)

[40] ЦГАОР СССР. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 41. Л. 26—27; Д. 69. Л. 13, 79; Д. 179. Л. 23—24, 40/41; Д. 40. Л. 13, 18; ЦГАДА. Ф. 337. Оп. 2. Д. 1005. Л. 4; см. также: *Шохин Л. И.* Неопубликованная статья В. В. Шереметевского «Послесловие к описанию Разряда» // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 197.

[41] ОР ГБЛ. Ф. 373 (Н. Г. Бережков). К. 4. Д. 14. Л. 11/11об., 13 (протокол отложился у секретаря Ученого совета Н. Г. Бережкова).

inslav

XVIII вв. Наблюдения опытных архивистов, касающиеся состава и содержания документов, выработанные ими приемы издания следует учитывать в современной практике. Советская историческая наука на заре своего развития воспользовалась, хотя и на иной методологической основе, материалами, собранными в период подготовки «Сборника МАМЮ» [42]. Изучение такого рода материалов может принести пользу и в дальнейшем.

[42] См., например: Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV–XVII вв./Под ред. С. Б. Веселовского и А. И. Яковлева. М.: Центрархив, 1929.

С. В. Журавлев

ДОКУМЕНТЫ ОБ УЧАСТИИ ИСТОРИКО-АРХЕОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА АН СССР В СОЗДАНИИ «ИСТОРИИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ» (1931—1933 гг.)

Об огромном интересе, проявленном научной общественностью к предпринятой в начале 30-х годов по инициативе А. М. Горького работе по созданию «Истории заводов» СССР, известно, к сожалению, сравнительно немного. Между тем уже в 1932 г. Главная редакция серии, образованная Постановлением ЦК ВКП(б) от 10 октября 1931 г. [1], наладила тесные связи с учреждениями Академии наук и Комакадемии, крупнейшими архивами, музеями и библиотеками страны, краеведческими организациями, рядом ведомственных исследовательских и учебных институтов.

Документы, обнаруженные в Архиве А. М. Горького, а также в фондах ЦИК СССР (Ф. 3316) и Главной редакции «Истории фабрик и заводов» (Ф. 7952) — в ЦГАОР СССР, позволяют поставить вопрос о необходимости глубокого изучения деятельности Историко-археографического института по реализации горьковского начинания [2].

Уже 8 сентября 1931 г.— на следующий день после выступления А. М. Горького в центральной печати с призывом о создании истории предприятий [3] — руководство Археографической комиссии АН СССР сочло необходимым ознакомить его с публикациями комиссии данной тематики, послав два тома материалов о крепостной мануфактуре XVII в.[4] В препроводительной записке, подписанной заместителем председателя Археографической комиссии С. Г. Томсинским и ученым секретарем Б. Д. Грековым, говорилось: «Многоуважаемый т. Горький. В связи с Вашим призывом о работе в области истории фабрик и заводов Археографическая комиссия АН посылает Вам два тома своих трудов в этой области... Археографическая комиссия будет благодарна за указания» [5].

О реакции А. М. Горького ничего не известно. Однако 6 марта 1932 г. директор преобразованного из комиссии Историко-археографиче-

[1] Правда. 1931. 11 окт.

[2] Историко-археографический институт был образован в ноябре 1931 г. на базе Археографической комиссии АН СССР. О деятельности этих учреждений в 1930-е годы см.: *Валк С. Н.* Советская археография М.; Л., 1948; *Он же.* Б. Д. Греков как деятель археографии // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 223–232; и др. В литературе отсутствуют сведения об участии указанных учреждений в создании «Истории фабрик и заводов».

[3] Статья А. М. Горького «История фабрик и заводов» была опубликована в «Правде» и «Известиях» 7 сентября 1931 г.

[4] Крепостная мануфактура в России. Ч. 1, 2 // Труды Археографической комиссии АН СССР. Л., 1930–1931. Т. 2–3.

[5] Архив А. М. Горького при Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. КГ-изд. 27-13-1.

inslav

ского института М. Н. Покровский обратился в Главную редакцию за содействием в выделении ассигнований на подготовку публикаций по «Истории заводов». Характеризуя вклад института в создание истории предприятий, М. Н. Покровский отмечал, что выпущены и готовятся ряд сборников дореволюционных документов данной тематики. Учитывая необходимость выявления фабрично-заводских источников, говорилось в письме, «институт производит розыски материалов в многочисленных архивах разных городов». Подчеркнув, что Историко-археографический институт «считает основой своего производственного плана на ближайшие годы работу по истории заводов», М. Н. Покровский от его имени выразил готовность взять на себя работу по истории Балтийского, Невского, Ижорского заводов в Ленинграде, Ярославской и Иваново-Вознесенской мануфактур, Тульского оружейного и Ижевского заводов, Ленских приисков [6].

Сотрудники Главной редакции проявили заинтересованность в активном привлечении института к начинанию. Поддерживая его ходатайство о выделении средств, заведующий культпропом ЦК ВКП(б) А. И. Стецкий писал 9 апреля 1932 г. секретарю ЦИК СССР А. С. Енукидзе [7]: «Историко-археографический институт АН, директором которого является М. П. Покровский, издает чрезвычайно ценные сборники по истории народов СССР и по истории фабрик и заводов... Требуется 50 тыс. в этом году. Очень прошу Вас, Авель Софронович, оказать им помощь» [8]. К записке прилагалась копия письма М. Н. Покровского в Главную редакцию. 13 апреля 1932 г. вопрос был решен положительно. В постановлении ЦИК записано: «Ассигновать АН СССР из средств ЦИК Союза ССР на расходы по изданию Историко-археографическим институтом материалов по истории заводов 50 тыс. рублей» [9].

Отпущенные средства позволили институту значительно расширить в 1932 г. выявление и подготовку к публикации фабрично-заводских документов. Но в 1933 г. встал вопрос о продолжении финансирования этой деятельности. Заместитель директора Историко-археографического института С. Г. Томсинский в начале марта 1933 г. вновь обратился в Главную редакцию за содействием. Состоялись переговоры с ее ответственным секретарем Л. Л. Авербахом. 10 марта совещание Секретариата Главной редакции с участием представителей института приняло решение о целесообразности поддержки его работы в области публикации документов по «Истории заводов» [10]. В соответствии с договоренностью Томсинский направил 14 марта 1933 г. в адрес Главной редакции «список законченных и производимых в настоящее время работ по документации истории пролетариата, фабрик и заводов» [11]. Согласно этому документу, на полученные в 1932 г. средства институт подготовил три сборника материалов с вступительными статьями и обширными приложениями: «Социальный состав рабочих первой половины XVIII в.» (Л., 1934), «Суконный двор в Москве 18—19 вв.» и «Парусная фабрика 18—19 вв.» [12]. Первая работа представляет собой том статистических таблиц, составленных в результате обработки рабочих анкет («сказок») 1730-х годов и отражающих социальное происхождение, квалификацию, стаж, возрастной и половой состав, условия труда и быта, семейное положение, грамотность рабочих, главным образом текстильной промышленности. Характеризуя значение этого сборника, Томсинский писал, что он «дает возможность... изучить ряд важнейших проблем, связанных с генезисом пролетариата в СССР». В два других сборника вошли документы XVIII—XIX вв. по истории Московской суконной фабрики Шеголина и К° и од-

[6] ЦГАОР СССР. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 614. Л. 1.
[7] А. И. Стецкий и А. С. Енукидзе являлись членами Главной редакции «Истории заводов».
[8] ЦГАОР СССР. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 614. Л. 2/3.
[9] Там же. Л. 4.
[10] ЦГАОР СССР. Ф. 7952. Оп. 2. Д. 58. Л. 57.
[11] Там же. Л. 56/57.
[12] Два последних сборника не были изданы.

inslav

ного из самых старых русских текстильных производств — Московско-Новгородской полотняно-парусной фабрики. Представленные в них материалы раскрывали особенности управления этими предприятиями, организацию производства, социальный состав и условия жизни рабочих, их борьбу с предпринимателями.

Кроме перечисленных, институт продолжал подготовку еще ряда сборников документов, в том числе по истории Ленинградского судостроительного завода им. Марти с XVIII в. до 1917 г.[13] (срок окончания работы — июнь 1933 г.), по истории б. Российской Сампсоньевской бумагопрядильни, а также Уральских заводов XVIII—XIX вв. В издание «Рабочее движение 18 в.» предполагалось включить материалы, как отмечал Томсинский, «никогда доселе не опубликованные и частью совершенно неизвестные в литературе по истории рабочего движения».

Получив данный список законченных и подготавливаемых сборников по истории предприятий, Л. Л. Авербах направил его вместе со своим письмом А. И. Стецкому. Сообщая, что Историко-археографический институт обратился в Главную редакцию с ходатайством о содействии в издании его сборников, Авербах отмечал: «Работы эти, помимо их существенного общенаучного интереса, имеют значение и с точки зрения истории заводов. Все они представляют собой очень важный материал для авторов предполагаемого Редакцией к изданию 2-х томника по истории промышленности и рабочего класса СССР[14]. Что касается указанных в списке книг о заводе им. Марти и Сампсоньевской фабрике, то их следовало бы издавать в первую очередь». Учитывая важность указанной деятельности института, Авербах просил Стецкого «оказать содействие в этом важном и для истории заводов деле»[15]. Тот посоветовал вновь обратиться к Енукидзе.

Среди материалов ЦИК сохранилось письмо Томсинского Енукидзе от 10 мая 1933 г.[16] Выражая благодарность за помощь в выделении институту 50 тыс. руб. в 1932 г., он просил секретаря ЦИК поддержать его повторное ходатайство. К письму прилагался текст официального обращения Историко-археографического института в ЦИК и его план работы на 1933 г.[17] В ходатайстве указывалось, что работа по «Истории заводов» была развернута институтом в значительной степени благодаря материальной поддержке ЦИК в 1932 г.

После перечисления сборников документов, на подготовку которых были истрачены выделенные средства, следовал вывод, что продолжение работы зависит от дальнейших ассигнований. Без них «институту не только не удастся расширить свою деятельность, но по необходимости придется даже законсервировать начатые издания», подчеркивал Томсинский.

23 июня 1933 г. на заседании Секретариата ЦИК Союза ССР было рассмотрено представление его Ученого комитета по ходатайству Историко-археографического института о выдаче субсидии на издание материалов по истории заводов. В представлении, в частности, говорилось, что запрошенный по этому поводу непременный секретарь АН СССР В. П. Волгин, считая ненормальным непосредственное обращение института в ЦИК, по существу ходатайства отметил: «Считаю, что поддержать весьма ценную работу института целесообразно и желательно»[18]. Однако Секретариат ЦИК принял иное решение: «Ввиду того что издание материалов по истории заводов не предусмотрено сметой АН на 1933 г., считать невозможным удовлетворить ходатайство Историко-археографи-

---

[13] Завод образован в результате объединения б. завода Берда, Франко-русского завода и других, берущих начало, в свою очередь, в мастерских Адмиралтейства и Галерного островка.
[14] Издание не было осуществлено.
[15] ЦГАОР СССР. Ф. 7952. Оп. 2. Д. 58. Л. 55.
[16] Там же. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 614. Л. 2/3.
[17] Там же. Л. 7, 8.
[18] Там же. Л. 9.

inslav

ческого института АН» [19]. Тем самым, как представляется, было выражено отношение не только к археографической деятельности института в данном направлении, но и к горьковскому начинанию в целом. Готовившиеся сборники документов по истории предприятий не увидели свет.

Рассмотренные материалы позволяют расширить наши представления о деятельности Историко-археографического института в начале 30-х годов, в том числе в таком важном направлении, как создание «Истории фабрик и заводов».

[19] Там же. Л. 12.

П. А. Плютто

ДНЕВНИК ПРОФЕССОРА И. А. ШЛЯПКИНА

Профессор Петербургского университета Илья Александрович Шляпкин (1858—1918) приобрел известность как литературовед, близкий к культурно-исторической школе, палеограф и книговед. Сын крепостного механика-самоучки, он окончил в 1881 г. историко-филологический факультет Петербургского университета и был оставлен О. Ф. Миллером для подготовки к профессорскому званию. «Здесь в то время было много выдающихся „словесников". И. А. слушал лекции И. И. Срезневского, А. Н. Веселовского, М. И. Сухомлинова, И. В. Ягича. Много работал у О. Ф. Миллера. „Славянофильство" Миллера осталось не без влияния на И. А.,— писал В. В. Буш.— Думается, однако, что в строго научном отношении больше значения для И. А. имел известный византиец В. Г. Василевский» [1].

В студенческие годы Шляпкин сблизился с С. Ф. Платоновым, оставившим обстоятельные воспоминания о своем коллеге. По словам Платонова, уважение к знанию и книге зародилось у Ильи Александровича, когда он воспитывался в семье дяди А. А. Ревви, небогатого чиновника Государственного банка, весьма начитанного и энергичного человека. «Народничество на славянофильский лад заложено было Миллером; научность настроения и ученая критика были приобретены главным образом в аудиториях Веселовского, Васильевского и Ягича». «В те же годы студенчества,— продолжает Платонов,— И. А. довелось стать учителем в доме гр. С. Д. Шереметева и в семье Дружининых; и там и здесь прикоснулся он впервые к той высокой культурной среде, весь быт которой был проникнут литературными традициями и обильно украшен произведениями искусства. Здесь И. А. воспитал свое эстетическое чувство и вкус к художественной старине вместе с некоторым сибаритством... Чрезвычайная живопись характера, широта умственного кругозора, обилие положительных знаний и наклонность к некоторому эгоизму (впрочем, совсем безобидному) мешали И. А. стать послушным сторонником какого-либо кружка или партии и носителем какой-либо ходячей доктрины. Своеобычная натура молодого ученого не укладывалась в шаблонные рамки и не ложилась под трафареты, а потому он был обречен на то, чтобы действовать и жить в одиночку со всеми преимуществами и неудобствами такого индивидуализма» [2].

С 1882 г. Шляпкин стал приват-доцентом университета, одновременно преподавал в других учебных заведениях. В 1891 г. он защитил магистерскую диссертацию. «Св. Димитрий Ростовский и его время». В дальнейшем его научная работа приобретает своеобразное направле-

[1] *Буш В. В.* И. А. Шляпкин // ИОРЯС. 1918. Т. 23, кн. 1. С. 1.
[2] *Платонов С. Ф.* И. А. Шляпкин // РИЖ. 1918. № 5. С. 323—324.

inslav

ние. По отзыву И. С. Пальмова, «И. А. Шляпкин не связывал своего имени ни с общими наблюдениями над историей русского литературного творчества, ни с каким-либо определенным методом ее изучения»,— отмечается в некрологе. И далее: «Мало склонный к обобщающим построениям и к абстрактному мышлению, он устранился от участия в решении спорных вопросов историко-литературной методологии, выдвинутых во вторую половину прошлого века, и сосредоточил задачи своей ученой деятельности на разыскании, обнародовании и изучении отдельных произведений русской литературы, по преимуществу древней. Но еще больше его тяготение к частным вопросам литературной истории, к „мелочам" или к обжиганию „кирпичей" для будущих обобщений, как он сам выражался, предпочтительно пред сооружением непрочных, хотя и величественных построек исходило из его необычайной пытливости, направленной к постоянному обогащению своих знаний, к открытию „чего-либо нового и неисследованного"» [3].

«До самого конца своего,— писал С. Ф. Платонов,— И. А. был верен себе и ограничивался в печати статьями, заметками и изданием текстов с учеными предисловиями. Громадная эрудиция и хорошая ученая школа обнаруживались во всех этих произведениях настолько ярко, что в 1907 году Харьковский университет дал И. А. степень доктора honoris causa, а Академия Наук избрала его своим членом-корреспондентом. Перечень (до 150 номеров) печатных работ И. А. невольно вызывает изумление как количественным напряжением ученой энергии, так и широтой ученых интересов: древняя письменность и новая русская литература, иконография и археология, историческая география, театр, западноевропейская литература и искусство, „даже народное образование в Японии" — таков круг тем, обработанных в разное время И. А.» [4].

Более ярким оказалось преподавательское дарование Шляпкина. Сделавшись в 1901 г. профессором кафедры истории русской литературы в университете, он становится одним из любимейших студенчеством лекторов. По воспоминаниям советского историка и литературоведа И. В. Егорова, Шляпкин «сумел увлечь своим предметом не одно поколение студентов, пленяя своими огромными познаниями, редким красноречием и подлинным научным энтузиазмом. Шляпкин рассказывал о давно минувших эпохах, но таким языком, как будто это была жгучая современность. Он воспроизводил на память целые страницы из древнейших и самых редких письменных источников. Некоторые из этих рукописей тогда еще не публиковались и были обнаружены самим Шляпкиным где-нибудь в недрах Юрьевского монастыря. Широкими мазками Шляпкин рисовал перед нами исторические картины. Он знал все особенности костюмов и обуви разных эпох, а потому любил иной раз подтрунить над авторами исторических романов, находя у них множество ошибок и неточностей. В красноречии Шляпкин не знал себе равных. Оно опиралось на обстоятельный и глубокий анализ первоисточников, изумительное знание палеографии, малейших особенностей почерков древних писцов, на исключительную общую осведомленность в вопросах филологической науки.

Шляпкин сразу захватывал огромную аудиторию и держал ее в руках все два часа лекции. А слушателей у него бывало не менее двухсот-трехсот человек. Для лекций о рукописях XV—XVI веков — явление совершенно исключительное. Он поистине напоминал мага и кудесника. Его чудотворное прикосновение снимало пыльный покров и далекого прошлого. Ко всему этому он любил шутку и сам умел шутить» [5].

Недаром Шляпкина высоко ценил Александр Блок, писавший в автобиографии 1915 г.: «С годами я оцениваю все более, что дал мне университет в лице моих уважаемых профессоров» — и называвший в

---

[3] *Пальмов И. С.* Отчет о деятельности ОРЯС АН за 1918 г. Пг., 1919. С. 8.
[4] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 324.
[5] *Егоров И. В.* В Петербургском университете // Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1982. Т. 2. С. 110–111.

inslav

их числе Илью Александровича [6]. Андрей Белый в своих воспоминаниях рассказывал, что Блок был учеником Шляпкина [7].

Важнейшим источником сведений о жизни Шляпкина, его научных и политических взглядах является дневник ученого. Рукописные материалы архива Шляпкина и принадлежавшей ему коллекции рассеяны по хранилищам Москвы и Ленинграда [8]. Дневник, заключающийся в двух тетрадях, находится в ЦГАЛИ СССР (ф. 1296, оп. 1, д. 25, 27) [9]. Обе дневниковые части — автографы в переплете. Переплет первой (122 листа) сгорел по верху, вторая часть (578 листов) обильно снабжена фотографиями (запечатлен в основном автор дневника в последние два десятилетия своей жизни). Здесь же газетные вырезки (публикации И. А., объявления о смерти близких, газетные статьи, иллюстрирующие события общественно-политической жизни страны, и, наконец, различные воззвания и листки вплоть до листовки Петербургского комитета РСДРП, посвященной событиям Порт-Артура и Ляояна). В конце дневника на семи листах — марки, этикетки и цветные вырезки времен первой мировой войны. Дневник написан фиолетовыми (в целом) чернилами, неразборчивым почерком.

Первая часть дневника начата 22 января 1876 г., доведена до 10 января 1888 г.; вторая часть начинается с 15 января 1895 г., а последняя запись — 7 июня 1916 г. Таким образом, записи продолжались 33 года, с перерывом в семь лет.

Помимо бытовых подробностей и суждений о текущих политических событиях, дневник включает большое количество информации, относящейся к специальности Шляпкина — истории русской литературы. Значение этой информации давно оценено в науке. Еще в 1895 г. сам ученый подготовил публикацию из первой части своего дневника, рассказывающую о годах знакомства с Н. С. Лесковым. Этот материал был включен в статью «К биографии Н. С. Лескова» [10]. Истории знакомства Шляпкина и А. Н. Островского посвящена публикация другого отрывка из дневника, осуществленная В. Я. Лакшиным [11]. На основании материалов дневника представляется возможным создать и третью публикацию — о Д. В. Григоровиче.

«30 марта 1896 г.

...Григоровичу исполняется 17-го марта 1896 75 лет. Уезжая на выставку, он сердечно прощался с нами, жалел о своей тирольской вилле, об отдыхе и пр., и трижды поцеловался со мной. Воротиться ли? Рассказывал о том, что в „Пикнике“ выведены беспутство Демидова и купанье в бассейне Половцова, коего туда действительно бросили. Говорил о проекте нового романа „Отставили“ и „Назначили“ (чиновничество)» (д. 27, л. 12).

«25 окт[ября] [18]99.

...Прощался 22 с сочленами комитета [12]. Григорович в халате со своей любимой собачкой встретил дружественно, чуть не со слезами. Обещал отдать все свои рукописи и пока отдал „Кошмары“ („Сон Карелина“). Разговор о Белинском. Бескорыстный, честный, но не умный человек. Кружок его вознес и возвеличил. Мы с Достоевским жили вместе... Дос[тоевский] перевел „Евгению Гранде“, а я принес ее Белинскому. Эдакое г..., как Бальзак — не стоит терять времени для перевода. В чем

---

[6] *Блок А. А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 15.

[7] См.: *Белый А.* Начало века. М.; Л., 1933. С. 457.

[8] ЦГАЛИ СССР. Ф. 1296 (448 ед. хр.); ИРЛИ. Ф. 341 (3272 ед. хр.); ЛОИИ. Ф. 154 (1263 ед. хр.); ГПБ. Ф. 865 (420 ед. хр.).

[9] В дальнейшем номера и листы дел указываются в тексте.

[10] *Шляпкин И. А.* К биографии Н. С. Лескова // Рус. старина. 1895. Т. 84. № 12. С. 212–215.

[11] *Лакшин В. Я.* Новые материалы об А. Н. Островском // Рус. лит. 1960. № 1. С. 133–135.

[12] Литературно-театральный комитет, членом которого И. А. Шляпкин состоял некоторое время.

inslav

же дело — Белинский не читал его[13]. Гр[игорович] написал „Деревню“, принес Некрасову — не годится; в „От[ечественные] Записки“ — к Валер[ию] Майкову. Восторг и напечатал. Белинский встречает Гр[игоровича]: „Какую чудесную вещь Вы написали“ и пр. „Я напишу похвальную статью“. Некрасов (дело было в ред[акции] „Совр[еменника]“): „А я не напечатаю“. Б[елинский]: „Почему?“ Н[екрасов]: „Да, он приносил, а мы не приняли“. Некр[асов] посоветовал писать что-нибудь физиологическое. Он сам физиол[ог] С. П[етер]б[урга].

Некрасов — натура игрока. Впоследствии, в Английском клубе с Абазой кути[л] чуть не в десятки тысяч...» (Д. 27. Л. 46).

«16 января 1900 г.

Новый год, а по другим — и новое столетие — гипноз и вечная юность Мечникова. Скончался Д. В. Григорович... Он не приходил в сознание, все хрипел, раз узнал только Бертенсона, а гладил собачку машинально. Вот его бред: „Фу, фу, как Бильбасова растолстела, нужно ей лечиться ехать за границу...“ Далее речи [П. И.] Вейнберга, которому душеприказчиком покойного Н. П. Балашовым поручено разобрать бумаги Д. В.: „Скверный был человек Д. В., лгун, одному — одно, а сейчас другому — другое. Скрывал от жены существование 50-летней дочери Черемисовой с детьми. Сия воет, что ей лишь 10 т[ысяч], а 40 т[ысяч] — жене. Мария Федоровна[14] — жох-баба, 40 тысяч ей мало и пр. Я вам журнал Д. В. отдам — ничего нет интересного: даже о смерти Тургенева: только и есть, что скончался, а то все насчет погоды и здоровья. Его не любили в кружке и всегда насмехались; я оправдывал покойного: художник иногда врет прямо в силу своего воображения“.

И гадко мне было слышать эти отзывы от человека, который так лисил пред Д. В. при жизни: после каждого комитета Д. В. отправлялся закусывать к Вейнбергу (по субботам) и обедать к Всеволожскому. На другой день (6-го) я был у вдовы — пожилая полная типичная немка, должно быть очень красивая. Разговор по-немецки: по-русски ничего. Рекомендовался. „Я,— говорит,— хоть вас не видела, но часто слышала от покойного: он рассказывал о Вашей отставке (из литературно-театрального комитета.— *П. П.*) и сам собирался уйти. Он умер от волнения по поводу беспорядочного движения вещей музея Общества поощр[ения] худ[ожников], которые были содвинуты для Австровенгерской выставки (а я был на ней и скажу, что действительно не ахтительная выставка), а что теперь печатают протокол уборки музея, так это все вздор, поневоле подпишешься, когда впереди Ее Высочество расписалась и Балашев“. Дрянь Балашев — 1000 р[ублей] пенсии, а Майковой и Полонской по 3 т[ысячи]. Я посоветовал просить Витте об удержании 1/2 содержания покойного, который получал с 1893 по докладу Витте (она показала собственноручное письмо Витте Дмитрию В.: [Григоровичу] 5000 р[ублей] [в] год ввиду педагогического значения его сочинений. Жох-то она жох, но плачет и о Д. В. искренно...» (д. 27, л. 47—47 об.).

«9 мая 1900

...Был я у П. И. [Вейнберга]. Он успел захватить два письма Чехова, очень любопытные, и отослал Суворину и Полонской их письма. „Захватить“ — после смерти Д. В. Григоровича была продажа его имущества. (В письмах Чехов говорит „о своем замысле написать роман большой (1888 г.), охватывающий общество, и жалуется, что он этого не может: миросозерцание де чуть не каждый день меняется, а картин масса, так что в рассказах он старается сократить их, а то все кажется ему черезчур много. Есть комплименты (и даже медицинские советы) Григоровичу за его пейзажи, благодарность ему же за присуждение премии и срав-

---

[13] Более подробно этот эпизод описан в воспоминаниях Григоровича. См.: *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1987. С. 80—81.

[14] Жена Д. В. Григоровича, «чистокровная венка, бывшая певица из кафешантана» (Д. 27. Л. 47).

inslav

нение себя с Короленкой — он, м[ожет] б[ыть], и лучше, и нужнее меня, он — очень хороший человек“ [15].

Я помню, что Григ[орович] раз, хваля поэтический дар Чехова, восхищался его сравнением серых облаков с багровым отблеском на краях при закате солнца с углями наполовину потухающего камина» (д. 27, л. 50 об.).

В дополнение к этим записям о Григоровиче представляют интерес, думается, и те места шляпкинского дневника «вокруг Григоровича», в которых писатель лишь упоминается, но которые передают круг общения, рассказы Григоровича и его знакомых, записанные Ильей Александровичем:

«31 января (1883 г.)

...Вечером, благодаря доброте Ореста Федоровича (Миллера), я с женой попали в театр. Были цари (в боковой ложе). При апофеозе (шло празднование юбилея Жуковского.— *П. П.*) я и еще другие преподаватели русского языка отправились на сцену. Я был впервые. Грязь, пыль, бесцеремонность хористок, Ахиллы, Иван Царевичи, Светланы, Дьяволы, гении, Орлеанские девы, рыцари и ... из произведений Жуковского, намазанные, нарумяненные, спуют, ругаются, молчат и пр.— странно как-то. Встретился там из знакомых с Д. В. Григоровичем, В. Крыловым, К. Случевским, Сиповским. Познакомился с художником Репиным, видел как директор Эрмитажа Васильчиков целовал ручки у Славиной — эдакий все вздор. Стоял на сцене и не робел нимало» (д. 25, л. 66).

«13 ноября (1886 года).

По приглашению Незеленова был в Муз[ыкально]-сцен[ическом] кр[ужке] Коровякова с женой. Были Д. В. Григорович, И. Ф. Горбунов, М. И. Писарев, В. П. Острогорский (с коим я и познакомился). Коропчевский, Берг, Голенищев-Кутузов, Катенин, Коровяков и др.

Григорович. Были в старину дома, каких не сыщешь. Нико[лай] Павл[ович] и последний актер Алексан[дринки] в них одинаково принимались. Дом Велеурских (Вельегорских), В. Одоевского, Кочубей и др. ...

Григорович далее о салонах. Восхищались „Бедными людьми“ Достоевского. Соллогуб, внутри добрый, но позер, представляет Д[остоевского] на вечере у Одоевского красавице Сенявиной (жене того, что с балкона бросился): „Вот Вам Достоевский!“ Д[остоевский], уже заранее нервно расстроенный, впадает в истерику. Смятение и Д[остоевского] — в кабинет. Падучая у Д[остоевского] — не на каторге, еще в пансионе Чермака уже были припадки — „заявляю об этом официально“. Причина, по рассказу Каширской натуральной предводительницы Авд[отьи] Ив[ановны] Баранчеевой, старухи в[есьма] умной, вот в чем. Была деревенька Даровая у отца Д[остоевски]х. Крестьяне его ненавидели. Раз в рощу входит отец с 4—6 летним Федо[ром] Михайл[овичем]. Крестьяне бросаются из кустов и моментально растерзывают (т. е. буквально, руки в одну, голову в другую) отца. Картина так поразила нервного ребенка, что он в падучую.

Раз Белинский был приглашен к Одоевскому. У того кабинет с закоулками, плющик, пате, переходец, залу большую так заставит, что с голоду, заблудившись, помрешь и дороги не отыщешь. Столик, чай на нем, пате и двое: Иакинф Бичурин (умный поп, но стихийный, невозможный) и Белинский спорят. Б[елинск]ий разгорячился, по столу, все летит, скандал, и Б[елинск]ий тотчас же уезжает» (д. 25, л. 69).

Интересны и записи Шляпкина, относящиеся к пушкиноведению. Они, в частности, демонстрируют, что именно привлекло его внимание в новооткрытом дневнике А. С. Пушкина.

«12 марта (1899 г.)

...Сегодня директор лицея [Императорский Александровский лицей.— *П. П.*] призвал меня к себе со словами: „Я приготовил Вам хорошее

---

[15] Ср. текст писем: *Чехов А. П.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1963. Т. 11. С. 167—170, 183—185.

inslav

угощение", и показал мне доставленный ему на исключительно временный просмотр дневник А. С. Пушкина. Это рукопись в кожаном переплете, запирающемся как портфель, только замок уцелел, но не верхний захват. Она в формат обыкновенной конторской бумаги и толщины дюйма полтора. Исписано только 51 страница [„страница" зачеркнуто.— *П. П.*] (или лист — не помню). Захватывает время 1833 — [далее зачеркнуто: „конец".— *П. П.*] 1835. Первые три листа вырезаны. Сбоку оставлены чистые поля (полстраницы). Многое известно, но не все и, пожалуй, не самое интересное. [Далее зачеркнуто: „Кроме".— *П. П.*]. Есть довольно придворных сплетень: о Туркестановой, любовнице царской, умершей от родов младенца, сделанного ей Влад[имиром] Голицыным, о драке Безобразовых (разводятся), о Блудове, сказавшем Жуковскому, при виде под руку с Уваровым: „Как ты можешь не стыдясь ходить с этим негодяем"; о Кочубее с эпиграммой, которую, думает Пушкин, припишут ему: „Вот умер Кочубей, что сделал доброго он в жизни сей? Не знаю, хоть убей" (стихи приблизительно), а между тем Государь Н. в печали: даже Кочубея некем заменить.

Надпись к виду Екатерингофа:

Х.... грязь. Воспетая дыра.
Показываешь ты
Природы русской скупость,
Самодержавие Петра и
Милорадовича глупость.

Деревян[ная] башня кой-кого задавила в Ек[атерингофе]. Болховской — генерал, еще кишиневский знакомец — говорит: „Я напишу записки. Да, что ты видел? Я что видел? Да то, что никто не видел. Ну, например, ж... Екат[ерины] 2, когда она лежала мертвая".

Когда наследник (А. П.) (от которого, между прочим, долго скрывали смерть Мудера) принимал присягу, все плакали и он сам. Это не помешало Н I посадить наследника после парада на „абвахту" (правописание Пушкина) за то, что он проехал галопом, а не рысью.

Письмо Пушкина к жене перехвачено, прочитано полицией и передано Государю. „Хороши наши нравы!" — восклиц[ает] Пушкин. „Государь читает наши частные письма, как Видок или Булгарин. Он недоволен, что я не в восторге (не с умилением) отнесся к камерюнкерству с 18-летними молокососами и пр.

Деларю перевел из Юго (Hugo) стихи: что, если б я был Богом, то мол рай отдал бы за поцелуй своей Милен. Митрополит, которому досуг читать наши пустяки, обвинил Деларю в безбожии etc. Крылов правильно сказал: „Когда бы был я Бог, то этой глупости сказать не мог". Полевого поделом за „Телеграф" притянули к ответу. Дружить с полицией, уверять в своей благонамеренности и (далее зачеркнуто: „поощрять") разводить якобинство...» (д. 27, л. 25 об.—27).

«16 января. (1900 г.)

...16 января в 9 ч[асов] в квартире Д. Ф. Кобеко (Никол[аевская] 75) состоялось первое собрание Комитета Пушк[инского] Лицейского общества. Собрались: Дашков, Ермолов (министр), Ильин (картограф), Коковцев (товарищ министра), Ольхин, Рейнбот, Остроградский, Соломон, Соколовский, Фельдман, Котляревский и я, и Кобеко — 1/й. Натянутость — общая. Кобеко предложил выбрать товарища председателя: я написал Дашкова и 4мя голосами он и выбран; секретарем я написал Ольхина (но за него 2 голоса — мой и Нестора Александровича), в результате — секретарь Рейнбот 4 голосами. Денег в обществе 6198 р[ублей] 5 к[опеек]. Цель общества разъяснил в прекрасной речи Соколовский. Д. Ф. (Кобеко) о выборе посторонних членов: Майков, Пыпин, Кони, Ермолов об издании лучших статей о Пушкине из забытых...» (д. 27, л. 48).

Представляют самостоятельный интерес сведения Шляпкина о литературных собраниях и кружках:

inslav

«...Выбран 1-го марта (1882 г.) в члены литературного кружка гг. Незеленовым, гр. Голенищевым-Кутузовым, Страховым, Веневитиновым, Ф. Бергом, Катениным, Жедринским и пр.» (д. 27, л. 45 об.).

«22 марта (1882 г.). Сегодня был в литературном кружке, коего члены суть следующие: Ф. А. Вонлярский, А. А. Голенищев-Кутузов, А. А. Катенин, П. Н. Исаков, Цертелев, Е. В. Васильев, А. И. Незеленов, И. А. Жедринский, Н. С. Карцов, я и еще кто-то.

Я. Полонский читал свою драму без названия. Как лирик он, конечно, не совладал с ней и именно драматизма-то в ней нет.

...Прошлый раз Берг читал свой рассказ об охоте на медведя и А. И. Незеленов свое исследование (часть) о Пушкине» (д. 27, л. 49).

Дневниковые записи содержат много сведений об истории формирования библиотеки и коллекций редкостей Шляпкина, в том числе его рукописного собрания. По словам ученого, свои коллекции он пополнял из «разгромленных библиотек» О. М. Бодянского, А. Н. Попова, О. Ф. Миллера, Н. И. Надеждина, К. С. Коссовича, М. Н. Островского, А. Н. Пыпина, Г. В. Есипова и др. К сожалению, коллекции самого Шляпкина после его смерти оказались не только распылены по разным хранилищам, но и частично расхищены [16]. Не отразились в дневнике многочисленные поездки по России и европейским странам, которые Шляпкин совершил в поисках древностей. Во время этих экспедиций он прерывал записи.

Естественно, что материал дневника имеет значительную ценность как источник познания личности И. А. Шляпкина и как документ социальной психологии немалочисленного слоя консервативно настроенных ученых, патриотов России, осознававших историческую обреченность самодержавия и неизбежность перемен.

Дополнить характеристику И. А. Шляпкина и сведения дневника о последних годах жизни ученого позволяют хранящиеся в Государственном архиве Калининской области воспоминания А. Н. Вершинского [17]. Видный историк-краевед Анатолий Николаевич Вершинский (1888—1944) сблизился с И. А. Шляпкиным в 1910 г. и тесно общался с ним почти до последних дней. Под впечатлением яркой личности старого ученого Вершинский подробнейшим образом записал свои разговоры с ним, запечатлев в повседневном быту черты его натуры. В этих записях, как и в дневнике Шляпкина, выступает своеобразная особенность ученого, увлекавшегося в любой теме прежде всего яркими мелочами, частными фактами.

Таким образом, дневник И. А. Шляпкина является ценным и далеко еще не исчерпанным источником по истории русской культуры XIX — начала XX в.

---

[16] *Бурьян Л. К.* И. А. Шляпкин и библиотека Саратовского университета // Труды научной библиотеки Саратовского университета. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 128—133.

[17] ГАКО. Ф. 2691. Оп. 1. Д. 166. Сведения о А. Н. Вершинском и его воспоминаниях см.: *Котлярская Л. А., Маньков А. Г., Сорина Х. Д.* Обзор архива А. Н. Вершинского // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 300—305; см. также: *Ильин М. А.* О А. Н. Вершинском // Памятники Отечества. М., 1989. Вып. 1.

А. Н. Мельник

ТВОРЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЛИЧНОГО ФОНДА Р. А. ОРБЕЛИ

Документальные материалы крупного ученого-энциклопедиста, профессора Рубена Абгаровича Орбели (1880—1943) поступили в Ленинградское отделение Архива АН СССР в марте 1986 г. от его внучки О. А. Мандрыка.

inslav

Р. А. Орбели, старший брат известных академиков И. А. и Л. А. Орбели, родился в Нахичевани в семье священника. По окончании 3-й мужской классической гимназии в г. Тифлисе он поступил на юридический факультет Петербургского университета[1]. В феврале 1899 г. был отчислен из университета за активное участие в студенческом движении и отправлен по этапу в Тифлис. Восстановившись, он окончил в 1903 г. Петербургский университет и был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре гражданского права, а затем направлен в Германию (Йенский университет) для усовершенствования в науках. В 1906 г. Орбели стал магистром прав Петербургского университета, доктором прав Йенского университета. Состоял на службе в Гражданском кассационном департаменте Сената до 1918 г. (последняя должность — обер-секретарь), сотрудничал в изданиях Министерства финансов. Параллельно с юриспруденцией Орбели вел научные исследования в области философии. В 1918 г. участвовал в создании, а затем стал преподавателем Государственного университета в Тамбове, где читал лекции по юриспруденции, философии и этике. По возвращении в Петроград работал в системе Академии наук в ее библиотеке, издательстве, избирался в Ленинградский городской Совет XI созыва (секция культурного строительства и просвещения), был общественным инспектором труда, читал лекции по предмету трудового права, вел шефскую работу в армии, обследовал ленинградские театры в целях улучшения условий труда работников искусства и т. д.

Несмотря на тяжелое заболевание, повлекшее инвалидность, Орбели продолжал активно участвовать в научной и общественной деятельности. В 1934 г. по рекомендации академика А. Н. Крылова он был приглашен на работу в Экспедицию подводных работ особого назначения (Эпрон) на должность научного консультанта, члена научно-технического совета и историографа. С этого времени Орбели посвящает свою деятельность изучению истории подводных работ с древнейших времен до наших дней. По его инициативе и под его руководством Эпрон организует в 1937—1939 гг. ряд гидроархеологических экспедиций на Черное море и другие водные бассейны страны. Орбели можно по праву считать основоположником гидроархеологии в СССР как научного направления. Всю оставшуюся жизнь, даже находясь в блокадном Ленинграде, он продолжал целеустремленно работать по данной проблематике. Преждевременная смерть прервала деятельность ученого, основные замыслы его остались неосуществленными. Орбели был похоронен в 1943 г. на Ваганьковском кладбище в Москве.

Изучение документального наследия Орбели представляет интерес как для исследования биографии ученого, так и для познания истории отечественной юридической и исторической науки, истории высшей школы, общественных и государственных учреждений, истории социалистических преобразований в нашей стране.

Во время написания данной статьи документы Орбели находились в личном архиве его родственников О. А. и А. П. Мандрыки, которые любезно предоставили автору возможность работы над ними. Архив представлял собой более 60 папок, включающих творческие и биографические материалы: документы, связанные со служебной и общественной деятельностью Орбели, переписку, труды других лиц и изобразительные материалы. Значительная часть их находилась в неразобранном виде, что затрудняло исследование.

Творческие материалы делятся на два основных направления научной деятельности ученого: юриспруденция и история.

По первому направлению в личном архиве отложились дореволюционные труды Орбели, ранее неопубликованные: «Синтетический процесс», «Основы будущего синтетического процесса», «Динамика права», «Тайна

[1] Сведения почерпнуты из автобиографии, хранящейся в личном архиве Р. А. Орбели. В дальнейшем все цитаты и сведения, не отмеченные сносками на опубликованные издания, следует считать взятыми из документов этого архива.

inslav

совещания», «Недостатки состязательных процессов», «Исследования и судоговорения», «Критика субъективизма в процессе», «Кинетический момент в правообращении», «Теория арбитража», «Теория и практика несостоятельности (общая теория и история банкротств)», «Реальная судейская совесть» и др. В личном архиве имеются опубликованная статья «К крестьянскому кризису на Кавказе» [2] и подготовительные материалы к ней. Написанная в определенном юридическом ключе, она посвящена обострившемуся в начале 1900-х годов в Закавказье крестьянскому вопросу. Автор показывает картину разорений и бед, бесправия, падения сельскохозяйственного производства в данном регионе.

Общий объем сохранившихся документов сравнительно небольшой. Однако практически никем не изученные, содержащие богатый теоретический и фактический материал, документы представляют собой обширное поле деятельности для широкого круга исследователей в области юриспруденции, истории государства и права.

Вторая группа творческих материалов составляет основную часть сохранившегося научного наследия ученого и представляет собой собранные им за последние восемь лет жизни материалы по двум крупным взаимосвязанным темам: история подводных работ с древнейших времен и гидроархеология. Значительная часть статей была опубликована самим Рубеном Абгаровичем, а после его смерти объединена в книге «Исследования и изыскания» (М.; Л., 1947), подготовленной изучавшим творчество Орбели Л. П. Зубовым. Ряд материалов использовался Зубовым при написании предисловия к этому изданию [3]. Это единственный обобщающий труд о деятельности Орбели как историка с использованием материалов личного архива. Данная работа привлекла внимание широкого круга ученых и писателей, которые использовали опубликованные сведения в своих трудах [4]. О необходимости введения в научный оборот архива ученого писали В. Л. Комаров, А. Н. Крылов, С. И. Вавилов, И. И. Мещанинов, С. И. Ванин, М. С. Шагинян и др.[5]

30 мая 1980 г. Ленинградским отделением Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники было организовано научное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения профессора Р. А. Орбели, на котором выступили академик Б. Б. Пиотровский, Я. В. Доманский, Б. И. Козлов. Материалы совещания были переданы в личный архив ученого. По ряду докладов авторами подготовлены публикации [6]. В статье Козлова дается анализ одной из самых первых в мире попыток выделить историю техники подводных работ в самостоятельный предмет исследования. Используя документы личного архива, автор доказывает приоритет Орбели в разработке методологических принципов комплексного подхода в изучении истории и истории техники в частности. Орбели по праву можно назвать одним из родоначальников комплексного источниковедения. Разработанная им и примененная на практике методика изучения исторической проблемы в совокупности всех

---

[2] Петербургские ведомости. 1906. 12, 18 нояб. (№ 251, 256).

[3] *Зубов Л. П.* Научный путь профессора Рубена Абгаровича Орбели // Исследования и изыскания. С. 25–71.

[4] *Штрайх С. Я.* Исследования профессора Р. Орбели о Леонардо да Винчи // Наука и жизнь. 1946. № 8–9. С. 38, 39; *Шевченко Б.* Подводная археология // Сокровища исчезнувших городов. Л., 1948. С. 34–37; *Кублицкий Г.* Подводный археолог // По материкам и океанам. М.; Л., 1950. С. 266–274; *Бершадский Р.* Подводная археология // Знание – сила. 1960. № 6. С. 25; *Блаватский В. Д.* О подводной археологии // Сов. археология. 1958. № 3. С. 76–89; *Блаватский В. Д., Кошеленко Г. К.* Открытие затонувшего мира. М., 1963. С. 15; *Григорьян А. Т.* Механика от античности до наших дней. М., 1974; *Арзуманян А. М.* Братья Орбели. Ереван, 1976. Кн. I; *Елисеев П.* Основоположник советской гидроархеологии // Спортсмен-подводник. М., 1985. С. 56–57 и др.

[5] Памяти ученого и борца проф. Р. А. Орбели // Судоподъем. 1945. № 1/29.

[6] *Козлов Б. И.* К истории техники подводных работ: (Об исследованиях Р. А. Орбели) // ВИЕТ. М., 1982. № 1; *Доманский Я.* Опередивший время // Техника – молодежи. 1983. № 4.

inslav

основных типов и видов источников остается актуальной на современном этапе развития исторической науки.

Документы архива дают возможность представить, какого кропотливого анализа, с одной стороны, и научного воображения и изобретательности — с другой, требовало собирание материалов, часто обнаруживаемых по крупицам и намекам. Орбели знал 12 языков, что позволяло ему привлечь к исследованию источники на английском, армянском, древнерусском, греческом, грузинском, итальянском, староитальянском, испанском, немецком, латинском, французском, шведском языках. Собранная им библиография включает в себя более 8000 ед.

Одно из центральных мест в личном архиве занимают материалы по исследованию подводной деятельности в древнем мире (Финикия, Месопотамия, Египет, Персия, Греция, Рим). При критике древних письменных источников и заполнении информационных пробелов Орбели активно вводит в исследования, иконографические и картографические источники, данные археологии, новейшие достижения в области естественных наук. В личном архиве отложился материал по источниковедческой и текстологической работе над текстами Гомера и Геродота, авторские переводы фрагментов тетралогии Еврипида «Персы», текстов Эсхила, Платона, Аристотеля, Страбона, Тита Ливия, Плиния, Калимаха Киренского, Теофраста, Павзания, Цицерона. Особенно важно, что практически каждый из первоисточников подвергался подробному лингвистическому и терминологическому анализу. Ряд рукописей содержит сравнение собственного перевода ученого с переводами прежних авторов.

Основной материал по данному разделу должен был быть обобщен в две крупные работы монографического характера — книги «Водолазы древнего мира» и «Водолазы в первую морскую войну» (вторая греко-мидийская война 481—480 гг. до н. э.). В личном архиве сохранились подробные планы книг, позволяющие оценить всю широту замысла ученого. Вышедшие статьи по данной проблематике являлись как бы основой будущих книг[7]. В отдельных папках содержатся материалы к исследованиям по античной терминологии и черновики работы по расшифровке обнаруженной в 1937 г. при археологических раскопках в Месопотамии карты Черного моря (III в. н. э.), выполненной на пергамене. Отдельные законченные фрагменты этих исследований были подготовлены к публикации профессором О. М. Фрейденберг[8]. Среди документов раздела следует выделить подборку выписок из первоисточников греческих и римских авторов, в том числе Страбона, Плиния, Анонима, а также рассуждения самого Орбели по вопросу локализации древнегреческого поселения Акра (общий объем 32 л.). Правильность догадки ученого была подтверждена самостоятельным открытием Акры в начале 1980-х годов археологами Боспорского подводного отряда под руководством К. К. Шилика[9].

Талант исследователя сочетался у Орбели с талантом писателя. В личном архиве имеется блестящее литературное произведение-эссе — своеобразная попытка реконструировать основную смысловую идею утраченной трагедии Эсхила «Главк-моряк» (рукопись 8 л.), цитата из которой сохранилась у Атенея (II в. н. э.).

Особый раздел составляют материалы по исследованию техники подводных работ в трудах Леонардо да Винчи, отложившиеся в личном архиве во всей полноте: справки и удостоверения, подтверждающие, что работа велась по факсимильным изданиям манускриптов, имеющихся в СССР, а не по позднейшей литературе; обширная библиография, ксерокопии с изданий, черновики переводов с латинского, расшифровка текста Леонардо да Винчи (машинопись), рукопись статьи, датируемая

---

[7] *Орбели Р. А.* Исследования и изыскания... С. 37, 38, 140, 141.
[8] Там же. С. 278—282.
[9] *Шилик К. К.* Локализация античной Акры как пример комплексного анализа в историко-географических исследованиях // Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен. М., 1984. С. 108—111.

inslav

5 августа 1935 г., копия докладной записки начальника Эпрона Ф. И. Крылова по поводу печатания и выхода статьи. Работа Орбели привлекла внимание как отечественных исследователей творчества Леонардо да Винчи, так и зарубежных специалистов из Итальянского королевского винчианского общества. Сохранились прижизненные отзывы на данную статью М. А. Гуковского (рукопись 29 марта 1939 г., 1 л.) и академика С. И. Вавилова (машинопись, автограф, 18 апреля 1939 г., 2 л.), особо отметившего, что «в русской литературе по Леонардо исследование Р. А. Орбели является едва ли не единственной настоящей работой, основанной на изучении подлинников и содержащей ряд новых интересных выводов, хорошо обоснованных». Параллельно с этой работой ученым была опубликована небольшая по объему, но очень интересная по выводам статья «Альпинизм Леонардо да Винчи» [10], подготовительные материалы к которой сохранились полностью.

Тесно соприкасается со вторым разделом подборка материалов по исследованию водолазного дела в эпоху средневековья. Открывают ее документы по изучению легенд и мифов средневековья (Николай-рыба, Беовульф). Центральное место занимает анализ версий легенды о трехкратном погружении Александра Македонского на дно моря у разных народов на английском, немецком, французском, восточных языках. Работа иллюстрирована иконографическим материалом (средневековые миниатюры).

В двух папках находится материал по истории создания в Европе водолазного колокола и водолазного снаряжения, где подробно рассматривается деятельность в этом направлении Д. Штурмиуса, Ф. Кесслера, Галлея, М. Тривальда, Ч. Шпальдинга, Д. Смитона, Зибе Августа, Джеймса, Сандала, Кавэ, Флеуса, Летбриджа, Д. Брауна и др. Здесь Орбели выступает не только как историк техники, он исследует историографию вопроса, убедительно обосновывая датировку и авторство создания водолазного колокола.

Среди документов сохранились рукописи Орбели, содержащие формулировки замечаний и отдельные абзацы, имеющие смысловое совпадение с формулировками в статье Н. В. Кроткова «К истории развития водолазной техники» [11]. Даты на рукописях (не позднее 1935 г.) позволяют утверждать о существенной помощи, оказанной Орбели автору в сборе материала и написании статьи.

Четвертый раздел составляют исследования по водолазному делу в России. Документальные материалы собраны по пяти отдельным темам: а) водолазы в допетровской Руси; б) подъем затонувших кораблей при Петре I; в) мероприятия по водолазному делу при Екатерине II; г) водолазное дело в России XIX — начала XX в.; д) возникновение и деятельность Эпрона.

Вышедшая при жизни автора статья «Водолазы в Московской Руси» получила высокую оценку академика Б. Д. Грекова. Орбели было предложено издать статью по данной проблематике в печатном органе ИИ СССР. Сам Орбели писал о своей работе: «„Водолазы в Московской Руси“, независимо от полной новизны найденных документов (подлинные договоры и др. письменность первой четверти XVII ст.), бросающих новый свет на условия труда в этот период истории, представляют попытку сочетания строгого анализа русского исторического документа (в процессе работы я чувствовал себя хорошо вооруженным пройденной мною своевременно школой покойного профессора В. И. Сергеевича) с вынуждаемым печатающим органом популярным изложением». В архиве с достаточной полнотой отложились подготовительные материалы (копии челобитных, поручных записей, царских указов), использованные в работе, черновики, рукопись статьи, машинопись с правкой автора. Имеется под-

---

[10] *Орбели Р. А.* Исследования и изыскания... С. 193–195.
[11] *Кротков Н. В.* К истории развития водолазной техники // Эпрон. 1936. № 13–15.

inslav

борка материалов по использованию лекарственных средств при погружениях (так называемой «кизилбашской травы»).

По XVIII—XIX вв. подготовлены обширная библиография, выписки из документов, хранящихся в фондах Адмиралтейского совета, Морского министерства, личного архива графа З. Г. Чернышева. Среди них данные о строительстве каналов, водолазных работах, подъеме корабля «Нарва» в 1715 г., найме водолазов и выдаче им довольствия, копия документа о покупке в 1774 г. в Амстердаме английской «огненной машины» для выливания воды из дока и др. Орбели писал: «Продолжение публикации... Петровского [документа] и вообще XVIII в. [зависит] от времени, достаточного для обработки уже подобранного мною подлинного указного материала». К сожалению, исследование не было закончено.

На современном этапе развития истории техники наследие Орбели имеет огромное научное значение.

Третий комплекс творческих материалов личного архива ученого составляют документы по созданной им научной дисциплине — гидроархеологии, представляющие интерес как для историографов гидроархеологии, так и для решения методологических и практических задач данной дисциплины на современном этапе. Достоверные знания об истории первых гидроархеологических экспедиций в СССР призваны служить основой анализа и раскрытия закономерностей развития гидроархеологии. Орбели видел в гидроархеологии отдельную отрасль науки. Он считал своевременным создание особого научного института гидроархеологии в системе Академии наук и Всесоюзного музея подводных изысканий. Не удовлетворенный старым методом изучения объектов, извлеченных из воды, он положил начало новой методике их изучения, приступил к составлению гидроархеологической карты СССР, закладывая основы подводной исторической географии, обосновал необходимость работы под водой силами комплексных научных экспедиций. «Здесь открывается прежде всего — писал Орбели,— новая, подсобная для истории в широком смысле (истории культуры, истории народов СССР и всех разветвлений истории всеобщей) область источниковедения под предложенным мною термином „подводная археология“, или „гидроархеология“ — отрасль, имеющая своим предметом подводные и материальные источники истории, поскольку до сих пор археологические институты... имели дело исключительно с наземными материальными источниками».

Материалы по гидроархеологии отложились в личном архиве в десяти папках. Часть из них не вошла в работы Р. А. Орбели и не использовалась Л. П. Зубовым при подготовке предисловия. Некоторые опубликованные материалы требуют повторного изучения. Так, можно с определенной уверенностью сказать, что частично вошедшие в статью «Гидроархеология» материалы по методологии являются главами основополагающего труда «Введение в гидроархеологию». На это указывает и сохранившийся в архиве план написания данной монографии, включающий основные вопросы данной, по мнению автора, отрасли знания: 1) определение; 2) терминология; 3) история; 4) проведенные опыты; 5) методика работы; 6) организация; 7) правовые вопросы; 8) личный состав работников; 9) археологическая карта: а) рекогносцировка, б) разведка, в) исследования в воде, г) исследование материала; 10) гидрографическая организация; 11) подводная фотография; 12) авиация; 13) гидрогеология; 14) гидробиология; 15) пропаганда: актив, краеведческие музеи.

Одна из сохранившихся глав посвящена вопросам терминологии в подводной археологии. Это единственная работа по анализу научного языка в гидроархеологии и одна из первых такого рода работ в археологической науке. Орбели писал: «Особенно желательно осваивать понятия и термины в выражениях классических. Не будет, например, чуждым нашей научной правде, не будет и случайным механическим заимствованием использование ближайшим образом двух следующих терминов, не банальных и вновь звучащих в русской научной литературе, в то же

inslav

время не понижающих искусственности словообразования; они имеют за собой длительный опыт классических народов и возвращают нам связь с морской практикой древности. Предметы, выброшенные волнами, именуются экбебрасты (Павзаний, III, 24, ст. 3—4). ...Термин не обнимает предметов, поднятых и извлеченных из воды самим человеком. Гавани, сооруженные в море искусственно, в противоположность естественным гаваням именуются котоны или кофоны ...Надлежало бы иметь особый термин для гаваней, обследованных или исследуемых подводными методами, в отличие от установленных...наблюдением с берега и воздуха». Глава «Терминология в подводной археологии» дает сведения и о приоритете Орбели в отношении наименования самой дисциплины. В среде археологов бытует мнение, что термин «подводная археология» впервые ввел в научный оборот продолжатель дела Р. А. Орбели археолог проф. В. Д. Блаватский. Орбели писал в 1940 г.: «В отношении наименования самой дисциплины со свойственными ей методами исследования мною пущены в оборот термины: 1. Подводная археология (в статье „За развитие подводной археологии", Сб. Эпрон, 1938, № 23—25)». Далее он убедительно доказывал целесообразность применения термина «гидроархеология» как наиболее полно охватывающего все виды археологических объектов под водой. Орбели постоянно подчеркивал связи гидроархеологии с естественными науками. «Гидроархеология роднит... с целой плеядой других разветвлений знаний в связи с водой; они уже выросли, развились и приобрели право на существование как самостоятельные дисциплины. Таковы гидрология, гидрогеография, гидротехника, гидрогеология, гидробиология и др.». В отношении термина «подводная археология» Орбели писал: «„Подводная археология" роднит с укоренившимся на советской почве термином „подводные работы"».

Ученый внимательно следил за новейшими достижениями в технике, старался их привлечь при решении проблем гидроархеологических исследований. В личном архиве имеются переводные статьи об использовании радиоприборов для обнаружения каменных и металлических объектов под землей — прототипов современных металлоискателей и геолокаторов.

При подготовке своих экспедиций Орбели использовал все возможные виды источников по исследуемому географическому району: письменные, вещественные, этнографические и др. Например, успеху открытия в Коктебеле крупного порта скифо-сарматского времени способствовало, по словам Орбели, изучение свидетельств греческих и римских авторов. Особую роль сыграла информация известного писателя, художника и краеведа Крыма М. А. Волошина о видимых с горы в ясную погоду в районе Коктебеля каких-то затонувших сооружений.

Гидроархеологические открытия Орбели привлекли внимание крупнейших ученых того времени. Сохранилась посланная в 1938 г. приветственная телеграмма президента АН СССР академика В. Л. Комарова начальнику Главного управления Эпрона Ф. И. Крылову, где говорится: «...приветствую Ваши научные открытия на дне морей и, в частности, находку на реке Буг древнего челна, поздравляю Вас со столь интересным достижением и желаю продолжения работ вообще и работ Р. А. Орбели в частности, как очень важных для установления истории культуры нашей великой социалистической Родины». Результаты исследований одобрил старейший русский археолог В. А. Городцов. В архиве сохранился его отзыв: «Бугский челн представляет драгоценный археологический памятник, требующий самого тщательного охранения его... Без специальных мер консервации тысячелетняя уника может разрушиться и распасться в течение очень короткого времени».

Важны отложившиеся в архиве в отдельной папке «Материалы по составлению гидроархеологической карты СССР». «СССР — первая страна, в которой задачи систематических планомерных и методических проводимых подводных изысканий в области истории была поставлена в 1937 г. целостно и последовательно,— писал Орбели.— Тем более они должны быть хорошо организованы с надлежащим распределением технических

inslav

и научно-исследовательских функций между организациями. Одной из основ работы и является гидроархеологическая карта, регулирующая темпы изысканий и направляющая исследование по единому плану» [12]. Сохранилась выписка из протокола заседания Института истории материальной культуры АН СССР от 23 апреля 1939 г., в которой говорится: «Заслушав доклад Р. А. Орбели „Опыт подводных археологических изысканий", Археологический Комитет... 3. Просит докладчика провести учет уже известных памятников этого рода и положить начало составлению археологической карты и обеспечить ему помощь Института в порядке передачи опыта работы над археологическими картами» [13]. Орбели занимался сбором этих сведений до последних дней жизни. В архиве имеются материалы по гидроархеологическим объектам Черного, Азовского, Каспийского морей, озерам Байкал, Иссык-куль, Лача, Чудское, Шагирское, Ван, Гокча и др.; рекам Днепр, Волхов, Десна, Свирь, Ока, Паша, Буг, Шексна, Кура и др. Обширная информация по данной тематике, отложившаяся в личном архиве, позволяет активно вводить ее в современные гидроархеологические исследования.

Р. А. Орбели был прекрасным популяризатором. В личном архиве находятся черновые материалы к научно-популярным статьям, посвященным истории техники подводных работ («Прадед Эпрона») [14] и гидроархеологическим изысканиям: «Организовать подводно-исторические изыскания» [15], «Подводная археология и история корабля» [16], «Искатели древностей» [17].

Интересные для историка данные обнаруживаются в письмах Орбели и письмах ему адресованных, связанных с научной деятельностью (в числе его корреспондентов — академики В. Л. Комаров, А. Н. Крылов, Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов, С. И. Вавилов и др.). В личном архиве находятся четыре письма профессора В. Д. Блаватского — продолжателя дела Орбели в гидроархеологии. В одном из писем, датируемом 12 февраля 1940 г., Блаватский пишет: «Нам очень хотелось бы знать, каковы Ваши планы в отношении исследования мола и подводной части Фанагории — ибо мы были бы очень рады, если бы Ваши исследования, увенчавшиеся столь блестящим успехом на Крымском побережье, были перенесены и на Тамань».

Фотодокументы, отложившиеся в личном архиве, делятся на две группы. Первая, наиболее значительная (более 200 — негативы и позитивы) — снимки с археологического, иконографического и письменного материала, используемого Орбели в своих исследованиях. Вторая — фотоснимки ученого (около 30 — негативы и позитивы) за 1937—1942 гг. В основном на них запечатлены события периода экспедиционных работ (1937—1939 гг.). Наиболее ценные из них опубликованы в трудах ученого.

Полную и конкретную оценку творческого наследия Р. А. Орбели дала О. М. Фрейденберг: «Помимо отдельных, вполне и тщательно законченных работ, наряду с почти готовыми материалами, требующими лишь монтирования, Р. А. Орбели оставил многочисленные связки карточек с записями источников и заметками. Десятки листков бумаги, исписанных тонким почерком. Но каждый клочок — изящное умственное здание. На нем указан первоисточник, значение текста, параллель, методологическое отношение к тексту, вызванная им мысль. Умственная экспозиция доведена до абсолютной показательности, точно это не заметка, а экспонат на учебной выставке... Он один оставляет такой огромный

---

[12] *Орбели Р. А.* Исследования и изыскания... С. 271.
[13] *Орбели Р. А.* Гидроархеология... С. 154. В данной статье, подготовленной к печати Л. П. Зубовым, указывается, что доклад был прочитан 2 июня 1939 г. Автор настоящей статьи приводит дату, уточненную по материалам личного архива.
[14] Водный транспорт. 1935. 2 окт.
[15] Эпроновец. 1937. 29 дек.
[16] Там же. 1939. 25 июля.
[17] Ленинские искры. 1938. 11 июня.

inslav

материал и античных, и средневековых, и новейших источников, над которым теперь должны трудиться люди различных и редких специальностей» [18].

[18] *Орбели Р. А.* Исследования и изыскания... С. 277, 278.

И. Л. Жучкова

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ ИСТОРИКА А. А. ПОКРОВСКОГО

(По документам ЦГАДА)

Алексей Алексеевич Покровский — историк, археограф, славист — является одним из замечательных представителей советского архивоведения. В посвященных ему историографических исследованиях основное внимание уделяется архивной, преподавательской и публикаторской деятельности ученого в советское время [1]. Однако приводимые сведения о дореволюционном периоде его научной и общественной жизни — фрагментарны [2] и не всегда точны. Неизвестные страницы биографии Покровского помогают раскрыть документы, хранящиеся в ЦГАДА. Материалы о нем содержатся в нескольких фондах: «Московской синодальной типографии» (ф. 1184), «Московского археологического общества» (ф. 1628), «А. А. Покровского» (ф. 1623). Последний фонд, представляющий комплекс личных документов ученого в количестве 131 ед., был обработан в 1972 г. старшим научным сотрудником Н. Б. Востоковой. Недавно он пополнился новыми материалами (258 номеров), разобранными и описанными старшим палеографом Н. П. Воскобойниковой и нами. Новые документы позволяют полнее представить многие стороны научной и общественной деятельности Покровского.

Как отмечает ученый в автобиографии (ее черновик был найден в его бумагах, оригинал хранится в фонде Московского археологического института) [3], он родился 6 января 1875 г. в семье дьякона Покровской Кудринской церкви Алексея Петровича Покровского. По окончании первой московской гимназии поступил на словесное отделение историко-филологического факультета Московского университета. Здесь он слушал лекции В. О. Ключевского, под руководством профессора М. И. Соколова изучал древнерусскую литературу, проявляя особый интерес к творчеству Максима Грека. Окончив в 1900 г. Московский университет, Покровский подает прошение о зачислении на службу в Московскую синодальную типографию. Типографии он отдал более 20 лет жизни, работая сначала конторским служащим, правщиком, затем библиотекарем [4] и в советское время заведующим библиотекой, заведующим Московским печатным двором [5].

[1] *Прокопенко Н. Р.* Исследователь – энтузиаст // АД. 1940. № 4. С. 70–72; *Рабинович М. Д.* Выдающиеся ученые-архивисты (А. А. Покровский, М. С. Вишневский, А. Н. Сперанский) // Вопр. архивоведения. 1963. № 3. С. 41–43; *Марлинский С. Я.* Алексей Алексеевич Покровский // История СССР. 1974. № 5. С. 140–144; *Зелов Н. С.* Видный советский историк-архивист А. А. Покровский // СА. 1975. № 4. С. 30–31; Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 412.

[2] Краткую биографическую справку о А. А. Покровском дает в своем юбилейном издании МАО. См.: Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.)/Под ред. графини П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2. С. 275–276.

[3] ЦГИАМ. Ф. 376 («Московский археологический институт»). Оп. 3. № 68. Л. 23–25.

[4] ЦГАДА. Ф. 1184 («Московская синодальная типография»). Оп. 3. Ч. 2. 1900 г. № 177. Л. 1–19 об.

[5] Сведения о работе Покровского на Московском печатном дворе (бывшей Московской синодальной типографии) в советское время, которыми мы располагаем,

inslav

Наряду со служебными документами (докладными записками, ответами на запросы, справками в личных материалах) Покровского сохранились черновики его публикаций и статей, большая часть которых посвящена рукописному собранию Московской синодальной типографии. Став библиотекарем, Покровский продолжил работу по описанию книг библиотеки типографии, каталоги которых начали издавать с 1896 г. его предшественники — А. С. Орлов и В. А. Погорелов. В фонде Покровского хранятся рукописи авторов этого издания: Орлова, опубликовавшего «Сборники» (вып. 1); Погорелова, подготовившего «Сборники и лексиконы» (вып. 2), «Псалтыри» (вып. 3), «Материалы и оригиналы „Ведомостей" 1702—1727 гг.» (вып. 4), «Иностранные книги XV и XVI вв. (1485—1538 гг.)» (ч. 2, вып. 1); Покровского, выпустившего «Календари и святцы» (вып. 5), «Проповеди первой половины XIX века» (вып. 6), «Иностранные книги XVI в. 1539—1570 гг.» (ч. 2, вып. 2). За работу «Календари и святцы» Покровский был удостоен в 1912 г. большой премии имени М. Н. Ахматова в размере 1000 руб.[6]

Помимо систематического издания справочной литературы, Московская синодальная типография публиковала также отдельные документы своей библиотеки. В 1903—1906 гг. к 200-летию первой русской газеты «Ведомости» было осуществлено издание текстов ее номеров за 1703—1719 гг. Первый выпуск этой публикации подготовил Погорелов, второй — Покровский. Статья Покровского «К истории газеты в России», написанная специально для выпуска, получила высокую оценку ученых. Рукописи и гранки этой работы вместе с черновиками и выписками составителей из документов также дошли до нас в бумагах Покровского. Собирая материал, Покровский не ограничился только документами Московской синодальной типографии. Им были привлечены тексты «Ведомостей» из собраний Исторического музея и Публичной библиотеки в Петербурге. Сохранилась переписка Покровского с Г. В. Красовым и М. Н. Смирновым, которые готовили к печати материалы газет Публичной библиотеки и исправляли корректуру издания.

В фонде ученого отложились рукопись и гранки с правками, сделанными профессором Московского университета М. Н. Сперанским, другой юбилейной статьи Покровского — «200-летие русской гражданской азбуки. 1708—1908 гг.» (М., 1908).

Большие знания и опыт Покровского как исследователя древнерусской литературы со всей полнотой проявились при составлении им текстов житий святых для издания «Жития русских святых». Эту работу в 1904—1916 гг. возглавляли профессора В. О. Ключевский и С. И. Смирнов. В материалах фонда ученого были найдены черновики этой публикации: тексты житий и материалы к ним, собранные и составленные Покровским, а также редактором издания С. И. Смирновым, заведующим Синодальной библиотекой Н. П. Поповым, доцентом Московской духовной академии Ф. М. Россейкиным, управляющим Московской синодальной типографией Орловым и др. Обнаружены также записки редактора Смирнова управляющему типографией Орлову о ходе работы над публикацией.

Истории образования и изучению рукописей уникальной коллекции пергаменных книг XI—XIV вв., присланных на Печатный двор в 1679 г. из новгородских и псковских церквей и монастырей, было посвящено фундаментальное исследование Покровского «Древнее Псковско-Новгородское письменное наследие. Обозрение пергаменных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ» (М., 1916). Наряду с многочисленными черновиками и рукописями этой работы при обработке фонда Покровского были найдены выписки из документов архива типографии, сделанные

единичны. Известно, что в 1918, 1924 гг. он был заведующим библиотекой (Ф. 1623. Оп. 1. № 4. Л. 9; № 6. Л. 1; Оп. 2. № 7) и в то же время в 1920 г. являлся заведующим всей типографией (Ф. 1623. Оп. 1. № 10. Л. 8).

[6] ЦГАДА. Ф. 1184. Оп. 3. Ч. 2. 1900 г. № 177. Л. 55.

inslav

историком для другого исследования — «Печатный Московский двор в первой половине XVII в.» (М., 1913). Эти работы ученого до сих пор не потеряли научной ценности и остаются самыми значительными по истории Московского печатного двора.

Одновременно с изучением пергаменных книг Покровский собирал материалы о древнейших прологах, схему которых он готовил для Комиссии по изданию памятников древнерусской письменности Академии наук. Среди бумаг исследователя сохранились записи по истории формирования текста пролога, выписки из рукописей, описания и текстологический анализ прологов, наброски сообщения о работе над схемой прологов, составленного Покровским для выступления в комиссии.

Вместе с материалами крупных исследований в бумагах Покровского отложились рукописи его статей и сообщений, напечатанных в периодических изданиях или прочитанных на заседаниях научных обществ. Среди них статьи: «К истории первой русской газеты (по поводу одной библиографической заметки)», «Петр Первый и Стоглав», «Розыски кавычного уложения», «О подписке на газету в 1772 году», опубликованные в Филологических записках (1905, вып. 5—6), ЧОИДР (1910, кн. 3, 4; 1912, кн. 1); сообщения: «К вопросу о Стоглаве», «К истории западного влияния», «Апокрифическая параллель к одному из сказаний пролога» и другие, с которыми Покровский выступал на заседаниях Славянской комиссии МАО и Общества любителей древней письменности. Обнаружены также заметки и обзоры, посвященные книгопечатанию, истории Печатного двора; описания рукописных и старопечатных книг Типографской библиотеки; копии документов архива типографии.

В исследованиях по истории древнерусской литературы Покровский использовал не только материалы библиотеки Московской синодальной типографии, но и книжные фонды других хранилищ. В его черновиках и заметках встречаются копии рукописей из собраний Исторического и Румянцевского музеев. Особенно внимательно он следил за новыми работами в области славяноведения, делал выписки из исследований и публикаций. В архиве ученого хранятся конспекты работ по древнерусской литературе, принадлежащие, вероятнее всего, члену Славянской комиссии Н. Н. Кононову; оттиски статей, подаренных Покровскому академиком, профессором Московского университета А. И. Соболевским и приват-доцентом Харьковского и Московского университетов Н. Н. Дурново.

Многогранной и продолжительной была деятельность Покровского в МАО, членом которого он состоял более 20 лет. В воспоминаниях и исследованиях о жизни ученого до сих пор не упоминалось об этом существенном факте его биографии. Покровского к работе в Славянской комиссии общества, по-видимому, привлек его учитель, профессор Московского университета, председатель комиссии М. И. Соколов. С февраля 1899 г. Покровский посещает заседания комиссии как слушатель, а с октября 1900 г. становится ее постоянным членом, получив право не только выступать на заседаниях, но и публиковать свои работы. С февраля 1909 г. до закрытия общества в 1922 г. Покровский является секретарем Славянской комиссии, отдавая работе много времени, сил и душевной энергии.

Помимо ведения текущих дел комиссии (переписки, отчетности, составления протоколов заседаний), Покровский занимается изданием трудов комиссии, подготовкой и организацией заседаний, юбилеев и торжеств. Только часть этих материалов сохранилась в его личном фонде: в основном это написанные им протоколы заседаний комиссии. Некоторые из них были также найдены в фонде МАО среди протоколов, составленных прежними секретарями комиссии И. Е. Евсеевым и А. С. Орловым[7]. Из подготовленного к печати периодического издания Славянской комиссии — «Древностей» — в бумагах Покровского отложились материалы 4-го т. 2

[7] ЦГАДА. Ф. 1628. № 80. Л. 1—26, 34—51, 63—128, 131—133, 146—150, 155—163, 165—170, 241—249, 254—290. См. также: Ф. 1623. Оп. 1. № 123; Оп. 2. № 113, 114, 117, 118.

inslav

части, посвященной памяти председателя комиссии М. И. Соколова, умершего в 1906 г. Среди них: статья о жизни, научной и общественной деятельности М. И. Соколова, написанная товарищем председателя комиссии С. О. Долговым; заметка Покровского о своем учителе; список научных трудов М. И. Соколова, тексты лекций, прочитанных им в Московском университете. В 1911 г. под редакцией Покровского выходит 5-й т. «Древностей» [8], собираются и готовятся к печати материалы 6-го т. В 1915 г. появляются гранки отдельных его статей и протоколов [9]. Однако ни 6-й т., ни 2 часть 4-го т. не были опубликованы в это время. Вероятно, из-за нехватки средств и бумаги они не увидели свет и после революции, хотя вопрос об их издании неоднократно поднимался в 1918, 1920 гг. и обсуждался на заседаниях МАО.

Работа Покровского в МАО не ограничивалась деятельностью в Славянской комиссии. В 1909 г. он как член общества принимает деятельное участие в организации и устройстве торжеств, посвященных открытию памятника первопечатнику Ивану Федорову, в 1911 г. готовит к публикации материалы XV Всероссийского археологического съезда. В архиве Покровского сохранились письма председателя МАО графини П. С. Уваровой и председателя Новгородского общества любителей древностей И. В. Аничкова о работе над материалами съезда, текст заключительного слова И. В. Аничкова, произнесенного на съезде.

Вклад Покровского в изучение и публикацию древнейших рукописей и архивных документов был отмечен и оценен научной общественностью. Он избирается членом Общества любителей древней письменности и Библиографического общества при Московском университете, членом Ярославской и Нижегородской губернских комиссий [10].

Из материалов фонда Московской синодальной типографии известно, что еще до революции Покровский стал заниматься преподавательской работой. В 1910—1911 гг. он вел курс русской литературы в частной гимназии Е. К. Дерягиной [11], а в 1911 г. по рекомендации профессора А. И. Соболевского был зачислен ассистентом на кафедру русской литературы в Московский археологический институт. В фонде Покровского сохранилась часть документов, рассказывающих о его работе в институте. Это черновик автобиографии, составленный им при зачислении в институт, письмо директора института А. И. Успенского с разрешением начать чтение лекций, многочисленные письма студентов и вольнослушателей института, их сочинения с пометками и рецензиями Покровского. В переписке также упоминается о его работе на периферии. В 1914—1916 гг. он выезжал с лекциями в Витебское, Ярославское, Нижегородское и Смоленское отделения института. Институту Покровский остался верен и после революции, продолжая преподавать в нем вплоть до его закрытия в 1922 г.

Новые материалы фонда Покровского позволяют многое дополнить и уточнить в биографии ученого, особенно полнее представить область его общественных и научных интересов в дореволюционное время. Освещая ранее неизвестные стороны жизни и деятельности Покровского, эти материалы также дают возможность расширить круг сведений о научной и просветительской деятельности Академии наук, Московского археологического общества, Московского археологического института, показать значение Московской синодальной типографии в публикации исторических источников и исторических исследований.

В заключение отметим одну особенность фонда Покровского. Помимо материалов самого фондообразователя, в нем сохранились отдельные документы, письма и черновики работ двух служащих Московской сино-

---

[8] Гранки см.: Ф. 1628. № 80. Л. 27, 292–316, 319–322.
[9] ЦГАДА. Ф. 1623. Оп. 2. № 125–127; Ф. 1628. № 80. Л. 53–62, 129–130, 144–145, 151–154, 164, 250–253.
[10] Там же. Ф. 1623. Оп. 1. № 1. Л. 53, 68; ЦГИАМ. Ф. 376. Оп. 3. № 68. Л. 25.
[11] ЦГАДА. Ф. 1184. 1900 г. Оп. 3. Ч. 2. № 177. Л. 47.

inslav

дальной типографии: библиотекаря, затем управляющего Орлова, профессора Московского и Ленинградского университетов (в дальнейшем академика) и библиотекаря Погорелова (впоследствии профессора Варшавского университета).

Г. М. Коваленко

ФОНД Г. А. ЗАМЯТИНА В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР им. В. И. ЛЕНИНА

В ОР ГБЛ хранится личный архив профессора Пермского педагогического института Германа Андреевича Замятина (17.2. 1882 – 1.1. 1953), автора капитальных исследований по истории русско-шведских отношений и шведской интервенции начала XVII в. Его архив (ф. 618) состоит из 171 ед. хр. (12 644 л.) и включает подготовленные к печати работы, выписки и копии документов из советских и шведских архивов, материалы, относящиеся к защите магистерской и докторской диссертаций, биографические материалы, воспоминания, переписку, книги из личной библиотеки. Все содержимое архива можно условно разделить на четыре группы: 1) материалы биографического характера; 2) подготовленные к печати статьи и документы; 3) материалы учебно-педагогической деятельности; 4) переписка.

Материалы первой группы (картон 9) позволяют осветить основные этапы жизненного пути и научной деятельности Замятина. Он родился в семье священнослужителя в г. Слободском Вятской губернии. В 1902 г. поступил на историко-филологический факультет Юрьевского университета. В 1904 г. его студенческая работа «Русский театр в эпоху Петра I» была удостоена золотой медали. В 1906 г. Замятин перевелся в Петербургский университет, который закончил в 1907 г. с дипломом 1-й степени. В 1909 г. после окончания Петербургского археологического института он был оставлен при Юрьевском университете для подготовки к профессорскому званию. Защитив кандидатскую диссертацию «К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол» (Юрьев, 1913), Замятин стал приват-доцентом кафедры всеобщей истории.

В то же время по совету Д. К. Зеленина он обратился к изучению архива Делагарди, хранившегося в библиотеке Юрьевского университета. Изучением этого архива Замятин занимался всю жизнь, даже тогда, когда по воле обстоятельств был далеко от него. Почти все его работы по истории шведской интервенции и русско-шведских отношений начала XVII в. написаны на основе архива Делагарди с привлечением дополнительных документов из некоторых других архивохранилищ России и Швеции. Замятин побывал в Швеции в 1915 г., работал в Королевской библиотеке и Государственном архиве. «Работа в Стокгольме,— писал он,— убедила меня в высоком научном значении архива Делагарди».

Представленная Замятиным к защите магистерская диссертация «Из истории борьбы Швеции и Польши за Московский престол в начале XVII в.», имевшая подзаголовок «Падение диктатуры Карла Филиппа и воцарение Михаила Федоровича» (1918 г.), получила положительные отзывы оппонентов – Е. В. Тарле и И. И. Лаппо, но Юрьев был оккупирован немецкими войсками, и защита не состоялась. Вместе с другими профессорами и преподавателями Замятина перевели в только что открывшийся Воронежский университет, где в 1921 г. после защиты магистерской диссертации он был избран профессором по кафедре всеобщей истории.

В 1931 г. научная и педагогическая деятельность Замятина прервана арестом и заключением. В 1933 г. он был освобожден и реабилитирован, в 1934 г. поступил на работу в новосозданный Курский педагогический

inslav

институт, но вскоре он был уволен и до 1938 г. работал в Курской областной библиотеке. С сентября 1938 г. до выхода на пенсию в 1951 г. Замятин преподавал на кафедре всеобщей истории Молотовского (Пермского) пединститута, сначала профессором, с 1940 г.— заведующим кафедрой. В 1943 г. он защитил в МГУ докторскую диссертацию «Очерки истории шведской интервенции в Московское государство начала XVII в.»

Наиболее ценной частью архива Замятина являются материалы второй группы, связанные с его научно-исследовательской работой. Они представлены трудами по истории шведской интервенции и русско-шведских отношений (картоны 1—3) и подготовительными материалами по этой же проблематике (картоны 5—8), а также работами на разные темы (картоны 4—5).

Замятин является автором более 30 научных работ, из которых опубликована только половина. До сих пор не изданы самые важные его работы — магистерская и докторская диссертации. К числу неопубликованных относятся следующие рукописи его архива:

1. «Из истории борьбы Польши и Швеции за Московский престол в начале XVII в.» [1]. Эта работа вызвала большой интерес у историков. В присланных Замятину письмах П. Г. Васенко, С. В. Бахрушин, М. М. Богословский, Ю. В. Готье, П. Г. Любомиров высоко оценили ее и охарактеризовали как существенный вклад в науку. Непосредственным продолжением и развитием данной темы являются другие неопубликованные труды Замятина.

2. «Борьба за Корелу между Швецией и Московским государством в конце XVI — начале XVII в.» [2].

3. «Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII в.»

4. «Военные операции Ханса Мунка в Московском государстве в 1611—1612 гг. и контрмеры вождей Первого и Второго ополчений».

5. «Выступление новгородцев против первого царя из дома Романовых». В данной статье Замятин анализирует внутриполитическую борьбу в Новгороде после избрания Михаила Романова и пытается установить, кто из новгородцев был на стороне Карла Филиппа. Автор предполагал опубликовать свое исследование в каком-нибудь историческом журнале. С рукописью ознакомились С. В. Бахрушин и Б. Д. Греков и дали ей положительную оценку, но их смутила тема, «неудобная в то время, когда проявляется интерес к борьбе против интервентов». Не удалось поместить статью и в «Новгородском историческом сборнике» [3].

6. «Условия заключения Столбовского договора между Россией и Швецией».

7. «Архив Делагарди и его значение для истории СССР».

8. «Очерки по истории борьбы русского народа против шведских интервентов в начале XVII в.»

9. «Материалы по истории освобождения Новгорода Великого из-под власти шведов в начале XVII в.»

В архиве хранятся рецензии на перечисленные работы, подготовленные к печати. Среди них отзывы Л. В. Даниловой и Н. В. Устюгова на публикацию «Материалы по истории освобождения Новгорода Великого из-под власти шведов в начале XVII в.». В частности, отмечалось, что эти ранее не публиковавшиеся документы позволяют представить положение Новгорода под властью шведов и ход мирных переговоров, предшествовавших заключению Столбовского мира. В них есть сведения о социальном строе Новгорода, положении служилых людей и т. д. Рецен-

---

[1] Экземпляр рукописи хранится также в Ленинграде (ЛОИИ. Ф. 276. Оп. 2. № 90).

[2] Экземпляр рукописи имеется также в Петрозаводске (Архив Карельского филиала АН СССР. Ф. 1. Оп. 41. № 29).

[3] Переписка Замятина с редколлегией сборника находится в Отделе письменных источников Новгородского музея-заповедника (№ 3725, 3735, 3837, 3846, 3848, 3852—3854).

inslav

зентами сделаны ряд замечаний археографического порядка. Небезынтересны и другие отзывы: А. И. Андреева на работу «Борьба за Корелу между Швецией и Московским государством в конце XVI — начале XVII в.», Г. В. Проскуряковой и Л. В. Творогова на статью «Псковское сиденье» (Героическая оборона Пскова в 1615 г.)»[4], И. И. Смирнова на работу «Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII в.», К. Н. Сербиной на «Очерки по истории борьбы русского народа против шведской интервенции в начале XVII в.», А. М. Гневушева на работу «К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол»[5], а также копии отзывов Ю. В. Готье, Б. Д. Грекова, С. Ф. Платонова, А. Н. Ясинского и других ученых на магистерскую диссертацию «Из истории борьбы Польши и Швеции за Московский престол в начале XVII столетия».

К научным трудам Замятина относятся и неопубликованная студенческая работа «Русский театр в эпоху Петра I», рукописи статей по истории его родного Вятского края (опубликованы в трудах Вятской губернской ученой архивной комиссии), материалы по истории Воронежского университета и Воронежского края, Тартуского университа и Пермского пединститута.

Почти 40 лет продолжалась преподавательская деятельность Замятина. Он читал курсы лекций и вел семинарские занятия по истории первобытнообщинного строя, средних веков, новой истории, истории стран Востока; читал спецкурсы по истории итальянского гуманизма, папства, общественной мысли. В годы Великой Отечественной войны он прочитал более 200 лекций в воинских частях, госпиталях, агитпунктах. Подготовительные материалы к лекциям — конспекты, выписки, заметки — третья составная часть архива (картоны 11—14).

Несомненный интерес исследователей должна вызвать переписка Замятина с коллегами-историками, архивистами, музейными работниками (картоны 5,9). Его корреспондентами были М. М. Богословский, И. У. Будовниц, Х. Л. Варес, В. Г. Гейман, Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, Е. А. Косминский, Р. Б. Мюллер, К. Н. Сербина, А. А. Строков Л. А. Творогов и др.

Часть архива (картон 15) составляют книги из личной библиотеки Замятина с автографами М. В. Муравьева, Н. П. Лихачева, М. М. Дьяконова, Б. Д. Грекова, Х. Розенгрена.

Материалы личного архива Замятина позволяют познакомиться с разносторонней научной и педагогической деятельностью этого незаслуженно забытого ученого и педагога[6]. Они характеризуют его как одаренного и серьезного исследователя. Его работы, написанные на основании глубокого изучения целого комплекса неизвестных ранее источников, до сего дня сохраняют свое значение и заслуживают быть опубликованными.

[4] Опубл.: ИЗ. 1952. Т. 40.
[5] Опубл.: Голос минувшего. 1913. № 11.
[6] Даже одни его опубликованные труды справедливо отмечены как существенный вклад в историографию. См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966. Т. 4. С. 306; М., 1985. Т. 5. С. 230–231.

Т. И. Лысенко

МАТЕРИАЛЫ И. И. ЛЮБИМЕНКО ПО ВОПРОСАМ АРХИВОВЕДЕНИЯ

Имя Инны Ивановны Любименко (1878—1959 гг.) — крупного историка и архивиста — было широко известно в научных кругах не только России, но и за рубежом еще в дореволюционное время. Об этом свидетельствует присуждение ей в Сорбонне в 1908 г. степени доктора по специальности «словесные науки». Такого признания добивались немногие

inslav

наши соотечественницы. Ее работы, посвященные политическим и экономическим сношениям России с Англией, публиковались в русских, английских, французских и американских журналах[1]. Отличительной чертой исторических исследований Любименко являлось то, что они основывались на широком использовании архивных документов.

После Великой Октябрьской социалистической революции Любименко преподавала историю и английский язык в петроградских школах «Отдых рабочих и солдат». Она стала активным участником архивного строительства, работая на открытых в 1918 г. при Петроградском археологическом институте первых в стране архивных курсах. В архивном фонде Любименко[2] отложился ряд документов, относящихся к этому периоду ее жизни и деятельности. Ею прочитаны два цикла лекций — о французской Школе хартий и об архивах Великобритании в их прошлом и настоящем. Любименко поделилась личными впечатлениями о трехлетнем пребывании в Школе хартий, готовившей ученых архивистов и библиотекарей, проанализировала ее устройство и функционирование. Ею собрана библиография об архивах Великобритании, написан исторический очерк о создании этих архивов, составе их документов, дан обзор их деятельности. Лекции были опубликованы[3], и, по отзывам специалистов, они «остаются до сих пор свежими как по точности и разносторонности содержащихся в них сведений, так и благодаря пронизывающему их чувству личного опыта и личных впечатлений»[4]. В архиве сохранились составленные автором программы лекций, расписание лекционных часов, удостоверение лектора архивных курсов (выданное 30 октября 1918 г.), письмо заведующего курсами от 11 января 1919 г. с выражением признания успеха проделанной Инной Ивановной работы.

Позднее Любименко читала лекции в ЛО Центрархива и в Ленинградском областном архиве. В ее фонде представлены тексты и конспекты лекций по истории архивов Франции и Англии, «Архивы на Западе», «История архивного дела на Западе», о библиографии по архивам Голландии, Бельгии, Германии. Девять лекций по истории архивного дела в капиталистических странах (около 150 с. рукописного текста тетрадного формата) и программы курса объединены в 2 ед. хр.

В июне 1938 г. на заседании кафедры истории архивного дела МГИАИ Любименко прочитала доклад на тему «Содержание курса истории архивного дела в капиталистических странах». Имеются тезисы этого доклада, озаглавленного «История архивного дела в капиталистических странах». В 1938—1939 гг. Любименко пригласили читать в МГИАИ курс лекций на ту же тему, но, как сказано в одной из ее автобиографий, она «ввиду необходимости поездок в Москву отказалась по состоянию здоровья».

Любименко вела и практическую работу в области архивного дела. 15 января 1921 г. ее зачислили архивистом в Петроградское отделение Главархива, где она работала до 1 февраля 1922 г. и с 15 октября 1923 г. по 1 мая 1926 г. В выданном ей удостоверении сказано, что 1-е отделение VI секции ЕГАФ поручило ей «подготовку материалов для истории Архива быв. Министерства внутренних дел». Ей пришлось составлять иностранную часть библиографии по архивоведению. Большой труд, состоящий из 15 тыс. карточек, не опубликован (карточки в ЛО ААН не поступили). Как архивного работника Любименко пригласили с правом совещательного голоса на 1-й съезд архивных деятелей РСФСР в Москве в 1925 г.; имеется ее билет (№ 82).

---

[1] См. список печатных трудов Любименко: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.; Л., 1960. С. 488–493. (Труды ЛОИИ; Вып. 2).

[2] ЛО ААН. Ф. 855. Краткое обозрение его см.: ААН: Обозрение архивных материалов. Л., 1971. Т. VI. С. 157–158 (Труды ААН; Вып. 24).

[3] См.: Архивные курсы: История архивного дела классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Пг., 1920. С. 204–303.

[4] *Валк С. Н.* Инна Ивановна Любименко // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков... С. 486.

inslav

Для ознакомления с архивной техникой и приобретения литературы Любименко была командирована Центрархивом за границу. Сохранилось ее прошение (март 1925 г.) заведующему ЛО Центрархива о разрешении зарубежной поездки во Францию, Англию и Голландию и о ее готовности осуществить «пополнение библиографических сведений для иностранного указателя, приобретение новых книг по архивной литературе, ознакомление с последними усовершенствованиями голландской архивной техники и т. п.». Более подробно о задачах командировки говорится в удостоверении от 10 июня 1925 г. Она должна была в июне—июле «собрать для Центрархива РСФСР инструкции, правила, законодательный материал по архивному делу, указатели, формы карточек, инвентарных и иных архивных описей как в печатном, так и в рукописном виде, а также вышедшую за границей новейшую литературу по архивоведению». Центрархив обращался «ко всем научным учреждениям и организациям государств Западной Европы об оказании И. И. Любименко возможного содействия в выполнении возложенного на нее поручения». Побывав в Германии, Франции, Англии и Латвии, Любименко детально осмотрела семь зарубежных архивов и выполнила взятые на себя обязательства с большой тщательностью (как видим, в Голландию ей не довелось поехать).

Ею опубликован отчет о командировке [5] и ряд статей об отдельных архивах. Кроме того, она публиковала статьи в журналах «Архивное дело» и «Архівна справа», знакомившие советских архивистов с историей и постановкой работы в архивах зарубежных стран. Одновременно ее статьи о преобразованиях в архивном деле, проводившихся в Советской России, помещенные не только в отечественных, но и в иностранных изданиях, рассказывали о наших достижениях архивистам капиталистических стран [6]. Остались в рукописи неопубликованная статья «Из архивной жизни за границей», посвященная архивам Германии, Австрии, Франции, Румынии, Голландии, и рецензия «Голландский архивный журнал „Nederlandsch Archievenblad“ за последние три года (1926—27, 1927—28 и 1928—29)».

Любименко участвовала в подготовке «Трудов ААН», особенно фундаментального описания эпистолярного наследия Академии наук XVIII в. [7], была деятельным членом Ученого совета ААН, связи с которым не порывала вплоть до смерти.

Таким образом, обзор материалов Любименко по вопросам архивоведения освещает еще одну страницу истории сотрудничества видных ученых с советскими архивными учреждениями, широко развернувшегося в первые годы Советской власти. Возможно, удастся выявить и изучить подобные материалы, относящиеся к современникам Любименко, например к ее коллегам по преподаванию на Петроградских архивных курсах В. В. Бартольду, О. А. Добиаш-Рождественской, А. Е. Преснякову, Е. В. Тарле, Г. Ф. Церетели и др. Истории начального периода советского архивоведения, подготовки кадров архивистов и международных научных связей в настоящее время уделяется немало внимания, но для более глубокого исследования необходимо преодолеть узость традиционной источниковой базы, в том числе путем введения в научный оборот новых данных из личных архивных фондов.

---

[5] *Любименко И.* Из отчета о заграничной командировке летом 1925 года // АД. 1926. № 7. С. 126—135.

[6] В списке печатных работ Любименко насчитывается более 20 статей на архивные темы.

[7] Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века: Научное описание, 1766—1782/Под общ. ред. акад. Д. С. Рождественского. М.: Л., 1937.

inslav

А. В. Шарова

ИЗ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ АКАДЕМИКА Е. А. КОСМИНСКОГО

Евгений Алексеевич Косминский (1886—1959) — известный медиевист, специалист по аграрной истории Англии, по историографии и источниковедению средних веков, латинской палеографии; общественный деятель, сделавший неизмеримо много для признания советской исторической науки (в частности, медиевистики) за рубежом, для установления прочных научных связей с иностранными учеными, для дела дружбы и взаимопонимания между СССР и Великобританией.

В «Археографическом ежегоднике» был опубликован обзор архивного фонда ученого, составленный М. Я. Ржезниковой [1], где кратко характеризовалось его эпистолярное наследие. В архивном фонде Е. А. Косминского переписка образует 104 дела за 1928—1959 гг. [2] Из них письма самого ученого составляют 26 дел, которые поровну распределились между советскими и зарубежными адресатами. Наибольшие по количеству комплексы писем историка адресованы его коллегам по работе С. А. Асиновской (31 письмо за 1948—50-е годы) и Е. В. Гутновой (24 письма за 1941—1955 гг.). Адресатами Е. А. Косминского также были и другие советские историки [3]. Письма корреспондентов ученого сгруппированы в 77 дел, из которых 59 это письма его иностранных коллег. В целом круг людей, коллег по работе и друзей, с которыми поддерживал контакты Е. А. Косминский, представлен эпистолярными источниками лишь фрагментарно.

Плохой сохранностью эпистолярных источников объясняется то обстоятельство, что письма Е. А. Косминского к советским ученым датируются лишь началом Великой Отечественной войны (к З. В. Удальцовой, Е. В. Гутновой). И лишь с начала 50-х годов уцелели документы переписки с иностранными коллегами. О том, что такие контакты существовали раньше, свидетельствует избрание Е. А. Косминского членом-корреспондентом Общества экономической истории в Лондоне (1927 г.), публикации его работ в журнале «Economic History Review» в 1928, 1931 и 1935 гг. и воспоминание английского ученого М. М. Постана о том, что дружеские отношения, установившиеся у Е. А. Косминского с английскими историками во время его командировки в Англию в 1925—1926 гг., и «научные контакты продолжались после его возвращения в Россию и были прерваны только в конце 30-х годов, когда общение между русскими (учеными.— *А. З.*) и их западными коллегами стало невозможным» [4].

Особенностью структуры эпистолярного наследия Е. А. Косминского, а именно его переписки с советскими учеными, является почти полное отсутствие ответных писем корреспондентов ученого. Так, например, имеется 24 письма Е. А. Косминского к Е. В. Гутновой и лишь одно от нее (1956 г.). Ответные письма С. А. Асиновской полностью отсутствуют. Ситуация объясняется тем, что письма ученого были сохранены и переданы в Архив его коллегами, тогда как сам Косминский до начала 50-х годов писем почти не сохранил. Фактически мы имеем «переписки» (не совпадающие по времени и тематике) лишь в трех случаях: с Е. В. Гутновой (всего 25 писем), В. М. Лавровским (четыре письма) и А. Л. Сидоровым (три письма) с обеих сторон.

---

[1] См.: *Ржезникова М. Я.* Обзор личного фонда академика Е. А. Косминского // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 325—330.

[2] ААН. Ф. 1514. Оп. 3. В дальнейшем отсылки на дела и листы даются в тексте.

[3] Письма Е. А. Косминского выявлены нами в фондах В. М. Лавровского (ААН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 220), Н. В. Пигулевской (ЛО ААН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 266), В. П. Волгина (ААН. Ф. 514. Оп. 3. Д. 70), Р. Ю. Виппера (ААН. Ф. 1562. Оп. 1. Д. 105), А. М. Панкратовой (ААН. Ф. 697. Оп. 3. Д. 345), В. И. Пичеты (ААН. Ф. 1548. Оп. 4. Д. 81), В. К. Яцунского (ААН. Ф. 1639. Оп. 1. Д. 500).

[4] *Postan M. M.* E. A. Kosminsky // Times. 1959. 14 Aug.; см. также: Д. 113. Л. 4.

inslav

В целом же эпистолярные документы Е. А. Косминского — это небольшие по объему деловые письма, в которых, за исключением писем к З. В. Удальцовой и Я. А. Левицкому, личных тем и мотивов почти не проступает. Но именно это обстоятельство побуждает искать в нейтральных по характеру и сугубо деловых строчках писем их «второе дно», как советовал при работе с источниками Косминский. «Необходимо иметь в виду не только текст...— писал он,— но и „подтекст" — то, что автор не мог сказать, но подразумевал и что было понятно его аудитории. Расшифровка этого „подтекста" особенно важна для правильного использования материала» (оп. 1, д. 152, л. 3).

Основная масса писем Е. А. Косминского к своим коллегам относится к двум периодам его жизни. Во-первых, это военное время, период эвакуации в Казани и Ташкенте, когда возникла необходимость поддерживать контакты с теми, кто оказался в других городах. Во-вторых, это период болезни, когда в 50-х годах ученый жил на даче.

Большую часть эпистолярного наследия составляет переписка ученого с зарубежными коллегами (13 дел с письмами Косминского и 59 дел с письмами иностранных корреспондентов). Из этого количества дел 28 составляет собственно переписка. В фонде имеются 144 письма к Косминскому от зарубежных ученых, подсчитать же количество писем, отправленных им, трудно, так как сохранились черновики и отпуски не всех писем ученого, а лишь 57. К этому количеству документов следует прибавить еще письма иностранных ученых, которые формально не составляют переписку, так как в фонде нет ответных документов историка (хотя упоминания о них содержатся в письмах корреспондентов). В 40 таких делах содержится 141 письмо.

Особое внимание привлекает переписка Косминского с английскими учеными, его основными зарубежными коллегами, а также с японскими историками, контактам с которыми он придавал особое внимание в последние годы жизни. Необходимо отметить, что это наиболее интересная часть иностранной переписки ученого не только по наибольшему количеству писем (всего 281 письмо), но и по разнообразию их содержания. Из этого комплекса источников наиболее крупным является переписка академика Косминского с профессором Бирмингемского университета Р. Хилтоном (в общей сложности 95 писем за 1950—1958 гг.). Говоря о переписке с историками Англии, можно выделить два основных события, послужившие толчком для ее начала. Это поездки Косминского в Англию в 1952 и 1956 гг. Также большое значение имела публикация в 1956 г. книги советского медиевиста «Исследования по аграрной истории Англии XIII века» на английском языке. Все эти события не смогли бы произойти без изменения обстановки как в нашей стране, так и на международной арене.

В 1956—1958 гг. у Косминского появилось большое число корреспондентов из разных стран. Это было время восстановления научных контактов советскими историками, возобновление их участия в международных конгрессах, различных комиссиях и изданиях, налаживания книгообмена. Все это — темы переписки Косминского с учеными из Англии, Италии, Франции, Бельгии, ГДР, Японии, Польши, Индии и США. В целом круг корреспондентов Косминского, как советских, так и зарубежных, достаточно монолитен — это историки-профессионалы и историки-любители.

Как уже говорилось, большая часть писем Косминского к иностранным корреспондентам утрачена. Поэтому воспользуемся возможностью реконструкции его точек зрения, мнений по отдельным вопросам, которую предоставляют материалы его корреспондентов. Например, Р. Хилтон в письме от 27 октября 1956 г. подчеркивает: «Я согласен с Вами, что мы должны продолжать делать все, что в наших силах, чтобы способствовать хорошим отношениям между советскими и британскими историками. При условии существования искреннего обмена мнениями критика будет не уязвлять нас, а сближать» (д. 96, л. 73). Вспоминая о

inslav

Косминском, английский историк в 1959 г. напишет о том, что «стремление к более тесным контактам с Англией было постоянной темой его писем несмотря на неблагоприятный международный климат» [5].

Большинство английских корреспондентов Косминского знали друг друга; поэтому в некоторых случаях их письма взаимосвязаны и взаимодополняемы. Так, письма М. М. Постана 1955—1956 гг. и М. Добба того же времени (оба — преподаватели в Кембриджском университете) перекликаются между собой по вопросу о подготовке к приезду советского ученого в Кембридж. В письме от 27 октября 1955 г. М. Добб пишет: «Рад слышать... что есть вероятность вашего более продолжительного пребывания здесь... и что он (М. Постан.— *А. З.*) готовится собрать копии докторских диссертаций и другие документы, с которыми Вы хотите поработать» (д. 49, л. 3). В свою очередь, приглашая Косминского в колледж Питерхауз Кембриджа, М. Постан подчеркивал: «С нашей стороны мы... договоримся с университетской библиотекой... чтобы собрать неопубликованные диссертации и сделать их доступными для Вас...» (д. 43, л. 2). Позднее Косминский с особым удовольствием вспоминал поездку в Кембридж, где он имел возможность «ознакомиться с последними еще не опубликованными, а иногда даже не законченными работами английских историков» (д. 23, л. 9).

Интенсивность переписки Косминского колебалась в зависимости от остроты обсуждавшихся вопросов, от состояния международной атмосферы, от степени загруженности и самочувствия самого ученого и его корреспондентов.

Языковые барьеры при общении с коллегами легко преодолевались советским историком, так как Е. А. Косминский свободно владел шестью языками — латинским, английским, греческим, французским, немецким и итальянским [6]. В фонде ученого отложились эпистолярные источники на английском, французском, немецком, итальянском, польском и болгарском языках. В 1953 г. после посещения Косминским Англии Морис Добб писал ему: «Что касается языкового барьера, о котором Вы говорите, то это скорее мы должны себя критиковать... за недостаточное знание Вашего языка» (д. 49, л. 1 об.).

Е. А. Косминский придавал большое значение научной коммуникации, понимая необходимость знать не только работы зарубежных историков, а также их жизнь, образ мышления. Он был уверен в том, что дружеские контакты между учеными могут способствовать улучшению отношений между странами, в частности между СССР и Великобританией. В своих поездках ставил задачу не ограничиваться библиотеками, но и «побеседовать с историками... войти таким образом в курс последних течений и достижений английской исторической науки» (д. 23, л. 3). Той же цели служила и его переписка с зарубежными учеными. Из нее он черпал информацию о развитии английской медиевистики, о возникающих дискуссиях, высказывая свою точку зрения. Например, в письмах многих английских историков на протяжении ряда лет упоминается имя Арнольда Тойнби, книги которого интересовали советского ученого.

Когда в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья Косминского «Историософия Арнольда Тойнби» [7], В. Ф. Минорский так оценил ее: «Отличная статья... Вот как надо писать: урок молодежи. Такую статью хорошо бы и на иностранные языки перевести. И дотошно, и спокойно, и без жеваных фраз. Я искренне порадовался» (д. 70, л. 28). В 1954 г. об А. Тойнби пишет Косминскому профессор Лондонского университета Р. Броунинг, причем его оценка совпадает с точкой зрения советского ученого, высказанной им в статье «Реакционная историосо-

---

[5] Academician E. A. Kosminsky // Past and Present. 1959. N 16. P. 95.

[6] *Удальцова З. В.* Роль Е. А. Косминского в развитии советского византиноведения // Средние века. 1973. Вып. 37. С. 279.

[7] ВИ. 1957. № 1. С. 130–140.

inslav

фия А. Тойнби»[8]. «Интересно, что в быстро развивающейся обстановке некоторые из мировых чемпионов „западной цивилизации“ сейчас обнаружили нехватку энтузиазма для своего дела. Один из наиболее ярких примеров этого — А. Тойнби»,— замечает английский историк. «Он был действительно неблагоразумным — или достаточно искренним — чтобы признать, что логика истории может включать в себя окончательную замену „западнохристианской цивилизации“, как он называет ее, чем-то еще. До тех пор, пока такая возможность казалась относящейся к очень отдаленному будущему, никаких возражений не возникало. Но недавно он стал объектом серьезной критики и атак со стороны правых, некоторые из которых заходят так далеко, что предполагают, что он (Тойнби.— *А. З.*) — „скрытый коммунист“» (д. 32, л. 8).

Почти во всех письмах английских и японских корреспондентов Е. А. Косминского содержится информация о новых исследованиях по истории Англии. В свою очередь, советский ученый информировал о работах советских историков по различным направлениям (медиевистике, истории России XIX в., востоковедению и византиноведению). В то же время по переписке с Р. Хилтоном, Р. Леннардом, М. Постаном интересно проследить, как развивалась дискуссия Косминского с М. Постаном по вопросам английской средневековой экономики. Письма К. Тахакаси, Р. Тоуни, Д. Морриса, К. Хата и других — источники для изучения развернувшейся в 50-х годах дискуссии об упадке феодальной экономики в XIV—XV вв. Об опубликованной в 1955 г. статье Е. А. Косминского «Эволюция форм феодальной ренты в Англии в XI—XV веках» Р. Хилтон отзывается как о продвинувшей его собственную «работу на несколько лет вперед!» (д. 96, л. 48). Обращаясь к автору, английский историк отмечает, что «очень большое значение имеет Ваша критика распространенной теории (главным представителем которой является Постан) продолжительного общего экономического упадка в XI и XV веках. Я сам до некоторой степени был введен в заблуждение... Теперь все гораздо понятнее» (д. 96, л. 48—48 об.). К сожалению, черновиков писем Е. А. Косминского, в которых высказывалась его точка зрения по этим дискуссионным вопросам, не сохранилось[9].

Письма английских историков содержат не менее ценную информацию о том резонансе, который вызывали работы советского историка в Англии, прочитанные им лекции, его беседы. В преддверии поездки в Англию в 1952 г. Косминский получил письма от председателя совета исторического факультета Кембриджа, от директора Школы экономических и политических наук при Лондонском университете, в которых выражалась надежда, что он «сможет принять... приглашение, так как это будет наиболее благоприятная возможность» (д. 56, л. 2) «для английских историков и студентов встретиться с таким знаменитым ученым... и услышать... лекцию о некоторых аспектах экономической истории средневековья» (д. 75, л. 1). Приезд и выступления советского историка расценивались его английскими коллегами как событие не только научное, но и политическое. Профессор Лондонского университета Р. Броунинг писал Е. А. Косминскому: «...для нас было очень приятно Ваше пребывание здесь, в Лондоне... Работа, которую Вы сделали... и контакты, которые Вы завязали с английскими историками, представляют реальный шаг вперед... и надежный вклад в дело дружбы и взаимоотношения между нашими народами» (д. 32, л. 3).

Переписка с Е. А. Косминским, признанным авторитетом в медиевистике, давала возможность многим историкам, только начинавшим свои самостоятельные исследования, не только выбрать нужное направление

---

[8] *Косминский Е. А.* Проблемы английского феодализма и историографии средних веков: Сб. статей. М., 1963. С. 316.

[9] См.: *Косминский Е. А.* Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? // Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. С. 262—284.

inslav

в работе, но и получить квалифицированные советы. Английские и японские историки активно использовали эту возможность, обращаясь к ученому после прочтения его статей (И. Токунага и К. Хата), после личных бесед-консультаций (Бетти-Грант) как к эксперту для выяснения наиболее сложных вопросов (Жак Коэн — по вопросу о «революции рабов» и «азиатском способе производства», Р. Леннард о «внеэкономическом принуждении» и полемике с М. Постаном и т. д.) (д. 86, 95, 44, 60, 64).

Косминскому приходилось нередко преодолевать ошибки и бюрократизм научного аппарата в СССР, чтобы поддерживать авторитет советской исторической науки за рубежом. Письма В. Ф. Минорского, Р. Броунинга, А. Ф. Ротштейна и других корреспондентов, касающиеся высылки заказанных в СССР книг и книгообмена, показывают, сколько сил прикладывал Косминский, чтобы выправить положение. Во многих случаях с этого начинались научные контакты, шло их укрепление и развитие. Р. Броунинг писал: «Время от времени мы наводим справки о возможности получения фотографий рукописей из советских библиотек и архивов. До сих пор не создана нормальная система для их приобретения. Если бы Вы смогли поднять этот вопрос в соответствующих инстанциях, это было бы полезно не только для ученых, касаясь их непосредственно, но имело бы большой эффект в университетских кругах в целом» (д. 32, л. 3 об.). Е. А. Косминскому приходилось исправлять также ошибки, сделанные в запале идеологической борьбы. Например, по отношению к профессору М. Постану, которого в советской прессе объявили «поджигателем войны», ложно истолковав его слова об ускорении развития английской промышленности во время войны, сказанные делегации советских студентов (д. 96, л. 86—86 об.). Действия Косминского в этой ситуации документально не зафиксированы, но так как отношения с М. Постаном не прерывались и позднее он даже приглашал советских студентов в Англию для изучения экономической истории страны (д. 73, л. 9), то можно допустить, что советский ученый сделал все возможное, чтобы инцидент был исчерпан и установившиеся научные контакты не прерваны.

В целом все имеющиеся в фонде комплексы эпистолярных источников характеризуют общую тенденцию — от обсуждения какой-либо одной проблемы или темы переписка с течением времени обогащается все большим количеством затронутых вопросов, включаются новые имена, точки зрения. Переписка Е. А. Косминского — это и источник для изучения английской и японской историографии, процессов формирования взглядов его зарубежных коллег, так как большинство из них подробно писали о своей работе, выводах, находках (письма Р. Хилтона, Р. Броунинга, Р. Тоуни, Т. Кохачиро, А. Ф. Ротштейна, В. Ф. Минорского, К. Тахакаси).

Круг английских историков, с которыми поддерживал контакты Косминский, состоял как из марксистов, так и из немарксистов. К сожалению, сохранилось не так много писем ученого к зарубежным коллегам, чтобы можно было судить о различии в объемах сообщаемой им информации или трактовке события в зависимости от политической платформы адресата. Несомненно лишь то, что черновики писем коммунисту Р. Хилтону отличаются от других писем. Лишь здесь есть скупые строки о политической ситуации в СССР (о смерти И. В. Сталина), присутствует обращение «товарищ» («comrade»). Вероятно, это изменение в отличие от обычного обращения «профессор», «академик» и т. п. было сделано по инициативе Косминского, так как в письме Хилтона от 31 декабря 1955 г. читаем: «Дорогой товарищ Косминский. Вы совершенно правы: термины „академик“ и „профессор“ весьма официальные и громоздкие. Но есть давняя традиция в британском рабочем движении — употреблять слово „товарищ“ (comrade)... Так, хотя эта форма обращения не может быть общепринятой среди английских историков, она употребляется среди марксистов» (д. 96, л. 65). С этого времени коллеги

inslav

пишут друг другу «comrade» даже после выхода Хилтона из компартии Англии в 1956 г.

Следует отметить, что наиболее информативные с политической точки зрения письма приходили к Косминскому от коммунистов Хилтона и Броунинга. По этим письмам можно проследить перемены в отношении к советским людям в английском обществе и его научных кругах. После месячника англо-советской дружбы (1952), в котором Косминский участвовал вместе с К. Фединым, К. Симоновым, Д. Кабалевским, Э. Гилельсом и другими деятелями советской культуры, Броунинг писал ему: «Может быть, что по сравнению с другими группами историки не очень важные люди. Но в идеологической борьбе надо проникать туда, откуда вредные идеи происходят, и в этом отношении историк не без значения сегодня» (д. 32, л. 2). Евгений Алексеевич таким запомнил этот свой приезд в Англию: «Пестрые впечатления: и антисоветская кампания в газетах, и хамоватые американские солдаты в Оксфорде и Кембридже, и теплый, дружеский прием от английских друзей, от студентов и профессоров (правда не всюду)» (оп. 2, д. 23, л. 4). В 1956 г. Броунинг писал советскому историку после его следующего визита в Англию, что «положение здесь много изменилось в течение 2—3 годов... и большинство наших коллег готово обсудить разные мировоззрения, а не ссориться из-за них» (д. 32, л. 14). Большая заслуга в этом принадлежала Е. А. Косминскому.

Е. А. Косминский не раз подчеркивал, что «взаимопроникновение» наук должно осуществляться «не в форме ревизии основ марксистского мировоззрения... не в форме восприятия чуждых исторических теорий. Но мы не должны гордо отбрасывать от себя все, что вышло из-под пера буржуазных ученых, этим мы только обедним себя... Мы можем многому учиться у буржуазных историков-экономистов, и они могут многому научиться у нас — и учатся у нас» (оп. 2, д. 23, л. 35). Р. Хилтон писал о Косминском, что он «со своей стороны всегда был серьезным защитником более дружественных отношений между советскими и английскими историками разных философских взглядов» [10].

Таким образом, можно констатировать, что эпистолярное наследие Е. А. Косминского неразрывно связано с его научным наследием. Письма, написанные историком и адресованные ему, помогают не только понять атмосферу, в которой он работал, не только проследить зарождение и развитие дискуссий, в которых он участвовал, но также помогают воссоздать портрет ученого, научный и человеческий авторитет которого общепризнан.

Ученики Косминского отмечали, что для него «главным делом жизни всегда оставалась наука — история, в занятиях которой он проявлял неизменно большую строгость и взыскательность к себе и к другим» [11]. Требовательность к себе предопределила конструктивное отношение Е. А. Косминского к критике его работ. В этом отношении показательно письмо Р. Хилтону во время подготовки издания книги советского историка в Англии. Косминский писал: «...Я буду приветствовать любую критику, „добрую“ или недобрую, если она поможет мне исправить ошибки и улучшить книгу» (д. 22, л. 4).

По эпистолярным источникам явственно прослеживается еще одна черта Евгения Алексеевича. Это мужество ученого отстаивать интересы общего дела (в данном случае науки), интересы своих коллег. «Сложилось мнение, что свои личные невзгоды Евгений Алексеевич переносил более стоически, с бо́льшим философским спокойствием, чем неудачи своих друзей и коллег по работе» [12]. 1949—1953 годы были трудными для многих историков, в том числе и для академика-медиевиста. Подвергся критике сборник «Средние века», посвященный памяти Д. М. Петру-

[10] Academician E. A. Kosminsky. P. 95.
[11] *Гутнова Е. В., Осипова Т. С.* Академик Е. А. Косминский // Средние века. 1975. Вып. 38. С. 201.
[12] *Удальцова З. В.* Указ. соч. С. 283.

inslav

шевского (М., 1946, вып. 2). Та же участь постигла первый выпуск «Византийского Временника» (М., 1947), раскритикованный за «восхваление старого византиноведения» (д. 396, л. 27 об.). Е. А. Косминский был ответственным редактором этих изданий. В октябре 1948 г. работавшая вместе с ним византинист З. В. Удальцова писала: «Положение продолжает оставаться весьма напряженным. Е[вгений] А[лексеевич] на последнем заседании... византинистов сказал, что... опять будут его ругать за сборник „Средние века" и за „Византийский Временник" (№ 1), особенно за аполитичность и методологические ошибки» (там же, л. 26). Несмотря на это, Косминский делал все возможное, чтобы опубликовать в сборниках интересные, с нетрадиционным подходом работы историков. В письме к академику В. П. Волгину 29 октября 1949 г. он просил «принять какие-нибудь меры в защиту нас от притязаний издательства... которое пожелало снять лучшую статью[13] в очередном выпуске „Византийского Временника" на том основании, что там будто бы говорится о влиянии византийской архитектуры на русскую в XI в.!» (д. 70, л. 2). Косминский находит возможность выразить свою точку зрения по затронутому вопросу, подчеркнув, что «самостоятельность и самобытность культурного развития не исключает влияния окружающей культурной среды... Отрицать творческое значение этих влияний — значит обеднять и унижать русскую культуру, которая... использовала высшие культурные ценности Византии (самой культурной страны тогдашнего мира)» (там же). Против догматизма приходится бороться его же средствами — цитатами и официальными высказываниями; поэтому Косминский просит издательство «вдуматься в политически авторитетное разъяснение по этому вопросу, сделанное в „Постановлении жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР"... где жюри видит „отрыжку взглядов антиисторических, немарксистских" в непонимании того... что „с христианством славяне получили... некоторые элементы более высокой византийской культуры"» (там же). З. В. Удальцова, оценивая деятельность Косминского на посту редактора, особенно отмечала его умение сплачивать коллектив ученых, определять нужное направление в работе и, самое главное, защищать «Византийский временник» от всех напастей во внешнем мире[14].

Е. А. Косминский, по замечанию своего английского коллеги М. Постана, «с молодых лет был диалектическим материалистом и убежденным марксистом... но его идеология была чужда какой-либо нетерпимости... что вызывало удивление и восхищение даже среди историков, не только индифферентных, но даже враждебных марксизму»[15]. Как и все историки в период «культа личности», Косминский использовал «цитаты» в своих книгах и учебниках, одновременно отчетливо осознавая, что подлинное решение научных проблем зависит только от самих ученых.

В фонде В. М. Лавровского сохранились записи о докладе Е. А. Косминского в Институте истории 7 июля 1950 г. «Задачи советской медиевистики в свете статьи тов. И. В. Сталина „Относительно марксизма в языкознании"». Выступление ученого подверглось критике за то, что он «не сказал об отмирании буржуазной историографии», а также за то, что было «недостаточное место в докладе... уделено проблемам теоретического характера, сформулированным и поставленным тов. И. В. Сталиным... (особенно вопрос о надстройке)»[16]. В 1955 г. Косминский получил письмо от английского ученого Жака Коэна, который интересовался идеей «революции рабов», распространенной в советской исторической науке. Его письмо интересно само по себе, но также интересно проследить, какие слова подчеркивает при чтении советский ученый. Это косвенное свидетельство настоящего отношения Е. А. Косминского к официальной

---

[13] *Брунов Н. И.* Киевская София — древнейший памятник русской каменной архитектуры // ВВ. М., 1950. Вып. 3. С. 47–61.
[14] См.: ЛО ААН. Ф. 1036. Оп. 3. Д. 396. Л. 72.
[15] ААН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 224. Л. 32. Пер. В. М. Лавровского.
[16] Там же. Д. 174. Л. 151.

inslav

теории, против которой открыто выступать он не мог. «Мне кажется странным,— писал Ж. Коэн,— *что... одно предложение* (Сталина.— *А. З.*) *должно было стать базой для изучения истории*[17] древнего мира. Я специально подчеркиваю это, потому что *нигде больше у классиков марксизма-ленинизма* эта идея не повторяется: ни в работах Маркса, Энгельса, Ленина, ни у самого Сталина» (д. 60, л. 2). В ответном письме Косминский, упомянув о проходивших в СССР дискуссиях по вопросу «революции рабов», отметил, что понятие это теперь избегают употреблять, так как оно «позволяет делать слишком много неправильных истолкований и сомнительных аналогий» (д. 9, л. 1).

Авторитет советской исторической науки Евгений Алексеевич укреплял не только лекциями в Англии, своими работами, но и смягчая недоразумения, возникавшие в связи с публикацией в СССР некоторых статей по вопросам развития исторической науки. В данном случае имеется в виду критическая редакционная статья «За ленинскую партийность в исторической науке» в журнале «Вопросы истории» (1957. № 3. С. 3—19), перевод которой был опубликован в Англии. Следует упомянуть о том, что в фонде имеются машинописные экземпляры переведенных на русский и английский языки как письма английских историков-марксистов Р. Хилтона и К. Хилла, так и ответа Е. А. Косминского. Вероятно, содержание письма советского ученого контролировалось. Англичане подчеркивают, что их «замечания никоим образом не продиктованы враждебностью к советским историкам» (д. 96, л. 80). Хилтон и Хилл писали, что статья в «Вопросах истории» содержит «несколько общих замечаний о целях и методах исторической науки, которые кажутся нам противоречащими духу марксизма и вредящими добрым отношениям между советскими и английскими историками». «Наиболее антимарксистской позицией» Хилтон и Хилл считали то, что «некоторые исторические суждения, однажды сделанные, являются священными и уже никогда не могут стать предметом критического исследования... Нам кажется, что советские историки... должны бдительно остерегать[ся] такого рода идеалистического догматизма. Ведь в конце концов только недавно «Краткий курс истории ВКП(б)», некогда считавшийся в СССР и за его пределами непогрешимым текстом, был отвергнут в СССР. Нам кажется...— продолжают английские ученые,— что некоторые из советских марксистов, которые так долго признавали антимарксистский культ личности, должны быть осмотрительны, выставляя против других марксистов обвинения в ревизионизме» (там же, л. 81).

В ответном письме Е. А. Косминский постарался смягчить формулировки, использованные и советской и английской сторонами, упомянул о вероятности неполного перевода статьи в английском издании и т. п. Другого ответа, чем тот сухой и бесстрастный документ, который хранится в архиве, ученый объективно дать не мог. В окончательную редакцию его ответа не вошли более эмоциональные отрывки русского текста. Например, этот: «У нас не перевелись ученые,— писал Е. А. Косминский,— которые предпочитают прикрываться цитатами вместо того, чтобы производить самостоятельные исследования. „Культ личности" был преходящей болезнью, но его следы еще не вполне изжиты» (там же). В очередном письме к советскому ученому Р. Хилтон писал: был «особенно рад услышать от Вас... что дискуссия, даже спор, который может возникнуть между нами, как двумя личностями, или между советскими и английскими историками, всегда должен быть в рамках прочной дружбы» (д. 96, л. 51).

Косминский понимал, насколько отрицательно сказывается на работах советских медиевистов отсутствие возможности общения с зарубежными коллегами и знакомства с их трудами. Выступая в 1956 г. перед группой по истории Англии, он говорил: в СССР долгое время «господствовало убеждение, что современная буржуазная историография стре-

[17] Здесь и далее подчеркнуто рукой Е. А. Косминского.

inslav

мительно скатывается в сторону реакции, теряя все признаки науки... Первым событием, вызвавшим пересмотр такого одностороннего отношения, был X Международный конгресс исторических наук... когда наши историки имели возможность встретиться с буржуазными историками Запада и воочию убедиться, что не все они являются черными реакционерами... что с ними вполне возможно не только научное общение, но и научное сотрудничество» (оп. 2, д. 23, л. 28). Английские прогрессивные историки также стремились к контактам. Броунинг писал Косминскому: «Если есть... что-либо, что мы можем сделать для Вас в библиотеках или архивах Англии... дайте мне знать... Это иногда дает нам шанс заинтересовать в проявлении на практике англо-советской дружбы людей, которые иначе остались бы равнодушны» (д. 32, л. 8—8 об.).

Косминский во время месячника англо-советской дружбы в 1952 г. посетил Оксфордский, Кембриджский, Лондонский и Бирмингемский университеты, где читал лекции о работах советских историков по медиевистике; участвовал во встречах и дискусссиях с учеными и студентами различных колледжей, лично беседовал с большим количеством английских историков, возобновляя прерванные контакты и устанавливая новые. Уже в Москве он получил письма от английских коллег, в которых говорилось: «Пожалуйста, помните, как страстно мы здесь желаем сохранять и расширять наши контакты с Вами и другими советскими историками,— и, пожалуйста, в скором времени посетите Англию опять» (д. 96, л. 32 об.). Велик был интерес в Англии к работам советских историков. Косминский вспоминал, что приглашение от Лондонского института исторических исследований провести семинарий с аспирантами по экономической истории Англии обернулось для него необходимостью экспромтом читать им целую лекцию о том, какие работы в этой области ведутся советскими историками (оп. 2, д. 23, л. 13). Приезд Косминского в творческую командировку в Англию в 1956 г. был расценен прогрессивными английскими историками как «огромный вклад в культурные отношения между нашими странами» (д. 49, л. 13). Ученый вспоминал, что для встречи с ним профессор М. Постан «организовал... что-то вроде съезда историков-экономистов, преимущественно молодежи». В Лондонском университете готовил встречу Косминского с английскими византинистами Броунинг, собрав для этого представителей всех течений в данной области исторической науки. В 1959 г., после смерти Косминского, английский востоковед В. Ф. Минорский писал В. М. Лавровскому: «Как жаль, что не удалось провести Е[вгения] А[лексеевича] в Британскую Академию... Жаль, что оттепель запоздала» [18].

Авторитет Косминского в среде зарубежных историков основывался не только на его глубоких научных знаниях, но и на личных качествах ученого. Вызывало уважение его понимание научной этики и чести ученого по отношению к оппонентам и коллегам, которые отмечали, что «в деловых контактах с людьми он проявлял большую объективность, никогда не давал волю личным симпатиям и антипатиям» [19]. Пример щепетильной честности ученого — его письмо к А. М. Панкратовой (редактору журнала «Вопросы истории»). Косминский пишет: «Что касается статьи о Тойнби, то она основана на его работах до октября 1954 г., и с тех пор вышли еще четыре толстенных тома его главного труда [20] (VII—X), не считая ряда статей. Удобно ли печатать статью [21], не учитывающую его последних работ и новейшей эволюции его взглядов?.. Если она (статья.— *А. З.*) Вам подойдет, Вы напечатаете ее со ссылкой, что она написала в 1954 г. и охватывает работы только до этой даты» (д. 15, л. 1). Одновременно ученый подчеркивал, что «Тойнби человек в обхождении милый и простой, интересный собеседник, много видел и

---

[18] Там же. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 222. Л. 8. Подлинник на рус. яз.
[19] *Гутнова Е. В., Осипова Т. С.* Указ. соч. С. 201.
[20] *Toynbee A.* A Study of History. L., 1934–1954. Vol. I–X.
[21] *Косминский Е. А.* Историософия А. Тойнби // ВИ. 1957. № 1. С. 130–140.

inslav

путешествовал и бесконечно много читал. Книги его поражают чудовищной, хотя часто несистематической эрудицией» (д. 17, л. 2).

Е. А. Косминский также критически оценивал свои работы, не боясь сказать английским историкам о монографии «Исследования по аграрной истории Англии» в 1956 г.: «Во многих отношениях считаю ее уже устарелой... теперь я написал бы некоторые главы иначе» (оп. 2, д. 23, л. 16). Так же критически расценивал он свои знания по истории Византии. В то же время работавшая под его руководством З. В. Удальцова констатировала, что, хотя ученый не был византинистом в узком смысле слова, его знания в этой области были огромны и затрагивали не только историю Византии, но и ее культуру, литературу, живопись и зодчество [22].

Для многих ученых как в СССР, так и за рубежом Е. А. Косминский был не только авторитетным коллегой, но и учителем («grand maitre» [23], по словам японского историка К. Такахаси) [24]. Некоторые этапы научно-педагогической деятельности ученого, его черты учителя нашли отражение в документах Архива АН СССР. «Для учителя нет большей радости,— признавал Косминский,— чем видеть, как его ученики делаются самостоятельными работниками (из его учеников делаются его товарищами), чем наблюдать их первые самостоятельные шаги ... Уходя со сцены, утешительно видеть, что на ней выросли дарования, и можно думать, что, может быть, тут есть прямая преемственность» [25].

Вспоминая начало деятельности Косминского, академик Р. Ю. Виппер писал, обращаясь к нему, о «прекрасном времени первых наших встреч в Московском Университете в 1901—1908 гг., когда Вы уже были учеником Дмитрия Моисеевича Петрушевского и когда он поведал мне о надеждах, возлагаемых на Вас, как начинающего ученого, блестяще потом оправдавшихся» (д. 37, л. 1). В письме Косминскому 28 октября 1946 г. В. М. Далин вспоминал о годах учебы в Институте красной профессуры, подчеркивая, что «для нас всех, учеников Ваших икапистских семинаров, Вы представляли воплощение лучших традиций подлинной, настоящей русской исторической науки... У нас было впечатление, что именно... научная щепетильность привела Вас к марксизму. Вы воплощали для нас в известной мере тип настоящего историка, ничего не растерявшего из больших научных навыков прекрасной школы, но сумевшего „от всего сердца“ принять то новое, что никак не удавалось ряду других крупных историков» (д. 47, л. 1). Также с благодарностью писали Е. А. Косминскому молодые английские и японские историки. «Если возможно, я прошу Вас помогать мне и воспитать меня ... Я хочу ... заниматься переводами (книг Косминского.— *А. З.*) и изучать экономическую историю»,— по-русски писал советскому историку служащий коммерческого колледжа г. Кумамото (Япония) Ого Сабуро (д. 77, л. 2). Ответных писем Косминского в архиве не сохранилось, но об их содержании можно судить по реакции молодого японца: «Я получил Ваше письмо и был очень рад. Я выражаю Вам глубочайшую благодарность за то, что Вы прислали мне — молодому — теплое письмо» (там же, л. 3).

Во время пребывания в Англии ученый находил время побеседовать не только с профессиональными историками, но и с любителями. Особо вспоминал он беседу в 1956 г. с Бетти Грант, «которая пришла посоветоваться ... о начатой ею работе по истории одной местности в Йоркшире. Целый вечер просидели мы в холле ... гостиницы. Те вопросы, которые ставили перед ней источники по истории ее маленького района, развертывались в проблемы кардинальной важности для понимания аграрного развития средневековой Англии ... Оба мы вышли обогащенными после этой беседы» (оп. 2, д. 23, л. 19). В Москве Косминский получил изве-

---

[22] См.: *Удальцова З. В.* Указ. соч. С. 279.
[23] «Великий учитель» (фр.).
[24] ААН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 174. Л. 224.
[25] Из письма к Е. В. Гутновой от 7 января 1943 г. См.: *Гутнова Е. В.* Е. А. Косминский // ВИ. 1977. № 9. С. 60.

inslav

стие от своей собеседницы, в котором говорилось: «...Пишу, чтобы поблагодарить Вас за то, что уделили мне Ваше время и так внимательно выслушивали какие-то несвязные речи энтузиаста. Возможно, Вы уже знали, что для каждого местного историка-любителя существует только один маленький уголок в мире, который стоит того, чтобы говорить о нем... Разговор с Вами очень ободрил меня. Вопросы, которые Вы задавали, помогли более четко представить мои собственные идеи» (д. 44, л. 1 об.).

Став в 1952 г. главным редактором журнала «News», издававшегося в Москве на английском языке, Косминский обратился в письмах к своим друзьям в Англии с просьбой познакомиться с журналом и высказать свои мысли о нем, помочь улучшению советско-английских отношений. В письме к Хилтону Косминский подчеркивал: «Я буду делать все, что в моих силах, чтобы способствовать дружеским отношениям между советскими и английскими историками — это важнейшая историческая цель настоящего момента. Вот почему я принял пост редактора» (д. 22, л. 22 об.).

Из человеческих качеств Косминского английские коллеги особо отмечали его тактичность и интеллигентность. В коротких «Впечатлениях о поездке в Англию» в 1952 г. ученый писал о том, что в стране «последствия войны все еще не изжиты. Англичане хорошо знают свои трудности, и я не думаю, что им доставило бы удовольствие лишнее напоминание о них ... Англичане горды и сдержанны, и не любят жаловаться. И я уважал их гордость» (оп. 2, д. 15, л. 2). О статьях в «News», в которых Косминский высказал свои впечатления об этой поездке, английский профессор В. Ф. Минорский отозвался как о «написанных с большим тактом» (д. 70, л. 4).

Эпистолярные источники свидетельствуют, что Косминский отличался личной скромностью. В то же время ему было в высшей степени присуще чувство собственного достоинства, о чем говорит следующее замечание в письме к В. М. Лавровскому: «Вы знаете, что М. Тревор-Ропер разразился оскорбительной бранью против меня, как историка-марксиста...[26] Я считаю для себя лично недопустимым принимать какое-либо участие в его приеме не от личной обиды, а от того, что, по моему мнению, у советского историка должно быть чувство личного достоинства»[27]. Если судить по письмам Косминского своим коллегам, то становится очевидным, как высоко ценил он в людях «долг и честь, правду и стойкость», «способность делать добро», «умение оказывать нравственную поддержку в трудные минуты». В. Ф. Минорский писал о самом Косминском как о «прекрасном ученом и приятнейшем человеке»[28].

Личность ученого в исторической науке имеет особое значение, ведь эта наука требует одновременно большой эрудиции и высоких нравственных качеств. К таким ученым относился Е. А. Косминский, патриот советской медиевистики, ее «нравственный камертон», человек разносторонних дарований и исключительной эрудиции.

[26] *Trevor Roper H. R.* Marx and Manor // New Statesman and Nation. 1956. Vol. 51. P. 635–636.
[27] ААН. Ф. 1676. Оп. 1. Д. 220. Л. 5 об.– 5а.
[28] Там же. Д. 222. Л. 8. Подлинник на рус. яз.

А. В. Дулов

ОБЗОР ЛИЧНОГО ФОНДА В. И. ДУЛОВА

Всеволод Иванович Дулов (2 мая 1913 — 2 апреля 1964) — один из виднейших сибирских историков 50-х — начала 60-х годов. Он родился в г. Бодайбо, детские годы провел в с. Знаменка ныне Жигаловского района Иркутской области. В 1929 г. после окончания девяти классов его направили в сельскую школу учителем. В 1931—1934 гг. Дулов учился

inslav

в Иркутском пединституте и остался там преподавателем, в 1942 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1951 г.— докторскую, с 1951 г. возглавлял кафедру истории СССР Иркутского пединститута. В течение нескольких лет Дулов был единственным доктором исторических наук во всей Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, многие исследователи обращались к нему за консультациями.

Основные направления научной деятельности Дулова — изучение истории революционного движения в Восточной Сибири, истории Тувы XIX — начала XX в., истории социально-экономического развития Сибири; в последние годы жизни он активно занимался также историей присоединения Сибири к России, изучал материалы политической ссылки второй половины XIX в.[1] Во второй половине 50-х годов возникла идея написания пятитомной «Истории Сибири». Дулов был одним из инициаторов ее создания, руководил подготовкой 3-го т., посвященного периоду капитализма. Всего ему принадлежат 65 исторических трудов, выходивших на протяжении 30 лет [2].

Основная часть личного архива Дулова — копии архивных материалов, выписки из литературы и опубликованных источников по истории Сибири XVII — начала XX в., собранные в 40 папках и свыше 40 общих тетрадях, блокнотах, записных книжках; встречаются и подлинные исторические документы.

В числе важнейших подлинников — «Дело о самородной селитре, найденной иркутским промышленником Г. М. Пермикиным на р. Селенге». Дело завели в 1858 г. в Главном управлении Восточной Сибири. Оно интересно тем, что рассмотрение находки Пермикина поручили петрашевцу Ф. Н. Львову, химику по специальности, после отбывания каторги работавшему несколько лет в Иркутске в должности канцеляриста; записка Львова находится в деле. Не опубликованы также два отчета П. Струве о поездках из Иркутска на озеро Косогол (ныне Хубсугул, МНР) в 1909—1910 и 1916 гг. В них содержится описание путей к озеру, населенных пунктов вокруг него, рассказывается о конкретных людях — русских, бурятах, монголах, тувинцах, встреченных автором по пути. Один из отчетов снабжен фотографиями. Большую ценность представляет подлинный «Отчет районного агронома Урянхайского края инженера Турчанинова за 1916 г.» с несколькими десятками фотографий, подробной почвенной картой Тувы и схемами разрезов почв; по существу, это физико-географическое описание Тувы. Еще один обзор — о русских поселениях в Туве — составлен в 1915 г. Шкуновым, заведовавшим русскими поселениями в Урянхайском крае (Туве), проиллюстрирован фотографиями большого формата.

Машинописные копии архивных дел относятся главным образом к истории Восточной Сибири второй половины XIX — начала XX в.: копии отчетов иркутского, якутского и амурского губернаторов за 1861 г., отчет о состоянии Сибирской флотилии за 1862 г., отчет иркутского генерал-губернатора за 1908—1909 гг., отчет о положении в Енисейской губернии в 1919 г.

Дуловым составлена обширная картотека, состоящая из трех частей. На 3500 карточках помещены сведения о представителях ряда поколений революционеров, начиная от декабристов и кончая социал-демократами,

---

[1] Важнейшие труды В. И. Дулова: Социально-экономическая история Тувы XIX — начала XX в. М., 1956; Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск, 1956; Революционное движение в Восточной Сибири в 1905—1907 гг. 2-е изд. Иркутск, 1955 (совм. с Ф. А. Кудрявцевым).

[2] Литература о В. И. Дулове: *Кудрявцев Ф. А., Тюкавкин В. Г.* Научная деятельность В. И. Дулова // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861—1917 гг. Новосибирск, 1967; *Сейфулин Х. М., Сердобов Н. А.* Научный вклад В. И. Дулова в тувинскую историографию // Там же; *Косых А.* Несите историю в массы... // Путь к знанию: Орган обществ. орг. Иркутск. пед. ин-та. 1983. 28 апр.; Некрологи: ВИ. 1964. № 7; Известия СО АН СССР. № 5. Сер. обществ. наук. 1964. Вып. 2; Учен. зап. Тувин. НИИ яз., лит. и истории. Кызыл, 1964. Вып. XI; Восточно-Сибирская правда. (Иркутск). 1964. 3 апр.

inslav

эсерами, анархистами. Более 1600 карточек составлены на исторических деятелей Сибири дореволюционного периода (исследователей, купцов, администраторов и т. д.). Наконец, до 1000 карточек занимает описание населенных пунктов Сибири, преимущественно Иркутской области.

Значительной частью фонда является переписка. Сохранилось около 950 писем, открыток, телеграмм Дулову от более 250 адресатов за 1940 — начало 1964 г., более трех четвертей переписки приходится на 1958—1964 гг., когда Дулов стремился сохранить почти всю поступавшую к нему корреспонденцию. Основная масса писем принадлежит историкам. Большинство из них связано с подготовкой 3-го т. «Истории Сибири», выпусками сборников статей, создававшихся в ходе работы над многотомником. Во многих письмах — просьбы дать рекомендации и советы по выбору тем, написанию, защите докторских и кандидатских диссертаций. Часть писем касается консультаций по конкретным и историческим проблемам, написания статей для печати, издания научных работ Дулова и т. д. Свыше 85% корреспонденции прислано из сибирских городов. В фонде — 15 писем и телеграмм от академика А. П. Окладникова, директора Института гуманитарных исследований (г. Новосибирск), 5 корреспонденций от члена-корреспондента АН СССР В. И. Шункова, телеграмма от Н. В. Устюгова. Имеются также письма, телеграммы и открытки от видных историков Л. М. Иванова, В. К. Яцунского, М. К. Рожковой и др.

Ниже публикуется письмо Окладникова (автограф) о его научно-организационной деятельности:

«Дорогой мой Всеволод Иванович, к большому моему сожалению я не мог тебя проводить: пришлось быть на партсобрании, держать речь и т. д.,— а университет находится неблизко. Потом меня увел для встречи с Шунковым В. И.— Гоголев [3]. Прошу не обижаться и знать, что я хочу у тебя побывать при первой же возможности.

Могу сообщить тебе, что сейчас дело с организацией Ин[ститу]та общ[естественных] наук двигается вперед: 29-го, завтра, на бюро Президиума СО АН будет обмен мнениями по этому вопросу. Если будет что-либо существенное, сообщу тебе сразу.

С Виктором Ивановичем [4] был у меня серьезный искренний разговор о настоящем и будущем, и он сделал все, что мог,— нужно сказать, много полезного.

Был у нас разговор о тебе — он считает, что тебе здесь было бы хорошо и лучше, чем в Иркутске. Но еще вернемся к этой теме, если станет яснее будущее.

Очень прошу поговорить с С. В. Шостаковичем и В. Д. Кудрявцевым [5] — пусть не обижаются на то, что они, видимо, не получили во время приглашения на Совет. Это — по вине канцелярии Президиума.

И еще: не забудь сказать Гере Медведеву и Мише Аксенову [6], что я их письма получил и очень им благодарен.

Прошу их вдвоем „утрясти" быстрее план и тему диссертации М. Аксенова. Ему ведь надо писать текст и на определенном материале. А материал у них в основном:

1) Устье Белой

2) Верхоленская гора. Остальное — мелочь.

Пусть быстрее решают. И, главное, поскорее сообщают мне.

Передай им мой сердечный привет!

Вот, пожалуй, все.

Последнее, что я хочу сказать — поблагодарить тебя и земляков-иркутян за огромное дело, которое вы сделали и делаете для „Истории Сибири". Во всяком случае, у всех одинаково создалось впечатление, что это самая сильная группа историков Сибири, и в этом, прежде всего, [заслуга] твоя и Федора Александровича [7].

Крепко обнимаю.

Твой А. Окладников.

Передай, при встрече, привет Леониду Ивановичу [8].

28-XI. 63».

---

[3] З. В. Гоголев — заместитель редактора главной редакции «Истории Сибири».

[4] В. И. Шунков.

[5] С. В. Шостакович — зав. кафедрой всеобщей истории Иркутского ун-та; В. Д. Кудрявцев — профессор педагогики Иркутского пединститута.

[6] Г. И. Медведев и М. П. Аксенов — молодые иркутские археологи; ныне Г. И. Медведев — заведует кафедрой всеобщей истории Иркутского ун-та, М. П. Аксенов — доцент той же кафедры.

[7] Ф. А. Кудрявцев — зав. кафедрой истории СССР Иркутского ун-та.

[8] Фамилию установить не удалось. Письмо Окладникова отправлено из Новосибирска.

inslav

В архиве представлены около 20 писем Дулова разным лицам, частью не отправленные по разным причинам адресатам, и машинописные отпуски. Публикуемое ниже письмо Ю. Л. Аранчыну[9] содержит рекомендации по доработке его кандидатской диссертации, не потерявшие актуальность и сейчас; оно читается так, будто написано в наши дни:

«Иркутск, 14 сентября 1956 г.

Уважаемый Юрий Лудужапович!

С большим интересом прочел Вашу работу. Думаю, что основа для кандидатской диссертации есть, но в таком виде представлять ее для защиты не следует. Основными недостатками рукописи я считаю:

1. Работа носит односторонний характер: она освещает только положительные моменты в жизни народа в годы войны. На самом же деле перед тувинским народом и его партией стояли в то время серьезные трудности, преодоление которых требовало жертв, особого напряжения, лишений и т. д. В работе, к сожалению, это не показано. И это снижает ее значение как исследования. Следует дать более глубокий анализ деятельности партии и правительства ТНР периода войны, местных органов власти, партийных, молодежных организаций, самостоятельно показать и отрицательные моменты в их деятельности, т. е. следует указать и на недостатки, которые имелись в работе местных организаций, что совсем не умалит великих заслуг партии и тувинского народа в годы войны – наоборот, даст возможность более убедительно доказать патриотический подвиг тувинского народа и руководящую роль партии. Не следует приукрашивать нашу действительность, она в этом не нуждается. Обязанность историка прямо смотреть фактам в глаза. В своем письме Вы правильно говорите о том, что Вами не были учтены решения XX съезда партии, а они должны быть положены в основу всей Вашей исследовательской работы.

2. Вы слабо показали авангардную роль членов партии в тылу и на фронте. На это нужно обратить особое внимание.

3. Следует больше собрать данных об участии тувинских добровольцев в боевых операциях, указать на значение этого факта для умножения боевых традиций тувинского народа.

4. Социально-экономический анализ слабо аргументирован фактами.

5. Совсем не нужно подробно говорить о истории Тувы до 1945 года, а также о современных достижениях тувинского народа. Это не имеет прямого отношения к теме.

Отдельные замечания по рукописи в тексте, на полях. Мне думается, что вопрос о вступлении Тувы в состав СССР не должен выпадать из работы. Больше того, этот вопрос должен занять одно из центральных мест. Надо обосновать историческую закономерность этого факта для этого времени.

Структуру работы я представляю себе в таком виде: [...][10].

Трудовые подвиги тувинского народа должны быть показаны на фоне и в связи с трудовыми подвигами других народов СССР (Хакассии, Бурят-Монголии, особенно Монгольской Народной Республики и других).

В своем письме Вы правильно пишете о том, что в работе надо осветить историю Тувы периода войны, включив в тему о дружбе между советским и тувинским народом.

Через несколько дней я выезжаю в Москву до 1 декабря. Думаю, что к декабрю Вы многое сделаете. Хорошо было бы Вам приехать в Иркутск к концу года.

Пишите мне (адрес свой в Москве я сообщу позже) о своем мнении по поводу этого письма, разумеется, принимая мои замечания за советы, которые Вы можете принять или не принять.

(В. Дулов)»

Большой интерес представляет собой текст докторской диссертации Дулова «Очерк социально-экономической истории Тувы XIX – начала XX века (до 1917 г.)». Книга Дулова о Туве является ее сокращенным вариантом, примерно в полтора раза меньше текста диссертации. Возможно, следует поставить вопрос об издании полного текста исследования.

Других неопубликованных работ в архиве почти нет. Из них можно отметить полемическую статью «Было ли крепостное право в Сибири», направленную против неточностей в работе А. З. Барабоя[11]. Хранится машинописный экземпляр отзыва Н. М. Дружинина о нецелесообразности помещать в журнале статью Дулова.

Интересен протокол заседания сектора истории СССР XIX – начала

[9] Ю. Л. Аранчын – аспирант Дулова, занимавшийся историей Тувы 1941–1945 гг.; ныне – директор Тувинского НИИ языка, литературы, истории.

[10] План работы опускается.

[11] *Барабой А.* Борьба крепостных крестьян в Западной Сибири за волю // ВИ. 1949. № 1.

inslav

XX в. Института истории АН СССР от 26 мая 1950 г., на котором обсуждался доклад Дулова (докторанта сектора) «Классовая борьба в Туве XIX столетия и ее особенности». В протоколе зафиксированы ответы докладчика на вопросы и выступления ряда известных историков, в том числе С. А. Токарева, А. С. Нифонтова, Л. М. Иванова, и заключительное слово Н. М. Дружинина, давшего, как и другие выступавшие в прениях, в целом положительную оценку докладу.

Кроме того, имеются стенографические записи нескольких лекций Дулова, прочитанных в Иркутском пединституте в 40-е годы. Сохранился «Рабочий дневник» — четыре толстые тетради (по 150—200 л.), где историк педантично записывал, какую именно работу он выполнял ежедневно в 1951—1955 гг. Общая тетрадь большого формата посвящена руководству кафедрой: здесь приводятся планы работы кафедры, расчеты нагрузки преподавателей и т. п. Весьма показательны для стиля работы Дулова его записи о посещениях занятий преподавателей кафедры с довольно подробной оценкой каждого занятия или лекции.

Все приведенные сведения позволяют оценить основные стороны разнообразной деятельности историка — педагогической, научной, общественной. Материалы фонда хранятся в личном архиве автора обзора, сына В. И. Дулова.

Г. И. Довгалло

ДОКУМЕНТЫ ЛИЧНОГО АРХИВА Е. Н. ОШАНИНОЙ

Более 30 лет проработала Елена Николаевна Ошанина (1911—1982) в ОР ГБЛ. Она принадлежала к числу квалифицированных специалистов по истории СССР периода феодализма. В ее работах сочетались профессиональные знания историка с многолетней практикой архивиста и археографа, занимавшегося экспертизой и описанием историко-юридических документов XVI—XVIII вв.

Ошанина родилась в Петербурге. С 1914 г. вместе с родителями переехала в Москву. Здесь она училась, окончила Московский институт истории, философии и литературы. После возвращения из эвакуации поступила на работу в ОР ГБЛ, где оставалась до ухода на пенсию в 1978 г. Занималась описанием отечественных источников XVI—XVIII вв., преимущественно актового характера. Через ее руки прошли практически все новые поступления такого рода документов за 50—70-е годы, а также около 40 архивных помещичьих фондов (среди них большие по объему архивы Пазухиных, Павловых, коллекция актов Я. П. Гарелина). Всего в течение пяти лет (1956—1961) заведовала Ошанина читальным залом отдела рукописей, но ее исключительное внимание и благожелательность к исследователям способствовали улучшению обслуживания читателей и поднятию авторитета ОР ГБЛ среди ученых.

Ошаниной принадлежит целый ряд статей с обзорами фондов и публикации материалов по отечественной истории [1]. Изучение работ русских путешественников петровского времени привело ее в Географическое общество, членом которого она была с 1974 г. Наиболее ценной частью архива Ошаниной являются сохранившиеся рукописи ее археографических трудов.

Самая ранняя работа — кандидатская диссертация «Очерки по истории поместного землевладения и хозяйства в Симбирском крае во второй половине XVII — начале XVIII в. (По материалам архива Пазухиных)», защищенная в 1954 г.[2] К 1960—1961 гг. относится работа «Доку-

---

[1] ЗОР ГБЛ. М., 1950—1981. Вып. 11, 13, 26, 28—40, 42 (раздел новых поступлений).

[2] По теме диссертации Ошаниной опубликованы статьи: Хозяйство помещиков Пазухиных в XVII—XVIII вв. // ВИ. 1956. № 7. С. 84—92; К истории заселения Среднего Поволжья в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961. С. 50—74. От-

inslav

менты о крестьянской войне под предводительством Степана Разина в Поволжье», состоящая из вступительной статьи, более подробной, чем опубликованная [3], и текста документов (автограф и машинопись с редакторской правкой В. Б. Кобрина). В 1962—1963 гг. по материалам архива Пазухиных Ошанина написала статью «О положении крестьян в Поволжье», оставшуюся неопубликованной, машинопись ее хранится в архиве.

В 60—70-е годы круг научных интересов Ошаниной все больше связывается с личностью и эпохой Петра I. В архиве находится рукопись статьи о письме Петра I к английскому адмиралу Дж. Норрису, с небольшими разночтениями по сравнению с опубликованной [4] (1972—1973). Представляет интерес подробный план сообщения, сделанного в отделе рукописей, об атрибуции писем Петра I к Г. Г. Скорнякову-Писареву за 1707—1722 гг., сохранившихся только в копиях (1972). Имеется обширная библиография о Петре I и его сподвижниках. Ошаниной собраны заметки об А. Д. Меншикове для музея в Березове (1970—1980). Несколькими рукописями 1973—1981 гг. представлена работа о дневнике И. Л. Нарышкина, двоюродного брата Петра I, отправленного им на учебу в Европу: статьей «Неизвестный путевой дневник русского путешественника XVIII в.» с небольшими разночтениями по сравнению с опубликованной [5], подробным планом и текстом телепередачи о «Дневнике» (1981), текстом выступления в Московском филиале Географического общества СССР (1973), двумя вариантами вступительной статьи к публикации, вступительной статьей и текстами отрывков из дневника, подготовленными для журнала «Советские архивы» [6] (1974), выписками из документов ЦГВИА и ЦГАДА, касающихся отношений Петра I с Нарышкиными, для установления авторства дневника.

Немаловажны материалы, отразившие изучение Ошаниной документов Верхотурской приказной избы, хранящихся в собрании Н. П. Румянцева в отделе рукописей, описанных суммарно А. Х. Востоковым [7], но не привлекавших к себе до последнего времени внимания исследователей. Ошанина опубликовала обзор грамот [8] и подготовила их издание, увидевшее свет уже после ее смерти [9]. В архиве сохранился обзор в более пространном варианте с замечаниями членов редколлегии Ю. И. Герасимовой, С. В. Житомирской, В. Г. Зиминой, Я. Н. Щапова, текст сообщения о грамотах в Институте истории СССР АН СССР в июне 1978 г., текст грамот, вступительная статья к публикации, библиография к изучению Верхотурских грамот и выписки из литературы. К тексту публикации приложены замечания А. А. Преображенского.

В 1978—1980 гг. Ошанина готовила к изданию в томе Литературного наследства, посвященного русско-итальянским связям, рукопись анонимного автора под названием «Езда в Венецию» (середина XVIII в.). В архиве хранятся текст записных книжек, содержащих «Езду в Вене-

---

носительно первой печатной работы Ошаниной о В. Г. Белинском в архиве не сохранилось подготовительных материалов. См.: В. Г. Белинский и его корреспонденты/Под ред. Н. Л. Бродского. М., 1948. 313 с. Подгот. публ. и коммент. Ошаниной совм. с др.

[3] *Ошанина Е. Н.* Документы о крестьянской войне под предводительством Степана Разина в Поволжье // ЗОР ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 357—369.

[4] *Ошанина Е. Н.* Письмо Петра I к английскому адмиралу Дж. Норрису // ВИ. 1973. № 5. С. 133—134.

[5] *Ошанина Е. Н.* Неизвестный дневник русского путешественника по Западной Европе первой четверти XVIII в. // История географии и историческая география. М., 1975. С. 5—7.

[6] *Ошанина Е. Н.* Дневник русского путешественника первой четверти XVIII века // СА. 1975. № 1. С. 105—109.

[7] *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 69.

[8] *Ошанина Е. Н.* Архив Верхотурской приказной избы конца XVI – начала XVIII в. в собрании Н. П. Румянцева // ЗОР ГБЛ. М., 1980. Вып. 41. С. 30—55.

[9] Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII в./Под ред. А. А. Преображенского. М., 1982. Т. 1—2 (подгот. публ. и археограф. предисл. Ошаниной).

inslav

цию», предисловие, сведения об авторе, комментарии, часть из которых написана М. А. Коганом (1979—1981), библиография и выписки из книг и архивных документов об участниках путешествия и авторе сочинения.

Есть в архиве материалы последней, не оконченной Ошаниной работы о частной переписке XVIII в. из архива Пазухиных (1981).

Заметная часть архива — дневники и записные книжки. Ошанина вела дневник с детских лет и почти всю жизнь, с небольшими перерывами. Имеются шесть общих тетрадей и две записные книжки 1923—1967 гг.; в них отразилась жизнь страны, учеба Елены Николаевны, занятия диссертацией, работа в отделе рукописей; но основное место в дневнике занимает личная жизнь автора. Среди дневников следует отметить «Журнал работы» 1966—1973 гг., где последовательно перечислены все фонды, обработанные Ошаниной. 11 записных книжек содержат краткие сведения о путешествиях по родной стране и за рубежом в 1961—1980 гг. (Австрия, Алжир, Англия, Болгария, ГДР, Италия, Марокко, Румыния, Тунис, Югославия). В четырех блокнотах помещены записи, часто довольно подробные, о научных заседаниях в секторе феодализма Института истории СССР, в Географическом обществе, в ОР ГБЛ. Среди прочих сохранились конспекты обсуждения докладов Н. А. Баклановой, А. Н. Горяинова, А. А. Зимина, А. И. Клибанова, В. И. Корецкого, В. А. Мошина, Г. А. Некрасова, Н. И. Павленко, А. А. Преображенского, Л. Н. Пушкарева, С. М. Троицкого, Л. В. Черепнина, В. Л. Янина и др.

Большое место в архиве занимает переписка. Корреспонденция Ошаниной представлена беловыми письмами к матери и сестре за 1933—1935 гг. и черновиками ее писем 70-х годов к писателям В. В. Быкову, В. А. Каверину, А. А. Крону, на радио и в редакции газет. Имеются многие сотни писем Ошаниной от 118 корреспондентов более чем за 50 лет (1920—1982).

В юности небезынтересной страницей биографии Ошаниной была поездка в Китай (1933—1935) с мужем, И. М. Ошаниным, работавшим переводчиком в нашем посольстве, впоследствии известным китаистом, членом-корреспондентом АН СССР, директором Института народов Востока. Очень информативны письма друзей Ошаниной, с которыми она находилась в Китае и затем долгие годы поддерживала знакомство: технических сотрудников посольства М. Я. и Л. П. Борейко (1959—1974); китаиста, в дальнейшем преподавателя Ташкентского политехнического института М. А. Тарганского (1933—1982); китаиста-лингвиста, ученика и коллеги И. М. Ошанина — А. Г. Шпринцына (1951—1973). Заслуживают внимания письма Тарганского 30-х годов с рассказами о жизни советской колонии в Нанкине и Шанхае, о нравах и обычаях китайцев, письма 70-х годов с воспоминаниями о людях, работавших в Китае, которых Тарганский узнал в книге М. Казанина[10]. В письмах Шпринцына также сохранились воспоминания о встречах с китайскими учеными до 1941 г. и после 1945 г., о работе над словарем китайского языка и т. д.

Вторая группа корреспондентов Ошаниной — читатели ОР ГБЛ. Здесь представлены письма историка И. У. Будовница (1959—1960); искусствоведа, археолога и историка архитектуры Н. Н. Воронина (1973); византиниста, сотрудницы ОР ГПБ Е. Э. Гранстрем (1953—1966); музыковеда Э. А. Гиллера (1960—1961); литературоведа Г. В. Ермаковой (1959—1963), сотрудницы ААН Е. С. Кулябко (1978); языковеда Г. И. Коляды (1960); китаиста-писателя М. И. Казанина (1963—1968); литературоведа А. И. Наумовой (1957); историка Петровской эпохи Е. П. Подъяпольской (1972—1982); архивиста И. Ф. Петровской (1952—1977); географа, одного из руководителей Московского филиала Географического общества — А. В. Соколова (1973—1976). Темы пи-

---

[10] *Казанин М. И.* Записки секретаря миссии. М., 1962.

inslav

сем — справки о рукописях, хранящихся в ГБЛ, обмен мнениями о научных работах.

Следует выделить письма сослуживцев Ошаниной. В них передается атмосфера работы ОР ГБЛ, затрагиваются вопросы обработки рукописных материалов, подготовки обзоров и т. п.

Литераторы, которым писала Ошанина, отвечали на ее письма с отзывами об их произведениях. Крон благодарил за поддержку идей и образов романа «Бессонница», Каверин рассказывал о работе над романом «Перед зеркалом», Быков посвятил Ошанину в свои издательские планы и приоткрыл свою творческую лабораторию. «Спасибо Вам огромное за столь сердечное и умное письмо, получить которое автору всегда радостно. Тем более, что подобными письмами мы никак не избалованы,— читаем в письме Быкова от 5 ноября 1972 г.— Что сказать Вам о себе? Пишу так, как помню эту войну, как понимаю свой долг — одного из выживших, помнящих, немного умеющих рассказать. Другие, наверно, это сделали бы иначе. Но и хорошо. Из опыта и свидетельства многих и разных и сложится большая правда войны». О новом сборнике повестей автор пояснил, что «тираж 100 000 у нас *самый* большой тираж для писателей моего круга ... мне ... этой книги[11] пришлось ждать с 1966 г.».

Остальная часть корреспондентов Ошаниной — ее друзья. Особенно интересны письма Ю. И. Левина (1965—1982) и М. А. Когана (1956—1982). В письмах Левина содержатся воспоминания о встречах с Ю. Пестелем, правнуком декабриста П. Пестеля, с М. Булгаковым и В. Вересаевым в доме Н. Ангарского (Клестова), с дочерью которого Марией они вместе учились. Коган делился с Ошаниной воспоминаниями о своем научном руководителе Е. В. Тарле, о Великой Отечественной войне, о заседаниях Географического общества в Ленинграде в 30-е годы; в его письмах даются отзывы о коллегах-историках А. А. Зимине, А. Д. Люблинской, И. Ф. Петровской, Р. Г. Скрынникове.

Небольшую часть архива составляют биографические документы. Имеется значительное количество фотографий.

Личный фонд Ошаниной, поступивший на государственное хранение в ЦГАОР г. Москвы, безусловно, представляет интерес для исследователей, изучающих историю исторической науки в СССР, развитие археографии, различные вопросы истории культуры и общественной жизни.

---

[11] *Быков В. В.* Третья ракета. Альпийская баллада. Сотников. М., 1972.

С. А. Коива

ОБЗОР ФОНДА Н. В. ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО

Ныне восстанавливается объективное освещение многих страниц нашей истории, в том числе трагических страниц истории советской биологической науки, истинной роли отдельных ее деятелей. Широкий интерес к личности Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского (1900—1981) — одного из основоположников радиационной генетики, биогеоценологии и молекулярной биологии — возник после опубликования документальной повести Д. Гранина «Зубр»[1]. Писатель в художественной форме представил читателям талантливейшего ученого, до конца жизни оставшегося известным лишь узкому кругу людей, занимавшихся проблемами биологической науки. Из повести явствует, что Гранин использовал записи своих встреч с Николаем Владимировичем, воспоминания ученых и других людей, которые работали с ним или знали его

---

[1] *Гранин Д.* Зубр.: Повесть // Новый мир. 1987. № 1, 2.

inslav

лично, отдельные документы. В повести есть оговорка, что архив Н. В. Тимофеева-Ресовского не сохранился. Это не совсем верно. Утеряна большая часть архива. Из оставшихся документальных материалов создан отдельный фонд в ААН СССР.

В 1988 г. появилось еще несколько публикаций. По поводу повести Д. Гранина — критические статьи Е. Сидорова и отчасти А. Кузьмина [2]. В беседе за «круглым столом» ученых Л. А. Блюменфельда, А. В. Яблокова, Ю. М. Свирежева и О. Г. Газенко кратко освещен основной круг проблем, которыми занимался Николай Владимирович на протяжении своей жизни. Подробно описаны важные для всего человечества открытия, которые были сделаны ученым. Участники беседы показали огромное значение этих открытий не только для советской, но и для мировой науки. В своем выступлении биофизик Л. А. Блюменфельд сказал: «В работах Николая Владимировича, ученика Кольцова, выполненных в 1935—36 годах вместе с физиком Карлом Гюнтером Циммером, его сотрудником и другом, и с его учеником Максом Дельбрюком, было фактически сделано для биологии то, что когда-то Э. Резерфорд сделал для физики» [3].

Г. Попов в статье «Система и Зубры» пытается представить примерную схему отношений ученого и власти, обозначить наиболее острые моменты в жизни и научной деятельности героя Д. Гранина, гражданские и нравственные позиции одного из крупнейших биологов века [4]. Нашли отражение в прессе и попытки разъяснения тех периодов деятельности Н. В. Тимофеева-Ресовского, которые в повести мало освещены. С. Иванов в статье «Страницы Уранового проекта» пишет о работе ученого во время войны в Бухе [5]. Свидетельства об отдельных эпизодах из жизни Тимофеева-Ресовского встречаются в воспоминаниях Н. А. Лянуновой «Миассовские семинары Н. В. Тимофеева-Ресовского», О. Гусева «В защиту Зубра и „Зубров“», А. Аджубея «Те десять лет» [6]. Из более ранних публикаций имеются лишь очерк Н. Н. Воронцова и А. В. Яблокова «К 70-летию Н. В. Тимофеева-Ресовского» [7], а также статья академика Б. Л. Астаурова «„За выдающийся научный вклад в генетику“. Кимберовская премия — советскому ученому» [8]. На сегодняшний день наиболее полной биографией ученого является повесть Д. Гранина, но и она требует дополнения и во многих случаях уточнения приведенных в ней фактов.

Основной базой для написания подробной биографии могут послужить архивные документы — неоспоримые свидетельства уже известных и еще неизвестных событий в жизни и деятельности Н. В. Тимофеева-Ресовского. В его фонде в ААН СССР личных и биографических документов очень мало; поэтому трудно подтвердить биографическую канву, изложенную Граниным. Например, отсутствуют документы о службе Н. В. Тимофеева-Ресовского в Красной Армии и по другим периодам. Отметим основные вехи биографии ученого, привлекая опубликованный материал и отдельные архивные документы.

---

[2] *Сидоров Е.* Повесть о редкостном человеке // Знамя. 1987. № 6; *Кузьмин А.* К какому храму ищем мы дорогу? // Наш современник. 1988. № 3. С. 159—164. См. также: «Зубр» — эхо дальнее и близкое // Лит. газета. 1988, 6 июля. Зарубежные отклики: *Müller-Hill B.* Heroes and villains // Nature. London, 1988. Vol. 336; Hill R. Über Widersprüche gestolpert // Die Wahrheit. Berlin, 1988. XII. 29.

[3] Научное наследие Зубра // Наука и жизнь. 1988. № 2. С. 70.

[4] Наука и жизнь. 1988. № 3.

[5] Литературная Россия. 1988, 27 мая.

[6] Чтения памяти Н. В. Тимофеева-Ресовского. Ереван. 1983; Охота и охотничье хозяйство. 1988. № 7; Знамя. 1988. № 6. С. 90.

[7] Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1970. Т. 75. Вып. 5.

[8] Природа. 1967. № 6; См. также: Генетика. 1966. № 8; БСЭ. М., 1976. Т. 25. Одна из последних статей об ученом принадлежит члену-корреспонденту АМН СССР В. И. Иванову: Очерк о научных работах Н. В. Тимофеева-Ресовского // Онтогенез, эволюция, биосфера. М., 1990. Автор и редколлегия приносят ему благодарность за предоставленную консультацию.

inslav

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский родился 7(19) сентября 1900 г. в Москве в семье потомственных русских дворян[9]. Он высоко чтил и хорошо знал историю своего рода. В фонде есть генеалогическое древо, составленное самим ученым не позднее 1945 г. (д. 91). После окончания гимназии Колюша, как его тогда звали, поступил на естественное отделение физико-математического факультета 1-го МГУ. Шла гражданская война, и он вступил в ряды Красной Армии. Был зачислен в особую лыжную роту 17-го отдельного батальона 12-й армии, затем — рядовой красноармеец 113-го пехотного полка и, наконец, командир взвода. С завершением гражданской войны Николай Владимирович возвращается на студенческую скамью.

В университете будущий ученый посещал двухгодичный практикум Н. К. Кольцова. Практикум сыграл огромную роль в формировании целой плеяды ученых-биологов (Н. В. Тимофеев-Ресовский, Б. Л. Астауров и др.), потому что давал большую свободу мысли и действия, учил их самостоятельно идти к цели, добиваться результатов.

В 1921 г. в практикум пришла Елена Александрована Фидлер, которая училась у Н. К. Кольцова, будучи студенткой естественного факультета Университета им. Шанявского. В 1922 г. она стала женой Николая Владимировича и на протяжении всей жизни была ему помощником и большим другом.

Наряду с занятиями в кольцовском практикуме Николай Владимирович принял участие в организации Практического института, преподавал биологию на Пречистенском рабфаке, зоологию — на биотехническом факультете института в 1921—1925 гг. С 1921 г.— научный сотрудник Института экспериментальной биологии. Университет он окончил в 1922 г., а не в 1925 г., как значится в т. 25 БСЭ (3-е изд.). Подтверждением тому служит личный листок по учету кадров, заполненный Тимофеевым-Ресовским в 1965 г. (д. 94, л. 1—1 об.). После окончания университета (без сдачи государственных экзаменов) он работал в одной из кольцовских лабораторий при Московском отделении Комиссии по изучению естественных производительных сил России Академии наук. В 1923—1925 гг. опять по рекомендации Н. К. Кольцова был ассистентом в Медико-педагогическом институте. Профессор зоологии Медико-педагогического института М. Н. Римский-Корсаков привлек его к созданию новой биостанции, организованной под руководством Н. К. Кольцова в Звенигороде, где занимались изучением генетики на дрозофиле. Центром здесь был кружок С. С. Четверикова, или «Дрозсоор» (расшифровывался как «совместное орание о дрозофиле»[10] — своеобразный семинар по обмену мнениями по важнейшим вопросам генетики и биологии в целом.

В 1925 г. Н. К. Кольцов рекомендует Николая Владимировича для поездки в Берлин с целью организации совершенно нового отдела — отдела генетики и биофизики — в Берлинском институте мозга, директором которого был О. Фогт. Николай Владимирович не сразу согласился ехать, не хотел оставлять начатую научную работу, но авторитет Кольцова и перспектива углубленного изучения генетики (в СССР только начинали проводить генетические опыты, да и материальная база научных исследований оставляла желать лучшего) взяли верх, и в 1925 г. Николай Владимирович с семьей уезжает в Бух, местечко под Берлином (ныне входит в Берлин), где находился институт. Там он проработал 20 лет. Почти все открытия, которые сделали его ученым с мировым именем, приходятся именно на эти годы. Особенно плодотворной была вторая половина 30-х годов. В это время Николаю Владимировичу предложили вернуться на родину. Но опыты, которые находились на стадии завершения, и настоятельные советы Н. К. Кольцова не торопиться удерживали Н. В. Тимофеева-Ресовского. Знал он и о травле био-

---

[9] ААН СССР. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 94. Л. 1—2 (Далее в тексте указаны лишь номера дел и листов).

[10] *Гранин Д.* Указ. соч. С. 55—56. В фонде 1750 об этом документов нет.

inslav

логов, которая началась в 1929 г. с разгрома лаборатории С. С. Четверикова, и об аресте Н. И. Вавилова. Но ученый оставался советским гражданином и отвергал неоднократно предлагаемое ему немецкое гражданство. Находясь в Бухе всю войну, он и его лаборатория продолжали работать. Многими это не принято и не понято до сих пор.

Но не только научными экспериментами занимался Николай Владимирович. Он спасал людей от голода, от смерти, от концлагерей. Сколько их было, неизвестно, но спасенные остались благодарны ему на всю жизнь. В фонде имеются письма этих людей, среди них — биолог Игорь Сергеевич Гребенщиков и супруги Паншины. Игорь Сергеевич в письме от 31 августа 1980 г. писал: «Как часто вспоминаю я ту лютую зиму, в течение которой Вы спасли меня от лап „арбайтсамта" и прочих сомнительных учреждений и приютили в душевном (и физическом) тепле далекого Буха» (д. 221, л. 7).

Окончание войны Н. В. Тимофеев-Ресовский встретил в Бухе, дождался советских войск, отказавшись от предложения выехать в Америку. Заместитель наркома внутренних дел А. П. Завенягин оставил Николая Владимировича работать в институте, пока не решится вопрос об их переезде в СССР. Но после отъезда Завенягина Н. В. Тимофеев-Ресовский был арестован и препровожден сначала на Лубянку и в Бутырскую тюрьму, а потом в Карлаг. Только после розысков Завенягина ослабленного, почти умирающего ученого привезли в Свердловск. Лагерь не прошел даром, Николай Владимирович потерял центральное зрение. Его глазами стали глаза Елены Александровны.

После выздоровления в 1947 г. Н. В. Тимофеев-Ресовский возглавил отдел биофизики объекта п/я 0215 на Урале. Его начальником по линии МВД был Александр Константинович Уралец [11], который выручал своего подопечного тем, что не сообщал в отчетах об опытах на все еще запрещенных мухах-дрозофилах.

С 1955 г. Николай Владимирович заведует лабораторией биофизики и радиобиологии Института биологии Уральского филиала АН СССР (УФАН) в Свердловске. В трудное для нашей генетики время — конце 50-х — начале 60-х годов — он создает летний стационар лаборатории в Миассово (Ильменский заповедник), где проводились знаменитые на всю страну «Миассовские трёпы». Это были своеобразные научные симпозиумы, но в непривычной обстановке — на природе, за чаем, что позволяло всем максимально раскрепоститься, свободно мыслить и высказывать свои мнения.

В 1956 г. в жизни Николая Владимировича произошло важное событие — 20 января он был приглашен выступить на одном из семинаров П. Л. Капицы, так называемом «капичнике», с докладом о биофизическом анализе мутационного процесса (д. 253, л. 1. Приглашение). Это означало, что в научном мире о нем помнят, несмотря ни на что. Началась активная жизнь: доклады на симпозиуме, семинарах, конгрессах; его приглашают читать курсы лекций в ЛГУ и МГУ.

В эти же годы друзья и соратники ученого повели активную борьбу за присуждение ему степени доктора биологических наук. Дело было хлопотным, потому что Николай Владимирович не имел никаких документов об образовании. Ученые Б. Л. Астауров и Л. А. Зенкевич дали свидетельские показания, подтверждающие получение Н. В. Тимофеевым-Ресовским высшего образования и работы преподавателем высшей школы (д. 97, 4 л., машинопись). Дело тянулось долго. Многие возмущались, что ученому с мировым именем, имеющему полное право получить докторскую степень без защиты за научные достижения и открытия, приходится исполнять все формальности. Трудность состояла еще и в том, что из-за отсутствия центрального зрения Николай Владимирович не мог сам писать. В январе 1963 г. в Свердловске, в Институте биоло-

[11] Сведений о нем, как и о Г. А. Середе, фамилию которого называет в указанной статье А. Кузьмин, в фонде нет.

inslav

гии УФАН СССР, наконец, состоялась защита опубликованных работ, сведенных под общим названием «Некоторые проблемы радиационной биогеоценологии». Но судя по коллективному письму ученых В. Н. Сукачева, Л. А. Зенкевича, Е. М. Лавренко, В. Н. Петри и П. Л. Горчаковского от 22 июня 1964 г. председателю ВАК Е. П. Елютину (д. 410, л. 1, 2, машинопись), закончилось дело о присуждении степени доктора биологических наук еще позже, хотя официально начато было в 1958 г.

С 1964 по 1969 г. Н. В. Тимофеев-Ресовский возглавлял отделы общей радиобиологии и радиационной генетики Института медицинской радиологии АМН СССР в Обнинске, а затем работал консультантом в Институте медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР, которым руководил академик О. Г. Газенко.

Н. В. Тимофеев-Ресовский — член президиума Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н. И. Вавилова, один из руководителей секции биогеоценологии Московского общества испытателей природы, член Географического общества СССР, ряда научных советов. Он был действительным и почетным членом многих научных обществ мира (см. характеристику за подписью директора Института медицинской радиологии АМН СССР Г. А. Зедгенидзе — д. 100, л. 1, копия заверенная; подлинные грамоты и дипломы обществ); его выдающийся вклад в современную биологию был отмечен в мире: премия им. Лазаро Спаланцани — Италия (1939—40 гг.), Дарвиновская премия — ГДР (1959 г.), Кимберовская премия — США (1966 г.), медали Г. Менделя — ЧССР (1965), ГДР (1970). На Родине в условиях времени застоя ученый не получал наград, он просто трудился на ее благо.

Умер Н. В. Тимофеев-Ресовский в Обнинске 28 марта 1981 г.[12]

Архив Н. В. Тимофеева-Ресовского, как уже отмечалось, сохранился лишь частично. Это вполне объяснимо, переезды с одного места жительства на другое предполагают потерю документов. Николай Владимирович не отличался бережным отношением к своим бумагам. Последний переезд ученого из Свердловска в Обнинск также не мог не отразиться на сохранности архива. По свидетельству очевидцев, в обнинской квартире Николая Владимировича чемоданы с документами стояли в подвале и были расхищены. Остатки архива один из его учеников, заместитель директора Института медицинской генетики АМН СССР Владимир Ильич Иванов, передал 31 июля 1981 г. в ААН СССР (ф. 1750).

Личный фонд Н. В. Тимофеева-Ресовского в ААН СССР — 419 дел за 1922—1989 гг.— прошел научно-техническую обработку и с марта 1982 г. стал объектом научного исследования. В настоящее время с документами фонда работает Комиссия по научному наследию Н. В. Тимофеева-Ресовского во главе с академиком О. Г. Газенко. Предполагаются пополнения фонда, так как в поступающих в архив фондах других лиц (например, в фонде семьи Ляпуновых) содержатся материалы Н. В. Тимофеева-Ресовского. Дополнением к нему может стать и фонотека с записанными на пленку рассказами ученого. Известно, что в 50-е годы он несколько раз выступал на радио. Документы ученого могли остаться и в Берлине (Бухе).

Задача обзора — показать значение документов фонда Н. В. Тимофеева-Ресовского, выделить наиболее интересные из них.

Первый раздел фонда — научные труды за 1929—1973 гг. (86 дел). Документы расположены по хронологии. Самые ранние из имеющихся в фонде работ Н. В. Тимофеева-Ресовского: предварительное сообщение «Действие рентгенлучей на наследственную изменчивость дрозофилы funebris», 1929 г. (д. 1, 7 л., машинопись с правкой на нем. яз.) и конспект лекций по биометрии — 20-е годы (д. 2, 6 л., рукопись). Круг источников, представленных в разделе, обширен: протоколы опытов с дрозофилами, проведенных в разные годы (1929—1940 гг.) (д. 4,

[12] Некрологи: Молекулярная биология. М., 1981. Т. 15. Вып. 5; Радиобиология. М., 1981. Т. XXI. Вып. 4; Dt. Entom. Z. Berlin. 1982. N. F. 29. H. 1—3.

inslav

рукопись, карандаш; л. 7, 10, 11, 18, 19, рукописи), доклады на VI Международном генетическом конгрессе в 1932 г. (д. 5, рукопись и правленная машинопись. Опубл.: Proc. 6. Intern. Congr. Genet. Ithaca. 1932, vol. 2, p. 230—232), на Международной конференции по мирному использованию атомной энергии в Женеве, 1958 г. (д. 37, машинопись); монография «Biophysik». Bdl. Das Trefferprinzip in der Biologie; «Принцип попадания в биологии» в 2-х ч. 1945 г. (совм. с К. Г. Циммером) (д. 14, 15, машинопись). Опубл.: Leipzig, 1947. Здесь же тексты статей Н. В. Тимофеева-Ресовского, в том числе написанных в соавторстве с Е. А. Тимофеевой-Ресовской (д. 60, 59 л., авторизованная машинопись), А. В. Яблоковым (д. 81, 30 л., машинопись), Е. И. Преображенской (д. 50, 56 л., машинопись) и др. Среди его статей имеются специальные, научно-популярные, и по истории науки: «Памяти Дугласа Эдварда Ли. 1910—1947», 1957 г. (д. 32, 10 л., машинопись), «Человек летит в космос (биологическая часть)», не позднее 1960 г. (д. 49, 8 л., машинопись), «О Холдейне» (стенограмма выступления), не ранее 1965 г. (д. 65, 16 л., машинопись), «Учение о биосфере и космическая биология» (совм. с О. Г. Газенко) (д. 84, 26 л., рукопись). Кроме статей, в разделе имеются: «Тезисы выступлений по истории науки», 1956—1970 гг. (д. 28, 30 л., машинопись и запись рукой неустановленного лица), отзывы о работах разных авторов 1957—73 гг. (д. 31, 57 л., рукописи, машинопись), аннотации к сборникам работ лаборатории биофизики Института биологии УФАН СССР 1968 г. (д. 38, 3 л., машинопись). Сохранился доклад, представленный на соискание ученой степени доктора биологических наук, «Некоторые проблемы радиационной биогеоценологии» 1962 г. (д. 54, 75 л., машинопись. Опуб.: «Проблемы кибернетики». 1964. Вып. 12). Печатные работы ученого впервые собраны членом-корреспондентом В. И. Ивановым.

Второй раздел фонда — биографические документы. 56 дел за 1925—1980 гг. систематизированы в три группы: личные документы (22 дела за 1925—1980 гг.), документы о служебной деятельности (25 дел за 1927—1980 гг.), юбилейно-поздравительные документы (9 дел за 1959—1980 гг.). Внутри каждой группы — расположение по хронологии. В состав первой группы, кроме документов, упомянутых ранее, краткой автобиографии на немецком языке, напечатанной типографским способом в 1959 г. (д. 94, л. 2), характеристик и других документов, входят: извещение о назначении научным членом Берлинского института мозга, 1938 г. (д. 89, подлинник на нем. яз.), диплом почетного члена Итальянского общества экспериментальной биологии, 1938 г. (д. 88, подлинник); диплом члена немецкой Академии естествоиспытателей «Леопольдина», 1940 г. (д. 90, подлинник), диплом к Дарвиновской медали, 1959 г. (д. 93, подлинник), благодарности Академии коммунального хозяйства им. К. Д. Панфилова за научно-методическое руководство, консультации и помощь в работе, 1962—1964 гг. (д. 96, заверенные копии). В этом подразделе имеются также дипломы о присуждении медали Менделя в ЧССР (1965), ГДР* (1970) (д. 99, 104, подлинники), диплом Кимберовской премии, 1966 г. (д. 101, подлинник), документы почетного члена Национальной академии наук и искусств в Бостоне, 1974 г. (д. 106, подлинники). Перечисленные документы позволяют судить о той высочайшей оценке и признании всего научного мира, которые получил Николай Владимирович за свои труды. Есть список трудов 1938—1969 гг. (д. 108). Документы о служебной деятельности представляют: переписка с редакцией журнала «Природа», издательством БСЭ и разными учреждениями об опубликовании работ, 1942—1977 гг. (д. 111, 72 л., подлинники и отпуски), о рецензировании статей 1956—1978 гг. (д. 114, 37 л., подлинники, отпуски), о руководстве аспирантами, консультировании научных сотрудников, документы о работе лаборатории биофизики Института биологии УФАН СССР 1957—1964 гг. (д. 119, 48 л., черновики и отпуски рукой Е. А. Тимофеевой-Ресовской, машинопись), программы курсов лекций «Основы популяционной генетики и учения о микроэво-

inslav

люции», «Радиационная генетика», «Феногенетика», «Системы управления в живой природе», «Избранные главы генетики». 1960—1967 гг. (д. 123, 8 л., машинопись), докладные записки в дирекцию Института медицинской радиологии АМН СССР о работе отдела общей радиологии, руководителем которого являлся Н. В. Тимофеев-Ресовский, 1964—1969 гг. (д. 127, 9 л., отпуски, машинопись) и др. Здесь отражена та неуемная энергия Николая Владимировича, которая притягивала к нему людей. Наряду с научными исследованиями в возрасте уже за 60 лет он руководил аспирантами, читал лекции, участвовал в общественной деятельности.

В третьей группе — подлинные поздравительные адреса, письма, телеграммы, присланные Н. В. Тимофееву-Ресовскому к его юбилеям в 60-х — 80-х годах (д. 135, 138, 141, 142), а также в связи с присуждением ему Дарвиновской медали (д. 134), медали Менделя в 1965 г. (д. 137), Кимберовской премии (д. 140), по случаю защиты докторской диссертации, январь 1963 г. (д. 136). Больше всего поздравлений было прислано к 80-летию. Эти документы позволяют судить об отношении общественности и отдельных лиц к Н. В. Тимофееву-Ресовскому, что дает возможность характеризовать его как человека и ученого.

Самый большой третий раздел фонда — 254 д. за 1935—1981 гг.— составляет переписка. Она поделена на три группы: письма Н. В. Тимофеева-Ресовского, письма к нему и переписка Е. А. Тимофееевой-Ресовской. В первой группе 30 дел за 1956—1976 гг. Среди адресатов Николая Владимировича — академики А. И. Берг, 1962 г. (д. 143, отпуск), Г. А. Зедгенидзе (д. 146), М. А. Лаврентьев, 1962 г. (д. 152, черновик рукой Е. А. Тимофеевой-Ресовской), Н. Н. Семенов, 1970 г. (д. 159, копия), В. Н. Сукачев, 1962 г. (д. 161, копия), И. Е. Тамм, 1957 г. (д. 162, копия), А. Л. Тахтаджян, 1974 г. (д. 163, копия). Имеются также письма к иностранным ученым: М. Дельбрюку, 1974 г. (д. 145, отпуск, на нем. яз.), К. Г. Циммеру, 1961 г. (д. 168, черновик, на нем. яз.), Г. Штуббе, 1961—1973 гг. (д. 170, копии) и др. В письмах затрагиваются самые разные вопросы. Например, академику А. Л. Тахтаджяну Николай Владимирович в письме от 14 ноября 1974 г. сообщает о переходе на другую работу: «...я, уйдя из разваливающегося и превращающегося во что-то иное обнинского Института медицинской радиологии, поступил биологом-консультантом в Московский Институт медико-биологических проблем» (д. 163, л. 1, копия). А в ответ на просьбу профессора Р. Р. Тейнберга из Эстонии выслать фотографию для учебника в письме от 1 ноября 1976 г. пишет: «Беда только в том, что у меня совсем нет хороших снимков, посылаю Вам несколько фотографий, в том числе вырезки из групповых фото. Надеюсь, что одна из фотографий Вам подойдет. У меня совсем нет и не было никогда официальных «ученых» портретов в пиджаке и галстуке, да этакий вид мне и не идет» (д. 164, л. 1, заверенная копия).

Вторая группа писем третьего раздела самая обширная по количеству документов и их представительности (217 дел за период с 1935 по 1980 гг.). Среди корррспондентов Николая Владимировича многие всемирно известные ученые: С. С. Четвериков (д. 373, машинописные подлинники), А. А. Ляпунов (д. 280, автографы), П. Л. Капица (д. 253, заверенная машинопись на бланках), И. Е. Тамм (д. 346, автографы) и др. Отдельные письма от ученых-гуманитариев: историка Л. Н. Гумилева (д. 224), филолога А. А. Реформатского (д. 328). Много писем от аспирантов Николая Владимировича, что позволяет судить о широте его научной школы. Письма спасенных им в Бухе людей (д. 221). Но есть и письма от людей, никогда с ним лично не встречавшихся. Например, Н. М. Ершов, учитель сельской школы, в письме за июль 1960 г. делится с Николаем Владимировичем мыслями о постановке обучения биологии в школе (д. 235, автограф). Большой интерес представляют письма родственников: жены — Е. А. Тимофеевой-Ресовской (д. 354, автографы), младшего брата — Виктора Владимировича Тимофеева-Ресовского (д. 353,

inslav

автографы), сына — Андрея Николаевича Тимофеева (д. 352, автографы). Корреспонденты затрагивают вопросы научного характера, рецензирования книг и статей, пишут о своих занятиях. Тематически письма можно подразделить следующим образом: а) по истории развития генетики, кибернетики и других наук (Б. Л. Астауров, В. П. Эфроимсон, А. А. Ляпунов, М. Г. Цубина — д. 181, 385, 280, 370, автографы); б) о защите Н. В. Тимофеевым-Ресовским докторской диссертации (И. И. Шмальгаузен, В. Н. Сукачев, Е. М. Лавренко, М. Е. Лобашев — д. 378, 344, 270, 277, автографы); в) письма, раскрывающие отдельные черты характера ученого, подробности его биографии (И. С. Гребенщиков, С. М. Гершензон, Н. П. Дубинин, С. С. Четвериков и др.— д. 221, 216, 232, 373, автографы, заверенная машинопись). Письма этой группы в основном относятся к 50-м — 70-м гг. За более ранний период имеются лишь два письма ученых из Кенигсберга О. Кехлера и К. Х. Коха 1936 г. на немецком языке о сугубо научных проблемах (д. 256, 262, машинописные подлинники).

В третьей группе писем (7 дел за 1956—1965 гг.) среди адресатов Е. А. Тимофеевой-Ресовской — академик В. Н. Сукачев (д. 390, автограф), директор Института биологии УФАН СССР С. С. Шварц (д. 391, автограф) и др. Член-корреспондент Б. Л. Астауров в письме от 7 мая 1962 г. сообщает ей о том, что нотариальная контора не утвердила его свидетельские показания, где говорилось, что Николай Владимирович получил высшее образование и занимался до отъезда в Германию преподаванием (д. 392, автограф). Имеются также письма доктора биологических наук С. С. Четверикова, которого Николай Владимирович называл среди своих учителей (1956 г.) (д. 394, машинописный подлинник) и профессора Б. Эфрусси (Франция), работавшего в контакте с Н. В. Тимофеевым-Ресовским. В письме от 23 декабря 1962 г. он отвечает Елене Александровне, что не может заняться поисками Дмитрия Николаевича (старший сын Тимофеевых-Ресовских. Предполагают, что погиб во время восстания заключенных в концлагере Маутхаузен.— *С. К.*), так как в данный момент находится не в Германии, а в Америке (д. 396, л. 1, машинописный подлинник).

Четвертый раздел фонда — иллюстративные материалы — включает семь дел за 1965—1981 гг. Здесь имеются фотографии — портреты Николая Владимировича 1965 г. (д. 397), карандашный набросок его портрета, сделанный с натуры Э. Н. Ваулиной на программе координационного совещания по проблемам радиационной генетики 1966 г. (д. 399, подлинник); фото Тимофеева-Ресовского на заседании памяти А. С. Серебровского 1972 г. (д. 400), фотография во время похорон Н. В. Тимофеева-Ресовского в 1981 г. (д. 401), фотокопия Кимберовской медали 1966 г. (д. 402) и др.

Пятый раздел фонда — отзывы о трудах Н. В. Тимофеева-Ресовского (четыре дела за 1962—1980 гг.). Сохранились отзывы разных лиц о докладе «Некоторые проблемы радиационной биогеоценологии», представленном на соискание ученой степени доктора биологических наук в 1962 г. (д. 404, 31 л., машинопись), опубликованные в зарубежных изданиях рецензии на немецкий перевод (1977 г.) коллективного труда Н. В. Тимофеева-Ресовского, А. В. Яблокова, Н. Н. Глотова «Очерк учения о популяции» (М., 1973), 1978—1980 гг. (д. 405, 29 л., вырезки из журналов и ксерокопии); замечания Д. В. Шаскольского о книге Н. В. Тимофеева-Ресовского, Н. Н. Воронцова, А. В. Яблокова «Краткий очерк теории эволюции» (М., 1969. 2-е изд., 1977), 1979 г. (д. 406, 4 л., машинопись), рецензия на немецкий перевод этой книги В. Эйхлера (д. 407, 2 л., вырезка из журнала «Angewandte Parasitologie». Berlin, 1980, Bd. 21, H. 3).

Шестой раздел — документы о фондообразователе — составляют восемь дел за 1922—1989 гг. Среди наиболее интересных документов раздела — письмо Президиума УФАН СССР председателю Ученого совета Ботанического института АН СССР с просьбой рассмотреть вопрос

inslav

о присуждении Николаю Владимировичу ученой степени доктора биологических наук без защиты диссертации, 1957 г. (д. 409, отпуск). Здесь представлена статья-воспоминание М. И. Шальнова о летних миассовских симпозиумах «Научная школа профессора Тимофеева-Ресовского». Не ранее 1970 г. (д. 412, 8 л., машинопись). Самый ранний документ этого раздела и всего фонда — поздравление в стихах, написанное другом Николая Владимировича А. А. Реформатским по случаю бракосочетания Н. В. Тимофеева-Ресовского и Е. А. Фидлер 10 июня 1922 г. (д. 408, 2 л., копия 60-х годов). Самый поздний —пригласительный билет на вечер 12 мая 1989 г., посвященный Н. В. Тимофееву-Ресовскому, с просмотром фильма «Рядом с Зубром» (д. 412а).

Последний, седьмой, раздел— труды других лиц — три дела за 1947—1980 гг., которые включают две статьи Г. Гамова «Структура наследственного вещества», «Передача информации в живой клетке», не ранее 1954 г. (д. 415, машинопись), доклады и сообщения участников совещания лаборатории биофизики Института биологии УФАН СССР по проблемам ковариантной редупликации элементарных биологических структур 1961 г. (д. 416, 131 л., машинопись); оттиски работ с дарственными надписями, полученных Николаем Владимировичем с 1947 по 1980 г. (д. 417).

Научные идеи Н. В. Тимофеева-Ресовского широко распространены, ученый намного продвинул вперед не только советскую, но и мировую биологическую науку.

Такие ученые, такие натуры, как Н. В. Тимофеев-Ресовский, напоминают современному человеку о его огромных творческих потенциях, реализовать которые можно даже в обстоятельствах, отнюдь не благоприятствующих этому. Быть и всегда оставаться самим собой — самая трудная наука на свете, но это единственный способ для мыслящей личности осуществиться в реальном мире, отдать людям и обществу то, что мог, то, к чему был призван.

Приложение

Письмо академика В. Н. Сукачева
Н. В. Тимофееву-Ресовскому

22 октября 1962 г. Москва

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Владимирович!

Извиняюсь, что задержал ответ на Ваше первое письмо и пишу уже после получения Вашего второго письма. Во-первых, я не сразу мог снестись с С. В. Зонном [1], так как у него телефона нет, а * на своей новой работе в Институте географии он бывает редко, да к тому же последнее время я был очень занят.

Ваши «Некоторые проблемы радиационной биогеоценологии» [2] представляют собой прекрасное произведение. Помимо массы материала и важных теоретических положений, они поражают тем, что свидетельствуют об удивительной разносторонности и широте Вашего научного кругозора и об огромном объеме проведенных Вами исследований. Читая Ваш этот сводный труд, приходится только возмущаться, что Вам пришлось затратить так много времени и труда, чтобы получить право на соискание степени доктора, которой Вы были достойны давным давно. С. В. Зонн согласен быть Вашим оппонентом (официальным), но, как я узнал из Вашего письма, полученного вчера [2*], нужен Вам для оппонирования доктор биологических [3*] наук. К сожалению, он имеет степень [доктора] сельскохозяйственных наук. Вчера я говорил с Е. М. Лавренко [3], которому я показывал Ваш труд. Он согласится [4*] быть официальным оппонентом, если Вы обратитесь к нему.

* а *вписано над строкой*
[2*] *Далее зачеркнуто:* что
[3*] биологических *подчеркнуто*
[4*] Далее зачеркнуто неразборчивое слово.

inslav

Если Вы Ваш этот труд превратите в популярную (конечно, в пределах возможного) книжку, то это можно только приветствовать.

В Ак[адемии] Н[аук] СССР особенно нового ничего нет, если не считать того [5]*, что вместо Е. К. Федорова [4] главным ученым секретарем назначен М. И. Агошков [5] (пока исполняющим обязанности).

Когда Вы, как предполагаете, приедете в Москву, то очень рад буду видеть Вас у нас и поговорить о разных делах.

Хотя я и не могу быть официальным оппонентом у Вас, но, конечно, с удовольствием напишу отзыв о Вашем труде [6], если он [6]* может иметь какое-либо значение.

Вам и Елене Александровне я и моя семья шлем искренний привет и добрые пожелания.

Ваш В. Сукачев

ААН СССР. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 344. Л. 26, 26а, 27. Автограф.

[5]* того *вписано над строкой*
[6]* *Под строкой зачеркнуто*: отзыв *и вписано над строкой*

Примечания

[1] Зонн Сергей Владимирович — доктор сельскохозяйственных наук, сотрудник лаборатории лесоведения (д. 244, л. 1).

[2] Название доклада на соискание ученой степени доктора биологических наук по совокупности опубликованных работ (д. 54, 75 л.).

[3] Лавренко Евгений Михайлович — советский геоботаник и ботанико-географ, с 1968 г. академик АН СССР. Учился на естественном отделении Харьковского университета. Был официальным оппонентом на защите докторской диссертации Н. В. Тимофеевым-Ресовским (БСЭ). 3-е изд. Т. 14. С. 89. Стб. 254).

[4] Названного человека установить не удалось.

[5] Агошков Михаил Иванович — советский ученый в области горного дела, с 1953 г. член-корреспондент АН СССР (БСЭ. 3-е изд. Т. 1. С. 186. Стб. 533).

[6] Развернутое заключение В. Н. Сукачева см.: д. 97, л. 1.

В. Ю. Афиани

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СОКРОВИЩА ЭРМИТАЖА [1]

225-летие одного из величайших музеев мира — Государственного Эрмитажа было отмечено юбилейными конференциями, выставками. Эта дата была отмечена и изданием, которое ждали исследователи русской и зарубежной культуры,— путеводителем по архиву Эрмитажа. Небольшая брошюра стала, по существу, и свидетельством глубоких перемен в нашем обществе, в частности, изменений в подходе к документальным памятникам, к системе информации о них. Издание путеводителя замечательно и тем, что он относится к разряду, к сожалению, крайне немногочисленных справочников, посвященных архивам самих хранилищ. И путеводитель еще раз убеждает в том, что Эрмитаж владеет не только бесценными памятниками искусства и культуры, известными всему миру, но и еще одним уникальным памятником отечественной культуры — архивом музея.

Это хранилище долгое время находилось как бы в «тени» своих более знаменитых собратьев, других отделов Эрмитажа. В этом смысле показательно, что для него не нашлось места в юбилейном сборнике, посвященном 200-летию музея, хотя в нем рассказывалось и о научно-просветительном, реставрационном отделах, научной библиотеке.

[1] Архив Государственного ордена Ленина Эрмитажа: Путеводитель/Сост. Г. И. Качалина, Е. М. Яковлева. Л., 1988. 40 с.

inslav

В наше время, когда судьба художественных коллекций Эрмитажа в 1920—1930-е гг. оказалась в фокусе общественного внимания, закономерно возрастание интереса к документам, освещающим историю музея. Путеводитель по архиву Эрмитажа ставит своей задачей раскрыть состав, объем и хронологические рамки документов, охватывающих период с 1767 по 1983 г., со времени существования Эрмитажа как дворцового собрания, управляющегося Придворной конторой, и до нашего времени, когда он уже давно стал общедоступным музеем в системе Министерства культуры СССР.

В путеводителе описаны все пять фондов архива: самый крупный — Государственный (императорский) Эрмитаж (Ф. 1, 20 описей, 18 848 дел), включающий документы всех 4 отделений по структуре до 1864 г.; «Собственные библиотеки и арсенал» (ф. 2); «Архитектор Зимнего дворца» (ф. 3); Государственный музейный фонд Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР за 1917—1935 гг. (ф. 4); Фонд изобразительных материалов по истории Эрмитажа (ф. 5), созданный в 1982 г. В путеводителе сообщается название фонда, справочные данные (номер, объем, крайние даты документов), краткая историческая справка о фондообразователе, а во многих случаях и краткая аннотация наиболее важных, по мнению составителей, документов фонда.

В архиве хранятся дела о поступлении в Эрмитаж, перемещениях внутри его, исключении из каталогов медалей, монет, антиков, предметов древности сибирского, скифского и иного происхождения и, конечно, картин, скульптур, гравюр, эстампов, литографий и рисунков, книг и др. Имеются многочисленные документы о покупке зарубежных и отечественных собраний частных коллекционеров и в ряде случаев каталоги их собраний. В делах отразились сведения о реставрации памятников, о допуске посетителей, копировании в залах музея, техническом обеспечении работы Эрмитажа, а также о личном составе сотрудников. В архиве находятся документы о передаче отдельных предметов и коллекций в другие музеи, на выставки. Сохранилась обширная переписка с зарубежными музеями, обществами, издательствами, коллекционерами и соответствующими адресатами в России и в СССР. В особый раздел выделены документы о деятельности сотрудников и работе Эрмитажа в годы Великой Отечественной войны (ф. 1). Естественно, что среди документов архива значительное место занимает комплекс официальной переписки Эрмитажа в дореволюционный и советский периоды, планы, отчеты, протоколы и журналы заседаний Совета (1918—1930) и Ученого совета Эрмитажа.

В целом путеводитель дает общее представление о том, какие документы находятся в архиве, и будет с удовлетворением встречен многочисленными исследователями. На очереди стоит издание второго выпуска путеводителя, посвященного личным фондам (объемом более 24 тыс. ед. хр.). Хочется надеяться, что за этими краткими путеводителями в недалеком будущем последует и более обстоятельное справочное издание об архиве Эрмитажа, изданное не столь скромным (500 экз.) тиражом, как нынешнее. В это издание нужно будет включить и более подробные сведения о структуре Эрмитажа и ее изменениях, о степени сохранности документов, иначе неясны причины лакун в документации, отсутствие документов, в том числе и советского времени, за отдельные годы. Сейчас читателю не вполне ясно, например, почему данные о составе ряда описей находятся не в основном описании, а в примечаниях. В аннотациях следует больше принимать во внимание современные интересы научной и широкой общественности к тем или иным периодам и событиям в истории Эрмитажа. В изданном путеводителе нет, в частности, сведений о том, сохранились ли какие-либо документы, связанные с изъятием из собраний Эрмитажа картин и других художественных предметов в 1920—1930-е гг., проданных затем в Западной Европе и в Америке.

inslav

И последнее. Изданный путеводитель дает нам возможность выразить признательность тем архивистам, которые своей кропотливой каждодневной работой сохранили эти документальные богатства, описали их. Это первый известный по документам архивариус О. М. Котельникова (с 1921 по 1925 г.), заведующие архивом А. В. Суслов (с 1925 по 1931) и О. И. Бич (с 1931 по 1941), научный сотрудник В. П. Колокольников и составители путеводителя.

С. О. Шмидт

ОБЗОР ИЗДАНИЙ СТАТИСТИЧЕСКИХ КОМИТЕТОВ

Подготовленный И. И. Комаровой библиографический обзор изданий губернских и областных статистических комитетов Российской империи печатается по решению научно-технического совета Всесоюзного научно-технического общества стройиндустрии, издан Стройиздатом тиражом 200 экземпляров и имеет название «Предпроектные исследования в строительстве» [1]. Действительно, сведения эти, как отмечено в аннотации к изданию, необходимы современным проектировщикам при реконструкции исторических городов. Однако круг тех, кто с признательностью воспринимает начатое издание и будет обращаться к нему, значительно шире. Это ценный источник информации и важное пособие для краеведов, архивистов и музейных работников, историографов (особенно историков того же краеведения, а также археографии, архивного и музейного дела, библиографии), специалистов по истории государственных учреждений и общественных организаций, историков культуры.

Статистические комитеты в губерниях и областях появились с 1834 г. Со второй половины XIX в. они стали регулярно публиковать отчеты о своей деятельности и результаты своих исследований, причем не только социально-экономического характера (выводы и наблюдения о массовых явлениях социальной жизни человека в современных условиях), но и собственно исторические, этнографические, археологические. Основные направления деятельности статистических комитетов, особенно издательской, охарактеризованы в кратком Введении к изданию (вып. 1, с. 3—9). Там же обосновывается группировка их изданий в обзоре. В 1-м выпуске обзор изданий губернских и областных статистических комитетов Акмолинского, Амурского, Архангельского, Астраханского, Бакинского, Бессарабского, Виленского, Витебского, Владимирского, Войска Донского, Вологодского, Волынского, во 2-м выпуске — Воронежского, Вятского, Гродненского, Дагестанского, Екатеринославского, Елизаветпольского, Енисейского, Забайкальского, Закавказского, Закаспийского, Иркутского, Кавказского, Казанского, Калужского, Карсского, Керченского, Киевского, Ковенского. Указаны все периодические издания (их структура, объем, наиболее интересные материалы, в том числе библиографические, о местных изданиях — губернских ведомостях и других) и отдельные издания. Библиографические данные предваряет краткая характеристика деятельности каждого комитета.

Издания эти, как правило, малотиражны (некоторые менее 100 экземпляров). Недостаточно отражены они и в библиографиях, особенно в тех, которые составлены не по региональному, а по тематическому признаку. И потому, как верно написано во Введении, «зачастую исследователи обращаются в знакомый архив, хотя значительная часть материалов уже опубликована или большая часть их лежит в другом архиве». Теперь имеется ключ к изданиям статистических комитетов, заметно облегчен

[1] *Комарова И. И.* Предпроектные исследования в строительстве. Вып. 1. М., 1988. 61 с.; Вып. 2. М., 1989. 64 с.

inslav

труд работников архивов и музеев по выявлению, описанию и использованию находящихся там памятников истории и культуры, существенно расширены наши представления о роли «культурных гнезд» в развитии науки и распространении знаний в России второй половины XIX — начала XX в., о творчестве некоторых видных ученых (так, археолог А. А. Спицын, оказывается, автор и многих работ о Вятском крае в XVI—XIX вв., а этнограф Д. К. Зеленин участвовал в изданиях и Вятского и Воронежского комитетов).

Хочется думать, что скоро нам станут доступны библиографические данные об изданиях и других статистических комитетов. А затем желательно было бы объединить материал всех выпусков в одной книге, сопроводив его указателями (именным и другими) и издав, конечно, большим тиражом. Такая книга должна быть во всех городских, научных и вузовских библиотеках, во всех архивах и музеях, в отделениях обществ охраны памятников истории и культуры и Советского фонда культуры.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ А. Б. ЗАКС *

(К 90-летию со дня рождения)

Анна Борисовна Закс, кандидат исторических наук, видный историк-музеевед, родилась 28 ноября 1899 г. Окончив МГУ, работала экскурсоводом-методистом Центральной детской экскурсионной базы Наркомпроса (1926—1932 гг.), с 1933 г.— в ГИМ, где заведовала отделом XIX в. (1939—1963). С 1936 г. вела преподавательскую работу по музееведению в Московском городском педагогическом ин-те, на курсах и в институтах повышения квалификации музейных работников СССР и РСФСР. С 1947 г.— научный сотрудник Института музейной и краеведческой работы (далее Институт музееведения, НИИ культуры), где в 1958—1974 гг. заведовала отделом истории и теории музейного дела. С конца 50-х годов по 1974 г.— член Советского комитета Международного совета музеев. По выходе на пенсию в 1974 г. продолжает научную деятельность на общественных началах.

1926

Хамовнический район // По революционной Москве: Историко-топографический справочник-путеводитель. М. С. 128—167.

1927

Октябрь в Москве // Октябрь в экскурсиях по Москве: Сб. статей-экскурсий. М. С. 33—47 (в соавт.).

Дорогомилово в Октябре 1917 г. // Там же. С. 138—152.

1928

По торговой улице // Экскурсии в сельской школе первой ступени: Методическое руководство применительно к программам Гос. ученого совета и Главсоцвоса. Вып. 2. Третий год обучения. М. С. 238—247 (в соавт.).

В Музей Революции // Там же. Вып. 3. Четвертый год обучения. М. С. 84—92 (в соавт.).

1929

Москва — политический центр // «Даешь Москву!»: Путеводитель. М. С. 26—39.

1930

По городу — по следам революции: Примерная экскурсия для 3-го года обучения // «На каждый день»: Экскурсии в городской школе первой ступени. 2-е изд. М. С. 132—140 (в соавт).

По торговой улице: Примерная экскурсия для 3-го года обучения // Там же. С. 140—147 (в соавт.).

1936

Город в николаевское время: Картины по истории СССР: Объяснительный текст для преподавателей. М. С. 1—6.

1937

Сост.: Завоевание Кавказа (1722—1864): Карта с врезкой «Северный Дагестан» // БСЭ. 1-е изд. М. Т. 30 (Прил. к статье Н. И. Покровского «Кавказские войны», между с. 488 и 489).

1938

Сост.: Российская империя с 1725 по 1762 гг.: Путеводитель по залу 21. М. 15 с.

* Составила Д. А. Равикович

inslav

1941

Сост.: Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля: Выставка. М. 15 с.

Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного Исторического музея 1936–1937 гг. // ТГИМ. М. Т. 15. С. 131–193.

1943

Сост.: Методика экспозиционной работы в краеведческом музее: Пособие для музейных работников. М. 33 с.

1947

Дискуссия о движении Шамиля // ВИ. № 11. С. 134–140.

Новая экспозиция в Государственном Историческом музее «Россия во второй четверти XIX в.» // ВИ. № 6. С. 152–155.

Сост.: Государственный Исторический музей: Путеводитель. Залы 29–33. М. С. 113–130.

1949

Сост.: Методика построения экспозиции в краеведческом музее: (Отдел дореволюционного прошлого). М. 49 с.

1951

Литография «Неожиданная гостья» // ИЗ. М. Т. 37. С. 280–289.

Принципы построения экспозиций отдела истории дореволюционного прошлого в краеведческом музее // Сб. информационно-методических материалов по вопросам музейного дела и краеведения. М. Вып. 2. С. 45–57.

1952

Изучение и показ в краеведческих музеях крестьянского движения накануне отмены крепостного права // Вопр. музейного дела. М. С. 69–80.

1954

Сост.: Государственный Исторический музей: Путеводитель. Залы 28–35. М. С. 125–169.

1955

Крестьянское движение в Московской губернии накануне отмены крепостного права // Из истории крестьянства XVII–XIX вв. М. С. 131–176 (ТГИМ. Вып. 27).

Формирование кадров сормовского пролетариата // Историко-бытовые экспедиции 1951–1953 гг. М. С. 13–29. (ТГИМ; Вып. 28).

Труд и быт рабочих Донбасса // Там же. С. 80–109.

Экспозиционная работа музеев // Основы советского музееведения. М. Гл. 5. § 1–11. С. 240–293.

1956

Сост.: Государственный Исторический музей: Краткий путеводитель. Залы 28–34 (1800–1861). М. С. 107–138.

1957

Методика построения экспозиции по истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М. 122 с. 31 табл. Ил.

Рук. авт. кол.: Россия в эпоху капитализма: Путеводитель по музею. М. 35 с.

1958

Научная и охранная документация экспозиции: (Методическое письмо). М. 10 с.

1960

Дело крестьян фабрики Мертваго: (Борьба фабричных крестьян за свое освобождение в 1857–1859 гг.) // Революционная ситуация 1859–1861 гг. М. С. 205–211.

Из истории Государственного Исторического музея (1917–1941) // Очерки истории музейного дела в России. М. Вып. II. С. 300–379.

1961

Из истории Государственного Исторического музея (1941–1957) // Очерки истории музейного дела в России. М. Вып. III. С. 5–54.

1962

Историко-бытовой отдел Русского музея (1918–1941) // Вопросы истории музейного дела в СССР. М. Вып. IV*. С. 240–285. (Труды НИИ музееведения; Вып. 7).

Музеи исторического профиля в 1917–1934 гг. // История СССР. № 5. С. 163–170.

1963

Из истории Государственного музея Революции СССР (1924–1934) // Очерки истории музейного дела в СССР. М. Вып. V. С. 5–83. (Труды НИИ музееведения, Вып. 9).

1964

Новые материалы по истории советского общества в музеях // История СССР. № 3. С. 228–230.

Сост.: Государственный Исторический музей: Путеводитель. Залы 28–39. М. С. 73–115.

1965

Народные музеи Молдавии // История СССР. № 4. С. 204–206 (в соавт.).

1966

Музейные экспозиции по истории СССР в помощь формированию научного мировоззрения // Роль музеев в коммунистическом воспитании трудящихся. М. С. 87–121.

Юбилейный смотр работы музеев // История СССР. № 6. С. 195–197 (в соавт.).

1967

Les musées sovietique on cinquant ans // Museum (Paris). N 1. P. 90–95. На англ. и фр. яз.

---

* В книге опечатка – указан вып. VII вместо IV.

inslav

Авт. предисл.: Из истории общественно-политического движения в России XIX в.: Материалы ОПИ ГИМ. М. С. 3–4.

1968

Источники по истории музейного дела в СССР (1917–1941) // Очерки истории музейного дела в СССР. М. Вып. VI. С. 5–53.

К истории Государственной Оружейной палаты // Там же. С. 171–189.

Отв. ред.: Очерки истории музейного дела в СССР. М. Вып. VI. 433 с.

1970

Из истории экспозиционной мысли советских музеев (1917–1936) // Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. М. Вып. 22. С. 128–165.

Отв. ред.: Труды НИИ музееведения и охраны памятников истории и культуры. М. Вып. 22. 165 с.

1971

Сост.: Очерки истории музейного дела в СССР. М. Вып. VII. 415 с.

1972

Einige Problemen aus Ausstellungsarbeit in der UdSSR // Neue museumskunde. Berlin. N 2. 116–119.

1974

Член авт. кол. и редколлегии, автор терминов по экспозиционной работе. Краткий словарь музейных терминов: (проект). М. 61 с.

1975

Научная подготовка экспозиции в музее // Организаторам народных музеев об основах экспозиционной и хранительской работы: (Методические рекомендации). М. С. 4–21.

1976

О работе Государственного Исторического музея в 1941–1945 гг. // Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М. С. 129–140.

Опыт изучения и пропаганды истории революционной Москвы в 20-е годы XX в. // Из истории экономической и общественной жизни России. М. С. 273–286.

Опыт собирания материалов по истории Великой Отечественной войны Государственным Историческим музеем в 1941–1944 гг. // АЕ за 1975 год. М. С. 149–158.

1977

Подгот. публ.: Речь А. В. Луначарского на конференции по делам музеев // АЕ за 1976 год. М. С. 210–216.

1979

Первая Всероссийская музейная конференция // Музейное дело в СССР: Массовая научно-воспитательная работа на современном этапе. М. С. 136–143. (Сб. научных трудов Центрального музея Революции СССР; Вып. 14).

1980

Всероссийский музейный съезд // ВИ. № 12. С. 164–167.

Из истории пропаганды исторических знаний советскими историческими музеями // История и историки, 1977. М. С. 382–403.

Подготовка музейной экспозиции // Актуальные вопросы деятельности общественных музеев. М. С. 62–63. (ТГИМ; Вып. 52).

1981

Областные музейные конференции в РСФСР. 1926–1927 гг.: (По материалам ОПИ ГИМ) // АЕ за 1980 год. М. С. 197–208.

Die erste gesamtrussische Konferenz des Museumsvesen in Februar 1919 // Neue Museumskunde. N 1. S. 15–19.

1982

Сост.: Экспозиционная работа в музее: Проблемы теории экспозиции в современной музееведческой литературе: (Экспозиции исторического профиля): Музееведение и охрана памятников (обзорная информация). М. Вып. 1. 41 с.

Первая Всероссийская конференция по делам музеев. Февраль 1919: (По материалам ОПИ ГИМ) // Актуальные вопросы изучения фондов музея по истории советского общества. М. С. 149–157. (ТГИМ; Вып. 55).

1983

Член авт. кол.: Краткий словарь музейных терминов // Музеи и памятники культуры в идейно-воспитательной работе на современном этапе: Приложение. М. С. 103–153. (Сб. научных трудов НИИ культуры, 126).

1984

ТЭП – основа творческого успеха // Советский музей. № 1. С. 50.

1985

По горячим следам [О выставке «Разгром немецко-фашистских войск на подступах к Москве». ГИМ, 1942–1945 гг.] // Советский музей. № 1. С. 27–32.

Дом на Красной площади [О жизни ГИМ в годы Великой Отечественной войны] // Советская культура. 7 мая.

1987

Из истории экспозиционной мысли ГИМ: Проблемы экспозиционной и фондовой работы // ТГИМ. М. Вып. 65. С. 41–56.

Как составить этикетаж // Советский музей. № 1. С. 42–44.

Научные основы экскурсионной работы в музеях // Актуальные проблемы музейного дела в РСФСР. М. С. 37–43. (ТГИМ; Вып. 66).

Технология построения музейной экспозиции // Там же. С. 86–97, схема.

1988

Сост.: Государственный Исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. воспоминаний

inslav

сотрудников музея. М. 106 с. *Авт. введения*: С. 3–7.

Как мы жили и работали в годы Великой Отечественной войны // Там же. С. 8–23.

Письма из армии и из эвакуации: (Материалы личного архива) // Там же. С. 101–107.

Музейная экспозиция: Научная подготовка экспозиции // Музееведение. М.

Массовая идейно-воспитательная работа // Там же. (в соавт.).

Die museale Ausstellung: Die wissenschaftliche Vorbereitung von Ausstellungen in Geschichtsmuseen // Museologie: Theoretische Grundlagen und Methodik der Arbeit in Geschichtsmuseen: Mit 100 Abbildungen und 3 Schemata. Berlin. S. 193–230.

Die Bildung und Erziehungstätigkeit der Geschichtsmuseen // Ibid. S. 265–291 (в соавт.).

1989

Как я защитила диссертацию и пыталась ее опубликовать // ВИ. № 6. С. 164–167.

В печати

Критерии оценки музейной исторической экспозиции // Проблемы методики экспозиционной и фондовой работы. ТГИМ.

Из воспоминаний 1920-х годов // Альманах общества молодых историков

Н. Л. Рубинштейн – научный руководитель Государственного Исторического музея (1943–1945) // АЕ за 1989 год.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Б. Г. ЛИТВАКА *

1956

Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений» 19 февраля 1861 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 16 с.

1957

О некоторых приемах публикации источников статистического характера // ИА. № 2. С. 155–166.

Подгот. публ.: Бухенвальдское сопротивление // ИА. № 4. С. 82–100; № 6. С. 82–110 (совм. с Н. Ф. Кюнг и Т. А. Иллерицкой).

1958

Итоги изучения уставных грамот Московской губернии (данные о крестьянском наделе) // История СССР. № 6. С. 145–158.

К истории формуляра уставной грамоты 1861 г. // АЕ за 1957 год. М. С. 157–168.

Подгот. публ.: Документы по истории Октябрьской революции в национальных районах // ВИ. № 7. С. 120–137 (совм. с Г. А. Арутюновым, Н. А. Ивницким, С. Н. Иконниковым, Г. А. Канюховым).

1959

Подгот. публ.: Из истории Северного похода национально-революционной армии Китая // ИА. № 4. С. 99–135 (совм. с М. С. Капицей и В. А. Черьяковым).

1960

Боец и летописец революции (о Е. М. Ярославском). М. 32 с. (совм. с В. Ф. Кутьевым).

Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи // ИА. № 2. С. 186–194.

Советская историография реформы 19 февраля 1861 г. // История СССР. № 6. С. 99–120.

1961

О некоторых спорных вопросах реализации реформы 1861 г. // ИЗ. Т. 68. С. 81–115.

1962

Важнейшие итоги и задачи изучения падения крепостного права в России [К итогам работы научно-координац. сессии научного совета по проблеме «Генезис капитализма» при Отд. ист. наук АН СССР. Москва, май 1961 г.] // ВИ. № 1. С. 116–122.

О земельной собственности крепостных // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Т. 5. К 70-летию В. К. Яцунского. М. С. 338–347.

Предварительные итоги обработки уставных грамот шести губерний Черноземного центра // ЕАИ, 1960 г. Киев. С. 418–425.

1963

Об изменениях земельного надела крепостных в первой половине XIX в. // Тез. докл. и сообщ. 6 сессии симпоз. по аграрной истории, сент. 1963 г. Вильнюс. С. 214–216.

1964

О некоторых приемах анализа и характеристики источников в трудах В. И. Ленина // Источниковедение истории советского общества. М. С. 7–35.

Движение помещичьих крестьян в великорусских губерниях в 1855–1865 гг. (Итоги анкетного обследования местных архивов) // Тез. докл. и сообщ. 7 сессии симпоз. по аграрной истории, окт. 1964 г. Кишинев. С. 239–241.

1965

Конкретное источниковедение истории советского общества // ВИ. № 1. С. 3–

* Составил Л. И. Шохин с использованием материалов Б. Г. Литвака и справочно-библиографического отдела Института истории СССР АН СССР.

inslav

16; Рез. на англ. яз. С. 219 (совм. с М. П. Губенко).

Об изменениях земельного надела помещичьих крестьян в первой половине XIX в. // ЕАИ, 1963. Вильнюс. С. 523–534.

Рец.: Международная библиография аграрной истории (Bibliographia Historiae Rerum Rusticarum internationalis 1960–1961. Budapest, 1964) // История СССР. № 3. С. 235–236.

Рец. на кн.: Крестьянское движение в России в 1861–1869 гг.: Сб. док. М., 1964. 952 с. // ВИ. № 6. С. 166–169.

Рец.: Удачный почин украинских источниковедов (Історичні джерела та їх выкористання. Київ, 1964. Вып. 1. 289 с.) // История СССР. № 6. С. 158–160.

1966

Движение помещичьих крестьян в великорусских губерниях в 1855–1863 гг. (статистические итоги анкетного обследования местных архивов) // ЕАИ, 1964. Кишинев. С. 558–571.

Выкупная операция в Черноземном центре России // Тез. докл. и сообщ. 9 сессии симпоз. по аграрной истории, окт. 1966 г. Таллин. С. 187–191.

Надельное землевладение в России // СИЭ. Т. 9. С. 873.

Рец. на кн.: Крикунов В. П. Крестьянское движение на Дону и Северном Кавказе в 60–70-х гг. XIX в.: (Очерки). Грозный, 1965. 235 с. // История СССР. № 3. С. 175–177.

Рец.: Коллективное слово о первой революционной ситуации в России: (Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.: Сб. статей / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1960. Т. 1. 544 с.; М., 1962. Т. 2. 596 с.; М., 1963. Т. 3. 459 с.; М., 1965. Т. 4. 463 с.) // ВИ. № 11. С. 156–161.

1967

Опыт статистического изучения крестьянского движения в России в XIX в. М. 127 с.

Координація методики вивчення селянського руху – завдання принципової важливості // Український історичний журнал. № 1. С. 100–104.

1968

Проведение крестьянской реформы в русском Черноземном центре (1861–1895 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 65 с.

О реформе 1861 г. и изучении ее истории в СССР // Rassequa Sovietici N 2. Atti Me II. Convequo degli storici italiani e Sovietici. Roma: Maggio, 1966. Roma. P. 360–363.

1969

О путях развития источниковедения массовых источников // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М. С. 102–114.

Серийное издание «Крестьянское движение в России в XIX – начале XX века» и его место в археографии и историографии // Тез. докл. и сообщ. II сессии симпоз. по аграрной истории. Одесса, нояб. 1969 г. М. Ч. 2. С. 323–325а.

Рец. на кн.: Будаев Д. И. Крестьянская реформа 1861 года в Смоленской губернии: (К вопросу о реализации «Положений 19 февраля»). Смоленск, 1967. 294 с. // История СССР. № 2. С. 202–204.

Рец.: Поиски и заблуждения американского историка (Emmons T. The Russian Landed Jentry and the Peasant Emancipation of 1861. Cambridge, 1968. 483 p.) // История СССР. № 5. С. 198–202 (совм. с А. С. Покровским).

1970

Ленинские приемы источниковедческого анализа и методика исследования массовой документации // История СССР. № 2. С. 66–76.

Новый источник по истории крестьянского движения второй половины XIX – начала XX в.: («Свод статистических сведений о делах уголовных» 1872–1914 гг.) // Тез. докл. и сообщ. 12 сессии симпоз. по аграрной истории. Рига, окт. 1970 г. М. С. 300–305.

Рец. на серийное издание: Крестьянское движение в России в XIX – начале XX века. М., 1959–1968 // Social Science. М. № 2. Р. 158–159.

1971

О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М. С. 199–214.

О степени распространения товарно-денежных отношений в предреформенной деревне Черноземного центра // Проблемы социально-экономической истории России. М. С. 52–68.

Об источниковедческой стороне изучения крестьянских войн и крестьянского движения в России // Тез. докл. и сообщ. 13 сессии симпоз. по аграрной истории. Вильнюс – Каунас, сент. 1971 г. М. С. 22–24.

1972

Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр 1861–1895 гг. М. 424 с.

Итоги исследований по аграрной истории Восточной Европы (XVI – начало XX в.) [О 13 сессии симпоз. по аграрной истории, сент. 1971 г.] // ВАН. № 1. С. 96–98.

Рец. на кн.: Лещенко М. Н. Класова боротьба в українському селі на початку XX століття. Київ, 1968. 204 с.; *Он же.* Класова боротьба в українському селі в епоху домонополістичного капіталізму (60-90-ті роки XIX ст.). Київ, 1970. 303 с. // История СССР. № 3. С. 149–151 (совм. с Л. В. Олейником).

1973

Крестьянская война 1773–1775 гг.: К 200-летию восстания под предводительством Е. И. Пугачева // ВАН. № 9. С. 110–120 (совм. с Р. В. Овчинниковым).

О ленинской методике статистического анализа политических явлений // Источниковедение отечественной истории. М. Вып. 1. С. 11–31.

inslav

Die Voraussetzungen für den Niedergang der Leibeigenschaft und die Gründe für die Reform des Jahres 1861 in Russland // Der Bauer Mittel — und Osteuropas im sozio-ökonomischen Wandel des 18 und 19 Jahrhuderts. Köln. S. 97–119.

Рец. на кн.: Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В. Историческая география СССР: Учеб. пособие. М., 1973. 320 с. // ВИ. № 8. С. 152–154 (совм. с Д. И. Тверской).

1974

Вклад В. К. Яцунского в источниковедение и археографию // АЕ за 1973 год. М. С. 156–162.

Об изучении документов предводителей крестьянских восстаний // ЕАИ, 1971. Вильнюс. С. 16–28.

1975

[О докл. «О некоторых источниковедческих аспектах современной теории экспертизы» на научной конференции Главархива СССР. Москва, сент. 1974 г.] – Федоров В. Ф. Проблемы комплектования государственных архивов СССР // История СССР. № 2. С. 220.

1976

О методике использования источников в некоторых трудах по истории рабочего класса // Источниковедение отечественной истории. М. Вып. 2. С. 339–357 (совм. с А. А. Воронецкой).

Подворные описи дореформенного времени как объект изучения в советской историографии // Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. статей к 90-летию Н. М. Дружинина. М. С. 72–83.

Помещичьи инструкции как источник по истории вотчинного делопроизводства // АЕ за 1975 год. М. С. 70–81.

Источниковедческий опыт изучения массовой документации XIX – начала XX в. в советской аграрной историографии // XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников: Тез. докл. и сообщ. 16 сессии симпоз. по аграрной истории. Кишинев, 29 сент.– 2 окт. 1976 г. М. С. 131–134.

К 70-летию Николая Николаевича Улащика // История СССР. № 3. С. 220.

Рец.: Западногерманский историк о советской историографии реформы 1861 года (Scheibert P. Die Russische Agrarreform von 1861 ihre Probleme – und der Stand ihrer Erforschung. Köln – Wien, 1973. 195 S.) // История СССР. № 1. С. 206–214.

1977

Забытый источник по истории крестьянского движения в России второй половины XIX – начала XX века: («Свод статистических сведений о делах уголовных 1872–1914 гг.) // ЕАИ, 1970 Рига. С. 258–264.

О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории, 1976. М. С. 125–144.

[Выступл. на симпоз. по актуальным проблемам источниковедения. Таллинн, окт. 1972 г.: Крат. излож.] // Там же. С. 236–237.

1978

Приемы формализации содержания массовой документации и регесты: (По материалам XIX в.) // АЕ за 1977 год. М. С. 226–232.

Чернышевский и отечественное источниковедение // ВИ. № 6. С. 26–40; Рез. на англ. яз. С. 221.

То же, пер. на венг. яз.: Jzazdok. Budapest. 1979. № 4. 734–735 old.

Общие и сословно-групповые черты крестьянского движения в период кризиса крепостничества // Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества: Тез. докл. и сообщ. 17 сессии симпоз. по аграрной истории. Ростов н/Д, сент. 1978 г. М. С. 138–141.

Рец.: Книга о крестьянском движении в Воронежской губернии (Степынин В. А. Хроника революционных событий в деревне Воронежской губернии (1861–1917 гг.). Воронеж, 1977. 175 с.) // СА. № 1. С. 94–95.

1979

Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М. 294 с.

Источники по истории крестьянской реформы 1861 года // Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М. Гл. 5. С. 197–219.

1980

Сословно-групповые особенности крестьянского движения в период кризиса крепостничества // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи: Материалы 17 сессии симпоз. по аграрной истории. Ростов н/Д, сент. 1978. г. Ростов н/Д. С. 137–148.

Рец.: Из истории пореформенной России (Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М., 1979. 304 с.) // Книжное обозрение. № 4. С. 3.

Отв. ред.: Бурчинов Л. С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (Вторая половина XIX в.). Элиста. 118 с.

1981

Рец. на кн.: Федоров В. А. Крестьянское движение в Центральной России, 1800–1860: (По материалам центральных промышленных губерний). М., 1980. 167 с. // История СССР. № 4. С. 166–168.

Отв. ред.: Тарасюк Д. А. Поземельная собственность пореформенной России: Источниковедческое исследование по переписи 1877–1978 гг. М. 129 с.

1982

Вопросы публикации источников на страницах «Археографического ежегодника» // АЕ за 1981 год. М. С. 255–260.

Царское законодательство первой половины XIX в. как фактор идеологического воздействия на крестьянство // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР: Тез. докл. и сообщ.

inslav

19 сессии симпоз. по аграрной истории. Уфа, 30 сент.– 3 окт. 1982 г. М. С. 180–183.

Рец. на кн.: Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899 гг.). Томск, 1979. 276 с. // ВИ. № 1. С. 132–134.

1983

Изучение К. Марксом источников о пореформенной России // ВИ. № 10. С. 124–132 (совм. с А. М. Анфимовым).

О критериях определения достаточности источниковой информации в исторических исследованиях // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. 4-й Всесоюзной конференции. Днепропетровск, 31 окт.–2 нояб. 1983 г. М. С. 40–49.

Подгот. публ.: Выступление В. К. Яцунского на заседании памяти Б. Д. Грекова // АЕ за 1982 год. М. С. 276–277 (совм. с И. В. Ледовской).

Рец. на кн.: Усманов Х. Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период (60–90-е годы XIX в.). М., 1981. 370 с. // История СССР. № 2. С. 176–179.

Отв. ред.: Фарсобин В. В. Источниковедение и его метод: Опыт анализа понятий и терминологии. М. 231 с.

1984

О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII–XIX вв.: (К постановке вопроса) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М. С. 48–55.

Ред.: Документы по истории крестьянской общины 1861–1880 гг. М. Вып. 2. 235 с. (совм. с А. М. Анфимовым).

1985

О культуре передачи текста в издании «Архив Маркса и Энгельса»: (К выходу XVI тома) // АЕ за 1983 год. М. С. 3–11.

Проблемы развития современной археографии // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в условиях развитого социалистического общества» [Москва март 1985 г.]. М. Вып. 2. С. 80–90 (совм. с О. Ф. Козловым).

Отв. ред.: Кутьев В. Ф. Московский «Рабочий союз». М. 335 с.

1986

Археографическое и историографическое значение серии документальных сборников «Крестьянское движение в XIX – начале XX в. » // Социально-экономическое развитие России: Сб. к 100-летию Н. М. Дружинина. М. С. 119–131.

Источниковедение массовой документации и теория архивоведения // Массовые документы и проблемы архивоведения: Сб. статей. М. С. 79–92.

Картографический метод в источниковедении // Источниковедение отечественной истории, 1984. М. С. 3–16 (совм. с С. И. Сотниковой).

О периодизации крестьянского движения в России // ВИ. № 3. С. 64–77; Резюме на англ. яз. С. 190.

Серийные издания в советской публикаторской практике // АЕ за 1985 год. М. С. 20–31.

В. И. Шунков и публикация документов по истории Великой Отечественной войны в журнале «Исторический архив» // Там же. С. 204–208 (совм. с Н. А. Ивницким).

Рец. на кн.: Миронов Б. Н. Историк и социология. М., 1984. 174 с. // История СССР. № 2. С. 179–183.

Рец. на кн.: Трехбратов Б. А. Крестьянское движение на Северном Кавказе в период революции 1905–1907 гг. Краснодар, 1984. 95 с. // Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы общественных наук. № 2. С. 140–141.

Отв. ред.: Рыбаков Ю. Я. Промышленное законодательство России первой половины XIX в.: (Источниковедческие очерки). М. 214 с.

1987

Об актуальности научного наследия В. В. Максакова // АЕ за 1986 год. М. С. 114–118.

О некоторых итогах и задачах собирания и научного описания памятников кириллической письменности и книжности // Там же. С. 156–158 (совм. с С. О. Шмидтом и В. А. Черныхом).

Николай Михайлович Дружинин (1886–1986) // Там же. С. 325–327 (совм. с С. О. Шмидтом).

[Выступление на «круглом столе» по теме «Воспитательная функция истории»: Крат. излож.] – Ильина И. Н. «Круглый стол» о воспитании молодежи историей // ВИ. № 9. С. 158.

Рец. на кн.: Крестьянское движение в Сибири 1861–1907 гг.: Хроника и историография. Новосибирск, 1985. 327 с. // История СССР. № 1. С. 181–184.

Рец. на кн.: Селянський рух на Україні. Середина XVIII – перша чверть XIX ст.: Збірник документов и матеріалів. Київ, 1978. 524 с.; Селянський рух 1826–1849 рр. Київ, 1985. 503 с. // ВИ. № 4. С. 128–129.

Отв. ред.: Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. 228 с. (совм. с В. А. Кучкиным).

1988

Публикация документальных памятников в советское время // Документальные памятники: выявление, учет, использование. М. Гл. 3. С. 80–119.

1989

Крестьянское движение в России в 1775–1904 гг.: История и методология изучения источников. М. 253 с.

inslav

В списке не указана работа Б. Г. Литвака в составе редколлегии журнала «Исторический архив» (1961, № 1—6), «Археографического ежегодника» (с 1968 г. зам. отв. редактора с 1980 г.), «Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы» (за 1964—1971 гг.), Тезисов докладов и сообщений 11—21-й сессий Всесоюзного симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1969—1986), изданий «Источниковедение истории советского общества» (М., 1964—1968), «Источниковедение отечественной истории» (М., 1973—1986), «Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода» (М., 1981—1985), избранных трудов В. К. Яцунского «Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв.» (М., 1973), сборников и коллективных трудов «История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 4. Назревание кризиса крепостнического строя в первой половине XIX в.» (М., 1967), «Источниковедение. Теоретические и методические проблемы» (М., 1969), «Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы Всесоюзной дискуссии» (М., 1969), «Материалы 15-й сессии симпозиума по проблемам аграрной истории, сен. 1974 г.» (Вологда, 1974), «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773—1774 гг.» (М., 1975), «Вопросы источниковедения истории первой русской революции» (М., 1977), «Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.)» (Кишинев, 1978), «Проблемы аграрной истории. Ч. 2. XIX — 30-е годы XX в.» (Минск, 1978), «Актовое источниковедение» (М., 1979), «Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. 4-й Всес. конф. Днепропетровск, 31 окт.— 2 нояб. 1982 г.» (М., 1983), «Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России» (Воронеж, 1983), «Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин» (М., 1984).

inslav

III. ПУБЛИКАЦИИ

РОДОСЛОВНАЯ РОСПИСЬ ДВОРЯН ПАЛИЦЫНЫХ

Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел после отмены местничества, сохранили значительный генеалогический и иной исторический материал, к настоящему времени еще далеко не освоенный [1]. Как известно, этот уникальный комплекс документов сильно пострадал в результате пожара 1812 г. Частично утрата большинства подлинных росписей (вначале их было более 507 [2]) компенсируется наличием списков с них в фондах Герольдмейстерской конторы и дворянских губернских собраний. 37 списков родословных обнаружено недавно в фонде Московского разрядно-сенатского архива [3]. Некоторые дошедшие до нас тексты восходят к частным архивам XVII в.[4] Выявление и введение в научный оборот всех сохранившихся родословных росписей конца XVII в.— актуальная задача нашей генеалогии.

Хотя вопрос об издании родословных росписей обсуждался еще до революции, к настоящему времени сделано в этом направлении немного. Правда, известным историком-архивистом А. И. Юшковым опубликована часть документов, поданных дворянами в Разрядный приказ вместе с родословными [5], однако, как отметил Н. П. Лихачев, необходимо издание полного текста родословных росписей [6]. Справедливы и другие соображения, высказанные выдающимся ученым в полемике с Юшковым.

Действительно, во-первых, Юшков издал далеко не все документы, приложенные к родословным, приняв за нижний хронологический рубеж время избрания на царство М. Ф. Романова (вероятно, более поздние документы должны были составить вторую часть сборника). Во-вторых, многие документы в родословных росписях не приводятся в полном виде, но лишь упоминаются или излагаются. Наконец, Юшков не провел необходимой предварительной работы по выявлению родословных росписей. Таким образом, даже с точки зрения введения в научный оборот документации частных дворянских архивов, приложенной к родословным или использованной в них, публикация Юшкова не может считаться удовлетворительной. Так, характерно, что в нее не вошли интереснейшие документы родового архива Палицыных. Произошло это по той причине, что в распоряжении историка находилась неисправная копия XVIII в.,

---

[1] О деятельности Палаты родословных дел и истории подачи в нее родословных росписей, а также о литературе см.: *Каменский А. Б.* К вопросу о родословных росписях конца XVII в. // ВИД. Л., 1990. Т. XXI. С. 211–225.

[2] *Каменский А. Б.* Правящий класс-сословие и государственный аппарат Русского централизованного государства в трудах историков и архивистов второй половины XVIII века: Источниковедческое исследование: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 15.

[3] *Веселовский С. Б.* Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 212; *Кротов М. Г., Сметанина С. И.* Источники по истории феодального землевладения Великого княжества Рязанского в XV в. // СА. 1987. № 1. С. 66.

[4] *Морозов Б. Н.* Частные архивы XVII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984. С. 20.

[5] Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества/Собр. и издал А. Юшков. М., 1898. Ч. 1.

[6] *Лихачев Н. П.* По поводу сборника А. И. Юшкова «Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества». СПб., 1898. С. 2.

inslav

в которой не было полных текстов документов, приложенных к подлинной челобитной, хотя они в ней и перечислялись [7].

Лучший список родословной Палицыных принадлежавший в XIX в. известному историку К. Н. Бестужеву-Рюмину [8], находится в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР (к. 286, д. 3, л. 1—36). Роспись написана на столбце несколькими почерками. Водяной знак — шут с семью бубенцами и литерами HG — датируется 1680—1689 гг.[9] Ни подлинных рукоприкладств, ни каких-либо приказных помет на документе нет. Таким образом, перед нами список, но очень близкий по времени к подлинной родословной росписи. Второй список родословной сохранился в составе известного сборника родословных росписей, составленного в Разрядном архиве в 1785—1790 гг.[10] (ЦГАДА. ф. 286, кн. 241, л. 465—470).

Род Палицыных, долгое время ничем не замечательный, выдвинул в начале XVII в. двух неординарных людей: келаря Троице-Сергиева монастыря и знаменитого писателя Авраамия (в миру Аверкия Ивановича) и видного воеводу Андрея Федоровича, также оставившего нам своеобразные и яркие сочинения, на высокие литературные достоинства которых обратил внимание С. В. Бахрушин [11]. Примечательно, что Авраамий и Андрей Палицыны были довольно тесно связаны между собой, что необходимо иметь в виду при изучении «Истории» троицкого келаря. В 1610 г. они находились вместе под Смоленском, в 1611 г.— в осажденном монастыре, а позднее, по словам Р. Бобарыкина, Андрей Федорович с помощью своего влиятельного родственника незаконно получил жалованную грамоту на вотчину в Арзамасском уезде [12].

Родившись в семье новгородского сына боярского, Андрей Палицын не имел, казалось, никаких шансов на сколько-нибудь успешную карьеру. Все переменила «смута». Трудно сказать, верил ли Андрей Федорович в повторное спасение царя Дмитрия, но в лагере Лжедмитрия II, где он оказался в 1607/8 г., перед ним открывались бóльшие возможности, чем на службе царю Василию. В 1608 г. Андрей Палицын был послан «тушинским» боярином И. М. Заруцким в Тотьму, но там попал в руки сторонников Василия Шуйского [13]. Арест в Тотьме мог стать последней точкой в биографии Палицына, но ему удалось освободиться — в ноябре 1610 г. он находится уже в королевском лагере под Смоленском, где Сигизмунд III жалует новгородцу высокий (во всяком случае, для него) придворный чин стряпчего [14]. Вскоре Палицын, однако, порывает с поляками. В 1611 г. он один из активных участников освободительного движения: защищает Троице-Сергиев монастырь, а затем возглавляет администрацию Первого ополчения в Переславле. В 1612 г. Палицын переходит на сторону Второго земского ополчения и служит воеводой сначала по-прежнему в Переславле, а затем в Угличе.

В апреле 1613 г. стряпчий Палицын в составе делегации земского собора направлен к М. Ф. Романову с просьбой ускорить его прибытие в Москву [15]. В первые годы царствования Михаила он носит чин московского дворянина и играет заметную роль в военных действиях против шведских и польских войск, возглавляя значительные отряды, состоящие главным образом из казаков. С окончанием войн этот энергичный и удач-

---

[7] По-видимому, этим же списком пользовался А. Б. Лобанов-Ростовский. См.: *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1895. Т. 2. С. 60—74.

[8] ЛЗАК. СПб., 1903. Вып. XI. Отд. IV. С. 64—65.

[9] *Дианова Т. В., Костюхина Л. М.* Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980. № 483.

[10] *Каменский А. Б.* Правящий класс-сословие...

[11] *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын: (Русский интеллигент XVII в.) // Века: Исторический сборник. Пг., 1924. Т. I.

[12] ЦГАДА. Ф. 1209. Стб. 22504. Ч. 2. Л. 273.

[13] Там же. Ф. 199. Порт. 133. Д. 1. Л. 71.

[14] СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 464.

[15] Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. I. С. 1189.

inslav

ливый воевода уходит в тень, не имея возможности конкурировать с наследственными членами двора, которые к тому же хорошо помнили, кому обязан Палицын своим возвышением. Кроме того, поведение Андрея Федоровича под Смоленском, вероятно, скомпрометировало его в глазах Филарета, возвратившегося из плена в 1619 г. и ставшего фактическим правителем государства. После 1618 г. Палицын много лет не получает воеводских назначений (в это же время попадает в опалу и келарь Авраамий), хотя в 1627 г. не раз присутствует на царских обедах [16].

В 1629 г. Палицын едет вторым воеводой в Мангазею, где пишет свои знаменитые челобитные на первого воеводу — однородца нового царя Г. И. Кокорева. Эти челобитные, все еще не изданные, принадлежат к наиболее интересным произведениям русской литературы первой половины XVII столетия. Тяжбу с Кокоревым Палицын, несмотря на все свое красноречие, проиграл. Он был вызван в Тобольск, там арестован и позднее в сопровождении пристава отослан в Москву [17]. В 1640 г. Палицын последний раз упоминается в разрядах. В боярской книге того же года записан с пометой «умре» [18].

Андрей Федорович Палицын первым в своем роду вошел в столичное дворянство и получил воеводские назначения. Для его детей, составивших публикуемую роспись, и для всего рода Палицыных документы, подтверждавшие высокое положение Андрея Федоровича, имели первостепенное значение, так как являлись основанием для их чиновных и служебных притязаний. Таким образом, наличие в приложении к родословной росписи многочисленных документов из воеводского архива А. Ф. Палицына вполне объяснимо.

Документы личного архива А. Ф. Палицына не только дополняют наши представления о деятельности этого незаурядного человека, но и содержат множество новых, подчас уникальных свидетельств о событиях русской истории начала XVII в. Среди них особую ценность имеют неизвестные акты подмосковных ополчений. Так, грамота Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого от 4 ноября 1611 г. с поразительной яркостью дает представление об организации городского управления в начале XVII в. Ведущая роль в переславской администрации «лутчего» посадского человека Якова Коржавина после бегства из города воеводы и дьяка и соломоново решение властей Первого ополчения назначить его «в дьячье место» при новом воеводе А. Ф. Палицыне (л. 32—33) невольно напоминают о заслугах другого посадского человека — Кузьмы Минина так же, как приглашение переславцами А. Ф. Палицына — призыв нижегородцами князя Пожарского.

Грамота А. Ф. Палицыну властей Второго ополчения от 15 марта 1612 г. относится к одному из самых драматичных моментов в истории освободительного движения 1611—1612 гг., когда социальные противоречия среди его участников до предела обострились после крестного целования Лжедмитрию III казаков и части дворян, входивших в Первое ополчение. Переход Переславля на сторону Второго ополчения значительно усложнил положение Трубецкого и Заруцкого. Отметим также, что приход Нижегородского ополчения из Костромы в Ярославль произошел, как явствует из той же грамоты (л. 36), по-видимому, раньше, чем об этом позволяли судить известные источники [19].

Что касается самой родословной росписи Палицыных, то в ней, по-видимому, сведены росписи нескольких потомков Ивана Микулаевича. Однако отдельные представители рода «за дальним разстоянием не успели» принять участие в составлении родословной (л. 8), и в ней по этой причине имеются лакуны. Дополнить родословную позволяют другие источники XVI—XVII вв.: писцовые книги, десятни, монастырские

---

[16] Там же. С. 915, 931.
[17] ЦГАДА. Ф. 1209. Стб. 22504. Ч. 2. Л. 263.
[18] Там же. Ф. 210. Боярские книги. Кн. 4. Л. 243 об.
[19] Ср.: *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 93.

inslav

синодики и т. д. Особый интерес представляет синодик Переславского Никитского монастыря, где записан «род Андрея Федоровича Палицына»[20], а также вкладная книга Троице-Сергиева монастыря[21].

Текст родословной росписи Палицыных публикуется в соответствии с «Правилами издания исторических документов» 1969 г. В качестве основного взят список из Архива ЛОИИ СССР (в подстрочных примечаниях — А), разночтения подводятся по списку Герольдмейстерской конторы (в подстрочных примечаниях — Г).

С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский

1 СПИСОК С РОСПИСИ,
КАКОВА ПОДАНА В ПОЛАТУ РОДОСЛОВНЫХ ДЕЛ

РОСПИСЬ РОДОВАЯ СТОЛЬНИКОВ ФЕДОРА
ДА ВАСИЛИЯ АНДРЕЕВЫХ ДЕТЕЙ ПАЛИЦЫНЫХ И ИХ СРОДИЧЕЙ

В лето 6881 году приехал из Литвы к великому князю Дмитрею Ивановичю Донскому Подольские земли воевода пан Иван Микулаевич, прозвище Палица. И от того пошли Палицыны.

У Ивана Микулаевича у Палицы один сын Захарей, прозвище Зерзень. У Захарья Ивановича Зерзня сын Юрья. У Юрьи сын Остафей.

У Остафья было 4 сына: Дорофей, Никита, Максим, Иван, прозвище Шебаш. У Дорофея Остафьевича шесть сынов: Грягорей — с отродом, Илья да Гаврила да Степан — бездетны, а Алексей да Василей — с отродом, прозвище Бронник.

У Григорья Дорофеевича три сына: Леонтей да Иван, прозвище Зуб, да Никита. У Леонтия Григорьевича 6 сынов: Василей да Федор — с отродом, Горяин да Истома да Пятой — бездетны, Шестой — с отродом. У Ивана Зуба 8 сынов[а]: Нечай, Тучко, Вешняк — бездетны, Яков да Угрим, Шестой да Седьмой да Павлик — бездетны. У третьева сына Никиты 4 сына: Иван, прозвище Лобан, да Матфей — с отродом, Яков да Сувор Меньшие — бездетны.//

2 А у Василья Левонтьевича было 9 сынов: Руской, имя ему Иван, Семейка да Роман —с отродом, а Посник да Девятой — бездетны. А у Федора Левонтьевича 2 сына: Михайло да Иван — с отродом. А у Шестово дети есть же.

А у Якова Зубова 5 сынов: Костентин, Салтан, Стефан, Иван, Пятой — бездетны. А[б] [у] Угрима 2 сына: Хабар да Урмен — бездетны[б].

А у Лобана три сына: Иван Ушатой, с отродом, Василей, во иноцех Варлам, в Сергиеве монастыре, Матфей — бездетны. А у Матфея три сына: Смирной да Федор да Семен, с отродом.

А у Алексея Дорофеевича 2 сына: Давыд с отродом, Дмитрей — бездетен. У Давыда 2 сына: Микита да Пороша — бездетны. У Микиты три сына: Михайло, с отродом да Михайло ж, да Григорей — бездетны.

А у Русково, имя Иван, Васильевича 3 сына: Осип, Грязной, Северга, с отродом.

А у Михайла Федоровича было три сына: Жаден да Иван да Петр — бездетны. А у Ивана Федоровича три сына: Аверкей да Федор да Дорофей — бездетны. А Аверкей, во иноцех Аврамей, у Троицы в Сергиеве монастыре келарь был в приход литовских людей, как стояли Сопега и Лисовский, в книге в Троецкой истории[в] написан.

У Смирново сын Иван бездетен.//

3

---

[20] *Титов А. А.* Синодики XVII века Переяславского Никитского монастыря. М., 1903. С. 20.

[21] Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря/Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 115–116.

[а] *Нет А, восстановлено по Г.*

[б–б] *Нет А, восстановлено по Г.*

[в] *истории А, исправлено по Г.*

inslav

л. 3 У Михайла Алексеевича[г] сын Мина. А у Мины сын Федор.

У Ивана Ушатого сын Григорей бездетен.

А у другова Дорофеева брата у Микиты Остафьевича сын Василей, с отродом, Петр бездетен. У Василья Никитича сын Семен. У Семена 2 сына: Яков да Третьяк, с отродом.

У Якова сын Прокофей — бездетен, у государя был в стольниках в Казанском походе 7059-го году. У Третьяка Семеновича 4 сына: Василей да Григорей бездетны, а Сысой, прозвище Меньшой, да Савелей, с отродом.

У Меньшова 2 сына: Федор, с отродом да Василей — бездетен. У Савелия пять сынов: Герасим да Федор бездетны, Дружина да Бухарин, с отродом.

А у Федора Сысоевича три сына: Андрей, Федоров да Васильев отец Палицыных, да Оксеньтей да Семен, а Семен убит в Тифинской осаде от немец — бездетен. У Андрея Федоровича 2 сына: Федор да Василей оба в стольниках. А у Василья сын Михайло.

А у Дружины Савельева сына 2 сына: Фока, прозвище Шестой, да Гаврило. У Шестово 2 сына: Игнатей да Богдан. У Игнатья сын Леонтей, убит под Конотопом. А у Богдана сын Алексей во дворянех.

А у Леонтья 4 сына: Иван да Дмитрей, в житье, Михайло да Ерофей.

А у Гаврила 2 сына: Никон да Фадей, оба убиты под Смоленским во 141-м году. У Никона сын Максим, убит под Конотопом.// У Максима
л. 4 2 сына: Емельян да Семен, Семен убит под Чигириным, а Емельян служит по Москве во дворянех.

У Василья Бронника Дорофеевича сын Иван. У Ивана сын Федор. У Федора сын Василей. У Василья 2 сына: Василей да Олимпей — оба убиты при царе Василье Ивановиче, служили по Кошире по выбору в первой статье в десятнях 114[д] году. У Василья сын Игнатей, служил по Москве во дворянех. У Игнатья сын Демит в стряпчих. У Демида сын Ондрей.

А сродичи наши, которые служили по Москве и по Великому Новугороду по[е] Деревской и по[ж] Обонежской пятинах да по Кошире, а имена их в старых десятнях 105-го и 112-го, и 114-го, и 129-го годов написаны в первых статьях, а оклады им были по 550 и по 500, и по 450, и по 350, и по 300 чети, а иные сродники наши написаны в окладчиках в тех же десятнех и в Тысечной книге написаны 7059-го году. Да сродник же наш Василей Федоров сын Палицын был на Туле з боярином и воеводы со князем Александром Ивановичем Воротынским да со князем Федором Васильевичем Сысеевым письменым головою 7068-м году.

РОСПИСЬ ОТЦА НАШЕГО АНДРЕЯ ФЕДОРОВИЧА ПАЛИЦЫНА ПОЛКОВЫМ СЛУЖБАМ

120-го году октября в 25 день грамота ис-под Москвы от бояр и воевод от князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого с товарыщи и за походы за литвою и за язычные приводы// с похвалою.

л. 5 Того ж 120-го году ноября в 4 день грамота в Переславль Залеской ис-под Москвы от бояр от князя Дмитрея Тимофеевича Трубецкого с товарыщи за приписью дьяка Никиты Новокшенова — велено быть в Переславле воеводою полковым.

Того ж году генваря в 12 день третьея грамота в Переславль ис-под Москвы от бояр за литовскую ж службу за приписью дьяка Денисья Софонова, как литву побили под Ростовым и языки многие поимали.

122-го году ноября в 10 день грамота государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии — велено быть полковым воеводою. А та грамота за приписью думного дьяка Сыдавного Васильева за немецкую службу с похвалою.

[г] *Так в А и Г; по-видимому, описка*: Никитича?
[д] *В Г ошибочно* 141.
[е,ж] *В Г вместо* по *написано* в.

inslav

123-го году октября в 1 день грамота ж за приписью дьяка Марка Поздеева — велено с полком итти на помочь во Псков, как немцы взяли Гдов город и король немецкой осадил Псков.

Того ж году ноября в 22 день грамота ж за приписью ж дьяка Марка Поздеева за литовскую службу с похвалою, как литву побил.

Того ж месяца в 26 день грамота за приписью думного дьяка Сыдавного Васильева — велено ратным людям атаманом и казаком итти с воеводою с Ондреем Палицыным под Невль на литовских людей.//

Декабря в 22 день грамота ж — велено итти под Торопец с полком на
л. 6 литовских людей. А та грамота за приписью дьяка Сыдавного Васильева. А в ней написано против родословной книги воеводе Андрею Федоровичу Зерзневу Палицыну, а в родословной книге прародитель наш Захарей Ивановичь, прозвище Зерзень, написан.

СПИСКИ С НАКАЗОВ ПОЛКОВЫХ

Лета 7122[з]-го сентября в 3 день государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Росии велел воеводе Андрею Федоровичю Зерзневу Палицыну итти на свою государеву службу под Старую Русу, а с ним государь указал быти дворяном и детем боярским новгородцам помещиком Шелонской да Деревской пятины да атаману[и] Ивану Балашу, Безсону Гаврилову, Андрею Звенигородцу, Мурзе Елисееву да их станиц казаком. А тот наказ за приписью думного дьяка Сыдавного Васильева.

Лета 7123-го году сентября в 4 день государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии велел воеводе Андрею Федоровичю[к] Палицыну быть на своей государеве службе в походе для промыслу над немецкими людьми. А людям государь указал с ним быти дворяном и детем боярским рамышевским сидельцом да атаманом и казаком, а итти
л. 7 ему с теми ратными людьми к Тихвине на немецких людей и Тихвине// помочь чинить. А тот наказ за приписью думного дьяка Сыдавного Васильева.

Лета 7123-го маия в 30 день государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа России велел воеводе Андрею Федоровичю Палицыну итти на воров казаков, которые воруют по Переславской дороге, а с ним государь указал быти дворяном и детем боярским переславцом, ростовцом, дмитровцом да Троицы-Сергиева монастыря слугам да стрельцом троецким. А тот наказ за приписью дьяка Марка Поздеева.

ВОЕВОЦКИЕ НАКАЗЫ ПО ГОРОДОМ ВОЕВОДАМ

125[л]-го году июля в 22[м] день велено быть воеводою в Муроме на Данилово место Замыцкого. А тот наказ за приписью дьяка Марка Поздеева.

Того ж году наказ для збору дворян и детей боярских арзамасцов за приписью дьяка Михайла Данилова.

А которой наказ дан был ис приказу Казанского Дворца, как был на Царицыне воеводою, и там отца нашего не стало, и тот наказ утерялся. И иные грамоты многие и наказы в пожарное время згорели.

Четыре наказы стольнику Федору Андрееву сыну Палицыну: великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца 172-го году августа в 17 день, наказ сыскной в Галичь за приписью дьяка Федора Грибоедова; //174-го
л. 8 году июля в 1 день, наказ на Вологду для соленого промыслу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержца за приписью дьяка Федора Грибоедова; 186-го наказ в Касимов и в Арзамас для переписки дворовой вели-

---

[з] *В Г ошибочно* 7120.
[и] атаманом *Г*.
[к] *Далее в А смазано*: Зер.
[л] *В А ошибочно*: 122, *исправлено по Г*.
[м] *В Г ошибочно* 26.

inslav

кого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца за приписью дьяка Михайла Прокофьева [н]; 190-го году наказ великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев в Цывилеск — велено быть воеводою в Цывильску, за приписью дьяка Петра Самойлова.

А те все наказы вышеписанные полные.

163-го году наказ Игнатью Васильевичю Палицыну — велено быть воеводою в Еренске [о], за приписью думного дьяка Алмаза Иванова.

А которые сродичи наши ныне в Великом Новегороде в Деревской и в Обонеской пятинах и по Москве и по Великому Новугороду служат: Иван Богданов сын с детьми, Сава Поликарпов сын с детьми, Фрола Мокеева сына дети да Никифор Еуфимов сын Палицыны — ныне с нами в родовую роспись написатца за дальним разстоянием не успели, чтоб великие государи пожаловали, указали у них против сей родовой нашей росписи их поколенью роспись после принять.//

л. 9 А на Москве и в ыных городех роду нашему поколенья Палицыных окроме сей нашей заручной росписи, которые имяны писаны, нет.//

л. 470 об. На [п] обороте подлинной росписи рукоприкладство пишут тако: К сей родовой росписи Емельян Палицын руку приложил. К сей родовой росписи Василей Палицын руку приложил. К сей родовой росписи Емельян Палицын и вместо Алексея Богданова сына руку приложил [п].//

л. 10

СПИСОК 3 ГРАМОТЫ СЛОВО В СЛОВО

От царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии воеводе нашему Ондрею Федоровичю Палицыну.

В нынешнем во 122-м году сентября в 24 день писали к нам с Тихвины стольники наши и воеводы князь Семен Васильевичь Прозоровской да Левонтей Вельяминов. Сентября в 14 день, прося у бога милости, выходили они на вылоску против немецких людей и божиею милостию, и пречистые богородицы помощию, и великих чюдотворцов молитвами, и нашим царским счастьем [р] немецких и литовских людей побили наголову и туры сожгли, а которые люди были в турех, и тех всех побили без остатка. А достальные немцы пошли, не займуя Великого Новагорода, к Невскому устью. А которые черкасы были с немцы под Тихвиною, и те черкасы от немець отошли прочь, а куды пошли, того неведомо.

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б жил с великим береженьем, и про черкас и про немець проведывали, где ныне те черкасы стоят и сколько их, и на которые городы приходу их чаят. Да что у вас про черкас каких вестей объявитца, и ты б о том к нам отписал, чтоб нам про то было ведомо.

Писано на нашем стану у Троицы в Сергиеве монастыре лета 7122-го сентября в 25 день.

У подлинной грамоты припись думнова дьяка Сыдавнова Васильева.//

л. 11

СПИСОК 3 ГРАМОТЫ СЛОВО В СЛОВО

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Росии воеводе нашему Андрею Федоровичю Зерзневу Палицыну.

Писал еси к нам с Семым с Веревкиным с товарыщи, что октября в 1 день ходил ты под острожок немецких людей. И в те поры пришли к ним из Новагорода многие немецкие люди безвесно, и ты, прося у бога милости, с ними бился в день, и многих немецких людей побили, а тебя на том деле ранили.

Да октября ж в 19 день приходили немецкие люди под ваш острожок под Рамышев на осад, а с ними многие прибыльные роты, и к острожку

[н] *В А ошибочно* Самойлова, *исправлено по Г.*
[о] Ыренске *Г.*
[п–п] *Нет А, восстановлено по Г.*
[р] *Написано над строкой.*

inslav

приступали жестокими приступы к двоим воротам в день и в ночь. И ты с атаманы и казаками на приступе и на вылосках с немецкими людьми бился сьемным боем, и на приступех и на вылосках немецких людей побили многих, и от острожку отбили.

И то делаетца божиею милостию и пречистые богородицы помощию, и заступлением и всех святых молитвами, а нашим царским счастьем, а твоею к нам и атаманов и казаков, которые с тобою, прямою службою и раденьем. И ты б и вперед[с] нам служил как начал, так бы и совершил. Над немецкими людьми нашим делом промышлял всякими мерами и смотрел по тамошнему делу сколько милосердый бог помочь подаст. А мы тебя за[т] твою[т]// службу пожалуем нашим царским великим жалованьем. И тебе б наше великое жалованье и милость к себе была ведома.

л. 12

А к боярину нашему и воеводе ко князю Дмитрею Тимофеевичю Трубецкому да к окольничему нашему и воеводе ко князю Данилу Ивановичю Мезецкому от нас писано, а велено им по прежнему нашему указу, выбрав в головы дворянина добра, а с ним дворян и детей боярских и атаманов и казаков, и[у] послать[у] их от себя [на][ф] помочь к тебе тотчас, не мешкая, чтоб тебя немецким людям не подать и помочи бы им тебе тою своею посылкою учинить вскоре. Да с тобою ж велено сходитца и над немецкими людьми промышлять вместе, сопча, за один, воеводе Исаку Сунбулову да князю Захарью Белосельскому с атаманы и с казаки со многими людьми. И ты б по нашему указу к Исаку Сунбулову да князю Захарью Белосельскому и к атаманом и х казаком писал, чтоб они тотчас шли на помочь от немецких людей тебе учинили вскоре и нашим делом над немецкими людьми промышляли вместе.

Однолично б тебе над немецкими людьми нашим делом промышляти всякими мерами с великим раденьем сколько бог помочи подаст. Да и атаманам и казаком говорити, чтоб они нам, великому государю, послужили и первоначальную службу свою и раденье показали. А как оне нам послужат, и мы их пожалуем нашим царским великим жалованьем, смотря по их службе.

Да что у тебя вперед с немецкими людьми наше дело учнет делатца и каковы вести// про немецких людей будут, и ты б о том писал к боярину нашему и воеводе ко князю Дмитрею Тимофеевичю Трубецкому да к окольничему нашему и воеводе ко князю Данилу Ивановичю Мезецкому. А по нашему указу боярину и воеводам князю Дмитрею Тимофеевичю Трубецкому велено вам во всем помочь чинить. И по городом к воеводам нашим, куда пригоже, от себя всякие вести писал же, чтоб им по тому жь про всякие вести быть небезвесным.

л. 13

Писано на Москве лета 7122-го ноября в 10 день.

У подлинной грамоты припись думнова дьяка Сыдавна[х] Васильева.//

л. 14

СПИСОК 3 ГРАМОТЫ СЛОВО В СЛОВО

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе нашему Ондрею Федоровичю Зерзневу Палицыну.

В нынешнем во 123-м году сентября в 29 день писали к нам изо Пскова воеводы князь Иван Хованской с товарыщи, что свейский король Гдов взял и хочет со всеми людьми итти подо Псков на осад с нарядом. А во Пскове ратных людей мало, и нам бы их немецким людям не подать.

И мы по тем вестям указали итти ко Пскову тебе с теми людьми, которым по нашему указу велено быть с тобою. Да с тобою же велено отпустити ис Торшку окольничему пашему и воеводе князю Данилу Ме-

---

[с] *Далее затерто* к.
[т–т] *Написано дважды в конце л. 11 и в начале л. 12.*
[у–у] *Написано над строкой.*
[ф] *В ркп. пропущено, восстановлено по смыслу.*
[х] *Так в ркп.*

inslav

зецкому атаманов и казаков тысечю человек, которым наше денежное жалованье дано. Да во Псков же послали есмя на помочь с Москвы боярина нашего и воеводу Василья Петровича Морозова со многими ратными людьми. Да Пскову ж велели есмя помогать ис Торопца и с Невля и изо псковских изо всех пригородов воеводам нашим и всяким приказным людям. Да во Псков же велели есмя итти стольнику нашему и воеводе Левонтью Вельяминову, а с ним атаманом и казаком и всяким ратным многим людям.

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тотчас с теми людьми, которые с тобою и которых возмешь в Торжку у окольничева нашева у князя Данила Мезецково, шел на нашу службу ко Пскову тотчас, не мешкая нигде ни часу, и, прося у бога милости, Пскову помочь чинил и над немецкими людьми нашим делом промышлял с великим раденьем сколько тебе милосердый бог помочи подаст и смотря по тамошнему делу.//

л. 15 А атаманом бы еси и казаком, которые с тобою подо Псков пойдут, наше милостивое слово сказал, чтоб они нам послужили и службу свою и раденье по началу совершили, шли с тобою наспех и Пскову помочь учинили вскоре. А как оне нам послужат, и мы их за их службу пожалуем нашим великим жалованьем.

А во Псков бы еси наперед себя послал, выбрав, человек з двести или с триста резвых людей, а велел им во Псков проезжати всякими обычаи наспех и с ними б еси во Псков отписал, что по нашему указу идут Пскову помогать боярин наш и воеводы Василей Петровичь Морозов да стольник наш Левонтей Вельяминов да ты, Ондрей, со многими ратьми, да с вами ж атаманы и казаки и стрельцы многие. И будут изо Пскова воеводы[ц] к тебе отпишут, а велят тебе со всеми людьми итти во Псков, и ты б шел к ним во Псков. А будет тебе во Псков итти не велят, а велят промышлять над немецкими людьми, и ты б, прося у бога милости, над немецкими людьми нашим делом промышлял и Пскову помочь чинил сколько тебе милосердый бог помочи подаст и смотря по тамошнему делу.

Да которые будут атаманы и казаки в Торжку ныне не были, а стояли около Осташкова или в Ноугородцких местех, и ты б к ним отписал, чтоб они нам послужили, шли на нашу службу с тобою. А как они послужат, и мы их пожалуем нашим жалованьем и жалованье к ним пришлем.

А однолишно б еси службу свою и промысл и раденье к нам показал,// *л. 16* на нашу службу ко Пскову шел тотчас, не мешкая нигде ни часу, и, прося у бога милости, нашим делом над немецкими людьми промышлял и Пскову помочь чинил сколько милосердый бог помочи подаст всякими обычаи, и наших ратных людей уговаривал, чтоб они с тобою на нашу службу во Псков шли тотчас, не мешкая нигде ни часу.

А которые атаманы и казаки с тобою на нашу службу во Псков тотчас не пойдут, а останутца в Торшку, и о тех писано от нас к окольничему нашему и воеводе ко князю Данилу Ивановичю Мезецкому, а велено ему тех атаманов и казаков за тобою высылать тотчас.

А которова числа ко Пскову пойдешь и сколько с тобою пойдет наших ратных людей и атаманов и казаков, и ты б о том к нам отписал наскоро, чтоб нам было ведомо. А что у тебя учнетца делати и что каких вестей будет, и ты б о всем писал к нам почасту, чтоб нам про все было ведомо.

Писано на Москве лета 7123-го октября в 1 день.

У подлинной грамоты припись дьяка Марка Поздеева.//

[ц] *В ркп.* воево *написано дважды.*

inslav

л. 17

СПИСОК 3 ГРАМОТЫ СЛОВО В СЛОВО

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе нашему Андрею Федоровичю Зерзневу Палицыну.

Писал еси к нам, что ноября в 10 день посылал ты от себя по вестем на литовских людей в Отерскую волость посылку дворян и детей боярских десять человек да атаманов и казаков Микиту Маматова с товарыщи. И дворяне и дети боярские и атаманы и казаки сошлись с литовскими с передовыми людьми и литовских людей многих побили и живых поимали, и привели к тебе в языцех литовских людей пятьдесят человек.

И нам то ведомо. И то зделалось милостью божью и пречистые богородицы и всех святых молитвами, а нашим царским счастьем, а твоею к нам и всех ратных людей прямою службою и кровью и раденьем.

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б и вперед нам служил как начал, так и совершал и на литовских людей посылки посылал и, смотря по вестем, и сам ходил, и, прося у бога милости, над ними промышлял всякими мерами сколько милосердый бог помочи подаст, и вестей всяких про литовских людей и про черкас велел проведывать. Да что у тебя про литовских людей и про черкас каких вестей будет и что твой над ними промысл, и ты б о всем к нам отписал, чтоб нам было ведомо.

Писано на Москве лета 7123-го ноября в 22 день.

У подлинной грамоты припись дьяка Марка Поздеева.//

л. 18

СПИСОК 3 ГРАМОТЫ СЛОВО В СЛОВО

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе нашему Ондрею Федоровичю Зерзневу Палицыну.

Декабря в 20 день писал еси к нам, что ты по нашему указу на нашу службу под Невль пошол, а сколько с тобою наших ратных людей пошло, и ты тем ратным людям прислал к нам перешневую роспись. И нам про то ведомо.

И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б по прежнему и по сей нашей грамоте тотчас со всеми нашими ратными людьми шол на нашу службу на польских и на литовских людей под Торопец и помочь Торопцу и Невлю чинил, и, прося у бога милости, над польскими и над литовскими людьми промышлял сколько тебе бог помочи подаст, чтоб тебе над литовскими людьми поиск учинити, а себя уберечи.

А однолично б еси к нам службу свою показал, со всеми ратными людьми на нашу службу под Торопец шел и помочь Торопцу и Невлю чинил,
л. 19 и стоял бы еси бережно// и усторожливо, чтоб литовские люди над тобою и над нашими ратными людьми какова дурна не учинили.

А которова числа под Торопец придешь и что твой над литовскими людьми промысл будет, и ты б о том к нам писал, чтоб нам было ведомо.

Писано на Москве лета 7123-го году декабря в 22 день.

У подлинной государевой грамоты припись думнова дьяка Сыдавнова Васильева.//

л. 20

СПИСОК 3 ГРАМОТЫ СЛОВО В СЛОВО

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Росии атаманом и есаулом и казаком, которые с воеводою нашим с Ондреем Палицыным.

Ноября в 25 день писал к нам с Невля воевода наш князь Семен Гагарин. Ноября в 4 день пришли под Невль на осыпь[ч] с нарядом литовских людей пять тысяч человек и к городу приступают, и из наряду по городу бьют беспрестанно. Да ноября ж де в 1[ч] день те литовские люди к городу приступали, и нашим царским счастьем тех литовских людей от города отбили и языков поимали. И нам бы их литовским людем не подать, прислати к ним людей на помочь.

И мы по тем вестем указали итти и Невлю помогать воеводе нашему Ондрею Палицыну с вами атаманы и с казаки. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б атаманы и казаки с воеводою нашим с Ондреем

[ч] *Так в ркп.*

inslav

Палицыным шли на нашу службу под Невль тотчас, не мешкая нигде ни часу, и, прося у бога милости, с польскими и с литовскими людьми [бились] [ш] сколько вам милосердый бог помочи подаст. А мы вас за вашу службу пожалуем нашим жалованьем, смотря по вашей службе.

А вы б однолично с воеводою нашим с Ондреем Палицыным на нашу
л. 21 службу на литовских людей// под Невль шли тотчас, не мешкая, и службу свою к нам совершали как начали, так бы и совершали. А на наше жалованье во всем были надежны.

Писано на Москве лета 7123-го ноября в 26 день.

У подлинной грамоты припись думного дьяка Сыдавна [щ] Васильева.//

л. 22

СПИСОК З НАКАЗУ СЛОВО В СЛОВО

Лета 7122-го сентября в 3 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии велел воеводе Ондрею Федоровичю Зерзневу Палицыну итти на свою государеву службу под Старую Русу, а с ним государь указал быти дворяном и детем боярским ноугороцким помещиком Шелонские да Деревские пятины да атаманом Ивану Балашу, Безсону Гаврилову, Андрею Звенигородцу, Мурзе Елесееву да их станиц казаком.

И воеводе Ондрею Палицыну ехать на государеву службу под Старую Русу тотчас, не мешкая, а, приехав в Ноугороцкой уезд, стати, где пригожь, и отписати ему от себя в Шелонскую и в Деревскую пятину к дворяном и к детем боярским, что ему по государеву указу велено итти под Старую Русу, а с ним им, дворяном и детем боярским Деревские и Шелонские пятины, да атаманом и казаком. И они б дворяня и дети боярские,
л. 23 помня бога// и православную християнскую веру, от немецкие прелести отстали и государю вину свою принесли, а государь их пожалует, вины их им отдаст, и вперед им вины их не воспомянутца, шли к нему тотчас, не мешкая. А как к нему дворяне и дети боярские ис пятин съедутца, и ему [з] [ъ] дворяны и з детьми боярскими Шелонские да и с Деревские пятины и с атаманы и с казаки итти под Старую Русу тотчас, не мешкая. А пришедчи под Старую Русу, прося у бога милости, над Старою Русою и над немецкими людьми промышляти, смотря по тамошнему делу и сколько ему милосердый бог помочи подаст, чтоб над Старою Русою и над немецкими людьми поиск учинили, а себя уберечи, а Старой Русы доступати.

А как он под Старую Русу придет, и ему ко всяким людем писати тайно, что он по государеву указу пришол под Старую Русу, а с ним дворяне и дети боярские и атаманы и казаки многие люди. И они б всякие люди, помня бога и православную християнскую веру, от немецкие прелести отстали и вины свои государю принесли, и стали на немецких людей с ними вместе. А государь их пожалует, вины их им отдаст и вперед им вины их не воспомянутца.

л. 24 А однолично Ондрею// Палицыну, собрався з дворяны и з детьми боярскими Шелонские и Деревские петины и с атаманы и с казаки, над Старою Русою промышляти всякими мерами с великим раденьем и Русы доступати, чтоб ево промыслом и раденьем Старая Руса от немецких людей очистилася. А как он под Старую Русу придет и что ево над Старою Русою промысл будет, и ему про то про все писати к государю к Москве. Да и в Великий Новгород ему от себя лазутчиков посылати, а велети про всякие немецкие вести проведывати тайно. А как к нему из Великого Новагорода лазачники [ы] придут и что ему про вести в роспросе скажут, и ему потому ж про всякие вести писати к государю к Москве.

У подлиннова наказу помета думнова дьяка Сыдавнова Васильева.//

[ш] *В ркп. пропущено, восстановлено по смыслу.*
[щ] *Так в ркп.*
[ъ] *В ркп. пропущено, восстановлено по смыслу.*
[ы] *Так в ркп.*

inslav

л. 25

СПИСОК С НАКАЗУ СЛОВО В СЛОВО

Лета 7123-го сентября в 4 день государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии велел воеводе Ондрею Федоровичю Палицыну быти на своей государеве службе в походе для промыслу над немецкими людми, а людем указал государь с ним быти дворяном и детем боярским рамышевским сидельцом да атаманом и казаком, которых отпустит с ним ис Торшку окольничей и воевода князь Данила Ивановичь Мезецкой.

И Ондрею, приехав в Торжок, взяти у окольничего и воеводы у князя Данила Ивановича Мезецкого атаманов и казаков тысечю человек и списки имян их, а дворян и детей боярских рамышевских сидельцов список дан ему на Москве. И по тем[ь] списком дворян и детей боярских и атаманов и казаков пересмотрити всех налицо, а, пересмотря, итти ему и с ним ратным людем на государеву службу к Тихвине и, прося у бога милости, над немецкими людми, которые под Тихвиною, государевым делом промышлять, и Тихвине помочь чинить сколько милосердый бог помочи подаст и смотря по тамошнему делу.

л. 26 А будет немецкие// люди от Тихвины отошли и ему итти к Старой Русе и Старая Руса занять, и в ней сесть, и острог укрепить, и всякие крепости поделать, и запасы велети в острог с окольных мест запасать, и к стольнику и воеводе к Левонтью Вельяминову о своем приходе отписать, что он пришол со многими людьми, и с ним ссылатца. А Левонтью по государеву указу велено итти на государеву службу на Тихвину и над немецкими людьми, прося у бога милости, промышлять. И как немецкие люди от Тихвины пойдут, а Левонтей пойдет к Новугороду, и Ондрею итти в те поры к Новугороду и поставливаться острожки, чтоб, прося у бога милости, над Новым городом промыслити, а в Старой Русе в те поры оставя осадных[э] людей.

А к Новугороду итти ему которою дорогою лутчи и бережнее, и корм атаманом и казаком велеть збирать с Ноугородцкого уезду, с волостей, с которых пригожа, как мочно сытым быть, и от воровства атаманов и казаков унимать, чтоб они не воровали и не грабили, и не побивали, и насильствь крестьяном никаких не делали. А которые учнут воровать, грабить и побивать, и Ондрею над теми чинить наказанье, хто чево доведетца.

А к атаманом и х казаком к Балашу с товарыщи и к иным, которые атаманы и казаки з государевы службы з Бронниц и из Рамышевского острожку збежали, а ходят ныне в уездехь, от себя писати,// чтоб они, л. 27 помня бога и свои души и государево крестное целованье, шли на государеву службу к нему в полки и государю служили, с немецкими людми, прося у бога милости, бились и над ними промышляли сколько бог помочи подаст.

А государево жалованье пришлют к ним тотчас, и они б однолично государю послужили, да и прежние своей службы и дородства не теряли, как они служили под Москвою и на Тихвине, и на Бронницах, и в Рамышевском острожку и в ыных местехь, шли к нему в полки и государю служили. А только милостию божиею и их службою государева отчина Великий Новгород из неприятельских рук очиститца, и они сподобятца от бога милости, а от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии великого жалованья, а Московского государства ото всяких людей чести и хвалы вечные. И они б одноличо на государеву службу к нему в полки шли тотчас.

А будет до его приходу Старую Русу занели немецкие люди и в ней сидят, и Ондрею, пришед под Старую Русу или где пригож, в которое б место от Левонтья Вельяминова ему, Ондрею, и Левонтью от него, Ондрея, помочь учинить мочно. И изобрав место крепкое, поставити острожек и всякие крепости поделати, и запасы запасти, и потому ж, прося

[ь] *Написано по затертому.*
[э] *Написано по затертому.*

inslav

у бога милости, над Старою Русою и под Новым городом и над иными
л. 28 городами, которыми завладели немецкие люди,// промышлять, и со псковскими людми, которые под Порховым, ссылатца и помочь им делать.

А будет по вестем помочь ему от псковских людей надобно, и ему к ним писать, чтоб они шли к нему и помочь делали, а от государя к пим о том писано ж.

А однолично воеводе Ондрею Федоровичю Палицыну, прося у бога милости, над Старою Русою и над Новым городом государевым делом промышлять неоплошно с великим раденьем и над немецкими людми поиск чинить сколько милосердый бог помочи подаст и смотря по тамошнему делу. А что ево промысл и что каких вестей будет, и ему о том обо всем писати к государю почасту, чтоб государю про все было ведомо.

А денежное жалованье атаманом и казаком послано в Торжок з Гаврилом Писемским да з дьяком с Парфеньем Кузминым, а зелье и свинец отпущено с ним с Ондреем с Москвы.

У подлиннова наказу припись думнова дьяка Сыдавна[ю] Васильева.//

л. 29 СПИСОК С НАКАЗУ СЛОВО В СЛОВО

Лета 7123-го майя в 30 день государь царь и великий князь Михаило Федоровичь всеа Русии велел воеводе Ондрею Федоровичю Зерзневу Палицыну итти на варов на казаков, которые воруют по Переславской дороге, а с ним указал государь быти дворяном и детем боярским переславцом, ростовцом, дмитровцом да Троицы Сергиева монастыря слугам пятидесят человеком лутчим да и стрельцом троецким сту человеком лутчим же. И Ондрею тотчас, в Троецком монастыре у архимарита Деонисия да у келаря старца Аврамья Палицына монастырских слуг пятидесят человек лутчих да стрельцов сто человек лутчих же взяв, итти по Переславской дороге и наперед себя и по сторонам посылать подъезды частые и велети про варовь про казаков проведывати подлинно.

А в Переславль к воеводе ко князю Василью Борятинскому тотчас от себя отписати, чтоб он прислал к нему дворян и детей боярских ростовцов и переславцов всех, которые ныне с пим в Переславле, и список имян их к нему прислал, а ко князю Василью о том от государя писано.

А в Дмитров отписать ему от себя к Григорью Маматову, чтоб он прислал к нему дворян и детей боярских дмитровцовь всех и список имян их прислал, а к Григорью Маматову о том от государя писано ж.

Да как князь Василей и Григорей дворян и детей боярских к нему пришлют, и Ондрею, пересмотря их по списку всех налицо, велети им быти с собою, да где будет воры казаки объявятца, и ему над во//ры
л. 30 над казаки промышлять всякими обычаи и смотря по тамошнему делу. А однолично б Ондрею про воров про казаков проведывать и над ними промышлять всякими обычаи сколько бог помочи подасть и смотря по тамошнему делу. А что у него учнет делатца, и ему о том писати к государю почасту.

У подлиннова[я] наказу[я] припись дьяка Марка Поздеева.//

л. 31 СПИСОК С ОТПИСКИ СЛОВО В СЛОВО

Воеводе господину Ондрею Федоровичю Палицыну бояре и воеводы Дмитрей Трубецкой да Иван Заруцкой челом бьют. Писал еси к нам, что ты по приговору архимарита Деонисья и всего собору и боярина князя Ондрея Петровича Куракина да думнова дворянина Василья Борисовича Сукина и дворян и детей боярских и атаманов и казаков и всяких ратных людей, ты, Ондрей, ходишь под литовскими людми ис Троецкова монастыря, а с тобою дворяне и дети боярские и троецкие слуги и стрельцы, и божиею милостию литовских людей побиваете и живых многих емлете панов шляхтичей и пахолков. А сколько ныне приведено языковь

[ю] *Так в ркп.*
[я–я] *Написано по затертому.*

inslav

в Троецкой[а-1] монастырь и хто ково взял, и то к нам писал троецкой архимарит з братьею.

И нам, господине, твоя служба ведома, и вперед, господине, та твоя служба пред богом и передо всею землею забвенна[б-1] не будет. И ты б, господине, и вперед богу и всей земле служил так же, как начал, так и совершал, и на литовских людей ходил и над ними промышлял сколько бог помочи подаст и как тебя бог наразумит, чтоб тебе над литовскими людьми поиск учинить и литовским бы людям воевать не дать. Да что у вас над литовскими людьми промысл будет, и ты б о том к нам писал почасту.

Писан на Москве лета 7120-го октября в 25 день.//

л. 32

СПИСОК С ОТПИСКИ СЛОВО В СЛОВО

В Переславль Залеской стряпчему и воеводе господину Ондрею Федоровичю Палицыну бояре и воеводы Дмитрей Трубецкой да Иван Заруцкой челом бьют.

Писал еси, господине, к нам да и дворяне и дети боярские Илья Змеев с товарыщи, да посацкой лутчей человек Яков Коржавин, что воевода князь Василей Борятинской да дьяк Иван ис Переславля збежали и город покинули, и, на них смотря, многие дворяне и дети боярские и торговые люди побежали розно, а оне де Илья да Яков остались в городе з достальными с посацкими людьми и посылали бить челом троецкому архимариту Деонисью и келарю старцу Аврамию да думному дворянину и воеводе Василью Борисовичю Сукину, чтоб к ним прислать в Переславль воеводою тебя, Ондрея, на князь Васильево место Борятинскова, а с тобою прислать ратных людей, чтоб литовские люди Переславлю какова дурна не учинили. И троецкой де архимарит Деонисей и келарь старець Аврамей и думной дворенин и воевода Василей Борисовичь Сукин по их челобитью тебя, упросив, к ним послали да с тобою ратных людей дворян и детей боярских дмитровцов и переславцов да троецких стрельцов. И ты де к ним в Переславль пришел октября в 29 день и в городе сел. А переславцы дворяне и дети боярские и посацкие торговые люди и атаманы и казаки тебе бьют челом, чтоб ты был у них в Переславле. Да с тобою ж быть в дьячье место посацкому лутчему человеку Якову Коржавину для того, что ево промыслом и раденьем в городе пе-
л. 33 реславцы до тебя укрепилися// и розно не розбрелися.

И твой, господине, приход в Переславль и служба твоя нам и всей земле ведома. И ты, господине, то делаешь и земскую службу служишь, помня бога и душу свою, и объявляешь свое дородство, паметуя свое отечество. И как к тебе ся грамота придет и ты б, господине, вперед был на земской службе в Переславле и земским делом промышлял, смотря по указным грамотам и смотря по тамошнему делу и как тебя бог вразумит. И жил бы еси в Переславле бережно и осаду крепил, и людей в осаду переславцов дворян и детей боярских и окольных всяких людей з женами и з детьми и с хлебом збирали, чтоб литовские люди к городу к Переславлю безвесно и украдом не пришли и дурна какова не зделали, а уездных людей по домом в полон не поимали. А посацкому человеку Якову Коржавину велел бы еси, господине, быти у земскова дела в Переславле с собою и в дьячье место, а князь Василья Борятинскова и дьяка Ивана Булыгина, сыскав, посадити в тюрьму.

И каковы у вас про литовских людей вести будут, и вы б всякие вести к нам писали. А по князь Василья Борятинскова да по дьяка по Ивана Булыгина послали ис Переславля сына боярского добра, кого пригож, а велели их привести к себе в Переславль. А как их в Переславль приведут, и вы б их велели посадить в тюрьму до указу, чтоб, на то смотря, иным так же неповадно было воровать и служеб бегать, и горо-

---

[а-1] *Исправлено из* Треецкой.
[б-1] *В ркп. ошибочно* зебвенна.

inslav

дов метати. И в приходе и в росходе, и в деньгах, и в хлебе счесть, да о том к нам отписати.

Писано на Москве лета 7120-го ноября в 4 день.

У подлинной грамоты припись дьяка Микиты Новокщенова.//

л. 34 СПИСОК С ОТПИСКИ СЛОВО В СЛОВО

Господину Ондрею Федоровичю Иван Хованской, Микита Вельяминов, Михайло Милославской, Василей Корин челом бьют.

Писали, господа, мы к вам наперед сего, что пришли подо Гдов немецкие люди с нарядом и Гдов осадили и туры поставили, а у нас во Пскове ратных людей столько нет, кем нам Гдову помочь учинить. И тебе б прислати к нам на помочь ратных людей нам, Гдову помочь учинити от немецких людей вскоре. И ты, господине, к нам ратных людей октября по 29-е число не присылывал. А октября ж в 28 день писали к нам изо Гдова Ондрей же Усов да Иван Шестунов, что немецкие люди поставили другие туры по другой стороне города меж Кушельских ворот и Петелинской башни и бьют из наряду беспрестани. И пробили стены до самой подошвы на десеть сажен и бои де все у них отняли, и опе де крепостей в городе против их стрельбы делати не успевают. А из возгненного де наряду в город стреляют и в городе зажигают и грачами людей побивают. А третие де туры поставили под самым Кушельским роскатом и бои стенные отнели. И только де к[в-1]ним ратных людей вскоре не прислати, и их де в осаде конечно еси бьет.

А мы, господине, послали к ним наперед сего во Гдов в осад псковских и пригороцких островских и изборских стрельцов всех, а во Пскове днем по городу и по воротам, и по башням на караулах стоят все посацкие люди, а больши, господине, у нас того во Пскове государевых ратных людей нет и послати подо Гдов на выручку неково.

л. 35 И тебе бы, господине, однолично// послати подо Гдов на немецких людей государевых ратных людей вскоре, чтоб Гдову помочь учинити, до тех мест, доколе над Гдовом от немецких людей каково дурно не учинилось.

Да октября ж, господине, в 28 день писали к нам изо Твери боярин и воевода князь Дмитрей Тимофеевичь Трубецкой да окольничей и воевода князь Данила Ивановичь Мезецкой, что они идут со многими государевыми людьми под Великий Новгород. И мы, господине, послали к боярину и воеводе ко князю Дмитрею Тимофеевичю Трубецкому да к окольничему и воеводе ко князю Данилу Ивановичю Мезецкому проезжую станицу дворян и детей боярских и с ними писали к ним о государевых о всяких и о земских делех. И тебе бы, господине, тое проезжую станицу дворян и детей боярских отпустити от себя в полки к боярину и воеводе ко князю Дмитрею Тимофеевичю Трубецкому да к окольничему и воеводе ко князю Данилу Ивановичю Мезецкому тотчас, не издержав, и провожатых[г-1] им[д-1] до полков дать сколько человек пригоже.//

л. 36 СПИСОК С ОТПИСКИ СЛОВА В СЛОВА

Господам Андрею Федоровичю и дворяном и детем боярским Переславля Залескова и розных городов и иноземцом и стрелцом и пушкарем и затинщиком и всяким служилым людем Дмитрей Пожарской, Семейка Самсонов челом бьют.

Писали вы, господа, к нам, что под Москвою атаманы и козаки, забыв крестное целованье, вору Сидорку, которой называетца царем Дмитреем, сами крест целовали и бояр ко кресту привели. А вы, помня бога и души свои, тому вору креста целовати не хотите, а хотите с нами быть одномышленно.

И мы, господа, слыша то, что под Москвою атаманы и козаки своро-

---

[в-1] *В ркп. ошибочно* с.

[г-1] *В ркп. ошибочно* провожатым.

[д-1] *Написано дважды.*

inslav

вали, вору крест целовали, конечно об них скорбим, что оне воровством своим, оставя свет, во тьму преложились и новую кровь вчинают, только тот их весь воровской завод по милости божии вскоре разрушитца. А мы надеемся и уповаем на господа бога своего, сотворшаго небо и землю, и хотим, собрався всею землею, вскоре итить и битися с ними до смерти сколько бог помочи подаст.

А вас, господ своих, в том, что стоите вправде, помните души свои и крестное целованье и вору и Маринке с сыном с выблетком и литовскому королю и каралевичю креста не целуете, похваляем и любезно всемного челом бьем до обшей матери всех нас. А у нас, господине, во всех Понизовых и Поморских городех совет на том, что нам стоять единодушно за православную крестьянскую веру и Маринки и сына ее и нового вора Сидорка на государства не хотети, а обирать государя всею землею, ково даст бог. А вам бы, господа, пожаловати, быти с нами к доброму совету приятным и против воров стояти безо всякого сумнения и без боязни.

А мы, господине, послали к вам марта в 15 день голов с сотнями Ивана Леонтьевича Скобельцына да голову с стрелцы Бориса Степановича Стремоухова и велели им итить к вам наспех.

А что, господа, у нас будет вестей про польских и про литовских и про руских воров, и мы, господа, о том к вам станем писать почасту. А на вражью бы есте прелесть, что Иван Зарутцкой с своими советники с атаманы и казаки вору крест целовали, ни в чем не сумнялись и стояли против их мужественно, что и против протчих врагов, польских и литовских людей.

А стольник, господине, и воевода князь Дмитрей Михайлович Пожарской со многою ратью ныне на Костроме, а будет в Ярославль марта в 15 день.

А с сею грамотою отпустили мы, господа, к вам Степана Самосацкова сына Айгустова. И вам бы, господа, пожаловать, однолично [е-1] быть на милость божию надежным.

[е-1] *В ркп.* одноконно.

ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ 3 И 11 ФЕВРАЛЯ 1905 г. В ЗАПИСЯХ Э. Ю. НОЛЬДЕ

Вплоть до 1905 г. Николай II не собирал Совета министров, предпочитая не допускать объединения высших сановников империи даже в такой форме, а общаться с ними порознь, когда каждый из них представлял всеподданнейшие доклады по своему ведомству. (Впрочем, и Александр III собрал Совет министров лишь однажды в самом начале своего царствования.) Однако подъем массового движения и бурное негодование в стране и за границей, вызванные событиями 9 января 1905 г., заставили царя отказаться от этого обыкновения, удобного ему еще и потому, что он вообще не привык перед кем бы то ни было пространно излагать свои намерения, объяснять или обосновывать свои действия.

Обеспокоенный нарастанием революционных событий Николай II под влиянием некоторых из великих князей стал обращаться к министрам поодиночке с вопросом «о настоящем положении дел». Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов предпринял решительный демарш, потребовав не только создания объединенного правительства, но и учреждения представительства [1]. 17 января царь приказал

---

[1] *Ганелин Р. Ш.* Царизм после начала первой русской революции (акты 18 февраля 1905 г.) // Вопросы истории России XIX – начала XX в.: Межвуз. сб. Л., 1983. С. 96–112; Кризис самодержавия в России, 1895–1917. Л., 1984. С. 177.

inslav

С. Ю. Витте, председателю Комитета министров, собрать совещание министров и председателей департаментов Государственного совета, чтобы разработать «меры, необходимые для успокоения страны», и некоторые реформы [2]. Влияние на царя в пользу введения представительства оказывалось с разных сторон. 31 января к нему снова обратился Ермолов, требуя, помимо «полного объединения правительственной власти» и легализации обращенных к царю адресов, созыва выборной земской думы с правом участия в предварительном рассмотрении важнейших законодательных мер. На следующий день Николай II приказал управляющему делами Комитета и Совета министров Э. Ю. Нольде созвать 3 февраля Совет министров. «Вам тоже присутствовать. Из чинов канцелярии не нужно никого»,— кончал царь свою записку, стремясь обеспечить секретность [3].

Эти-то слова и повлияли на характер публикуемых здесь документов. Лишенный помощи подчиненных, Нольде вел записи происходившего на заседаниях с многочисленными сокращениями, недописанными словами и фразами, часто опуская знаки препинания. Эти черновые карандашные записи, очевидно так и не обработанные, оказались единственным источником, последовательно отразившим ход заседаний. Позже, начиная с лета 1905 г., когда вопрос о введении представительства не только получил огласку, но и стал предметом обсуждения в печати, созывавшиеся царем для обсуждения государственных преобразований совещания стенографировались. Стенограммы печатались типографским способом, правда без широкого их распространения. Впрочем, материалы по созыву булыгинской думы были изданы даже для общего пользования. Что же касается записей Нольде, то они остались в его бумагах и их содержание ни в какой форме не получило огласки.

Особенный интерес этих записей в том, что в них довольно обстоятельно изложены необычно пространные царские высказывания. Другие источники донесли до нас царские слова, как правило, в неполной, неточной или искаженной передаче мемуаристов или в виде лапидарных резолюций и помет на официальных документах. Разумеется, интересно в записях Нольде и отражение следовавшей за речами царя дискуссии, в которой он сам принимал живейшее участие.

Записи Нольде заседаний 3, 11 и 18 февраля, проведенных Николаем II, а также происходившего 24 мая 1905 г. под председательством гр. Д. М. Сокольского «совещания при Совете министров», как назвал его Нольде, занимают 34 переплетенных листа с оборотами. Совещание 24 мая относится к последующему этапу обсуждения государственных преобразований. Особый сюжет составляют и дебаты на заседании Совета министров 18 февраля. Здесь публикуются записи первых двух заседаний Совета министров, на которых были высказаны общие взгляды на положение в стране после начала революции, хотя слово «революция» по-видимому, никем ни разу не было произнесено (впрочем, его старались не произносить в этом кругу и в самый разгар революционных событий).

Остановимся на содержании речей царя и министров, записанных Нольде таким образом, что смысл их читателю нелегко сразу себе уяснить. Царь разрывался («мечусь направо и налево») между желанием не делать никаких отступлений от самодержавного образа своего правления («отложить до более спокойного времени», что, скорее всего, означало воздерживаться от уступок до последней возможности) и боязнью «потерять все». Ненависть к «парламентриляндии адвокатов» и составляла для него те «веские соображения», по которым он вычеркнул пункт

---

[2] Первое заседание совещания 18 января известно по черновой записи министра просвещения В. Г. Глазова, подготовленной к печати А. С. Николаевым (КА. 1925. Т. 4–5(11–12). С. 29–37).

[3] Николай II – Э. Ю. Нольде, 1 февраля 1905 г. // ЦГИА СССР. Ф. 727. Оп. 1. Д. 7. Л. 1. (далее в тексте даны лишь номера дел и листов).

inslav

3 — о представительстве —из указа 12 декабря 1904 г.[4] и которыми продолжал руководствоваться. Этим соображениям была подчинена и историческая концепция Николая II («у нас не было феодализма, всегда было единение и доверие»), соответствовавшая почти что общепринятому в профессиональной дореволюционной историографии представлению о традиционном отсутствии противоречий политических интересов в русском обществе.

На случай, если избежать введения представительства не удастся, имелось в виду обеспечить благоприятный для царизма его состав путем проведения выборов по сословиям, созывать его на определенный срок со специально указываемой целью и т. д.

С самого начала, не скрывая своего отношения к представительству, введение которого должно было составить предмет рескрипта министру внутренних дел, царь готовился издать манифест об усилении карательных мер («властного голоса о смуте не слышно»). И если рескрипт и проекты были предметом продолжительных дискуссий, то манифест царь и не думал обсуждать с кем-либо из присутствующих и утверждал, что сам «набрасывал» его текст[5]. О его издании ехавшие к царю на новое заседание Совета министров 18 февраля его участники узнали в дороге.

Из присутствовавших на заседаниях[6] большинство высказывалось за созыв представительства, однако по поводу сроков созыва, способов его составления и пределов компетенции существовали разные точки зрения. К безоговорочному согласию были близки в. кн. Александр Михайлович, Булыгин, Фриш, Манухин и, разумеется, Ермолов, который сразу же заявил, что его взгляд относительно необходимости введения представительства известен и он «еще решит[ельнее] теперь за это», поскольку «положение ухудшилось». Александр Михайлович твердо стоял на том,

---

[4] Подробнее об этом см.: Кризис самодержавия в России. С. 165–166. Сохранившийся в бумагах Нольде машинописный проект указа, подписанный Д. М. Сольским, Д. П. Святополк-Мирским, Н. В. Муравьевым, Э. В. Фришем и В. Н. Коковцовым, имеет правку, сделанную рукой Витте, против которой, однако, рукой Сольского написано: «Мои исправления». Правка была именно в п. 3, который до исправления гласил: «для целесообразнейшей постановки законодательных мер и ближайшего согласования их с требованиями жизни установить способы привлечения местных учреждений и их представителей к участию в первоначальной разработке законодательных предначертаний наших». Слова «местных учреждений и их представителей» были заменены словами «выборных представителей населения», слово «первоначальной» зачеркнуто и вместо этого в самом конце пункта добавлено: «до внесения их в Гос. совет» (Д. 8. Л. 1–2). Можно предположить, что Витте был непрочь радикализировать злополучный пункт о представительстве, чтобы пугнуть этим царя. Действуя под диктовку Сольского (иначе трудно согласовать сделанную Витте правку с пометой Сольского), Витте, вероятно, не без удовольствия заменил выборным представительством предусмотренную в проекте ранее некую форму консультаций с местными учреждениями. Однако к царю попал проект с п. 3 в компромиссной форме. В нем говорилось о привлечении не «выборных представителей населения», как предложили Сольский и Витте, но и не «местных учреждений и их представителей» (это они отвергли), а «местных общественных учреждений и выбранных ими из своей среды лиц» (Д. 1. Л. 4). Царь вычеркнул весь пункт.

[5] Об авторстве манифеста см.: *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1969. Т. 2. С. 376; КА. 1926. Т. 18. С. 203.

[6] В заседаниях 3 и 11 февраля участвовали председатели: Комитета министров – С. Ю. Витте, Государственного совета – граф. Д. М. Сольский; министры: финансов – В. Н. Коковцов, внутренних дел – А. Г. Булыгин, иностранных – граф В. Н. Ламсдорф, военный – генерал В. В. Сахаров, юстиции – С. С. Манухин, земледелия и государственных имуществ – А. С. Ермолов, просвещения – генерал В. Г. Глазов; главноуправляющие: торговым мореплаванием и портами – великий князь Александр Михайлович, канцелярией прошений на высочайшее имя – барон А. А. Будберг; управляющие: Министерством путей сообщения – князь М. И. Хилков, императорской канцелярией – С. А. Танеев; государственный секретарь Ю. А. Икскуль фон Гильденбандт, государственный контролер генерал П. Л. Лобко, председатель департамента законов Государственного совета Э. Ф. Фриш. На второе заседание царь пригласил великого князя Владимира, главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа. Морской министр в записях не упоминается.

inslav

что «акт необходим теперь». Манухин пошел так далеко, что сказал: «Ответа не было от государя. Ясность желательна». О «своевременности царского слова» заявил и Булыгин.

Но уже Фриш, первым высказавшийся за созыв представителей, добавил: «Другой вопрос об особом собрании. Призывать, когда будет нужно». За этим крылось стремление не допустить существования представительства в форме как специального, так и постоянно действующего учреждения. Идея приглашения сведущих людей с мест по тому или иному вопросу всегда противопоставлялась планам введения представительства. В этом смысле весьма выразительна была позиция Коковцова. На втором заседании, 11-го, он заикнулся было о своей озабоченности изысканием кредитов за рубежом, для чего введение представительства казалось неизбежным. 3-го же министр финансов, не упоминая о заграничных кредитах, заявил, что обязанность заседания — «охранить самодержавие», а «общее представительство не совместимо с самодержавием», и предложил свести представительство к приглашению для рассмотрения отдельных вопросов «доверенных лиц», «экспертов-специалистов». Фриш возразил, сказав, что обсуждается мысль об общем представительстве, а не о специалистах. Танеев советовал выжидательную тактику.

За оттяжку созыва представительства начал высказываться и Сольский, вскоре ставший активным его сторонником. Он считал, что царскую волю созвать представительство надо выразить, снять запрет с мысли о нем, но с разработкой закона не торопиться в надежде на то, что либеральная оппозиция будет поставлена этим в тупик. «Увидим какие выборы. [Составить собрание из] выборных земских — далеко от представительства населения»,— успокаивал он царя. Витте же, наоборот, пугал его, как всегда делал впоследствии, тем, что представительство не останется законосовещательным, а станет законодательным, царизму придется с ним считаться, а возможно, и конфликтовать. Противореча себе — это тоже стало весьма характерным для его поведения на последующих совещаниях 1905—1906 гг.,— он вдруг подавал надежду на то, что удастся ограничиться введением выборных в состав Государственного совета. Что же касается мысли о том, чтобы поставить оппозицию в тупик, то первым высказал ее именно Витте в свойственной ему циничной манере («Все передерутся. Дружный напор [будет] значительно ослаблен»).

Противником представительства, чем дальше, тем более определенным, был Лобко. Он исходил из того, что бояться следует не либеральной оппозиции, а революционного народа.

Как же в целом оценивалась на заседаниях революционная угроза? Царь поначалу просто боялся произнести слова о революционном народе, хотя и избегал вопреки обыкновению говорить о преданности народных масс монархической идее и ему самому. Но уже на втором заседании он ясно выразил свое намерение обратить против народа карательные меры, а рескрипт предназначить либеральной оппозиции. Однако нежелание разделить власть с представительством отнюдь не отступало на задний план, и он продолжал всячески оттягивать решение о его созыве. «Стачки рабочих, беспорядки в средних даже [учебных] заведениях. Смута в умах. Все это приводит на путь законного воздействия правительства, знающего, чего оно хочет. По успокоении смуты постараться прийти к решению»,— говорил он. В словах его проскальзывала надежда на то, что представительства вообще удастся избежать, если заключение мира поможет в борьбе с революцией.

Царь играл мячом, который ему кинул Витте, предупредивший об опасности агитации, которая связана с выборами представительства и может «поднять м[оре] петиций, сборища». «Имеет и выгоды, и невыгоды... Надо взвесить, что удобнее. В нормальное время готов бы присоединиться»,— заявил он. «В спокойное время легче было бы»,— подхватил Николай II. Видя это, Ермолов выступил против Витте с позиции сторонника созыва представительства для удовлетворения «благонамеренных»

inslav

совмещая это с требованием «прежде усмирить [смуту]». Так же рассуждали и другие сторонники представительства. «Успокоение благоразумных людей... Разумные желания удовлетворить. Надо и твердость [проявить]. Насилие насилием уничтожить. Забастовок [не допускать]. Был бы водворен порядок. Не должно останавливать ход реформ»,— говорил Фриш. «Живем в такое время, когда всюду смута, руководимая сотнями и тысячами [посреди] инертного миллионного моря»,— добавлял Манухин, не предвидя того, что его слова об инертности народного моря вскоре приобретут зловещий для царизма смысл.

Помимо поддержки карательной политики, сторонники представительства готовы были согласиться и на оттяжку его созыва и на всемерное ограничение его состава и функций, иначе не надеясь уговорить царя. Витте и на втором заседании с нарочитой прямотой пугал Николая ролью конституционного монарха («Права государя в парламентах ограничиваются. Не угодно ли справиться?»), предсказывал, что конфликты с представительством и вокруг него могут принять даже вооруженный характер («Попробуйте несколько раз штыками на выборах»). Тут же он говорил, что «бояться нечего», «настало время», и предлагал не торопиться с карательным манифестом. Цель его словно состояла в том, чтобы заставить царя поверить, будто единственный, кто знает верный путь к выходу из трудностей, это он, Витте. Напомним, что под его председательством разрабатывался в эти дни проект объединенного министерства, и перед ним маячило видение премьерского кресла.

После первого заседания Нольде было поручено составить проект рескрипта на имя Булыгина, в котором как бы главной темой должна была стать благодарность дворянским собраниям за поздравления по поводу рождения наследника. Вероятно, ввиду очевидной невозможности ограничиться этим последовали дополнительные разъяснения. «Указания, преподанные мне г. министром внутренних дел»,— назвал Нольде следующие шесть пунктов: «1. Рескрипт должен касаться лишь адресов дворянских собраний. 2. За выраженные в них чувства его величество поручает министру благодарить дворянство. 3. Вопрос о внутреннем нестроении озабочивает его величество, и он, по примеру предков, от коих всегда исходила инициатива реформ, наметил преобразования. 4. Но прежде всего надо покончить сообразно достоинству России со внешней войной. Затем на первую очередь встанут задачи о внутреннем переустройстве. 5. К участию в этом деле его величество призовет дворянство и другие сословия (п. 3 зачеркнутый указа 12 декабря). 6. Это послужит к вящему преуспеянию России» (д. 41, л. 1—2). Как видим, реформаторские намерения были здесь поданы как дело будущего, полностью зависящее лишь от царской воли. Что же касается характера представительства, то оно рассматривалось как организованное на сословном принципе.

На этих основаниях Нольде составил два проекта манифеста — сокращенный и более пространный, которые стали предметом обсуждения на заседании 11 февраля. Витте, Коковцов, Фриш, Ермолов и другие сразу поставили под сомнение сословный принцип организации представительства как могущий вызвать «осложнения», да и неосуществимый, поскольку различные группы населения были «не строго приурочены к сословиям». Даже Глазов заявил: «...сословия практически неудобно». Все они, включая Ермолова, готовы были вместо создания специального представительства ограничиться введением выборных в Государственный совет, который Витте объявил «представительством русской земли». Ермолов заявил, что указанная царем редакция проекта, исходящая лишь из дворянских заявлений, «слишком узка» и «может подать повод к недоразумениям».

И хотя Коковцов призывал не выходить за пределы данных 3-го февраля царских указаний, пришлось от них отойти. При работе над текстом рескрипта после заседания 11 февраля это проявилось в полной мере. Как и при подготовке манифеста 17 октября, было две группы авторов — Витте и Сольский исправляли текст, который составил Нольде;

inslav

Будберг и государственный секретарь Ю. А. Икскуль фон Гиндельбандт — составляли свой[7].

Фразу о царской благодарности дворянским собраниям Витте решил распространить еще и на «некоторые» земские собрания (д. 41, л. 9). При том, что подготовка рескрипта о представительстве была рассчитана на удовлетворение «благомыслящих», игнорировать земские адреса было невозможно. Он пытался убрать из проекта рескрипта упоминания о сословном характере выборов в представительство и о закреплении прав верхней палаты за Государственным советом. Слова «выбираемым для сего сословиями лиц» в одном из вариантов он заменил словами «выбираемых для сего населением местных лиц», а указание на то, что выборное представительство рассматривает законопроекты «до рассмотрения их Государственным советом», заменил было формулой о рассмотрении представительством законопроектов «государственной важности». Этому последнему изменению, воспротивился, однако, как явствует из памятной записки Нольде, великий князь Александр Михайлович (д. 41, л. 19 а, 24, 26).

Оказанное министрами царю сопротивление при всей его мягкости по форме и компромиссном характере по существу, вероятно, и явилось причиной того, что о царском манифесте 18 февраля с призывом к усилению карательной политики они узнали после его опубликования.

Записи публикуются в соответствии с правилами издания исторических документов. Расположение текста подлинника (иногда одно — три слова в строке) изменено. Разбивка на абзацы для удобства прочтения сделана публикатором, причем изложение каждого выступления приводится с красной строки. Фамилии и титулы ораторов даны полностью и выделены курсивом. Следует отметить, что Нольде иногда, записывая речь одного и того же лица, неоднократно указывал фамилию выступавшего. Пропуски слов и явно недописанные фразы отмечены отточием. В нескольких случаях записи носят столь отрывочный характер, что дополнение их с точным установлением смысла оказалось невозможным. Они воспроизводятся в надежде на то, что окажутся тем не менее полезными исследователям.

Проставлены публикатором часто отсутствующие в документе знаки препинания, кроме тех случаев, когда фраза осталась незаконченной при записи и дополнить ее не удалось. Дефис, которым часто пользовался Нольде, сохранен везде, кроме тех случаев, когда он стоял перед началом речи. Все заголовки, в том числе повторные, принадлежат Нольде.

Публикуемый документ хранится в ЦГИА СССР (ф. 727 — фонд Э. Ю. Нольде, оп. 2, д. 40, л. 1—20, черновик, карандаш).

Р. Ш. Ганелин

Заседание Совета министров 3 февраля 1905 г. Э. Ю. Нольде

С[овет министров] 3 февраля [1]905

Государь. 8 декабря суждения о 3-ьем пункте привлечь дост[ойных] люде[й] с мест земли рус[ской] для участ[ия] в законодат[ельной] разработке. Вычеркнул по веским сообр[ажениям][1]. Хорошо ли сделано, неизвестно. Роится вопрос в голове. Смута увеличивается.— Выслушивал мнения разных людей. Противоречивые мнения. Мучаюсь.— В сомнении. Иногда кажется полез[ным] и даже спаситель[ным]. Опасным кажется в данное время. Страшно подойти и решить. Свободно выбран[ных] представителей [созвать]. Набрасывал пр[оект] Манифеста. Оповещал [о] желании.— Не предрешая сегодня. Доверенных лиц и слуг [прошу] — откровенно и искренно высказать.

---

[7] Сведения еще об одном проекте рескрипта и давлении на царя с разных сторон в пользу издания его см.: *Ганелин Р. Ш.* Указ. соч. С. 101.

inslav

Вопрос о своевременности акта. Мечусь направо и налево. Отложить до более* спокойного времени. Может потерять все. В семействах смута. Созыв местн[ых] свед[ущих] достойнейших людей. Выборных совещ[ание]. Совещательный характер зак[оно]с[овещательных] соб[раний] по опред[еленным] поводам.— Часть общества [заинтересована] в насильствен[ной] пересадке чуждых нам констит[уционных] и парламентар[ных форм]. Взаимное недоверие.— Юрид[ический] договор между** нар[одом] и правит[ельством]. У нас не было феодализма, всегда было единение и доверие.

Нестроение правитель[ства].

Надо принять меры к усп[окоению, которые] ведут к развитию русских исконных на[чал]. Выборы по сословиям дворян, купцов (не негоц[иантов]), мещан соед[инить] и крестьян, духовенство по комиссиям и подкомиссиям. Крест[ьяне] и дворяне — [для] пересмотра земс[кого] пол[ожения]. Горожане — для пересмотра город[ского] полож[ения]. На определенный срок, арена парламентриляндии адвокатов д[олжна] б[ыть] устранена.— Своевременность. Хорошее впечатление на благомыслящих. Смутить может. Вопрос — не потерялось ли правительство, [нет] веры в престиж.— Когда есть, говор[ят], что нет спасения. Последняя соломинка для утопающего.— Обе стороны — положит[ельная] и отрицательная.

Суть в привлечении [манифеста] 26 ф[евраля] [1]903[2] и у[каза] 12.XII. [1]904[3]. Не было упомянуто в Декабрьск[ом указе] о Февр[альском манифесте]. Продолжение двух актов.

Проект манифеста. Един. душою и живущих на земле. Порядок. Своевременно.

Сольский. Воля созвать представителей. Вопрос своевременности. Созыв представителей иногда [означает] опасность. Не жалеть времени (покойно обсудить).

С[овет] М[инистров] 3 Февр. [1]905.

Лучше через некоторое время. Нужно выражение воли В[ашего] В[еличества]. Не верят Правительству.— Нужно, ч[то]-б[ы] не было сомнений.— Воззвание к благоразумным людям. Сумасшествие.— Призыв, каждое слово нужно обдумать.

Фриш. Имел случай говорить, что при рассмотрении важных вопросов участие выборных местных людей причинит пользу стране.— Своевременно ли — разрабатываться.— 2 п. участие их в совещаниях полезно.— Другой вопрос об особом собрании.— Призывать, когда будет нужно.— До известной степени успокоит.

Государь. Толчок.— Мое же указание комиссии Шидловского[4].— Лазейка. Раз [она] есть [хотят использовать] для [того, чтобы] призвать представит[елей].— Это уже не лазейка.

Ермолов. Известен взгляд.— Остаюсь при тогдашнем мнении — желательность привле[чения] выбор[ных] представителей местн[ых]. Еще решит[ельнее] теперь за это. Без открытия народу возможности свободно высказаться будет считать[ся], что до престола не доходит сведений.— Воля В[ашего] В[еличества], ко благу направл[енная], не осуществляется как намечено. Не им[еем] достаточно сведений, [правительство] оторвано [от народа. Бюрократия] умышленно в своих видах препоны ставит.— Обращение необходимо. Положение ухудшилось. Под влиянием тяжелых событ[ий]. Военные неудачи. Смуты внутрен[ние] более* острые. Кровавые столкновения. Нервное состояние. Трудно рассчитывать на возможность [даже при] немедленных выборах [участия представителей в срочных] закон[одательных] и устроит[ельных] работах.

---

* *В тексте знак*).
** *В тексте знак* /v/.
* *В тексте знак*).

inslav

Нет. Затруднился бы сказать, что общий созыв теперь был бы едва ли своевременным. Детально выработать. Немало времени.— Именно теперь при тревожном сознании, было бы необходимо сказать слово народу, не отринули бы народное пожелание. Заявили непреложную волю собрать народ[ных] представ[ителей]. Постоянное участие [в] выраб[отке] законов в дальнейших вопросах.— Одновременно указать — выработать предложения о формах осуществл[ения], а время оставить бы открытым.

Витте. [В] 20-й век всякое представительство с мест не м[ожет] б[ыть] совещательным. Поведет к тому, что на всем свете есть. [С этим надо] считаться.— Конфликт произойдет. Можно представить себе, что [дело] ограничится [Государственным] советом[5]. Надо знать, что в конце [концов] с мнениями представителей придется считаться.— Конфликты будут. Осторожно нужно отнестись.— Такж[е] считает, ч[то] б[ы]...

Крестьянство — главное. Данный вопрос — вопр[ос] иму[щественный]. Зем[ский] соб[ор] не пригоден для Госуд[аря], каждый по своей специальности. Земские соборы только для принцип[иальных] вопрос[ов].— Едва ли можно избегнуть созыва представительства. Покуда сочувствие [идее представительства существует], немедленно оповестить, что не против привлечения представителей земли.

Разрешить сие изволите — принятие предварительной меры.— Нужны представитель[ные] формы — разнообр[азные] мнения.— Общество [должно] сознатель[но] не обсуждать запретный вопрос. Фр[анцузская] респуб[лика] не позволит пропаганды монархизма. Спокойно ч[то]б[ы] можно говорить. Не только важно.— Важно показать, что это не просто.— Все передерутся.— Дружный напор [будет] значительно ослаблен.

Крестьянство не имеет мечтаний интеллигенции. Между интелл[игенцией] разные мечтания. Дозволить говорить не одни[м] борзописц[ам]. Серьезные люди не говорят. Увидится ясно — общее желание представительства, рознь покажет, что не так дело просто. Нет литературы — русский гений был атрофирован — русское самосознание д[олжно] высказаться.

Необходима определенная организация правительства.— Верхней Палаты, [которая —] опора короны.— Консервативное собрание. Опора в важности собрания пожеланий. Утвердить — скороспелое представительство, [реформировать] высшее законодательное учреждение, ч[то]б[ы] оградить [интересы] короны от увлечений представительства.

Государь. Значительно приподнять [Государственный совет] в глазах общества. Значительно обновить и изменить компетенцию.— Надзор политический.— Состав, значение решений, ч[то]б[ы на] Гос[ударственный] сов[ет] не было нареканий. Опасны — детали разработки.— В принципе желательно.— Ограничения хотя бы ... не желательна и более авторитетная в смысле политическом.

Танеев. Обращ[ение] к народу — своевременно ли обращение? Созыв сейчас не мог бы последовать.— Не следует ли обождать?

Глазов. Мысли во власти. В последнее время власть отсутствовала. Режим — хорошее настроение. Тверское дворянство. Ультраконсервативное лицо выбрало Курское дворянство. Адрес Московского дворянства. Признаки некоторого успокоения умов.— С этой точки зрения в настоящее время подождать. Министерские дела. Соборы имели решительное значение.— Цари [с ними считались].

Сольский. [Решения] не всегда бы[ли] сделаны по Собору. Решен[ие] от азов принято. Хотел сделать постоянным учреждением. Соборы престолонаследием даже занимались. [В] Манифест м[ожет] б[ыть] внесено.

Сольский. С указом 12 д[екабря] — когда все будет пущено в ход относительно земств и городов ...[6] Необходима ли общая мера.— Обещание не внесет успокоения.— Неизбежно.— В каком виде, если не остановились.

inslav

Сольский. Не удовлетворило бы... Волю народа выразить.— Разработку [начать], снять запрет с мысли.— 500 чел. будут решать участие в совещании и [назначенных] правит[ельством], и выборных. Характер работы в поте лица. Увидят, что не так легко. Увидим, какие выборы. Выборных земских [созвать] — далеко от представительства населения.

Александр Михайлович. Акт необходим теперь.— Одновременно учредить совещ[ание], как осуществить замысел Фриша, серьезные элементы [заслуживают] формы [представительства] более * широкой.

Коковцов. Чем важнее вопрос, тем яснее д[олжно] б[ыть] понимание.— Довести до сведения как ... Тяжелое раздумье о 3[-е]м п[ункте]. Значение [представительства]. Выборные от сословий по своей специальности в комиссиях и подкомиссиях. От ясной мысли пошел о представительстве. Не только решить, но и обязанность охранить самодержавие. Общее представительство не совместимо с самодержавием. Ясно поставить себе задачу. Устранить [возможность такого понимания, что речь идет] об общем представительстве.

Коковцов. Всякое общее пр[едставительство] есть новый вопрос — не согласовано, были и былью поросли земские соборы. Никогда не подавал голоса против сведущ[их] лиц, одно[й] бюрократиею не достигнешь.— Сведущих, выбираемых теми, кто к разработке имеет отношение случайное.

Государь. Спорадически[й] спос[об созыва]. Всякое время подходяще. Успокоит ли смуту.— Нет, не устранит. Вся печать радикальная.— Представительным правлением печать предлагает заменить [самодержавие]. Никогда не удовлетворит.— Манифест идет дальше. Пора облечь... м[ожет] б[ыть], опоздаю. Искон[ные] начала поддерж[ать].— Война. Смута мешает. Успокоит [ли] указ, не [знаю]. К каждому шагу [относятся] критически. Властного голоса о смуте не слышно. Нужно каждое слово обдумать.— Война треб[ует] напряж[ения]. Смута меш[ает]. Госуд[арь] прислушив[ается] к голосу народа. При разработке выборных от местного населения. Предс[тавительства] не понимаю. Земс[кий] собор никто не понимает. Для каждого закона значит [нужен его созыв?].

Коковцов. Когда надобность появится. Доверенные лица для рассмотрения. Эксперты-специалисты.

Фриш. Не в специалистах дело. Мысль об общем предст[авительстве].

Александр Михайлович. Обязанность искать успокоение.

Витте. Трудные обстоятельства. Делать с чистою совестью.

После перерыва

Манухин.— Участие. Своевременно. Ответа не было от Государя. Ясность желательна. Преемственность [с указом] 12. XII. [1]904.— Комитет м[инист]ров пришел к заключению, что отдельные меры [может провести] сам К[омитет], остальное [нуждается в] совещании. Не по всем, а по некоторым [вопросам]. Объединение [министров].

Именно крестьяне специалисты. В каком составе. Крестьянский вопрос — не только одних крестьян касается.

Завершение начал фев[ральских] и декабрь[ских] объявлением призвать выборных.— Представительство земское с идеею самодержавия совместно. Определенное изложение.— Коллект[ивное] совещ[ание].

Булыгин. 1-е положение.— Своевремен[ность] царского слова. Желательная свящ[енная] окраска. Властное слово. Пожелания дальнейшего.— Сомнений при Манифесте не должно быть.— В церквах [огласить].— Практический взгляд [Манифест] 26.II[1903]. Городс[кое] общ[ество] его поняло.— Народ — крестьянство — не поняло. Мирский[7] когда-то сказал что 26/.II в Москве за Маниф[ест] бросались.— Ни одной минуты не высказывал[ся] против Манифеста.— Неудовлетворение некоторой частию населения указом 12.12.[1904]. Критикуют, что мало.— Не одна печать распущенная, среди сослов[ных] собр[аний] и земства адресы.

---

* *В тексте знак*).

inslav

Волостной сход выслушать представители не поднимался вопрос. Страшный призрак недоверия к дворянам. Нужно всячески излечить. Население о смуте узнает. Рескрипт.

Лобко. Колебались.— Хорошо ли, что похерили 3-ий п[ункт].— Брожение только в общест[венных] слоях.— Волнение м[ожет] рано или поздно отразиться.— Важно произнести царс[кие] слова. Не преобразовательную цель имеют волнения — устранить самодержавие.— Власть господ[ствующих] классов.— Среди образованных желательно многим самодержавие. От предков идет. В народ не пропустят идей. Народ смотрит на царя.— Сам царь этого желает, будут говорить. Призвать к патриотизму.— 2 пункта.— О смуте.

Витте. Настало время. Самодержавие.— Разложение. Не спешить [с] Манифестом. Выждать обстоятельства. Придавать если значение [Манифесту, то обратиться] не к производ[ящим] смуту, а к поборникам порядка — [авторам] всепод[данейших] адресов. Большинство заявляет [о готовности] принять помощь в борьбе со смутою.— Надписать на адресе.— Обращение к выборным м[ожет] быть согласовано. Стремлений к ограничению самодержавия нет.— Прямых конфликтов с выборными не могло бы быть. Консультативная нижняя палата.

Витте. В конце-концов неизбежно приведет. Ведут в конце концов к ограничению самодержав[ия].

Сахаров. Властное слово было бы своевременно. Ждут событий. Нет стремлений к отпору, [надо] подбодрить общество.— Опасного не видит — выбор достойных людей.— Представители благомыслящих. Трудность обеспечения выборов.

Сольский. Как выбирать? Регулировать с точки зрения количества. По сословиям. В крестьянстве отпор, безобразие — тяготеть над выборами. Витте дал преимущество дворянам. Крестьяне пропали. Нужно переменить систему земских выборов.— Сделает выборы.

Булыгин. Есть основной недостаток. Все добиваются прав, никто не знает обязанностей. 90 чл[енов] Гос[ударственного] сов[ета] не гласные[8]. Убежденные либералы [попадут в представительство] или [ищущие] средства к жизни, 3 недели в губ[ернском] гор[оде]. 14 адвокатов в Мос[ковском] губ[ернском] зем[ском] собр[ании].— В темноту [вступаем].

Манухин. Призыв к новой работе оживит.

Булыгин. Мертвая буква... отсутствие [в] зем[ских] собр[аниях]...

Коковцов. Желательно ли объяв[ление] Выс[очайшей] воли.— Основания надо разработать. Совещание наше, чт[о]б[ы] разобрать.— Единогласие или разногласие привести. Временно — все признать все своевременным. Подпись нужна. Охватили ... не удостоил бы молодежь. Формы участия в черновой работе. Вытекающую из указа ... Нуждались ... Совместил и то и другое. Неизвестный момент.— Трения перед переломом.

Фриш. Вперед обещать трудно. Нужно ли говорить?

Лобко. Не нужно обещать.

Витте. Неделя в это время ничего не значит.

Лобко.

Будберг. Смута не есть дело обращения царя к народу.— О войне [судить], когда по исходу нужно будет спокойно итти. Выслушивать народный голос.

Ламздорф. Присоединяется [к] Будб[ергу] и Кок[овцову].

Александр Михайлович. Теперь же нужно сказать. Будет впопыхах в том же положении, что и ...

Витте. Хорошо, что о соборе ...

Сольский. Александр Михайлович. То же, что и Сольск[ий]. Цель д[олжна] б[ыть] ясна. Содержать д[олжен] б[удет] рескрипт М[инист]ру В[нутренних] Д[ел]. Отделить мечтания от разумн[ых] основ. Полезно.— Общую политику указать.

Сольский. Самодерж[авие] д[олжно] развив[ать] и удовл[етвор]ить народную амб[ицию]. Введен[ие] съезда зем[ских] учр[еждений].

inslav

Русское самодерж[авие] доказало, что [у]бедительно м[ожет] дать... Народ безмолвствует. Призыв всех встать на страже. Сообразить. Все блага народные идут от самодержавия.— И дальше пойдет. Стремительные.— Доходить будет благожелат[ельный] голос. Единение. [Государственный] совет. Выс[очайшие] указания. Вероят[но]сть [введения выборных в состав Государственного] совета.

Совет министров 11 февраля [1]905

Витте. [Представительство от] сословий и [с правом рассмотрения дел] до Госуд[арственного] сов[ета]. Технически трудно в законод[ательных] работах. Значительное собрание. $1^1/_2$—2 тыс. чел[овек]. Кр[естьяне], мещ[ане] и духов[енство]. [Представительство] сословий. Что м[ожет] дать? О мире и войне можно спросить. Законод[ательная] работа.— Законопроект о преоб[разовании] Сената. Представ[ители] калибра извест[ного] — сельск[ое] духов[енство], крестьян[ство] не даст достаточных представит[елей] русской земли.

Порядок рассмотрения в Совете м[инист]ров. Мысль.— Проект через Госуд[арственный] сов[ет] д[олжен] пройти, если администрат[ивный], то [через] Совет [министров], [если] нет, и в Гос[ударственный] сов[ет], по рассмотрении в Гос[ударственном] сов[ете на утверждение государя]. Сущность — ч[то]б[ы] [Государственный совет] законод[ательную] силу имел окончательн[ую]. Представ[ительство] русской земли — представлено через Гос[ударственный] сов[ет].

Коковцов. Тоже сомнение. «Сословие».— Ст[атьи] IX т. 503, 671[9]. [Понятие»] сословие [«вызывает] чрезвыч[айно] большие затруднения. Не употребить выражения, которое вызвало бы осложнения [с] представителями.

Общее выражение — «В местах».

Фриш. Присоединяется к сомнениям Витте и Коков[цова].— К[омитет] м[инистров] иной схемы не может принять. Контингент лиц. Лица для работы совместно с правит[ельственными] чинами. Землевладения, городс[кие] и сельские. Не строго приурочены к сословиям.

Фриш. 2 сомнения — вопрос редакции. Функции Совета м[инист]р[ов] в том и состоят ... Желательно ... придает высокое значение, придает указание [о направлении законопроектов] в [Государственный] сов[ет].

Ермолов. Присоедин[яется] [к] замечаниям, сделанны[м] ранее, узкое значение сословий [, следует сказать] «населением».— Готов присоединиться к мнению о Гос[ударственном] совете. Высказывается по двум вопросам существа. Слишком узка редакция — [«] ввиду дворянск[их] заяв[лений] пойти навстречу. [».— Надо] подчеркнуть «призвать, ч[то]б[ы] услышать голос народа о нуждах» — [Иначе] м[ожет] подать повод к недоразумен[иям] — нового не делается з[емского] и гор[одского] положений — рабоч[ие лишены представительства]. Недоброжелатели м[огут] разочар[оваться,] что это единичн[ые] случаи.— Акт высокой государственной важности — повод к недоразум[ениям]. Пошире излож[ить]. [О] предвар[ительной] разраб[отке] предположений указать. Лучше всего [созвать для этого] совещание деятелей, знато[ков] местных условий.— Едва ли удобное.— Более широкое участие лиц, не принадлежащих к совещанию. В такую минуту желательно избежать [неясности]. Чем шире б[удет] известно, тем лучше.

Витте. Особ[ое] сов[ещание даст ли возможность] избегнуть агитации. Опасна была бы агитация. Различные лица. Имеет и выгоды, и невыгоды. Поднять м[оре] петиций, сборища. — Редкие адресы м[огут] б[ыть]. Надо взвесить, что удобнее. В нормал[ьное] время готов бы присоединиться.

Государь. В спокойное время легче было бы. В большом смущении [нахожусь]. Оглянуться на все стороны России.— Здоровое внимание отвлек[ается] на войну. Стачки рабоч[их], беспорядки в средних даже

inslav

[учебных] заведениях. Смута в умах. Все это приводит на путь законного воздействия правительства, знающего чего оно хочет.— По успокоении смуты постараться прийти к решению.

Ермолов. Настоящее положение. Принять меру, кот[орая] внесла бы успокоение и укрепит подрываемую веру в удовлетворение государ[ственных] нужд и народа.— Против Витте, и без этого находимся в фазисе агитации.— Обсуждение в особом совещании не прибавит к агитации.— Скорее уменьш[ит] агит[ацию], по крайней мере в благонамер[енной] части заседания.— Витте говорил о печати и участии общества. Преж[д]е усмирить [смуту] — при дезорганизации во всех слоях едва ли можно чего-нибудь [достичь], решительный отпор вызовет.

Хилков. Рабоч[ий] класс смущают, законов нет у нас Стачки.— Заставить за рубль нельзя работать, заставить гражд[анский] иск. Добровольн[ом] согласии...[10] Мир — стачки угрозы — насилие. Объедин[яются] учеб[ные] завед[ения].— Заставить принять условия.

Государь. Выгнать надо нежелающего учиться.

Витте. Неправильная ссылка С[ове]ту мини[с]т[ров] пусть обсуждать формы предст[авительства].— Не так легко. Рост окраин.— Национальные вопросы.— Насмарку всю историю России.— Не стесняясь говорить, только пользу принесете. Следовательно, совещание причастно...— Стали на этот путь. О критике совещания. С мыслью Ермолова согласен. М[ожет] б[ыть], В[ашему] и[мператорскому] в[еличеству] придется признать участие представителей. Говорить слова, в чем будет нужно. Наш долг дать данные, надо сказать, как сделать.— Взакрытую нельзя вносить в Совещание. Опасаясь истины. Весьма желательно, чтобы определенный проект. Сразу кончатся толки.— Необходим проект для самих себя. Шаг, предрешающий всю историю России.

Проекта не имеем. 1803. Сперанского. Шильдер.— После записки его не было серьезно [го разбора дела] [11].

Сольский. [18]66 г., [18]80 и [18]81 [12].

Ермолов. Ввести нескольких лиц.

Сольский. Желательно, ч[то]б[ы] не разглашались.

Витте. Схема — 40—50 [13].

Коковцов. Дать определ[енные] указания. Отдельн[ые] группы населения.— Чернов[ая] разработка законопроектов. Вызывать на ответ.— Остаться в пред[елах] прочита[нных] [в] четверг [14]. Ничего не колеблют в основаниях, принятых в четверг.— Не устраняются необходимости дать ответ на адресы.

Сольский. Раздражение произвело бы участие в черновой ра[зработке]. Не б[ыло] предрешено. Форма была непредрешена.

Сольский. Сословия. Правительству следует отозваться.

Фриш. «Черновая» — работа — лица [призываются] не к словопрениям, а к [работе]. М[огут] б[ыть] призываемы в совещание и кончится [привлечением в] Гос[ударственный] сове[т]. Продолжает держаться [этого мнения]. Не предрешать, где будет производиться [опрос представителей,] на местах, в Госуда[рственном] совете? — Совет будет спрашивать. [Они будут] давать объяс[нения] Совету. Представит[ельное] собрание не вижу [необходимости созывать] при предстоящих [условиях,] не знает местной жизни.

Успокоение благоразумных людей. Необходимое единство — рука об руку. Разумные желания [удовлетворить]. Надо и твердость. Насилие насилием уничтожить. Забастовок [не допускать].— Был бы водворен поряд[ок]. Не должно останавливать ход реформ.

Сольский. В начале декабря Мир[ский] дал все справ[ки] и... Правит[ельство] не проявилось.— Развращающее влия[ние].

Манухин. Вот о нужд[ах], средостен[ие] бюрократии. Назрев[ание] народных нужд. Живем в такое время, когда всюду смута, руководимая сотнями и тысячами [посреди] инертного миллионного моря.

Разработка в немногочисленном совещ[ании из членов] Сов[ета] м[инист]р[ов] и Гос[ударственного] сов[ета].

inslav

Манухин. О совещании публиковать не нужно. Опасн[о. Лишь] после рассмотрения Государем [публиковать]. Гос[ударственный] сов[ет]. Сословий.— Разделяет. Присяж[ные] пов[еренные].

Глазов. Присоед[иняется] к Эд[уарду] Вас[ильевичу] [15].— Необходим рескрипт, сословия практически неудобно. Финлянд[ский] сейм. Архаичность. Крестьяне под давлением свыше.

Александр Михайлович. Сомнение. Глуб[окое] уб[еждение —] своевремен[но]. Единств[енный] путь. О сосл[овиях] согласен. Не много, всем ч[то]б[ы] ясно было.

Булыгин. Высказался против Манифеста. Опасался манифеста. Обратные последов[ательность], превват[ное] понятие [может] вызвать манифест. Ответы на адресы, на кот[орые] нужно ответи[ть]. [Если рескрипт] не удовлетворит, легче борьба с неудовлетвор[енными]. Не того хотят. Маска сорвана будет.

Сахаров. Необходимы меры решительные. Необходимо схему надо выработать. Ясно и твердо, до чего м[ожно] пойти в желаниях. [Против] полумер, [они] вырываются как бы у правительства. Дальнейший [рост] мятежных требований у[силится], подымется, анархии не б[удет] границ.— Республика и та проявляется.— Схема.— Останавливать рескрипта не следует. М[ожет] известное успокоение внести в благоразум[ную] часть общества, благо и счастие России, а не успокоение дать * самым секретнейш[им] образ[ом] взвешено каждое слово.— При царях соборы чисто русские, блюсти.— Шаги сделала за окраину. Финл[яндия], Литва, Польша, Остзейс[кий] край, Бессарабия, Крым, Восточная Сибирь. Исключить их всех или [нет]. Финл[яндия]. Остзейск[ий край] разумно. Куда по крайности денется Финлянд[ский] сейм.— Что мы будем Россиею называть? Исключить окраины нельзя. Чрезвычайно осторожно. Финляндия особо.

Витте. Живем в такое время, что придется [решать] спорный вопрос.— Издать рескрипт.

Против Ермолов, как по с[ущ]е[с]тву и как по печати... не печатать...

Александр Александрович. Рескрипт не ясен.— Оповещать.

Витте. Лучше не ждать.

Ермолов. Предоставить возможность [проникновения] голоса [представителей] к престолу, постоян[ное] участие [в законодательстве].

Хилков. 85[%] населения. Отвечаете, что доверие есть к населен[ию].

Лобко. Нет искренности в изданиях.

Постоянное представительство.— Не м[ожет] не иметь решающих прав. Европейс[кие] парламенты. Ограничение самодержавной власти. Разделит, если хочет.— Русский народ и дело решит[ся], будет ли благом? — Благо России поддержится ли? Ограничение.— Приготовить просит.

Лобко. Не настала такая минута и не скоро наступит. Ничего не утоляется.

Лобко. Рескрипт с обещанием пред[о]ставить обещание представительного правления — заблуждение.— Это так останется.

Лобко. Трудно, ч[то]б[ы] работники были и...

Манухин. Вся Россия. Мысли преданных рус[ских] людей, отнюдь не большинство парламентаристов.— Миллионы против подчиненного правительства [16].— Голос народный.— Удовлетворение местных нужд.

Витте. Бояться нечего. Эволюция.

Сольский ** в газете не окончательно решает.

Витте. Права гос[ударя] в парламентах ограничиваются. Не угодно ли справиться? Попробуйте несколько раз штыками на выборах.— Коррективъ к правительству.— Помочь правительству.— М[ожет] принести пользу.

---

* *Далее два слова не разобраны.*
** *Далее одно слово не разобрано.*

inslav

После завтрака

Будберг. Желательно.— Рескрипт. Интеллигенция.— Мысль, имеете ли Вы право ограничиться.— В конце сознавать голос земли. Сознавать, что ближе известны пути.

Лобко. Остановиться еще.— В одном уловить трудно. Законны ли желания.

Сольский. Улучшается.

Будберг. Положительное заявление, что [представительство] полезно, [носит] совершенно другой характер.— Прибавка нужна. На желание очень многих ответ нужен. На разумных людей хорошее впечатление.

Танеев. Обещание определенно выразить. Нет в рескрипте определенности.— Как формулировать, сословие — население. Совет не упоминать и выжидать конца [принять] трудно, т. к. потреб[уется] больш[ее; число тех, кто] желает дар[ованных] милостей, значительно, надо сказать.

Коковцов. Я озабочен изыскани[ем европейского рынка для русских бумаг].

Витте. Скована тысячелетием — масса интересов, 54 [%] рус[ских] и 46 [%] нерус[ских]. В общих чертах необходима комбинация, не нарушающ[ая существующего положения]. Равноправие. Можно уничтожить стремления, но равноправие дать нельзя.— Австрия. Русским людям надо сказать, чтобы федерация ... Грузины. Никто не м[ожет] 1000 лет насмарку .... Ничего не значит.— Ограничиться краткою редакциею, в чем затрудн[ения]. 1000 лет истори[ческой] действительности как результат ...

Государь. Голос земли, голос народа ч[то]б[ы] доходил. Сложность вопроса. Разнородность страшная. Разные величины. Труднее скомкать... Выборы дворянства. Становитесь в тупик. Помимо бюрократии. Пролатать брешь. Красный террор. Трудность задачи.

Государь. Всей России. Все мало-по[малу] нараст[ает], легче сказать.

Ермолов. Устранить представителей и инородцев трудно.— Ввиду трудностей можно ограничиться [заявлением] вовсе стать на путь. Что-то общее. Указать на трудность задачи.— С[овет] ми[нистров].

Икскуль. Слишком большая общность м[ожет] слишк[ом]...

Фриш. Б[арон] Будберг против порядка разработки... выборные лица... призыв к предвар[ительной] разраб[отке] законодательн[ой]... крупные законод[ательные]...

Сольский. Государствен[ная] важность.

Манухин. Смешение законов и ordonances[17]. Пож[алуй], это и не оговаривать.

Государь. Это частность.

Сознавая необход[имость] законодательства для решения... слыш[ен] голос... давно озабочен... чтобы эт[у] трудность ввиду разносоставности насел[ения]...

Александр Михайлович. Благодарность.

Ермолов. Земс[кие] собр[ания]. Оттенок сослов[ности]. Есть и непов[иновени]е.

Булыгин. Выходит из компетенции земства. Дворяне имеют право. Резолюций... Симбир[ское] зем[ское] собр[ание] и др.— Дворянство им[еет] право[18].

Примечания

[1] См. сноску 4 в статье.

[2] См.: Кризис самодержавия в России. С. 138–141.

[3] См.: Там же. С. 165–166.

[4] Учрежденная царем после событий 9 января комиссия под председательством сенатора Н. В. Шидловского для выяснения причин недовольства петербургских рабочих. Подъем революционного движения сорвал созыв комиссии.

[5] По-видимому, речь идет о введении выборных в состав Государственного совета.

[6] Комитет министров в числе мер по осуществлению указа 12 декабря 1904 г. разра-

inslav

батывал вопрос созыва в Петербурге двух совещаний – по земским и городским делам – с участием избранных земскими и городскими учреждениями представителей.

[7] Д. П. Святополк-Мирский – министр внутренних дел с августа 1904 до января 1905 г.

[8] Члены Государственного совета назначались царем в отличие от членов (гласных) городских дум и земских собраний.

[9] Свод законов Российской империи. СПб., 1899. Т. IX. Ст. 503 (с. 98) и 671 (с. 134) (содержали определения городских и сельских обывателей и их состава).

[10] Имелась в виду рассматривавшаяся в эти дни отмена уголовного преследования за экономические стачки, чтобы сделать средством преодоления трудовых конфликтов судебное разбирательство на основе гражданского права.

[11] Известная записка М. М. Сперанского о государственных преобразованиях была представлена в исторических трудах Н. К. Шильдера.

[12] В эти годы в правительственных сферах рассматривались проекты государственных преобразований с введением в той или иной форме представительства.

[13] Можно предположить, что Витте имел в виду процентное соотношение между нерусским и русским населением.

[14] Коковцов имел в виду высказанное на заседании 3 февраля намерение царя, свое собственное и некоторых участников заседания свести идею представительства к опросу «доверенных лиц», «экспертов-специалистов». Возражавший тогда против этого Фриш 11 февраля изменил свою позицию.

[15] Э. В. Фриш.

[16] Органы государственного управления, подчиненные верховной царской власти.

[17] Здесь – царские указы.

[18] До указа 18 февраля 1905 г. о петициях ни частные лица, ни организации какого-либо типа, кроме дворянских, не пользовались правом ходатайства по вопросам общегосударственного значения.

ЗАПИСКА М. Н. ТИХОМИРОВА 1956 г. О СОСТАВЛЕНИИ «МОСКОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ»

Записка находится в личном фонде академика М. Н. Тихомирова в ААН. В изданном описании фонда, составленном И. П. Староверовой, значится под № 858 [1]. Это первый экземпляр машинописи с подлинной подписью: «М. Тихомиров». Указаний на адресат записки и об отправлении ее пока не выявлено. Возможно, что записка подготовлена после ознакомления М. Н. Тихомирова с «объяснительными записками к именам похороненных в Москве» [2] или другими материалами по истории «Московского некрополя». М. Н. Тихомиров мог знать о работе по составлению «Московского некрополя», которую вели историки Москвы еще в довоенные годы. У него были, видимо, не только деловые, но и более близкие отношения с причастным к этой работе Петром Николаевичем Миллером (1867–1943): в фонде П. Н. Миллера (в Музее истории Москвы) обнаружены стенограмма доклада М. Н. Тихомирова «Древнейшая история Москвы, XII–XIV вв.» 19 июня 1940 г. и материалы его обсуждения, письма М. Н. Тихомирова из Ашхабада от июля 1942 г. о работе по истории Древней Москвы. Но записка, несомненно, отражает мнение М. Н. Тихомирова о важности работы по составлению «Московского некрополя» и последовательных стадиях ее, о значении надгробных памятников и надписей как важных исторических источников (в его трудах не раз находим ссылки на такого рода источники); оценивает «Московский некрополь» и как охранный документ. В настоящее время, когда усилилось внимание и ученых и более широкой общественности к опыту работы по составлению Московского и других некрополей, ознакомление с мнением об этом такого выдающегося исследователя, организатора науки и знатока прошлого Москвы, каким был М. Н. Тихомиров, представляет особый интерес.

С. О. Шмидт

[1] Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание. М., 1974. С. 85.

[2] Там же. С. 157.

inslav

О «Московском некрополе» (докладная записка)

Москва является местом захоронения многих замечательных государственных, научных и общественных деятелей, писателей, художников, военных и т. д. Сохранение оставшихся могил видных деятелей нашей Родины, похороненных на территории Москвы, дело совершенно необходимое.

Для этой цели необходимо прежде всего взять на учет все существующие могилы видных деятелей нашей Родины, похороненных в пределах Москвы, сохранить памятники, поставленные на их могилах, и дать их описание. Последней задаче и должно отвечать издание «Московского Некрополя», что будет лучшим методом охраны могильных памятников.

Так как составление такого «Некрополя» — дело трудное и длительное, в первую очередь следует провести работы по описанию памятников и их охране там, где похоронены наиболее крупные деятели, перейдя затем к описанию памятников в других районах. Поэтому первоочередной задачей является составление «Московского Некрополя» на территории Кремля, Красной площади и остальной территории Китай-города. После этого можно будет перейти к описанию других мест захоронения в Москве. Работы по изучению и приведению в порядок могил выдающихся людей на территории Кремля, Красной площади и Китай-города можно осуществить в течение года. Следует иметь в виду, что объяснительные записки к именам похороненных в Москве уже составлены, поэтому речь идет об описании памятников и в нужном случае их фотографировании.

Основные работы по составлению «Московского Некрополя» представляются мне в следующем виде.

1. Составление полного списка захоронений выдающихся лиц, похороненных в Москве, памятники или могилы которых сохранились до настоящего времени.

2. Описание этих памятников с их надгробными надписями с сохранением особенностей их языка и формы, так как надгробные надписи имеют значение крупнейшего исторического источника по истории культуры и, в частности, Москвы как величайшего культурного центра нашей страны.

3. Фотографирование и издание некоторых наиболее замечательных могил (по тем лицам, которые похоронены в этих могилах, по эпитафиям и другим надписям, по художественному выполнению памятников).

4. «Московский Некрополь» должен быть своего рода охранным документом для московских могил.

5. Для издания «Московского Некрополя» должна быть создана особая комиссия, с обязательным включением в нее представителя Моссовета. Комиссия утверждается Моссоветом (в составе 5—7 лиц во главе с председателем, он же ответственный редактор «Московского Некрополя»).

6. В первую очередь издается 1-й том или выпуск «Московского Некрополя», посвященный Кремлю, Красной площади и Китай-городу. В дальнейшем работа проводится по отдельным кладбищам. Работа эта проводится постепенно, согласно планам и сметам, утверждаемым на каждый год.

ААН. Ф. 693. Оп. 3. Д. 50. Л. 1 и об. Машинопись, 1-й экз. Подп.: М. Тихомиров (подл.) 16 марта 1956 года.

ЗАПИСКА В. Д. ДУВАКИНА «О МОЕЙ РАБОТЕ НА КАФЕДРЕ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ МГУ»

В 1989 г. исполнилось бы 80 лет Виктору Дмитриевичу Дувакину (1909—1982). Историки литературы знают его как серьезного исследователя биографии и творчества В. В. Маяковского. Наряду с другими участниками молодежной «Бригады В. Маяковского», созданной в 1930 г. при Государственном Литературном музее, он был одним из первых про-

inslav

пагандистов и зачинателей изучения его творчества, постоянным участником всех полных собраний сочинений поэта, комментатором его текстов. Результатом его исследований стали альбом «Маяковский В. В. Грозный смех. Окна сатиры РОСТА» (М.; Л., 1938), дважды переизданный в ГДР[1], и книга «Радость мастером кованная: Очерки творчества В. В. Маяковского» (М., 1964).

Воспитанник Московского университета, он более 40 лет был связан с ним творчески (начиная с 1940 г. читал курс по истории русской советской литературы конца XIX — начала XX в. и вел семинар по творчеству Маяковского на филологическом факультете), воспитал плеяду учеников, по достоинству оценивших его широту и душевную щедрость. Последние 15 лет жизни он посвятил созданию в МГУ фонда звукодокументов по истории русской культуры и науки XX в., став фактически одним из первых советских специалистов, кто целенаправленно начал с 70-х годов систематический сбор устной информации с целью сохранения для будущих поколений культурного опыта прошлого.

Записывая на магнитофонную пленку воспоминания разных людей об их современниках, Дувакин разрабатывал методику этого нового для того времени информационного источника. В чем-то он опирался на свой прежний опыт собирателя-архивиста в Литературном музее, когда, по его собственным словам, получил от В. Д. Бонч-Бруевича «вкус к подлинным источникам — их разысканию, уточнению и систематизации». Накануне войны он организовал стенографирование воспоминаний друзей и близких Маяковского. Не прошло бесследно и знакомство с опытом профессора С. И. Бернштейна, который в 20-е годы вел записи актерского и авторского чтения на восковые валики фонографа, в спасении которых пришлось участвовать и Дувакину.

Работа по созданию звукодокументов мемуарного характера требовала от исследователя, помимо высокого профессионализма, особого дара собеседования, тактичного умения активизировать память другого человека, направлять его мысль, корректировать невольные ошибки, концентрировать внимание на особо важных деталях. «Это очень напряженная работа, требующая не только хорошего знания эпохи, но и понимания характера собеседника, работа, отчасти схожая с работой режиссера, помогающего актеру выявить главное в роли»,— признавался он не раз. Профессиональные и личные качества Дувакина помогали ему в этом и в установлении атмосферы той особой доверительности во взаимоотношениях с людьми, которая приводила к созданию звукодокументов, отличающихся искренностью и задушевностью.

В его личном архиве сохранились заметки, подводящие итог сделанному до 1974 г. Размышляя о значении этой работы, Дувакин характеризует особенности устных мемуаров как источника, намечает классификацию произведенных записей, говорит о возможных перспективах использования подобных материалов. Одновременно Дувакиным дается краткий обзор всего собрания, выделяется наиболее ценное.

Сегодня, когда термины «фонодокумент», «устная история» вошли в научный лексикон историков и архивистов, знакомство с опытом разработки проблем, связанных с этим пока еще не особенно распространенным у нас видом документов, возможно, будет полезно не только узкому кругу специалистов, но и всем, кому дорога наша история.

Нельзя забывать, что сбор материала производился в годы строго дозированной, отфильтрованной информации. Безусловно, сказывался и многолетний дефицит человеческого общения, потребность людей в исповеди, в свободном, раскрепощенном разговоре-размышлении. В результате в процессе бесед, в которых наиболее полно проявлялась личность собеседника, выяснялось многое, о чем долгие годы не было возможности говорить откровенно. Главное — постепенно вырисовывался портрет по-

---

[1] *Duwakin Wiktor.* Rostafenster: Majakowski als Dichter und bildender Künstler. Dresden, 1967; *Idem.* Dresden, 1975.

inslav

коления людей, многое переживших, но в большинстве своем не утративших внутренней свободы, способности трезво оценивать события, желания говорить и знать правду. В этом, пожалуй, одно из главных достоинств собранных документов, их нравственный урок будущим поколениям.

Текст записки воспроизводится с некоторыми сокращениями, обозначенными отточиями. В ряде мест для связки фраз служат слова, вставленные публикатором в квадратных скобках. «Записка» 1974 г. дополнена выдержкой из отчета Дувакина 1970 г., вставленной в начале публикации в квадратных скобках.

В. Ф. Тейдер

О моей работе на кафедре научной информации МГУ

Моя работа на кафедре научной информации — это создание звукодокументов первичной информации о русской культуре первой трети XX в.

Я записываю на магнитную ленту воспоминания людей, родившихся в конце прошлого столетия и в самом начале нынешнего. Разыскиваю заметных деятелей культуры того времени и их сверстников-свидетелей, в особенности тех, кто лично помнит... и предыдущее поколение. Фиксируя на пленке их устные воспоминания, я закрепляю для будущего информацию о прошлом, то есть создаю звукодокументы первичной информации.

Слово «культура» точно определяет тематику этих звукодокументов. С одной стороны, оно указывает на тематическое разнообразие: это и наука, и литература, и изобразительные искусства, и музыка, и особенности быта. В этом слове есть и элемент ограничения: история культуры, а не история вообще. Материал общей истории самостоятельным предметом моих записей не является, хотя в какой-то мере в них присутствует.

Моя ближайшая задача — спасти то, что еще возможно спасти, накопить как можно больше фактов, живых деталей и картин, словесных портретов и характеристик ученых... писателей, поэтов, художников, артистов и режиссеров, выдающихся библиографов, популяризаторов знаний и т. п., действовавших примерно до середины 30-х годов нашего века.

Первоначально я ограничивал себя своей литературоведческой специальностью и наиболее тематически близким мне в течение многих лет материалом: тема называлась «Первичная звукодокументация биографии и творчества В. В. Маяковского».

[В гуманитарном аспекте значение и своевременность работы по данной теме очевидны. В. В. Маяковский — одна из центральных фигур советской культуры... Порожденная Великой Октябрьской социалистической революцией поэзия Маяковского уже давно осознается и у нас и за рубежом как классика, как одна из непреходящих ценностей, внесенных советским народом в мировую культуру на протяжении последнего полустолетия... Между тем большая часть ценнейшей информации о Маяковском, которая годами сохранялась в памяти современников, к нашему времени утеряна, так как вовремя не была зафиксирована ни самими ее носителями, ни кем-либо другим. Многое из того, что двадцать, даже десять лет тому назад еще можно было бы легко сохранить для будущего, теперь уже невосстановимо.

Для изучающих творчество и биографию больших писателей XIX в. источниками информации о людях и о времени были и остаются дневники, личная переписка и другие письменные документы той эпохи. При изучении истории культуры первой трети нашего столетия положение исследователя много хуже: письменных источников, по которым можно было бы воссоздать историю жизни и характер личности больших людей литературы, театра, изобразительных искусств, музыки и других областей

inslav

культуры, работавших в первой трети нашего столетия, меньше, чем от хронологически более далекого чеховского, некрасовского и даже пушкинского времени. Причин тому много: и технические изобретения, как бы сократившие расстояния, и общее ускорение темпа жизни, в которой не остается времени для обстоятельной переписки и тем более — дневников, и массовая гибель архивов в условиях войн и следовавшей за ними разрухи, и многое другое.]

Тем более важно, не умножая потерь откладыванием дела, систематически записывать на магнитную пленку свидетельства всех помнящих Маяковского живым, то есть создавать информационные документы, впервые фиксирующие нигде ранее не зафиксированную информацию о поэте. И разумеется, не только о нем самом и его ближайшем окружении. Маяковский общался с весьма широким кругом людей искусства, литературы, театра. В их числе были крупные таланты, жизнь и деятельность которых представляет самостоятельный историко-культурный интерес и в то же время пересекается с его биографией: [А. В.] Луначарский, [В. Э.] Мейерхольд, [В. И.] Качалов, [И. Э.] Бабель, [А. А.] Фадеев, [Б. Л.] Пастернак, [М. А.] Светлов и многие другие. [Поэтому] уже через несколько месяцев я вышел за рамки этой темы и документировал вообще жизнь русской поэзии первой трети XX в. Постепенно включался материал, связанный с изобразительным искусством, театром, архитектурой, музейным делом и т. п. В 1969 г. я уже вел записи по всему гуманитарному циклу.

В 1970 г. тогдашний ректор МГУ академик И. Г. Петровский в беседе со мной выразил пожелание, чтобы в программу моих звукодокументаций вошли также воспоминания крупных ученых физико-математических и естественных специальностей и в особенности информация, относящаяся к прошлому Московского университета. С этого времени я начал организовывать записи воспоминаний не только о жизни искусства и литературы, но и о научной жизни. Сведения о жизни русских университетов, научных и учебных институтов, рассказы о работе научных обществ, о содержании и ходе устных научных дискуссий и, конечно же, воспоминания ученых о себе и своих учителях, свидетельства друзей и близких об этих ученых — все это, хотя и в очень разной степени, есть в моих записях. При этом я каждый раз стремлюсь сосредоточить внимание собеседника на конкретном и индивидуальном, на возможно более точных, хотя бы и частных фактах, а не на общих рассуждениях. Фиксируя явления не только разнородные, но и разновеликие по значимости, я всячески старался сохранить для будущего живую атмосферу эпохи, эмоциональный тонус жизни поколения, создавшего советскую культуру, талантливых русских людей, последние из которых сейчас все чаще уходят. [В этом] главнейшая задача предпринятой работы.

... Уже осуществленные к 1 января 1974 г. магнитофонные записи можно разбить на несколько групп.

[1.] Записи монографические. Вспоминающий рассказывает в основном об одном крупном деятеле, а об остальных встречавшихся ему интересных людях говорит лишь постольку, поскольку они связаны с тем, о ком идет беседа. Таковы все ранние записи о Маяковском... О Маяковском рассказывали двоюродный брат поэта М. Т. Киселев, писатель В. Б. Шкловский, много помогавший Маяковскому при устройстве и показе посетителям его выставки «20 лет работы» А. Г. Бромберг, бессменный организатор вечеров поэта П. И. Лавут, профессор-фольклорист П. Г. Богатырев, Л. Ю. Брик, Вероника Полонская, соученик Маяковского по гимназии А. А. Кирпичников, известный художник А. Г. Тышлер, Ростислав Плятт, хорошо знавшая поэта в юности художница Е. А. Ланг, знаменитый полярный летчик В. Г. Чухновский и ряд других лиц, знавших Маяковского. Монографичны и записи некоторых бесед о [А. А.] Блоке с Надеждой Павлович, с первым издателем поэмы «Двенадцать» С. М. Алянским, крестьянкой Екатериной Можаевой, о Георгии Якулове с вдовой художника, о [Исааке] Бабеле и Максими-

inslav

лиане Волошине тоже с их вдовами, о [К. Д.] Бальмонте с его дочерью Н. К. Бруни, о Марине Цветаевой с ее сестрой, о Мейерхольде с известным режиссером Л. В. Варпаховским, а также осуществленная по моей просьбе тем же Варпаховским запись небольшой беседы о Мейерхольде с Д. Д. Шостаковичем.

[2.] Записи обзорных бесед. Таковы беседы с академиком С. И. Вольфковичем о становлении химической науки в конце 20-х — начале 30-х годов, с академиком П. А. Ребиндером о начальных этапах работы советских физиков, с профессором Э. В. Шпольским и другими учеными. Таковы же и некоторые беседы гуманитарного профиля. Например, малоизвестный поэт Ипполит Соколов, сохранивший интереснейший архив и свои дневники 1918—1922 гг., сделал подробнейший обзор литературных группировок, диспутов и открытых вечеров первого послеоктябрьского пятилетия. 82-летний художник В. М. Мидлер, в 20-е годы работавший в должности хранителя Отдела современного искусства Третьяковской галереи и знавший лично почти всех художников своего поколения, очень много рассказал и об истории комплектования отдела. 83-летний искусствовед и коллекционер Н. П. Пахомов сделал обзор деятельности в 1910-х — 1920-х годах хорошо известных ему собирателей произведений искусства. Н. К. Бальмонт-Бруни одну из своих последних бесед посвятила словесным портретам крупных писателей-символистов, которых она лично помнит. Интересен был и сделанный сыном ректора Пермского университета В. К. Покровским обзор (за полвека) деятельности лекторов, читавших научно-популярные лекции.

[3.] Записи многотемных бесед. Их больше всего. С внешней стороны они начинаются автобиографически. Старый человек рассказывает о себе и о своем окружении. В зависимости от того, интересен ли он сам по себе или используется только как свидетель о ком-то более значительном, я побуждаю его говорить о себе более развернуто, или же (разумеется, осторожно) стараюсь ограничивать его речь. Записи этой группы в большинстве очень интересны. Их тематика иногда неожиданна. Делать здесь ее обзор невозможно.

...В созданных звукодокументах зафиксирована информация об ученых разных специальностей, поэтах, писателях, художниках, архитекторах, композиторах и музыкантах, деятелях театра, эстрады, кино 20-х — 30-х годов, а также об организаторах различных культурных начинаний в эти годы. В науке — это основатели научных школ, известных институтов и лабораторий. Как правило, ими были крупные ученые.... В гуманитарной же культуре — это нередко люди, которые знали и любили какую-нибудь ее отрасль, и хотя лично не работали в ней творчески (профессионально), своей деятельностью способствовали развитию искусства, литературы, просвещения и т. п. Это дореволюционные меценаты-коллекционеры, основатели картинных галерей С. И. Щукин, И. А. Морозов, И. С. Остроухов, И. Е. Цветков; известные издатели [И. Д.] Сытин, [Ф. Ф.] Павленков, Сабашниковы; популярные в какие-то годы критики и редакторы журналов Аким Волынский, Любовь Гуревич, а в советскую пору А. Воронский, В. Полонский, Л. Авербах; библиографы и книголюбы — [Н. А.] Рубакин, организаторы литературных кафе — [Б. К.] Пронин и др., салонов и кружков.

Организаторами и, можно сказать, «конденсаторами» культурной энергии были и некоторые владельцы московских гимназий, умевшие привлечь к себе лучшие силы: [Л. И.] Поливанов, [А. С.] Алферова, [В. В.] Потоцкая, а в советское время — «учитель учителей» М. А. Рыбникова, объединявшая вокруг «Института методов школьной работы» и у себя на дому талантливейших словесников. Сходную роль играли и зачинатели исторических, художественно-познавательных и литературных экскурсий, а также литературных музеев — Н. А. Гейнике, Л. Е. Случевская, Н. П. Анциферов и другие. К этой же группе относится и близкий сотрудник В. И. Ленина, неутомимый культуртрегер и собиратель В. Д. Бонч-

inslav

Бруевич, Н. К. Крупская и, конечно, А. В. Луначарский, в течение 12 лет возглавлявший фактически все отрасли культуры в СССР.

Встречаются в записях эпизоды и о людях, которых нельзя отнести ни к одной из названных групп: шлиссельбуржец Н. А. Морозов, популярный дореволюционный лектор [В. А.] Поссе, известный американский журналист Джон Рид... и др. Я не ставлю себе задачи назвать всех. Это и невозможно.

В записях что-то зафиксировано примерно о тысяче человек. Из них 700—750 человек — это все люди, персонально оставившие в русской культуре какой-то след. Остальные 250—300 [человек] — это родные, друзья и возлюбленные, учителя и наставники, слушатели и ученики, сотрудники, просто знакомые, соседи и даже слуги тех, кто такой след оставил...

По объему записанное на магнитофонную ленту о некоторых лицах при переводе на бумагу заняло бы десятки, а то и сотни страниц, о других — одну-две, а о третьих — один-два абзаца или несколько фраз. Но все же с каждым именем связана какая-то информация.

Мне удалось зафиксировать немало о жизни Московского университета и других московских вузов предреволюционных лет и первых лет после революции. О дореволюционном физико-математическом факультете и математическом отделении советского физфака МГУ много рассказывали академики П. С. Александров, П. А. Ребиндер, А. М. Люстерник. О естественных отделениях физмата — недавно скончавшийся зоолог и палеонтолог Б. С. Матвеев. Исторический факультет в первой половине десятых годов и факультет общественных наук (ФОН) МГУ начала двадцатых [годов] обрисовали теперь уже покойный академик [С. Д.] Сказкин и бывший студент ФОНа, впоследствии крупный издательский работник Б. В. Лунин. Об МВТУ рассказал академик С. И. Вольфкович, о Высшем литературно-художественном институте им. В. Брюсова — член-корреспондент АН СССР профессор-литературовед Л. И. Тимофеев. Говорилось и о немосковских вузах. Петербургский университет (филологический факультет) подробно охарактеризовал писатель В. Б. Шкловский, а также крупный советский филолог М. М. Бахтин. О Киевском университете (математический факультет) говорил академик [Б. Н.] Делоне, о Пермском — уже упоминавшийся В. К. Покровский. О Бестужевских высших женских курсах в Петербурге рассказала Е. П. Михайлова, возглавлявшая вплоть до 1972 г. Московское отделение бывших «бестужевок».

Есть много записей о жизни разных научных, литературных и художественных объединений и кружков, главным образом первых лет после революции. Интересен был оборванный его внезапной смертью рассказ профессора Б. С. Матвеева о Московском обществе испытателей природы. На ту же тему говорила много лет связанная с этим обществом О. М. Мартынова — вдова другого профессора-палеонтолога и сама тоже палеонтолог.

Таким образом, в звукодокументах, собранных мною для МГУ, содержится большой объем информации, который может значительно расширить наши знания о начальном периоде советской культуры.

Но надо особо подчеркнуть, что [фиксируемая] информация сама по себе является непрерывно убывающей или исчезающей информацией: из тех, кого я записал, многие уже скончались. Умерли также многие, кого я должен был записать, в том числе и некоторые, с кем я уже вел переговоры. Через 10—15 лет из 130 человек, чьи воспоминания записаны до 1 января 1974 г., останутся единицы. И тогда станет очевидным, что звукодокументы бесед с теми, кто уже умер, уникальны.

Уникальны они и в другом значении слова: это первичные звукодокументы. За редким исключением говорившие перед микрофоном ранее не публиковали того, что они говорили.

Другое преимущество звукодокументов — их большая (сравнительно с авторской записью и стенограммой) достоверность как источников. Не-

inslav

смотря на то что устная, тем более обращенная к одному собеседнику речь по соотношению с письменной является черновиком и может содержать в себе оговорки, ошибки памяти и т. п., она все же достовернее письменной, так как, во-первых, в ней в большей мере исключено прямое внешнее воздействие, а во-вторых, она корректируется интонацией. Интонация неотделима от живой речи, и именно благодаря интонации в живой речи затруднена авторедактура. Информация, заложенная в ритме и интонации живой речи, корректирует основную содержательную информацию, заключенную в тексте. Интонационная (в конечном счете эмоциональная) окраска речи может оказаться в противоречии с ее собственно словесным содержанием, а тем самым будет сигнализировать о необходимости проверки сказанного — и немедленной (путем постановки дополнительных вопросов) и последующей (перекрестно). Поэтому в конечном счете звукозапись устной беседы достоверней как источник, она дает большую возможность установить истину, чем подготовленный к печати письменный текст воспоминаний.

Сейчас трудно предвидеть все возможные формы и способы использования созданных звукодокументов. Их основное назначение — служить материалом для будущих исследователей первой трети XX в. Возможно и их более раннее использование или полная публикация некоторых из них, но при условии, что те, кто говорили в микрофон (а в случае их смерти — близкие), дадут на это свое согласие.

Я уверен, что созданные в МГУ звукодокументы со временем понадобятся для многих научных монографий и популярных биографий писателей, художников, артистов, ученых, лекторов, для истории научных учреждений, обществ, культурных начинаний, не вошедших в печать споров и т. п. Это материал, который может оказаться полезным и для писателей-беллетристов, драматургов, киносценаристов, художников — для всех, кто будет изучать это время или творчески его воспроизводить. Ценность этих звукодокументов с течением времени будет все более возрастать.

Назначение записей как звукодокументов, свидетельствующих о времени, конечно, основное, но оно не единственное. Прослушивание уже сделанных записей наводит на мысль о возможности использовать их также в интересах лингвистики и психолингвистики. Беседы и монологи старых людей, записанные на пленку в 60—70-х годах XX в., в будущем могут быть использованы при изучении динамики изменения орфоэпических норм русского языка и при постановке других лингвистических и психолингвистических исследований. Зафиксированные в определенный момент конкретные лингвистические, грамматические, синтаксические и стилистические особенности записанных на пленку монологов и диалогов могут стать незаменимым материалом при исследовании общих особенностей мышления на уровне устной речи. Они могут дать материал и для решения некоторых других очень актуальных сейчас психолингвистических проблем. Продолжительная магнитофонная запись речи определенного лица с психолингвистической точки зрения интересна как реальное осуществление возможности документирования личностной характеристики говорящего. Эта возможность является тем более ценной, чем значительнее сама по себе личность записываемого или чем она более типологически выразительна с какой-либо специальной точки зрения: социальной, историко-культурной, чисто психологической, эстетической, наконец, с точки зрения ощутимости научной специальности или профессии говорящего.

В записях фиксируется стадия выражения мыслей, которую можно назвать додневниковой, промежуточной между внутренней речью и письменным изложением. Поэтому в них могут оказаться зафиксированными (и это практически вероятно и очень ценно) интересные частные мысли научного порядка, не вполне выкристаллизовавшиеся, лишь приблизительно сформулированные, обобщающие идеи. Это наиболее важно при записи бесед с деятелями точных и естественных наук. Мысли даже

inslav

крупных ученых, выходящие за пределы их узкой специальности, не попавшие в их специальные труды, нередко остаются неизвестными. Между тем в непредназначенной для скорого обнародования непринужденной беседе могут быть высказаны — пусть еще недостаточно проверенные и потому не готовые к публикации — гипотезы, соображения о большей или меньшей перспективности еще едва наметившегося направления научных исследований и соображения о проблемах, возникающих при работе на стыке нескольких научных дисциплин и т. п. При определившейся сейчас тенденции к интеграции научных дисциплин сохранение и выявление таких не вполне созревших (но иногда очень плодотворных!) идей может оказаться очень ценным не только для данной конкретной дисциплины, но и для развития науки в целом.

Ближайшая задача, которую я себе поставил: спасти то, что еще можно спасти. Более отдаленная общая цель — способствовать созданию в будущем при Московском университете фонда звукодокументов по истории русской науки и культуры XX в.

Я уверен, что со временем такой фонд будет обязательно создан.

Старший научный сотрудник В. Д. Дувакин
14 апреля 1974 г.

Научная библиотека МГУ им. А. М. Горького,
Группа фонодокументации,
Рукописный архив В. Д. Дувакина

inslav

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1989 г.

16 января 1989 г. состоялось пленарное заседание Археографической комиссии, посвященное проблемам устной истории, ее традициям и перспективам. В своем вступительном слове председатель Археографической комиссии *С. О. Шмидт* отметил, что в современном понимании устная история представляет собой записанные на магнитную пленку свидетельства участников и очевидцев событий. Создание ее — результат особой деятельности специалистов по закреплению и сохранению для потомков информации, отразившей индивидуальный жизненный опыт. В настоящее время устная история – распространенная форма организации и сохранения исторической информации. Задачей настоящего заседания должно стать выяснение становления методики устной истории в нашей стране в первые десятилетия Советской власти, когда сам термин еще не утвердился, а технические средства записи были еще иными, а также выяснение источников изучения этой методики и возможности использования ныне таких материалов для исторических и историко-культурных исследований, при разработке истории архивного и музейного дела, истории науки и культуры. Устная традиция восходит к самым истокам исторических знаний, предшествуя письменной, а впоследствии сопутствуя ей. С. О. Шмидт кратко проследил развитие устной традиции от древних преданий до «анекдотов» об исторических деятелях, распространенных во второй половине XVIII в., и организации создания мемуаров, инициаторами которой во второй половине XIX в. были издатели первых исторических журналов (Бартенев, Семевский. в XX в. Богучарский). Распространение стенографии, фонографа, а особенно магнитофона создало для устной истории широкие возможности. Особенно частым стало обращение к методике устной истории в послереволюционные годы при изучении истории Коммунистической партии, истории фабрик и заводов, а позднее – истории Великой Отечественной войны. С начала 30-х годов с утверждением командно-бюрократического стиля управления и руководства наукой создание устной истории приостановилось: вспоминать о многих людях и событиях стало опасным делом. К записи воспоминаний начали возвращаться в годы войны, собирая материал по ее истории. В послевоенные годы в Музее революции организовывалась запись воспоминаний о Ленине, а в ЦГАЛИ, ЦДРИ, ЦДЛ, ЦДК – о деятелях культуры. Однако в методическом плане этому уделялось мало внимания, собранная информация не обобщалась. Архивы (кроме ЦГАЗ) специально не собирали такие записи. Лишь в последние годы положение стало меняться. В 1988 г. в МГИАИ защищена дипломная работа Д. Н. Хубовой по теме «Устная история: историографический и источниковедческий аспект». В этом же году во ВНИИДАДе выпущена брошюра обзорного характера «Устная история в зарубежных архивах» (авторы – В. М Виноградов и В. Н. Гармаш).

Археографическая комиссия должна, подчеркнул С. О. Шмидт, серьезно рассмотреть проблему устной истории и ее связь с возможностями проявления личности в истории. Для археографа здесь возникают существенные вопросы: например, проблема передачи текста речи, произнесенной не по записи (знаменитая речь В. И. Ленина о С. Разине) или записанной по-разному, проблема достоверности написанного текста и устной речи того же человека и пр. С. О. Шмидт отметил, что под устной историей следует понимать не всякую зафиксированную устную речь (например, магнитофонные записи судебных заседаний, ученых советов и пр.), а фиксирование речи, организованной с целью получения и сохранения научной и прежде всего исторической информации.

С. В. Шумихин (ЦГАЛИ) рассказал о коллекции фонографических валиков и грампластинок профессора С. И. Бернштейна. Важным источником по истории создания и дальнейшей судьбы этой коллекции является письмо С. И. Бернштейна директору ГЛМ В. Д. Бонч-Бруевичу, хранящееся в ЦГАЛИ, в котором С. И. Бернштейн просил заняться сбором и концентрацией его раздробленного собрания. В руководимом им Кабинете изучения художественной речи в Институте живой речи записывалось чтение поэтами и прозаиками своих произведений; там собирались граммофонные пластинки с записью ораторов, предпринимались экспедиции для фонографиче-

inslav

ской записи северных сказительниц. В коллекции, состоявшей из 662 фонограмм, были сделанные сотрудниками Кабинета записи голосов В. Брюсова, А. Блока, О. Мандельштама, Н. Гумилева, А. Ахматовой, В. Маяковского, Ю. Тынянова, Б. Пильняка, Ст. Цвейга и других, мастеров художественного чтения А. Коонен, В. Яхонтова, А. Шварца, артистов МХАТа и Малого театра, сказительницы Кривополеновой. Кроме того, здесь хранилось около 50 граммофонных пластинок, бывших в продаже. Многочисленные реорганизации второй половины 20-х – начала 30-х годов привели к уничтожению Кабинета изучения художественной речи и раздроблению как собрания С. И. Бернштейна, так и его аппаратуры – фонографов, диктофонов, мембран, а также библиотеки. Местонахождение всех частей коллекции С. И. Бернштейна до сих пор не прояснено. Одна часть собрания хранится в ГЛМ и изучается известным исследователем Л. А. Шиловым.

С. В. Журавлев (МГИАИ) обратился к использованию метода устной истории при создании «Истории фабрик и заводов» в 30-х годах. Как известно, эта грандиозная работа началась по инициативе А. М. Горького. Ему принадлежала идея создания истории фабрик и заводов силами самих рабочих с помощью писателей и ученых. Это движение мыслилось как работа большого культурного масштаба. Кроме Главной редакции, были организованы местные редакции на предприятиях. В 1933 г. по инициативе Л. Авербаха был создан архивно-библиографический кабинет, в котором хранились записи воспоминаний рабочих и стенограммы их выступлений. Сбор источников проводился комплексно: собирались устные материалы, фотодокументы, рабочих просили приносить личную переписку, листовки. История Московского инструментального завода с 1916 по 1920 г. создавалась целиком на основе устных воспоминаний рабочих. Началось с кооператива, созданного в Нью-Йорке русскими революционными рабочими, эмигрировавшими после 1905 г. и вернувшимися на родину в мае 1917 г. Не менее интересна история и других предприятий. Для проверки воспоминаний применялись методы перекрестного опроса рабочих, коллективной проверки достоверности, когда воспоминания рабочих корректировались на собрании. В фонде Главной редакции «Истории фабрик и заводов», хранящемся в ЦГАОР, представлены материалы более 100 предприятий. К сожалению, большие комплексы материалов, собранных местными редакциями, разбросаны, не существует единого фонда этих источников.

А. А. Курносов (АК) посвятил свое выступление устной истории в деятельности Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Он подчеркнул преемственность этой Комиссии по отношению к редакции «Истории гражданской войны в СССР». Комиссия была создана в декабре 1941 г. после письма И. И. Минца Сталину. Сначала она называлась Комиссией по истории московского сражения. Формально во главе ее стоял заведующий Агитпропом ЦК КПСС Г. Ф. Александров, но фактически ею руководил И. И. Минц. Одной из ее задач был сбор устных рассказов и воспоминаний военачальников и рядовых участников боев. Сотрудники Комиссии выезжали на места сражений, беседовали сначала с начальником формирования, а затем с рядовыми. Особенностью записанных сразу после боя рассказов была их большая индивидуализация, доминировавшая эмоциональная окраска, искренность. Сохранилось, видимо, несколько десятков тысяч таких записей. Только в фонде Научного архива Института истории СССР АН СССР – 4 тыс. стенографических записей.

Ветеран музейного дела *А. Б. Закс* поделилась опытом записи и собирания воспоминаний в Комиссии по истории дореволюционной Москвы, созданной в 20-х годах по инициативе Н. М. Дружинина. В числе молодежи, привлеченной к работе, была и А. Б. Закс, обходившая дома дорогомиловских рабочих и записывавшая их воспоминания. Впоследствии, будучи сотрудником ГИМ, она записывала воспоминания участников Великой Отечественной войны, в послевоенные годы принимала участие в историко-бытовых экспедициях музея с целью изучения труда и быта крестьян. А. Б. Закс отметила важность собирания воспоминаний работников культурно-просветительных учреждений, о которых почти не сохранилось никаких свидетельств.

О деятельности ЦГАЗ по собиранию устной истории рассказал *В. А Коляда* (ЦГАЗ). Архив приступил к этой работе вплотную несколько лет назад. Сотрудников перестало удовлетворять содержание документов, поступающих на хранение от фирмы «Мелодия» и Гостелерадио. Образовались большие информационные пробелы по истории советского общества. Сотрудники архива развернули собственную собирательскую работу по нескольким направлениям. Совместно с различными организациями, советами ветеранов, с которыми архив осуществляет постоянное сотрудничество, ведется магнитофонная запись воспоминаний. Записываются рассказы участников боев на Халхин-Голе, Хасане, финской войны, революционной войны в Испании. Продолжается запись участников Челюскинской эпопеи. Осуществляются контакты с корреспондентами печатных изданий для перезаписи с диктофона наиболее важных бесед и интервью. В этой работе многое зависит от энтузиазма и оперативности сотрудников архива. Запись корреспондентов переводится на профессиональную, студийную запись, что позволяет улучшить качество звучания. Архив также заключил договоренности с некоторыми театральными и музейными деятелями о записи их мемуаров. В. А. Коляда подчеркнул, что архив готов к широкому сотрудничеству с любыми организациями,

inslav

в том числе неформальными, и частными лицами.

В. Ф. Тейдер (МГУ) рассказала о группе фонодокументации МГУ, которая с 1967 г. начала создавать фонодокументы мемуарного характера по истории русской культуры первой половины XX в. Работа, предпринятая на кафедре научной информации МГУ при поддержке ректора И. Г. Петровского, имела конкретную историко-культурную задачу: собрать как можно полнее незафиксированные нигде свидетельства очевидцев жизни и творчества видных деятелей культуры. Одновременно эта работа воспринималась как научный эксперимент по созданию и изучению нового вида информационного документа – фонодокумента мемуарного характера. В. Ф. Тейдер рассказала о творческих поисках группы, основных принципах ее работы и тех проблемах, которые пришлось решать руководителю группы, известному исследователю творчества В. Маяковского – В. Д. Дувакину (1909–1982) и его помощникам. В настоящее время в коллекции МГУ около 900 ед. хранения, содержащие воспоминания более 300 человек. Среди мемуаристов – ученые, поэты, писатели, художники, архитекторы, музыканты, представители театрального дела, организаторы различных культурных начинаний. В общей сложности на магнитной пленке зафиксированы сведения примерно о 2,5 тыс. человек. Большую часть коллекции составляют материалы по истории литературы, из них более 300 ед. связано с именем В. Маяковского (именно с изучения биографии и творчества поэта началась собирательская деятельность группы). В этой части коллекции наиболее отчетливо выявляется исследовательский характер работы: запись, как правило, сопровождается комментарием ведущего, в процессе записи уточняются факты, выявляются новые свидетельства современников, для выяснения спорных моментов применяется метод перекрестных расспросов и т. д. В этих записях особенно ощутима личность В. Д. Дувакина, его профессионализм, темперамент исследователя. Среди записей можно выделить монографические, позволяющие сосредоточить внимание на одном лице, обзорные и многотемные. Все они отражают главный принцип исследователей: поиск утраченной исторической конкретики, восстановление вычеркнутых по разным причинам из историко-литературного контекста имен, событий, фактов, сохранение живой атмосферы уходящей эпохи. Условия, в которых проводилась работа, не позволяли решать вопросы, связанные с научным комментированием материала и его практическим использованием в качестве текстологического источника, в интересах лингвистики и психолингвистики. Опыт работы группы свидетельствует о том, как много хранит в себе память народа, и пока она жива, надо спешить проводить систематическую работу по сохранению нигде не учтенной информации. Пришло время скоординировать и объединить усилия создателей «устной истории» и с учетом зарубежного опыта начать заполнять лакуны нашей истории. В 1989 г. коллекция передана в Научную библиотеку им. А. М. Горького МГУ, где ведется ее научная обработка.

С работой клуба устной истории МГИАИ познакомил *В. О. Седельников* (МГИАИ). До сих пор деятельность клуба, насчитывающая несколько лет, сковывалась слабой материальной базой. Коллекция клуба в настоящий момент состоит из отрывочных записей, начало которым положила микроколлекция, сделанная студентами МГИАИ в археографической экспедиции во Владимир в 1986 г. Работа строилась по тематическому принципу: студентов интересовали события 30-х годов. Опрашивались репрессированные и люди, причастные к проведению массовых репрессий. Сейчас группа работает по нескольким направлениям: создание истории школы-коммуны им. Лепешинского, создание комплекта фиксированной памяти лиц различных возрастных групп, идет подготовка экспедиции на Украину с целью создания источниковой базы по истории голода 30-х годов. Участники клуба ставят перед собой две важные методические задачи: заполнение собственно информационных лакун отечественной истории и фиксация динамики ценностных систем и ментально-психических свойств общества.

Мыслями о преемственности и традиции в устной истории поделилась *Д. Н. Хубова* (МГИАИ). Идеи, рожденные в 20-х годах советскими учеными, в частности С. И. Бернштейном, были подхвачены и развиты в работах классиков французской научной школы. Еще раньше устная история как метод сбора исторической информации активно использовалась эсерами, а до того – народниками в работе по составлению собственных земельных программ. С нетрадиционных позиций подходили к устной культуре, устной истории, слову члены ЛЕФа. Лефовцы пытались осознать историю через понимание психики делающих ее людей, их умственных состояний. Комплексно подходили к истории и отечественные краеведы. 20-е годы – это пик «отечествоведения», по выражению русского философа Н. Ф. Федорова. Программы по устной истории входили в комплекс изучения ими локальной истории (через историю приближений — к истории обобщений). Во второй половине 20-х годов и особенно в юбилейном 1927 г. в журналах «Огонек», «Прожектор», «30 дней», «Экран» печатались массы воспоминаний как видных деятелей, так и рядовых людей. В сборе свидетельств большую помощь редакциям оказывало Общество старых большевиков.

Выступивший в прениях *Н. Н. Жмуров* (ЦГАЗ) рассказал о деятельности архива по записи воспоминаний ветеранов труда и войны Пермского машиностроительного завода им. Дзержинского. С участием сотрудников завода готовя-

inslav

тся к выпуску две грампластинки с этими записями. Он призвал архивы налаживать непосредственную работу с предприятиями по записи устных мемуаров. *П. Я. Вольский* (Президиум Совета Ветеранов Балтийского флота) поделился опытом записей воспоминаний участников битвы за Ленинград. *А. В. Елпатьевский* (Главархив СССР) отметил важную инициативу Археографической комиссии, поставившей на обсуждение проблему устной истории. Он высказал, однако, сомнение в удачности этого термина и предложил искать более удачную дефиницию для целенаправленного создания источников с применением технических средств. Он подчеркнул их ценность как источников личного происхождения. Главной движущей силой для развертывания движения сбора и записи воспоминаний является энтузиазм. Любая попытка забюрократить, заорганизовать это движение приведет к его спаду. О необходимости проникнуться чувством невосполнимых потерь, которые мы несем из-за медлительности в развертывании этой работы, напомнил *К. Е. Новохатский* (Главархив УССР). Движение устной истории должно носить широкий, массовый и всеобъемлющий характер преимущественно на основе единых программ. Организация записи воспоминаний — дело трудоемкое, тонкое, сродни искусству. Тем не менее, как ни сложно совместить индивидуальный подход и массовость, плодотворным может быть только широкое движение, опирающееся на заинтересованных участников и исполнителей. К. Е. Новохатский рассказал об опыте широкой работы историко-краеведческого характера с использованием элементов устной истории. Эта запись по единой программе и сбор воспоминаний в процессе создания в 60—70-х годах многотомной «Истории городов и сел Украинской ССР». Необходимо более активное и действенное участие архивного ведомства в решении проблем устной истории. Роль Главархива СССР и Главархивов союзных республик должна заключаться в оценке состояния источниковой базы и формирования на этой основе совместно с другими научными и культурными организациями и учреждениями соответствующих программ, в организации широкой подготовки кадров, в материально-техническом обеспечении работ по записи и хранению материалов. *Б. Г. Литвак* (ИИ СССР) отметил злободневность темы заседания: пока еще живы люди, которые могут рассказать то, что не зафиксировано ни в каких других источниках или по каким-то причинам уничтожено, надо спешить. В свое время «Исторический архив» обратился с призывом писать воспоминания к людям, вернувшимся после реабилитации из сталинских лагерей. Ныне эти воспоминания вошли в научный оборот, и без них немыслимо представить себе источниковую базу нашей науки (среди них, например, воспоминания Л. Фофановой о Ленине). Б. Г. Литвак особо остановился на оценке той роли, которую сыграли в советской исторической науке редакции «Истории фабрик и заводов» и «Истории гражданской войны в СССР». В этих редакциях в отличие от предшествовавшей им Группы по изучению труда в России выразилась целенаправленная тенденция огосударствления исторической науки, превращения ее в прислужницу могущественных ведомств.

Поделилась своими воспоминаниями *Е. Н. Кушева*, бывшая в 20-х годах членом Саратовского общества краеведения, работой которого руководил С. Н. Чернов. В деятельности общества участвовали историки, этнографы, фольклористы, экономисты. Фиксировавшаяся устная информация отложилась в архиве Саратовского общества краеведения, который, к сожалению, в годы войны был вывезен в Сталинград и сильно пострадал. Переехав в 1929 г. в Москву, Е. Н. Кушева стала сотрудником издательства Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и участвовала в подготовке биобиблиографического словаря «Деятели революционного движения в России». Работая в так называемой «архивной группе», Е. Н. Кушева изучала архивные дела участников революционного движения, прослеживала их дальнейшую судьбу, используя другие источники, в том числе мемуары и устную информацию. В 1935 г., когда уже готовилась ликвидация Общества политкаторжан, 2-й выпуск 3-го т. словаря со статьей Е. Н. Кушевой о Зубатове был задержан. Было предъявлено требование вырвать страницы с этой статьей, в противном случае грозили уничтожить весь тираж. Статья была вырвана, вместо нее вклеены другие листы. К счастью, сохранилось несколько экземпляров словаря в первоначальном виде. Е. Н. Кушева рассказала также о записи известным историком рабочего класса М. К. Рожковой устных воспоминаний рабочих Прохоровской мануфактуры в Москве.

6 февраля состоялось совместное заседание Археографической комиссии и Архива АН СССР. На нем выступил эксперт научно-технического отдела ГУВД Мосгорисполкома *М. Ю. Баринов* с сообщением об использовании современных технических средств для восстановления нечитаемых и утраченных текстов. Он рассказал о сотрудничестве лаборатории исследования документов НТО ГУВД с Археографической комиссией, которое началось с обращения ученых помочь прочесть нечитаемые тексты в рукописи ЦГАДА, содержащей древнеболгарский памятник Саввину книгу (X—XI вв.) и древнерусские дополнения к нему конца XI и XIII вв. Одна из частей этого кодекса представляет собой палимпсест, ныне почти не поддающийся чтению. Кроме того, в старославянской части также имелись существенные утраты текста. С применением специального фотоанализа М. Ю. Баринов помог правильно прочесть и воспроизвести весь текст кодекса. В ходе работы было обнаружено, что в ультрафиолетовых лучах пергамен фосфоресцирует, и это помогло подтвердить наличие палимпсеста в рукописи.

inslav

Эта работа продолжается и в настоящее время. Применяя современное оборудование, М. Ю. Баринов готовит высококачественные фотокопии текстов (позволяющие их правильно прочитать), которые предполагается использовать в совместном советско-болгарском издании полного текста рукописи ЦГАДА – «Саввина книга и ее древнерусские дополнения».

В лаборатории исследования документов, рассказал далее М. Ю. Баринов, ведется работа по всевозможному восстановлению текстов, выполнению фоторепродукций и слайдов объектов, фотообеспечению различных экспедиций, изготовлению слепков. Ведутся почерковедческие исследования, особое место занимает работа по идентификации фотографий. При этом используются новейшие достижения технической мысли, широко применяется компьютерная техника. Одной из перспектив развития этой деятельности является замена фотоисследований видеотехникой, раскрывающей большие возможности для исследователей. Выступившие вслед за тем *О. А. Князевская*, *В. А. Черных* (АК) и *Б. В. Левшин* (ААН) единодушно отметили не только большой познавательный и фактический интерес сообщения, но и увлекательность его изложения. В. А. Черных подчеркнул, что необходимость создания подобной лаборатории для нужд архивистов и ученых очевидна. *Б. В. Левшин* выразил готовность основать такую лабораторию при Архиве Академии наук, если Академия наук сможет выделить средства для ее оборудования.

Разговор о Саввиной книге был продолжен 2 октября, когда *О. А. Князевская* выступила в Археографической комиссии с сообщением о ходе работы по подготовке к печати упомянутой рукописи ЦГАДА. Издание готовится совместно сотрудниками Института болгарского языка Болгарской Академии наук и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (Археографической комиссией). С болгарской стороны работу выполняет доктор Е. Дограмаджиева, с советской стороны – кандидат филологических наук О. А. Князевская. В издании предполагается наборное воспроизведение текста кодекса и указателей слов и грамматических форм к каждой части рукописи. О. А. Князевская вынесла на обсуждение коллег вопрос о последовательности листов в рукописи и новой фолиации кодекса. Обсуждались правила передачи текста и уточнялось содержание подстрочных примечаний.

9 октября *В. А. Черных* выступил в Археографической комиссии с сообщением о текстологических проблемах публикации произведений А. А. Ахматовой. Если поэтическое наследие Ахматовой в основном опубликовано, то ахматовская проза малоизвестна. Трагична судьба ее архива. Ахматова уничтожила его, боясь ареста, уцелели лишь небольшие его фрагменты. Сохранившиеся архивные материалы Ахматовой относятся преимущественно к последним десятилетиям ее жизни. Центральное место среди них занимают ее записные книжки, которые Ахматова стала вести в последние годы. 21 записная книжка хранится в ЦГАЛИ и по одной – в ГПБ и ИРЛИ. Они универсальны по содержанию: в них можно найти черновики стихотворений, записи дневникового и мемуарного характера, черновики писем, выписки из книг, заметки. В записях отсутствует последовательность, строки нередко располагаются наискосок и поперек. Велись записи и между строк. Некоторые тексты переносились из одной записной книжки в другую, но с разночтениями. В связи с этим при подготовке к изданию в томе «Литературного наследства», посвященном Ахматовой, ее записных книжек возникли сложные текстологические проблемы передачи их текста. В. А. Черных поделился своими соображениями о решении этих проблем.

16 октября в Археографической комиссии было заслушано сообщение *Е. А. Белоконь* (МГИАИ) «О возможности создания археографических технологий с компьютерным обеспечением». Е. А. Белоконь информировала собравшихся о разработке проекта создания лаборатории «Кодекс» в соавторстве с А. А. Амосовым (БАН) и Л. И. Бородкиным (МГУ).

Интенсификация гуманитарных исследований в настоящее время все более обусловливается двумя факторами: с одной стороны, высоким теоретическим и практическим уровнем разработки отдельной гуманитарной дисциплины, а с другой – применением для формализации исследовательских данных опытов компьютерной обработки информации. Современное развитие археографии достигло высокого уровня разработанности. Составлены Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР; на их основе описываются рукописи ведущими специалистами практически во всех крупнейших хранилищах страны; благодаря рабочим совещаниям и конференциям выработаны схемы описания основных типов рукописей, рукописных и старопечатных книг; большая работа проводится по унификации терминологии в описаниях отдельных кодикологических элементов; идет постоянный поиск новых научных методик и уточнение специальных археографических, кодикологических и палеографических дисциплин и специализаций. Все это позволяет говорить о так называемом «высоком предмашинном уровне» развития археографии. Появились первые попытки применения формальных методов анализа информации (выработка структуры схем описания рукописей) и опыты применения ЭВМ (для текстологических исследований, в филиграноведении и палеографическом анализе письма). Однако пока эти попытки носят скорее характер «поисков метода», а не прикладной, направленный на постоянную обработку больших массивов рукописей.

В настоящее время существует воз-

inslav

можность решения задачи интенсификации археографических исследований. Археографы практически всех сотрудничающих между собой археографических центров описывают и исследуют (на основе иногда несколько различающихся схем) одни и те же «информационные блоки» – сведения о формате рукописей, о материальном носителе текста, о форме фиксации текста (письме), орнаментальном убранстве рукописи, переплете. Существуют также определенные структуры описания содержательного состава текстов. Все перечисленные выше элементы описания рукописей смогут быть использованы как для создания сводных каталогов – баз данных с введением их в ЭВМ, так и в виде «сквозных» каталогов по каждой из специальных проблем. Возможности фиксации внешних особенностей рукописей современными компьютерными методами позволяют повысить информативность каталогов и описаний, создавать страховые фонды изображений, а также иллюстрированные картотеки и качественно новые обучающие программы.

В самое последнее время стало возможным говорить о новом уровне компьютерных систем, работающих с применением точной оптики. Кроме того современное программное обеспечение позволяет адаптировать специальные программы, направленные на применение в других областях, для решения археографических, кодикологических и филиграноведческих проблем. Предварительные опыты, проведенные авторами проекта, позволяют утверждать, что создание интенсивных археографических технологий описания и исследования рукописей, включающих все этапы от описания до подготовки макета факсимильного научного издания возможны в случае технического и материального обеспечения, уже в самое ближайшее время. Это даст возможность не только интенсифицировать работу, но и улучшить ее условия и результаты оформления. Отвечая на вопросы, Е. А. Белоконь продемонстрировала полученные примеры описания рукописей для сводных каталогов с включенными в них изображениями письма и инициалов, а также полученные компьютерные изображения водяных знаков, в копировании которых не применялась ручная работа – во всех случаях применялось лазерное сканирование, работа с программой для электронной настольной типографии «Вентура Паблишер» («Просистем – Интермикро», СССР – Австрия) и для водяного знака – работа на системе «Маджискан» фирмы «Джойс Лобл» (Великобритания). В обсуждении приняли участие *В. А. Черных*, *О. А. Князевская*, *Н. Б. Шеламанова*, *Ю. В. Андрюшайтите*, *В. Ю. Афиани*.

27 ноября на заседании Археографической комиссии выступил *В. Ф. Козлов* (Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева) с докладом «Материалы фонда Центральных государственных реставрационных мастерских (ЦГРМ) (1918—1933) о русских архитектурных памятниках и их судьбах». ЦГРМ (1918—1934) являлись одним из ведущих учреждений страны, занимавшихся вопросами выявления, учета, ремонта и реставрации памятников архитектуры и живописи в РСФСР. Среди шести отделений мастерских одним из важнейших было отделение архитектурной реставрации, документы которого (более 500) хранятся в ЦГАОР г. Москвы (Ф. Р-1). Материалы фонда поступили в свое время из архива Академии архитектуры СССР и сгруппированы в основном по географическому признаку. Самый большой комплекс документов (более 250) относится к московским памятникам: церквям, монастырям, гражданским сооружениям. Остальные дела сформированы по отдельным районам: Подмосковье (66 дел), Ленинград и область (30 дел), Новгород и область (11 дел) и т. д. Наибольший интерес представляют дела годовых протоколов архитектурно-реставрационного отделения за 1918—1933 гг. Заседания отделения проходили, как правило, раз в две недели, всего же в делах отложилось около 700 протоколов. На заседании рассматривалось от 5 до 20—25 вопросов, посвященных использованию, учету, ремонту, реставрации, слому отдельных памятников Москвы, Ленинграда, Ярославля, Владимира, Вологды, других городов РСФСР, Крыма, Средней Азии. Председательствовали на заседаниях известные архитекторы и реставраторы И. Э. Грабарь, Е. И. Бондаренко, Н. В. Марковников, Д. П. Сухов, Б. Н. Засыпкин и др. Протоколы большей частью глухие и, как правило, редко содержат ход обсуждения; зато констатирующая часть включает ценные исторические сведения о памятниках. К некоторым протоколам 1919—1922 гг. приложены сопроводительные документы: доклады, ходатайства, описания памятников.

В протоколах 1918 г. – середины 1920-х годов в полном объеме отражен процесс ремонта и реставрации многих десятков выдающихся памятников Москвы и других старинных русских городов. Со второй половины 20-х годов в протоколах появляется много сведений о приспособлении, искажении, разборке исторических памятников, особенно на территории Европейской России. Особый интерес представляет уникальная информация о механизме закрытия церквей, обстоятельствах разрушения исторических зданий, именах и должностях лиц, причастных как к защите, так и к разрушению памятников. Протоколы дают богатый материал по динамике отношения руководящих органов к памятникам старой культуры, по росту масштабов их разрушения. Утраты памятников зодчества в Москве начались с разбора на дрова деревянных зданий. Закрытие церквей в первые послереволюционные годы (среди них 120 домовых церквей из 190 существовавших тогда в Москве), национализация монастырей и размещение в них казарм, тюрем, следственных изоляторов сменились в 20-х годах раз-

inslav

рушением этих памятников. В 1922 г. в Москве была снесена первая часовня, в 1924 г. – первая церковь (Введения на Лубянке). Во второй половине 20-х годов этот процесс приобрел широкий размах. При помощи лебедки церкви разбирали на блоки, пригодные впоследствии для строительства, а с 1930 г. церкви стали взрывать. Своего апогея разрушение памятников в Москве достигло в 1931 г., а с 1933 г. пошло на спад. Сотрудники ЦГРМ вынуждены были вести политику компромисса, соглашаясь на слом многих зданий для того, чтобы отстоять другие, наиболее ценные. Так были спасены церкви Симеона Столпника, Покрова в Филях и многие другие.

После доклада состоялось обсуждение. *В. А. Черных* (АК) подчеркнул, что антикультурная политика в нашей стране велась планомерно и целенаправленно, импульсы к ее проведению поступали из высших эшелонов партийного аппарата. В то же время проведение в жизнь этой руководящей линии проходило на местах весьма по-разному. Достаточно сравнить те разрушения, которым подверглась Москва, с гораздо меньшими потерями Ленинграда. Ярославская область пострадала намного меньше, чем Калининская, а из двух городов Владимирской области (Вязники и Гороховец) в первом разрушена большая часть памятников, а второй сохранился почти полностью. Было бы важно выяснить имена тех представителей местной власти, которые противостояли борьбе с культурным наследием и благодаря которым удалось сохранить облик части русских городов и местностей. В. А. Черных сказал также, что дальнейшее исследование этой темы на основе ранее неизвестных архивных источников возможно лишь силами научного коллектива. Он предложил создать научную группу, которая работала бы в тесной связи с силами общественности.

Л. В. Иванова (ИИ СССР) отметила новаторский подход докладчика, использовавшего один из главных архивных источников по истории борьбы за сохранение культурного наследия. Эти источники были ранее неизвестны историкам советского общества, которым приходилось черпать материал главным образом из периодики, либо молчащей, либо искажающей этот процесс. Теперь для них открывается новый большой пласт документальных источников. Иванова поддержала предложение В. А. Черных о создании научной группы по изучению судеб памятников архитектуры в первые десятилетия Советской власти и предложила начать ее деятельность с составления списка уничтоженных памятников. О необходимости объединить усилия различных организаций, в той или иной степени разрабатывающих эту проблему (ВООПИК, Советский фонд культуры, Общество изучения старой Москвы при МГУ и пр.) напомнила *Н. Б. Шеламанова* (АК). *И. И. Комарова* (Институт теории архитектуры и градостроительства) сообщила, что часть протоколов ЦГРМ, отсутствующих в фонде ЦГАОР г. Москвы, находится в одном из отделов этого института. *С. О. Шмидт* отметил, что докладчик впервые показал реальную источниковую базу драматической истории уничтожения памятников культуры. В основе доклада – исследование автора, в значительной мере подготовленное им к печати. Дальнейшее изучение этих источников, персонифицирующих этот процесс, поможет преодолеть сложившиеся в науке схемы и стереотипы. Было бы целесообразно подготовить методические рекомендации по поиску и сбору источников и материалов по этой теме, которые позволили бы развернуть ее разработку историками, краеведами, архивными и музейными работниками на местах. В заключение С. О. Шмидт высказал пожелание, чтобы В. Ф. Козлов возглавил специальный научный коллектив, который мог бы быть создан при участии Археографической комиссии, Советского фонда культуры, МГИАИ, Государственного музея имени Андрея Рублева.

14–15 декабря состоялись (организованные с участием Археографической комиссии) «Федоровские чтения-89», посвященные изучению славянской и древнерусской рукописной и старопечатной книги. С вступительным словом выступил *С. О. Шмидт* (АК). Были прочитаны следующие доклады: «500 лет славянского книгопечатания кирилловским шрифтом» – *Е. Л. Немировский* (Ин-т книги); «Новое об Иване Федорове» – *В. П. Колосова* (Киев); «Литургическая книга XVII в. Историко-культурное и политическое значение» – *И. В. Поздеева* (МГУ); «„Друго ведение мудрого Гавра ведете подобает“. Текст по расчетной пасхалистике у славян» – *Р. А. Симонов* (Московский полиграфический ин-т); «Время становления церковнославянского языка в Московском государстве. По материалам первопечатных книг.» – *Л. П. Жуковская* (ГБЛ); «Немецкие книги в России и московское барокко» – *Б. В. Сапунов* (Государственный Эрмитаж); «Из истории письменности XIV в. псковского ареала» – *В. В. Калугин* (Литературный ин-т им. А. М. Горького); «К семантике цвета древнерусской книжной живописи. На примере Лицевого летописного свода». – *А. А. Амосов* (БАН); «О складывании корпуса древнерусских покаянных стихов рукописной книжности» – *Л. А. Петрова* (БАН); «Русская рукописная книга XV—XVI вв. в советской историографии» – *И. В. Левочкин* (ГБЛ); «Рукописная и старопечатная книга в „Истории Государства Российского“ Н. М. Карамзина» – *В. Ю. Афиани* (АК); «В. О. Ключевский о древнерусской книжности» — *С. В. Чирков* (АК); «Рукописная книга Молдавии в межславянских книжных связях» – *В. С. Кирияк* (Кишиневский государственный университет); «Проблемы изучения молдавской рукописной книги» – *А. Д. Паскаль* (АК); «Рукописная книга в библиотеке Львовского Ставропигийского братства» – *В. Я. Фрис* (Музей Ивана Федорова. Львов); «Руко-

inslav

писные сочинения исторической тематики конца XVII–начала XVIII в. в фондах Государственной публичной исторической библиотеки» – *Н. Ф. Чернышева* (ГПИБ); «Влияние „Апокалипсиса" Альбрехта Дюрера на библейский цикл гравюр Франциска Скорины» – *В. Ф. Шматов* (Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР); «Боснийские кирилловские издания» – *А. А. Круминг* (ГБЛ); «Неизвестное сочинение А. Ф. Малиновского о Московском Печатном дворе» – *С. Р. Долгова* (ЦГАДА); «Предварительные итоги создания в ЦГАДА каталогов старопечатных книг Московского Печатного двора» — *Л. Н. Горбунова* (ЦГАДА); «Неизвестные в библиографии книги кирилловской печати XVI–XVII вв.» — *А. А. Гусева* (ГБЛ); «Музыкальные сюжеты в украинской рукописной и старопечатной книге» – *О. Б. Киндий* (Львовский исторический музей); «Законодательные акты и трактаты об иконописании второй половины XVII в. как источник по истории лубка» – *О. Р. Хромов* (Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. А. Рублева); «Идеологическая борьба в вопросах возникновения книгопечатания на Украине» – *А. А. Смидович* (Украинский полиграфический ин-т, Львов); «История издания „Таблиц" А. А. Ферхварсена и Л. Магницкого» – *Т. Г. Куприянова* (Ленинградский полиграфический ин-т); «Оформление рукописных книг как исходный материал в творчестве современных художников книги» – *Б. В. Валуенко* (Киевский факультет Украинского полиграфического ин-та); «Гравированные каллиграфические образцы как объект палеографических наблюдений» – *Е. А. Белоконь* (МГИАИ); «Формирование и популяризация фондов памятников письменности в Вологде и Сыктывкаре» – *Н. Н. Малинина* (ВОКМ), *М. В. Мелихов* (СГУ); «Симеон Полоцкий и московские любомудры» – *Л. У. Звонарева* (журнал «Литературная учеба»).

В журнале «История СССР» (1989, № 5, с. 120–130) опубликован обзор В. Д. Банасюкевича, Е. М. Добрушкина, О. М. Медушевской «„Археографический ежегодник": итоги, проблемы и перспективы (1977–1986 гг.)».

М. П. Мироненко

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Филимонов С. Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края. С предисловием и под редакцией С. О. Шмидта. М., 1989. 167 с. (Отделение истории АН СССР; Археографическая комиссия. Советский фонд культуры).

Филимонов С. Б. Краеведение. Документальные памятники 1917–1929 гг. / С предисл. и под ред. С. О. Шмидта. М., 1989. 148 с. (Отделение истории АН СССР; Археографическая комиссия. Советский фонд культуры).

II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Апрель 1989 г. Тез. докл. и сообщ. Пенза, 1989 г. 284 с. (АН СССР. Научный совет по исторической демографии и исторической географии; Археографическая комиссия; Институт истории СССР. ВЦСПС. Советский фонд культуры. Пензенский государственный педагогический институт им. В. Г. Белинского).

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Ленинградское

Вышел в свет ежегодник «Вспомогательные исторические дисциплины». т. 20 (Отв. ред. В. А. Шишкин). Л., 1989. 320 с.

23 ноября состоялось пленарное заседание отделения, посвященное итогам археографических экспедиций 1989 г. (сведения об экспедициях см. в наст. изд.).

Северное

Вышли в свет издания: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель, ч. 1, вып. 3. Рукописные книги XIX–XX вв. Вологодского областного музея / Под общей ред. П. А. Колесникова; Вологда, 1989 (Библиотека АН СССР; Вологодский областной краеведческий музей; Северное отделение Археографической комиссии АН СССР; Управление культуры Вологодского облисполкома; Секция документальных памятников ВООПИК); Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. Каталог-путеводитель, ч. 1. Рукописные книги; вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета / Под общей ред. П. А. Колесникова и А. А. Амосова. Сыктывкар, 1989 (Библиотека АН СССР; Северное отделение Археографической комиссии АН СССР; Министерство культуры Коми АССР; Сыктывкарский гос. университет).

2–5 июня 1989 г. в Вологде состоялась Всероссийская научная конференция по проблемам археографии и источниковедения истории Северного региона РСФСР.

Уральское

Вышли в свет три методических пособия: «Описание рукописных книг», «Описание старопечатных книг», «Полевые

inslav

археографические исследования кириллической книжности» (Свердловск, 1989). В апреле в Свердловске проведен Всероссийский семинар по методике описания кириллических рукописей, старопечатных книг и гектографированных изданий; в июле проведено научно-практическое совещание по итогам полевых археографических исследований. 19–21 декабря в Свердловске состоялась конференция «Проблемы изучения и использования памятников славяно-русской письменности позднего средневековья» (IV Уральские археографические чтения). Материалы конференции будут помещены в «Археографическом ежегоднике за 1990 год».

Председателем Уральского отделения Археографической комиссии АН СССР утвержден проректор Уральского государственного университета доктор исторических наук, профессор Рудольф Германович Пихоя.

Сибирское

Продолжается издание серии сборников «Археография и источниковедение Сибири». Вычитана корректура т. XIII, сдан в производство т. XIV. Подготовлено к печати методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей: *Крутова М. С.* Златая цепь (20 а. л.). Археографические проблемы обсуждены на конференции молодых ученых ИИФФ СО АН и студенческой научной конференции НГУ.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1989 г.

Полевые исследования кириллической книжной традиции

Древлехранилище ИРЛИ продолжило совместные с ЛГУ исследования в Архангельской обл. (руководители А. Г. Бобров и Н. В. Шухтина); БАН совместно с УГУ – в Кировской обл. и совместно с ВОКМ – в Вологодской обл. (А. А. Амосов).

Археографическая экспедиция МГУ провела комплексные исследования с участием этнографов, фольклористов, искусствоведов, музыковедов, социальных психологов на Северном Кавказе (руководитель Е. А. Агеева), в Саратовской и Пензенской обл. (Л. А. Игошев), Пермской обл. (совместно с ПГУ и ПОКМ; руководители И. В. Поздеева и О. А. Цапина, с участием д-ра Р. Морриса – США), Владимирской обл. и Чувашской АССР (Е. Б. Смилянская), Подмосковье (Л. А. Игошев).

Сибирское отделение Археографической комиссии провело экспедиции в Кемеровской обл., Красноярском крае и Хакасской автономной обл. (В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп), Хабаровском и Приморском краях (Т. А. Дементьева, Т. Н. Илюшечкина), Томской обл. (О. Н. Бахтина – ТГУ), Тувинской АССР (О. К. Беляева), Восточно-Казахстанской обл. Казахской ССР (Н. С. Гурьянова), Талды-Курганской обл. Киргизской ССР (С. А. Языков, О. В. Чумичева).

Уральское отделение Археографической комиссии с участием Института истории и археологии Уральского отделения АН СССР, Уральского и Тюменского университетов, Пермской областной публичной библиотеки проводило полевые исследования в Свердловской, Челябинской, Курганской, Тюменской, Пермской, Куйбышевской, Кировской обл., Башкирской, Марийской и Удмуртской АССР (руководитель экспедиции В. И. Байдин).

Экспедиция СГУ (А. Н. Власов) работала в Коми АССР и Ненецком автономном округе Архангельской обл., экспедиция ЯГУ (А. А. Севастьянова) работала в Ярославской обл. Экспедиция ГГУ (М. М. Белякова) — в Горьковской обл. Там же предпринял несанкционированную экспедицию ОР ГБЛ (В. Я. Дерягин, И. В. Левочкин).

В ходе всех названных экспедиций получено 545 рукописей и 380 старопечатных книг кириллической традиции.

Древлехранилище ИРЛИ пополнилось 64 рукописными книгами XVII–XX вв. Последней четвертью XVII в. датируются тропарь и канон Онуфрию Великому, а также служба Макарию Желтоводскому и Унженскому в составе сборной рукописи. В сборнике начала XIX в., переписанном северодвинским рисовальщиком И. Ф. Колодкиным, содержатся полные списки «Книги бед» протопопа Аввакума, его посланий и Записки о второй пустозерской казни, Послания инока Авраамия. Лицевой сборник начала XIX в. содержит 41 миниатюру в красках; к этому же времени относятся два настенных листа с изображением Выгорецкого и Лексинского общежительств. В 40-х годах XIX в. был искусно реставрирован фрагмент издания Нового завета с Псалтырью (Острог, Иван Федоров, 1580). В ИРЛИ поступили также Устав иерусалимский 1498 г., переписанный, вероятно, в Новгородском Деревяницком монастыре и содержащий приписки скорописью XVI в.: Минея служебная (март-апрель) 10-х годов XVI в.; Лицевой сборник 10-х годов XIX в., содержащий 98 миниатюр в красках работы И. Ф. Колодкина.

Вятское территориальное собрание БАН пополнилось 113 рукописями и 60 печатными изданиями. Среди них сборники и отдельные тексты духовных стихов в списках XVIII–XX вв. (часть из них – на крюковых нотах), певческие книги как традиционного (Ирмологии, Обиходы, Праздники), так и учебного характера (Азбуки певческие); два лубочных настенных листа; описание и рисунок старообрядческого храма в с. Боровляны. В числе книг пять – начала

inslav

XVII в., продукция старообрядческих типографий XVIII – начала XIX в., издания вятского типографа Л. А. Гребнева. В Вологодской обл. получены 26 рукописей и фрагментов, в их числе четыре настенных листа, подборки духовных стихов и копии документов по истории Карагачевской старообрядческой общины.

Научная библиотека МГУ пополнилась 35 рукописями и 29 старопечатными книгами. В Верхокамье найдены соборное решение 1892 г. о соборной крестьянской библиотеке с полной описью книг, пометами об их использовании и сверкой 1918 г., список «соборных решений 1947–1948 гг.» с указанием границ расселения старообрядцев деминского и максимовского согласий, сборники духовных стихов и два сборника смешанного состава. Среди печатных изданий – Часовник (М., Печатный двор, 1651), ранее известный только по упоминанию в архивных источниках, и Книга о вере (М., Печатный двор, 1648) с обширной записью дьякона Кремлевского Благовещенского собора М. И. Шумилова. Полученные этнографические материалы и четыре печатные книги поступили в ПОКМ.

В Саратовской и Пензенской обл. получено семь рукописей и четыре печатных издания. Среди рукописей — Поморские ответы (1760-е годы) и Слова и поучения Максима Грека (1830-е годы), принадлежавшие по легенде известному полемисту Л. Ф. Пичугину; богослужебный сборник – конволют конца XVII—XIX в.; Творения Симеона Фессалоникийского (конец XIX– начало XX в.) из собрания И. И. Карпова. В числе книг Евангелие учительное (М., Печатный двор, 1629) с вкладными и владельческими записями, Служба и житие Николая чудотворца (М., Печатный двор, 1643) с вкладной записью крестьянина Иосифа Герасимова в Онежский монастырь (1664 г.).

Из Владимирской обл. привезены пять рукописей и десять печатных изданий. Среди рукописей орнаментированный Часовник с канонником начала XVIII в., сборники XVIII– начала XX в.; в числе книг — Евангелие учительное (Вильно, В. М. Гарабурда, около 1580 г.) с вкладной записью владимирского посадского человека А. П. Говорухина в Федоровский монастырь (1657); Требник (М., Печатный двор, 1623) с записью о стрелецком мятеже 1683 г.: Феофилакт Болгарский. Евангелие толковое (М., Печатный двор, 1649).

В Чувашской АССР получены рукописные Праздники на крюковых нотах (1760-е годы).

Северо-Кавказской экспедицией приобретены пять рукописей и четыре издания XVII–XX вв., в том числе два сборника на крюковых нотах, принадлежавшие терским казакам; Минея общая (М., Печатный двор, 1625) с пятью записями XVII в., первая из которых сделана по повелению кн. Д. М. Пожарского.

В Подмосковье получены рукописный Чин принятия от ересей (конец XIX в.) и два старообрядческих гектографированных издания.

Новосибирскими экспедициями Сибирского отделения Археографической комиссии получены 15 рукописей и 16 старопечатных книг. В ГПНТБ СО АН поступили, в частности, Минейный торжественник (середина XVI в.), Осьмогласник и месяцеслов XVII в., старообрядческие сборники XVII–XIX вв.; среди печатных изданий – Октоих, ч. 1, 2 (М., 1639, 1649), Книга о вере (М., 1648), Евангелие учительное (М., 1629), мартовская минея (М., 1645), Триодь цветная (М., 1604). Библиотека ИИФФ СО АН пополнилась старообрядческими сборниками XIX в. (один из них включает выписки из Диоптры Филиппа Пустынника, Винограда Российского, повесть о царице и львице) и печатными книгами: Триодь постная (М., 1642), Минея общая с праздничной (М., 1650), издания старообрядческих типографий XIX—XX вв. В библиотеку ТомГУ поступили три рукописи и 11 печатных изданий, в том числе рукописный Цветник второй половины XIX в., Октоих, ч. 2 (М., 1631), почаевские, виленские, киевские издания служебной литературы XVIII–XIX вв.

Уральской объединенной археографической экспедицией получены 199 рукописей и 180 старопечатных книг. Среди рукописей наиболее интересны Патерик скитский поглавный и Синайский патерик (Лимонис) конца XV– начала XVI в., а также «Сны Шахаиши» («Книга двенадцати снов») с 12 листовыми миниатюрами в списке конца XIX – начала XX в.; среди печатных изданий — Евангелие (Вильно, тип. Мамоничей, 1600), фрагмент Нового завета с псалтырью (Остров, тип. И. Федорова, 1580).

Книги, собранные экспедицией ГГУ, проведенной с участием Горьковского областного отделения ВООПИК и музея Н. А. Добролюбова, поступили на хранение в музей Добролюбова, который формирует рукописные и книжные фонды для создаваемых в Горьковской обл. музеев Аввакума и П. И. Мельникова-Печерского. Получены 24 рукописи XVIII–XIX вв. (четьи сборники, сборник духовных стихов, каноны) и два печатных издания (в том числе Псалтырь первой половины XVII в. с рукописными дополнениями). Кроме того, приобретена библиотека крестьянина-старообрядца Д. Н. Уткина (1879–1955), содержащая рукописные книги (в том числе написанные самим Д. Н. Уткиным) и более 40 книг кириллической печати XVIII–XX вв.

Вместе с тем экспедицией ОР ГБЛ, предпринятой без разрешения Главархива РСФСР, вывезены из Горьковской обл. 34 ед. хр., в том числе Псалтырь следованная XVII в., конволют со скитским покаянием XVIII в., каноны работы И. Г. Блинова.

Научная библиотека ЯГУ пополнилась 7 рукописями, 23 старопечатными книгами и 4 книгами гражданской печати. Среди рукописей – старообрядческий сборник XVIII в., содержащий «Челобитную царю Алексею Михайловичу

inslav

чернеца Авраамия», богато украшенный крюковой сборник первой половины XIX в., миниатюрные святцы XIX в.; среди книг – Киево-Печерский патерик. (Киев, 1661), Псалтырь с восследованием (Клинцы, 1786?).

В научную библиотеку СГУ поступило 24 рукописи и 17 книг кириллической печати. В числе рукописей – полемический сборник конца XVII – начала XVIII в., богослужебные и четьи сборники, духовные стихи, молитвенники XVIII–XX вв. В числе печатных изданий – Книга Ефрема Сирина (Вильно, 1778), старообрядческие издания XIX–XX вв.

Полевые исследования книжной традиции на восточных языках

ИЯЛИ КФАН провел экспедицию в Татарской АССР (руководители М. И. Ахметзянов и Н. Ф. Исмагилов). Получено более 100 арабографичных рукописей XVI—XX вв. и около 200 документов на татарском языке, датированных 1870–1932 гг. Среди рукописей – полный список поэмы Кул Гали «Киссаи Йусуф» (XVIII в.); список труда персидского ученого Али бине Хусейна «Рашахат» («Капли, просачивающиеся из источника жизни»), посвященного истории суфиев — накшбандиев (дата списка — 970/1563 г.); сборник, включающий средневековую поэму «Сказание о матери и сыне»; документы из личного архива муллы Хабибрахмана Арсаева.

Экспедиция КГУ работала в Горьковской обл. (руководитель И. А. Гилязов). Ею собрано более 100 рукописей, не считая отдельных фрагментов, писем, документов. Среди них – шесть списков поэмы «Киссаи Йусуф» (первая половина XIX в.) сборник стихов неизвестного татарского поэта середины XIX в., пять сборников образцов татарского фольклора (XVIII – начало XIX в.), около 50 частноправовых актов XIX – начала XX в. на татарском языке, в том числе часть архива сельского муллы 70–80-х годов XIX в.

Экспедицией ИИЯЛ БНЦ на территории Башкирской АССР (руководитель М. Х. Надргулов) собрано у населения 35 арабографичных рукописей и 33 печатных издания конца XVIII – начала XX в., в том числе сборники поэтических и прозаических произведений на арабском и тюркских языках, документы Духовного управления Башкирии 1919–1928 гг., шакирдовские записи, учебники медресе и др.

Экспедицией ИИЯЛ ДФАН на территории Дагестанской АССР (руководитель А. Р. Шихсаидов) приобретено более 80 рукописей и печатных книг, в том числе сочинения по мусульманскому праву на арабском языке в списках XVII–XVIII вв., сборник стихотворений дагестанских авторов XIX в. на арабском языке, переписка ученых Дагестана (XIX в.), сборники стихотворений на азербайджанском и кумыкском языках; печатные издания на арабском, аварском, кумыкском языках, вышедшие на территории Дагестана в начала XX в. Собран также значительный документальный материал (более 150 писем и документов XIX в., преимущественно на арабском языке). Выявлены и взяты на учет частные и мечетские коллекции книг и документов.

В. А. Черных

СОВЕЩАНИЕ «ВОПРОСЫ ОПИСАНИЯ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ УКРАШЕНИЙ В СЛАВЯНО-РУССКИХ РУКОПИСЯХ XIII—XV вв.»

23–24 января 1989 г. в Москве состоялось научное совещание «Вопросы описания орнаментальных украшений в славяно-русских рукописях XIII–XV вв. (для Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР)». Совещание было организовано Археографической комиссией, ВНИИИ и ЦГАДА. С докладами и сообщениями выступило 25 представителей научных организаций и хранилищ Москвы, Ленинграда, Новосибирска. К совещанию была подготовлена выставка рукописных книг XIII–XV вв. из собраний ЦГАДА. Открывая заседание, которое происходило в ЦГАДА, председатель Археографической комиссии С. О. Шмидт подчеркнул всесоюзный характер совещания. Сам факт его созыва является свидетельством содружества специалистов и учреждений, связанных с хранением, изучением и описанием рукописных памятников. Впервые целью совещания ставится задача изучения орнаментики как элемента книжной культуры и унификации терминологии. Непосредственным поводом для организации такой встречи послужили конкретные проблемы, возникающие при подготовке материалов для Сводного каталога (СК). Выработка единой терминологии будет иметь значение для последующих выпусков СК, она должна лечь в основу создания банка машинных данных по рукописному фонду нашей страны.

Определению основных вопросов и связанных с ними трудностей при описании для СК орнаментики древнейшей рукописной славяно-русской книги посвящено сообщение *Н. Б. Шелмановой* (АК) (текст сообщения был представлен участникам совещания заранее). В ходе подготовки СК проявилось как в практике описаний рукописей палеографами, так и в палеографической и искусствоведческой литературе отсутствие единых принципов в описании украшений рукописной книги и как следствие терминологический разнобой. Выявилось три группы вопросов, требующих уточнения – определение и характеристика: 1) видов украшений, 2) стилей орнаментики, 3) техники исполнения. Из-

inslav

данные АК в 1973 г. Методические рекомендации по описанию украшений для СК (автор Ю. А. Неволин) и Инструкция по описанию рукописей для СК (1974 г.) оказались не вполне достаточными для описания орнаментики и требуют в этом вопросе уточнений и дополнений. Требуется определение видов орнаментальных украшений: фронтисписов, заставок (больших и малых), заставок-рамок, концовок, инициалов (больших и малых), заголовков, маргинальных украшений, а также стилей орнаментики – старовизантийского, тератологического, неовизантийского, балканского и переходных типов. Особого внимания требует вопрос о характеристике украшений с неясно выраженным стилем и о выделении в особый стиль орнаментики предложенный Ю. А. Неволиным южнославянский стиль.

А. А. Амосов (БАН) уделил особое внимание проблемам унификации терминологии в связи с переводом в дальнейшем информации на ЭВМ. За основу предложено взять программу СИБАЛ. Докладчик поделился опытом БАН в организации программы поисковых систем, которые по отношению к рукописным книгам могут конкретизироваться на четырех уровнях: 1) фонд, собрание, коллекция, 2) рукопись, 3) тексты, 4) структура текстов. Обращаясь к проблемам терминологии, Амосов высказался за понятие «декор» вместо «орнамент» или «иллюминация» и за отказ от характеристики колорита. Термин «тип» и частные по отношению к нему во всех классификационных системах учитывают признаки формы, т. е. внешние характеристики. Высказался за употребление термина «стиль», который, как и частные по отношению к нему определения, учитывает наряду с формальными и содержательные признаки, т. е. подразумевает внутренние характеристики.

О. И. Подобедова (ВНИИИ) напомнила собравшимся о мысли, прозвучавшей на VII Вселенском соборе, о том, что текст и иллюстрации книги «свидетельствуют об одной и той же истине»; следовательно, и изучать их можно только в комплексе. Описывать книгу надо, исходя из ее назначения и назначения элементов орнамента. Для богослужебных и четьих книг нужна своя система описания, так как функциональное назначение фронтисписов, заставок, концовок у них различны.

Член-корреспондент *Н. Н. Покровский* (ИИФФ СО АН) указал на возможность возрастания сложностей при описании орнаментики рукописей XIV–XVI вв. по сравнению с XI–XIII вв. В вопросах терминологии должна в большей степени проявляться координационная роль АК; необходимо создание системы справочников по орнаментике. Возражая О. И. Подобедовой, отметил различие функций описателя и исследователя. Следовательно, четвертый уровень по классификации Амосова – дело исследователя, а не описателя. Предложил использовать правила описания ГПНТБ. Считает более целесообразным термин «стиль», а не «тип».

В выступлении *Л. П. Жуковской* (ГБЛ) отмечалось наличие двух задач в работе совещания: разработка и унификация терминологии в области орнаментики; помощь всех специалистов редакторам СК XIV в., которая необходима из-за отсутствия унификации в описаниях. Высказалась за приведение колористической характеристики, которая в русских рукописях XIV в. может указать на место создания памятника.

Л. И. Киселева (БАН) ознакомила с западноевропейской практикой описания рукописей, с основными положениями и системой элементов, предложенных в словаре терминов, подготовленном для формализованного описания рукописей с целью введения в ЭВМ[1]. С. О. Шмидт попросил сотрудников БАН подготовить перевод этого пособия (хотя бы раздел, связанный с украшениями).

По мнению *О. А. Князевской* (АК), принципиально важно, чтобы «СК-XIV» был выполнен по тем же редакторским правилам, что и «СК-XI–XIII». Голосованием проблем терминологии решить нельзя, а формулировки СК должны быть понятны всем. Важно, чтобы каталог содержал сведения, имеющие датирующее и локализующее значение. Этим можно ограничить задачу описателя.

В выступлении *О. П. Лихачевой* (БАН) говорилось о том, что работа над СК должна быть подчинена задаче грядущей компьютеризации (пусть и не скорой), и это касается всех аспектов описания, не только орнамента. Небходимо учесть опыт наших коллег из Грузии и Армении, где отдельные элементы описания делают узкие специалисты, что обеспечивает высокий профессиональный уровень. Отметила важность роли редакторов СК на заключительном этапе составления описаний.

О. И. Подобедова высказала пожелание, чтобы СК выполнял функции «Истории книги», пока такой труд не создан специально,

Дискутируя с О. И. Подобедовой, *Н. Б. Тихомиров* (Москва) указал на типологическое различие каталога и исследования (монографического описания рукописи). СК должен отвечать на вопросы, но в краткой форме. Обосновал правомочность и необходимость употребления термина «южнославянский» орнамент и высказал соображения по поводу употребления других терминов, подчеркнув, что четкое разграничение стилей можно провести в классических образцах, но в рядовых рукописях трудно.

М. Г. Гальченко (МГУ) на примере «Лествицы» XIII в. (ЦГАДА, ф. 181, № 452) показала важность фиксации в описании тонких инициалов, являющихся хронологической приметой.

---

[1] *Muzerelle D.* Vocabulaire codicologique. Repertoire methodique des termes français relatifs aux manuscrits. Paris, 1985.

inslav

Был зачитан текст доклада *Т. Б. Уховой* (ГБЛ), которая высказала свои соображения по поводу различных терминов, употребляющихся при описании рукописей, и предложила выделять в каталожном описании ксилографическую и собственно орнаментальную традиции.

Текст доклада *В. М. Загребина* (ГПБ) был зачитан Е. М. Шварц (ГПБ), которая присоединилась к его мнению. Ими предложено разработать терминологический словник, в котором в качестве иллюстрации были бы приведены и элементы орнамента. Пользуясь таким словником, описатель сможет при характеристике украшений оперировать элементами, составляющими орнамент, не вдаваясь в сложности определения стиля и, может быть, даже не стараясь его определить (практика, принятая югославскими коллегами).

Л. П. Петрова (БАН) обратила внимание на важность выработки понятийного аппарата и терминологии применительно к орнаментике поздних рукописей (XVII–XX вв.). Сделать это можно на основе терминологии, разработанной для рукописей более ранних.

О. И. Подобедова выступила с критикой в адрес Археографической комиссии, которая давно должна была бы составить библиографию работ по обсуждаемым проблемам, так как и описатели и исследователи оказываются плохо знакомы с научной литературой, западными каталогами, таблицами. Помочь в деле составления библиографии могли бы зарубежные коллеги.

С. О. Шмидт и *Н. Б. Шеламанова* согласились с тем, что библиографии уделяется недостаточное внимание, она нуждается в серьезной разработке; и напомнили, что одной из целей совещания является именно выявление «болевых точек».

В заключение, подводя итог первого дня, *С. О. Шмидт* подчеркнул, что вышедший том СК является первым в серии, и нет оснований отказываться от его схемы, хотя вопросы терминологии будут постоянно нуждаться в уточнении.

Второй день заседания проходил в ВНИИИ. Заседание открыла *О. И. Подобедова,* кратко охарактеризовав итоги предыдущего дня, повторив критику в в адрес АК и по поводу принципов описания украшений в СК XI–XIII.

Затем с докладом выступил *Г. В. Попов* (ВНИИИ), на большом количестве иллюстративных примеров наметивший основную линию развития книжного орнамента в XIV – первой трети XV в. и показавший сложность определения его переходных типов.

О. И. Подобедова в выступлении повторила мысль о необходимости исследования и описания всех художественных элементов кодекса, не отрывая их от содержания, поскольку иллюминация в средневековой книге является «не украшением, а образным наполнением». Особо она остановилась на типологии фронтисписов.

В выступлении *Л. И. Костюхиной* (ГИМ) говорилось о необходимости гармоничной связи описания с исследованием и о том, что степень углубления в исследование целиком зависит от уровня описания и общей культуры и опыта его составителей. В заключение она подчеркнула важность роли редакции СК в унификации терминологии.

А. А. Турилов (АК) высказал мнение о том, что унификация терминологии на данном этапе должна быть задачей работы редакционной коллегии, а не совещания. Одним из реальных путей выработки общих терминов могут служить иллюминованные корелляционные таблицы, с помощью которых можно было бы унифицировать понятия, применяемые описателями в крупнейших хранилищах. Кроме того, докладчик предложил разграничивать термины «стиль» и «тип», понимая под первым четко выраженные образцы, а под вторым переходные формы. В заключение Турилов высказался за необходимость использования понятия «южнославянский стиль», и попытался обосновать его на конкретных примерах.

Л. И. Лившиц (ВНИИИ) попытался дать анализ содержания понятий «стиль» и «тип», отдавая предпочтение второму, поскольку «стиль» в искусствознании – смысловая категория, предполагающая постоянное движение. В этом смысле можно говорить только о стиле книги в целом. Остановившись далее на вопросе об употреблении цветовых характеристик, он подчеркнул, что характеризоваться должен цвет, а не пигмент, при этом в максимально простых выражениях, исключающих двойственное толкование.

А. А. Амосов предложил использовать в отношении цвета простейшие характеристики, вплоть до указания на полиили монохромность, в частности понимать под «киноварью» красный цвет в широком диапазоне. В отношении кореляционных таблиц он сказал, что они дадут интересные результаты, но едва ли автоматически приведут к однообразию. Для создания таких таблиц необходима инициативная группа. Далее он посетовал на недостаток кадров в хранилищах и с огорчением констатировал падение интереса к археографической проблематике в среде вузовской молодежи. В заключение он высказал предположение, что количество трудностей возрастет для рукописей XV–XVII вв., и предложил (полусерьезно) по примеру западноевропейских описателей подразделять стили по правлениям монархов (например, «стиль Ивана III Васильевича»).

Л. П. Жуковская вкратце напомнила об этапах работы над СК и первоначальной идее четырех каталогов. Она указала также, что проблема унификации касается не только орнаментики, но и датировки, которая в зависимости от хранилищ и описателей может завышаться или занижаться. Но, поскольку в СК сохраняется авторство, сообщаемые из хранилищ сведения редколлегией не меняются. За годы работы над СК развивалась археографическая работа. Боль-

inslav

шое значение имело составление инструкций и программы описания для СК. Для дальнейшей работы нужен альбом с типологией орнаментов, который могла бы подготовить АК.

Т. В. Дианова (ГИМ) обратила внимание на сборники «Древнерусское искусство. Рукописная книга» (вып. 2), а Ю. Д. Рыков (ГБЛ) напомнил, что систематизированный материал для альбома можно взять из составленной Ю. А. Неволиным картотеки в ОР ГБЛ.

А. А. Амосов напомнил, что в условиях проблемы с полиграфической базой хороший альбом быстро не издашь, но можно подготовить набор образцов орнамента на ксероксе; а также предложил собирать периодические тематические семинары для передачи опыта молодежи.

Б. Н. Морозов (АК) высказался за создание Сводного каталога орнаментики, который явится одним из выходов по проблеме школ и скрипториев и поможет отождествить отдельные отрывки. В идеале необходим банк данных по орнаментике.

Е. М. Шварц высказала сомнение в возможности определения стиля одним термином, сославшись на сходный пример с характеристикой филиграней, для которой требуется детальное описание. Подобный словник следует, вероятно, разработать и для орнаментики.

Ей возразили *Н. Б. Шеламанова* и *Л. П. Жуковская,* указавшие, что в принципе подробное описание орнамента имеет большое значение, но для СК, содержащего сигнальные сведения, оно неприемлемо.

Н. Б. Тихомиров напомнил, что различные типы каталогов предполагают различную степень полноты описания. В СК все должно описываться одинаково, в нем должны быть лишь «сигналы» об орнаментике для искусствоведов.

На замечание Г. В. Попова, что в СК дается очень подробное археографическое описание, Н. Б. Тихомиров возразил, что эта часть представляет только первичную информацию, за которой должна идти уже исследовательская работа, и напомнил о диспропорции, которая возникла в СК в связи с подробным описанием переплетов в описаниях ЦГАДА. Далее он заметил, что для рукописи в целом применение термина «стиль» возможно лишь при характеристике «элитарных» рукописей типа Остромирова евангелия и т. п. Затем он высказался за отказ по возможности от цветовых характеристик, ограничиваясь понятиями «монохромный» и «полихромный». Понятие «киноварь» должно употребляться для обозначения широкой гаммы красного цвета.

Е. А. Белоконь (МГИАИ) предложила издать СК с маргинальными иллюстрациями, Л. П. Жуковская и Н. Б. Шеламанова пожелали осуществить это молодому поколению.

И. В. Левочкин (ГБЛ) выступил с общей критикой принципов описания орнаментики в СК и других изданиях и работы редколлегии в целом и призвал аудиторию читать его работы, в которых, по его мнению, вопросы терминологии решены.

Ему возразил *Г. А. Попов,* напомнивший, что каждому типу орнаментов соответствует определенный набор признаков, а разнобой в терминологии порождается отличиями во взглядах. Высоко оценив методику Неволина, он одновременно указал на необходимость некоторых поправок и подчеркнул ту важную роль, которую имеет централизованное редактирование описаний для СК.

Н. А. Кобяк (МГУ) констатировала невозможность выработки единых дефиниций в процессе совещания и предложила АК разработать словарь терминов по орнаментике.

О. И. Подобедова высказала мысль о создании «Истории рукописной книги». Она констатировала, что на долю составителей СК выпало много трудностей и выразила надежду, что положение с СК-XV будет проще в связи с большей однородностью материала. Высказала мнение о необходимости создания словника; отметила большую работу хранилищ; высказала пожелание опубликовать материалы Неволина, хранящиеся в ОР ГБЛ. В заключение она суммировала замечания и пожелания в адрес АК, высказанные ею в течение двух дней заседания, и предложила провести в конце 1989 – начале 1990 г. конференцию, посвященную иллюминованной книге домонгольской Руси, в связи с подготовкой Институтом издания по этой проблеме в серии «Центры художественной культуры средневековой Руси».

Рекомендации совещания

1. Рекомендовать Археографической комиссии уточнить методические рекомендации по описанию украшений рукописей для СК, для чего обратиться к ведущим хранилищам и обобщить их мнения, учитывая обсуждения на совещании.

2. Просить редколлегию славяно-русского выпуска СК составить словарь терминов рукописной орнаментики с иллюстрациями (схемами, снимками, рисунками и т. д.).

3. Считать целесообразным издание альбома видов украшений рукописной книги.

4. Просить Библиотеку АН СССР как всесоюзный межведомственный научно-методический центр принять участие в организации и проведении совещаний-семинаров по проблемам описания рукописей, в том числе по вопросам описания книжного художественного убранства.

5. Предложить Археографической комиссии совместно с Сектором древнерусской культуры ВНИИИ составить библиографию по книжной орнаментике.

6. Совещание считает необходимым при издании описаний рукописей, альбомов, исследований в предисловиях указывать, какие принципы определения и характеристики украшений книг и терминология используются в издании.

Н. А. Охотина, А. А. Турилов

inslav

50-ЛЕТИЕ КАФЕДРЫ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН МГИАИ

12 сентября 1989 г. в МГИАИ состоялось заседание Ученого совета, посвященное 50-летию кафедры. На заседании присутствовало около 200 человек – представители ГАУ СССР, центральных государственных архивов, музеев, Института истории СССР АН СССР, преподаватели и студенты МГИАИ, выпускники и аспиранты кафедры.

С докладом «Кафедре вспомогательных исторических дисциплин – 50 лет» выступил зав. кафедрой *А. Л. Станиславский* (текст доклада публикуется: «История СССР», 1989, № 6). Отметив вклад, внесенный кафедрой в развитие вспомогательных исторических дисциплин, докладчик остановился на особо трудных, нередко драматических для кафедры страницах ее истории конца 1930–1940 гг. Впервые прозвучали документы, «стыдливо» опускаемые в публикациях, освещающих не только историю института и кафедры, но и историю советской исторической науки, условия ее существования и развития, историю преподавания вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения. Было рассказано о репрессиях, которым подвергались историки (в их числе ведущие преподаватели кафедры А. И. Андреев, Л. В. Черепнин и др.) «по делу С. Ф. Платонова», травле ученых, развернувшейся после печально знаменитой сессии ВАСХНИЛ, борьбе с «безродными космополитами» в исторической науке и в МГИАИ. Докладчик показал влияние идеологических установок на структуру и содержание учебных программ и пособий, лекционных курсов по палеографии, дипломатике, древнерусскому языку, источниковедению. Отдав дань признательности ученым, создавшим кафедру и работавшим на ней – А. Н. Сперанскому, Н. В. Устюгову, В. К. Лукомскому, Л. В. Черепнину, А. И. Андрееву, В. К. Яцунскому и др., он подчеркнул, что и сегодня студенты изучают рожденное именно тогда, в самые тяжелые годы сталинизма. Традиции кафедры сохранились благодаря смене, оставленной первыми руководителями кафедры А. Н. Сперанским и А. И. Андреевым, усилиям А. А. Зимина, Е. И. Каменцевой, Е. А. Луцкого, О. М. Медушевской, А. Т. Николаевой, С. О. Шмидта и др.

Ректор МГИАИ *Ю. Н. Афанасьев* отметил, что «юбилейный доклад» далеко вышел за формальные рамки. Это серьезное научное исследование позволило через историю небольшого коллектива увидеть всю историю советской исторической науки, мужественных людей, сохранивших честь и достоинство ученого в самых трудных условиях. Кафедра вспомогательных исторических дисциплин – кафедра больших потенциальных возможностей – способна повлиять на развитие преподаваемых ею дисциплин.

Е. И. Каменцева (МГИАИ) дополнила доклад Станиславского своими воспоминаниями об основателе кафедры А. Н. Сперанском.

А. А. Преображенский (ИИ СССР) приветствовал собравшихся от лица тех, кто учился в МГИАИ в первые послевоенные годы (1945–1949). Говоря о высоком научном уровне, отличавшем кафедру, он особо остановился на уроках гражданственности, нравственности, которые студентам МГИАИ, вчерашним солдатам, преподал А. И. Андреев. *С. О. Шмидт* (АК), рассматривая 50-летний путь кафедры, с которой связан многолетней преподавательской работой, говорил о традициях научного исследования вспомогательных исторических дисциплин и источниковедения, о большом патриотическом деле во имя науки, начатом основателем кафедры Сперанским и продолженном Андреевым, о борьбе, которая велась на кафедре за сохранение места советской исторической науки в мировой науке. Он отметил заслуги А. Ц. Мерзона в разработке вопросов теоретического источниковедения, М. Н. Черноморского и С. И. Якубовской в исследовании источников советской эпохи, вклад Е. А. Луцкого в развитие кафедры. *А. Л. Хорошкевич* (ИИ СССР) поздравила юбиляров от имени своих коллег и коллег из Варшавского университета. *Ю. Н. Соловьев* (МГИАИ) отметил высокий профессиональный уровень кафедры, в частности в работах по метрологии Е. И. Каменцевой, и предложил, учитывая роль, которую может играть кафедра в информационной сфере, переименовать ее в кафедру исторической фактологии. В заключение *Ю. Н. Афанасьев* сообщил о выходе из печати брошюры «Кафедра вспомогательных исторических дисциплин, 1939–1989: Историческая справка: Библиографический список изданий» (М., 1989, 43 с.) и огласил приказ о вынесении благодарности членам кафедры за плодотворную многолетнюю научную и педагогическую работу.

К заседанию Ученого совета были развернуты выставки документов и фотографий по истории кафедры, извлеченных из архива МГИАИ и экспонировавшихся впервые, учебных пособий, программ, трудов членов кафедры, авторефератов диссертаций и дипломных работ, защищенных на кафедре.

Л. Н. Простоволосова

inslav

НОВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ СЛАВЯНСКОЙ РУКОПИСИ ИЗ ГИМ: НОРОВСКАЯ ПСАЛТЫРЬ — СРЕДНЕБОЛГАРСКАЯ РУКОПИСЬ XIV в.

В 1989 г. в Софии вышло в свет издание уникальной среднеболгарской рукописи Норовской псалтыри; работа выполнена по плану научного сотрудничества Института славяноведения и балканистики АН СССР его сотрудниками: д-ром филол. наук Е. В. Чешко (руководитель работы), канд. филол. наук И. К. Буниной, д-ром филол. наук В. А. Дыбо, Л. А. Науменко, сотрудником Археографической комиссии АН СССР канд. филол. наук О. А. Князевской; и Института болгарского языка Болгарской АН: отв. редакторы — члены-корреспонденты Болгарской АН Кирил Мирчев и Д. Иванова-Мирчева. Публикация вышла в двух книгах, первая из них (ч. I, с. 1—206) содержит вводные и исследовательские статьи, а во второй (часть II, с. 207—743) представлено научное воспроизведение текста рукописи с необходимыми комментариями и разночтениями.

Норовская псалтырь хранится в ОР ГИМ в Уваровском собрании за № 285; она написана на 267 листах пергамена древним письмом. По составу рукопись изобилует интересными особенностями. В ней кроме традиционного текста псалтыри, поделенного на 20 «кафизм» с тропарями и молитвами, после каждой «кафизмы» содержатся инципиты «псалмов избранных», которые представляют самую раннюю их фиксацию в славянских псалтырях. Кодекс содержит также тексты девяти библейских песней, «канон молебен пречистой Богородице» и «песнь полунощную».

Норовская псалтырь не имеет записей, содержащих точные сведения о времени написания рукописи. В литературе время ее создания определялось XIII в., концом XIII, третьей четвертью XIV в. В настоящем труде на основании палеографического и кодикологического анализа кодекса аргументированно уточняется дата и доказывается, что Норовская псалтырь была создана в первой половине XIV века.

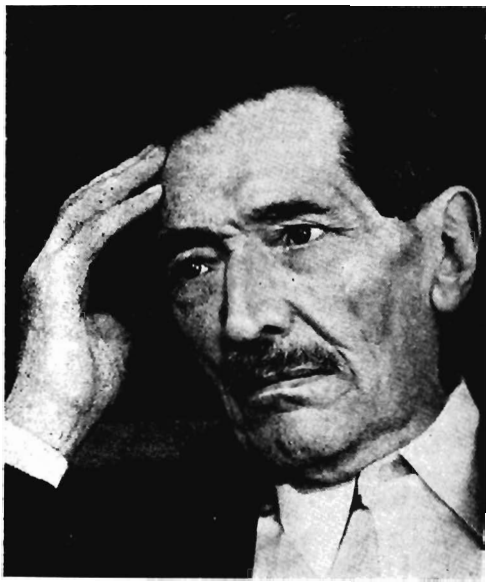
Исследовательские статьи в I части содержат необходимые сведения о самой рукописи и о языковой ситуации времени ее создания. К ним относятся археографическое и филологическое введения, палеографическое описание, описание акцентной системы в сопровождении указателя акцентных форм. Для удобства читателей в книге находим указатель словоформ, написанных сокращенно.

Норовская псалтырь принадлежит к кругу памятников болгарского средневековья, в которых отразилась работа книжников предъевфимиевского времени по нормализации книжно-письменного языка. Основная тенденция этой нормализации заключалась в стремлении к буквальному следованию греческому тексту. Языковая ситуация в Болгарии XIV в. и вопросы переводческой деятельности славянских книжников рассматриваются в филологическом введении (ч. I). Они обосновываются материалом конкретных разночтений к псалтырному тексту, которые содержатся в подстрочных примечаниях во II части. Разночтения к тексту выбраны из трех славянских псалтырей, текст которых представляет различные редакции псалтыри. Архаическая редакция перевода представлена древнейшей Синайской псалтырью XI в. Сопоставления с «новой правленой» редакцией даются по рукописи Пловдивской псалтыри XVI в. (Библиотека Ивана Вазова, № 44). Эта редакция текста была создана на Афоне в середине XIV в. и получила широкое распространение в южнославянских текстах. Третьей псалтырью, текст которой выбран для разночтений, является рукопись Псалтыри митрополита Киприана XV в. (ГБЛ, ф. 173, № 142); ее редакция была создана Киприаном в конце XIV в. и получила особое распространение у восточных славян. В результате устанавливается, что в Норовской псалтыри представлена редакция, отражающая ранний этап правки книг церковных в Болгарии. Разночтения сопровождаются греческими соответствиями по византийским псалтырям.

Этот труд, несомненно, заинтересует широкий круг специалистов-славистов, историков славянской письменной культуры и особенно специалистов по истории славянских переводов с греческих оригиналов, а также историков болгарского и русского литературных языков донационального периода. Публикация может служить источником для изучения русско-болгарских связей в период второго южнославянского влияния, вызывающего в настоящее время пристальное внимание ученых специалистов.

О. А. Князевская

inslav



МИХАИЛ ТИМОФЕЕВИЧ БЕЛЯВСКИЙ
(1913—1989)

11 февраля 1989 г. скончался видный историк и общественный деятель член Бюро Археографической комиссии АН СССР профессор Михаил Тимофеевич Белявский [1].

Когда узнаешь об уходе из жизни человека, с которым более сорока лет обращались друг к другу на «ты», первое ощущение – боль, и первая мысль: как мало уже нас остается. Вспоминаются сразу близкие душе подробности частного характера, и трудно определить общезначимость сделанного этим человеком, свойственное именно ему в типологии современной культуры. А историку необходимо это сделать и, если это был ученый, писавший для других, а, следовательно, и для потомства, то помочь тем, кто не знал его лично, определить место этого ученого в развитии науки, культуры, общественной жизни.

Михаил Тимофеевич Белявский был прежде всего незаурядной личностью. И присущие ему личные – и очень притягательные – черты явственно заметны во всем его творчестве, в самом выборе тематики научно-исследовательской и преподавательской работы, а также и общественной деятельности. М. Т. Белявский не мог писать о том, о чем у него не болела душа; и сразу же обнаруживалось его страстное отношение к тому, что он писал, делал, говорил. Он был просветителем по убеждению и по призванию, и обладал даром говорить и писать так, что это было важно и ученым специалистам и широкой аудитории. Он всегда чувствовал эту аудиторию и даже писал в своеобразной разговорной (позднее – лекционной) манере, достигая и на письме высоких образцов ораторского искусства (как, к примеру, в статье 1966 г. «Памяти большого ученого» об академике М. Н. Тихомирове).

М. Т. Белявский родился 21 ноября 1913 г. в селе Горки Смоленской губернии близ больших промышленных сел Ярцево. В Смоленщине многое напоминает о значительных событиях нашей истории, о давних традициях отечественной культуры, о героическом сопротивлении внешним врагам и широких международных экономических и культурных связях. Отец его, сын крепостного крестьянина, был сельским священником, а, следовательно, человеком, причастным к чтению и составлению проповедей, и в то же время пребывающим в бытовой атмосфере деревни, близким по образу жизни и мышления к крестьянству. В дореволюционной России, как известно, из среды сельского духовенства вышло немало людей, тяготеющих к просветительской деятельности, к занятиям историей, краеведением, к познанию того, что ныне называем социальной экологией. И краеведение воспринималось ими как краелюбие. Именно на Смоленщине в советские годы начали творческий путь писатели, олицетворяющие во многом русскую народную интеллигенцию с ее пристальным интересом к взаимосвязи и времен и народов. И М. Т. Белявский стал – в 1930 г. – преподавать в школе, затем окончил вечернее отделение географического факультета Московского городского педагогического института.

Обретенным им опыт войны (М. Т. Белявский ушел добровольцем на фронт, стал там членом партии, был тяжело ранен) еще более убедил его в важности познания истории и сохранения па-

[1] Некрологи напечатаны в изданиях: ВИ. 1989. № 7. С. 189; История СССР. 1989. № 6; Вестник Московского университета. Сер. ист. 1989. № 5. См. также: *Шмидт С. О.* Историк-просветитель // К 45-летию окончания Великой Отечественной войны. Сб. статей. М., 1990.

мятников культуры. М. Т. Белявский был откровенно современен в своих научных и общественных устремлениях и в исследовательской методике, и в то же время всегда в русле давней прогрессивной традиции русской науки — традиции просветительства. И ему помогло и то, что в аспирантские годы на историческом факультете Московского университета, (с 1948 г.), он прошел школу ученых широкого профиля научных интересов и большой общественной чуткости Н. Л. Рубинштейна и М. Н. Тихомирова, принадлежавших именно к этой нашей просветительской традиции.

Думается, можно сказать, что М. Т. Белявский сумел «построить» свою жизнь, в послевоенные годы так, как ему хотелось: любимое дело (преподавательская работа на кафедре отечественной истории исторического факультета МГУ; на том же факультете преподавала и его покойная жена известный историк Польши Ирина Михайловна Белявская), дружная семья. Он не искал престижных или денежных должностей, не навязывал своих суждений; и уважение коллег и учеников приходило к нему само, также как и его непрерывно втягивали в общественную работу. Профессор Белявский нашел себя, и творил – писал, читал лекции, руководил работой молодежи, участвовал в научных заседаниях и на собраниях общественности – «в удовольствие». И сетовал он не на перегрузку работой, а на болезни, становившиеся помехой этой работе. М. Т. Белявский заинтересованно знакомился с работой других, особенно молодежи, умел быть одновременно и строго придирчивым и доброжелательным, и обнаруживал неподдельную радость, когда узнавал об открытиях и добрых начинаниях других. Дар редкий и особенно привлекавший к Михаилу Тимофеевичу!

М. Т. Белявского давно уже признали виднейшим специалистом по истории России второй половины XVIII в., особенно истории общественного сознания и культуры «Века Просвещения»; и авторитет его в «академических» кругах был очень высок. И кандидатская его диссертация (защищенная в 1952 г.) и докторская (защищенная в 1963 г.) стали основой монографий «М. В. Ломоносов и основание Московского университета» (М., 1955) и «Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева» (М., 1965), прочно вошедших в основной фонд современной исторической науки. Отзыв официального оппонента второй диссертации, академика М. Н. Тихомирова, написанный взволнованно и с большим уважением к труду М. Т. Белявского, напечатан в приложении к книге «Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова». (М., 1974). М. Н. Тихомиров особо отметил, что «М. Т. Белявский поднял и вводит в науку большие залежи неизвестных ранее источников по истории крестьянского вопроса в России середины XVIII в.», и далее: «Не сомневаюсь, что труд М. Т. Белявского займет почетное место в нашей исторической литературе, посвященной истории России XVIII в., в особенности в истории крестьянского вопроса – кардинального вопроса в истории России на протяжении многих веков». В 1984 г. издана книга «Однодворцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.)», к 275-летию со дня рождения Ломоносова вышла книга, ему посвященная «Все испытал, во все проник» (М., 1986). Этому периоду истории посвящено и большинство исследовательского характера статей и документальных публикаций М. Т. Белявского (список печатных трудов его насчитывает около 250 названий). Значительна его роль в подготовке книг о XVIII в. университетского издания «Очерки русской культуры». М. Т. Белявский – автор глав о России конца XVII–XVIII вв. в вузовском учебнике «История СССР с древнейших времен до конца XVIII века», подготовленном под редакцией академика Б. А. Рыбакова, составитель и редактор сборников документов по истории России XVIII в., руководитель многих работ молодых исследователей по этой тематике.

М. Т. Белявский был большим знатоком архивных материалов, опытным археографом и источниковедом, деятельным членом Бюро Археографической комиссии, редактором и рецензентом ее изданий, членом редколлегии и редактором томов (и автором предисловий и составителем комментариев) избранных трудов первого председателя Комиссии М. Н. Тихомирова.

М. Т. Белявского всегда заботила мысль об уровне преподавания истории, о распространении, внушении читателям слушателям, зрителям подлинных исторических знаний, о степени познания ими путей постижения таких знаний. И тут он не жалел сил ни на авторскую ни на редакторскую, ни на организационную, и, (как правило, и организационно-методическую) работу. Он был заместителем главного редактора учебника (ответственным редактором) по отечественной истории для вузов, руководителем научно-методического совета Министерства высшего образования, членом научно-методических и научных советов Министерства культуры РСФСР и ряда музеев, много делал для внедрения науки в преподавание истории в школе и в организацию внешкольной работы. М. Т. Белявскому была присуща потребность воплотить мысли исследователя в лекции и учебные пособия, рассчитанные на самый широкий круг читателей, и, как его главные университетские учителя, он не мог ограничить себя комплексом проблем, относящихся лишь к одной эпохе. Амплитуда научных интересов, и – что особенно важно – возможностей Белявского как исследователя и популяризатора удивительно велика.

Именно ему мы обязаны утверждением интереса молодежи к методике работы в музеях с разнообразными памятниками истории и культуры, созданием учебного пособия такой тематики, (в ос-

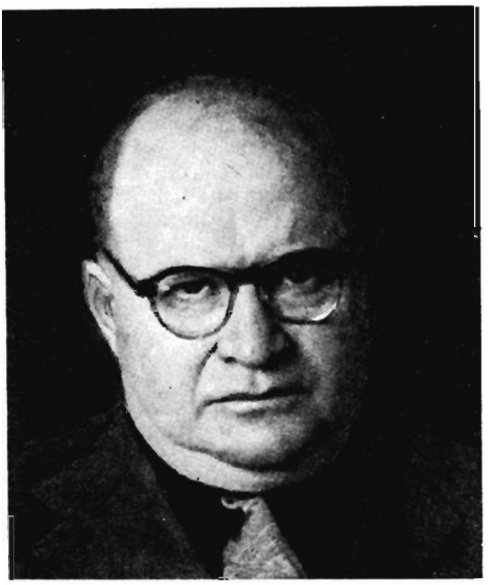
inslav

нове книги «Работа в музеях с историческими памятниками при изучении истории СССР с древнейших времен до 1917 г.» М., 1978 – его любимый лекционный курс в Московском университете), организацией – и с его участием – многих научно-просветительских экскурсий. М. Т. Белявский страстно и неутомимо побуждал к большему вниманию к памятникам нового времени, особенно времени тяжких и героических лет Великой Отечественной войны. Ему мы обязаны и возрождением внимания к некрополям, и прежде всего к захоронениям на московских кладбищах. Заголовок последней его статьи, опубликованной в альманахе «Памятники Отечества» (1989, № 1) – «Охрана памятников, краеведение и проблема некрополей». М. Т. Белявский был бессменным председателем секции истории советского общества Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, руководителем организованных ею конференций и инициатором и редактором подготовленных там изданий, членом президиума Центрального совета Общества и одним из первых был удостоен награждения званием почетного члена Общества. Он постоянно встречался и с юными следопытами истории; а выступления его на различных общественных форумах, как правило, были действенными стимулами дальнейшей работы, а подчас становились и знаменательными факторами развития культуры и запоминались надолго.

М. Т. Белявский преданно любил ставший ему родным Московский университет, и едва ли не более других сделал для изучения его истории. Он был подлинным патриотом и нашей Москвы, и опять-таки много сделал для сохранения памяти о москвичах – местах их жизни и деятельности, их захоронениях. Часть работ такой тематики издана (книга «Их имена увековечены в Москве». М., 1980 о питомцах и преподавателях Московского университета, много статей). Другие подготовлены к печати. Следовало бы объединить в одну книгу его труды о московском некрополе. Это станет и одним из памятников замечательному деятелю науки и культуры, столь много сделавшему для воспитания уважения к исторической памяти.

С. О. Шмидт

inslav



СОЛОМОН АБРАМОВИЧ РЕЙСЕР

(1905—1989)

6 октября 1989 г. на 85-м году жизни скончался Соломон Абрамович Рейсер, доктор филологических наук, член ленинградского отделения Археографической комиссии, автор многочисленных работ по теории и истории русской литературы, библиографии, текстологии.

Долгую жизнь в науке – более 60 лет – прошел С. А. Рейсер. Он родился 10 июня 1905 г. в Киеве в семье инженера, в 1926 г. окончил литературно-лингвистическое отделение Киевского института народного образования и тогда же начал печататься. С 1926 г. вся жизнь и научно-педагогическая работа Соломона Абрамовича протекала в Ленинграде, где он был сотрудником ГПБ в 1931–1950 гг. Только в годы войны (выехав в феврале 1942 г. из блокадного Ленинграда по льду Ладожского озера) был он доцентом Ивановского педагогического института. С 1956 г. и до конца дней Рейсер – профессор кафедр библиографии и литературы Государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской, преобразованного позднее в Институт культуры. Несколько поколений студентов, и не только в Ленинграде, но и в Саратове, Самарканде, Тарту, где Соломон Абрамович, замечательный лектор и эрудит, прочитал ряд спецкурсов, воспитались на его лекциях.

В центре научных интересов Рейсера – русская литература и общественная мысль XIX в., в первую очередь – революционно-демократическая литература. Наследие таких писателей, как Н. П. Огарев, Н. А. Добролюбов обязано своей разработкой и упорядочением преимущественно Рейсеру. Стихотворения Огарева готовились им для «Библиотеки поэта» в 1937–1938 и 1956 гг. В 1957 г. Соломон Абрамович защитил докторскую диссертацию о творчестве Добролюбова. В дальнейшем он разработал проблемы текстологии Добролюбова, был редактором и комментатором ряда томов шеститомного издания 1936–41 гг. и собрания сочинений Добролюбова в 9 томах (1961–1964). Им же составлена Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова (1953).

Рейсер – автор многих работ о Н. А. Некрасове, участник трехтомного собрания стихотворений его в Большой серии «Библиотеки поэта» (1967) и 16-томного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского (1939–1953). Много внимания он уделил историографии и текстологии прокламации Чернышевского «Барским крестьянам...», неоднократно выступал в полемике по атрибуции этого сочинения. Ряд изданий «Вольной русской поэзии XVIII–XIX вв.» сделали Рейсера крупнейшим знатоком этого характернейшего для дореволюционного времени вида литературы.

В области теории текстологии, источниковедения и библиографии заслуги Соломона Абрамовича особенно значительны и велики. Уже в ранней рецензии на книгу Б. В. Томашевского «Писатель и книга. Очерк текстологии»[1] Рейсер отмежевался от псевдообъективистской текстологической концепции М. Л. Гофмана, согласно которой редактор оказывается в положении «хуже корректорского», ибо лишен в сущности всех прав. Он высоко ценит философско-текстологические разработки Г. О. Винокура и книгу Б. В. Томашевского, в которой впервые вносится ясность в употребление основных понятий и терминов.

В дальнейшем Рейсер сам стал автором наиболее распространенных в наше время пособий по текстологии: «Палеография и текстология нового времени» (1970), «Основы текстологии» (1978). Здесь разработаны основные проблемы текстологии, молодой науки, созданной усилиями советских ученых: какие эта-

[1] *Рейсер С. А.* [Рецензия] // На литературном посту. 1928. № 11/12. С. 113–114.– Рец. на кн.: Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. Л., 1928.

inslav

пы проходит текст от первого чернового наброска до печатного издания, какие бывают типы изданий, в чем заключается комментирование текста.

В этих книгах, помимо общих сведений, уже имевшихся у его предшественников, содержатся и такие, которые не обсуждались до того в литературе по текстологии.

С именем Рейсера связаны первые попытки изучения палеографии нового времени – «неографии» [2]. Палеографическое исследование, направленное на материалы, орудия и другие внешние атрибуты письма, даже и в применении к новым текстам представляет собой необходимую предпосылку собственно текстологического их изучения. Рейсер – инициатор и пионер палеографических разработок применительно к литературе и письменности нового времени. Будучи убежден в необходимости таких разработок, он осуществлял их преодолевая сопротивление специалистов, не соглашавшихся переключить термин «палеография» применительно к новейшему материалу [3].

Относительно же собственно текстологии Рейсер особенно ценил идею ее принципиального единства, безотносительно и сфере применения (фольклор, древняя и новая литературы) и ее общего значения. Высоко ценя основополагающие труды Д. С. Лихачева, Соломон Абрамович не считал текстологию *самостоятельной* наукой, не сводил ее преимущественно к истории текста. Он выделял в текстологии три задачи: 1) установление текста, 2) организация (кодификация) текстов – определение их объема, состава и композиции в изданиях разных типов, 3) комментирование текстов.

Подобно своим предшественникам, Рейсер настаивал на необходимости гибкого текстологического метода, не поддающегося стандартизации. Текстология для него не была механической работой; никаких готовых рецептов она не имеет, никакая теория, а тем более инструкция не может предусмотреть те неожиданности, которые на каждом шагу встречаются в практике, и существует много вопросов, неразрешимых при данном состоянии источников. Задача состоит не в том, чтобы бесстрастно фиксировать «последний» текст, а в том, чтобы дать текст «осмысленный».

В этом же духе интерпретировал Соломон Абрамович понятие творческой «воли» писателя, которое, не будучи юридическим, не может применяться автоматически, без учета всех обстоятельств и интересов нынешнего читателя.

Вдумчивый, нестандартный подход был свойствен Соломону Абрамовичу и относительно проблемы типов издания. Состав, композиция издания, границы комментирования текстов не могут, по его мнению, быть неизменными, зависят от специфики издания, исторической значимости писателя и характера его наследия, хронологической отдаленности его от нашего времени. «Полнота текстов Пушкина – это одно,– писал ученый,– полнота издания, скажем, Островского – нечто иное, а, например, Левитова – третье». («Палеография и текстология нового времени», С. 268.) Подчеркивалась необходимость определенного читательского адреса и чистоты типа.

В этих и других суждениях Рейсера особенно привлекает историзм, рассмотрение всех вопросов с ясным представлением о существе и функциях литературы, о реальном бытовании и значении текстов в современном обществе, рассмотрение проблем текстологии в тесной связи с движением литературы, при учете ее направлений, стилей, закономерностей ее развития. Текстология ведь и возникла с развитием индивидуального творчества и наивысшего расцвета достигла в пору реалистического искусства.

Вдумчивые, содержательные и антидогматические книги С. А. Рейсера по текстологии успешно служат и еще долго будут служить одними из главных специальных пособий. Особенно ценно то, что многие содержащиеся в них выводы основываются на богатом личном опыте автора – участника многих эдиционно-текстологических предприятий. Помимо уже названных исследований творчества Чернышевского, Добролюбова, Огарева, Некрасова,– Соломон Абрамович был участником многих других собраний сочинений: Тургенева, Лескова, Мея, составителем и редактором ряда книг академической серии «Литературные памятники».

Много сделал Рейсер для разработки метода атрибуции и датировки текстов, изучения литературных мистификаций. Им дана исчерпывающая информация о нашумевшей в свое время подделке «Светочи»; с 1929 г. Рейсер был ее активным разоблачителем. Смелая, добросовестная позиция Соломона Абрамовича в этом вопросе подверглась заушательским нападкам в печати с грубыми политическими обвинениями [4]. Рейсер – один из авторов учебников «Общая библиография» (1957), «Библиография художественной литературы и литературоведения» (1960), автор «Хрестоматии по русской библиографии с XI в. по 1917 г.» (1956). Широко известны источниковедческие разыскания ученого, в частности, по истории политической лексики, терминов, крылатых выражений и идиом («творческая индивидуальность», «буржуй», «все мы вышли из гоголевской «Шинели»» и др.).

Библиография трудов С. А. Рейсера насчитывает более 300 названий [5]. Научному наследию ученого, по нашему убеждению, суждена долгая жизнь.

А. Л. Гришунин

---

[2] *Рейсер С. А.* Некоторые вопросы палеографии нового времени // ПИ. М., 1962. Т. X. С. 393–437.

[3] *Жуковская Л. П.* Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР). М., 1963. С. 9–11, 134–135.

[4] *Ефремин А. В.* Борьба за Некрасова // Литература и марксизм. 1930. Кн. 2. С. 46–73; *Он же.* Ехидная гримаса // Изв. 1930. 13 янв. С. 3.

[5] См.: Соломон Абрамович Рейсер: (К 80-летию со дня рождения) / Библиогр. указ. Л., 1985.

inslav

НАТАН ЯКОВЛЕВИЧ ЭЙДЕЛЬМАН

(1930—1989)

29 ноября 1989 г. скоропостижно скончался выдающийся историк, археограф, пушкинист, писатель, член Археографической комиссии Натан Яковлевич Эйдельман.

Автор почти двух десятков книг и бесчисленного количества статей, блистательный исследователь, он обладал уникальным даром обращать свою мысль и слово сразу и к специалистам и ко всей читающей стране. Строгая документальность, необычайная эрудиция, доказательность выводов и вместе с тем всегда свежий неожиданный взгляд на изучаемый предмет, неизменное стремление и умение вписать его в широкий контекст исторического времени делали каждую новую книгу Н. Я. Эйдельмана событием в науке. Событиями становились и многие его доклады на научных сессиях, в институтах и музеях, на заседаниях Археографической комиссии. Огромный успех они имели в последние годы в зарубежных университетах.

Было у книг ученого еще одно драгоценное свойство: одна за другой они пробивали какие-то бреши в монолите закосневшего канона раз навсегда принятых формул, и каждая из главных проблем, которым посвящены его труды — декабристы, Пушкин, Герцен, да и вообще история России от Екатерины II до Александра II, не может быть представлена сегодня такой, какой была до них.

В то же время несравненный литературный талант, увлекательность рассказа об исторических событиях, оригинальность сюжетной конструкции любой из этих книг делали их любимым чтением миллионов людей, незаметно, но настойчиво служившим очищению общественного сознания от влияния лжи и серости официозной науки.

Н. Я. Эйдельман родился в Москве 18 апреля 1930 г. в семье журналиста и учительницы. Окончив в 1952 г. исторический факультет Московского университета, он шесть лет был учителем истории в средней школе, а потом работал в Московском областном музее в Истре. Научным руководителем его в университете был А. Л. Сидоров, которому он считал себя во многом обязанным, и дипломная работа была посвящена русской экономике кануна первой мировой войны. Однако жизнь повернула интересы молодого историка в другую сторону. Подлинными своими учителями на этом новом поприще он всегда считал П. А. Зайончковского в истории и Ю. Г. Оксмана в истории литературы. Именно П. А. Зайончковский, которому Н. Я. Эйдельман рассказал о неизвестных материалах, связанных с Герценом и обнаруженных им в музее, обратил его внимание на далеко еще не изученную историю герценовской Вольной печати. В 1963 г. вышла в свет первая из книг Н. Я. Эйдельмана, посвященных Герцену и его времени, «Герценовский „Колокол"». За ней последовали «Тайные корреспонденты „Полярной звезды"» (1966) и «Герцен против самодержавия. Секретная политическая история России XVIII—XIX вв. и Вольная печать» (1973; второе, дополненное издание — 1984).

Однако работа о «Колоколе» в действительности была не первой. Первой книгой (ее удалось напечатать лишь через несколько лет после создания и под псевдонимом «Н. Натанов») было «Путешествие в страну летописей» (1965). В ней

inslav

проявилась удивительная способность автора приобщать к историческому знанию и увлекать процессом познания неподготовленного и даже юного читателя. Это рассказ о древнерусских летописях, их поисках, о расшифровке и исследовании древних исторических сказаний и о замечательных людях, посвятивших этому свою жизнь. Другой книгой, адресованной такому же широкому читателю была «Ищу предка» (1967–1970); она вводила в историю антропологических открытий, в современные взгляды и научные споры о происхождении человека.

Начиная с замечательной книги «Лунин» (1970), последние 20 лет историк неутомимо исследует то время, которое стало для нас точкой отсчета в развитии русского свободомыслия и освободительного движения – конец XVIII и первую половину XIX в. С разных сторон, все расширяя круг тем и диапазон анализа, он изучает мир, в котором жили, мыслили, действовали лучшие люди того времени. Декабристы («Лунин», «Апостол Сергей. Повесть о Сергее Муравьеве-Апостоле» – 1975 и 1980, «Вьеварум» – 1975, «Большой Жанно. Повесть об Иване Пущине» – 1982, «Обреченный отряд» – 1987, «Раевский» – 1990), Пушкин («Пушкин и декабристы. Из истории взаимоотношений» – 1979, «Прекрасен наш союз» – 1979, «Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта» – 1984, «Из биографии и творчества. 1826–1837» – 1987), Карамзин («Последний летописец» – 1983), Грибоедов, Герцен населяют этот мир, удивительным образом приближенный ученым к современному читателю. И чем дальше, тем явственнее проступают во всем обдуманном им и высказанном в своих книгах и статьях (в то время, когда, казалось бы, и обсуждать такое было невозможно) несколько сквозных тем, особенно важных для пробуждения и возрождения общественного сознания – власть и общество, революции и реформы, связь прошедшего с будущим, человек в истории, исторические судьбы России. Важной вехой в осмыслении этих судеб стали последние вышедшие при жизни писателя книги «Мгновенье славы настает» (революция 1789 г. и ее уроки в России XIX–XX вв.– 1989) и «„Революция сверху" в России» – 1989) – итог его многолетних размышлений о закономерностях, определивших собой драматический опыт прогрессивных преобразований в нашей стране.

Особое место в творчестве Н. Я. Эйдельмана занимало разыскание, изучение и публикация источников по отечественной истории. Почти каждая его книга вводила в науку целый пласт новых прежде неизвестных или не замеченных и не оцененных документов. Неутомимый архивный искатель, он любил говорить: «Случай ненадежен, но щедр». С непостижимой быстротой ученый ориентировался в самых запутанных архивных дебрях, не только находя и обнародуя документы о своих героях, выдающихся деятелях прошлого, их сочинения и письма, но и заставляя звучать на страницах своих книг голоса неприметных их современников, доносящие до читателя неповторимый колорит эпохи. Трудно переоценить то, что сделали эти книги для осознания значения личных архивов «простых людей», введения их в научный и общественный обиход.

Всему пути Н. Я. Эйдельмана сопутствовало и непосредственное участие в публикации документального наследия. В той или иной форме он был причастен ко всем научным начинаниям такого рода, связанным с кругом его исследовательских интересов. Более 20 лет он являлся основным комментатором и автором многих вступительных статей к факсимильным изданиям продукции Вольной печати Герцена и Огарева («Полярная звезда», «Исторические сборники Вольной русской типографии», «Голоса из России», «О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева»).

Скоро выйдет в свет четырехтомное факсимильное издание нескольких мемуарных произведений, напечатанных в Вольной русской типографии – Записок Екатерины II, Е. Р. Дашковой, И. М. Лопухина. В последнем из томов впервые в нашей стране публикуются по подлинникам полученные из Лондона усилиями Н. Я. Эйдельмана письма Екатерины II к Дашковой, помещено большое исследование его об этой мемуарной серии и обширный комментарий.

Каждое направление исследований Н. Я. Эйдельмана обогащало науку введением новых источников. Для его пушкинских штудий это были публикации десяти автографов Пушкина из собрания П. И. Миллера, неизвестной редакции воспоминаний П. В. Нащокина, долгие годы считавшейся утраченной, документы, связанные с дуэлью и смертью Пушкина, и многое другое. Многолетние исследования жизни и писаний декабриста М. С. Лунина увенчались двумя изданиями его наследия и прежде всего – «академическим», осуществленным в 1987 г. совместно с И. А. Желваковой в серии «Литературные памятники». В этом издании впервые полностью увидели свет все редакции знаменитых «Писем из Сибири» и расшифрована, наконец, загадочная «Записная книжка» декабриста. Другое издание Лунина, рассчитанное на более широкого читателя (серия «Полярная звезда». Иркутск, 1988), было обогащено целым комплексом документов о декабристе из сибирских архивов («Лунин в Сибири. Документы надзора, следствия, суда»).

Н. Я. Эйдельман был одним из инициаторов создания и многолетним членом редколлегии документальной серии «Полярная звезда», основанной в конце 70-х годов в Иркутске. Его деятельное участие в ней во многом определило научный и археографический уровень вышедших за десять лет 16 томов сочинений, писем, документов декабристов.

Жизнь ученого оборвалась на взлете его научного и литературного творчества. Из недавней поездки в Соединенные штаты он привез огромный, совершенно не-

inslav

известный советскому читателю материал по отечественной истории, собранный в результате месяцев напряженной работы в американских архивах. Об этом он успел сделать лишь несколько сообщений в различных аудиториях. Публикации же не суждено было состояться.

В Н. Я. Эйдельмане всегда, даже в самых неблагоприятных условиях, жил яркий политический мыслитель. За близость к кружку мыслящей университетской молодежи, разгромленному властями в 1957 г., он поплатился потерей работы и невозможностью на ряд лет заниматься исследованиями и печататься. Его страстный общественный темперамент и впоследствии окрашивал всю его деятельность, искал выхода в спорах о настоящем и будущем страны, в обращении к широкой аудитории. Став известным писателем, Н. Я. Эйдельман в публичных лекциях не уставал пробуждать мысль, разрушать стереотипы, разоблачать фальсификацию отечественной истории.

В острых общественных спорах, ставших возможными в наше время, он выступил как последовательный борец с авторитарным сознанием, за гласность, за правду о прошлом. Организованный им в Центральном доме литераторов исторический семинар стал местом свободного обсуждения самых жгучих проблем и современности и закономерностей развития русского общества и государства. Н. Я. Эйдельман был одним из деятельных членов писательского объединения «Апрель».

О нем как ученом, писателе, общественном деятеле можно сказать словами любимого им Герцена: «Везде, во всем, всегда быть со стороны воли – против насилия, со стороны разума – против предрассудков, со стороны науки – против изуверства».

А. И. Володин,
С. В. Житомирская, Н. Н. Покровский

В «Археографическом ежегоднике за 1988 год» на с. 30 (16 строка сверху) следует читать XV в.; на с. 98 (2 строка снизу) – Т. I. Р. 1–62; на с. 116 (левый столбец, 9 строка сверху) – Ядринцев; на с. 130 (14 строка сверху) – 1917–1987; на с. 261 (9 строка снизу) – 1254 ед.хр.

inslav

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	– Архив Академии наук СССР
АД	– «Архивное дело»
АЕ	– «Археографический ежегодник»
АИ	– «Археология и история»
АК	– Археографическая комиссия
АМГ	– «Акты московского государства»
АСЭИ	– «Акты социально-экономической истории Северо – Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.»
АФЗХ	– «Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков»
АЮ	– «Акты юридические, или формы старинного делопроизводства»
АЮБ	– «Акты, относящиеся до юридического быта древней России»
БАН	– Библиотека Академии наук СССР
БИОН	– Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР
ВА	– «Вопросы архивоведения»
ВАИ	– «Вестник археологии и истории»
ВАН	– «Вестник Академии наук»
ВВ	– «Византийский временник»
ВДИ	– «Вестник древней истории»
ВИ	– «Вопросы истории»
ВИД	– «Вспомогательные исторические дисциплины»
ВИЕТ	– «Вопросы истории естествознания и техники»
ВИ КПСС	– «Вопросы истории КПСС»
ВНИИДАД	– Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
ВНИИИ	– Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания Министерства культуры СССР
ВОКМ	– Вологодский областной краеведческий музей
ВООПИК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ВУА	– Военно-ученый архив
ГА	– Государственный архив
ГАВО	– Государственный архив Вологодской области
ГАКО	– Государственный архив Калининской области
ГАФ СССР (УССР)	– Главный архивный фонд СССР (УССР)
ГБЛ	– Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
ГГУ	– Горьковский государственный университет
ГИМ	Государственный исторический музей
Главархив СССР РСФСР, УССР)	– Главное архивное управление при Совете министров СССР (РСФСР, УССР).
ГЛМ	– Государственный литературный музей
ГПБ	– Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ГПИБ	– Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
ГПНТБ СО АН	– Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
ГСК	– Губернская статистическая комиссия
ГУАК	– Губернская ученая архивная комиссия
ЕАИ	– «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы»
ЗОР ГБЛ	– «Записки отдела рукописей ГБЛ»
ИАН	– «Известия Академии наук»
ИАН СССР	– «Известия Академии наук СССР»
ИВ	– «Исторический вестник»
ИВАН	– Институт востоковедения АН СССР
ИЗ	– «Исторические записки»
ИИ СССР	– Институт истории СССР АН СССР
ИИФФ СО АН	– Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИИЯЛ БНЦ	– Институт истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР
ИИЯЛ ДФАН	– Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
ИКП	– Институт Красной профессуры
ИМЛ	– Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ИМЛИ	– Институт мировой литературы АН СССР

inslav

ИРАН ГССР – Институт рукописей АН ГССР
ИРЛИ – Институт русской литературы АН СССР
ИЯЛИ КФАН – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
КА – «Красный архив»
ЛГАЛИ – Ленинградский государственный архив литературы и искусства
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
ЛЗАК – «Летопись занятий Археографической комиссии»
ЛО ААН – Ленинградское отделение Архива АН СССР
ЛО ИВАН – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
ЛОИИ – Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
МАМЮ – Московский архив Министрства юстиции
МАО – Московское археологическое общество
МВТУ – Московское высшее техническое училище
МГАМИД – Московский главный архив МИД
МГИАИ – Московский государственный историко-архивный институт
МГУ – Московский государственный университет
НБ ТГУ – Научная библиотека Тартуского государственного университета
НГУ – Новосибирский государственный университет
ОГУ – Одесский государственный университет
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР ГБЛ – Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
ОР ГПБ – Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
ПАО – Псковское археологическое общество
ПГПИ – Пермский государственный педагогический институт
ПГУ – Пермский государственный университет
ПИ – «Проблемы источниковедения»
ПОКМ – Пермский областной краеведческий музей
ПР – «Пролетарская революция»
ПСЗ – «Полное собрание законов Российской империи»
ПСРЛ – «Полное собрание русских летописей»
РА – «Русский архив»
РБС – «Русский биографический словарь»
РИБ – «Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией»
РИЖ – «Русский исторический журнал»
РИО – Русское историческое общество
РС – «Русская старина»
СА – «Советские архивы»
СГГД – «Собрание государственных грамот и договоров»
СГУ – Сыктывкарский государственный университет
СИБАЛ – Международный центр информации об источниках по истории Балкан и Средиземноморья
СИЭ – «Советская историческая энциклопедия»
СО АН – Сибирское отделение Академии наук СССР
ТААН – «Труды Архива Академии наук СССР»
ТВНИИДАД – «Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела»
ТГИМ – «Труды Государственного исторического музея»
ТГУ – Тартуский государственный университет
ТЛОИИ – «Труды Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР»
ТМГИАИ – «Труды Московского государственного историко-архивного института»
ТОДРЛ – «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР»
ТомГУ – Томский государственный университет
УГУ – Уральский государственный университет
ЦГАДА – Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЗ – Центральный государственный архив звукозаписей СССР
ЦГАЛИ СССР – Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАОР – Центральный государственный архив Октябрьской революции, высшей государственной власти и органов управления СССР
ЦГАОР г. Москвы – Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы
ЦГВИА СССР – Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА СССР – Центральный государственный исторический архив СССР
ЦГИА г. Ленинграда – Центральный государственный исторический архив г. Ленинграда
ЦГИА г. Москвы – Центральный государственный исторический архив г. Москвы
ЦДК – Центральный дом кинематографистов

inslav

ЦДЛ – Центральный дом литераторов
ЦДРИ – Центральный дом работников искусств
ЦКП ВМФ – Центральное картографическое производство Военно-морского флота СССР
ЦМКА – Центральный музей Красной Армии
ЦПА ИМЛ – Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
ЧОИДР – «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете»
ЯГУ – Ярославский государственный университет
AČ – «Archivni časopis»
SA – «Slovenská archivistika»
CSAV – Чехословацкая Академия наук

БИБЛИОТЕКА
ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИН-ТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

И. Р. Гринина, С. С. Илизаров. 40 лет археографической серии «Научное наследство» 3

С. В. Чирков. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX в. 19

В. Ю. Афиани. Становление журнальной археографии в России в первой трети XIX в. 28

Г. И. Королев. Иностранные интерпретации статуса теории и методики издания исторических источников 38

С. М. Каштанов. К вопросу о типологии фальсификаций источников эпохи средневековья (часть вторая) 50

* * *

Г. В. Семенченко. О хронологии актов Северо – Восточной Руси XV в. 55

В. С. Кусов. О составлении каталога русских географических чертежей XVI–XVII вв. 65

В. Н. Середа (Калинин). К истории создания топографического описания Тверского наместничества в 70–80-х годах XVIII в. 72

И. И. Комарова. Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России 80

К. А. Мазин. Из истории отечественной архивоведческой мысли второй половины XIX в. (Проект архивной реформы И. Е. Андреевского) 88

М. В. Москалев. О проекте создания Государственного Совета по охране памятников старины и художественных сокровищ (1917–1918 гг.) 94

В. Ю. Коровайников. Группы содействия Истпарту ЦК ВКП(б) . . . 97

С. В. Кожин. Комплектование документального фонда Центрального музея Вооруженных Сил СССР материалами по истории Великой Отечественной войны 99

А. Н. Артизов. Борис Николаевич Тихомиров (1898–1939). Материалы о жизни и деятельности 110

Список трудов Б. Н. Тихомирова 123

А. Б. Закс. Н. Л. Рубинштейн – во главе научной работы Государственного исторического музея (1943–1949 гг.) (По материалам НВА ГИМ и личным воспоминаниям) 124

Е. М. Добрушкин. Научное наследие С. Н. Валка в преподавании археографии 134

Г. Г. Аласания (Тбилиси). Археографическая деятельность Т. П. Енукидзе 145

Л. К. Бажанова, Н. Ф. Демидова. К 90-летию со дня рождения Екатерины Николаевны Кушевой 150

А. В. Санцевич (Киев). Ф. П. Шевченко – археограф и архивист (К 75-летию со дня рождения) 154

С. М. Фалькович. Археография и архивное дело в творчестве В. А. Дьякова (К 70-летию со дня рождения) 158

И. Д. Ковальченко, В. Ф. Кутьев. Б. Г. Литвак – архивист, археограф, источниковед (К 70-летию со дня рождения) 163

В. Д. Чернышов (Калинин) М. А. Ильин – архивист и краевед (К 70-летию со дня рождения) 166

Г. А. Федоров-Давыдов. К шестидесятилетию В. Л. Янина 168

Тихомировские чтения 1989 г.

М. П. Мироненко. Хроника заседания 172

II. Обзоры, описания, библиография

Н. П. Воробьева (Тарту). Об эпистолярных коллекциях Научной библиотеки Тартуского государственного университета 176

Н. В. Кирющенко (Ленинград). Обзор материалов по истории Великой французской революции и международных отношений последнего десятилетия XVIII в. в архиве Воронцовых 178

inslav

Л. Ф. Писарькова. Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности 187
Л. И. Шохин. О подготовке серийного документального издания «Сборник Московского архива Министерства юстиции» 199
С. В. Журавлев. Документы об участии Историко-археографического института АН СССР в создании «Истории фабрик и заводов» (1931–1933 гг.) 213
П. А. Плютто. Дневник профессора И. А. Шляпкина 216
А. Н. Мельник (Рязань). Творческие материалы личного фонда Р. А. Орбели 222
И. Л. Жучкова. Новые материалы к биографии историка А. А. Покровского (По документам ЦГАДА) 230
Г. М. Коваленко (Новгород). Фонд Г. А. Замятина в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина 234
Т. И. Лысенко (Ленинград). Материалы И. И. Любименко по вопросам архивоведения 236
А. В. Шарова. Из эпистолярного наследия академика Е. А. Косминского 239
А. В. Дулов (Иркутск). Обзор личного фонда В. И. Дулова 249
Г. И. Довгало. Документы личного архива Е. Н. Ошаниной 253
С. А. Коива (Гурьевск). Обзор фонда Н. В. Тимофеева-Ресовского . . . 256
В. Ю. Афиани. Документальные сокровища Эрмитажа 265
С. О. Шмидт. Обзор изданий статистических комитетов 267
Список печатных трудов А. Б. Закс (К 90-летию со дня рождения) (*сост.* Д. А. Равикович) 268
Список печатных трудов Б. Г. Литвака (*сост.* Л. И. Шохин) 271

III. Публикации

Родословная роспись дворян Палицыных (*подг.* С. П. Мордовина, А. Л. Станиславский) 276
Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э. Ю. Нольде (*подг.* Р. Ш. Ганелин (Ленинград)) 291
Записка М. Н. Тихомирова 1956 г. о составлении «Московского Некрополя» (*подг.* С. О. Шмидт) 305
Записка В. Д. Дувакина «О моей работе на кафедре научной информации МГУ» (*подг.* В. Ф. Тейдер) 306

IV. Хроника

М. П. Мироненко. Деятельность Археографической комиссии в 1989 г. . 314
Новые издания Археографической комиссии 321
В отделениях Археографической комиссии 321
В. А. Черных. Археографические экспедиции 1989 г. 322
Н. А. Охотина, А. А. Турилов. Совещание «Вопросы описания орнаментальных украшений в славяно-русских рукописях XIII–XV вв.» . . 324
Л. Н. Простоволосова. 50-летие кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ 328
О. А. Князевская. Новая публикация славянской рукописи из ГИМ: Норовская псалтырь – среднеболгарская рукопись XIV в. 329
С. О. Шмидт. Михаил Тимофеевич Белявский (1913–1989) 330
А. Л. Гришунин. Соломон Абрамович Рейсер (1905–1989) 333
А. И. Володин, С. В. Житомирская, Н. Н. Покровский. Натан Яковлевич Эйдельман (1930–1989) 335
Список сокращений 338

inslav

Научное издание

Археографический ежегодник за 1989 год

Утверждено к печати Отделением истории АН СССР

Редактор издательства Ю. Г. Гордина
Художественный редактор М. Л. Храмцов
Технические редакторы Л. И. Куприянова, Н. Н. Плохова
Корректоры Л. И. Левашова, Е. Л. Сысоева

ИБ № 46058

Сдано в набор 13.02.90
Подписано к печати 17.07.90
А-08497 Формат 70×108 1/16
Бумага кн.-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 30,1. Усл. кр., отт. 30,1 Уч.-изд. 34,4.
Тираж 1370 экз. Тип. зак. 4345
Цена 7 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485.
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

inslav

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«НАУКА»
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Тарновский К. Н.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ НАЧАЛА XX В.: ОЧЕРКИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.

20 л.

Монография К. Н. Тарновского, публикуемая посмертно, посвящена крайне важной для сегодняшней исторической науки проблеме: многоукладности российской экономики и социального строя накануне Октября. Автор подводит итоги изучения социально-экономической истории России периода империализма к середине 1950-х годов и рассматривает два основных направления в историографии этой проблемы: исследование российского монополистического капитализма и аграрного строя России.

inslav

inslav

7 р. 50 к.

1989

inslav